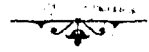
ЕДИНОВѢРІЕ

ВЪ СВОЕМЪ ВНУТРЕННЕМЪ РАЗВИТІИ.

(Въ разъясненіе его малораспространенности среди старообрядцевъ).



Свящ. Симеонъ Шлеевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сѵнодальная Типографія.
1910.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать разрѣшается. С.-Петербургъ. 14 Іюня 1910 г.

Цензоръ Архимандритъ *Василій*.

ОТЪ АВТОРА.

Сочиненіе распадается на главы, притомъ не равнаго объема. Изъ 361 страницъ VII глава занимаетъ 131 страницу. Такое распредѣленіе явилось по слѣдующимъ причинамъ. О малораспространенности Единовѣрія узнаемъ изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода. Они группируются по царствованіямъ Государей. Мы задались выясненіемъ обстоятельствъ этой малой распространенности. Чтобы освѣтить ту или иную ея картину, какую рисуютъ та или другая группа всеподданнѣйшихъ отчетовъ, намъ волей-неволей и за внутреннимъ развитіемъ Единовѣрія приходилось слѣдить *по царствованіямъ*, дѣлить сочиненіе на главы. Потомъ, въ первые годы каждаго царствованія единовѣрцы обращались съ новыми ходатайствами. Слѣдовательно, въ началѣ каждаго царствованія замѣчается нѣкоторое отклоненіе отъ прежняго состоянія выясненія идеи «Соединенства». Правда, эти ходатайства по большей части кончались ничѣмъ, но фактъ нѣкотораго отклоненія, хотя бы въ видѣ колѣнія маятника пускаемыхъ, но плохо идущихъ часовъ, былъ на лицо.

Что касается неравномѣрности главъ, особенно VII-й—то, вотъ что считаемъ нужнымъ сказать. Свѣдѣнія объ Единовѣріи «въ наши дни» (VII глава) даются впервые, притомъ по первоисточникамъ. Чрезъ руки автора прошли всѣ подлинныя «прошенія» единовѣрцевъ послѣдняго времени. У него имѣются также и нотаріальныя копіи 120 единов. приговоровъ на ходатайство епископа. Наконецъ, въ VII главѣ *въ особенности* (въ предшествующихъ главахъ это тоже есть), разбираются самыя позднѣйшія печатныя работы (1908 и 1910 гг.), хотя мелкія, по тѣмъ или другимъ частичнымъ вопросамъ, о коихъ трактуетъ названная глава; а это, конечно, весьма удлинило содержаніе главы.

г. С.-Петербургъ. 1910 г. 3 Іюня.

Введеніе.

Единовѣріе, какъ простое понятіе, есть соединеніе въ вѣрѣ кого-либо съ кѣмъ-либо. Въ Россіи оно есть совокупность приходовъ русской церкви, единыхъ съ ней по вѣрѣ, но разнствующихъ отъ нея въ обрядѣ. Единовѣрцы съ разрѣшенія Св. Синода совершаютъ богослуженіе по старопечатнымъ, т е, до п. Никона изданнымъ книгамъ и за тѣмъ на соборѣ 1667 года запрещеннымъ. Единовѣріе, такимъ образомъ,—отдѣлъ старообрядства, допущенный на основаніи единства въ вѣрѣ въ общеніе съ Россійскою церковью.

Потребность въ изслѣдованіяхъ объ Единовѣріи, объ его внутреннемъ развитіи не нуждается въ длинномъ оправданіи ни предъ образованными читателями, ни тѣмъ болѣе предъ учеными спеціалистами.

Въ вопросѣ объ Единовѣріи господствуетъ такая спутанность понятій, что человѣку непосвященному въ эту область знаній, трудно и разобраться Разномысліе въ воззрѣніяхъ на Единовѣріе свойственно не только свѣтски-правительственнымъ, но и многимъ духовнымъ лицамъ. Первые вобще очень мало понимаютъ во всемъ дѣлѣ Единовѣрія, вторые-же смотрятъ на Единовѣріе очень двусмысленно, видя въ немъ въ крайнемъ случаѣ неравное Православію *).

Спутанность понятій объ Единовѣріи произошла между прочимъ и отъ мало разработанности этого предмета въ литературѣ. Вопросъ объ Единовѣріи, при всей своей жизненности, до сихъ поръ еще не обслѣдованъ должнымъ образомъ. Литературѣ, много толкующей о старообрядчествѣ вообще, какъ будто нѣтъ и дѣла до тѣхъ старообрядцевъ, которые вступаютъ въ ограду православной Церкви. На протяженіи сотни лѣтъ написано только нѣсколько статей объ Единовѣріи. Это—скудныя „свѣдѣнія объ Единовѣрческихъ церквахъ“, изданныя В. Сапелкинымъ въ 1863 г.; случайныя записки объ обращеніи раскольниковъ въ Единовѣріе, встрѣчаемыя въ Исторіи Ми-

нистерства Внутреннихъ дѣлъ" кн. 8. Варадинова; изданная прот. Т. А. Верховскимъ брошюра: „Исканіе старообрядцами къ 18-мъ вѣкѣ законнаго архіерейства" (1868 г.); „Согласные и несогласные въ Черниговскихъ посадахъ въ концѣ 18-го вѣка" свщ. Н. И. Верховскаго; „Стародубье"—записки прот. Т. А. Верховскаго; „Историческій очеркъ Единовѣрія" М. С.; „Рѣчи" въ С.П.Б. отдѣлѣ общества любителей духовнаго просвѣщенія „О нуждахъ Единовѣрія"; Дѣятельность Московскаго Митрополита Филарета по отношенію къ расколу" Васильева; краткіе очерки „Единовѣрія за время столѣтняго существованія его въ русской церкви" М. Чельцова и пишущаго эти строки свящ. С. Шлеева. Въ 1904 г. появился „Очеркъ по исторіи и статистикѣ Единовѣрія съ обзоромъ существующихъ о немъ мнѣній и приложеніями." Авторъ его (Е. Е. Лебедевъ) затрагиваетъ существенные вопросы внутренней жизни Единовѣрія и ставитъ задачи для изслѣдователя его исторіи.

Кромѣ указанныхъ изданій, свѣдѣнія объ Единовѣріи существуютъ еще у церковныхъ и свѣтскихъ историковъ въ ихъ „церковныхъ и гражданскихъ исторіяхъ". Но они не исчерпываютъ фактической стороны дѣла и не удовлетворяютъ требованіямъ стороны теоретической. Отъ общихъ бѣглыхъ очерковъ и церковно-историческихъ курсовъ нельзя и требовать удовлетворенія той и другой сторонѣ.

Напрасно искать рѣшенія вопроса о внутреннемъ развитіи Единовѣрія и въ учебникахъ по исторіи и обличенію раскола старообрядства. Въ нихъ, за исключеніемъ одного-двухъ, трактуется больше внѣшняя исторія условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью. Притомъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, исторія Единовѣрія начинается съ 1800 года, Между тѣмъ, хотя исторія примиреннаго старообрядства въ формальномъ смыслѣ начинается съ 1800 года, но соединенское движеніе, приведшее старообрядцевъ къ церкви, началось гораздо раньше 27 октября 1800 г. Ему предшествовалъ періодъ болѣе, чѣмъ въ сто лѣтъ. Утвержденныя въ 1800 году правила Единовѣрія, объединяя примиренцевъ-старообрядцевъ въ одно цѣлое съ опредѣленнымъ названіемъ, въ свое содержаніе привнесли не много новаго, сравнительно съ прежними разнообразными условіями присоединявшихся старообрядцевъ.

Устройство приходовъ, совокупность коихъ именуется Единовѣріемъ, повидимому, должно-бы быть очень распространеннымъ среди старообрядцевъ. При указанномъ условномъ единеніи съ церковью старообрядцы получаютъ все, что нужно, „къ животу и благочестію". Имѣя у себя законное священство и полноту таинствъ, они не теряютъ въ тоже время и своихъ излюбленныхъ обрядовъ, съ ко-

торыми привыкли молиться и угождать Богу. А между тѣмъ Единовѣрцы, не смотря на то, что пользуются такими правами, въ дѣйствительности не такъ многочисленны, какъ бы слѣдовало ожидать. Единовѣріе, не смотря на великую свою идею, какъ ни странно, не пользуется среди старообрядцевъ симпатіями. Съ 1837 года въ отчетахъ Оберъ Прокурора Св. Синода имѣемъ болѣе или менѣе точныя упоминанія о присоединившихся къ Единовѣрію. Разсматривая ихъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго перевѣса присоединяющихся прямо къ Православію, чѣмъ къ Единовѣрію. Правда, въ цифрахъ присоединяющихся къ Православной церкви значатся на ряду съ старообрядцами и сектанты, но если треть изъ количества обращеній отнесемъ на счетъ обращеній изъ сектъ, то и тогда обращеній прямо къ Великороссійской церкви будетъ почти вдвое болѣе, сравнительно съ обращеніями къ Единовѣрію.

Не безъинтересенъ выводъ изъ таблицъ относительно сравнительныхъ обращеній къ Условному Соединенству и къ Православной церкви. За приведенные годы въ царствованіе Николая I-го обращеній къ Православной церкви—111688 при 6205 въ среднемъ для каждаго года и къ Единовѣрію—114116 при 6.339 для каждаго года. При Александрѣ 2-мъ къ Православію—48185 при 2294 въ среднемъ въ годъ и къ Условному Соединенству—45626 при 2172 въ годъ. При Александрѣ 3-мъ къ Обще-Православію—81318 при 5421 и къ Единовѣрію—28378 при 1892 въ годъ. Какъ видимъ, въ царствованіе Николая Павловича обращеніе къ Единовѣрію, несмотря на строгія мѣры, всетаки чуть-чуть превосходило обращеніе къ Православію. При Александрѣ 2-мъ почти одинаково, хотя съ перевѣсомъ въ сторону обращенія прямо къ Православной церкви. Что касается послѣдняго царствованія, то первыхъ обращеній было несравненно больше вторыхъ. Выводъ получается ясенъ. Единовѣріе среди старообрядцевъ не находитъ особеннаго вниманія преимущественно предъ Православной великороссійскою церковью.

Малосочувствіе къ Единовѣрію вызывается неправильнымъ пониманіемъ Единовѣрія какъ у единовѣрцевъ, такъ и у православныхъ.

Неправильныя понятія о цѣли Единовѣрія у православныхъ были въ виду постояннаго стремленія къ обрядовому единообразію.

У единовѣрцевъ они являлись по случаю строгаго отношенія къ старымъ обрядамъ, подъ вліяніемъ раздорническихъ толковъ о неканоничности Единовѣрія, о его противорѣчивости соборнымъ клятвамъ и порицаніямъ, о неискренности церковной власти въ дѣлѣ условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью. Раздорническіе кривотолки были настолько сильны, что заставляли церковную власть рѣшать вопросы Единовѣрія просто изъ практическихъ соображеній.

I ГЛАВА.

Начало условнаго возсоединенія старообрядцевъ съ Церковью.

Первую мысль объ Единовѣріи обыкновенно приписывали Стародубскому иноку Никодиму, утверждая, что онъ, благодаря своимъ поискамъ за древлеправославнымъ епископствомъ, прежде всѣхъ возбудилъ вопросъ о возможности принятія старообрядцевъ въ Церковь съ сохраненіемъ употребляемыхъ ими обрядовъ. Инокъ Никодимъ былъ, безъ сомнѣнія, первый дѣятель, искавшій осуществленія идеи Единовѣрія; но самая мысль объ Единовѣріи возникла гораздо раньше.

Первый человѣкъ, въ головѣ котораго зародилась мысль объ условномъ единеніи старообрядцевъ съ Церковью, былъ патріархъ Никонъ. Ревностный поборникъ обрядоваго единообразія дозволялъ первому и главному вождю появившагося тогда церковнаго раздора—старцу Григорію Неронову—совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ[1]) и требникамъ [2]). Патріархъ Никонъ, послѣ того какъ Нероновъ покорился церковной власти и возсоединился съ Церковью, готовъ былъ дѣлать ему всякое снисхожденіе [3]). Онъ, желая привлечь Неронова въ ограду Церкви, благословлялъ сугубить аллилуіа даже въ Успенскомъ соборѣ, при своемъ тамъ присутствіи, до самаго отъѣзда старца изъ Москвы [4]).

Такимъ дозволеніемъ и при такихъ условіяхъ п. Никонъ, очевидно, показывалъ возможность единенія старообрядцевъ съ Православной Церковью на любезныхъ имъ обрядахъ. Эту возможность, онъ считалъ вполнѣ осуществимой. Послѣ собранія съ Востока и изъ русскихъ монастырей рукописей и древнихъ книгъ и книжнаго исправленія п. Никонъ, по отреченіи патріашества, издалъ часословы, гдѣ извѣстныя спорныя мѣста Символа Вѣры напечатаны по старообрядчески: „и во единаго Господа Іисуса Христа... рожденна, а не сотворенна... его же царствію нѣсть конца. И въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго“ [5]). Въ этихъ часословахъ, печатанныхъ въ Иверскомъ монастырѣ, 1658 году [6]), положено также и сугубить аллилуіа [7]).

Итакъ, еще при началѣ раздора, зародилась мысль объ условномъ единеніи старообрядцевъ съ православной Церковью. На первыхъ порахъ появленія раздора Архипастыри православія уже подвергали разсмотрѣнію вопросъ о принятіи старообрядцевъ въ православную церковь, съ дозволеніемъ содержать употребляемые ими обряды. И присоединеніе Неронова къ православной Церкви съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ особыхъ обрядовъ и служеніемъ по старопечатнымъ книгамъ, какъ мы узнаемъ, было не единственнымъ явленіемъ во 2-й половинѣ XVII столѣтія.

Изъ житія Суздальскаго митрополита Иларіона [8]) видно, что во 2-й половинѣ XVII вѣка были нѣкоторые изъ православныхъ, которые, хотя съ недовѣріемъ встрѣтили новоисправленныя книги, напечатанныя при Никонѣ, но вскорѣ начали смотрѣть и на новыя и на старопечатныя книги одинаково и совершать церковныя службы какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ.

Изъ документовъ, сохранившихся въ Астраханской духовной консисторіи, видно, что Терскіе казаки почти до половины XVIII вѣка пребывали въ единеніи съ православной Церковью и подчиненіи Астраханскому епископу, держась въ то же время вмѣстѣ со своими священниками не только частно, но и церковно старыхъ обрядовъ по старопечатнымъ книгамъ [9]).

Съ мыслью о примиреніи старообрядцевъ съ Церковью на старопечатныхъ книгахъ встрѣчаются, далѣе, въ самомъ началѣ XVIII столѣтія. Встрѣчаютъ ее у іеросхимонаха Іоанна въ отвѣтѣ его старообрядцу Филарету. На вопросъ старообрядца Филарета—можно ли имѣть законно-освященную церковь, въ которой служба отправлялась бы по старопечатнымъ книгамъ, іеросхимонахъ Іоаннъ далъ утвердительный отвѣтъ.

Іеросхимонахъ Исаакій, въ схимѣ Іоаннъ, былъ строителемъ Саровской пустыни. Обращеніе его съ заволжскими старообрядцами [10]) было весьма отраднымъ явленіемъ въ православной полемикѣ за XVII и за половину XVIII столѣтія [11]). Въ его время въ Керженскомъ заволжскомъ скитѣ, въ 1700 году, подъ начальствомъ знаменитаго между керженцами Іова, жили два друга: инокъ Филаретъ и бѣлецъ Иванъ [12]). Въ одну изъ встрѣчъ съ этими старообрядцами Исаакій, приглашаемый перейти къ нимъ для исправленія требъ [13]) очень сильно заинтересовалъ старовѣровъ [14]): послѣдніе больше года ждали его къ себѣ, и, наконецъ, послали письмо [15]). Восторженный пріемъ посланца такъ повліялъ на старообрядцевъ, что, въ концѣ концовъ, они не выдержали длинной разлуки съ Исаакіемъ и лично отправились за „изслѣдованіемъ истины“ [16]). Пѣшкомъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ бѣльцовъ, Филаретъ отправился въ Арзамасъ, гдѣ жилъ

тогда іеросхимонахъ и предложилъ ему вопросы относительно обрядоваго и книжнаго исправленія.

Снисходительное отношеніе іеросхимонаха Іоанна къ особенностямъ церковно-обрядовой практики старообрядцевъ [17]), обращеніе вниманія больше на догматъ необходимости Церкви для спасенія и въ ней благодати хиротоніи [18]), не могло не произвести хорошаго впечатлѣнія на Филарета, привыкшаго съ малолѣтства читать и пѣть при богослуженіи по старымъ книгамъ [19]). Филаретъ въ концѣ бесѣдъ умилился и выразилъ желаніе въ видѣ вопроса: имѣть церковь законно-освященную, въ которой служба отправлялась бы по старопечатнымъ книгамъ [20]). И Исаакій на это отвѣчалъ, что „можно этому быть“, если старообрядцы „обратятся къ св. Церкви съ покаяніемъ и въ познаніе пріидутъ: понеже бо, говорилъ онъ, и въ старопечатныхъ книгахъ, что́ и въ новопечатныхъ, печатано, и нѣсть порочны старыя книги, но паче и похвальны“ [21]). Іеросхимонахъ Іоаннъ обѣщалъ Филарету доложить объ этомъ своему архіерею-митрополиту Рязанскому Стефану [22]).

Описанная здѣсь исторія обращенія инока Филарета и другихъ лицъ служитъ новымъ подтвержденіемъ того, что мысль объ условномъ единеніи старообрядцевъ съ Русской православной Церковью встрѣчалась гораздо раньше его оффиціальнаго осуществленія. Ясно, такимъ образомъ, что Единовѣріе не было изобрѣтеніемъ митрополита Платона, придуманнымъ съ цѣлью завлекать старообрядцевъ въ Церковь, какъ несправедливо увѣряютъ нѣкоторые. Мысль объ Единовѣріи встрѣчается очень рано.

Первоначальное отношеніе духовной и свѣтской власти къ условному возсоединенію старообрядцевъ съ церковью.

Приведенные факты, свидѣтельствуя о давнемъ существованіи того, что послѣ стало извѣстно подъ именемъ Единовѣрія, однако не говорятъ намъ о какихъ либо особыхъ условіяхъ, на которыхъ допускались держащіеся старыхъ обрядовъ въ общеніе съ православною Церковью. При томъ, общеніе носило лишь частный характеръ. Въ единеніе съ Церковью съ сохраненіемъ старыхъ обрядовъ допускались, какъ мы видѣли, только нѣкоторыя лица, напр. І. Нероновъ и подобные ему. Самое допущеніе зависѣло отъ случайныхъ распоряженій тѣхъ или другихъ архипастырей, но не отъ всей русской Церкви. Нероновъ, наприм. пользовался дозволеніемъ ему старыхъ обрядовъ лишь

по особому и личному распоряженію патріарха. То же можно сказать и про другіе приведенные случаи. Возможность ихъ зависѣла отъ точекъ зрѣнія на старый обрядъ отдѣльныхъ личностей изъ архипастырей, а потому сами по себѣ они не имѣли широкихъ практическихъ послѣдствій, да и не могли имѣть.

Строгія мѣры правительства со времени Царевны Софіи противъ раскола (ук. 1685), стремленіе церковной власти объединить членовъ Церкви и въ обрядахъ оставляли очень мало мѣста мысли о совмѣстномъ существованіи въ Церкви обоихъ обрядовъ „стараго“ и „исправленнаго“.

Вотъ, картина тогдашняго отношенія къ тому, что нынѣ извѣстно подъ именемъ Единовѣрія. Въ 1668 году дошло до свѣдѣнія Новгородскаго митрополита Питирима, впослѣдствіи Всероссійскаго патріарха, что нѣкоторые священники Тихвинскаго посада совершали литургію на просфорахъ старой печати. Не иное писалъ по поводу этого бывшій предсѣдатель собора 1666 года, какъ слѣдующее: „Да будетъ Тихвинскаго посада попы скажутъ, что они дѣтей своихъ духовныхъ или иныхъ какихъ чиновъ людей божественныхъ и пречистыхъ таинъ причащали просфорами старой печати крестовъ, а не новой печати крестовъ . . . и по нашему указу тѣхъ поповъ отказать отъ божественной службы „и явиться съ тѣми попы въ нашемъ судномъ приказѣ“ [23]). У кого и была, такимъ образомъ, мысль о возможности совмѣстнаго существованія стараго и новаго обряда въ церкви, то и у того послѣ собора она, очевидно, застращивалась.

Церковная власть конца XVII и начала XVIII вв. держалась на спорныя обрядовыя разности взгляда собора 1667 года. Церковное правительство не только осуждало, отлучало и проклинало упорныхъ противниковъ и хулителей Церкви, но запрещало для большаго единенія вѣрующихъ и самыя обрядовыя разности и старопечатныя дониконовскія книги, не допуская вмѣстѣ съ ними въ единеніе съ Церковью.

Смѣлое увѣреніе п. Іоакима во время преній въ 1682 г. въ Грановитой палатѣ: „мы за крестъ и молитву не мучимъ и не жжемъ, но зато, яко насъ еритиками называете и святѣй Церкви не повинуютесь, сожигаемъ; а креститься кто какъ хочетъ, двѣма персты, или тремя, или всею рукою, сіе все едино, токмо бы знаменіе креста на себѣ вообразитъ: мы о томъ не истязуемъ“, было скорѣе вынужденной обстоятельствами фразой, чѣмъ выраженіемъ дѣйствительнаго воззрѣнія на предметъ, какъ самаго патріарха, такъ и вообще церковной власти того времени. Когда вышесказанное увѣреніе патріарха повторилъ присутствовавшій на преніи нижегородскій епископъ, то со стороны старообрядцевъ было замѣчено: „правду ли глаголеши, яко

за крестное знаменіе и за молитву не мучите?.. И нынѣ у тебѣ въ Н.-Новгородѣ сѣдятъ три человѣка за крестъ и молитву въ ямѣ... По твоему приказу приходилъ къ нимъ попъ Евфимій Мироносицкій и, изведъ ихъ изъ ямы, спрашивалъ: повинуются ли во всемъ Церкви и архіерею. Они же пріемши отъ него благословеніе, отвѣчаша: во всемъ повинуемся, точію увольте намъ крестное знаменіе и молитву по старому имѣть, ты же паки повелѣлъ въ ту же яму бросити" [24]). Что отвѣтъ п. Іоакима не былъ выраженіемъ истиннаго его возврѣнія на старый обрядъ, свидѣтельствуетъ его „Увѣтъ духовный", изданный въ томъ же въ 1682 году. Послѣдній на листахъ 103 и 104 настаивалъ на армянскомъ происхожденіи двуперстнаго сложенія, выражающаго якобы неравенство Св. Троицы.

Послѣ уничтоженія патріаршества взглядъ архипастырей на старопечатныя книги и старые обряды нисколько не измѣнился, но даже сталъ высказываться еще полнѣе и опредѣленнѣе въ принятомъ тогда смыслѣ. Въ отношеніи къ двуперстію замѣчалось еще болѣе строгое и послѣдовательное соблюденіе запрещенія собора 1667 года, которое доселѣ умѣрялось личными возврѣніями іерарховъ великорусовъ, столько же сравнительно внутреннею самостоятельностью русской церкви до уничтоженія патріаршества. При Петрѣ I-мъ въ 1720 году былъ изданъ „чинъ принятія раскольниковъ въ Церковь". По этому чину отъ такого рода людей требовалось произносить слѣдующія клятвы: „проклинаю вся ереси и отступства и злохуленія и крамолы, а именно сложеніе трехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересью и печатью антихристовой нарицающихъ и не знаменующихся тремя первыми перстами, но двѣма указательнымъ и среднимъ и прочихъ учащихъ творите тако" [25]). Въ виду возникавшихъ недоразумѣній при пріемѣ въ Церковь старообрядцевъ на основаніи означенной присяги, Св. Синодъ отъ 28 февраля 1722 года издалъ такое постановленіе (11 пунктъ): „Которые, хотя Церкви и повинуются и вся церковныя таинства пріемлютъ, а крестъ на себѣ изображаютъ двѣма персты, а не трехъ перстнымъ сложеніемъ, тѣхъ, кои съ противнымъ мудрованіемъ и которые хотя по невѣжеству и отъ упорства то творятъ, обоихъ писать въ расколъ, не взирая ни на что" [26]).

Здѣсь, такимъ образомъ, возможность совмѣстнаго существованія въ церкви стараго и новаго обряда положительно уже уничтожалась. Духовныя лица, поставленныя для наблюденія за старообрядцами, писали въ Синодъ: „многіе изъ простыхъ и грубыхъ обращаются къ Церкви и всѣ таинства принимаютъ, только изъ боязни измѣнить обычаю тремя первыми персты не крестятся, а мудрованія въ противномъ сложеніи перстовъ никакого не показуютъ, а другіе всѣ таинства

пріемлютъ, а противное сложеніе (двуперстіе) мнятъ за нѣкій главный свой мнимый догматъ; если тѣхъ и другихъ за одну приверженность къ двуперстію отлучать отъ Церкви какъ раскольниковъ, то придется отлучать ихъ чрезъ то отъ Богомъ преданныхъ спасительныхъ седми церковныхъ таинствъ". Въ постановкѣ вопроса замѣтно желаніе рѣшенія его въ положительномъ смыслѣ, благопріятномъ для старообрядцевъ, желательно было допущеніе стараго обряда и въ Церкви. Однако отвѣтъ былъ отрицательный [27]). Отрицательный отвѣтъ былъ данъ и на вопросъ о томъ же самомъ Тобольскому митрополиту Антонію въ 1724 году.

Иного отвѣта и нельзя было ожидать, если самый лучшій того времени архіерей Ѳеофилактъ Лопатинскій при сравнительной широтѣ и оригинальности своихъ разсужденій объ обрядѣ твердо требовалъ въ своемъ „Обличеніи", напечатанномъ въ 1745 году, непремѣннаго и для старообрядцевъ употребленія троеперстія, какъ формы освященной и узаконенной древнимъ обычаемъ.

Полемическіе памятники того времени представляютъ одну тѣсную группу съ неспокойнымъ и боевымъ настроеніемъ, не знающимъ никакихъ уступокъ въ пользу стараго обряда. Авторы полемико-увѣщательныхъ сочиненій „Розыска о брынской вѣрѣ" (1709) „Духовной Пращицы" (1718) и друг. раскрывали заблужденія старообрядцевъ не только въ ихъ понятіяхъ о Великороссійской церкви, но и въ держаніи ими старыхъ обрядовъ. Самое названіе сочиненій говорило за то, что это не пастырскія увѣщанія, а полицейско-административный сборникъ свѣдѣній о расколѣ. Въ нихъ очень трудно было подмѣтить сердечное слово убѣжденія, согрѣтое христіанскою любовью. Во всѣхъ нихъ старообрядцы-еретики, заслуживающіе одной только анафемы. По всѣмъ этимъ сочиненіямъ старообрядцы изображаются не иначе, какъ невѣжды, съ которыми не стоитъ вести рѣчи, а тѣмъ болѣе дѣлать снисхожденіе, оставляя имъ при вступленіи въ Церковь старые обряды.

Смотря на старообрядцевъ, какъ на упорныхъ еретиковъ, къ тому же и опасныхъ гражданъ, представители церковной власти съ легкимъ сердцемъ ратовали за усиленное истребленіе старообрядцевъ. „Смерть еритиковъ", убѣждалъ Стефанъ Яворскій,—а къ нимъ онъ относилъ и старообрядцевъ,—„единственное врачеваніе и истинное благодѣяніе для нихъ, такъ какъ отнимаетъ у нихъ дальнѣйшими дѣлами заслужить еще большее осужденіе" [28]). Питиримъ, составитель „Пращицы", синодальный миссіонеръ Неофитъ, митрополитъ Арсеній Маціевичъ въ своемъ „Дополненномъ обличеніи"—всѣ настойчиво рекомендовали казнь старообрядцевъ, какъ наиболѣе справедливый видъ отношеній къ еретику и мятежнику.

Рекомендованныя средства, какъ видимъ, прилагались къ дѣлу усердно. Распоряженія по дѣламъ старообрядчества подъ конецъ царствованія Петра I-го отличались, какъ и при Софьѣ Алексѣевнѣ, строгостью [29]). Сенатъ вмѣстѣ съ Синодомъ началъ причислять старообрядческія дѣла къ „злодѣйству“, потомучто „раскольническая прелесть, упрямства наполненная, правовѣрью противна“ [30]). Эту точку зрѣнія проводили и милостивые манифесты, гдѣ оговаривалось, „что обрѣтающимся въ каторжной работѣ раскольникамъ можетъ быть даровано прощеніе лишь при условіи ихъ обращенія къ Православію“ [31]), понимавшемуся тогда и въ суммѣ всѣхъ новоисправленныхъ обрядовъ. Церковная власть не отставала въ строгихъ распоряженіяхъ по отношенію къ старообрядчеству отъ свѣтскаго правительства. Кромѣ приведеннаго указа, велѣвшаго сострыми обрядами всѣхъ безъ разсужденій писать въ расколъ, въ томъ же въ 1722 году она издала и такое постановленіе, которое подъ жестокимъ наказаніемъ приказывало иконописцамъ изображать нераскольническое (двуперстное) сложеніе, а за священнодѣйствіе по старому обряду лишало священства и отдавало въ наказаніе гражданскому суду [32]).

Подавленіе старыхъ обрядовъ изъ государственныхъ цѣлей еще больше усилилось при преемникахъ Петра: Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ.

Исторія условнаго единенія старообрядцевъ съ православной Церковью записала изъ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны дѣло Терскихъ казаковъ, показывающее сколькихъ хлопотъ, времени и, наконецъ, угрозъ требовалось для того, чтобы старообрядцамъ, пребывавшимъ въ единеніи съ православной Церковью, дозволено было сохранить двуперстное сложеніе для крестнаго знаменія и другіе обряды старопечатныхъ книгъ [33]).

Въ Терскихъ казачьихъ городкахъ въ былое время на мѣста приходскихъ священниковъ назначали изъ числа казаковъ тѣхъ-же городковъ. Они не препятствовали своимъ прихожанамъ креститься двуперстно и сами ходили посолонь при крещеніи и бракахъ. На стремленіе Кизлярскаго благочиннаго (тогда закащика) вывести это у казаковъ, послѣдніе 18 мая 1738 года отвѣчали просьбою къ тогдашнему Астраханскому епископу Иларіону. Казаки просили сохранить у нихъ двуперстное сложеніе и посолонное хожденіе. На такую просьбу Астраханскій епископъ Иларіонъ послалъ соотвѣтствующій, по его мнѣнію, указъ. Онъ убѣждалъ казаковъ креститься троеперстно, ссылался во свидѣтельство древности этого сложенія на всеобщій обычай, на троеперстное сложеніе руки св. ап. Андрея [34]), разъясняя, что двуперстіе есть подражаніе Мартину армянину [35]). Далѣе епископъ Иларіонъ приводилъ казакамъ указъ Императрицы Анны Іоанновны,

запрещающій послаблять тѣмъ, которые явятся непослушными церковной власти въ совершеніи на себѣ крестнаго знаменія. Въ заключеніи, Астраханскій Преосвященный, въ случаѣ непослушанія казаковъ, угрожалъ донести на нихъ св. Синоду, а „поповъ ихъ за означенную противность разстричь и отослать въ каторжную работу".

Въ іюнѣ (27-го) того же 1738 года епископъ Иларіонъ, дѣйствительно, послалъ доношеніе въ Синодъ, а что касается священниковъ казачьихъ городковъ, то всѣхъ ихъ забралъ въ Кизляръ городокъ. Въ слѣдующемъ 1739 году св. Синодомъ было предписано: „увѣщевать казаковъ отстать отъ двуперстнаго сложенія". Но увѣщаніе отстать отъ двуперстія, якобы „суевѣрія и заблужденія", казаки встрѣтили недовѣрчиво и даже враждебно. Въ виду этого епархіальное начальство послѣ духовныхъ мѣръ, безуспѣшно примѣнявшихся при увѣщаніи казаковъ съ 1739 года по 1744 годъ, 6 марта 1745 года постановило объявить указъ, что „если казаки въ своемъ двоеперстіи и упрямствѣ будутъ, то не токмо духовнымъ, но и гражданскимъ наказаніемъ наказаны будутъ". Унтеръ-офицеры, которымъ поручено было читать по станицамъ этотъ указъ, требовали отъ казаковъ подписки не крестится двуперстно. Казаки, съ своей стороны, не слушались и въ подпискахъ объявили, что они во всемъ покорны св. Церкви, но что не могутъ измѣнить своего двуперстія, такъ какъ имъ чинили присягу своимъ государямъ, начиная съ Петра. Не ограничиваясь этимъ, казаки въ майскомъ своемъ 1745 года донесеніи Кизлярскому духовному Правленію грозили „разбрестись", если не сохранятъ имъ двуперстія.

Опасаясь возмущенія казаковъ, астраханскій Преосвященный, наконецъ, предписалъ священникамъ казачьихъ городковъ „въ изображеніи троеперстнаго сложенія креста принужденія и нападковъ не чинить и взятокъ бы никакихъ съ нихъ (казаковъ) не брать, понеже у нихъ кромѣ креста иного расколу никакого нѣтъ".

Поворотъ во взглядахъ на старые обряды и въ отношеніяхъ къ нимъ начался при Екатеринѣ II-й.

Случайный характеръ первоначальнаго Единовѣрія.

Не удивительно, что при показанномъ отношеніи представителей Православія къ старообрядчеству Условное единеніе старообрядцевъ съ церковью было скорѣе частнаго характера, чѣмъ общаго.

Было бы однако ошибкой думать, что случайность первоначальнаго единовѣрія зависѣла исключительно отъ воззрѣній Архипастырей того времени на старый обрядъ, отъ стремленія представителей церкви объединить вѣрующихъ и въ обрядахъ. Частный характеръ условнаго единенія старообрядцевъ съ Церковью за первое время зависѣлъ также и отъ понятій и отношеній къ Великороссійской церкви самихъ старообрядцевъ. Картина этихъ понятій и отношеній не радостная.

На первыхъ порахъ духъ вражды старообрядцевъ къ господствующей церкви былъ очень силенъ. Доходили до мысли единенія съ Церковью лишь путемъ долгихъ страданій и исканій. Въ старообрядчествѣ, оставившемъ православную Церковь въ половинѣ XVII вѣка, не скоро, какъ и въ правительствахъ—въ церковномъ и гражданскомъ, выросла мысль о совмѣстномъ существованіи старообрядцевъ и православныхъ въ одной Церкви.

Отдѣлившись отъ Православной церкви, старообрядцы на первыхъ порахъ стремились порвать съ ней всякую связь. Они безъ различія ихъ званія, устно и письменно проповѣдали, что исправленныя при п. Никонѣ книги „еретически и растлѣнны", злословя при этомъ чины церковные „имены хульными" и „уничижая" всѣхъ пастырей церковныхъ и всю церковь: будто бы церковь стала не церковь, архіереи не архіереи, таинства не таинства и т. п. [36]). На первыхъ порахъ старообрядцу запрещалось всякое общеніе съ православными, отъ религіознаго въ молитвѣ до обычнаго въ пищѣ и питьѣ, и отъ хожденія въ православный храмъ до принятія имъ никоніанина въ свой домъ [37]).

Содержаніе старообрядчества въ первое время было безусловно запрещено и состояніе въ немъ было преслѣдуемо. И чѣмъ строже становился законъ, тѣмъ сильнѣе возникало противленіе къ великороссійской Церкви, непримиримая вражда къ ея послѣдователямъ [38]). Указъ 1685 о смертной казни всѣхъ упорныхъ раскольниковъ загналъ старообрядцевъ въ самые глухіе уголки государства—въ дремучіе лѣса, непролазную тайгу, болото и степь, гдѣ они поселились съ чуствомъ раздраженія къ господствующей церкви и ея представителямъ.

Въ началѣ царствованія Петра I старообрядцамъ была дана свобода въ отправленіи богослуженія и въ гражданской жизни, свобода, повидиму, способная вызвать ихъ примиреніе, хотя бы и условное. Но вмѣсто примиренія старообрядчество еще больше замкнулось въ себя. Усиленью его способствовала преобразовательная дѣятельность Петра, коснувшаяся и религіозной церковной жизни на Руси. Въ эту пору слагались многія старообрядческія общины, которыя стали жить

своею особою замкнутою жизнью по своимъ началамъ и порядкамъ, стараясь все болѣе и болѣе обособиться и укрыться отъ Церкви и правительства.

За это время только одинъ разъ встрѣчаемся съ самостоятельною мыслью старообрядца объ условномъ примиреніи съ Церковью, именно у упомянутаго старообрядца Филарета.

Въ концѣ царствованія Петра употреблены были снова прежніе пріемы обращенія старообрядцевъ въ Церковь, пріемы безхитростные: казни, заточенья въ тюрьмахъ, ссылка въ каторгу, сожженіе въ срубахъ, разореніе тайныхъ скитовъ [39]). Суровыя мѣры правительства противъ старообрядцевъ только еще болѣе отдалили ихъ отъ церкви.

Не смотря на множество испытанныхъ мѣръ противъ старообрядчества въ царствованія Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, старообрядчество и въ это время не примирилось съ церковью; наоборотъ, продолжало все болѣе и болѣе отчуждаться и отдѣляться отъ нея и въ ученіи и въ жизни. Петръ III и Екатерина застали его во всемъ закалѣ его вѣковой борьбы. Массовыя единенія съ Церковью замѣчаются только со времени Екатерины II (1762—1796), дѣйствовавшей уже въ духѣ полной терпимости.

Итакъ, приведенные факты Условнаго Единенія старообрядцевъ съ Церковью говорятъ лишь за то, что нѣкоторыя лица стояли выше господствовавшихъ тогда взглядовъ на старообрядцевъ.

Допущеніе церковными дѣятелями условнаго единенія, держанія старыхъ обрядовъ при повиновеніи и покорности старообрядцевъ Церкви было лишь прецедентомъ въ такихъ точно распоряженіяхъ представителей Православія впослѣдствіи. Мысли п. Никона и Іеросхимонаха Іоанна о спасительности старыхъ книгъ только въ современныхъ сужденіяхъ святителей о возможности Единовѣрія занимаютъ не послѣднее мѣсто. Мнѣніе іеросхимонаха Іоанна объ одномъ достоинствѣ 8 конечнаго и четвероконечнаго креста, объ одинаковой спасительности какъ троеперстья, такъ и двуперстья были оцѣнены лишь авторомъ „Увѣщанія во утвержденіе истины и въ надежду дѣйствія любви Евангельскія“, изданнаго отъ лица Церкви въ 1765 году. Печатаніе п. Никономъ какъ исправленныхъ, такъ и не исправленныхъ книгъ лишь пророчествовало о томъ времени, когда тѣ и другія одинаково будутъ печататься, т. е. старыя книги такъ же свободно будутъ выходить въ свѣтъ, какъ и новыя, что случилось, знаемъ мы, только въ позднѣйшей исторіи Единовѣрія. Послѣдняя, прежде чѣмъ дожить до этого, въ своемъ внутреннемъ развитіи, не мало перенесла перипетій разнаго рода.

II ГЛАВА.

Стародубское согласіе.

Мысль, что старообрядство не есть истинная Церковь, такъ какъ не имѣетъ трехъ-чинной іерархіи, съ самаго начала тяготила совѣсть отдѣлившихол отъ господствующей Церкви и поповщинская секта со своими священниками не могла успокоиться въ мысли, созданной ею самой, что она будто есть истинная Церковь. Истые ревнители старообрядства крайне смущались сомнительнымъ положеніемъ поповщины. Они справедливо замѣчали ея послѣдователямъ, что епископъ составляетъ первую единицу въ счетѣ, безъ которой не можетъ быть второго числа, что епископъ по отношенію къ священству есть то же, что солнце по отношенію къ лунѣ, которая свѣтитъ заимствованнымъ свѣтомъ; что у поповцевъ, поэтому, нѣтъ собственной главы, а есть только чужая (епископы еретическіе), которая „како можетъ иному трупу жизнь подати“? 1). Грамотные изъ старообрядцевъ, люди всю жизнь сидѣвшіе надъ свято-чтимыми книгами, рано или поздно дочитывались: что безъ епископа Церковь не Церковь, а самочинное сборище. Они приходили въ смятеніе отъ многихъ словъ писанія и относительно себя говорили: „у насъ нѣтъ епископа, стало быть нѣтъ спасенія“.

Недостатки поповщины, не имѣвшей у себя ни таинства рукоположенія, ни таины миропомазанія, такъ были очевидны, что сами сектанты не могли не сознавать ихъ и требовали относительно своего религіознаго положенія доказательствъ отъ Св. писанія и прав. Св. Соборовъ и Св. отецъ.

„Кто ны воздвигнетъ долу лежащихъ“; взывали нѣкогда изъ глубины души дьяконовцы, „гдѣ образованіе горняго Сіона (т. е. Церкви)? Камо скрылся отъ насъ райская доброта? Гдѣ зайде отъ очей нашихъ красота матери нашей? Гдѣ витаетъ родшая насъ? Гдѣ пребываеши питавшая ны? Нѣтъ руководящаго, нѣтъ пекущагося о пользѣ общей, не плодствуетъ наша страна“ 2).

Въ виду правительственной строгости къ старому обряду, обычаямъ, стярообрядцы вмѣсто условнаго возсоединенія съ господствующей Церковью, для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ прибѣгали къ такого рода средствамъ.

Оправдываясь нуждой, брали священниковъ изъ великороссійской Церкви и послѣ извѣстнаго чино-пріема поручали имъ у себя священнодѣйствовать. Правда, поповцы не всегда питали расположеніе къ своимъ пастырямъ. Они переходили къ нимъ по корыстолюбію, праздности, изъ-за земныхъ расчетовъ, или вслѣдствіе важныхъ преступленій. Къ тому же иногда оказывалось, что подъ видомъ священника скрывался и совершалъ у нихъ таинства лѣнивый бѣглецъ, или же разыскиваемый начальствомъ солдатъ, почему и назывался „сумленымъ“. Не могла не смущать старообрядцевъ и не отталкивать ихъ отъ бѣглыхъ священниковъ и соблазнительная жизнь послѣднихъ. Какъ не красива она была—объ этомъ много писали сами старообрядцы [3]). Но будучи недовольными своими пастырями, старообрядцы хотя и „помышляли, что ихъ пастыри воистину суть самые настоящіе волцы, которые терзаютъ и поядаютъ ихъ души... но объ обращеніи къ Грекороссійской Церкви ниже думали“ [4]). Не смотря на тягость своего положенія, старообрядцы не искали разрѣшенія своего больного вопроса объ іерархіи у великороссійской церкви; такъ было сильно предубѣжденіе противъ нея! Продолжительна была исторія исканія ими древлеправославнаго архіерейства внѣ русской Церкви—исторія, полная грустныхъ, иногда даже трагическихъ фактовъ [5]). Кончилась она на болѣе продолжительное время въ 80 годахъ позапрошлаго столѣтія.

По мѣрѣ дарованія Екатериной II старообрядцамъ общественныхъ и гражданскихъ правъ и снисходительнаго взгляда на старый обрядъ духовной власти, мало по малу смягчалась и предубѣжденность старообрядцевъ къ великороссійской церкви и ея обряду. Особенно, это слѣдуетъ сказать о лучшихъ представителяхъ старообрядчества. Въ душахъ послѣднихъ сильно заговорило теперь сознаніе несостоятельности своего положенія, такъ поразительно проявившей себя въ раздѣленіи на многочисленные толки, въ гибельныхъ нестроеніяхъ и раздорахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе выйди изъ фальшиваго положенія и возобновить цѣлостность, единство старообрядчества, даровавъ ему „подобающее“ древлеправославной церкви устройство. Стародубье потому и было первымъ мѣстомъ, откуда пошло массовое движеніе въ пользу условнаго примиренія съ господствующей церковью, что тамъ находились мыслящіе старообрядцы, при томъ болѣе другихъ занятые вопросомъ объ отысканіи старообрядческаго епископа. Особенно такимъ мыслящимъ старообрядцемъ, искателемъ при томъ старообрядческаго архіерейства, былъ въ это время нѣкто именемъ Никодимъ.

Никодимъ родился въ 1745 году въ г. Калугѣ. Родители его были старообрядцы. Въ молодости Никодимъ жилъ въ Москвѣ, по

томъ ради имени Христова странствовалъ по разнымъ мѣстамъ. Постригшись въ иночество на Иргизѣ, онъ скоро удалился оттуда, въ Стародубье. Здѣсь Никодимъ сначала поселился въ Рождественскомъ-Малиноостровскомъ монастырѣ. Но не находя здѣсь желаемаго мира (въ обществѣ грубыхъ ревнителей раскола), онъ, наконецъ, водворился на пустынной землѣ посада Злынки, у рѣчки Каменки, куда мало по малу собралась къ нему братія, гдѣ вскорѣ устроился и его имени Успенскій Троицкій монастырь. Снисходительный ко всѣмъ и нестяжательный, чуждый роскоши и пресыщенія инокъ Никодимъ былъ глубоко начитанъ въ т. н. старопечатныхъ книгахъ [6]). Когда стремленіе старообрядцевъ поставить себѣ епископа рукою Московскаго святителя Іоны осталось (новою) безуспѣшной попыткой, предпринятой въ 1765 году по взаимному ихъ соглашенію [7]) и поповцы съ прежнимъ, еще даже съ большимъ рвеніемъ, продолжали искать „древлеправославнаго“ архіерея, то Никодимъ сдѣлался самымъ горячимъ послѣдователемъ мысли—соединить всѣхъ старообрядцевъ подъ паствой одного архипастыря [8]). Послѣ означеннаго (1765) года онъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ отыскивалъ епископа для своего общества. Никодимъ, напримѣръ, лично въ 1768 году путешествовалъ за епископствомъ въ Грузію [9]). Потомъ, принималъ главное участіе въ посылкѣ ходоковъ на Востокъ за древлеправославнымъ архіереемъ въ 1779 и 1781 годахъ [10]). Старообрядческій-Перемазанскій (1779) соборъ сверхъ ожиданія москвичей-поповцевъ только усилилъ въ немъ ревностнаго искателя архіерейства [11]). Споры на немъ способствовали усиленію Никодимской скорби о безіерархическомъ состояніи старообрядцевъ. Онъ съ большимъ стараніемъ, чѣмъ прежде, началъ искать архіерейства и, наконецъ, неиначе хотѣлъ возстановленія въ старообрядчествѣ іерархіи, какъ только черезъ заимствованіе ея отъ русской Церкви.

Но прежде чѣмъ формально обратиться съ просьбой объ Условномъ Единеніи съ великороссійской церковью, инокъ Никодимъ, собравши около себя единомышленниковъ, сначала обращался къ власти частнымъ образомъ, обставивши эти свои предварительные хлопоты выдающеюся предусмотрительностью.

Въ 1781 году старцу Никодиму пришлось быть въ имѣніи тогдашняго намѣстника Малороссіи (куда входило тогда и Стародубье), у графа Румянцева-Задунайскаго. Во время бесѣды графа съ Никодимомъ о положеніи старообрядчества и его отношеніи къ господствующей церкви, первый, давно наслышавшійся хорошаго относительно инока, коснулся необходимости епископства для старообрядцевъ и подалъ мысль искать старообрядцамъ архіерея открытымъ путемъ—

просить Императрицу Екатерину II и Святѣйшій Синодъ объ опредѣленіи къ нимъ особаго епископа и, такимъ образомъ, возсоединиться съ Православіемъ, обѣщая при этомъ и свое личное ходатайство предъ Государыней Императрицей и Русскимъ Синодомъ [12]). Предложеніе это подсказало Никодиму, что́ ему нужно было дѣлать и дѣлать при томъ давно. Со всею своею энергіей онъ ухватился за него и сталъ подготовлять къ тому и остальныхъ старообрядцевъ. Онъ горячо убѣждалъ слобожанъ къ соединенію съ господствующею Церковью, въ видахъ заимствованія отъ нея епископства. Инокъ воспользовался увѣщательной книжкой митрополита Платона („Увѣщаніе"), снисходительнымъ словомъ къ старообрядцамъ, приглашавшимъ къ обращенію съ милостивымъ напоминаніемъ, чтобы всякій изъ нихъ небоязненно подавалъ свое письменное или словесное мнѣніе пастырямъ великороссійской церкви и что все, требуемое ими, будетъ устроено по желанію. На основаніи кроткаго „Увѣщанія" старецъ Никодимъ увѣрялъ Стародубцевъ, что старообрядцамъ будетъ даровано епископство, по всѣмъ ихъ обрядамъ и обычаямъ [13]). Въ то же время Никодимъ вошелъ въ дѣятельное сношеніе съ бывшимъ тогда намѣстникомъ Новороссіи Гр. Ал. Потемкинымъ. Къ этому всесильному тогда человѣку онъ обратился съ пламенными посланіями. Онъ обѣщался въ послѣднихъ собрать къ князю всѣхъ разбѣжавшихся за границу старообрядцевъ и обѣщалъ въ нихъ для его Новороссійскаго края самыхъ трудолюбивыхъ работниковъ, если только князь поддержитъ обѣщаніе графа Румянцева объ исходатайствованіи старообрядцамъ архіерейства. Мало этого, инокъ поручилъ отправляющемуся въ 1781 году въ С.-Петербургъ старцу Рождественскаго монастыря (въ Стародубьѣ тоже) Герасиму (Князеву) обратиться къ членамъ Синода за наставленіемъ, какъ имъ—старообрядцамъ приступить къ исполненію своего предпріятія и быть [14]) подъ паствою архипастыря съ тѣмъ, чтобы „неотложно храниму быть у нихъ древлероссійской Церкви чиносодержанію по старопечатнымъ книгамъ, съ отложеніемъ порѣченія жъ и клятвъ на то чиносодержаніе, о чемъ въ новоизданныхъ книгахъ, напечатанныхъ, явственно показуются" [15]). Въ Петербургѣ на радость Никодима митрополитъ Гавріилъ, архіепископъ Иннокентіи, при содѣйствіи князя Потемкина, обѣщали оказать старообрядцамъ „отеческое милосердіе". Они выражали Герасиму надежду, что благочестивое намѣреніе старообрядцевъ не останется втунѣ и что Св. Церковь, по материнскому благоволенію къ бывшимъ своимъ чадамъ, снизойдетъ къ ихъ слабостямъ и дастъ имъ священниковъ, или епископа, судя по числу обращенія въ слободахъ [16]). Обнадеженный обѣщаніемъ представителей господствующей Церкви Никодимъ еще усерднѣе, чѣмъ прежде, сталъ увѣщевать старообрядцевъ: быть со-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

гласными на столь благое дѣло. Онъ обличалъ непокорныхъ словами Св Писанія, какъ преступниковъ Закона Божьяго. Въ виду такой ревностной проповѣди условнаго единенія съ великороссійской Церковью въ слободахъ возникло большое движеніе. Многіе изъ слобожанъ не поддавались увѣщаніямъ Никодима, а нѣкоторые изъ простого народа такъ озлобились, что хотѣли умертвить инока съ его единомышленниками. Никодимъ со своими друзьями дали другъ другу клятву, чтобы ни въ чемъ не ослабѣвать, стоять твердо въ своемъ намѣреніи. Потомъ, въ это же время вступилъ въ переговоры о законной старообрядческой іерархіи съ Петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ. Послѣдняго онъ просилъ поддержать извѣстную ему просьбу, которую они намѣрены скоро подать въ Св. Синодъ. Писалъ Никодимъ и во всѣ мѣста, гдѣ только находились старообрядцы-дьяконовцы, которымъ съ обычной энергіего доказывалъ на основаніи слова Божія, соборныхъ правилъ и свято-отеческаго ученія, что Христова Церковь безъ трехъ чиновъ іерархіи не существуетъ и что нужно принять іерархію отъ Синода, вмѣсто того, чтобы довольствоваться одними священниками. Не довольствуясь указанной перепиской, Никодимъ въ 1782 году самъ поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ ласково принятъ митрополитомъ Гавріиломъ. Кромѣ того Потемкинъ представилъ его даже Государынѣ. Императрица выслушала слезныя мольбы Никодима. Онъ плакалъ предъ Екатериной и горячо молилъ Монархиню не допускать болѣе милліона своихъ подданныхъ до несчастья жить безъ Церкви иіерархіи и пропадать для Бога и будущей жизни, изъ-за одного различія обрядовъ, отвергнутыхъ великороссійской Церковью. Закончивши такъ успѣшно предварительныя свои хлопоты, заручившись обѣщаніями, Никодимъ въ концѣ 1782 года возвратился въ Стародубье и рѣшился начать дѣло уже формальнымъ порядкомъ.

Въ октябрѣ 1783 года единомышленниками Никодима въ числѣ 1500 человѣкъ было составлено прошеніе въ Святѣйшій Синодъ съ приложеніемъ 12 пунктовъ условнаго возсоединенія ихъ съ Господствующей Церковью. Самому иноку была дана довѣренность на личное ходатайство передъ Св. Синодомъ, съ которой онъ вторично долженъ былъ отправиться въ сѣверную столицу. По предварительномъ представленіи соединенскаго прошенія князю Потемкину и графу Румянцеву, Никодимъ въ концѣ 1783 года отослалъ его въ Синодъ съ представленіемъ копіи съ него и въ Сенатъ. Прошеніе было слѣдующаго содержанія: „Предки нашего отечества, какъ духовные,

такъ и свѣтскіе, были природы и единства Великороссійской церкви. Въ царствованія Царя Алексѣя Михайловича и въ патріаршество Святѣйшаго Никона отъ лѣта 1764 послѣдовательно, мы нижайшіе, потомъ и въ разныя времена, отлучались единства Грекороссійской церкви, а нѣкоторые и отечества, въ разсужденіи соблюденія древняго чиносодержанія и двухперстнаго въ крестномъ изображеніи сложенія и прочаго церковнаго старообрядчества. Но безъ главнаго правителя церкви, при однихъ отлучившихся отъ своихъ епархіальныхъ архіереевъ Великороссійскихъ священниковъ, произошли разныя секты, воспослѣдовали непримирительныя распри, и въ христіанскихъ потребностяхъ крайнія нужды. А какъ чувствуемъ, что Св. Правительствующій Синодъ, сожалѣя о насъ, дозволяетъ въ напечатанной въ 1767 (?) году книжицѣ „Увѣщанія“, на листѣ 82 каждому изъ отлучившихся изъяснить свое желаніе церковнымъ пастырямъ, при чемъ и содержимые нами и за свято почитаемые какъ двухъ-перстное въ изображеніи святого креста сложеніе, такъ и прочіе старинные церковные обряды признаетъ неразрушающими ни слова Божія, ни догматовъ вѣры, ни правилъ седьми вселенскихъ соборовъ и девяти помѣстныхъ, потому осмѣливаемся Св. Правительствующій Синодъ всепокорнѣйше просить: не соблаговолено ли будетъ намъ нижайшимъ быть при старообрядствѣ, въ соединеніи Св. Восточныя и Грекороссійскія церкви, черезъ посредство нижеслѣдующихъ пунктовъ“ [17]).

Въ своихъ 12 пунктахъ Стародубскіе слобожане-старообрядцы, во 1-хъ, просили, чтобы были разрѣшены соборныя клятвы 1656, 1667 годовъ, возложенныя на нихъ отъ великороссійской Церкви, и порицанія на ихъ древнія печатныя книги, двуперстное сложеніе (1 п.), и чтобы, во 2-хъ, отложены были строгіе пріемы 1720 года для присоединенія отлучившихся отъ великороссійской Церкви (2 п.). Далѣе они предлагали прислать имъ при указѣ изъ Св. Синода независимаго отъ епархіальнаго архіерея епископа-великорусса (3 п.), который освятилъ бы церковь въ Успенскомъ Слободскомъ монастырѣ по древнему чину (4 п.) и постановилъ бы тамъ на основаніи правилъ: Анк. 13 и Антіохійск. 10 іеромонаховъ и іеродіаконовъ, по старопечатнымъ книгамъ, съ соблюденіемъ всѣхъ древнихъ обрядовъ (5 пунк.), и чтобы всѣ старообрядцы, желающіе единенія съ церковью какъ въ Малой, такъ и въ Великой Россіи, были подъ его паствой (6 п.); седьмымъ пунктомъ своего прошенія старообрядцы просили Синодъ снабдить ихъ таинствомъ св. мира (7 п.), а въ слѣдующемъ — позволить не принимать въ свое общеніе окрестныхъ жителей — малороссцевъ, въ виду ихъ обливательнаго крещенія (8 п.). Въ 9-мъ пунктѣ согласники искали разрѣшенія всѣхъ (бѣглыхъ) ихъ священниковъ и діа-

коновъ, а также монаховъ и монахинь, если только тѣ и другіе, прежде отлучившіеся отъ господствующей Церкви, будутъ слѣдовать предлагаемымъ (согласниками) условіямъ единенія съ православными. Затѣмъ, Успенскій монастырь, по 10 пункту, долженъ былъ остаться внѣ штатовъ, на своемъ пропитаніи, но за то свободнымъ, какъ и прочіе согласническіе монастыри, отъ подушныхъ окладовъ, рекрутскихъ наборовъ и отъ переводовъ братіи изъ одной обители въ другую. Въ заключеніи старообрядцы просили о томъ, чтобы каждому желающему соблюдать старообрядчество, было позволено состоять подъ паствой старообрядческаго епископа (11 п.) и никого-бы не принуждать изъ купцовъ и мѣщанъ къ бритью бородъ и ношенію нѣмецкаго платья (12 п.).

2

Пункты инока Никодима.

Пункты возсоединенія Стародубцевъ съ Церковью заключали собственно три главныхъ условія: 1) чтобы разрѣшены были клятвы и пореченія на старые обряды; 2) чтобы дозволено было богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и 3) чтобы имъ присланъ былъ хор-епископъ, который, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи Синода, управлялъ бы дѣлами всѣхъ россійскихъ старообрядцевъ.

Способъ присоединенія Стародубцевъ былъ способомъ общенія одного обрядства съ другимъ, съ предоставленіемъ держателямъ стараго обряда особой церковной организаціи. Это бо́льшая сравнительно съ прежнимъ временемъ церковная организація условно-присоединявшихся старообрядцевъ въ пунктахъ Стародубцевъ была тѣсно связана съ желаніемъ имѣть особаго епископа, точнѣе хорепископа, подчиненнаго Св. Синоду.

Являясь въ первоначальномъ періодѣ, въ единичныхъ фактахъ дѣломъ присоединенія, съ одной стороны, и подчиненія, съ другой, условное общеніе старообрядцевъ съ великороссійскою Церковью въ разсматриваемую пору его развитія становится подъ вліяніе и другихъ причинъ. Свѣтское правительство руководится соображеніями политики, а старообрядчество ищетъ сближенія на почвѣ грандіознаго плана соединенія старообрядцевъ подъ властью одного епископа, взятаго у господствующей Церкви.

Столѣтній опытъ показалъ свѣтскому правительству, что старообрядчество достаточно упрочилось, что не слѣдуетъ больше относиться къ старообрядцамъ, какъ относятся къ непослушанію того или

другого отдѣльнаго лица, что съ нимъ должно поступать иначе, что съ двуперстнымъ сложеніемъ и другими обрядами не соединяется какихъ-либо не православныхъ мнѣній (указъ 1764 г. 3 марта). При всей своей раздробленности старообрядчество между тѣмъ не теряло силы. Раздѣленіе его на множество толковъ, долженствовавшее ослабить его внутри, распространяло его по всѣмъ предѣламъ государства. Эту силу прежде хотѣли сломить огнемъ и мечемъ, но успѣха не имѣли. За политическое рѣшеніе вопроса о старообрядцахъ взялись два государственныхъ человѣка царствованія Екатерины II-й: Потемкинъ и Румянцевъ. Они стараются воспользоваться сравнительною близостью дьяконовщины къ православной Церкви и ея горячимъ исканіямъ архіерейства. Свѣтское правительство вопросъ о церковной организаціи согласниковъ во главѣ съ епископомъ рѣшало въ связи съ другимъ вопросомъ. Оно связывало проектъ Никодима объ особомъ старообрядческомъ епископѣ съ проектомъ Потемкина переселенія старообрядцевъ въ Новороссію.

Изъ представителей свѣтской власти, особенно помогавшихъ Стародубцамъ въ осуществленіи дѣла согласія, на первомъ планѣ стоитъ Потемкинъ. Онъ, какъ и Румянцевъ, еще въ 1781 году ободрялъ старообрядцевъ, что Императрица Екатерина II-я согласится имъ дать особаго архіерея для служенія по старымъ обрядамъ [18]). Когда же въ 1782 году Никодимъ былъ въ Петербургѣ, то Потемкинъ, ласково принявъ инока, перевелъ свое обѣщаніе на дѣло — представилъ послѣдняго Екатеринѣ II-й. Государыня послѣ представленія Никодима и его слезныхъ просьбъ не только обѣщала дать старообрядцамъ епископа, но и такъ, со своей стороны, обнадежила [19]), что согласники, по пріѣздѣ Никодима изъ столицы, въ томъ же 1782 году открыто искали болѣе подходящаго для епископства человѣка [20]). Потемкинъ, какъ видно изъ письма Никодима въ Стародубье, не оставлялъ на обѣщаніяхъ, а равно и на дѣлѣ и въ слѣдующихъ годахъ: 1783, 1784 и т. д. „Свѣтлѣйшій, писалъ Никодимъ, соглашается испросить намъ епископа и почти назначаетъ кого изъ смиренныхъ и боящихся Бога посвятить... Его свѣтлость имѣетъ особое о насъ, бѣдныхъ, отеческое стараніе какъ предъ Монархиней, такъ въ Синодѣ и въ Сенатѣ. И ежели бы не его Свѣтлѣйшимъ стараніемъ, то бы намъ и въ прошеніе входить было весьма невозможно. Но въ разсужденіи его отеческаго старанія чаятельно получить милосердіе“ [21]). Въ чаяніи этого милосердія, не найдя до 1783 г. русскаго православнаго архіерея, который бы тотчасъ же согласился служить по старообрядчески, согласники подали при содѣйствіи свѣтлѣйшаго князя прошеніе, гдѣ, не называя архіерея по имени, просили прислать изъ Св. Синода какого угодно епископа, но только великоросса. Въ апрѣлѣ

1783 года они представили Потемкину, во время проѣзда послѣдняго черезъ слободу Добрянку, 12-ть условій своего примиренія, которыя тотъ въ Февралѣ 1784 года разобралъ со слѣдующими замѣчаніями.

Противъ перваго пункта старообрядцевъ, просившихъ въ немъ о сложеніи клятвы и порицаній на старые обряды, „съ сношеніемъ вселенскихъ патріарховъ", было имъ написано замѣчаніе, имѣвшее силу даже до послѣдняго времени: „Клятва касается только до непокоряющихся святой Церкви, а которые присоединяются, тѣ не подлежатъ". На просьбу согласниковъ во 2-мъ пунктѣ: „отложить строгіе пріемы 1720 г. для присоединенія отлучившихся отъ церкви", Свѣтлѣйшій отвѣчалъ успокоительной для старообрядцевъ ссылкой на Новгородскую епархію, гдѣ приходящіе изъ раскола въ церковь только „каялись на исповѣди", т. е. принимались 3 чиномъ. Приступая къ дальнѣйшимъ пунктамъ, излагавшимъ правила особой старообрядческой организаціи съ епископомъ во главѣ и видя якобы противорѣчіе церковнымъ правиламъ, Потемкинъ поправилъ ихъ въ такомъ видѣ: противъ 3-го условія старообрядческаго прошенія, а также противъ 4-го и 5-го, онъ замѣтилъ на поляхъ: „Епископы сельскіе, сиречь хоръ-епископы, отмѣнены соборами". Противъ же 6-го пункта, въ которомъ излагались обязанности старообрядческаго епископа, его духовное попеченіе и вѣдѣніе всѣхъ старообрядцевъ, живущихъ въ Малороссіи, такъ и въ Великороссіи, имъ было подписано: „сего дозволить не можно, потому что такой архіерей будетъ какъ патріархъ вселенскій".

Положившій на 3—6 пункты отрицательную резолюцію, Потемкинъ имѣлъ о старообрядческомъ епископѣ и объ условіяхъ, въ которыя онъ хотѣлъ его поставить, такое понятіе. Обѣщавшій старообрядцамъ архіерея Потемкинъ, въ виду якобы нѣкоторыхъ каноническихъ противорѣчій, выставленныхъ имъ самимъ въ примѣчаніяхъ, старался всѣмъ ходомъ событій соединить проэтъ Никодима со своимъ проэктомъ переселенія старообрядцевъ въ Новороссію. При задуманномъ переселеніи тогдашнему рѣшителю судебъ Россіи, князю Потемкину Никодимовы стремленія представлялись удобоисполнимыми по слѣдующимъ соображеніямъ. При переселеніи старообрядцевъ въ Таврическій край, съ точки зрѣнія Свѣтлѣйшаго, пришлось бы давать старообрядцамъ епископа на одно мѣсто ихъ общаго поселенія, а не на всю Россію, какъ выходило по прошенію Стародубцевъ. Потомъ, при осѣданіи старообрядцевъ на одномъ мѣстѣ, согласники, по мнѣнію Потемкина, имѣли бы право просить себѣ не хоръ-епископа, уже упраздненнаго соборами, но епископа. Далѣе, старообрядческому епископу тогда поручены были бы пасомые не разныхъ мѣстъ Россіи, а жители одной-двухъ областей.

При такомъ взглядѣ Потемкина на дѣло „Согласія", которое

связывалось въ головахъ Стародубскихъ старообрядцевъ съ особымъ епископомъ, понятны всѣ его замѣчанія на прошеніе старообрядцевъ соединенцевъ. Задавшись исполнить, согласно своимъ обѣщаніямъ, предложеніе Никодима и его единомышленниковъ, Свѣтлѣйшій, съ своей стороны, дозволялъ быть подъ паствой будущаго архіерея старообрядцамъ только тѣхъ мѣстъ, гдѣ назначится епископъ (11 пунктъ). Съ точки зрѣнія соединенія проэкта Никодима съ проэктомъ самого Потемкина понятно также замѣчаніе Свѣтлѣйшаго на 8-й пунктъ; „совсѣмъ не нужная статья“. При переселеніи согласниковъ въ Таврію и при правѣ составить самостоятельную епархію со своимъ самостоятельнымъ владыкой, а не съ отмѣненнымъ соборами сельскимъ епископомъ, старообрядцамъ не пришлось бы имѣть на дѣлѣ тѣснаго общенія съ тѣми изъ православныхъ, „обливанства коихъ боялись“, именно Малороссовъ [22]).

Старообрядцы, при жизни Никодима, можетъ быть съумѣли бы представить свѣтскому правительству неудобство исполненія ихъ ходатайствъ черезъ переселеніе согласниковъ въ одно мѣсто. Но на ихъ горе, инокъ Никодимъ 12 мая 1784 года неожиданно скончался и „Согласные“ послѣ него не въ состояніи были всецѣло воспрепятствовать нежелательному для нихъ и даже, какъ оказалось, безполезному въ дѣлѣ полученія епископа соединенію Никодимова проэкта съ предпріятіемъ Потемкина о заселеніи старообрядцами Таврической области. По смерти Никодима монастырскіе и слобожане чрезъ казначея Успенской церкви Виталія, съ дозволенія намѣстника края графа Румянцева, отправили иноковъ: Іосафа, Евдокима и купца Ивана Кузнецова въ Петербургъ съ просьбой къ М. Гавріилу и кн. Потемкину о продолженіи Никодимаго дѣла. Но эта просьба Стародубскихъ соединенцевъ была задержана и подоспѣла лишь къ тому времени, когда Екатерина II-я утвердила проэктъ Свѣтлѣйшаго. Высочайшій указъ 1785 года, дозволявшій, согласно постановленію 11 марта 1784 года старообрядцамъ имѣть правильныхъ священниковъ и свободу Богослуженія по стариннымъ обрядамъ, былъ изданъ съ условіемъ. Въ немъ было выражено желаніе, чтобы всѣ старообрядцы добровольно поселились на земляхъ Таврической области, по лѣвую сторону Днѣпра, гдѣ дозволены благословенныя церкви, гдѣ будетъ выстроено нѣсколько приходскихъ храмовъ и каменный монастырь [23]). Правда, не было отказано въ священникахъ и тѣмъ, которые оставались на прежнихъ мѣстахъ. Только они были приписаны къ Таврической епархіи, что уже само по себѣ должно было тяготить слобожанъ и волей неволей переселять, куда звали. Къ этому переселенію Потемкинъ побуждалъ и болѣе прямымъ способомъ: онъ взялъ у нихъ даденнаго имъ священника—архимандрита Іоасафа, переведя его че-

резъ нѣсколько мѣсяцевъ службы у нихъ въ Новороссію во вновь построенный монастырь. Въ 1787 г. архимандритъ Іоасафъ былъ вызванъ изъ Успенскаго монастыря въ Синодъ для представленія своихъ грамотъ [23]), а оттуда былъ стосланъ въ настоятели Таврической обители. Всесильная личность царствованія Екатерины II-й — князь Потемкинъ такъ твердо держался разъ имъ намѣченнаго исполненія Никодимяго проэта, что, несмотря на Высочайшій указъ 1785 года, нѣсколько лѣтъ не давали старообрядцамъ благословеннаго священника на мѣсто переселившагося.

Таково было отношеніе представителей свѣтской власти къ 12 пунктамъ условнаго единенія старообрядцевъ-Стародубцевъ. Не иное оно было у представителей духовной власти. Она сначала было охотно отзывалась на стремленіе Дьяконовцевъ заимствоваться отъ Великорос. церкви архіерействомъ для совершенія службы по старопечатнымъ книгамъ и ихъ обрядамъ [24]). Преосвященные архипастыри въ 1-й и 2-й пріѣздъ Никодима въ Петербургъ по дѣлу согласія радушно принимали главнаго дѣятеля будущаго единовѣрія. Благостные іерархи: Гавріилъ, Иннокентій, а потомъ Платонъ съ удовольствіемъ удостаивали старца своей бесѣды и радовались, что старообрядцы, наконецъ, вняли голосу „Увѣщанія“, изданнаго Синодомъ въ 1765 году. Когда же Никодимъ во 2-й свой пріѣздъ въ Сѣверную столицу съ довѣренностью всѣхъ согласниковъ подалъ просьбы Московскому Платону [25]) и Петербургскому Гавріилу [26]) походатайствовать о сохраненіи „Согласниками ихъ древне-чтимыхъ обрядовъ, чтобы многія тысячи душъ извлечь изъ раскола подъ паству Святѣйшихъ архипастырей Вселенской церкви“ [27]) — высшіе духовные іерархи со вниманіемъ разсмотрѣли вышеприведенное въ Правительствующій Синодъ прошеніе Стародубцевъ-Соединенцевъ.

Въ письмѣ въ Стародубье отъ 14-го февраля 1784 года инокъ Никодимъ писалъ: „Въ предпринятомъ нашемъ дѣлѣ многоразличныя какъ отъ свѣтскихъ, такъ и отъ духовныхъ, происходятъ разсужденія“. Нѣкоторыя изъ духовныхъ властей такъ же, какъ и свѣтскія, не находили опаснымъ проэктъ Никодима и не возражали противъ него. Но они въ глазахъ „строгихъ“ православныхъ были изъ тѣхъ, кои хотя образованные, но болѣе идеалисты, или тѣ, кои не прочь были угождать и прислуживаться такимъ сильнымъ міра сего, какъ Потемкинъ, о которыхъ Московскій Митрополитъ Платонъ писалъ архіепископу Амвросію Подобѣдову: „особенно тяжко, что наше то начальство не только не идетъ противъ нихъ (т. е. Потемкина и Румянцева), но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжитъ съ ними въ перегонку“.

Кончина Никодима была особенно роковымъ событіемъ для соединенцевъ. Перемѣщеніе кн. Потемкинымъ арх. Іоасафа въ Таврическій монастырь было для нихъ также громаднымъ ударомъ. Не имѣя у себя священниковъ для совершенія Богослуженія и таинствъ, они, въ виду раздорническихъ нападеній [28]), не могли долго переговариваться по дѣлу полученія епископа безъ переселенія въ Новороссію.

Слѣдуетъ удивляться, какъ въ простыхъ сердцахъ совершенно еще не охладѣла пламенная ревность о единеніи съ Церковью, какъ предоставленные самимъ себѣ согласные не потеряли довѣрія къ собору русскихъ архипастырей, обѣщавшихъ имъ не только іереевъ, но и архіереевъ и не бросили дѣла.

Бѣдственное состояніе соединенцевъ очень ярко изображено въ ихъ прошеніи къ М. Гавріилу, къ которому они обратились послѣ многократныхъ отказовъ безсильнаго противъ Потемкина преосвященнаго Амвросія. «Просимъ Ваше Высокопреосвященство, писали согласники, пока всѣ не ожесточились, сжалиться надъ нами, помянуть обѣщанія свои и еда крѣпость наша крѣпость каменная, и мышцы наши суть мѣдяны (Іов. 6, 12)? Не просили ли мы всякимъ образомъ у вашего архипастырства богоподражательныя милости въ цѣлыя пять лѣтъ прошенія нашего и болѣе не получали, какъ ту самую милость, о которой говоритъ апостолъ Іаковъ (гл. 2, ст. 15). Мы вамъ открыли, яко искусному врачу, разнаго рода язвы, но вы не точію не уврачевали, но и оставили насъ безъ призрѣнія и злосчастно умирать, а иныхъ подвигнули на хулы, понеже дали мѣсто ихъ словамъ: вотъ де пастыри... Мы Церкви рачители, скажемъ, что въ пятьдесятъ кратъ было приращеніе, ежели бы вскорѣ дано было благословенное священство, а нынѣ ни подъ какимъ видомъ уже приращенія Церкви столько не будетъ, затѣмъ, что всѣ дали образъ жестокосердія. *Понеже мы просили на старинные обряды архипастыря, но вы не соблаговолили.* Мы просили священника, но и того не соблаговоляете. А мы видимъ Императорское повелѣніе (1784 и 1785 гг.), а зачѣмъ не даетъ преосвященный (Амвросій). Мы не вѣдаемъ противнаго Церкви, ни ереси, а только указываетъ на князя» [29]).

Такъ печально закончилась первая попытка старообрядцевъ соединиться съ Церковью на почвѣ грандіознаго плана объединенія старообрядцевъ подъ властью епископа, взятаго у Господствующей

Церкви. Благодаря роковому вмѣшательству кн. Потемкина, *старообрядцамъ приходилось вычеркивать многое изъ Никодимовыхъ пунктовъ и довольствоваться, при общеніи съ Русскою Церковью, лишь тѣмъ, что допускалось и раньше, въ отдѣльныхъ случаяхъ Условнаго Соединенства.*

Тѣмъ болѣе къ такому общенію и представители Православія этого времени были болѣе готовы. Конечно, трудно допустить, чтобы самъ Никодимъ и его ближайшіе единомышленники чрезъ учрежденіе особаго архіерейства думали внести новое раздѣленіе. Но по проекту родоначальника Стародубскаго согласія въ соединенство съ перваго же раза должны были войти такія личности, въ большинствѣ коихъ обнаруживались во всей силѣ старыя тенденціи къ отдѣльному отъ великороссійской Церкви существованію. Можетъ быть, осторожность тогдашнихъ іерарховъ и не опредѣлялась полнымъ сознаніемъ преждевременности дарованія старообрядцамъ особаго архіерейства, но фактъ осторожности все-таки на лицо. Осторожность взяла перевѣсъ надъ другими чувствами. *Іерархи соглашаются просто на присоединеніе старообрядчества къ Православію—перваго ко второму подъ единымъ іерархическимъ чиноначаліемъ. Объ этомъ способѣ общенія обрядствъ одного съ другимъ представители Православія къ данному времени составляютъ болѣе или менѣе опредѣленныя понятія. Правда, они признаютъ Условное Общеніе временной мѣрой, чрезъ что наносятъ ему,* какъ будетъ показано, *страшный вредъ!*

3

Условное единеніе старообрядцевъ съ Церковью по понятіямъ Русской Духовной власти второй половины XVIII столѣтія.

Митрополитъ Гавріилъ нашелъ выходъ изъ затрудненія созданнаго Потемкинымъ. Онъ посылаетъ къ Слобожанамъ-соединенцамъ петербургскаго священника І. Журавлева. Послѣдній, по порученію митрополита, убѣждаетъ преемниковъ Никодима поставить дѣло о своемъ условномъ единеніи на новую почву. Въ 1787 году они подаютъ въ Святѣйшій Синодъ новое прошеніе съ десятью при немъ, а не съ двѣнадцатью, какъ прежде, пунктами своего условнаго присоединенія къ Церкви.

Въ десяти положеніяхъ ново-поданнаго прошенія заключалось: 1) чтобы быть «сердцемъ и вѣрой во единой святой соборной, апо-

столькой Церкви; 2) всѣ ея седьмь таинствъ почитать за свято; 3) священство въ ней признавать богопреданное и существительное; 4) грекороссійскую Церковь намъ, яко неимущимъ такой власти, непредосуждать; 5) ереси, которыя грекороссійская Церковь проклинаетъ и ненавидитъ, и мы также проклинаемъ и ненавидимъ; 6) за Православную Императрицу и за Христолюбивое воинство, также за Святѣйшій Синодъ и за епархіальнаго архіерея должны Бога молить по показанной формѣ; 7) архипастырскаго благословенія и освященныхъ антиминсовъ и святое миро требовали, и требуемъ, и во вѣки вѣковъ будемъ; 8) подъ властью архіерейскою быть желаемъ, если священство получать станемъ; 9) всѣхъ собратій, противныхъ сему разсужденію, отрекаемся и обществовать съ ними не хотимъ, 10) древніе чины и чтенія по преждепечатнымъ книгамъ, также сложеніе перстовъ и прочіе Святыя Церкви благолѣпные обряды наблюдать должны непремѣнно. Се есть къ Соборной Церкви вѣра наша [30]).

Святѣйшій Синодъ вполнѣ удовлетворился представленнымъ прошеніемъ Стародубскихъ согласниковъ и благословилъ дать просителямъ священниковъ на старые обряды. Священники были присланы въ 1788 году.

Въ этихъ условіяхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ ограниченій, давалась старообрядцамъ-соединенцамъ [illegible] особая церковная организація, но не съ епископомъ во главѣ, а съ священниками лишь, подчиненными великороссійскимъ архипастырямъ. Выходя изъ понятій объ обрядѣ и догматѣ, духовная власть того времени останавливается на возможности Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ Церковью, но весьма осторожно. Цѣль Условнаго Соединенства полагается не только лишь въ спасеніи старообрядцевъ, но и въ приведеніи ихъ чрезъ православныхъ епископовъ въ обрядовое единообразіе съ Православіемъ.

Тогдашнія понятія объ Единовѣріи, о возможности его, значеніи и цѣли его существованія особенно ясно выражены въ „Мнѣніи“ М. Димитрія и еп. Гедеона, „въ Увѣщаніи“ А. Платона и въ „Повѣствованіи“ архіепископа Никифора Феотоки. Первые двое высказали свое „Мнѣніе“ въ 1762 году [31]). „Увѣщаніе“ составлено въ 1765 году, а „Повѣствованіе“ написано въ 1781 г. [32]).

Во время коронаціи Екатерины II-й была составлена конференція Сената и Синода для совмѣстнаго рѣшенія вопроса о переселеніи заграничныхъ старообрядцевъ въ Россію. Гуманной Императрицей были затребованы отъ членовъ Синода и другихъ архіереевъ мнѣнія относительно того: „на какихъ до вѣры и Церкви кондиціяхъ можно дозволить возвращеніе заграничнымъ старообрядцамъ“.

Въ числѣ другихъ Архипастырскихъ мнѣній особое мѣсто зани-

маетъ мнѣніе, поданное на запросъ Императрицы со стороны первенствующаго члена Синода Дмитрія Митрополита и другаго члена Гедеона Псковскаго. Означенные преосвященные подвергали разсужденію вопросъ о соединеніи старообрядцевъ съ Православною Церковью съ оставленіемъ имъ старыхъ обрядовъ. Старообрядцамъ, говорили эти архипастыри, можно оставить любимые ими обряды, „если въ прочемъ всемъ, особливо въ догматахъ вѣры, хотятъ они и обѣщаются послѣдовать Святой Грекороссійской Церкви и, никакихъ ересей, проклятыхъ вселенскими и помѣстными соборами, не имѣть и не вводить и никогда отнюдь употребляющихъ другіе отъ нихъ обряды не хулить, *епископовъ и священниковъ, поставляемыхъ отъ православныхъ и греческихъ архіереевъ, принимать* и повиноваться, и словомъ, кромѣ своихъ обрядовъ, все мудрствовать и содержать по мудрствованію и содержанію православныхъ“ [33]).

Изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что названные члены Синода въ 1762 году желали имѣть присоединяющихся старообрядцевъ въ господствующей Церкви черезъ оставленіе имъ любимыхъ ими обрядовъ. Черезъ послѣднее условіе они думали скорѣе привлечь ихъ въ ограду Христовой Церкви. Они замѣчали, какъ тяжело старообрядцамъ прямо присоединяться къ великороссійской Церкви безъ соблюденія старыхъ обрядовъ. Въ этомъ убѣждали ихъ и прежнія крайнія крутыя мѣры, направленныя къ обрядовому единообразію въ русской церкви. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, не помогали дѣлу, хотя „праведно бы было, продолжали названные архипастыри, меньшимъ числомъ послѣдовать множайшимъ, не только въ Россіи, но и въ Греческой и другихъ православныхъ странахъ находящимся правовѣрнымъ, которые при различныхъ отъ нихъ, а съ нами въ согласныхъ обрядахъ искони пребываютъ“. Преосвященные не желали уже непремѣннаго соблюденія новыхъ обрядовъ старообрядцами. Они хотѣли лишь одного: единенія ихъ съ господствующею Церковью, хотя бы и при соблюденіи старыхъ обрядовъ. Для благой цѣли единенія въ догматахъ вѣры, въ таинствахъ, въ священноначаліи они готовы пожертвовать тѣмъ единообразіемъ въ обрядѣ, стремленіе къ коему считали сами законнымъ. Но не преступнымъ, по ихъ мнѣнію, является и то снисхожденіе, которое оказывается въ оставленіи соединенцамъ изъ старообрядцевъ любимыхъ ими обрядовъ. Понятіе объ обрядѣ, слова ап. Павла и Самого І. Христа не велятъ, по ихъ словамъ, держаться съ фарисейскою строгостью обрядовыхъ постановленій, подлежащихъ измѣненію. „Пусть убо только старообрядцы, заключали свои разсужденія преосвященные Димитрій и Гедеонъ, признаютъ церковь, столько пекущуюся и къ немощнымъ снисходящую, пусть различествующихъ отъ нихъ обрядами братій своихъ не поро-

чатъ и не хулятъ, когда сами не могутъ съ ними согласиться. Пусть только они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, будутъ съ православной нашей Церковью единомысленны: то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, чтобы ихъ принять и присоединить къ православному нашему обществу“ [34]).

Не имѣя своевременнаго практическаго приложенія, „Разсужденіе“ м. Димитрія и еп. Гедеона, однако, имѣло значеніе. Оно замѣтно отразилось въ указѣ Екатерины II-й отъ 3-го марта 1764-го года, отмѣнявшимъ указъ Синода 1722-го года слѣдующими словами: „что касается до тѣхъ, кои православной церкви не чуждаются, и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ закоснѣлыхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются обычаяхъ, не развращающихъ ни слово Божіе, ни догматовъ, ни же правилъ церковныхъ: то они не токмо отъ входа церковнаго и отъ таинствъ ея св. Синодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же Синодомъ не признаваемы“ [35]).

Стародубцы, подавая въ 1783 году прошеніе съ 12 пунктами своего условнаго соединенія, ссылались на книгу „Увѣщаніе“ А. Платона, указывая на нее, какъ на принятое по отношенію къ старообрядчеству, тѣмъ болѣе условно-соединяющемуся съ Церковью, руководство. Такъ на самомъ дѣлѣ и было. Представители Православія при своихъ сужденіяхъ объ отношеніи Единовѣрія къ Православію исходятъ изъ тѣхъ разсужденій, какія излагаются въ ней. „Увѣщаніе“, хотя прямо и не говорило объ Единовѣріи, но своими сужденіями о сохраненіи вѣры при разности обрядовъ болѣе всего могло послужить къ обоснованію положенія о возможности Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ Обще-Православіемъ. А. Платонъ не соглашается въ своемъ „Увѣщаніи“ съ раздорниками въ томъ, что можно раздѣляться за разность обрядовъ при одной вѣрѣ. „Почто вы отъ насъ, говоритъ онъ имъ, отлучаетесь. Вы во Единаго Бога во Святѣй Троицѣ славимаго вѣруете такъ, какъ и мы; вы спасителя міру Господа нашего І. Христа исповѣдуете также, какъ и мы; вы священное Евангеліе и св. вселенскіе апостольскіе соборы за правило вѣры и житіе почитаете точно такъ, какъ и мы“... „Сила вся, заключаетъ Архимандритъ, въ этихъ членахъ“. А такъ какъ старообрядцы согласны въ нихъ съ православными, то и нѣтъ имъ причинъ съ послѣдними раздѣляться (29 л. и дальше). Обряды сами по себѣ, по мысли автора „Увѣщанія“, не могутъ раздѣлять вѣрующихъ. Выраженіе: аще кто прибавитъ или убавитъ, да будетъ проклятъ“ относится къ содержанію вѣры (38 л.), а не къ обрядамъ. За прибавленіе въ обрядахъ, безъ нарушенія ихъ православнаго смысла, Церковь, по словамъ „Увѣщанія“, даже похваляла.

Въ доказательство такой важной въ дѣлѣ Единовѣрія мысли послѣднее приводитъ массу примѣровъ въ исторіи Церкви.

Во 1-хъ, оно указываетъ на предпринятое св. Василіемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ сокращеніе божественной литургіи. Это сокращеніе одобрено было всею Церковью. „Извѣстно, говоритъ „Увѣщаніе“, что литургія прежде была св. апостола Іакова, которую послѣ убавилъ или сократилъ св. Василій Великій, а потомъ и Василіеву убавилъ св. Златоустъ; однако сихъ святыхъ мужей Церковь не только прокляла, но еще великими почтила хвалами, и въ числѣ святыхъ поставила“ [36]). Слѣдующій примѣръ касается происхожденія Символа Вѣры. „Символа Вѣры, замѣчается въ „Увѣщаніи“, какой нынѣ въ Церквахъ читается, прежде Никейскаго собора въ Церквахъ не было. Но святый Никейскій соборъ его Церквамъ предалъ: однако симъ прибавленіемъ, по словамъ А. Платона, не только Церковь ни мало не смутила, но еще паче утвердила“ [37]). Въ доказательство возможности прибавленій къ церковной службы безъ нарушенія православнаго смысла „Увѣщаніе“ не позабываетъ упомянуть и про Іустиніана Великаго, про составленіе имъ стиха: „Единородный Сынъ“... „Благочестивый Государь Іустиніанъ“, говорится въ „Увѣщаніи“, внесъ въ службу Божію оный стихъ: „Единородный Сынъ и Слове Божій, и пр.“ однако за сіе, по словамъ архимандрита, прибавленіе, отъ Церкви онъ не только не наказанъ, но и похваленъ“ [38]). Указавши на нѣсколько примѣровъ болѣе или менѣе пространно съ соотвѣтствующими комментаріями, „Увѣщаніе“ въ концѣ отдѣла въ пользу упомянутой мысли лишь только намѣчаетъ тѣ или другіе примѣры, безъ коментарій уже. Заключеніе для нихъ всѣхъ одно. „Да и почти всѣ церковныя пѣснопѣнія, такъ продолжаетъ Увѣщатель, каноны, припѣсницы, тропари, кондаки, икосы, послѣ въ Церковь взошли: ибо они сочинены были иныя отъ Домаскина, иныя отъ Космы, иныя отъ Германа, иныя отъ Анатолія, иныя отъ Кассіи монахини, иныя отъ Льва Царя, около осми сотъ, девяти сотъ и тысячи лѣтъ послѣ Рождества Христова“ [39]). Намѣтивши заразъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство своей мысли, „Увѣщаніе“, на основаніи ихъ такъ говоритъ въ заключеніи. „Однако за сіи новыя и великія прибавленія оныхъ творцевъ, Церковь не токмо не прокляла, но еще вѣчными ублажаетъ хвалами. А для чего; для того, что они хотя иное прибавляли, иное убавляли: однако силы вѣры нимало не опорочили. И потому не тотъ, кто въ словахъ какое нибудь дѣлаетъ прибавленіе или убавленіе, достоинъ проклятія: но тотъ, кто силы прибавляетъ или убавляетъ, тотъ подлежитъ анафемѣ. А въ новоисправленныхъ нашихъ книгахъ хотя сдѣлано индѣ прибавленіе, индѣ убавленіе, индѣ перемѣна, но въ однихъ словахъ: а сила нигдѣ не повреж-

дена, какъ выше сказано. И потому исправители нашихъ книгъ достойны не наказанія церковнаго, но благословенія и благодаренія“ [40]).

И это малое, взятое изъ книги „Увѣщанія“, съ очевидностью показываютъ, насколько, дѣйствительно, могло „Увѣщаніе“ вліять на мысль объ Условномъ Единеніи старообрядцевъ съ Церковью. Въ немъ при чтеніи однихъ только приведенныхъ выдержекъ содержится убѣдительнѣйшее увѣреніе правильности Православія при всѣхъ въ немъ обрядовыхъ измѣненіяхъ. Съ другой стороны, оно и православныхъ заставляло снисходительно смотрѣть на обрядовыя различія старообрядцевъ-соединенцевъ.

Что „Увѣщаніе“ на самомъ дѣлѣ имѣло благотворное вліяніе на составленіе среди православныхъ истинныхъ понятій о старообрядчествѣ и возможности его условнаго единенія съ Церковью—это показываютъ слѣдующія слова тогдашняго архіепископа Никифора Феотоки въ его письмѣ первенствующему члену Св. Синода, новгородскому митрополиту Гавріилу. „А такъ какъ въ трактатѣ объ увѣщаніи раскольниковъ, который только что изданъ Св. Синодомъ, хотя требуется употреблять вновь изданныя церковныя книги, но не возбраняется однако употребленіе древнихъ, которыя до временъ блаженной памяти благочестивѣйшаго Петра Великаго читала вся православная Русская Церковь, и такъ какъ ясно, что пѣть тѣмъ или другимъ способомъ предъ Богомъ все равно, то поэтому я безъ затрудненія позволилъ имъ (Знаменскимъ старообрядцамъ) употребленіе древнихъ книгъ и пѣніе, къ которому они привыкли [41]). Другими словами, Славянскій архіепископъ Никифоръ разрѣшилъ Знаменскимъ старообрядцамъ нынѣшнее Единовѣріе, опираясь, во-первыхъ, на „Увѣщаніи“ м. Платона. Такъ велико было значеніе „Увѣщанія“ въ дѣлѣ составленія тогдашнихъ понятій объ Условномъ Единеніи старообрядцевъ съ Церковью, извѣстномъ нынѣ подъ именемъ Единовѣрія!

Дальнѣйшее знакомство съ „Увѣщаніемъ“ только еще болѣе уясняетъ его великое значеніе въ исторіи Единовѣрія. Авторъ его не ограничивается общими взятыми изъ церковной исторіи разсужденіями о сохраненіи вѣры при разности обрядовъ. Онъ старается освѣтить этотъ вопросъ и догматически, что особенно важно и было весьма полезно при защитѣ Единовѣрія отъ разнаго рода возраженій, сыпавшихся на него съ той и другой стороны.

Православность старыхъ и исправленныхъ книгъ и обрядовъ „Увѣщаніе“, написанное Арх. Платономъ и изданное отъ имени Церкви въ 1765 году, доказываетъ очень пунктуально: беретъ указываемую старообрядцами разность и по поводу каждой изъ нихъ входитъ въ разсужденія. „Въ старыхъ нашихъ книгахъ, говоритъ „Увѣщаніе“, было читано: Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй мя, а въ

новыхъ печатается также, но притомъ печатается и такъ: Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ“ [42]). Вотъ, первая разница между тѣми и другими книгами. Объ этой разности „Увѣщаніе“ считаетъ не лишнимъ замѣтить слѣдующее: „Здѣсь въ словахъ хотя есть перемѣна, но сила одна. Ибо Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и истинный Богъ. И потому можно читать и то и другое: и Сыне Божій, и Боже нашъ“ Въ старыхъ книгахъ, продолжаетъ „Увѣщаніе“, было „читано: Богородице дѣво радуйся, обрадованная Маріе, а въ новыхъ печатается: Благодатная Марія“. По словамъ автора „Увѣщанія“ и здѣсь также православно то и другое. „Въ сихъ разныхъ словахъ, говоритъ онъ, сила одна, понеже пресвятая Богородица есть и благодати и радости исполненна“ [43]). Молитва „Богородице дѣво радуйся“ разнится по своимъ редакціямъ не только въ своемъ началѣ, но и въ концѣ. „Увѣщаніе“ считаетъ нужнымъ сказать съ соотвѣтствующимъ заключеніемъ и объ этой разницѣ. „Въ богородичнѣ молитвѣ было по старому читано: яко родила еси Христа Спаса и избавителя душамъ нашимъ. А въ новыхъ написано: яко Спаса родила еси душъ нашихъ, и то все одно, понеже Спасъ и избавитель одно означеніе имѣютъ: и Спасъ нашъ не кто другой есть, какъ только Іисусъ Христосъ“ [44]). Обращается вниманіе „Увѣщанія“ и на различіе въ пѣніи Херувимской пѣсни. „Въ старыхъ книгахъ, замѣчаетъ оно, трисвятую пѣснь приносяще, а нынѣ поютъ: припѣвающе“. И это по его словамъ все одно. „Кто приноситъ пѣснь, говоритъ книга „Увѣщанія“, тотъ поетъ и кто поетъ пѣснь, тотъ и приноситъ пѣснь“. „Увѣщаніе во утвержденіи истины“ не забываетъ помянуть и о разницѣ въ окончаніяхъ молитвъ. „Въ старыхъ книгахъ, говоритъ оно, читали: и во вѣки вѣкомъ, а по новымъ читается и во вѣки вѣковъ“. „И сихъ словъ, замѣчаетъ оно, сила есть та же, ибо и тѣмъ и другимъ означается вѣчное Божіе пребываніе“ [45]). Нѣкоторые не мало возставали на слово „отчаянные“ въ одномъ изъ богородичныхъ по новоисправленнымъ книгамъ, видя въ этомъ хулу на Святаго Духа, такъ какъ де отчаяніе, по толкованію Василія Великаго, есть хула на Святаго Духа. „Увѣщаніе“ разбираетъ и эту разницу книгъ новой редакціи съ старыми, находя тамъ и здѣсь одинъ только православный смыслъ. Въ старыхъ книгахъ, говоритъ оно, читается: „и спаси Спасе нашъ люди отчаянныя“. Въ сихъ словахъ хотя есть разность, но нѣтъ въ силѣ разности. Не бо согрѣшшыя не могутъ надѣяться на свои дѣла, развѣ токмо на милосердіе Божіе. А и отчаянныя здѣсь тоже значитъ, что и люди согрѣшшыя, то есть, которыя не надѣются на свои дѣла, но паче надѣются на милосердіе Божіе. Ежели-бы въ новомъ переводѣ люди отчаенные значили такихъ людей, которыя отчаялись о милосердіи божіи, то подлинно такой переводъ былъ бы погрѣ-

шителенъ. Но такова разума наша церковь не пріемлетъ» [46]). Необходимо «Увѣщанію» было коснуться разницы, главнымъ образомъ, въ символѣ вѣры по старымъ и новымъ книгамъ. Эта разница даже до сихъ поръ считается одной изъ главныхъ причинъ кажущагося противорѣчія между Единовѣріемъ и Православіемъ. Вотъ, оно какъ примиряетъ эту разницу. Въ старыхъ книгахъ въ символѣ, указываетъ «Увѣщаніе», пишется: «Его-же царствію нѣсть конца, а въ новыхъ его же царствію не будетъ конца, и въ сихъ словахъ есть совершенное согласіе. Ибо Христову царствію поистинѣ и нѣсть конца, и не будетъ конца: нѣсть конца, ибо Онъ всегда царствуетъ со Отцемъ и Духомъ, и не будетъ конца: ибо когда Онъ придетъ судити живымъ и мертвымъ, тогда избранныхъ Своихъ пріиметъ въ Свое небесное царство; и сему блаженному царствованію никакова окончанія никогда не будетъ» [47]). «Опять въ старыхъ книгахъ въ символѣ, продолжаетъ «Увѣщаніе», читается: и въ Духа святаго Господа истиннаго и животворящаго. А въ ново-печатанныхъ книгахъ сіе слово, истиннаго, оставлено для того, что не дерзнули того слова въ символѣ положить, котораго не находится въ символѣ Греческомъ; однако симъ оставленіемъ сила не нарушена. Ибо кто вѣруетъ, что Духъ святый есть Господь животворящій, и отъ Отца исходящій, тотъ неотмѣнно вѣруетъ, что Духъ святый есть и истинный. Ибо нельзя, чтобъ Духъ святый былъ Господь и животворящій, а не былъ бы истинный, сего и подумати нельзя» [48]). Не менѣе чѣмъ разность въ символѣ бросается въ глаза и разность въ единовѣрческомъ и православномъ произношеніи достопоклоняемаго имени: Ісусъ и Іисусъ. «Увѣщаніе» сочло нужнымъ сказать въ принятомъ имъ объ обрядовыхъ разностяхъ смыслѣ и объ этомъ отличіи. «Въ старыхъ книгахъ, замѣчаетъ авторъ «Увѣщанія», пишется имя Искупителя нашего съ титлою тако: Ісусъ. А въ новыхъ печатается Іисусъ и тѣхъ словъ сила одна; ибо какъ подъ онымъ именемъ Ісусъ разумѣется Спаситель нашъ, такъ и самимъ именемъ Іисусъ означается тотъ—нашъ Спаситель, и потому напрасно спорить о сей слова частицѣ. И когда согласно мы пріемлемъ одного Спасителя, и въ Него вѣруемъ» [49]). «Увѣщаніе» готово привести и еще много примѣровъ доказательства все той же основной мысли, что книги Православія и старообрядчества съ точки зрѣнія православнаго смысла говорятъ одно и то же.

Доказывая православность новопечатныхъ книгъ совершенною ихъ тождественностью съ старопечатными, «Увѣщаніе», очевидно, устраняетъ и самую мысль о неправославности послѣднихъ. Послѣ этого, какъ же было возможно запретить тѣмъ же Стародубцамъ и вслѣдъ за ними другимъ соединенцамъ читать старыя книги? Они, соглашаясь быть въ единеніи съ грекороссійскою церковью, какъ со святой,

Христовой Церковью, имущей седмь церковныхъ таинствъ, обѣщаясь принимать отъ нея іерархію и благословеніе, просили лишь оставить имъ старыя книги и обряды (5-й пунктъ по условіямъ 1783 года и 10-й пунктъ по условіямъ 1787 года). Представители Православія, какъ видимъ, дѣйствительно, оставили имъ все это, раздѣляя въ этомъ или только что изложенные взгляды книги «Увѣщанія», или же имѣя въ виду «Краткое повѣствованіе» арх. Никифора, присланное имъ въ Синодъ въ 1781 году.

«Увѣщаніе», отыскивая старообрядцамъ православный смыслъ въ исправленныхъ книгахъ, имѣло въ виду и представителей Православія, когда говоритъ о точно такомъ же смыслѣ и въ старыхъ книгахъ. Какую громадную пользу, подумаешь, принесло въ 1783 и въ 1787 году сочиненіе, писанное въ 1765 году! Писано было для старообрядцевъ, но принесло пользу и православнымъ въ дѣлѣ соединенія

Послѣ приведенныхъ сужденій о книгахъ, «Увѣщаніе» въ главѣ объ обрядахъ прежде всего говоритъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знамени. То и другое сложеніе: двуперстіе и троеперстіе, по «Увѣщанію», православно. Старообрядцы въ двуперстіи исповѣдуютъ два естества во Христѣ и Святую Троицу, а православные въ троеперстіи Св. Троицу и два естества. «Такъ какое же теперь осталось, спрашиваетъ «Увѣщаніе, между вами—старообрядцами и нами—православными несогласіе?» И само же отвѣчаетъ: «никакого». Не упоминая длинныхъ разсужденій касательно равночестности четверо-конечнаго и восьмиконечнаго креста, нельзя пройти молчаніемъ разбора авторомъ «Увѣщанія» обрядовой разницы между старымъ и новымъ количествомъ просфоръ на проскомидіи и относительно хожденія посолонь. Приношеніе на проскомидіи семи просфоръ или пяти, по мнѣнію «Увѣщанія», одинаково православно. «Сила вся, говоритъ оно, въ единомъ хлѣбѣ или просфорѣ, ибо безъ единаго хлѣба Святая Литургія совершиться не можетъ, а прочее просфоръ число остается на обыкновеніи церковномъ и на произволеніи приносящихъ» [50]). Касательно разницы при хожденіи кругомъ купели въ таинствѣ Крещенія, кругомъ аналоя при таинствѣ брака, «Увѣщаніе» сначала было не бралось и разсуждать. Такъ она мала по его мнѣнію. А взявшись разсматривать и эту разницу, авторъ «Увѣщанія» прямо заявлялъ: «хорошо ходить и по солнцу, только бы въ соединеніи съ Церковью» [51]).

Греческій архіепископъ Никифоръ Θеотоки, какъ апологетъ Единовѣрія.

Дальнѣйшимъ памятникомъ, объясняющимъ перемѣну во взглядахъ на старый обрядъ къ концу XVIII вѣка, является «Краткое по-

вѣствованіе», написанное Греческимъ архіереемъ Никифоромъ Ѳеотоки.

При вступленіи послѣдняго въ 1779 году на Славянскую (Херсонскую) каѳедру старообрядцы—выходцы изъ Молдавіи, жившіе въ Елизаветградскомъ уѣздѣ, въ селеніи Знаменка,—обратились къ нему съ просьбой дать имъ законно-освященный храмъ и священника въ немъ изъ ихъ среды на старыхъ книгахъ [52]). Никифоръ Ѳеотоки безъ колебаній согласился на такое ходатайство старообрядцевъ: за богослуженіемъ позволилъ употреблять старинныя книги и пѣть по нимъ, а для службы прислалъ одного православнаго и почтеннаго священника Стефана Попова, который послѣ публичнаго отреченія старообрядцевъ отъ раскола и пріема въ православную церковь, освященія у нихъ самимъ архіепископомъ [53]) храма, сталъ пасти ихъ на основаніи того, что впослѣдствіи стало извѣстно подъ именемъ правилъ Единовѣрія [54]).

Преосвященный, дѣйствовавшій въ духѣ восточнаго православія, надѣялся, что всѣ эти распоряженія будутъ съ радостью приняты и утверждены высшею властію, издавшею въ свое время «Увѣщаніе»; тѣмъ болѣе, конечно, не предполагалъ, чтобы они могли вызвать порицаніе. Между тѣмъ, они были встрѣчены въ Синодѣ съ недоумѣніемъ и съ неудовольствіемъ, ихъ намѣревались тамъ даже тотчасъ же уничтожить и только, въ виду возможности волненій по поводу этого среди старообрядцевъ, предали молчанію. Владыка Ѳеотоки былъ огорченъ и смущенъ этимъ молчаніемъ, хотѣлъ послѣ этого даже. «измѣнить свой образъ мыслей относительно снисхожденія старообрядцамъ и облечься духомъ осторожности». Преосвященный готовъ былъ подчиниться взгляду Синода на совершенное имъ присоединеніе Знаменскихъ старообрядцевъ: онъ успѣшно уговаривалъ ихъ пользоваться новыми богослужебными книгами; но въ то же время, считая свои прежнія распоряженія вполнѣ согласными съ духомъ истиннаго православія, представилъ «Краткое повѣствованіе объ обращеніи раскольниковъ селенія Знаменки, какимъ образомъ послѣдніе были приняты въ православную церковь, изложеніе основаній, по которымъ позволено было читать старинныя книги, изданныя въ Россіи, и пѣть по старому обычаю и т. д.»

Основанія, которыя приводилъ арх. Никифоръ въ пользу единенія старообрядцевъ съ православною Церковью съ оставленіемъ имъ ихъ обрядовъ, были настолько вѣски, что встрѣченное сначала съ недоумѣніемъ условное единеніе Знаменцевъ было оставлено безъ отмѣненія, а потомъ, не безъ вліянія ихъ, открыто было и т. н. «Стародубское Согласіе».

О неодинаковомъ значеніи догматовъ вѣры и обрядовъ арх. Никифоръ такъ писалъ. Обрядовыя постановленія, говорилъ архі-

епископъ, почерпаются у насъ изъ двухъ источниковъ, именно: изъ книги подъ названіемъ Типикъ и изъ Евхологія. Типикъ составилъ Св. Савва, а исправлялъ сначала Софроній Іерусалимскій, а потомъ Св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ немъ и послѣ того сдѣланы были различныя прибавленія. Типикъ, по словамъ Никифора Θеотоки, появился въ Церкви цѣлыхъ пять вѣковъ спустя послѣ Христа Спасителя. Сначала онъ не былъ общеупотребителенъ и не всѣ церкви пользовались имъ такъ, какъ неизмѣняемымъ правиломъ. Ибо существовали и другіе отличные отъ него типики. Такихъ типиковъ архіепископъ насчитываетъ нѣсколько. А ктиторскихъ типиковъ или тѣхъ, которые были составлены настоятелями монастырей, по мнѣнію преосвященнаго Θеотоки, было даже не одинъ. «Изъ нихъ три, говорилъ онъ, по свидѣтельству Фабриція, сохраняются въ Барбериновой библіотекѣ. А четвертый, составленный царицею Ириною для инокинь ею созданнаго монастыря, былъ изданъ въ Парижѣ и экземпляръ его есть даже и у меня». Древніе Евхологіи, по словамъ архіепископа, тоже представляютъ нѣкоторыя различія не только въ количествѣ молитвъ, но даже и въ обрядахъ. Примѣръ этому преосвященный видитъ въ Евхологіи, изданномъ Іяковомъ Гоаромъ. О немъ ученнѣйшій Фабрицій, по словамъ архіепископа-грека, замѣтилъ въ свое время слѣдующее: «не удивительно, что у Грековъ при различіи церквей, утвердились и различные обряды; но вѣра всегда непрерывно у нихъ была одна и та же, такъ какъ ихъ епископы продолжали мудрствовать правильно».

Послѣднія замѣчанія, какъ нельзя лучше, помогали архіепископу въ его оправданіи Единовѣрія, отличающагося отъ общеправославія между прочимъ обрядами, имѣющими по его словамъ иное, гораздо позднѣйшее происхожденіе, чѣмъ истины вѣры, одинаковыя въ томъ и другомъ.

Не мало помогли преосвященному защитить Условное Единеніе старообрядцевъ съ Церковью и примѣры одновременнаго существованія въ разныхъ церквахъ различныхъ обрядовъ. Примѣры эти общеизвѣстны, но въ то же время весьма основательные. «Нѣкогда, такъ говорилъ архіепископъ, Александрійскія, Римскія и остальныя западныя церкви праздновали праздникъ Пасхи въ воскресный день, а Азійскія—въ 14-й день перваго мѣсяца, въ какой бы день недѣли онъ не случился». Вотъ, когда еще сталъ приводиться примѣръ разнаго празднованія Пасхи въ доказательство возможности и правильности Условнаго Единенія старообрядцевъ съ Церковью! Преосвященный приводилъ и другой, до нынѣ употребляемый съ тою же цѣлью, примѣръ. «Африканскія церкви, говорилъ онъ, съ которыми были согласны Тарсійскія, Кессарійскія, Киликійскія, Каппадокійскія

и Галлатійскія, перекрещивали тѣхъ, которые отъ ересей обращались къ православной Церкви, а Римскія и прочія западныя церкви признавали крещеніе еретиковъ правильнымъ».

Въ «Краткомъ повѣствованіи» арх. Θеотоки, какъ и въ «Увѣщаніи» м. Платона, учредители Стародубскаго согласья кромѣ доказательствъ, взятыхъ изъ примѣровъ одновременнаго существованія въ разныхъ православныхъ церквахъ различныхъ обрядовъ, изъ исторіи происхожденія послѣднихъ въ пользу возможности Единовѣрія могли находить и другіе не менѣе основательные доводы. Архіепископъ Славянскій, при защитѣ единовѣрія, употребленіе старыхъ книгъ кромѣ того оправдываетъ слѣдующими каноническими доводами, которые можно представить въ такомъ видѣ: а) Не было издано никакого повелѣнія, чтобы не читать старопечатанныхъ книгъ; б) въ книгѣ «Увѣщанія» православная Церковь хотя защищаетъ новыя книги, однако не совѣтуетъ воздерживаться отъ употребленія и старыхъ; в) нѣкоторыя старопечатанныя книги существуютъ и въ православныхъ церквахъ и доселѣ читаются, напр. Кормчая; г) по старымъ книгамъ спасались многіе святые Древне-Русской Церкви, запрещать употребленіе ихъ все равно, что и порицать, а порицаніе есть укоръ для всей благочестивой Древне-Русской Церкви; д) разныя редакціи въ богослужебныхъ книгахъ существовали и въ прежнее время.

Послѣ рѣчи о старыхъ книгахъ архіепископъ говоритъ про старые обычаи. Въ пользу возможнаго употребленія ихъ въ церковной жизни просвѣщенный архипастырь приводитъ массу справокъ изъ исторіи и каноники церкви. Интересно его мнѣніе о пѣніи, обычномъ въ единовѣрческомъ богослуженіи. «Потому, говоритъ онъ, я разрѣшилъ старообрядцамъ пѣть по ихъ обычаю, что вовсе не установлено, какимъ пѣть напѣвомъ, лидійскимъ, или дорійскимъ, римскимъ, или персидскимъ. 75-е правило Трульскаго вселенскаго собора повелѣваетъ только, чтобы поющіе не допускали безчинныхъ воплей и не силились естественный голосъ превращать въ крикъ. Но обычное пѣніе раскольниковъ, заключаетъ архіепископъ, на мой слухъ, далеко не походитъ на упомянутый крикъ. Кромѣ того извѣстно, продолжаетъ преосвященный, что почти каждый православный народъ имѣетъ свой образъ пѣнія, и даже тотъ, который можно слышать въ великороссійскихъ церквахъ, не мало отличается отъ употребляемаго въ малорусскихъ». Слѣдуетъ, заканчиваетъ онъ свое доказательство, обратить вниманіе и на слова Василія Великаго Неокесарійцамъ, которые ссорились съ Кессарійцами изъ-за различія во образѣ пѣнія. Онъ писалъ имъ, что надлежало бы стыдиться заводить непримиримую вражду изъ-за различія въ обрядахъ.

Цѣль Единовѣрія по сознанію представителей Русской Церкви второй половины XVIII вѣка.

Изложенное до сихъ поръ пониманіе Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ церковью, носившееся тогда въ головахъ представителей Православія, у нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе или менѣе развитое даже въ особыхъ сочиненіяхъ, не разъясняетъ, однако, тѣхъ ограниченій, какія были предъявляемы условному примиренству со стороны духовной власти. Не будемъ говорить объ отказѣ дать старообрядцамъ-соединенцамъ особыхъ епископовъ. О затрудненіяхъ духовной власти въ этомъ случаѣ было уже говорено. Приведенное не объясняетъ намъ и другого ограниченія, предъявленнаго представителями Православія старообрядцамъ - соединенцамъ, именно ограниченія условій о допущеніи въ единовѣріе незаписныхъ раскольниковъ. Отказъ Святѣйшаго Синода на просьбу старообрядцевъ присоединять къ ихъ церкви незаписныхъ старообрядцевъ, по Церковнымъ документамъ православныхъ, становится понятенъ лишь при разсмотрѣніи тогдашнихъ мнѣній о значеніи и цѣли Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ Церковью. Цѣль даваемаго старообрядцамъ - соединенцамъ снисхожденія, по мнѣнію представителей Православія этого періода, двоякая: ближайшая — приведеніе отверженныхъ отъ церкви къ единству ея, хотя бы и при соблюденіи ими старыхъ обрядовъ, а дальнѣйшая—объединеніе старообрядцевъ-соединенцевъ съ православными и въ обрядѣ. Отсюда, поэтому, неумѣстность присоединенія къ Единовѣрію по церковнымъ документамъ православныхъ. Единовѣрцы сами должны будутъ слиться съ православными, а не православные (нѣкоторые) съ ними. Первая цѣль Единовѣрія проводится православными во все время существованія Единовѣрія, такъ какъ въ ней заключается, главнымъ образомъ, самое значеніе Единовѣрія. Что касается второй, то и она была въ сознаніи православныхъ и проводилась ими въ жизнь въ разсматриваемый періодъ исторіи Единовѣрія.

Когда преосвященные — м. Димитрій и еп. Гедеонъ — члены Синода разсуждали о цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью, они указывали только на сближеніе старообрядцевъ съ церковью съ оставленіемъ имъ прежнихъ обрядовъ. Значеніе условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью полагалось ими въ привлеченіи отдѣленцевъ къ церкви, не могущихъ оставить своихъ любимыхъ обрядовъ. Черезъ послѣднее условіе они думали скорѣе привлечь ихъ въ ограду Христовой Церкви. Они замѣчали, какъ тяжело старообрядцамъ прямо присоединиться къ церкви

безъ соблюденія старыхъ обрядовъ. Въ этомъ убѣждали ихъ и прежнія крайнія крутыя мѣры, направленныя къ обрядовому единообразію въ Русской церкви. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, не помогли дѣлу. И такъ, преосвященные не желали уже непремѣннаго соблюденія новыхъ обрядовъ и старообрядцами. Они хотѣли лишь одного: единенія ихъ съ Церковью, хотя бы и при соблюденіи старыхъ обрядовъ. Для благой цѣли единенія въ догматахъ вѣры, въ таинствахъ, въ священноначаліи они готовы были пожертвовать тѣмъ единообразіемъ въ обрядѣ, стремленіе къ коему они сами считали законнымъ. «Пусть, убо только старообрядцы, заключали свое разсужденіе о возможности Единовѣрія упомянутые архипастыри, признаютъ церковь столько пекущуюся, и къ немощнымъ снисходящую, пусть различествующихъ отъ нихъ обрядами братій своихъ не порочатъ и не хулятъ, когда сами не могутъ съ ними согласиться; пусть только они во всемъ хотя кромѣ обрядовъ будутъ съ православной нашей церковью единомысленны: то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, чтобы ихъ принять и присоединить къ православному нашему обществу» [55]).

Здѣсь мы не видимъ, чтобы при условномъ единеніи старообрядцевъ съ церковью высказывалось желаніе и объ усвоеніи послѣдними исправленныхъ обрядовъ. Цѣль ограничивалась лишь актомъ объединенія держателей старины съ православными на почвѣ догматовъ, таинствъ и священноначалія. Не то замѣчается при разсмотрѣніи частнаго въ концѣ XVIII в. случая условнаго единенія старообрядцевъ съ православными. Разумѣемъ присоединеніе арх. Никифоромъ Феотоки Знаменскихъ старообрядцевъ въ 80-хъ годахъ означеннаго столѣтія. Въ первоначальныхъ взглядахъ на цѣль устроеннаго присоединенія у архіепископа нѣтъ разницы съ выше приведенными разсужденіями на эту же тему упомянутыхъ архипастырей. Но нельзя этого сказать про дальнѣйшія его воззрѣнія на тотъ же предметъ, явившіяся послѣ знакомства съ мнѣніями, какія были высказаны по поводу присоединенія названныхъ старообрядцевъ тогдашними членами Синода, во главѣ коихъ находился преосвященный Гавріилъ, м. Новгородскій. Въ нихъ кромѣ первой цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью открыто выдвигается и вторая, завершившаяся указаннымъ нами ограниченіемъ и ясно выраженная впослѣдствіи м. Платономъ во второмъ его дополнительномъ мнѣніи къ правиламъ Единовѣрія.

Первоначальный взглядъ арх. Никифора на цѣль условнаго соединенія въ виду присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ, равно его дальнѣйшія воззрѣнія на этотъ предметъ, а также и мнѣнія по этому поводу тогдашнихъ членовъ Синода открываются изъ возникшей переписки по дѣлу Знаменскихъ старообрядцевъ. Распоряже-

нія Херсонскаго архіепископа по случаю присоединенія старообрядцевъ слободы Знаменки въ Синодѣ были встрѣчены съ недоумѣніемъ. Между первенствующимъ членомъ Синода и архіепископомъ Никифоромъ возникаетъ обмѣнъ писемъ. Концемъ переписки является даже объясненіе архіепископа въ Синодъ, отправленное имъ подъ извѣстнымъ уже намъ заглавіемъ: «Краткое повѣствованіе» и т. д.

Какъ въ письмахъ къ митрополиту Гавріилу, такъ и въ «Краткомъ Повѣствованіи» архіепископъ сначала защищаетъ свой прежній взглядъ на цѣль устроеннаго имъ соединенія, а потомъ считается съ мнѣніями по этому поводу членовъ Синода. Онъ готовъ, какъ нижайшій послушникъ Синода, подчиниться его мнѣнію объ условномъ единеніи старообрядцевъ съ Церковью, хотя не считаетъ лишнимъ обосновать и свой собственный взглядъ на соединенство старообрядцевъ слободы Знаменки. Въ своемъ «Краткомъ Повѣствованіи» арх. Никифоръ Ѳеотоки для защиты даннаго имъ снисхожденія Знаменскимъ старообрядцамъ дѣлаетъ подобно м. Димитрію и еп. Гедеону ссылки на исторію вселенской Церкви. Онъ упоминаетъ объ актахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, о твореніяхъ отцовъ и учителей Церкви и нигдѣ не встрѣчаетъ, чтобы кто-либо разсуждалъ объ обрядахъ и требовалъ непремѣннаго исполненія ихъ отъ тѣхъ, которые обращаются къ каѳолической Церкви изъ ереси, или раскола. «Всѣ старанія и рвеніе, говоритъ преосвященный Ѳеотоки, прилагались только объ истинѣ вѣры, цѣлости догматовъ и святости жизни». Лишь только обращавшіеся принимали это, заключаетъ архіепископъ, Церковь встрѣчала ихъ съ распростертыми объятіями, безъ всякаго разсужденія объ обрядахъ. Въ пользу устроеннаго имъ присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ безъ обязательства соблюдать новые обряды арх. Никифоръ приводитъ примѣры не только изъ древней церкви. Онъ беретъ доказательство изъ XI—XIV вв. церковной исторіи, изъ періода сношенія Лютеранъ съ Греческой церковью въ XVI столѣтіи. «Западная Церковь, замѣчаетъ архіепископъ, даже прежде отдѣленія своего отъ Восточной имѣла свои собственные обряды. Прежде раздѣленія каждая церковь сохраняла свои обряды и одна не только не порицала обрядовъ другой, но даже почитала ихъ: обѣ церкви сохраняли духовное единство, хотя имѣли различные обряды. И послѣ раздѣленія, заканчиваетъ преосвященный, всякій разъ какъ задумывали и старались о соединеніи, никогда не говорили объ обрядахъ ни православные, ни иноправные»... Другой примѣръ данному имъ снисхожденію Знаменскимъ старообрядцамъ читать при Богослуженіи старыя книги владыка Ѳеотоки привелъ изъ XVI вѣка. «За два вѣка предъ симъ, говорилъ онъ, когда Лютеране стремились соединиться съ каѳолическою

Церковью, св. патріархъ Іеремія много писалъ имъ объ исхожденіи Святаго Духа, о таинствахъ, о почитаніи святыхъ иконъ, о ходатайствѣ святыхъ и другомъ, а о томъ, чтобы они перемѣнили свои обряды и приняли наши—ничего. Оправдывая условное присоединеніе Знаменцевъ къ Церкви ссылками и на другіе примѣры въ церковной исторіи, между прочимъ, подобно м. Димитрію и еп. Гедеону, на примѣръ Ап. Павла, обрѣзавшаго ученика Тимоѳея послѣ Апостольскаго Собора, арх. Никифоръ готовъ былъ до конца своей жизни смотрѣть подобно же своимъ упомянутымъ предшественникамъ и на цѣль допущеннаго имъ для старообрядцевъ нѣкотораго отличія церковно-богослужебной жизни, не требовать отъ нихъ и въ будущемъ перемѣны любимыхъ обрядовъ.

Но самыя стремленія архіепископа какъ можно больше привести примѣровъ оставленія присоединявшимся въ разное время ихъ прежнихъ обрядовъ говорили уже за то, что изложенный его взглядъ на цѣль устроеннаго имъ присоединенія къ церкви Знаменскихъ старообрядцевъ не всѣ раздѣляютъ. Въ концѣ «объясненія» онъ и самъ готовъ отказаться отъ своего взгляда. Въ первой своей половинѣ «Краткое повѣствованіе» можетъ быть вполнѣ приписаннымъ м. Димитрію и еп. Гедеону. Но нельзя этого сказать про конецъ «Повѣствованія» Славянскаго архіепископа. Здѣсь читатель встрѣчается съ другимъ совершенно мнѣніемъ про цѣль Условнаго Соединенства старообрядцевъ съ церковью. Узнавши изъ переписки съ м. Гавріиломъ, что многіе не желаютъ, дабы между присоединившимися и Православными было какое-либо различіе, арх. Никифоръ направлялъ въ концѣ дѣло Знаменскихъ старообрядцевъ такъ уже, что оно могло удовлетворить и «этихъ многихъ». «И я принялъ Знаменцевъ, говоритъ про себя архіепископъ въ концѣ объясненія, въ надеждѣ, что въ концѣ между ними и нами не будетъ никакого различія ни въ чтеніи новыхъ книгъ, ни въ совершеніи какого нибудь, хотя бы самаго ничтожнаго, обряда. Мысль снисхожденія (οἰκονομίαν) я хвалю и привѣтствую. Но если высшія власти увѣдомятъ меня, что она имъ не угодна, я вполнѣ готовъ оставить ее». И онъ, дѣйствительно, старался оставить ее.

Вторая половина «Повѣствованія», какъ видится, уже не соотвѣтствуетъ первой. Здѣсь устроенное имъ соединенство Знаменцевъ съ церковью оправдывается не пріобрѣтеніемъ ихъ въ единство вѣры и таинствъ, а надеждой на усвоеніе ими въ скоромъ времени ново исправленныхъ обрядовъ. Во второй половинѣ своего объясненія, въ 8-мъ пунктѣ, архіепископъ защищаетъ условное соединенство старообрядцевъ слободы Знаменки тѣмъ, что онъ «вѣрилъ въ Бога и надѣялся, что благодать Его, которая теперь подается имъ (старообряд-

цамъ) чрезъ святыя таинства, которыхъ они дотолѣ были лишены, просвѣтитъ ихъ употреблять и новыя книги». Надежда эта, по словамъ архіепископа, не посрамила его: онъ и прежде замѣчалъ, что у нѣкоторыхъ появляется уже желаніе новыхъ книгъ.

Кромѣ первой цѣли Условнаго Соединенства, Херсонскій—тогда Славянскій—архіепископъ, какъ видимъ, выдвигаетъ и вторую—окончательное объединеніе соединенцевъ съ православными не только въ ученіи вѣры, но и въ изображеніи ея—въ обрядахъ Смыслъ устроеннаго имъ соединенства въ слободѣ Знаменкѣ онъ оправдываетъ не только тѣмъ положеніемъ, что прежніе «старообрядцы день отъ дня укрѣпляются въ вѣрѣ, но и также (главнымъ образомъ) тѣми доводами, что вновь присоединенные «знаменіе святаго креста изображаютъ, какъ и православные, тремя перстами»...

Перестановка понятій касательно цѣли условнаго единенія старообрядцевъ съ церковью у арх. Никифора Θеотоки, какъ мы сказали, произошла послѣ его знакомства съ мнѣніями членовъ Синода объ условномъ присоединеніи Знаменскихъ старообрядцевъ. Члены эти съ Новгородскимъ м. Гавріиломъ во главѣ, какъ видно изъ переписки послѣдняго съ арх. Θеотоки не хотѣли останавливаться на первой указанной владыкой Никифоромъ цѣли устроеннаго имъ условнаго соединенства. Они не отмѣнили распоряженій архіепископа по дѣлу присоединенія Знаменскихъ старообрядцевъ единственно въ надеждѣ на приведеніе ихъ въ скоромъ времени къ полному объединенію съ православными. «Твое постановленіе, писалъ м. Гавріилъ къ арх. Никифору, хотѣли отмѣнить, но дабы не возбудить новыхъ волненій мы молчимъ, надѣясь, что ты постараешься привести ихъ къ болѣе здравымъ понятіямъ, такъ чтобы они вполнѣ образумились и во всемъ были бы согласны съ православною церковью».

Такое непремѣнное желаніе большинства представителей православія того времени имѣть соединенцевъ-старообрядцевъ во всемъ сходными съ православными покоилось на уваженіи къ постановленіямъ Большого Московскаго Собора 1667 года. Тотъ же первенствующій членъ Синода въ письмѣ къ преосвященному Никифору отъ 11 октября 1781 года пишетъ [56]): «Желалъ бы я, чтобы ты просмотрѣлъ «Дѣянія» собора, который учредили въ Москвѣ Греческіе патріархи, увидишь, что они запрещаютъ дѣлать раскольникамъ такого рода снисхожденіе, какое ты сдѣлалъ». Соборъ 1667 года, дѣйствительно, стремясь къ единообразію, заповѣдывалъ съ клятвою принимать новыя книги и содержащіеся въ нихъ церковные обычаи. Поэтому, сдѣланныя отступленія отъ этихъ постановленій собора церковной власти и не хотѣлось переводить въ постоянное явленіе церковной жизни. Въ мнѣніяхъ тогдашнихъ членовъ Синода церковное постановле-

ніе, какого бы то ни было характера, было такъ велико, что сдѣланное отступленіе даже апостоломъ отъ одного изъ нихъ, представлялось имъ сдѣланнымъ по требованію всей Церкви. «Ты написалъ, продолжаетъ свое письмо м. Гавріилъ къ арх. Никифору, что подражалъ апостолу Павлу, обрѣзавшему Тимоѳея. Но Павелъ сдѣлалъ то, чего требовала вся Церковь». Хотя владыка Ѳеотоки со всею твердостью, на основаніи подлиннаго текста апостольскихъ «Дѣяній», опровергъ замѣчаніе м. Гавріила, что будто апостолъ Павелъ обрѣзалъ Тимоѳея по требованію всей церкви, но фактъ такого толкованія Апостольскаго снисхожденія на лицо. Онъ свидѣтельствуетъ, что тогдашнее большинство представителей Православія тоже нуждалось въ оказаніи даннаго арх. Никифоромъ «снисхожденія» общаго какого-либо церковнаго авторитетнаго постановленія. До изданія же его оно старается и случаи оказаннаго «снисхожденія» какимъ-либо образомъ прекратить. Въ данномъ мѣстѣ оно совѣтуетъ преосв. Никифору, какъ можно скорѣе привести присоединенныхъ старообрядцевъ къ болѣе здравымъ понятіямъ, къ полному объединенію съ православными не только въ таинствахъ, но и въ обрядѣ.

Къ единообразію въ церковной жизни стремилось, какъ мы видѣли, и свѣтское Правительство. Начиная со временъ собора 1667 года до царствованія Екатерины II-й къ этому направлялось большинство всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои прилагались по отношенію къ расколу. Единообразіе это не опускалось изъ виду и въ началѣ царствованія Екатерины II-й. Екатерина Великая указомъ Св. Синоду отъ 3-го марта 1764 года, между прочимъ, повелѣла слѣдующее: «Что касается до тѣхъ, кои православной Церкви не чуждаются, и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ пріемлютъ, а только въ закоснѣлыхъ и безразсудныхъ нѣкоторыхъ по суевѣрію остаются обычаяхъ, не различающихъ ни слова Божія, ниже догматовъ, ни правилъ церковныхъ: то они не токмо отъ входа Церкви таинствъ ея Св. Сѵнодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ тѣмъ же Сѵнодомъ не признаваемы, въ надѣяніи томъ, что они со временемъ по благоразумію и кроткому поученію священниковъ, то свое безразсудное упрямство оставятъ и православную вѣру совершенно познавъ во всемъ Церкви святой повиноваться будутъ» [57]). На второй цѣли Условнаго Соединенства означенные Архипастыри, значитъ, могли настаивать изъ уваженія какъ къ прежнимъ постановленіямъ церкви, такъ и къ прежнимъ распоряженіямъ свѣтскаго Правительства, стремившагося къ единообразію церковной жизни не только въ предшествующія царствованія, но и въ началѣ царствованія Екатерины II-й.

По соображеніямъ ли только манифеста Екатерины II-й члены Сѵнода хотѣли оправдать допущенное безъ ихъ вѣдома условное со-

единенство Знаменцевъ второй его цѣлью, или по другимъ какимъ причинамъ держались такія ихъ понятія о цѣли Условнаго Соединенства, только намъ и изъ дальнѣйшей исторіи пониманія Единовѣрія православными извѣстна болѣе эта вторая его цѣль. Во время Стародубскаго Согласія ее, напримѣръ, открыто высказываетъ арх. Амвросій (Серебрянниковъ), а во время учрежденія «согласія» въ Перми не считаетъ лишнимъ заявить о ней и самъ Св. Сѵнодъ.

III ГЛАВА.

Единовѣріе 1800 года.

Послѣ укрѣпленія «Согласія» въ Стародубьѣ, послѣднее постепенно стало распространяться и по другимъ городамъ и весямъ Россіи. Въ первые годы царствованія Павла I-го оно проникаетъ въ г.г.: Казань [1]), Нижній Новгородъ [2]), Торжекъ [3]), Тверь [4]), въ Петербургъ [5]) и проч. Казанское единовѣріе получило начало въ сентябрѣ 1797 года. Въ Татарской слободѣ, около озера Кабана, находилась «стоящая въ праздности» во имя св. 4-хъ Евангелистовъ церковь, которую архіепископъ Казанскій Амвросій, по просьбѣ старообрядцевъ, и предоставилъ въ ихъ распоряженіе. Въ настоятели, по избранію старообрядцевъ, былъ опредѣленъ священникъ Екатерининской церкви Адмиралтейской слободы того же города, Архипъ Андреевъ, съ дозволеніемъ ему совершать богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ. Казанскіе единовѣрцы выговорили себѣ и то, чтобы ихъ священникъ зависѣлъ непосредственно отъ самого архіепископа. Нижегородскіе старообрядцы, со своей стороны, представили 14 пунктовъ условнаго присоединенія ихъ къ церкви. Они просили, во первыхъ, опредѣлять къ ихъ церквамъ въ священники или изъ наличныхъ православныхъ священниковъ, или же изъ вновь поставляемыхъ по ихъ выбору, или же изъ числа отбѣгшихъ въ прежнее время отъ Великороссійской Церкви поповъ (ср. 3, 5 и 9 Ник. усл.). Опредѣляемые священники, согласно 2 § ихъ просьбы, должны были служить въ избравшихъ ихъ приходахъ по старопечатнымъ книгамъ, съ точнымъ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ, «не присовокупляя къ себѣ отъ Великороссійской Церкви другихъ священниковъ» (ср. 5 § Ник. усл.). Однимъ лишь св. миромъ они заимствовались, какъ значилось въ 3 пунктѣ, отъ православныхъ, (ср. 7 § Ник. усл.), дарами рукоположенія (I пункт.) и покаянія. Соединенскіе священники, по 7 § условій, должны были исповѣдываться у соединенскихъ же священниковъ, а въ случаѣ недостатка въ таковыхъ,—у православнаго архіерея. Церкви (храмы), по словамъ 4-го пункта, должны были тоже освящаться на древнихъ антиминсахъ (ср. 4 § Ник. усл.). До устройства же ихъ (храмовъ) настоятели, какъ говорилось въ 5 пунктѣ, должны были ѣздить съ цѣлью заготовленія,

напримѣръ, запасныхъ даровъ въ другіе соединенскіе монастыри и церкви, гдѣ они есть. Соединенскіе священники, согласно 6 пункту, не должны были требоваться ни въ какія соборныя моленія Великороссійскихъ церквей. Православные, исключая Высочайшихъ особъ, «знаменующіеся тремя перстами и брады бріющіе» не допускались въ храмы старообрядцевъ-соединенцевъ. Къ обществу послѣднихъ могли принадлежать лишь тѣ изъ православныхъ, которые держались старыхъ обрядовъ (ср. 10, 8, 12, 11 §§ Ник. усл.). Дальнѣйшими условіями Нижегородскихъ соединенцевъ тоже не мало выпрашивалось обособленности. На соединенскіе приходы, на ихъ священнослужителей Духовная Консисторія не должна была распространять своей власти. Это говорилось въ 8 пунктѣ. Согласно 9, сами епископы должны были благословлять соединенцевъ и ихъ духовенство не иначе, какъ двуперстно. Они обязывались также наказывать, подвергать эпитимьѣ соединенское духовенство лишь при старообрядческихъ-соединенскихъ монастыряхъ и церквахъ (§ 10 ср. 10 § Ник. усл.). Епитимьѣ епископъ могъ подвергать и прочихъ соединенцевъ (мірянъ), напримѣръ, за нерадѣніе въ дѣлѣ исполненія христіанскаго долга исповѣди. Но за то соединенцы не обязывались платить за упомянутое опущеніе положенныхъ прежними правительственными распоряженіями штрафовъ (12 §) [6]).

Выговаривая себѣ болѣе или менѣе самостоятельную особую церковную организацію, Нижегородскіе соединенцы постарались оградить ее отъ измѣненія и на будущее время. Въ 14 § своихъ условій они предлагали представителямъ Православія: «взаимно предать молчанію и суду Божію прежнія клятвы, распри и поношенія, происходившія въ обрядахъ между Великороссійскою Церковью и старообрядчествующими, и просить Господа Бога о дарованіи мира и Христоподражательной среди нихъ любви для соблюденія той и другой стороной изложеннаго въ условіяхъ и на все будущее время безъ нарушенія» (ср. 1 § Ник. усл.). Пункты условій Нижегородскихъ старообрядцевъ регламентируютъ ихъ отношенія къ церкви гораздо подробнѣе, чѣмъ Никодимовы условія. Здѣсь предусматривается даже покрой одежды соединенскихъ священно-церковно-служителей. Онъ долженъ быть такой же, какой и у православныхъ (13 §).

По поводу ходатайства Нижегородскихъ старообрядцевъ о присоединеніи ихъ на просимыхъ условіяхъ, 12 марта 1798 года состоялся именной Императорскій указъ Святѣйшему Синоду. Въ этомъ указѣ говорилось: «Разсмотрѣвъ докладъ, поднесенный отъ Синода по представленію въ оный епископа нижегородскаго, повелѣваемъ жительствующимъ въ тамошней епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церковь и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ

епархіальнаго архіерея, для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ помянутаго епископа, котораго собственному усмотрѣнію предоставить исправленіе тѣхъ священниковъ, въ случаяхъ какихъ-либо учиненныхъ ими преступленій духовной епитиміи подлежащихъ. На семъ основаніи Синодъ можетъ равномѣрно дозволеніе давать и по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія» [7]).

Условное соединенство, по смыслу этого указа, получало право безпрепятственнаго распространенія, если оно удовлетворяло прописаннымъ духовною властью пунктамъ на прошеніе Нижегородскихъ соединенцевъ. Въ этихъ пунктахъ, предложенныхъ со стороны церковнаго правительства въ отвѣтъ на 14 условій Нижегородскихъ старообрядцевъ, давалась старообрядцамъ-соединенцамъ по прежнему церковная организація во главѣ со священниками, съ включеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ прошенія конца 6 пункта о принятіи въ единовѣріе незаписныхъ раскольниковъ и т. п.

Несмотря на указъ 12 марта 1798 г., пунктамъ, положеннымъ въ отвѣтъ на 14 условій Нижегородскихъ соединенцевъ, однако недолго пришлось быть образцомъ жизни условнаго примиренства старообрядцевъ съ Церковью. Пункты Нижегородскаго условнаго соединенія, несмотря на то, что вызвали Высочайшій указъ, распространявшій его повсюду, гдѣ бы ни находились старообрядцы, желавшіе получить благословенное священство, не смогли быть той нормой для единовѣрія, въ качествѣ каковой заявили себя въ 1800 году условія единенія Московскихъ старообрядцевъ.

Условія провинціальныхъ старообрядцевъ-соединенцевъ (Нижегородскихъ) все еще вызывали въ соединенцахъ, особенно въ столичныхъ, сомнѣнія, желанія въ нихъ измѣнить, поправить. Около этого времени мы видимъ, правда, нѣсколько соединившихся съ православною Церковью старообрядческихъ обществъ въ разныхъ епархіяхъ (Тверь, Торжокъ, Петербургъ; Иркутская область): всѣ они стремятся соединиться на своихъ собственныхъ условіяхъ. Но такъ, разумѣется, дѣло не могло продолжаться. Должна была образоваться одна обязательная для всѣхъ, опредѣленная форма соединенія, должны были выработаться опредѣленныя правила, освобождавшія соединенцевъ отъ всѣхъ прежнихъ затрудненій, являвшихся среди нихъ каждый разъ при разрѣшеніи вопроса объ условномъ единеніи съ Церковью. Не подлежитъ сомнѣнію, что нужду въ такихъ правилахъ признавало и само правительство, которое тоже должно было по крайней мѣрѣ съ формальной стороны окончательно формулировать свои отношенія къ Единовѣрію. Оно воспользовалось для этой цѣли, какъ мы видимъ,

пунктами Московскихъ соединенцевъ, давши имъ посредствомъ примѣчаній митрополита Платона и Высочайшаго утвержденія значеніе правилъ Единовѣрія.

Москвичи начали съ того же, съ чего и Стародубскіе согласники. Приблизились къ Великороссійской Церкви, благодаря своему и въ то же время общему для старообрядцевъ стремленію болѣе или менѣе благопріятнымъ образомъ рѣшить вопросъ о старообрядческомъ епископѣ. Послѣ неудачи Никодима обращенія къ «Согласію» шли болѣе на психологической подкладкѣ. По замѣчанію лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу (напримѣръ, Якова Бѣляева), сторону соединенцевъ составляли люди, болѣе грамотные и, въ извѣстной степени, образованные чтеніемъ книгъ, каковы были, напр., въ Стародубьѣ клирошане при церквахъ и часовняхъ [8]). Согласіе, далѣе, пускало корни въ наставническихъ вліятельныхъ сферахъ (напр., Никодимъ, Сергій Иргизскій) и по городамъ среди богатыхъ купцовъ и мѣщанъ (напр., Вольскій купецъ Злобинъ, Казанскіе, Тверскіе, Нижегородскіе, Петербургскіе и др. [9]), низшій же классъ, масса осталась глухой къ увѣщаніямъ присоединиться къ господствующей Церкви. Съ уничтоженіемъ Никодимова предположенія о собственномъ старообрядческомъ епископѣ рушилась для послѣднихъ одна изъ главныхъ причинъ ихъ тяготѣнія къ русской Церкви. Такое тяготѣніе старообрядцевъ къ русской Церкви изъ-за желанія доставить своему обществу старообрядческаго законнаго епископа, впрочемъ, не съ разу прекратилось, а заявило себя и впослѣдствіи еще нѣсколько разъ: первый разъ очень скоро послѣ Стародубскихъ событій, именно въ концѣ XVIII вѣка.

Другая часть поповцевъ, т. н. перемазанцы, послѣдователи Перемазанскаго собора 1779 г., группировавшіеся главнымъ образомъ въ Москвѣ, несмотря на всю ненависть къ Стародубцамъ-дьяконовцамъ и на страшное нежеланіе уподобиться этой ненавистной сектѣ, тоже начали въ концѣ XVIII столѣтія открыто высказывать прежнюю тугу сердечную о необходимости епископскаго сана въ старообрядческой церкви. «Увы, брате,—писалъ поповецъ на Рогожское кладбище къ пріятелю,—увы, да не оскорбимъ васъ словомъ уже бо кончина приближается наша, видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камнѣ. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа» [10]). Съ 1790 г. перемазанцы въ своихъ прошеніяхъ, основываясь на постановленіи относительно селившихся въ Таврической (Екатеринославской) епархіи старообряд-

цевъ, которымъ дано было священство и церкви, просили себѣ особаго епископа, который для внутренняго управленія старообрядческими дѣлами имѣлъ бы свою консисторію, безпрепятственно строилъ бы церкви и служилъ бы въ нихъ. Этому епископу съ мѣстопребываніемъ его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и духовному при немъ правленію, по мысли Московскихъ старообрядцевъ, должны были подчиниться всѣ старообрядческія общества въ Россіи [11]).

Проектъ Никодима объ особомъ старообрядческомъ епископѣ для духовной власти показался въ концѣ концовъ нецѣлесообразнымъ. Еще болѣе нецѣлесообразнымъ при близкомъ знакомствѣ могъ казаться духовной власти проектъ Московскихъ старообрядцевъ. Митрополиты: Платонъ и Гавріилъ, къ которымъ обращались Московскіе старообрядцы со своею просьбою, прежде чѣмъ обратиться съ нею къ императору Павлу I, затруднились имѣть о ней какое-либо сужденіе. Изъ болѣе детальнаго изслѣдованія прошенія Московскихъ старообрядцевъ получалось то впечатлѣніе: старообрядцы стремились создать особую старообрядческую церковь, параллельную и независимую отъ господствующей Великороссійской Церкви. Старообрядцы ходатайствовали при этомъ о надѣленіи ея такими правами, какими не располагала даже Великороссійская Церковь (выборное начало).

Свѣтское правительство, правда, въ началѣ отнеслось къ прошенію москвичей болѣе сочувственно. Неудовлетворенные митрополитомъ Платономъ, съ именемъ котораго и безъ этого сложилось среди старообрядцевъ непріятное воспоминаніе, какъ о главномъ противникѣ ихъ постройки на Рогожскомъ кладбищѣ соборнаго храма (1791—1792 гг.), они отправились со своимъ ходатайствомъ въ Петербургъ. По поводу ихъ просьбы императоръ Павелъ I въ 1799 г. 3 іюня Высочайшимъ своимъ указомъ предоставилъ право вѣдать дѣла Московскихъ старообрядцевъ не епархіальному архіерею, а преосвященному Амвросію, Казанскому архіепископу, и себѣ. Сдѣлавъ первому распоряженіе снабдить ихъ пока священниками, онъ на себя взялъ обязанность рѣшить и остальные пункты ихъ проекта [12]). Въ исполненіе Высочайшаго указа архіепископъ Амвросій объявилъ Московскимъ старообрядцамъ слѣдующія нетрудныя условія: 1) къ старообрядцамъ на первый разъ могутъ быть опредѣляемы даже ихъ прежніе бѣглые священники честнаго поведенія, 2) этимъ опредѣляемымъ священникамъ отправлять службу и требы по старопечатнымъ книгамъ, принося, гдѣ нужно, моленіе о здравіи императорской фамиліи, 3) старообрядческому обществу впредь бѣглыхъ священнослужителей къ себѣ не принимать, а опредѣленныхъ самимъ собою, безъ представленія архіепископу, не отрѣшать.

Какъ въ Стародубскихъ слободахъ послѣ неудавшихся Никодимовыхъ ходатайствъ объ особомъ епископѣ въ старообрядцахъ началось обратное движеніе — удаленіе отъ Р. Церкви, такъ случилось и здѣсь съ московскими старообрядцами. Получивъ условія отъ архіепископа Амвросія, большинство изъ нихъ сочло нужнымъ совсѣмъ оставить задуманное единеніе съ Р. Церковью. Они не хотѣли зависимости своихъ священниковъ отъ великороссійскихъ архіереевъ и не желали, чтобы даруемые имъ пастыри возносили моленіе за Царя и Синодъ по изданной Правительствующимъ Синодомъ формѣ. Когда же императоръ, въ виду заявленной ими такой настойчивости, повелѣлъ 22 августа 1799 г. прекратить съ ними всякія сношенія и лишить ихъ прежде даденнаго, то многіе изъ москвичей-старообрядцевъ стали совсѣмъ смотрѣть на присоединеніе, какъ на дѣло погибельное [13]). Что же касается остального меньшинства, то ему пришлось очень много терпѣть въ дѣлѣ единенія съ Р. Церковью. Желая въ своемъ обществѣ все же имѣть законныхъ совершителей церковныхъ таинствъ, хотя бы и безъ своего епископа, меньшинство старообрядцевъ г. Москвы рѣшило обратиться къ церковной власти съ иными условіями, болѣе удобными для послѣдней къ исполненію. Обратились было съ условіями, почти во всемъ сходными съ тѣми, на которыхъ около того времени даны были благословенные священники Нижегородскимъ и другимъ соединенцамъ, и все-таки искомыхъ священниковъ долго не получали, хотя пункты ихъ прошенія и были снабжены благопріятными, въ концѣ концовъ, для нихъ замѣчаніями Московскаго первосвятителя.

Представленное соединенцами прошеніе изъ 16 пунктовъ митрополиту Платону въ первый разъ разсматривалось въ Синодѣ, вмѣстѣ съ донесеніемъ послѣдняго, 28 февраля 1800 г. Въ это время Святѣйшій Синодъ было согласился съ мнѣніемъ митрополита Московскаго о дозволеніи дать соединенцамъ въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, согласно ихъ просьбы, церковь и также призналъ возможнымъ согласиться и на условія предложеннаго ими соединенія. Двадцать четвертаго августа того же года просьба Московскихъ согласниковъ снова служила предметомъ обсужденія въ Святѣйшемъ Синодѣ, который въ своемъ опредѣленіи повторилъ раньше высказанное имъ самимъ 28 февраля мнѣніе и къ нему прибавилъ еще ссылку на Высочайшій указъ 12 марта 1798 г., да на томъ и остановился. Никакого новаго и обѣщаннаго раньше рѣшительнаго опредѣленія опять не состоялось. Такимъ образомъ, дѣло откладывалось на неопредѣленное время [14]) и оно осталось бы нерѣшеннымъ, вѣроятно, и цѣлые десятки мѣсяцевъ, если бы благопріятному его исходу не помогли сами враги церковнаго единенія. Дальнѣйшее обстоятельство было вер-

хомъ «соединенскаго» терпѣнія, которымъ Господь испытывалъ довѣріе «согласныхъ» къ церкви изъ Московскихъ старообрядцевъ. Большинство несогласныхъ изъ боязни потерять свое прежнее господствующее положеніе на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ соединенцы думали освятить церковь, рѣшились на очень смѣлый шагъ. Они обратились къ самому Государю съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ выражали протестъ противъ поданнаго соединенцами ходатайства о дарованіи имъ законнаго священства, настойчиво утверждая, что большая часть старообрядцевъ несогласна на освященіе выстроенной на кладбищѣ (Рогожскомъ) часовни въ церковь. Въ кабинетѣ Государя не имѣлось никакихъ свѣдѣній о поданномъ черезъ Московскаго митрополита ходатайствѣ соединенцевъ, и ходатайству Московскихъ соединенцевъ грозила здѣсь серьезная опасность. Государь, получивъ прошеніе «несогласныхъ», сталъ было совсѣмъ на ихъ сторону [15]).

Избавителемъ Московскихъ соединенцевъ, какъ и Стародубскихъ согласныхъ, былъ петербургскій преосвященный—тамъ Гавріилъ, а здѣсь Амвросій. Когда къ послѣднему 21 сентября 1800 года было представлено повелѣніе Государя оставить несогласныхъ въ прежнемъ ихъ положеніи и не вмѣшиваться въ ихъ обряды, а представленіе Московскаго митрополита о освященіи ихъ церкви для «согласныхъ» оставить безъ всякаго дѣйствія, то петербургскій архіепископъ Амвросій очень смѣло и рѣшительно всталъ на защиту «согласныхъ». Двадцать шестого сентября архіепископъ Амвросій препроводилъ черезъ генералъ-прокурора для личнаго доклада Государю состоявшееся опредѣленіе Синода по поводу императорскаго къ нему (Синоду) указа 21 сентября и свое личное рѣшительное мнѣніе.

По наведенной архіепископомъ справкѣ въ Синодѣ оказалось: Московскіе старообрядцы 1, 2, 3 гильдіи купцы и мѣщане подали синодальному члену митрополиту Платону прошеніе за подписью 70 человѣкъ, со своими семействами составляющіе до 250 душъ, гдѣ, выражая свою надежду на «безпримѣрныя щедроты и великія милости Его Императорскаго Величества Благочестивѣйшаго Государя Императора Павла Петровича къ старообрядцамъ» и выставляя непремѣнныя намѣренія и желанія воспользоваться какъ ими, такъ и «благоснисхожденіемъ Грекороссійскія церкви», просили объ открытіи на Кладбищѣ святыхъ церквей и о снабженіи ихъ правильными священниками, на основаніи прописанныхъ въ томъ же прошеніи 16 статей. Московскій митрополитъ, принявъ прошеніе ихъ, предложилъ его, какъ дѣло важное, «прилежному разсужденію консисторіи, обрѣтающихся въ Москвѣ архимандритовъ и всѣхъ сороковъ благочинныхъ». Вникая самъ потомъ «со всякимъ тщаніемъ, сколько важ-

ность матеріи требовала», онъ нашелъ нѣкоторыя предложенія старообрядцевъ прямо благими и достойными для сохраненія ихъ въ точности, а другія въ виду сближенія и соединенія съ православною Церковью дозволительными, слѣдуя апостольскому примѣру: «еже немощнымъ бысть, яко немощенъ, да немощныхъ пріобрящетъ»; прочія же, требующими только «нѣкотораго ограниченія» къ «предохраненію другихъ отъ соблазна». Итакъ, положа на каждую статью старообрядческаго прошенія свое мнѣніе, митрополитъ представилъ его на разсмотрѣніе въ Синодъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что если просителямъ будетъ дана церковь, то чтобы устроить ее, по настоятельному прошенію старообрядцевъ, на нынѣшнемъ ихъ въ Москвѣ Кладбищѣ. При этомъ преосвященный Платонъ приложилъ копію какъ съ означеннаго прошенія, такъ и съ поданныхъ ему мнѣній отъ Московской консисторіи, обрѣтающихся въ Москвѣ архимандритовъ и всѣхъ сороковъ благочинныхъ. Означенныя мнѣнія митрополита Платона по разсмотрѣнію Синода оказались сходными съ его синодальнымъ докладомъ, по которому 12 марта 1798 г. Высочайше было дозволено Нижегородскимъ старообрядцамъ имѣть у себя церковь и особенныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ. Такъ какъ на этомъ основаніи Святѣйшему Синоду было повелѣно «давать равномѣрное дозволеніе и по другимъ епархіямъ», то имъ предполагалось было дать такое дозволеніе и старообрядцамъ г. Москвы, именно дозволить устроить на просимомъ мѣстѣ церковь и дать особенныхъ къ ней священниковъ для отправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ. Правда, въ исполненіе Высочайшаго указа отъ 21 сентября: наблюдать, какъ и всегда наблюдалось, чтобы старообрядцы, какъ при кладбищѣ московскомъ Рогожскомъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ состоящіе, оставались въ прежнемъ положеніи и въ обряды ихъ не вмѣшиваться,—представленіе Московскаго митрополита объ устройствѣ «согласными» церкви на прежнемъ ихъ кладбищѣ оставлено Синодомъ безъ всякаго дѣйствія. Но въ виду того, что многіе старообрядцы уже имѣли съ дозволенія Синода особыя церкви и священниковъ для отправленія богослуженія по старопечатнымъ книгамъ: въ Нижнемъ Новгородѣ, Твери, Торжкѣ, Курскѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ, даже въ самомъ Петербургѣ, а Московскіе старообрядцы со своими семействами до 250 человѣкъ просили устроить Церковь на такомъ же положеніи, то Синодъ находилъ «такое ихъ расположеніе *единственнымъ средствомъ* къ сближенію съ Церковью и принятію установленныхъ Спасителемъ святыхъ Таинъ». При томъ съ цѣлью окончательнаго отдѣленія «согласныхъ» отъ прочихъ поповцевъ, бѣглыхъ ихъ поповъ и другихъ ихъ лжеучителей,

онъ—Синодъ—полагаетъ, что «симъ Московскимъ старообрядцамъ, по примѣру прочихъ, дать дозволеніе на устроеніе церкви, кромѣ Рогожскаго кладбища, въ другомъ удобномъ мѣстѣ, гдѣ пожелаютъ». Представляя все это Высочайшей волѣ, Святѣйшій Синодъ всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія. Для лучшаго же усмотрѣнія прилагались при семъ и копіи съ выпеозначеннаго поданнаго отъ старообрядцевъ Московскому митрополиту прошенія съ положенными противъ онаго его мнѣніями и реестромъ подписавшихся подъ прошеніемъ [16]).

Вотъ, приблизительное содержаніе справки изъ Синода, которую архіепископъ Амвросій представилъ Государю. По этой справкѣ искавшіе соединенія съ Р. Церковью должны были найти тоже удовлетвореніе: имъ дозволялось устроеніе церкви въ Москвѣ въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, кромѣ Рогожскаго кладбища. Въ то же самое время по буквѣ исполнялся и Высочайшій указъ отъ 21 сентября, предписавшій оставить старообрядцевъ Рогожскаго кладбища въ прежнемъ положеніи.

Кромѣ отношенія, содержащаго вышеприведенныя опредѣленія Синода, Петербургскій преосвященный препроводилъ для доклада Государю еще свое личное мнѣніе, раскрывавшее всѣ козни враговъ Р. Церкви и имѣвшее не мало рѣшающаго значенія на исходъ дѣла. Результатъ его сказался очень быстро. Шестого октября чрезъ архіепископа Амвросія императоръ Павелъ потребовалъ оригинальное прошеніе старообрядцевъ, искавшихъ единенія съ Р. Церковью, за ихъ подписомъ. Лишь только подлинное дѣло согласниковъ изъ Москвы было представлено, на немъ тотчасъ-же послѣдовала Высочайшая конфирмація такого рода: «Быть по сему. Въ Гатчинѣ октября 27 дня 1800 года» [17]). Въ этотъ же день былъ данъ о семъ указъ и Синоду: «по прошенію, говорилось въ немъ, Московскихъ старообрядцевъ объ устроеніи въ Москвѣ церкви представленіе Московскаго митрополита Платона находя сообразнымъ указу нашему въ 12 день марта 1798 года, коимъ дозволили мы по всѣмъ епархіямъ таковое устроеніе: повелѣваемъ церковь старообрядцамъ дать и впредь дозволять устроеніе на подобномъ основаніи» [18]).

Пункты условнаго соединенія Московскихъ старообрядцевъ съ Русскою Церковью и замѣчанія на нихъ митрополита Платона (Правила Единовѣрія).

Двадцать девятаго октября 1800 г. Святѣйшій Синодъ заслушалъ предложеніе Петербургскаго преосвященнаго съ объявленіемъ приведеннаго Высочайшаго указа и Всемилостивѣйше конфирмованнаго

прошенія Московскихъ соединенцевъ и тогда же постановилъ: «Какъ дѣло сіе окончаніе воспріяло по силѣ Высочайшихъ указовъ, потому изготовленное по разсужденію Святѣйшаго Синода въ журналѣ 24 августа опредѣленіе оставить безъ дѣйствія» [19]). Условное единеніе старообрядцевъ съ Церковью должно было на будущее время основываться на мнѣніяхъ митрополита Платона, положенныхъ имъ противъ 16-ти пунктовъ прошенія Московскихъ старообрядцевъ. Во исполненіе Высочайшаго указа пункты Московскихъ соединенцевъ съ замѣчаніями на нихъ Московскаго архипастыря сдѣлались образцомъ для всякаго будущаго единенія старообрядцевъ съ Р. Церковью, гдѣ бы они ни находились.

Образецъ этотъ былъ въ такомъ видѣ:

Копія съ поданныхъ Синодальному члену, Платону митрополиту Московскому, при прошеніи отъ Московскихъ старообрядцевъ пунктовъ, о устроеніи имъ церкви, и о снабженіи ихъ правильными священниками.	Копія съ положеннаго Преосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ, и Именнымъ Его Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, даннымъ Синоду истекшаго-жъ 1800 года октября въ 27 день за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, утвержденнаго на означенные Московскихъ старообрядцевъ пункты мнѣнія.
1-е) Дабы Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобные сему обряды.	1-е) Отъ клятвъ, прежде на нихъ возложенныхъ, разрѣшить, ибо хотя Церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ, и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія, но какъ нынѣ они сближаются, или паче, соединяются съ Церковью, и истину ея, и таинства и священство ея признаютъ дѣйствительными, то и потребно сіе разрѣшеніе, и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ Церкви

2-е) Да соблаговолитъ Ваше Высокопреосвященство избрать священниковъ и діаконовъ, кои по собственному желанію согласятся быть въ старообрядчествѣ, и по желанію прихожанъ. Если же таковыхъ не окажется, то хиротонисать по прежде печатаннымъ книгамъ избранныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ священниковъ и по согласію прихожанъ. Также священниковъ, уклонившихся въ старообрядчество донынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы христіанскія; отлучившіеся же таковые священники безъ воли своего епископа, впредь къ старонимѣютъ и впредь состоять праведно. А чтобы сіе разрѣшеніе было открытѣе и ихъ болѣе успокоивающее, то надъ каждымъ принимаемымъ къ дозволяемой имъ церкви, прочесть епископу или пресвитеру съ возложеніемъ руки, слѣдующую разрѣшительную молитву: «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію Своею и человѣколюбіемъ, да разрѣшитъ тя, къ Церкви Святѣй обращающася, отъ всѣхъ клятвъ, имъже отъ Церкви, отторженіемъ отъ нея, подвергся еси. И азъ, недостойный архіерей, или іерей (имя рекъ), властію отъ Него мнѣ данною, разрѣшаю тя раба Божія (имя рекъ) отъ оныхъ клятвъ и всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь».

2-е) Вторую статью во всей ея силѣ, по снисхожденію, дозволить: но съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить вновь священниковъ, по избранію прихожанъ и по разсмотрѣнію и разсужденію епископа, а прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей Церкви, совѣсти и сана своего, къ таковой церкви не опредѣлять.

обрядческимъ церквамъ принимаемы не будутъ.

3-е) Дабы Святѣйшій Синодъ и Ваше Высокопреосвященство благословили старообрядческимъ священникамъ службу Божію, таинства и требы христіанскія совершать по прежде печатаннымъ книгамъ при Всероссійскихъ патріархахъ: Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іосафѣ и Іосифѣ, чему слѣдовать должны діаконы и церковнослужители.

4-е) Церкви для старообрядцевъ освятить Вашему Высокопреосвященству по старопечатаннымъ книгамъ или по благословенію Вашего Высокопреосвященства старообрядческимъ священникамъ, и да будутъ антиминсы освященные при вышепоименованныхъ патріархахъ, или вновь освящены быть имѣютъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ по старопечатаннымъ книгамъ и изображены такъ, какъ показано въ старопечатанномъ потребникѣ.

5-е) Старообрядческихъ священниковъ не требовать въ Грекороссійскую Церковь къ соборнымъ моленіямъ, какъ то: въ крестные ходы и тому подобное, а отправлять имъ по благословенію Вашего Высокопреосвященства въ церквахъ старообрядческихъ оныя соборня моленія, также не принуждать старообрядцевъ къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бріющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ Особъ. Старообрядцамъ, хотя и незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійскія Церкви, таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви старообрядческой.

3-е) Третію статью также дозволить: ибо хотя въ книгахъ ими употребляемыхъ и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, и что пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе сего.

4-е) На четвертую статью можно преподать согласіе.

5-е) Также.—Но что надлежитъ до недопущенія имъ въ Церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно, а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ съ наставленіемъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ Церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійской Церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ Церковь православную не хо-

дилъ, и таинствъ ея не принималъ, и то нашедши его таковымъ, при принятіи къ Церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ Церкви нашей православной доселѣ бывшихъ, ни какъ до таковаго присоединенія не допускать.

6-е) Старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ сіе священство старообрядцамъ по духовнымъ дѣламъ быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же, принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе чрезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія; но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Святѣйшему Синоду и Вашему Высокопреосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго.

6-е) Шестую статью можно принять.

7-е) Старообрядческіе священники да будутъ снабжены св. миромъ отъ Вашего Высокопреосвященства.

7-е) Пріемлется.

8-е) Старообрядческихъ священник. не принуждать исповѣдь имѣть кромѣ старообрядческихъ же священниковъ.

8-е) Оставить сіе каждому священнику на совѣсть.

9-е) Благоволите Ваше Высокопреосвященство благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста по обыкновенію древле бывшему въ Россіи.

9-е) Сіе предоставить благоразумію и совѣсти каждаго епископа, однако предохраняя другихъ отъ соблазна.

10-е) Священнодѣйствія донынѣ старообрядческими священниками учиненныя, какъ то: крещеніе, бракосочетаніе, молитвословіе, монашество (если къ сему не окажется со стороны свѣт-

10-е) Пріемлется.

скаго Правительства препятствія) и другія требы христіанскія да будутъ оставлены въ существенной ихъ силѣ и не повторять оныя, развѣ токмо окажется каковый изъ оныхъ старообрядческихъ священниковъ, бывшихъ до нынѣ, самозванецъ, или правильно изверженный, священнодѣйствія оныя совершалъ.—Также и старообрядческіе священники, опредѣляемые нынѣ къ старообрядческимъ церквамъ, не долженствуютъ поправлять пріемлемыя старообрядцами отъ Грекороссійскія церкви священныя тайны, какъ то: хиротонію, крещеніе, миропомазаніе, бракъ и проч., но принимать оныя въ дѣйствительной ихъ силѣ.

11-е) Если кто изъ сыновъ Грекороссійской Церкви пожелаетъ пріобщаться Св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять.—Равно-жъ, если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщиться Св. Таинъ въ Грекороссійской церкви, не возбранять оному.

11-е) По сей статьѣ сынъ православной Грекороссійской Церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника и церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.

12-е) Если учинитъ старообрядческій священникъ преступленіе, достойное изверженія, таковой предоставляется суду Вашего Высокопреосвященства. А если жъ въ таковой винѣ окажется, за которую только временно долженъ понести наказаніе, таковый эпитимійствуется при церквахъ старообрядческихъ по разсужденію Вашего Высокопреосвященства.

12-е) Пріемлется.

13-е) При старообрядческихъ церквахъ имѣть троечастныя книги.—Но во время святыхъ постовъ, если кто изъ старообрядцевъ, по каковымъ-либо встрѣтившимся обстоятельствамъ, на

13-е) Хотя на сію статью и можно согласиться, но какъ деньги штрафныя собираются въ казну, то сіе зависитъ отъ благоразсмотрѣнія Святѣйшаго

исповѣди и у причастія Св. Таинъ не будетъ, таковыхъ ко взысканію съ нихъ штрафныхъ денегъ не выписывать, и о томъ ни куда не представлять, но да судятъ о томъ духовные ихъ отцы по священнымъ правиламъ.— Если жъ кто по нерадѣнію, или пренебреженію, или другимъ незаконнымъ причинамъ уклоняться будетъ отъ оныя Святыни, таковыхъ записывать въ особыя книги, и наказывать епитиміею и другимъ духовнымъ исправленіемъ.

Синода. А ежели бъ и всѣ православные отъ онаго штрафа освобождены, а наказываны бъ они были за духовное преступленіе эпитиміями, сіе бы сходственнѣе было съ духовнымъ прегрѣшеніемъ.

14-е) Если случится быть браку состоящемуся одной половинѣ Грекороссійской Церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской или старообрядческой церкви.

14-е) Сія статью принять можно.

15-е) Священники старообрядческіе во всѣхъ служеніяхъ имѣютъ приносить моленіе о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества, Супруги Его Императорскаго Величества, Наслѣдника Его, всей Высочайшей фамиліи, и прочихъ кого слѣдуетъ, по данной отъ Святѣйшаго Синода формѣ.

15-е) Сіе необходимо потребно.

16-е) Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія, ибо таковая односторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове Грекороссійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви.

16-е) Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности.

Условія Московскихъ соединенцевъ 1800 г. и ихъ сходство съ пунктами инока Никодима и Нижегородскихъ старообрядцевъ.

Въ своихъ условіяхъ старообрядцы, съ одной стороны, стремятся, повидимому, какъ и прежде, къ единенію съ Р. Церковью (1 § ср. 1, 2 §§ Ник. усл. и 14 § Нижегородскихъ). Они не желаютъ, чтобы раздоры и хулы слышались по старому, какъ съ ихъ, такъ и со стороны православныхъ за содержаніе тѣми и другими разныхъ обрядовъ и книгъ при Богослуженіи. Старообрядцы и сынове Грекороссійской Церкви, по мысли согласниковъ 1800 г., должны находиться въ единомысліи, въ мирѣ, любви, какъ чада единой святой, соборной, апостольской Церкви (16 §). Въ цѣляхъ единенія съ Р. Церковью они не перестаютъ возбуждать вопросъ о снятіи, разрѣшеніи клятвъ и порицаній, положенныхъ, по ихъ мнѣнію, на старые обряды. Они считаютъ, что клятвы и порицанія касаются не только непокорниковъ, противниковъ церкви, но и просто держателей старыхъ обрядовъ (§ 1), а потому нуждаются не въ простомъ лишь преданіи забвенію, какъ писали нижегородцы (§ 14), но и въ нарочитомъ разрѣшеніи, если не четырехъ восточныхъ патріарховъ, о чемъ просили Стародубцы въ 1783 г. (§ 1), то по крайней мѣрѣ самого Св. Синода. «Дабы Св. Синодъ, писали они въ первомъ пунктѣ своего прошенія, разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобные сему обряды».

Стремленіе къ единенію съ Р. Церковью, подчеркнутое въ первомъ и послѣднемъ пунктахъ, замѣтно у Московскихъ старообрядцевъ во многихъ среднихъ пунктахъ ихъ прошенія.

Они согласны на посвященіе своихъ пастырей отъ руки православныхъ архипастырей (2 и 3, ср. 1 § Нижегородскихъ), на заимствованіе ихъ священниками святаго мира отъ православной Церкви (§ 7); требованіе это было поставлено въ условіяхъ и Стародубскихъ (§ 7) и Нижегородскихъ старообрядцевъ.

Московскіе соединенцы, за неполученіемъ своихъ старообрядческихъ епископовъ (1 и 4 §§ Ник. усл.), не прочь видѣть въ своихъ церквахъ служеніе по старымъ обрядамъ православныхъ архипастырей (§ 4); этого уже совсѣмъ не было прежде. Такое движеніе впередъ по пути сближенія съ Церковью замѣтно и въ 15 § просьбы, хотя такъ же не свободное, какъ и первое. Въ 15 пунктѣ Московскіе соединенцы, какъ извѣстно, соглашались во всѣхъ службахъ возносить моленія о Высочайшихъ особахъ по изданной отъ Синода формѣ. Соглашеніе явилось вслѣдствіе предъявленнаго имъ обязательства со стороны власти.

Чувство единенія, проходящее по всѣмъ приведеннымъ пунктамъ, все то же, что и у прежнихъ соединенцевъ. Это доказываетъ, за малыми исключеніями, самое сходство содержанія разобранныхъ пунктовъ съ таковыми же прежними 1783 г. и 1787 г. Единеніе у старообрядцевъ съ Церковью въ 1800 г. не разнится отъ прежняго, иными словами, не превосходитъ послѣднее по своей близости, еще и потому, что въ прочихъ пунктахъ прошенія проглядываетъ та же обособленность, какая замѣчалась и прежде. Обособленности этой нисколько не меньше, если не больше, чѣмъ это было во времена Стародубскаго согласія. При стремленіи вступить въ единеніе съ Церковью старообрядцы 1800 г. по прежнему продолжаютъ дорожить и своей церковною обособленностью. Не получая удовлетворенія на прежнюю свою просьбу въ 1799 г. о дарованіи имъ особаго епископа, Московскіе старообрядцы стараются выговорить по крайней мѣрѣ свободное по благословенію церковной власти священнодѣйствіе среди нихъ бѣгствующихъ священниковъ. «Да соблаговолитъ Ваше Высокопреосвященство, читаемъ въ концѣ второго пункта ихъ прошенія 1800 г., священниковъ, уклонившихся въ старообрядчество до нынѣ, если они окажутся безпорочны и явятся къ Вашему Высокопреосвященству съ истиннымъ смиреніемъ, таковыхъ разрѣшить и благословить отправлять службу Божію и требы христіанскія». Просьба о дозволеніи священнодѣйствовать отбѣгшимъ іереямъ» была поднимаема въ свое время и Стародубцами (§ 9), но въ виду указа Св. Синода отъ 22 января 1776 г. не была удовлетворена. Московскіе соединенцы, какъ Нижегородскіе, стараются, такимъ образомъ, опять возбудить эту прежнюю, но неудовлетворенную просьбу (2 пунктъ 1800 г. ср. 1 § Ниж.).

Московскіе соединенцы не сочувствуютъ тому, чтобы ихъ священники зависѣли по своимъ духовнымъ дѣламъ отъ духовной консисторіи. «Старообрядческимъ священникамъ, писали они въ 6 пунктѣ, быть подъ судомъ и въ полномъ вѣдѣніи у Вашего Высокопреосвященства; по дѣламъ же, принадлежащимъ до старообрядцевъ, благоволите чинить разбирательство и сужденіе черезъ старообрядческихъ священниковъ, выключая таковыхъ дѣлъ, кои требуютъ законнаго слѣдствія; но въ чемъ надлежитъ онымъ священникамъ относиться къ Св. Синоду и Вашему Высокопреосвященству, на то имѣть особаго письмоводителя, съ произвожденіемъ платы отъ общества старообрядческаго». Москвичи въ концѣ этого пункта не прибавили даже тѣхъ словъ, кои значатся въ соотвѣтствующемъ параграфѣ Нижегородскихъ условій: «а консисторіи ни въ чемъ ихъ не вѣдать». Московскіе соединенцы считали эту добавку лишней потому, что коль скоро всѣ дѣла единовѣрцевъ долженъ былъ вѣдать непосредственно самъ архіерей при услугахъ особаго письмоводителя, то тѣмъ самымъ уже безъ особаго

напоминанія уничтожалась всякая роль духовной консисторіи въ управленіи ею единовѣрческимъ дѣлопроизводствомъ.

Въ 9 пунктѣ Московскіе старообрядцы, какъ Нижегородцы, не желаютъ, чтобы православный архіерей благословлялъ ихъ пастырей именнословнымъ сложеніемъ перстовъ для благословенія. «Благоволите Ваше Высокопреосвященство, говорилось въ 9 пунктѣ, благословлять старообрядческихъ священниковъ и старообрядцевъ, слагая два перста по обыкновенію древле бывшему въ Россіи» (ср. 9 § Нижегородскихъ).

Не сочувствуютъ соединенцы 1800 г. и исповѣди своихъ священниковъ предъ православными духовниками. «Старообрядческихъ священниковъ, просили они въ 8 пунктѣ, не принуждать исповѣдь имѣть кромѣ старообрядческихъ же священниковъ». Нижегородцы соглашались, по крайней мѣрѣ, на исповѣдь ихъ священниковъ предъ православными архіереями (§ 7), Московскіе же соединенцы и этого не желаютъ.

Стараясь, насколько можно, по примѣру прежнихъ соединенцевъ, въ томъ числѣ Стародубскихъ согласниковъ, обособить, во первыхъ, своихъ священно-церковно-служителей, Московскіе старообрядцы не забываютъ въ этомъ случаѣ также и себя—мірянъ. Они наравнѣ со своими священниками стремятся освободиться, напримѣръ, «отъ духовныхъ консисторій». Въ 6 пунктѣ говорится такъ: «старообрядческимъ священникамъ и пріемлющимъ священство старообрядцамъ»... Они желаютъ, затѣмъ, чтобы православные архіереи благословляли и ихъ самихъ двуперстно. Они до буквальности повторяютъ въ данномъ мѣстѣ 9 параграфъ Нижегородскихъ соединенцевъ: «оныхъ священниковъ и всѣхъ старообрядцевъ во всякое время бытности ихъ у епископа просятъ не иначе какъ назнаменованіе рукою сложеніемъ по древнему двуперстнымъ благословлять». Охраняя своихъ священно-церковно-служителей отъ богослужебнаго общенія съ православными священниками во время соборныхъ служеній въ великороссійскихъ церквахъ, Московскіе старообрядцы оберегаютъ отъ такого же общенія и себя Въ концѣ первой половины 5 пункта они, какъ и Нижегородцы въ 6 пунктѣ, просили, напримѣръ, не принуждать ихъ «къ допущенію на общія моленія знаменующихся тремя персты, брады бріющихъ и прочія имѣющихъ несогласія съ древними обыкновеніями, выключая Высочайшихъ особъ». Повторяя вмѣстѣ съ Нижегородцами въ названныхъ пунктахъ просьбу 8 параграфа Никодимовыхъ условій, соединенцы руководились тѣми же въ данномъ случаѣ соображеніями, какими и составители послѣдняго. Именно различіе въ обрядахъ заставляло ихъ болѣе всего просить объ отсутствіи православныхъ, какъ духовныхъ (ср. 4 § Ниж.)—такъ и свѣтскихъ въ ихъ единовѣрческихъ храмахъ во время богослуженія.

Противъ посѣщенія единовѣрческихъ церквей православными соблюдающими старый обрядъ, Москвичи ничего не имѣютъ. Мало этого, они желаютъ, чтобы придерживающіеся старыхъ обрядовъ прямо принадлежали къ ихъ обществу (5 пунктъ) и во всякомъ случаѣ могли безпрепятственно заимствоваться отъ единовѣрческаго священника таинствами (11 пунктъ). Вторая половина 5 пункта читается такъ: «старообрядцамъ, хотя и не записнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійскія Церкви, таковымъ не возбранять присоединиться къ церкви старообрядческой». 11 пунктъ читается: «если кто изъ сыновъ Грекороссійской Церкви пожелаетъ пріобщаться Св. Таинъ отъ старообрядческаго священника, таковому не возбранять. Равно-жъ, если и старообрядецъ пожелаетъ пріобщиться Св. Таинъ въ Грекороссійской церкви, не возбранять оному». Буквальнаго повторенія этими пунктами какого-либо параграфа изъ Стародубскихъ условій 1783 г., правда, не видать, но сходство въ мысляхъ названныхъ пунктовъ съ 11 параграфомъ Никодимовыхъ условій можно замѣтить. Въ 11 пунктѣ своего прошенія Никодимъ писалъ: «дозволить впредь желающимъ соблюдать старообрядчество церковное состоять подъ паствою имѣемаго быть при старообрядчествѣ епископа». Стремленіе пріобщить къ своему обществу изъ придерживающихся старины хотя и православныхъ, было такимъ образомъ, по-прежнему свойственно соединенцамъ, даже сильнѣе, чѣмъ прежде. Московскіе старообрядцы стараются получить въ данномъ случаѣ то, въ чемъ нѣсколько разъ уже отказывали прежнимъ старообрядцамъ, во первыхъ «согласникамъ», а потомъ Нижегородскимъ старообрядцамъ-соединенцамъ.

Московскіе соединенцы не прочь были усилить свое общество даже посредствомъ брака. «Если случится, просили они 14 пунктомъ своего прошенія, быть браку состоящемуся одной половинѣ Грекороссійской Церкви, а другой старообрядческой, таковыхъ вѣнчать по общему согласію или въ Грекороссійской или старообрядческой церкви».

Въ своихъ условіяхъ 1800 г. Московскіе соединенцы если и были подробнѣе Стародубскихъ согласниковъ, то не въ сущности дѣла, а въ деталяхъ. Предусматривали разные случаи: относительно, напримѣръ, освященія единовѣрческихъ церквей православными архіереями (§ 4), относительно отбыванія единовѣрческимъ духовенствомъ епитиміи (§ 12 и т. п.). Сравнительно съ условіями Нижегородскихъ соединенцевъ Московскіе пункты имѣли только три новыхъ параграфа. Это, во-первыхъ, касательно допущенія православныхъ къ таинству св. Причащенія въ единовѣрческихъ храмахъ и единовѣрцевъ—въ право-

славныхъ; во-вторыхъ, относительно разрѣшенія вѣнчать смѣшанные браки единовѣрцевъ съ православными по общему соглашенію брачущихся или въ Грекороссійской или единовѣрческой церкви и, въ третьихъ, о приношеніи моленій о Высочайшемъ здравіи и благоденствіи Высочайшей фамиліи, и Святѣйшаго правительствующаго Синода по изданной отъ Синода формѣ. Остальные параграфы всѣ заимствованы иногда съ буквальной точностью изъ условій Нижегородскихъ соединенцевъ.

Отвѣты митрополита Платона на пункты Единовѣрцевъ.

Отвѣты митрополита Платона на условія 1800 г. тоже не могли быть новостью уже по тому одному, что обязаны были стоять въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ къ сужденіямъ духовной власти по поводу условій прежнихъ соединенцевъ. И прежніе Нижегородскіе пункты утверждены были тоже не прямо, а соображаясь съ предшествующими распоряженіями. Св. Синодъ посвятилъ цѣлыя три засѣданія на обсужденіе представленія Нижегородскаго преосвященнаго о желаніи тамошнихъ старообрядцевъ условно соединиться съ православною Церковью. Въ своихъ засѣданіяхъ 23 февраля, 1 и 4 марта 1798 г. Синодъ разсмотрѣлъ предложенныя Нижегородскими старообрядцами условія, сдѣлалъ противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ возраженія и почелъ необходимымъ «исключить изъ условій ихъ: 1) прописанное въ 6 пунктѣ присоединеніе впредь къ церкви ихъ незаписанныхъ старообрядцевъ, усердствующихъ въ содержаніи древне-церковныхъ обрядовъ, котораго имъ согласно мнѣнію преосвященнаго нижегородскаго не дозволять; 2) относительно требуемаго ими въ 10-мъ пунктѣ подтвержденія учиненныхъ до сего ими священнодѣйствій, между прочимъ монашескаго постриженія, если не будетъ препятствій со стороны гражданскаго правительства, а въ 11-мъ—чтобы священники ихъ, впадшіе въ вины, ко исполненію епитиміи посылаемы были въ ихъ же старообрядческіе монастыри, объявить имъ, что поелику монастырей вновь строить духовнымъ Регламентомъ запрещено, да и самыхъ монашествующихъ количество именными Высочайшими указами ограничено, то покуда не будутъ они имѣть дозволенія о устроеніи у себя особыхъ монастырей и въ нихъ содержать монаховъ, до тѣхъ поръ нынѣшнихъ монастырей и монашествующихъ за дѣйствительныхъ признать не можно; когда же имъ на то дозволеніе послѣдуетъ, и о томъ, откуда подлежитъ, епископу нижегородскому дано будетъ знать письменно, тогда въ при-

нятіи въ монастыри ихъ желающихъ изъ старообрядцевъ и къ постриженію ихъ въ монашество поступлено быть имѣть по силѣ духовнаго Регламента и въ подтвержденіе онаго послѣдовавшихъ именныхъ Высочайшихъ указовъ, а до того священниковъ ихъ, оказывающихся въ преступленіяхъ, подлежащихъ духовной епитиміи, не посылая въ монастыри, исправлять ему—преосвященному другими, по разсмотрѣнію своему, средствами; 3) что слѣдуетъ до требованія сихъ просителей въ 12-мъ пунктѣ, чтобы старообрядцевъ по каковымъ-либо иногда встрѣтившимся обстоятельствамъ не бывшимъ во время постовъ у исповѣди и причастія Св. Таинъ, ко взысканію за то штрафныхъ денегъ въ будущихъ при старообрядческихъ церквахъ метрическихъ книгахъ не писать, и, куда надлежитъ о томъ, не представлять, по объявляемой ими яко бы данной старообрядцамъ Высочайшими узаконеніями отъ того свободѣ, то внушить имъ, что хотя именнымъ указомъ 1765 г. сентября 30 дня за небытіе у исповѣди штрафъ возложенъ на тѣхъ только жителей, кои въ расколѣ не окажутся, то... (за измѣненіемъ этого указа и самихъ обстоятельствъ)... просители отъ платежа за небытіе ими у исповѣди положеннаго... штрафа свободны быть не могутъ и не должны тѣмъ паче, что и дозволеніе имъ по желанію ихъ имѣть у себя особую церковь и своихъ священниковъ, дается единственно для того, чтобы они не были удалены отъ исполненія всѣхъ церковныхъ таинствъ; исповѣдаться и пріобщаться Св. Таинъ, въ разсужденіи промысловъ ихъ, могутъ и кромѣ постовъ въ другія времена года. Сверхъ сего 4-е) взять съ нихъ—просителей письменное обязательство, чтобы во всѣхъ отправляемыхъ ими по старопечатнымъ книгамъ церковныхъ служеніяхъ воспоминаемы были, гдѣ слѣдуетъ, Высочайшія имена..., равно Св. Синодъ и епархіальный архіерей, по изданной на то отъ Св. Синода формѣ; 5) если же по сему дѣлаемому имъ снисхожденію усмотрѣно будетъ каковое-либо съ ихъ стороны злоупотребленіе, въ такомъ случаѣ епископу нижегородскому рапортовать Синоду немедленно со всѣми обстоятельствами для припятія подлежащихъ мѣръ» [20]).

Сравнивая синодальныя замѣчанія на условія нижегородскихъ соединенцевъ съ мнѣніями митрополита Платона, нельзя не видѣть, что первый пунктъ, еще тогда не отмѣненный указомъ 8 августа 1800 г., вошелъ въ содержаніе мнѣнія московскаго митрополита Платона на пятый пунктъ прошенія старообрядцевъ 1800 г., а третій почти буквально переложенъ митрополитомъ Платономъ при замѣчаніи его на тринадцатый пунктъ. Второй пунктъ синодскихъ замѣчаній и четвертый содержатся не только въ мнѣніи святителя московскаго, но даже и въ условіяхъ московскихъ старообрядцевъ (12 и 15). Сходство съ прежними постановленіями по дѣлу соединенцевъ

видно въ мнѣніяхъ митрополита Платона и на другіе пункты старообрядческаго прошенія 1800 года. Замѣчанія высокопреосвященнаго на пункты: 1—3, 6—9, 14, 16 содержатъ разсужденія, перенесенныя имъ почти съ буквальною точностью изъ разсужденій Власти по поводу прежнихъ соединенцевъ-Стародубскихъ и совпадаютъ съ мнѣніями послѣдней по поводу прошенія Нижегородскихъ старообрядцевъ. Новое мнѣніе митрополита Платона—сравнительно съ синодальными—это его замѣчаніе на 11 пунктъ прошенія Московскихъ соединенцевъ. Новое по случаю появившагося въ просьбѣ послѣднихъ пункта о допущеніи къ причащенію православныхъ въ единовѣрческихъ храмахъ. Но новизна эта на самомъ дѣлѣ не вполнѣ самостоятельная: какъ пунктъ, такъ и замѣчаніе на него въ ядрѣ своемъ уже находились въ пунктахъ прежнихъ согласниковъ о принятіи въ единовѣріе незаписныхъ раскольниковъ и въ синодскихъ на нихъ замѣчаніяхъ. Московскіе старообрядцы 11 пунктомъ своего прошенія хотѣли было еще разъ напомнить Правительству о необходимости дарованія того, о чемъ хлопотали, хотя сначала и безуспѣшно, прежніе соединенцы.

Принятіемъ московскихъ соединенцевъ на почти тождественныхъ условіяхъ съ прежними представители Православія еще разъ во всеуслышаніе объявили, на что, т. е. на какія условія единенія они могли и могутъ дать свое благословеніе. Они согласны были на совершеніе единовѣрческими священниками, выбранными самими соединенцами, но посвященными православными архіереями (2 п.), на совершеніе ими Богослуженія по старопечатнымъ книгамъ (3 и 4 пп.). Архипастыри согласны были на признаніе благодатной силы въ преждесовершенныхъ надъ соединенцами еще въ старообрядствѣ таинствахъ (10 п.), тѣмъ болѣе во вновь совершаемыхъ, напримѣръ въ таинствѣ брака, когда одна половина могла быть и православная (14 п.). Непрочь они были также допустить единовѣрцамъ нѣкоторую обособленность въ управленіи единовѣрческими церквами: независимость ихъ отъ Духовныхъ Консисторій (6 п.) и подчиненіе единовѣрческихъ священниковъ непосредственному суду епископа (12 п.).

Не менѣе опредѣленны и настойчивы представители Православія 1800 г. и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ содержалось то или другое отрицаніе просьбы соединенцевъ. Первой статьей условія Московскихъ соединенцевъ испрашивалось, дабы «Св. Синодъ разрѣшилъ прежде-положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобныя сему обряды». Митрополитъ Платонъ, измѣняя текстъ и смыслъ перваго условія прошенія соединенцевъ, ограничивался однимъ общимъ замѣчаніемъ, что съ нихъ, какъ «нынѣ сближающихся или паче соединяющихся съ Церковью и истиною ея и таинства и священство ея

признающихъ дѣйствительными», клятвы эти снимаются «и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема»; но «отторгающіеся еще отъ церкви имѣютъ и впредь состоять праведно». Этимъ краткимъ заявленіемъ все разъясненіе вопроса о сложеніи клятвъ со старыхъ обрядовъ и ограничивалось. Московскій архипастырь не считалъ нужнымъ останавливаться на немъ. Самый фактъ учрежденія Единовѣрія, по его мнѣнію, не менѣе говорилъ въ пользу положительнаго разрѣшенія предъявленнаго старообрядцами вопроса, чѣмъ хоть, напримѣръ, нарочитое «Изъясненіе» о клятвахъ или просимое Московскими старообрядцами публичное ихъ разрѣшеніе со стороны Синода. Истинно соединяющійся, хотя бы и условно, по мнѣнію митрополита, не долженъ уже смущаться прежними клятвами. Недоумѣніе по поводу клятвъ, по мысли митрополита, можетъ быть лишь у неискренно соединяющихся и мало приближающихся къ Церкви. Итакъ, поставленный старообрядцами вопросъ о прежде положенныхъ клятвахъ на двоеперстіе и другіе подобные обычаи митрополитомъ Платономъ былъ пересѣченъ, какъ несвойственный соединенцамъ и сведенъ на болѣе узкій вопросъ о тяготѣніи клятвъ на противникахъ Церкви и о естественномъ освобожденіи отъ нихъ чрезъ актъ единенія съ Церковью единовѣрцевъ. Условіе, поставленное старообрядцами въ первомъ параграфѣ, было болѣе удобоисполнимое, чѣмъ требованіе 1783 г. Стародубскихъ согласниковъ, которые желали, чтобы эти клятвы были разрѣшены чрезъ сношеніе Св. Синода съ восточными патріархами. Но митрополитъ Платонъ и на это удобоисполнимое, по мнѣнію соединенцевъ, условіе отвѣтилъ по смыслу тѣмъ же отрицаніемъ, коимъ отговаривались и прежніе представители Православія: «клятва касается только до непокоряющихся св. Церкви, а которые присоединяются, тѣ не подлежатъ» (резолюція на прошеніе Стародубскихъ старообрядцевъ).

Въ духѣ прежнихъ правилъ митрополитъ посмотрѣлъ и на второе условіе соединенцевъ. Боясь, какъ бы черезъ опредѣленіе къ единовѣрческимъ церквамъ бѣглыхъ священниковъ не испортилось соединенское настроеніе единовѣрцевъ и какъ бы бѣглые священники не стали мѣшать изъ-за корыстолюбивыхъ цѣлей желательному сближенію соединенцевъ съ православными, московскій архипастырь счелъ нужнымъ ограничить и второй пунктъ подобно первому: «а прежнихъ ихъ поповъ, яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и своего сана, къ таковой церкви не опредѣлять», говорилось во второмъ параграфѣ его замѣчаній.

Желая возобновить требованіе Стародубскихъ согласниковъ 11 пункта ихъ прошенія: «дозволить впредь желающимъ соблюдать старообрядчество церковное состоять подъ паствой имѣемаго быть при старообрядчествѣ епископа» и получить, вмѣсто прежней на него резо-

люціи: «совсѣмъ ненужная статья», удовлетворительный отвѣтъ, въ своихъ условіяхъ старообрядцы г. Москвы поставили было извѣстные § §: 5 и 11. Но московскій святитель, по примѣру прежнихъ представителей Православія, пресѣкъ это стремленіе соединенцевъ къ умноженію своего общества на счетъ православныхъ. М. Платонъ зналъ про такія стремленія соединенцевъ, заявленныя ими и послѣ Екатерины II въ 6, наприм., пунктѣ Нижегородскихъ условій, и разъ навсегда рѣшилъ прекратить ихъ среди нихъ. Въ 5-мъ пунктѣ своихъ замѣчаній московскій святитель такъ писалъ: «А что бы не возбранять присоединиться къ Церкви, ими просимой, и другимъ незаписнымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества Грекороссійской Церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ Церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ, и то, нашедши его таковымъ, при принятіи къ Церкви, прочесть надъ нимъ вышеписанную разрѣшительную молитву. А въ Церкви нашей православной доселѣ бывшихъ никакъ до таковаго присоединенія не допускать». Митрополитъ съ разборомъ присоединялъ къ единовѣрію и незаписныхъ раскольниковъ, а что касается православныхъ, то ихъ онъ прямо запретилъ причислять къ единовѣрческимъ приходамъ. Отрицательно отнесся митрополитъ и къ заимствованію православныхъ таинствами отъ единовѣрческихъ священниковъ. Въ отвѣтъ на 11 параграфъ просьбы Московскихъ соединенцевъ онъ такъ писалъ: «по сей статьѣ сынъ православной Грекороссійской Церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найти православнаго священника и церкви».

Настойчивость, съ какою проводилось отрицательное отношеніе митрополита Платона къ нѣкоторымъ условіямъ Московскихъ соединенцевъ, объясняется тѣсною связью со взглядомъ представителей православія на единовѣріе, именно на значеніе и цѣль его. Взглядъ этотъ, какъ и у единовѣрцевъ, былъ прежній. Въ просимомъ участіи православныхъ въ церковной жизни единовѣрія московскій святитель видѣлъ несоотвѣтствіе идеѣ единовѣрія. Въ цѣляхъ окончательнаго соединенія старообрядцевъ съ Церковью не только въ вѣрѣ, но и въ обрядѣ московскій святитель положилъ не одни только что приведенныя ограниченія на 5 и 11 пункты. Согласно смыслу объявленной имъ цѣли учрежденія единовѣрія, имъ были ограничены и другія многія условія прошенія Московскихъ соединенцевъ. Ограниченія эти касаются первой половины 5, 8 и 9 пунктовъ. Въ первой половинѣ 5 параграфа старообрядцы выражали просьбу о томъ, чтобы имѣть право не впускать въ свои храмы «знаменующихъ себя тремя перстами, бреющихъ бороды и имѣющихъ другіе обычаи», несогласные съ ихъ обыкнове-

ніями, кромѣ Высочайшихъ особъ. Такое желаніе, по мнѣнію митрополита Платона, свидѣтельствуя объ обрядовѣріи Московскихъ согласниковъ, о нетерпимости къ обрядамъ православной Церкви, противорѣчило чести православной Церкви. Въ виду этого означенное условіе было ограничено тѣмъ, что исполненіе его поставлено въ зависимость «благоразсужденія соединенскихъ священниковъ» съ наставленіемъ епископа (5 пунктъ). Съ точки зрѣнія московскаго владыки, по тѣмъ же побужденіямъ предубѣжденности и нетерпимости было и желаніе просителей-старообрядцевъ, чтобы ихъ священникамъ исповѣдываться только у соединенскихъ же (§ 8) и чтобы архіереи благославляли ихъ, какъ и всѣхъ согласниковъ, двуперстно (§ 9), а потому и оно, какъ лишній поводъ къ недостойному возвышенію стараго обряда и отдаленію отъ ново-исправленнаго, было оговорено митрополитомъ такъ: «сіе предоставить благоразумію и совѣсти» исповѣдывающагося (§ 8) и благословляющаго, однако предохраняя другихъ отъ соблазна (9 пун).

Взглядъ на Единовѣріе прежде нужно было лишь выводить какъ изъ отношеній православныхъ къ Единовѣрію (въ періодъ, напримѣръ, Стародубскаго согласія), такъ и изъ разныхъ сочиненій объ Единовѣріи. Сейчасъ же въ 1800 году не то. Понятія представителей Православія о сущности, возможности, значеніи и цѣли Единовѣрія изложены въ самыхъ правилахъ и тѣхъ дополненіяхъ къ нимъ, на основаніи коихъ должно было существовать и самое Единовѣріе. О значеніи и цѣли единовѣрія у высокопреосвященнаго Платона, кромѣ его замѣчаній на разныя условія соединенцевъ, сказано нарочито во второмъ его дополнительномъ мнѣніи къ правиламъ Единовѣрія. Читается оно такъ: «При дозволеніи просителямъ Церкви потребно быть судится провозгласить слѣдующее: что несчастливый расколъ, отъ чего произошелъ и когда, сіе извѣстно изъ изданныхъ о томъ книгъ. Церковь все тщаніе и ревность прилагала къ приведенію на путь истины отторгшихся отъ нея, и для того изданы многія книги, въ коихъ явственно и доказательно показано, и заблужденіе отторгшихся, и погрѣшности отъ нерадѣнія и невѣжества взошедшія въ прежнія церковныя книги, и какъ сходственно съ Греческими и Славянскими древними книгами оныя погрѣшности исправлены, и что таковымъ образомъ исправленныя книги въ нашей Церкви православной употребляются, и хотя и нынѣ не можетъ быть о всемъ томъ иная Церкви мысль, развѣ каковая ею доселѣ за истину признана и признается, однако Церковь, яко мать сердобольная, не видя въ обращеніи отторгшихся отъ нея великаго успѣха (хотя нѣкоторые Богомъ просвѣщенные и совершенно соединяются съ нею), разсудила за благо учинить нѣкоторое таковымъ въ невѣдѣніи погрѣшающимъ снисхожденіе, однако безъ соблазна право-

вѣрныхъ, особливо разсуждая ихъ прошеніе, которое довольнымъ образомъ ихъ съ Церковью сближаетъ, или паче соединяетъ, слѣдуя примѣру апостольскому, имже немощнымъ бысть, аки немощенъ, но съ тѣмъ, да немощныхъ пріобрящетъ, и дабы возымѣть благую надежду, что таковые, со временемъ, Богомъ просвѣтятся, и ни въ чемъ въ неразнствующе съ Церковью пріидутъ согласіе.—Сіе почитается нужнымъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ Церковь нынѣ таковое имъ творитъ снисхожденіе и дабы развратные не протолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину, познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить». По словамъ митрополита Платона Единовѣріе учреждается, такимъ образомъ, лишь для старообрядцевъ, но не для православныхъ. Значеніе его—это спасеніе «немощныхъ», немогущихъ отстать отъ прежнихъ своихъ обрядовъ, но въ то же время желающихъ единенія съ Церковью и «довольнымъ образомъ» сближающихся съ нею. Православные потому не могутъ переходить въ единовѣріе, что послѣднее, не смотря на свою связь съ Церковью въ таинствахъ, однако употребляетъ при Богослуженіи прежнія старопечатанныя книги со многими погрѣшностями, вошедшими отъ невѣжества и нерадѣнія. Единовѣріе, по словамъ митрополита, тогда только стало имѣть смыслъ въ русской Церкви, когда представители послѣдней испробовали всѣ средства къ уничтоженію раскола. Такъ, напримѣръ, издано было много книгъ, гдѣ ясно и основательно доказывались заблужденія отторгшихся и погрѣшности старыхъ книгъ. Грекороссійская Церковь, по мнѣнію митрополита Платона, тогда лишь учредила Единовѣріе, когда не оставалось надежды на безусловное присоединеніе раскольниковъ. Итакъ, Единовѣріе, по дополнительному мнѣнію митрополита, существуетъ для старообрядцевъ и при томъ еще съ тою цѣлью, что и они съ теченіемъ времени примутъ обряды и книги Грекороссійской Церкви, иными словами, придутъ въ окончательное единеніе съ Церковью не только въ догматѣ, но и во обрядѣ. Митрополитъ, такимъ образомъ, проповѣдуетъ то же, что̀ въ свое время говорили Никифоръ Ѳеотоки и Амвросій Серебрениковъ, а потомъ и сами члены Синода, современные названнымъ архипастырямъ.

Истинное значеніе Единовѣрческихъ правилъ 1800 г.

Находясь въ тѣсной связи съ прежними ходатайствами старообрядцевъ и распоряженіями по поводу ихъ православной власти, правила Единовѣрія при возглашеніи второй цѣли Единовѣрія, держатся прежнихъ основаній.

Первое основаніе провозглашенія правилами Единовѣрія надежды, что «единовѣрцы Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразнствующее съ Церковію пріидутъ согласіе», то же, что и у предшественниковъ, тѣхъ же руководимыхъ высокопреосвященнымъ Гавріиломъ членовъ Синода въ 1781 году. При возглашеніи второй цѣли единовѣрія, митрополита Платона руководитъ, такимъ образомъ, во-первыхъ, стремленіе къ обрядовому единообразію. Церковь съ давнихъ поръ, писалъ онъ во второмъ своемъ дополнительномъ мнѣніи, явственно и доказательно показывала погрѣшности въ старыхъ книгахъ, происшедшія отъ невѣжества и нерадѣнія. Употребляя сама ново-исправленныя книги, она желала къ употребленію ихъ, къ содержанію находящихся въ нихъ обрядовъ, привести и отторгнувшихся старообрядцевъ. Церковь всячески старалась прекратить различіе въ держаніи разныхъ книгъ, и обрядовъ. Для этого она издавала множество книгъ, гдѣ показывала заблужденіе отдѣленцевъ. Благодаря такому отношенію къ старымъ книгамъ и ихъ обрядамъ, не въ интересахъ власти было укрѣплять старообрядцевъ въ ихъ заблужденіи. Такое воззрѣніе и отношеніе, говоритъ Митрополитъ Платонъ, было у Церкви. Не за грѣхъ, а за истину, по мнѣнію митрополита, считаетъ такъ относиться Церковь къ старообрядцамъ и нынѣ. И если прежде было желаніе какъ можно скорѣе привлечь держателей старины къ новоисправленнымъ книгамъ, то нынѣ, по словамъ святителя, съ оказаніемъ имъ снисхожденія, Церковь не теряетъ надежды, что таковые въ концѣ концевъ «ни въ чемъ въ неразнствующее съ нею пріидутъ согласіе». И такъ, первая причина при возглашеніи второй цѣли единовѣрія у митрополита—прежняя.

Живучесть стремленія къ обрядовому единообразію покоится на обычномъ тогда отношеніи къ старому обряду. Отношеніе это у свѣтскаго правительства, а также и у церковной власти въ концѣ XVII вѣка и въ XVIII вѣкѣ, мы видѣли, какое было. Дѣйствительно, не въ интересахъ его было давать дозволеніе единовѣрцамъ пользоваться старыми книгами и ихъ обрядами навсегда. Это отношеніе было такое, что съ изданіемъ отъ лица Церкви 1765 году «Увѣщанія», составленнаго самимъ митрополитомъ Платономъ, и съ наступленіемъ болѣе гуманныхъ воззрѣній на старообрядчество во время царствованія Екатерины II,—все же всегдашнее оставленіе единовѣрцамъ ихъ особенности казалось такою непослѣдовательностью, которая непремѣнно давала поводъ подозрѣвать власть въ какой-то слабости! Что это не предположеніе, а фактъ, про это можетъ говорить письмо митрополита Платона къ архіепископу Амвросію (Подобѣдову). «Дѣло сіе, писалъ митрополитъ къ архіепископу, важное: чрезъ 160 лѣтъ Церковь противу всего стояла, потребенъ совѣтъ обще всѣхъ пастырей

Россійскія Церкви, и общее положеніе, и при томъ соблюсти честь Церкви, что она не напрасно столько противу подвизалася и осуждала толикими опредѣленіями, толикими провозглашеніями, толикими изданными сочиненіями, толикими установленіями присоединенія ихъ къ Церкви, дабы не остаться намъ въ стыдѣ и противники не возгласили бы прежнее побѣдихомъ [21]), да уже и кричатъ. Не они старообрядцы, а мы: они же новообрядцы, и ежели ихъ не называть раскольниками, покрайней мѣрѣ новообрядцами». Изъ этого письма видится названіе тѣхъ побужденій, которыя заставляли митрополита Платона возлагать надежду на окончательное со временемъ объединеніе единовѣрцевъ съ православными. Имя это—честь Церкви, заключающаяся въ томъ, что она не напрасно столь много старалась объ обрядовомъ единообразіи, что не держатели до-Никоновской старины—старообрядцы, а православные, а потому не послѣднимъ уступать, а первыхъ приводить въ полное согласіе съ ними.

Слѣдующая причина настаиванія митрополитомъ Платономъ на второй цѣли единовѣрія, по словамъ его же самого, боязнь соблазна для правовѣрныхъ. Православные, такъ выходитъ у митрополита Платона, при учрежденіи единовѣрія, какъ постояннаго явленія въ жизни Русской Церкви, могли соблазняться. Съ провозглашеніемъ же временнаго значенія единовѣрія соблазнъ этотъ умѣрялся. Безъ возглашенія надежды на окончательное сліяніе Единовѣрія съ Православіемъ первое, дѣйствительно, могло служить соблазномъ для православныхъ. Большинство послѣднихъ, благодаря предшествовавшимъ стремленіямъ представителей православія къ обрядовому единообразію въ церковной жизни, успѣли своимъ новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ въ продолженіи 147 лѣтъ придать характеръ чего-то неизмѣняемаго и обязательнаго для всѣхъ. Что такъ было на самомъ дѣлѣ—это показываетъ слѣдующее. Представители московскаго духовенства, къ которымъ митрополитъ Платонъ обратился за совѣтомъ, при полученіи разбираемаго прошенія старообрядцевъ-соединенцевъ, въ 8-мъ пунктѣ своего отвѣта къ архипастырю, напримѣръ, такъ писали: «нельзя будетъ сказать, что именующіеся старообрядцами соединились съ Православной Церковью, ибо они, какъ значатъ поданнымъ прошеніемъ, отъ своего суемудрія, противленія святой истинѣ и упорства не на шагъ не отступаютъ, но на тѣхъ своихъ любимыхъ правилахъ, кои отъ Православной Церкви внѣ правильности ясно изобличены, доказаны и проклятію преданы, основать новую Церковь усиливаются». Въ отдѣльномъ же по этому запросу мнѣніи протопресвитеръ Димитрій писалъ: «а безъ того (безъ проклятія ересей и отступства по чину, изданному въ 1766 году) допустить ихъ въ Церковь и противные Православной нашей Церкви ихъ обряды не должно».

Ибо отъ того, за что положена на нихъ клятва и анаѳема, не отрекаются» [22]).

Изъ приведенныхъ отзывовъ московскаго духовенства по поводу прошенія московскихъ соединенцевъ видно, какъ они упорно не желали дозволенія въ нѣдрахъ Церкви кромѣ новоисправленнаго обряда еще стараго. Въ этомъ дозволеніи, кромѣ той непослѣдовательности, мнѣніе о коей руководило, какъ было показано, и самими архипастырями при прежнихъ ограниченіяхъ Условнаго Соединенства въ лицѣ напримѣръ, митрополита Гавріила и другихъ членовъ Синода, московскому духовенству—большинству видѣлся еще соблазнъ для православныхъ.

Во времена московскаго святителя Платона не удивительно видѣть православныхъ, говорившихъ, что Единовѣріе, не принимающее ни троеперстія, ни трегубаго Аллилуія, не обладаетъ наравнѣ съ Православіемъ святой истиной, а противится ей. Правильно ли или неправильно придавать обрядамъ значеніе неизмѣняемости, но какъ скоро такой взглядъ на исправленные обряды существовалъ не только у рядовыхъ православныхъ, но и у самого духовенства, еще столичнаго и при томъ большинства—ограниченіе митрополита Платона, положенное на постоянное существованіе Единовѣрія, положительно понятно. Отсутствіе оговорки касательно значенія Единовѣрія въ будущемъ, на самомъ дѣлѣ, могло вызвать соблазнъ для правовѣрныхъ, которые подобно старообрядцамъ въ большинствѣ случаевъ много придавали значенія обрядовой сторонѣ богослуженія и которые видя, что Церковь безразлично относится къ обрядамъ, какъ своимъ, такъ и единовѣрческимъ, по меньшей мѣрѣ недоумѣвали бы—гдѣ истина и гдѣ заблужденіе.

Одной изъ дальнѣйшихъ причинъ провозглашенія при учрежденіи Единовѣрія второй его цѣли не могло не послужить также и самое настроеніе просителей. Въ 16-мъ, напримѣръ, пунктѣ московскіе соединенцы писали: «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо таковая обосторонняя разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то да пребудутъ старообрядцы и сынове грекороссійскія Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви». Но сличая этотъ пунктъ съ 5-мъ, митрополитъ Платонъ невольно приходитъ къ мысли, что онъ не болѣе, какъ противорѣчіе съ послѣднимъ,—не истинное выраженіе мыслей и чувствъ просителей. Говоря о мирѣ и любви и соединеніи съ Православными, просители запирали отъ нихъ двери своихъ храмовъ; требовали, чтобы не было распрей, раздоровъ и хулы за содержаніе разныхъ обрядовъ, а сами не пускаютъ своихъ священниковъ на православныя богослуженія.

Единовѣрцы искали взаимнаго общенія съ православными въ таинствахъ. Это правда. Но въ то же время справедливо и то, что митрополитъ Платонъ, читая 11 пунктъ ихъ просьбы, не могъ забыть того, о чемъ уже они просили въ 5-мъ пунктѣ своей просьбы, и въ своемъ отвѣтѣ на 11 пунктъ не могъ не собразоваться со смысломъ 5-го пункта, въ которомъ высказывалась не только одна привычка просителей къ наслѣдованнымъ отъ отцевъ старымъ книгамъ и обрядамъ, но и прямое желаніе охранить свой обрядъ отъ искаженія. «Мы не только сами не пойдемъ, какъ бы такъ говорили митрополиту старообрядцы въ 5-мъ пунктѣ, и не пустимъ нашихъ священниковъ въ храмы Греко-Россійской Церкви, въ которыхъ совершается служба по Никоновскимъ книгамъ и съ новыми обрядами, но мы не желаемъ, чтобы и сынове Греко-Россійской Церкви, соблюдающіе эти новые обряды, посѣщали наши храмы: общеніе въ молитвѣ съ нами могутъ имѣть только тѣ изъ сыновъ Греко-Россійской Церкви, которые хотя не считаются офиціально старообрядцами, но на самомъ дѣлѣ издавна удалились отъ сообщества Греко-Россійской Церкви и имѣютъ согласіе съ древними обыкновеніями». При такомъ осторожномъ отношеніи единовѣрцевъ къ обрядамъ Православной Церкви, понятомъ въ смыслѣ предубѣжденія, митрополитъ Платонъ, естественно, не могъ желать постояннаго обособленія условнаго соединенства, а скорѣе же могъ стараться о сближеніи его въ недалекомъ будущемъ съ Церковью и въ обрядахъ. Словомъ, искреннее выраженіе чувствъ просителей вліяетъ на прежнее провозглашеніе при учрежденіи Единовѣрія надежды, что оно съ теченіемъ времени приметъ новыя книги и совершенно соединится съ Православною Церковью.

Если сама власть, безъ объясненія значенія Единовѣрія въ будущемъ времени, чувствовала какое-то противорѣчіе съ прежними постановленіями по отношенію къ старообрядцамъ, то тѣмъ болѣе, конечно, этого противорѣчія безъ объясненія цѣли учрежденія Единовѣрія не могли не видѣть со стороны. Митрополитъ Платонъ предусмотрѣлъ и это обстоятельство. Провозглашеніе второй цѣли Единовѣрія у него оправдывается, далѣе, какъ средство остановить кривотолки, что Церковь будто бы познала свое согрѣшеніе (новоисправленные обряды) и истину старообрядцевъ (старинныя книги съ обрядами). «Провозгласить сіе (о значеніи Единовѣрія въ будущемъ) почитается нужнымъ, говорилъ митрополитъ Платонъ, дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ Церковь нынѣ таковое имъ творитъ снисхожденіе и дабы развратные не перетолковали, аки бы Святая Церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить и говорить». Чрезъ указаніе надежды, что единовѣрцы, «со временемъ Богомъ просвѣтятся и ни въ чемъ въ неразнствующее съ Церковью

придутъ согласіе» митрополитъ Платонъ думалъ отнять у раскола орудіе укорять Церковь въ ошибкахъ и противорѣчіяхъ. Чрезъ объявленіе цѣли Единовѣрія Архипастырь, какъ видится, стремился раскрыть ту мысль, что Церковь, по-прежнему думая о старыхъ книгахъ и обрядахъ, если и дѣлаетъ исключеніе чрезъ учрежденіе Условнаго Соединенства, то въ надеждѣ, что Условное Единеніе со временемъ перейдетъ въ безусловное. Къ сожалѣнію, стремленіе защитить прежній образъ дѣйствій противъ старообрядства, оправдать въ тоже самое время и Единовѣріе, не увѣнчалось успѣхомъ. Нецерковные старообрядцы, какъ будетъ показано дальше, все равно завинили Церковь въ противорѣчіи себѣ чрезъ учрежденіе Единовѣрія. Не разъ они кричали и до сихъ поръ кричатъ, что старообрядчество побѣдило, чего такъ боялся митрополитъ Платонъ (письмо къ Амвросію Подобѣдову), и до сихъ поръ не стѣсняются они считать Условное Соединенство ловушкой.

Явившись на смѣну Нижегородскихъ пунктовъ условнаго единенія, условія Московскихъ соединенцевъ 1800 года съ замѣчаніями на нихъ митрополита Платона, не смотря на отраженіе лишь, хотя и подробное, прежнихъ воззрѣній на Условное Единеніе старообрядцевъ съ Церковью, прежнихъ отношеній къ нему съ той и другой стороны, однако получили предпочтеніе предъ первыми. Эти, а не тѣ заняли положеніе и наименованіе правилъ Единовѣрія. Къ нимъ, какъ правиламъ, а не къ тѣмъ возводится все хорошее и все дурное, кому что желательно видѣть въ Единовѣріи. Мысль объ Единовѣріи является нераздѣльной съ представленіемъ о Московскихъ, а не о Нижегородскихъ пунктахъ. И не напрасно такое значеніе.

а) Въ 1800 году появляется самое названіе Единовѣрія. Желая способствовать измѣненію неправильнаго взгляда присоединявшихся къ Церкви па обряды и букву исправленныхъ книгъ, пріобрѣтеннаго въ расколѣ, и всячески сблизить ихъ съ Церковью, митрополитъ Платонъ не только положилъ тѣ или другія разсмотрѣнныя нами замѣчанія на пункты Московскихъ соединенцевъ, но перемѣнилъ съ этой цѣлью, наконецъ, даже самое названіе «старообрядцы», какимъ называли себя соединенцы какъ въ Стародубскихъ условіяхъ, такъ и въ Нижегородскихъ и Московскихъ пунктахъ, на имя «единовѣрцевъ». Такимъ образомъ, съ 1800 года старообрядцы-соединенцы самымъ именемъ выдѣляются изъ прочихъ старообрядцевъ-отдѣленцевъ, какъ уже старообрядцы-единовѣрцы и объединяются подъ этимъ названіемъ въ одно общество, держащее вмѣстѣ съ Православною Церковью при разности обрядовъ едину съ нею вѣру. Правда, каждый предметъ заимствуетъ свое имя отъ признаковъ, коими онъ явственно отличается

отъ всѣхъ другихъ однородныхъ предметовъ. Отсюда примиренное старообрядство съ названіемъ «единовѣріе», повидимому, отличается отъ Православной Русской Церкви единствомъ вѣры, единовѣрностью, единовѣріемъ съ ней, хотя вся сущность различія между единовѣріемъ и православіемъ по пунктамъ самого же митрополита Платона заключается въ обрядѣ? За отличительный признакъ примиренства взята не разность въ обрядѣ, а взято качество, не представляющее элементовъ для имени? Но какъ бы то ни было имя Единовѣрія, несмотря на то, что его нѣтъ въ самыхъ замѣчаніяхъ митрополита, а лишь въ ихъ дополненіяхъ, остается и до сихъ поръ. Только за послѣднее время оно не всегда выдвигается [23]). Прежде же за все истекшее столѣтіе оно постоянно повторяется и въ оффиціальномъ языкѣ различныхъ вѣдомствъ и учрежденій, и въ литературѣ какъ у православныхъ, такъ и у старообрядцевъ, и въ обычномъ просторѣчіи— въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ.

б) До условій Московскихъ соединенцовъ, хотя и были опредѣленныя для всѣхъ стремящихся къ условному единенію съ церковью правила соединенія (Нижегородскіе пункты), но имъ, несмотря на Императорскій указъ 12-го марта 1798 года, старообрядцы того или другого города или мѣста при возникшемъ ихъ желаніи соединиться съ Церковью не всегда слѣдовали. Иные стремились выставлять свои собственныя условія, чѣмъ каждый разъ ставили въ затрудненіе и духовную власть. Появившіеся въ 1800 году новые пункты Условнаго Соединенства становятся окончательно обязательными для всѣхъ. Они болѣе уже не мѣняются, исключая нѣкоторыхъ къ нимъ дополненій въ 1881 году. Они становятся, такимъ образомъ, для всѣхъ желающихъ изъ старообрядцевъ единенія съ Церковью необходимыми условіями. Съ этого времени соединенцы уже не должны были проэктировать какія-либо новыя свои условія, они должны были лишь соглашаться (или не соглашаться) на всегда утвержденныя правила. Начиная съ разсматриваемаго періода среди соединенцевъ не могло уже быть нѣсколько единовѣрческихъ обществъ, съ разными основаніями ихъ единенія съ Церковью, а должно было явиться одно цѣлостное старообрядческое-соединенское общество съ повсюду одинаковыми пунктами единенія съ православною Церковью.—Православные Архипастыри съ изданіемъ правилъ 1800 года, съ своей стороны, тоже освобождались на будущее время отъ прежнихъ затрудненій, являвшихся у нихъ каждый разъ при разрѣшеніи вопроса объ Условномъ Единеніи старообрядцевъ съ Церковью. Единовѣріе послѣ 1800 года требовало отъ представителей православія не выработки тѣхъ или другихъ правилъ единенія, а лишь принятія соединяющихся, на основаніи утвержденныхъ пунктовъ Условнаго Соединенства, старообрядцевъ съ Церковью.

Платоновская точка зрѣнія на Единовѣріе стала обязательною на будущее время ради того, что она находилась именно въ правилахъ, а не гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Постановка, напримѣръ, митрополитомъ Платономъ вопросовъ о клятвахъ и порицаніяхъ долго держалась въ исторіи пониманія представителями Православія Единовѣрія и отношенія къ нему. Лишь за послѣднее время были изданы спеціальныя «объясненія» клятвъ и порицаній на старообрядцевъ отъ лица Церкви.

Имѣя важное формальное значеніе, правила 1800 года по своему содержанію, какъ было говорено, мало имѣли новаго сравнительно съ прежнимъ. Утвержденныя взаимоотношенія соединенцевъ покоились на выработанныхъ уже въ предшествующемъ періодѣ понятіяхъ о сущности и значеніи Единовѣрія. Другого развитія въ исторіи Единовѣрія въ этотъ періодъ, кромѣ формальнаго, невозможно было и ждать. Немного еще прошло времени, какъ подавались и принимались условія сначала Стародубскихъ, а потомъ Нижегородскихъ старообрядцевъ. Что было выражено одной стороной въ нихъ, что было сказано другой по поводу ихъ, это же самое должно было явиться и въ тѣхъ условіяхъ старообрядцевъ и въ замѣчаніяхъ на нихъ, кои стали правилами Единовѣрія. Неправильное пониманіе Единовѣрія, вызывавшее собой малосочувствіе къ нему старообрядцевъ, цѣликомъ вошло въ содержаніе единовѣрческихъ правилъ.

IV ГЛАВА.

Единовѣріе послѣ 1800 года. Недовѣрчивое отношеніе къ нему представителей православія.

За первые 50 лѣтъ XIX столѣтія состоялось одно только Синодальное постановленіе, которымъ немного расширялись правила 1800 г. Это постановленіе 8-го августа 1832 г., облегчавшее собой переходъ въ Единовѣріе неотписнымъ старообрядцамъ, постановленіе, состоявшееся при томъ не изъ-за перемѣны принципіальныхъ взглядовъ на Единовѣріе, на его назначеніе, а изъ-за практическихъ только цѣлей соединенія старообрядцевъ съ Церковью. По пунктамъ м. Платона незаписного старообрядца можно было перечислять въ Единовѣріе только въ томъ случаѣ, если онъ всю жизнь не ходилъ въ православную церковь [1]). По Синодскому же указу 1832 года 8 августа дозволялось присоединять къ единовѣрческой церкви и тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые уклонились отъ православія не менѣе 10 лѣтъ [2]).

Указъ 8-го августа 1832 года состоялся по представленію преосвященнаго Пермскаго Аркадія. Преосвященный Аркадій, по поводу изъявленнаго старообрядцами Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ желанія составить вновь открываемый Пыскорскій, единовѣрческій приходъ, испрашивалъ у Св. Синода разрѣшенія на присоединеніе въ Единовѣріе тѣхъ изъ старообрядцевъ, кои, бывъ нѣкогда православными, уклонились въ расколъ лѣтъ за 10, 20, 30 и болѣе, и кои, послѣ сдѣланнаго имъ увѣщанія, не соглашались на безусловное присоединеніе къ Православной Церкви.

Ревнивое обереганіе духовной властью прежнихъ понятій о цѣли Единовѣрія вполнѣ логически вытекало изъ тогдашнихъ воззрѣній, нисколько не перемѣнившихся послѣ м. Платона, на держаніе старыхъ обрядовъ, какъ на слѣдствіе неразумія.

Платоновскаго взгляда на временную только обособленность Единовѣрія за разбираемый періодъ его существованія держались всѣ выдающіеся представители Православія. Подобно Платону, на значеніе и

цѣль Единовѣрія смотрѣли—Серафимъ, сначала Московскій Архипастырь, а потомъ съ 1821 года митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій [3]), м. Филаретъ, въ бытность еще въ г. Твери (съ 15 марта 1819—26 сентября 1820 г.) въ санѣ Архіепископа [4]).

Къ Единовѣрію одинаково относился Преосвященный Филаретъ и въ санѣ Московскаго Архипастыря (съ 3 іюля 1821 года), когда получилъ свое поразительное вліяніе на церковное правленіе [5]). Вліяя на всю постановку правительственныхъ отношеній къ дѣлу примиренія раскола съ православіемъ [6]), м. Филаретъ, подобно преосвященному Платону, смотрѣлъ на Единовѣріе, какъ на актъ церковнаго снисхожденія къ немощнымъ, требующаго величайшей осторожности, такой, какая требуется при операціи больного [7]). Онъ также считалъ Единовѣріе переходною ступенью къ православію, существующей для немощныхъ людей, привязанныхъ къ такъ называемому старому обряду,—обряду, хотя и не противному существу вѣры, однако же неправильному [8]). Онъ смотрѣлъ на Единовѣріе, какъ на мѣру, имѣющую своей конечной цѣлью не просто условное примиреніе старообрядцевъ съ Церковью, но полнѣйшее объединеніе ихъ съ православными даже въ единствѣ обряда [9]). «Вопросы, какъ должно креститься, какъ должно произносить въ Церкви славословіе Тріипостасному Богу, по мнѣнію м. Филарета, относились не до одной Россійской Церкви, но до всей Православной Церкви Вселенской: ибо крестятся и поютъ аллилуіа не въ одной Россійской Церкви, но во всей Церкви Вселенной. Неудивительно, поэтому, если Единовѣріе, не принимающее ни троеперстія, ни трегубой аллилуіи, не обладаетъ наравнѣ съ православіемъ «истиной вселенскаго православія».

Также на Единовѣріе, на его значеніе и цѣль въ разбираемое нами время смотрѣлъ и самъ Св. Синодъ. Состоя сначала изъ лицъ, въ числѣ первыхъ когда-то принявшихъ пункты м. Платона въ руководство по утвержденіи ихъ Высочайшей властью, онъ и въ послѣдующихъ составахъ былъ солидаренъ по своимъ понятіямъ объ Единовѣріи: то съ самимъ Платономъ, а послѣ его смерти (1812 г.), съ вышеуказанными іерархами, раздѣлявшими взглядъ своего предшественника.

Св. Синодъ вполнѣ соглашался съ «Бесѣдами къ глаголемому старообрядцу» м. Филарета, гдѣ авторъ, между прочимъ, проводилъ свой взглядъ на возможность и цѣль Единовѣрія. Онъ, начиная съ 1835 года, издаетъ ихъ нѣсколько разъ, по особому своему каждый разъ распоряженію [10]).

Издаваемыя по указу Св. Синода, какъ желательныя не только наличнымъ Синодальнымъ членамъ, но и бывшимъ (м. Серафимъ), а также нѣкоторымъ епархіальнымъ преосвященнымъ [11]), «Бесѣды къ

глаголемому старообрядцу» смотрятъ на Единовѣріе такъ же, какъ преосвященный Платонъ въ своихъ дополнительныхъ мнѣніяхъ. Они повторяютъ послѣдняго въ воззрѣніяхъ на то, въ чемъ заключаются характерныя черты Единовѣрія, въ какомъ отношеніи находится оно къ расколу и Православію, какая цѣль его учрежденія и какое значеніе имѣетъ оно въ отношеніяхъ Православной Церкви къ расколу.

Бесѣды, согласно Платону, показываютъ въ чемъ состоитъ точка соприкосновенія Единовѣрія съ расколомъ.

Характеризуя расколъ тремя признаками—признаніемъ Православной Церкви еретической, противленіемъ церковной власти и употребленіемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обрядовъ, «пятая Бесѣда къ глаголемому старообрядцу о Стоглавомъ соборѣ и объ истинномъ согласіи съ Православной Церковью», замѣчаетъ, что только первые два признака служатъ существенными препятствіями общенію раскольниковъ съ православными, третій же не представляетъ особенной важности и въ существѣ дѣла не препятствуетъ соединенству вѣрующихъ, потому что, по ея выраженію, «въ оныхъ обрядахъ, хотя отчасти неправильныхъ, не заключается противнаго существеннымъ догматамъ вѣры» [12]).

Съ неменьшею ясностью раскрыта «Бесѣдами» и другая, представленная м. Платономъ въ I-мъ дополнительномъ мнѣніи въ связи съ 16 пунктомъ,—положительная сторона Единовѣрія—отношеніе его къ Православію.

Бесѣды, изданныя Синодомъ, доказываютъ, что единовѣрцы, вступая въ общеніе съ Православной Россійской Церковью и не нарушая единомыслія послѣдней съ восточными патріархами [13]), тѣмъ самымъ становятся истинно-православными братіями и чадами единой Вселенской Церкви [14]). Единовѣрческіе обряды, по пятой Бесѣдѣ, какъ и по м. Платону, въ существѣ дѣла не противорѣчатъ духу и значенію обрядовъ православныхъ [15]) и потому нисколько не нарушаютъ единства, существующаго между Единовѣріемъ и православіемъ: «измѣненіе знаменія (сложеніе перстовъ), говорится въ этой бесѣдѣ, перестало быть важнымъ и подлежащимъ строгому суду, когда оказалось, что существо таинства сохранено» [16]). Девятая Бесѣда въ разсужденіи о принятомъ единовѣрцами сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для благословенія даже прямо ссылается въ качествѣ авторитета на преосвященнаго Платона. «Что значитъ (у старообрядцевъ) знаменіе трехъ перстовъ соединенныхъ? Таинство Пресвятыя Троицы. Но то же самое значитъ и у насъ (православныхъ) знаменіе трехъ перстовъ соединенныхъ. Что значитъ у старообрядцевъ знаменіе двухъ перстовъ соединенныхъ? Таинство двухъ естествъ Христовыхъ, Божества и человѣчества. Но то же значеніе и въ нашемъ (православномъ) перстосложеніи можно дать двумъ перстамъ, соединеннымъ, какъ изъ-

яснено въ книгѣ: Увѣщаніе во утвержденіи истины: (изд. 1833 года стр. 88» [17]). Старые обряды, по Бесѣдамъ, еще потому не противорѣчатъ единству, существующему между Единовѣріемъ и Православіемъ, что они не прокляты на соборѣ 1667 г. и не порицаются Церковью.

Относительно клятвъ собора 1667 года Бесѣды разсуждаютъ подобно же м. Платону. Онѣ доказываютъ, что соборныя клятвы положены не на старыя обряды, но на противниковъ и раздорниковъ изъза нихъ съ Церковью, на хулителей ея священства и таинствъ [18]). Соборъ 1667 года, говоритъ одна изъ нихъ, повелѣлъ покарятися во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святой, Восточной и Апостольстѣй Церкви и новоисправленныя книги, зане суть правоисправлены, пріимати, но съ примѣчательною и достойною истиннаго собора кротостью и разборчивостью не произнесъ клятвеннаго осужденія на неправильности старыхъ книгъ и обрядовъ. А вотъ, на кого произнесъ онъ осужденіе: «аще кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ, или начнетъ прекословить или противиться намъ: и мы такого противника данною намъ властію отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и проч. Видишь, заключаетъ бесѣда, что Соборъ осуждаетъ непослушныхъ, прекословящихъ противниковъ: слѣдственно тѣ, которые присоединяются къ такъ-называемымъ единовѣрческимъ церквамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ входятъ въ послушаніе Православной Вселенской Церкви, черезъ сіе избавляются отъ осужденія собора 1667 года, а не подвергаются оному» [19]). Что касается порицаній «старыхъ обрядовъ», то «бесѣды» стараются снять съ нѣкоторыхъ полемистовъ, напримѣръ съ св. Димитрія Ростовскаго часть вины, поддерживая тѣмъ взглядъ на это м. Платона, дабы хулы ни съ единыя стороны не слышались за содержаніе старыхъ обрядовъ. Бесѣда о имени Іисусъ—вопросъ относительно «неблаговиднаго толкованія» св. Димитріемъ Ростовскимъ имени Ісусъ и связаннаго съ нимъ порицанія, неумѣстнаго съ существованіемъ Единовѣрія, рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что жалоба раскольниковъ на святителя не основательна. Раскольничьи толкователи разсѣкли два произношенія одного имени на два, по ихъ мнѣнію, различныя имена: онъ показалъ послѣдствіе сего разсѣченія. Они оскорбили правильное имя вымышленнымъ укоризненнымъ толкованіемъ: онъ отвѣчалъ, что гораздо основательнѣе происходитъ неблаговидное толкованіе изъ имени неправильнаго. Если сѣтуютъ на того, кто нападеніе имени-толкователей отразилъ одинаковымъ оружіемъ: то какого негодованія достойны тѣ, которые начали такую брань? Правда, заключаетъ 4-ая Бесѣда, что тяжекъ благоговѣйному слуху сей имени — толковательный споръ: но вина вся лежитъ на главѣ начинателей. Ибо что сдѣлалъ св. Димит-

рій? Онъ поступилъ по правилу Соломона: отвѣщай, безумному по безумію его, да не явится мудръ о себѣ (Притч. 26: 5 ст.») [20]).

Но, кромѣ яснаго изложенія отношеній Единовѣрія къ Православію въ «Бесѣдахъ» не менѣе подробно раскрыты и платоновскія воззрѣнія на значеніе—цѣль Единовѣрія, выраженныя имъ во 2-мъ дополнительномъ мнѣніи [21]).

Единовѣріе, по Бесѣдамъ, есть результатъ снисхожденія христіанской кротости къ обрядамъ, хотя отчасти неправильнымъ, однако не разрушающимъ существо вѣры», допущенный съ цѣлью «достигнуть вожделеннѣйшаго, ежедневнаго молитвой Церкви въ важнѣйшее время Богослуженія испрашиваемаго блага—соединенія вѣры» [22]).

Признавая за Единовѣріемъ, согласно съ Платономъ, весьма важное значеніе въ качествѣ способа примиренія старообрядцевъ съ Церковью, «Бесѣды» высказывали и ту мысль м. Платона, что конечная цѣль учрежденія Единовѣрія—объединить со временемъ раскольниковъ съ Православной Церковью даже въ единствѣ обрядовъ. По бесѣдамъ, «св. Церковь дозволяетъ старообрядцу изображать таинство Пресвятыя Троицы и Богочеловѣка привычнымъ знаменіемъ, доколѣ научится изображать ее знаменіемъ достовѣрно вѣрнымъ [23]), въ ожиданіи разумѣнія болѣе совершеннаго» [24]). Книги Единовѣрія, по Бесѣдамъ, какъ и по 2-му дополнительному мнѣнію митр. Платона, признаются только терпимыми по снисхожденію [25]), какъ «не очищенныя отъ нѣкоторыхъ словесныхъ и обрядовыхъ погрѣшностей, вкравшихся по невѣдѣнію и недосмотру» [26]).

Ревнивое обереганіе Св. Синодомъ пунктовъ м. Платона.

Раздѣляя такія воззрѣнія на существенныя черты Единовѣрія, на его отношеніе къ расколу и православію, на цѣль его учрежденія и на значеніе для Православной Церкви въ отношеніяхъ къ расколу—воззрѣнія, не только проведенныя въ «Бесѣдахъ» великаго іерарха православія, но и въ цѣломъ трактатѣ послѣдняго въ «Изложеніи о проклятіи, положенномъ отъ собора 1667 г.» [27]), написанномъ, какъ представителемъ Церкви, по Высочайшему повелѣнію [28]), Церковная власть строго проводила ихъ въ жизнь Единовѣрія за первыя времена его существованія. Смотря на Условное Соединенство старообрядцевъ съ Церковью глазами прежнихъ представителей Православія, она въ начальный возрастъ перваго отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на всѣ попытки нѣкоторыхъ приверженцевъ старины добиться принципіальнаго измѣненія въ принятомъ взглядѣ на Единовѣріе. Какъ, дѣй-

ствительно, строго церковное правительство относилось «къ чести Церкви» въ дѣлахъ Единовѣрія и послѣ м. Платона, провозгласившаго для сохраненія этой чести вторую цѣль Единовѣрія,—это показываетъ двукратный синодскій отказъ иноку Герасиму съ братіей Высоковскаго монастыря, Костромской губерніи.

Св. Синодъ въ 1802 г. обѣщалъ послѣднимъ въ присоединеніи ихъ къ Церкви на правилахъ Единовѣрія только въ томъ случаѣ, когда они обратятся къ нему, съ истиннымъ своимъ признаніемъ, какъ святости и власти, такъ и правильности и непоколебимости въ исповѣданіи Грекороссійскія Церкви и съ непритворнымъ раскаяніемъ о прежнемъ заблужденіи [29]). Инокъ Герасимъ съ простодушіемъ и простосердечіемъ выражалъ свое желаніе о присоединеніи къ Единовѣрію «единственно потому», «якобы Св. Синодъ и архипастыри, по бывшемъ отъ лѣтъ патр. Никона старообрядствующихъ отягощеніи, напослѣдокъ признали отправленіе богослуженія по прежде печатаннымъ книгамъ за святое и спасительное и что нынѣ не предвидится уже причинъ, для коихъ бы бѣжать священникамъ отъ своихъ архипастырей» [30]). Но такое заявленіе Герасима шло въ разрѣзъ съ пунктами Московскаго святителя, гдѣ послѣдній, оберегая Православіе отъ соблазна, считалъ нужнымъ изложить «благословную» вину существованія Единовѣрія съ выраженіемъ надежды на окончательное его объединеніе съ Православіемъ и въ обрядѣ. О. Герасимъ какъ разъ попадалъ въ число тѣхъ развратныхъ, которые, не внимая объявленной м. Платономъ благословной винѣ учрежденія Единовѣрія, дерзали мыслить и говорить, что Церковь, учреждая Единовѣріе, «аки бы познала свое прегрѣшеніе, а ихъ истину» (2-е дополн. мн. м. Платона).

Второй отказъ Синода Костромскимъ инокамъ состоялся въ 1804 г. Въ этомъ году, они хотя въ своемъ прошеніи о присоединеніи ихъ къ Единовѣрію и обращались, какъ требовала церковная власть въ 1802 г., съ «истиннымъ своимъ признаніемъ, какъ святости и власти, такъ правильности и непоколебимости въ исповѣданіи Грекороссійскія Церкви и съ непритворнымъ раскаяніемъ о прежнемъ заблужденіи» [31]), но, не смотря на это, все-таки не получили ожидаемаго по слѣдующему обстоятельству. Синодъ нашелъ, что Единовѣріе—лишь для приходскихъ церквей устроено, а не для монастырей, хотя въ 30 верстахъ отъ Херсона съ 1787 г. существовалъ единовѣрческій монастырь. Иными словами, Синодъ отказалъ въ просьбѣ Костромскимъ монахамъ за то, что она не подходила къ буквѣ Платоновскихъ правилъ 1880 г. Синодъ не нашелъ въ правилахъ Единовѣрія пункта для устройства единовѣрческихъ монастырей. По опредѣленію Синода 6—31 іюля 1804 г. «означеннымъ просителямъ... отка-

зано въ виду того, что Именными Высочайшими указами 1798 г. марта 12 и 27 октября 1880 г. повелѣно: давать дозволеніе старообрядцамъ на построеніе церквей, для отправленія въ нихъ службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, по избранію прихожанъ и по разсужденію и разсмотрѣнію епископа; а чтобы учреждать вновь Единовѣрческіе монастыри, того въ тѣхъ Высочайшихъ указахъ не изображено» [32]).

Такое же ревнивое отношеніе Синода къ пунктамъ, изъ-за солидарности съ ними во взглядахъ на Единовѣріе, можно видѣть изъ дѣлъ и другихъ старообрядцевъ: Ярославскихъ [33]), Саратовскихъ [34]), Николаевскихъ [35]) и, наконецъ, Московскихъ [36]). Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ дѣлъ замѣчается, что церковная власть послѣ 1800 г. въ продолженіе пятидесятилѣтняго промежутка времени не отступала отъ пунктовъ Московскаго архипастыря, исключая указа 8 августа 1832 г., но всячески ихъ подкрѣпляла своими, даже нарочитыми, постановленіями. Сюда относится, напр., указъ 5 апрѣля 1845 г., подтверждающій 6-й пунктъ [37]), устанавливавшій, какъ извѣстно, дѣлопроизводство единовѣрческихъ приходовъ, направляющееся непосредственно къ самому епископу. Церковное правительство считало правила Единовѣрія не только согласными съ церковными канонами, но и съ христіанскимъ крайнимъ снисхожденіемъ къ старообрядцамъ, какое только возможно при соблюденіи достоинства Церкви, а потому старалось не ослаблять ограниченія ихъ, но точно проводить даже изложенныя въ нихъ начала обособленности, по ея мнѣнію, довольно сближающія, или паче соединяющія Единовѣрцевъ съ православными [38]).

На стремленіе старообрядцевъ получить себѣ благословенное священство совсѣмъ безъ соблюденія, или только безъ точнаго соблюденія правилъ Единовѣрія 1800 г., она всегда отвѣчала въ 1-мъ случаѣ прямо отказомъ, а во 2-мъ предложеніемъ безусловно принять пункты м. Платона. Случаевъ отказа за разбираемое время было нѣсколько: для примѣра можно указать на отказъ Саратовскимъ старообрядцамъ въ просьбѣ о дозволеніи имъ взять священника изъ православныхъ или же изъ бѣглыхъ поповъ. Саратовскіе купцы Петръ Буркинъ и Петръ Барановъ со всѣмъ тамошнимъ старообрядческимъ обществомъ просили о дозволеніи имъ взять въ свою часовню или попа Вольской старообрядческой церкви Григорія Иванова, или Вольской округи, села Чернавки священника православной церкви Ивана Петрова. Церковно-правительственная власть, на разсмотрѣніе которой поступила означенная просьба, 11 мая—11 іюля 1807 г. положила слѣдующее: «Въ виду того, что раскольникамъ, желающимъ отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, предоставлено 27 октября 1800 г. просить церковь и священниковъ на основаніи Высо-

чайше утвержденныхъ правилъ; Саратовскіе же раскольники, уклоняясь отъ такого, принимаемаго другими, средства сближенія съ православной Церковью, не имѣютъ церкви, прося объ опредѣленіи только священника къ состоящей у нихъ часовнѣ: Святѣйшій Синодъ не можетъ согласиться на опредѣленіе имъ священника, если они не расположатся принять Высочайше утвержденные по сему предмету пункты (м. Платона), предполагая, что отступленіе отъ этихъ правилъ, благотворное дѣйствіе которыхъ дознано опытами, можетъ сдѣлать только поблажку раскольникамъ, а послѣдняя, имѣя вредное вліяніе на успѣхъ въ обращеніи по другимъ мѣстамъ уклоняющихся отъ Церкви по невѣжеству и заблужденію, послужитъ преткновеніемъ для имѣющихъ единовѣрческія церкви» [39]).

Что касается примѣра, когда представители православной Церкви ищущимъ священства на старыхъ обрядахъ не отказывали совершенно, а предлагали только безусловно принять пункты Единовѣрія, то сюда можно отнести дѣло Рогожскихъ старообрядцевъ въ концѣ царствованія Николая Павловича. Въ 1853 и 1854 гг. нѣкоторые изъ старообрядцевъ Рогожскаго кладбища обратились къ м. Филарету съ просьбой освятить въ единовѣрческую церковь одну изъ 3-хъ поповщинскихъ часовенъ, причемъ предложили 28 августа 1854 г. слѣдующія особыя условія соединенія съ православной Церковью: 1) «для успокоенія совѣсти собратій нашихъ и большаго присоединенія и возращенія Церкви, разрѣшенную Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ клятву, прежде положенную на двуперстное сложеніе, опять подтвердить разрѣшеніемъ». 2) «Отправлять богослуженіе, безъ всякаго умаленія и прибавленій такъ, какъ напечатано въ древнихъ книгахъ при патріархѣ Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іосафѣ и Іосифѣ». 3) «Святый антиминсъ на престолъ возложить при освященіи храма, который долженъ быть древняго при упомянутыхъ патріархахъ освященія». 4) «Свободное и безпрепятственное въ церкви нашей отправлять богослуженіе, чтобы не нарушаемо было посторонними входящими лицами, различествующими съ нами въ обрядахъ, и прочія права, данныя Св. Синодомъ единовѣрческимъ церквамъ 6 февраля 1801 г., подтвердить». 5) «Освятить же храмъ во имя Святителя Христова Николы извѣстному намъ и опытному въ старообрядческомъ службоотправленіи Московской единовѣрческой церкви Священнику» [40]).

Но церковная правительственная власть, къ которой поступили эти условія, не отступила отъ пунктовъ Единовѣрія: предложила послѣдніе принять во всемъ ихъ объемѣ и содержаніи. Она ограничилась въ этомъ случаѣ лишь «изъясненіемъ» въ духѣ м. Платона клятвъ, положенныхъ на соборѣ 1667 г. [41]).

Въ своемъ содержаніи «объясненіе», написанное Филаретомъ, по Высочайшему повелѣнію [42]), какъ представителемъ Церкви, и читанное и одобренное членами Правительствующаго Синода [43]), не представляетъ чего-либо новаго сравнительно съ вышеупомянутыми разъясненіями разсматриваемаго вопроса въ «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу». Здѣсь такъ же, какъ и въ «Бесѣдахъ», проводится мысль, что проклятіе на соборѣ 1667 г. произнесено не на обряды, а на непокоряющихся Св. Церкви и собору и можетъ быть разрѣшаема Св. Синодомъ и архіерейскою властью. Въ опредѣленіи самого собора, по словамъ «Изъясненія», сказано: «кто вразумится и перестанетъ быть противникомъ Святыя Церкви, тотъ долженъ быть разрѣшенъ и свободенъ отъ проклятія, положеннаго на противниковъ». Если есть что-либо новое въ этомъ «Изъясненіи», такъ это отвѣтъ на вопросъ: можно-ли единовѣрцамъ молитвенно поминать своихъ родственниковъ, умершихъ въ расколѣ. Этотъ вопросъ смущалъ соединенцевъ особенно потому, что на основаніи отрицательнаго его рѣшенія нѣкоторые изъ нихъ, подъ вліяніемъ упорныхъ старообрядцевъ Рогожскаго кладбища, даже оставили прежнюю мысль о Единовѣріи и вмѣстѣ съ другими домогались получить себѣ священство внѣ законнаго іерархическаго порядка. Въ виду этого, правительственная власть поручила Московскому митрополиту пригласить къ себѣ тѣхъ изъ рогожцевъ, которые извѣстны ему по благонамѣренности и прямодушію, и, объяснивъ подробнѣе, по какимъ причинамъ домогательство о независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ противно уставамъ Церкви и гражданскимъ законамъ, а также, что положенная на соборѣ 1667 г. клятва не можетъ распространяться на тѣхъ, которые вступаютъ въ Единовѣріе, раскрыть, что имъ не возбраняется молиться за усопшихъ, не успѣвшихъ при жизни примириться съ Церковью, а затѣмъ, предложивъ вступить въ Единовѣріе, обнадежить, что имъ будетъ оказано всякое не противное церковнымъ правиламъ снисхожденіе, съ обращеніемъ по ихъ желанію моленныхъ въ единовѣрческія церкви и съ опредѣленіемъ къ нимъ духовенства—по ихъ избранію—или изъ извѣстныхъ имъ священно-церковно-служителей, или даже изъ среды ихъ самихъ [44]). М. Филаретъ, въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія, рѣшая вопросъ о возможности молитвеннаго поминовенія единовѣрцами своихъ родственниковъ, умершихъ въ расколѣ, отвѣчаетъ на него въ своемъ «Изъясненіи» положительно. Московскій архипастырь мотивируетъ это тѣмъ, что проклятіе большого собора 1667 г. всей своей силой падаетъ на людей, намѣренно противившихся Церкви, каковы были Аввакумъ, Никита и др. Что касается до вашихъ родственниковъ,—говоритъ онъ рогожцамъ,—умершихъ внѣ общенія съ православной Церковью, по долгу осто-

рожности и любви къ ближнему, который повелѣваетъ въ дѣлѣ неясномъ избирать снисходительную сторону, за вѣроятнѣйшее полагаемъ, что они оставались въ такомъ положеніи по невѣдѣнію истины и потому примѣняемъ къ нимъ снисходительное сужденіе собора 1667 г. о послѣдователяхъ «Стоглаваго Собора» [45]).

Итакъ, церковно-правительственная власть въ дѣлѣ Московскихъ старообрядцевъ 1853—54 гг. настояла на точномъ соблюденіи правилъ Единовѣрія 1800 г., хотя рогожцы и стремились видоизмѣнить 1-й пунктъ и снова, точнѣе, подтвердить 3-е, 4-е и 5-е условія соединенства своихъ предковъ-современниковъ митрополиту Платону.

Такого же отношенія она держалась и въ томъ случаѣ, когда домогательства старообрядцевъ касались другихъ, слѣдующихъ по счету, пунктовъ и дополнительныхъ мнѣній московскаго святителя. Показателемъ ревниваго соблюденія пунктовъ м. Платона во всемъ ихъ объемѣ можетъ служить дѣло «объ условіяхъ, на коихъ раскольники города Николаева соглашались имѣть при своей церкви законнаго священника» [46]). Бывшій Екатеринославскій архіепископъ преосвященный Гавріилъ въ одно время доносилъ Св. Синоду, что Николаевское общество, именуемое старообрядческимъ, соглашается имѣть въ своей церкви законнаго священника на основаніи пунктовъ, подававшихся отъ Московскихъ старообрядцевъ покойному м. Платону и удостоенныхъ Высочайшаго утвержденія 27 октября 1800 г., но съ однимъ только ограниченіемъ противъ этихъ правилъ. Во 1-хъ, они испрашиваютъ снисхожденія, дабы церковный ихъ престолъ не былъ вновь переосвященъ (ср. 4 п.). Повтореніе этого священнаго обряда можетъ породить въ нѣкоторыхъ изъ ихъ прихожанъ ничѣмъ неукрощаемое, душевное прискорбіе, что прежнее освященіе будто бы неправильно, что всѣ совершенныя надъ ними таинства, какъ-то: крещеніе, бракъ и причастіе Св. Таинъ, не могутъ быть признаны за дѣйствительныя, что, слѣдовательно, они сами—не истинные христіане, а жены ихъ и дѣти—незаконнаго происхожденія (ср. 10 пунктъ). Во 2-хъ, чтобы священникъ, который будетъ избранъ, велъ потребныя вѣдомости, исповѣдные списки и метрическія книги надлежащимъ порядкомъ, отсылая оныя отъ общества епархіальному начальству (ср. 13 п.) и, чтобы онъ былъ изъятъ отъ собиранія церковныхъ доходовъ, которые должны храниться у церковнаго старосты, отчеты же о суммѣ и церковномъ имуществѣ оставались бы въ разсмотрѣніи и распоряженіи общества, хотя о приращеніи ихъ давать свѣдѣнія высшему епархіальному начальству, но самые доходы оставлять при церкви. Въ 3-хъ, священникъ долженъ всегда находиться въ вѣдѣніи общества, а въ случаѣ отступленія отъ преданія св. отцевъ, ста-

ропечатныхъ книгъ и какого-либо нравственнаго законопреступленія, долженъ быть подсудимъ ему, преосвященному (ср. 6 и 12 пункты). Въ 4-хъ, чтобы вмѣстѣ съ даруемымъ Церковью наименованіемъ единовѣрцевъ, которое они принимаютъ съ душевнымъ удовольствіемъ, имъ было предоставлено и полученное издревле названіе старообрядцевъ, т. е. чтобы имъ дозволено было именоваться единовѣрцами-старообрядцами, а церкви имѣть названіе: единовѣрческая-старообрядческая (ср. 1-е дополн. мн. м. Платона).

Въ октябрѣ (27) 1833 г., въ разрѣшеніе такого представленія, Екатеринославскому преосвященному Св. Синодомъ было предписано слѣдующее: 1) Св. Синодъ не можетъ отступить отъ 6-го правила Гангрскаго собора, которымъ не признается законнымъ, «аще кто, кромѣ соборныя Церкве, церковная хощетъ творити». А посему онъ не долженъ принимать безъ разсмотрѣнія и освященія храма, сдѣланнаго неизвѣстно кѣмъ (подтвержденіе 4 пункта). 2) Опасеніе ищущихъ соединенія съ Церковью, что принятое ими крещеніе будетъ признано отъ того недѣйствительнымъ,—напрасно. Что касается до прочихъ таинствъ и церковныхъ дѣйствій, совершенныхъ надъ ними въ противность вышеприведенному правилу, то проявившійся въ нихъ грѣхъ невѣдѣнія, непослушанія загладится присоединеніемъ къ Соборной Апостольской Церкви—ея благословеніемъ (подтвержденіе 10 пункта). 3) Такъ какъ 7 и 8 правилами Гангрскаго собора осуждаются дающіе и пріемлющіе церковное плодоношеніе безъ воли епископа или пресвитера, то Св. Синодъ не можетъ устранить священника отъ наблюденія за церковными доходами, которые, не исключая и свѣчныхъ, могутъ быть оставлены по снисхожденію въ пользу единовѣрческой церкви. 4) Св. Синодъ, какъ на основаніи апостольскаго слова, повелѣвающаго православнымъ христіанамъ единомудрствовать (Фил. гл. II, ст. 2), такъ и въ виду Высочайше утвержденныхъ правилъ 27 октября 1800 г. (I-е дополн. мн. м. Платона), не можетъ допустить никакого особаго названія единовѣрческой церкви: оно повело бы къ новому раздѣленію, а не къ единомудрію въ вѣрѣ. 5) Объяснивъ это просящимъ единовѣрческаго священника, преосвященный внушитъ имъ, сколько важно и спасительно соединеніе со Святой, Соборной и Апостольскою Церковью, и, пригласивъ ихъ къ этому, ради мира и спасенія души безъ упомянутыхъ условій, кои или маловажны, или произвольны, или не служатъ спасенію душъ, объявить, что къ ихъ церкви можетъ быть опредѣленъ священникъ не иначе, какъ на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ м. Платона [47]).

Строго соблюдая пункты 1800 г., какъ условія соединенія единовѣрцевъ съ Церковью (1 пунктъ и 1 дополн. мн. м. Платона), такъ и

параграфы ихъ внутренняго устройства (2, 3, 4, 6, 10, 12 и 13), церковное правительство ничего такъ ревниво не оберегало, какъ правила объ отношеніяхъ единовѣрцевъ къ Православной Церкви (5 и 11 пункты).

Какъ, дѣйствительно, строго церковное правительство относилось къ 5 параграфу пунктовъ Единовѣрія, можно видѣть изъ дѣлъ крестьянъ Калужскихъ [48]), Домшинскихъ (Вологодской губерніи) [49]), Сычевскихъ (Смоленской епархіи) [50]), Екатеринбургскихъ [51]), Пермскихъ [52]), Новоладожскихъ (Петербургской епархіи) [53]).

Въ 1802 г., прихожане Николаевской церкви села Домшина Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, вошли въ Св. Синодъ съ прошеніемъ «о переименованіи упомянутой приходской ихъ церкви въ старообрядческую (т. е. единовѣрческую), или же о дозволеніи построить оную вновь, съ опредѣленіемъ къ ней священника». Такъ какъ просители, какъ оказалось изъ донесенія Вологодскаго преосвященнаго, состояли дотолѣ въ «благочестіи» и никогда прежде старообрядцами не были, то Св. Синодъ на томъ основаніи, что «Именными Высочайшими указами дозволено давать церкви и особыхъ священниковъ, для исправленія службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ, тѣмъ только старообрядцамъ, которые издавна удалились отъ общества греко-россійской Церкви и о которыхъ по изслѣдованію окажется, что они никогда дотолѣ въ церковь православную не ходили и таинствъ ея не принимали», отказалъ просителямъ [54]). Въ слѣдующемъ году нѣкоторые изъ православныхъ Сычевскаго уѣзда, руководимые Лушнинымъ, входили въ Св. Синодъ съ подобною же просьбою, на которую получили отказъ на томъ основаніи, что «Именными Высочайшими указами 1798 г. марта 12 и 1800 г. октября 27 числа 5 пунктомъ повелѣно: дозволять присоединяться къ старообрядческой церкви тѣмъ только, о которыхъ по изслѣдованію окажется, что они никогда въ церковь православную не ходили и таинствъ ея не принимали, а въ церкви православной доселѣ бывшихъ, никакъ до таковаго соединенія не допускать». Въ 1803 г. обойти 5 пунктъ правилъ Единовѣрія пытались вставшіе на путь Единовѣрія жители Екатеринбурга. Они просили устроить церковь, для отправленія въ ней службы Божіей по старопечатнымъ книгамъ и дать имъ священника. Св. Синодъ удовлетворилъ эту просьбу, но съ тѣмъ однако по 5 правилу ограниченіемъ, чтобы этимъ дозволеніемъ пользовались единственно родящіеся отъ находящихся въ старообрядчествѣ, вновь же къ своему обществу никого бы не присоединяли, въ чемъ купца Толстикова, повѣреннаго старообрядцевъ, приказано было обязать подпискою въ Пермской духовной консисторіи, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, поступленія съ нимъ по законамъ [55]). Такъ поступлено было и

съ ходатайствомъ Пермскихъ Единовѣрцевъ. Въ 1807 г. Св. Синодъ согласился на устройство единовѣрческой церкви для старообрядцевъ, находившихся въ Пермской губерніи при заводахъ Демидова, но при условіи, чтобы мѣстный преосвященный поручился, что старообрядцы желающіе имѣть церковь,—не вновь, а издавна отторгшіеся отъ общества греко-россійской Церкви, какъ объ этомъ говорится въ 5-мъ пунктѣ м. Платона, Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше утвержденномъ въ 1800 г. 27 октября.

Такое ревностное охраненіе 5-го и 11-го пунктовъ, объясняется тѣмъ, что нарушеніе послѣднихъ пунктовъ еще больше противорѣчило укрѣпившемуся тогда взгляду на значеніе Единовѣрія, чѣмъ неисполненіе другихъ условій соединенства старообрядцевъ съ православными.—Допускать обратный переходъ, по 5 условію Московскихъ старообрядцевъ, т. е. переходъ изъ Православія въ Единовѣріе, означало гораздо большее уклоненіе отъ намѣченной м. Платономъ цѣли—объединить старообрядцевъ съ православными даже въ единствѣ обряда, чѣмъ нарушеніе 6, 12, 13 пунктовъ Московскаго святителя о дѣло и судо-производствѣ въ единовѣрческихъ приходахъ. «Первое, по словамъ митр. Филарета, прямо значило не приближать къ православію и къ Церкви отчужденныхъ, а увлекать православіе съ праваго пути» [56]).

Доказательствомъ того, что и въ 1832 г. этотъ вопросъ не былъ принципіально разрѣшенъ въ смыслѣ облегченія перехода въ Единовѣріе незаписаннымъ раскольникамъ, можетъ служить постановленіе 1848 г., гдѣ 5-й пунктъ снова ставится въ прежней Платоновской редакціи.

Состоявшимся въ этомъ году опредѣленіемъ Св. Синода положено: «Завѣдывающему единовѣрческою церковью въ городѣ Ярославлѣ, Костромскому епископу Іустину дать знать указомъ, что его предположеніе о порядкѣ присоединенія въ Единовѣріе Св. Синодъ находитъ согласнымъ съ Высочайше утвержденными правилами 1800 г. и потому вполнѣ одобряетъ. Костромской преосвященный, при обращеніи старообрядцевъ въ Единовѣріе, предлагалъ Синоду держаться такихъ правилъ: 1) По полученіи прошенія отъ раскольника о присоединеніи его къ Единовѣрію, преосвященный требуетъ свѣдѣнія о вѣроисповѣданіи просителя. 2) Если изъ свѣдѣній откроется, что проситель—записной раскольникъ, то Епископъ поручаетъ единовѣрческому священнику присоединить его. 3) А если желающій присоединиться къ Единовѣрію окажется православнымъ, то преосвященный отказываетъ просителю въ прошеніи съ предоставленіемъ права доказывать свою принадлежность къ расколу слѣдственнымъ порядкомъ, согласно съ резолюціей м. Платона на 5-й пунктъ

прошенія Московскихъ старообрядцевъ. 4) Преосвященный присоединитъ просителя къ Единовѣрію, если изъ слѣдствія откроется, что считавшійся православнымъ никогда не ходилъ въ православную церковь и не принималъ ея таинствъ [57]).

Причина благодѣтельнаго для старообрядцевъ рѣшенія вопроса объ отношеніи Единовѣрія къ Православію въ 1832 г. крылась,—о чемъ уже было замѣчено,—болѣе въ практической его сторонѣ, чѣмъ въ принципіальныхъ взглядахъ. Дѣло въ томъ, что во время строгихъ мѣръ правительства противъ раскола—множество старообрядцевъ притворно выдавали себя за православныхъ, въ чемъ легко успѣвали, благодаря частой подкупности мѣстныхъ священниковъ. Наконецъ, нѣкоторые старообрядцы, какъ-то: спасовцы, странники во время принадлежности послѣднихъ еще къ разряду страннопріимцевъ, по своимъ внѣшнимъ, религіозно-общественнымъ обязанностямъ иногда не отдѣлялись отъ православныхъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на Православіе означенные старообрядцы ничѣмъ не отличались отъ записныхъ раскольниковъ. Между тѣмъ, тогда какъ послѣднимъ открытъ свободный доступъ въ Единовѣріе, первымъ, на основаніи 5-го пункта м. Платона, этотъ доступъ оставался почти совершенно закрытымъ. Практическія послѣдствія такого положенія дѣла, естественно, давали себя чувствовать съ неблагопріятной стороны и, конечно, не могли пройти незамѣченными для церковнаго правительства. И, вотъ, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было постановленіе 1832 года 8-го августа.

Итакъ, причина даже единственнаго за 50 лѣтъ Синодскаго постановленія, клонившагося къ развитію началъ Единовѣрія 1800 г., заключалась не въ принципіальномъ измѣненіи церковно-правительственныхъ взглядовъ на Единовѣріе и отношеній къ нему.—Изъ вышеписаннаго видно, что всѣ 50-тилѣтнія попытки приверженцевъ старины измѣнить въ усвоенномъ тогда церковною властью взглядѣ на значеніе и цѣль Единовѣрія хотя бы что-нибудь кончались рѣшительнымъ неуспѣхомъ.

Осторожность единовѣрцевъ въ дѣлѣ общенія съ Великороссійскою церковью.

Строгое проведеніе церковной властью прежнихъ началъ Единовѣрія за разсматриваемое время становится болѣе понятнымъ, когда, кромѣ бывшихъ тогда правительственныхъ воззрѣній на держаніе старыхъ обрядовъ, обращается еще вниманіе на тогдашнихъ единовѣрцевъ.

Появлявшееся, благодаря немалымъ обстоятельствамъ, сочувствіе многихъ единовѣрцевъ скорѣе расколу, нежели Православію, соединившему ихъ съ собой на основаніи пунктовъ м. Платона, усиливало осторожное и недовѣрчивое отношеніе церковнаго правительства къ условному единенію старообрядцевъ съ Церковью.

Малосочувствіе, за разсматриваемое время, большинства единовѣрцевъ къ Православному архипастырству было слѣдствіемъ того обстоятельства:

1) «Единовѣрцы ожидали, что кромѣ священниковъ имъ дадутъ и единовѣрческихъ архіереевъ, но ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ».

2) Митр. Платонъ не согласился простить бывшихъ у старообрядцевъ бѣглыхъ поповъ и дозволить имъ отправлять богослуженіе, хотя крещеніе, бракъ и монашество, совершенные ими, призналъ, законными (10 п.).

3) «Единовѣріе признано было, такъ сказать, переходною церковью, средствомъ сближенія старообрядцевъ съ грекороссійскою Церковью и потому, при дозволеніи поступать въ Единовѣріе старообрядцамъ, строго воспрещалось переходить въ оное тѣмъ, которые, будучи старообрядцами, пишутся православными въ книгахъ, ведущихся священниками, а также и тѣмъ, которые по бумагамъ значатся православными» [58]).

Дѣйствительно, единовѣрцы обманулись въ ожиданіяхъ имѣть своихъ епископовъ. Московскіе старообрядцы испрошеніемъ себѣ одного священства безъ епископства измѣнили завѣтной идеѣ старообрядства—имѣть свое законное епископство. Въ этомъ состояла ошибочность шага москвичей и вина ихъ предъ всѣмъ старообрядствомъ. Неизвѣстно, исполнила ли бы Церковная власть въ 1800 году такія желанія, если бы Москвичи понастояли, но хорошо извѣстно, что единовѣрческіе архіереи не существуютъ и до настоящаго времени. А между тѣмъ, это обстоятельство тогда давало единовѣрцамъ, какъ и сейчасъ даетъ, поводъ считать единовѣрческую Церковь неправильно образованной, непрочной.

Если въ настоящее время единовѣрцы не прочь, то тѣмъ болѣе тогда не могли не раздѣлять съ сочувствіемъ рѣчи старообрядцевъ: «Павелъ Апостолъ учитъ: епископу подобаетъ быти непорочну, единыя жены мужу; жена же епископа Церковь. Какъ же у вашего епископа—двѣ жены: Церковь Великороссійская и Церковь Единовѣрческая? Епископъ, сегодня совершающій божественную службу по обрядамъ Никона, а завтра по обрядамъ, проклятымъ соборомъ 1667 года, не есть-ли мужъ двоедушенъ, каковому, по правиламъ апостольскимъ, соборнымъ и свв. отецъ, не подобаетъ быть епископомъ? Можно ли спастись подъ духовною властью двоедушнаго епископа, мужа двухъ женъ?» [59])

Если нынѣ нѣкоторые единовѣрцы на основаніи такихъ рѣчей готовы сочувствовать болѣе старообрядскому архипастырству, чѣмъ православному, то тѣмъ болѣе тогда. Дѣйствительно, они тогда горячо относились къ ходатайству Екатеринбургскихъ старообрядцевъ о самостоятельномъ епископѣ [60]), а когда появилась въ 1846 году австрійская іерархія, не мало завидовали ея послѣдователямъ [61]).

Послѣднее легко могло явиться у единовѣрцевъ, когда приводятся на память и другія обстоятельства ихъ малаго сочувствія къ правиламъ Единовѣрія. Они тоже имѣли великое значеніе въ установленіи отношеній большинства единовѣрцевъ къ Православной Церкви: породили, кромѣ несочувствія къ Православному архипастырству, стремленіе къ укрѣпленію стараго обряда и на будущее время.

Большинство единовѣрцевъ стало видѣть въ учрежденіи Единовѣрія не столько материнскую любовь Церкви къ заблуждающимся, рѣшившуюся терпѣть не вредящія существу вѣры обрядовыя разности, сколько или слабость Православнаго архипастырства—его противорѣчіе себѣ или по меньшей мѣрѣ хитрость Церковной власти, которая позволила содержать любезные сердцу единовѣрцевъ обряды съ тою исключительно цѣлью, чтобы, подчинивъ ихъ себѣ чрезъ рукополагаемыхъ ею священниковъ, съ теченіемъ времени побудить оставить и тѣ обрядовыя разности, которыми старообрядцы такъ дорожатъ [62]).

И нужно признаться, что такая точка зрѣнія большинства единовѣрцевъ на свое Единовѣріе за тогдашнее время могла у нихъ составиться. Въ самомъ дѣлѣ, если Великороссійская Церковь цѣлыми періодами времени смотрѣла на ихъ обряды съ опасеніемъ ереси; священниковъ, служившихъ по этимъ обрядамъ, извергала изъ сана и таинствамъ, совершаемымъ ими, не придавала благодатнаго значенія [63]), то какъ могло объяснить себѣ большинство единовѣрцевъ, что съ конца прошлаго столѣтія эти таинства, совершаемыя съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ даже бѣглыми попами, стали служить во спасеніе души (10 пунктъ правилъ) [64]).

Недоразумѣніе понятное, ведшее при томъ къ заключенію, что Церковь не признаетъ равночестности единовѣрческихъ обрядовъ со своими, по прежнему признаетъ порицанія старыхъ книгъ и обрядовъ справедливыми и законными, а потому благословляетъ держаться старыхъ обрядовъ во 1-хъ въ противорѣчіе себѣ, а во вторыхъ не искренно, съ затаеннымъ планомъ, чтобы этимъ благословеніемъ со временемъ довести единовѣрцевъ до принятія исправленныхъ обрядовъ [65]). Какой бы изъ этихъ двухъ выводовъ не усвоили себѣ единовѣрцы, во всякомъ разѣ, они затруднялись въ своихъ искреннихъ отношеніяхъ къ правиламъ Единовѣрія. Большинство изъ нихъ шло въ Единовѣріе,

особенно въ Николаевское время, только послѣ принужденнаго выбора между имъ, какъ меньшей измѣной своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ Православіе.

Затруднялись они въ своемъ истинномъ общеніи съ Православными потому, что епископы, рукополагавшіе единовѣрческихъ священниковъ, какъ содержащіе новые обряды, по мнѣнію ревнителей Іосифской старины, выходили «ненастоящими пастырями», а слѣдовательно, и зависимость отъ нихъ, признающихъ старые обряды [66]) и книги [67]) неправильными, какъ единовѣрческихъ священниковъ [68]), такъ и самихъ единовѣрцевъ, являлась дѣломъ, далеко не послѣдовательнымъ [69]).

Такимъ образомъ, большинство единовѣрцевъ болѣе сочувствовало старообрядчеству чѣмъ Православному архипастырству, хотя этимъ и вызывало у послѣдняго подозрѣніе къ себѣ, потому что видѣло въ пунктахъ м. Платона сколько противорѣчіе Церковной власти себѣ, столько же и неискренность ея. Для подтвержденія перваго своего положенія они съ охотой слушали разсужденія старообрядцевъ: «за содержаніе книгъ и обрядовъ, бывшихъ до Никона, Московскій соборъ 1667 года наложилъ на предковъ нашихъ анаѳему съ такимъ прибавленіемъ, что скорѣе весь чинъ и порядокъ измѣнится, чѣмъ проклятіе это снимется; но, Высочайше утвержденными правилами митр. Платона 1800 года, Единовѣрцамъ разрѣшено совершать обряды по книгамъ первыхъ пяти патріарховъ, лишь бы только подчинились они Великороссійскимъ епархіальнымъ архіереямъ. Сіи архіереи, сами служа въ церквахъ единовѣрческихъ, совершаютъ обряды, проклятые соборомъ 1667 года. Чинъ и порядокъ природы не измѣнился, а проклятіе снято. Что же это значитъ? Значитъ это то, что или соборъ 1667 года сдѣлалъ постановленіе неправильное, ибо оно отмѣнено чрезъ 134 года, или архіереи православные, служащіе въ единовѣрческихъ церквахъ по нашимъ обрядамъ, подлежатъ анаѳемѣ, положенной соборомъ 1667 года» [70]).

Изъ прежняго уже извѣстно, что приведенныя сейчасъ недоразумѣнія единовѣрцевъ, усиливаемыя старообрядческими возраженіями противъ Единовѣрія, разрѣшены были въ 1835—1836 г. однимъ изъ православныхъ архипастырей, а «Бесѣды къ глаголемому старообрядцу», содержавшія это относительное разрѣшеніе, были напечатаны по распоряженію самого Святѣйшаго Синода.

Но эти объясненія явились послѣ правилъ Единовѣрія спустя 35 лѣтъ и нескоро могли сдѣлаться извѣстными большинству. Единовѣрцы старообрядческими возраженіями были въ тогдашнее время такъ смущены, что въ 1854 году просили нарочитаго «изъясненія о проклятіи, положенномъ отъ собора 1667 года», и предлагали нѣкоторыя новыя условія своего соединенія съ православною церковью [71]).

Они, кромѣ упомянутыхъ возраженій, къ этому времени обременили себя многими другими раздорническими памфлетами на Единовѣрческую церковь 1838 года и 1846—49 годовъ [72]), усиленно убѣждавшими ихъ въ противорѣчіи церковной власти въ дѣлѣ Единовѣрія предшествовавшимъ распоряженіямъ церковнаго правительства и въ неискренности данныхъ ею правилъ единовѣрческой обособленности.

Какъ на то, такъ и на другое возраженіе противъ Единовѣрія изъ распространенной тогда Записки настоятеля старообрядскаго Иргизскаго монастыря большинство единовѣрцевъ и старообрядцевъ усваивали цѣлые отдѣлы доказательствъ.

По вопросу о клятвахъ и порицаніяхъ на старые обряды они въ этой Запискѣ видѣли цѣлые параграфы, иногда не лишенные основанія. Такъ въ рубрикѣ, № 3-й, въ Запискѣ Силуана значилось: въ Пращицѣ преосвящ. Питирима, неоднократно изданной Св. Сѵнодомъ, сказано, что священникъ, служащій, вопреки предписанію церкви, литургію на семи просфорахъ, съ изображеніемъ на нихъ старинной печати, проклятъ и изверженъ, а таинство, совершаемое такимъ священникомъ, не можетъ «быти сущее святое тѣло Христово и кровь Христова (взимаемы)». Не подвергаются ли этой клятвѣ, говоритъ составитель въ концѣ 3-го пункта своей Записки, и единовѣрческіе священники, совершающіе литургію на семи просфорахъ съ изображеніемъ на нихъ осмиконечнаго креста и проч. И таинство, совершаемое ими, есть-ли истинное таинство? Не подвергаются ли они за сіе противленіе, отъ собора верховныхъ Греческихъ и Россійскихъ духовныхъ властей, совершенному обнаженію священства и тягчайшему осужденію тѣми нѣразрѣшимыми клятвами, которыя неоднократно еще повторены были отъ Св. Сѵнода и подтверждены м. Платономъ въ правилахъ Единовѣрія?

Въ слѣдующемъ 4-мъ пунктѣ авторъ Записки писалъ: «архипастыри Единовѣрческой церкви, хотя и научаютъ старообрядцевъ священному въ ней вѣрослуженію, но сами того не творятъ [73]), а напротивъ исполняютъ всѣ свои службы по новоизданнымъ книгамъ, которыя и сами Единовѣрцы въ спасеніе себѣ не пріемлютъ. А это противно евангельскому узаконенію: «иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небесномъ» (Матѳ. гл. V, ст. 19) и апостольскому заповѣданію: «елика неугодна суть себѣ, инымъ не творити» (Дѣян. XV, 20). А потому, если подчинить себя такимъ архипастырямъ и не подражать дѣламъ ихъ, то несогласно будетъ съ Св. Писаніемъ, чуждо христіанскому обыкновенію и самой совѣсти противно».

Въ 5 отдѣлѣ своей Записки Силуанъ старался не безъ основанія поставить на видъ: въ 16 пунктѣ м. Платона сказано, чтобы «не было хулы ни съ единой стороны за содержаніе разныхъ обрядовъ»,

а между тѣмъ, кромѣ того, что въ псалтиряхъ и доселѣ осуждается двуперстіе, въ 1839 году издана съ разрѣшенія комитет духовной цензуры книга подъ названіемъ: «Доказательство о древности трехперстнаго сложенія съ дополненіемъ», въ которой двуперстіе не мало хулится, осуждается и проклинается [74]). Здѣсь двуперстное сложеніе называется плевеломъ, всѣяннымъ отъ врага человѣка, т. е. отъ діавола [75]), армянскимъ преданіемъ [76]), вражескою прелестью, которой врагъ уловляетъ людей въ свою волю [77]), а молящіеся двуперстіемъ «вмѣняются яко язычники, невѣрные и мытари» [78]). Подобное, обидное для единовѣрцевъ, нарушеніе основаній Единовѣрческой церкви, утвержденныхъ Сѵнодомъ и Самимъ Монархомъ, не ручается, заключалъ Силуанъ пятый пунктъ своей Записки, за твердость и неизмѣнность и всего другаго, что даровано единовѣрцамъ! Заключеніе, довольно усиливавшее у большинства единовѣрцевъ мысль о неискренности Единовѣрія, о его скрытой цѣли въ то время, какъ 3, 4 и 5 его параграфы язвили ихъ сердца противорѣчіемъ собора 1667 года, постановленій и сочиненій, составленныхъ подъ вліяніемъ послѣдняго, съ одной стороны, и учрежденіемъ Единовѣрія, съ другой стороны.

Старообрядцы къ распространенію съ одной стороны мнѣнія о противорѣчіи Единовѣрія будто-бы собору 1667 г. и съ другой стороны—той мысли, яко-бы послѣднее допущено Церковью неискренно, но съ хитрой цѣлью—сдѣлать со временемъ единовѣрцевъ православными, къ сожалѣнію, подавали не мало пищи и въ слѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ. Указывали на двуличность распоряженій церковнаго правительства, начиная съ самыхъ пунктовъ митрополита Платона и кончая только что процитированной старообрядческимъ писателемъ книгой: «Доказательство о древности трехперстнаго сложенія»!

Организованное при Павлѣ I, Единовѣріе при императорахъ Александрѣ и Николаѣ Павловичахъ не сдѣлалось смертельнымъ ударомъ для раскола, на что надѣялись, но напротивъ еще болѣе возбудило и безъ того не спавшія въ немъ силы. Съ первыми годами Единовѣрія совпадаетъ и появленіе первыхъ опытовъ противоединовѣрческой литературы въ родѣ сочиненія Г. Л. Скачкова «Изображеніе Единовѣрческой церкви». Здѣсь авторъ завиняетъ Единовѣріе въ двуличности, въ лживости, въ существованіи подъ клятвой 1667 года.

«Явилась церковь вновь, пишетъ онъ, имѣя двѣ личины [77]),
Хранитъ разгласные уставы и всѣ чины,
Всѣмъ кажется она, что хвалитъ старину,
Но купно содержитъ въ себѣ и новину.
На двухъ ногахъ она, а хромлетъ обоими,

На всѣ страны скользитъ затѣями своими,
Чинъ древности хранитъ, и любитъ новины,
Пріемля тайны всѣ отъ нихъ, что ей даны:
Дѣйствителей же тѣхъ къ себѣ не пріобщаетъ
И кто согласенъ имъ молиться не пущаетъ.
А славится она, что вѣры есть одной,
Сама жъ бѣжитъ отъ нихъ, себя лишь мнитъ святой».

Противоположеніе вмѣсто законной обособленности многими единовѣрцами Единовѣрія Православію даетъ автору совершенно произвольный поводъ переносить недостатки лицъ на учрежденіе,— въ данномъ случаѣ на Единовѣріе, и онъ приходитъ къ тому заключенію, что въ Единовѣріи ложь, хитрость, ловушка.

«Раздѣлъ почто творить, продолжаетъ Скачковъ, когда всѣ святы тайны,
Сомнѣніе имѣть и толь разсудки странны,
Обманываться такъ и рѣчи умножать,
Себя и прочихъ всѣхъ безъ пользы утруждать?
Единовѣрчески имѣешь, церковь, чины,
Нелестно ты скажи. открой своя личины,
Всѣмъ правду объявляй, а ложь отрини прочь:
Она вѣдь не спасетъ діаволова дочь.
Поди стезей прямой, яви твое желанье,
Себѣ имѣешь, гдѣ спастися упованье;
Веди туда и всѣхъ, кто путь не знаетъ правъ,
Кто мысльми ослабѣлъ и въ вѣрѣ есть не здравъ.
Имѣетъ умъ кто цѣлъ, разуменъ въ своемъ дѣлѣ,
Того ты не учи, онъ правость знаетъ въ вѣрѣ.
Сама же о себѣ старайся разумѣть,
Отъ клятвы чтобъ избыть, съ святыми миръ имѣть,
Но кто съ святыми миръ имѣть не возжелаетъ,
Тотъ самъ себя на вѣкъ спасенья отчуждаетъ.
Спасенія себя на вѣки отчуждить,
И вѣчной радости съ святыми отлучить,
О горе и бѣда! во адъ во вѣкъ вселиться,
Въ гееннѣ огненнѣй съ бѣсами водвориться:
Отъ сихъ помилуй насъ, всесильный Богъ единъ.
Тебѣ хвала и честь отъ всѣхъ всегда!—Аминь».

Въ этомъ же родѣ противоединовѣрческія сочиненія и другихъ старообрядцевъ этого періода. Сюда относятся сочиненія А. С. Озерскаго, П. А. Свѣтогорова, и нѣсколько стихотвореній по поводу част-

ныхъ обращеній въ Единовѣріе [80]). Около половины сороковыхъ годовъ появляется сочиненіе подъ заглавіемъ: «Повѣсть о церкви единовѣрческой и къ ней прилагающихся и что оная значитъ и откуда произыде и какъ она существуетъ». Въ послѣднемъ сочиненіи, очень рѣзко оттѣнены тѣ два обстоятельства, изъ-за которыхъ у большинства единовѣрцевъ и старообрядцевъ проявлялось малосочувствіе къ правиламъ 1800 года.

«Повѣсть» слѣдующимъ краткимъ образомъ представляетъ мотивы сочувствія многихъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ скорѣе расколу, чѣмъ православному архипастырству, давшему имъ правила единовѣрческой обособленности съ вышеписанными оговорками во 2 дополнит. мнѣніи Моск. Архип. «По смыслу 1-го и 5-го пунктовъ и заключительнаго мнѣнія м. Платона: а) священство единовѣрческое, служащее по старымъ обрядамъ, обязано всетаки признавать положенныя клятвы на содержимые единовѣрцами обряды, возложенными праведно, почитать перемѣны, происшедшія въ богослужебныхъ книгахъ при п. Никонѣ, за святыя и спасительныя, а святочтимое ими прародительское вѣрослуженіе признать за заблужденіе; б) стараться привести духовныхъ своихъ дѣтей «ни въ чемъ въ нераздничествующее съ церковью согласіе».

Опасеніе единовѣрцевъ за свои старые обряды.

Итакъ, заключенія единовѣрцевъ о противорѣчіи церковной власти въ дѣлѣ Единовѣрія и о ея неискренности въ немъ, выведенныя подъ вліяніемъ старообрядческихъ сочиненій, изъ содержанія взгляда на него (Единовѣріе) представителей Православія и изъ сравненія позднѣйшихъ распоряженій съ прежними дѣйствіями и мѣрами церковнаго правительства по отношенію къ старообрядству, вызывали мало сочувствія къ православному архипастырству. Но этого мало. Они способствовали въ то же время единовѣрческимъ стремленіямъ укрѣпить свой старый укладъ и на будущее время, чѣмъ, конечно, удваивали причины недовѣрчиваго отношенія православной власти къ Единовѣрію.

Особенно это нужно сказать о второмъ выводѣ большинства единовѣрцевъ, именно объ ихъ предположеніи у церковно-правительственной власти скрытой цѣли въ дѣлѣ Единовѣрія, относительно надежды послѣдней привести со временемъ соединенцевъ-старообрядцевъ «ни въ чемъ въ неразнствующее съ церковью согласіе».

Дѣйствительно, уже на первыхъ порахъ существованія Единовѣрія высказывались старообрядцами такія или подобныя имъ подо-

зрѣнія и соображенія касательно непрочности Единовѣрческой церкви Правда, русское православное архипастырство, открыто указывавшее въ правилахъ 1880 года, какъ и въ 1763 году, цѣль «Единовѣрія» въ смыслѣ «надѣянія» и «благой надежды», имѣло законное основані гордиться насмѣшливыми порицаніями за отсутствіе у него незавидной для православнаго нравственнаго чувства латино-іезуитской «смышленности». Но, однако, вѣрно и то, что во всякомъ разѣ оно не вынуждалось слишкомъ рельефно непосредственно выставлять временное значеніе Единовѣрія. Въ 1885 г., представители Православія дѣяніями Казанскаго Собора, утвержденными Св. Синодомъ, все равно же признали православіе и Единовѣріе *частями единой Христовой Церкви!*

Неосторожность митрополита Платона, повторившаго въ этомъ случаѣ преосвященнаго Амвросія, архіепископа Екатеринославскаго, и митрополита петербургскаго Гавріила, подавшая поводъ къ распространенію слуховъ о предположенной кратковременности условнаго единенія старообрядцевъ и явившаяся, между прочимъ, вслѣдствіе неблагопріятной настроенности большинства московскаго духовенства къ Единовѣрію, обнаруживается *не только у епархіальныхъ преосвященныхъ, но и у самого Русскаго Синода.* Не встрѣчая себѣ должнаго отношенія за свои старые обряды въ средѣ низшаго духовенства, организованное по пунктамъ м. Платона Единовѣріе не пользовалось снисходительностью и православныхъ архипастырей, если не шло по намѣченному пути сближенія съ Православіемъ даже въ обрядовыхъ особенностяхъ. Въ Единовѣріи, когда оно не особенно поспѣшало на «ни въ чемъ въ нераздствующее съ церковью согласіе», сами преосвященные, по ревности къ исправленнымъ при п. Никонѣ обрядамъ, часто видѣли тотъ же расколъ. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія Ярославская единовѣрческая церковь по этой причинѣ была отдана въ управленіе Костромского преосвященнаго [81]). И это продолжалось ни больше, ни меньше какъ до 1852 года, когда въ Ярославль былъ опредѣленъ новый архіерей! Не мало могъ возбудить единовѣрцевъ на размышленія о предположенной м. Платономъ надеждѣ на кратковременность Единовѣрія и двукратный синодскій отказъ настоятелю Высоковскаго старообрядческаго скита Герасиму въ присоединеніи его съ братіей къ господствующей Церкви на правилахъ Единовѣрія. Изъ извѣстнаго намъ отвѣта Синода Высоковскимъ старцамъ могло показаться нѣкоторымъ единовѣрцамъ, что Русскій Синодъ и архипастыри, благословляя богослуженіе по старымъ книгамъ и обрядамъ, въ то же время стоятъ на томъ, что это богослуженіе, даже съ благословенія Церкви совершаемое, какъ не святое и не спасительное, должно уступить мѣсто

чинопослѣдованію по исправленнымъ книгамъ. Въ своемъ указѣ по этому случаю Синодъ писалъ: «а настоятель ихъ, инокъ Герасимъ, особо изъясняетъ, что они желаютъ принимать священниковъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и быть подъ ихъ смотрѣніемъ, именно потому, якобы Св. Синодъ и архипастыри, по бывшемъ отъ лѣтъ патр. Никона старообрядствующихъ отягощеніи, напослѣдокъ признали богослуженіе по преждепечатнымъ книгамъ за святое и спасительное, и что потому нынѣ не предвидится уже причинъ бѣжать отъ своихъ пастырей. Каковое ихъ заключеніе не только не означаетъ въ нихъ раскаянія, но паче подтверждаетъ ихъ прежнее ожесточеніе». Дѣйствительно, такое синодское заключеніе на просьбу инока, съ пустыннымъ простодушіемъ и простосердечіемъ выраженную, не могло не вызвать у многихъ единовѣрцевъ боязни за свой старый обрядъ. Вѣдь многимъ, пожалуй, тогда показалось, что Русскій Синодъ, дозволяя богослуженіе по старому обряду, требуетъ, какъ непремѣннаго условія, чтобы соединяющіеся съ ними старообрядцы не признавали этого богослуженія святымъ и спасительнымъ, привыкали бы къ мысли, что рано или поздно единовѣрцы должны будутъ принять съ благословеннымъ священствомъ и новые обряды. Нечего и говорить, какое пагубное вліяніе на единовѣрцевъ, желавшихъ примириться съ Церковью, производило несчастное стеченіе обстоятельствъ. Горькій отказъ Синода Герасиму вышелъ только чрезъ полтора года послѣ утвержденія Павломъ Петровичемъ пунктовъ митр. Платона, и притомъ одновременно съ дозволеніемъ близкой къ скиту Городецкой часовнѣ имѣть открыто бѣглыхъ священниковъ [82]). Подобное сцѣпленіе событій еще болѣе могло вселить въ сердца единовѣрцевъ боязнь со временемъ быть принужденными отставать отъ своихъ обрядовъ, какъ менѣе правильныхъ, и содержать новоисправленные при п. Никонѣ обычаи.

Подъ вліяніемъ ясно выраженной въ «правилахъ Единовѣрія» и неосторожно обнаруженной представителями православія 2-ой цѣли Единовѣрія, какъ мѣры полнѣйшаго со временемъ объединенія старообрядцевъ съ православными даже въ единствѣ обряда, единовѣрцы усвоили себѣ на первыхъ же порахъ чувство опасности за свои излюбленные обряды. Они стараются освободить своихъ священниковъ отъ вліянія со стороны епархіальнаго начальства, наблюденія со стороны православныхъ благочинныхъ и прочаго духовенства [83]). А вслѣдствіе нарушеній со стороны преосвященныхъ 6 п. правилъ Единовѣрія, подчиняющаго единовѣрческаго священника непосредственно мѣстному благочинному, единовѣрцы стараются добиться подтвержденія онаго пункта. Императорскимъ указомъ 1845 г. предписывалось, чтобы въ дѣлахъ единовѣрческихъ церквей не было

допускаемо никакого участія ни Духовныхъ Консисторій, ни другихъ начальствъ, кромѣ одного преосвященнаго, чтобы преосвященный непремѣнно самъ разрѣшалъ всѣ дѣла (за исключеніемъ лишь требующихъ законнаго слѣдствія); для исполненія же своихъ распоряженій и для ближайшаго надзора за единовѣрческимъ духовенствомъ и паствой назначать благочиннаго изъ среды того же духовенства [84]).

Опасаясь со стороны своихъ священниковъ постепеннаго соединенія съ православными даже и въ обрядовыхъ особенностяхъ чинопослѣдованій и желая какъ можно болѣе обособиться отъ православныхъ, единовѣрцы пытаются на основаніи 5 пункта правилъ Единовѣрія сильнѣе прежняго оградить богослуженіе единовѣрческихъ священниковъ отъ присутствія на немъ православныхъ и на оборотъ. Въ виду не всегдашняго исполненія 1-й половины 5 пункта, дозволяющаго не требовать единовѣрческихъ священниковъ въ Грекороссійскую Церковь къ соборнымъ моленіямъ и не принуждать единовѣрцевъ къ молитвенному общенію въ своихъ церквахъ съ «троеперстниками» и «брадобрійцами», единовѣрцы стремятся подтвердить означенный параграфъ правилъ новыми условіями соединенія съ православными. Московскіе единовѣрцы въ 1854 году въ числѣ пяти условій своего соединенія съ Церковью подавали, между прочимъ, слѣдующее четвертое: «Въ нашей церкви отправлять богослуженіе свободно и безпрепятственно, безъ нарушенія онаго посторонними входящими лицами, различествующими въ обрядахъ» [85]). Не желая видѣть и въ будущемъ измѣненія своихъ обрядовъ и чинопослѣдованій въ пользу исправленныхъ, старообрядцы-соединенцы постоянно требуютъ отъ своихъ священниковъ точнаго отправленія богослуженія по старообрядческимъ книгамъ, согласно 3-му и 4-му пунктамъ Единовѣрія [86]). А чтобы постоянно имѣть у себя старопечатныя книги и тѣмъ прекращать вынужденныя и невынужденныя [87]) отступленія единовѣрческихъ священниковъ отъ церковно-обрядовой практики своихъ предковъ, они добываютъ у правительства права болѣе безпрепятственнаго перепечатыванія старинныхъ книгъ въ Московской типографіи, чѣмъ это было въ прежней съ 1801 года Клинцовской типографіи [88]).

На иждивеніе московскихъ единовѣрцевъ, по указу 31 декабря 1818 года, была учреждена въ Москвѣ особая старообрядческая типографія. Чтобы не произошло ей подрыва отъ существовавшихъ тогда типографій въ Клинцовскомъ посадѣ, Черниговской губерніи, и въ селеніи Яновъ, Подольской губерніи, которыя допускали иногда злоупотребленія, велѣно было тѣмъ же распоряженіемъ ихъ уничтожить, а для новоучрежденной, другимъ Синодскимъ постановленіемъ 1820 года, были изданы правила о порядкѣ печатанія книгъ, сходныхъ съ старо-

печатными. Этими правилами было предписано: имѣть при типографіи двухъ или трехъ попечителей по выбору единовѣрцевъ и двухъ надзирателей изъ духовныхъ особъ по выбору епархіальнаго архіерея и утвержденію Синода; каждую книгу, предположенную къ печати, представлять епархіальному преосвященному, который поручаетъ ее духовнымъ надзирателямъ повѣрить и сличить съ книгами, хранящимися въ синодальной или типографской библіотекахъ; печатать такъ повѣренную книгу неиначе, какъ послѣ подписи каждаго исправленнаго корректурнаго листа однимъ изъ духовныхъ смотрителей [89]). При всякой отпечатанной въ типографіи книгѣ положено было перепечатывать такъ называемый выходной листъ, при чемъ послѣ словъ: «напечатася сія книга (заглавіе книги) въ царствующемъ градѣ Москвѣ», дополнять: «въ типографіи Единовѣрцевъ въ лѣто... съ книги, напечатанной тогда-то, въ такомъ-то градѣ, при такомъ-то патріархѣ»...

Болѣе удобнымъ и широкимъ распространеніемъ старопечатанныхъ книгъ единовѣрцы думали задержать въ своихъ церквахъ существованіе старинныхъ обрядовъ и чинопослѣдованій. Какъ велико было распространеніе этихъ книгъ за описываемый періодъ существованія «Единовѣрія»,—это видно изъ «отчетовъ» г. Оберъ-Прокурора Св. Синода. Такъ, въ 1849 году изъ единовѣрческой Московской типографіи выпущено 7.200 экз. книгъ,

въ 1850 году	3.600 экз. псалтырей,
въ 1851 году	3.600 экз. книгъ,
въ 1852 году	3.600 богосл. книгъ,
въ 1854 году	9.600 экземпляровъ.

Пытаясь предупреждать поглощеніе своихъ излюбленныхъ обрядовъ новоисправленными посредствомъ обереганія 3 и 4 пунктовъ правилъ 1800 г., единовѣрцы не могли оставить безъ вниманія въ этомъ случаѣ также и 5-е правило Единовѣрія.

Съ какой иногда [90]) настойчивостью подъ вліяніемъ единовѣрческаго богослуженія даже православные добивались права имѣть богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и укрѣпить у себя на будущее время до-никоновскіе обряды, объ этомъ можетъ говорить слѣдующее дѣло Павловскихъ крестьянъ, Московской губерніи, Богородскаго уѣзда (тогда округа).

Въ 1824 году Павловскіе крестьяне, числомъ 106 человѣкъ, подали м. Филарету просьбу объ обращеніи ихъ сельской общеправославной церкви въ единовѣрческую. М. Филаретъ 21 августа этого года на ихъ просьбѣ положилъ такую резолюцію: «какъ большая половина прихода ходитъ въ церковь [91]), то оставить священнослуженіе по общему чину православныхъ церквей, а священнослужителямъ

вразумлять кого нужно ~~нужно~~, что сіе священно-служеніе есть истинное православіе и книги неповрежденныя, съ греческими древними согласныя, и что непокорные ложно клевещутъ на Церковь и свой судъ на себя несутъ» [92]).

Просители однако не удовлетворились такимъ рѣшеніемъ епархіальнаго начальства и обратились съ своей просьбой—«о дозволеніи въ ихъ приходской Воскресенской церкви отправлять священнослуженіе по старопечатнымъ книгамъ»—въ Св. Синодъ. Послѣдній препроводилъ это прошеніе къ Московскому митрополиту для доставленія необходимыхъ свѣдѣній. М. Филаретъ отвѣтилъ со своей стороны донесеніемъ, что, въ 1-хъ, въ числѣ просителей, какъ оказалось по частнымъ и оффиціальнымъ развѣдываніямъ, должны быть если не всѣ, то многіе православные, привлекаемые внушеніями раскольниковъ въ близость къ расколу, вмѣсто того, что единовѣрческія церкви установлены для привлеченія раскольниковъ къ православію, и что, во 2-хъ, «превращеніе обще-православной церкви въ единовѣрческую уничижительно для православной Церкви» [93]). Получивъ эти свѣдѣнія, Синодъ отказалъ въ просьбѣ Павловцамъ, сославшись при этомъ на 5 пунктъ правилъ м. Платона. Просители не остановились-было и предъ отказомъ высшаго церковнаго правительства. Перемѣнивъ повѣреннаго, они снова выступили предъ епархіальнымъ начальствомъ съ цѣлымъ рядомъ ходатайствъ, но уже въ измѣненной формѣ. Они просили сейчасъ дозволенія построить для единовѣрческой церкви свой каменный храмъ. Первое прошеніе въ этомъ смыслѣ было подано въ августѣ 1826 года; но и въ этой просьбѣ было отказано опять на томъ основаніи: по справкѣ оказалось, что просители *«всѣ* крещены въ православной церкви и были на исповѣди и у св. Причастія» [94]). Второе прошеніе и опять уже въ новой формѣ было представлено въ 1827 году. Здѣсь они просили уже только присоединенія ихъ къ единовѣрческой церкви, ничего не упоминая о ея постройкѣ. Но и на эту просьбу опять послѣдовала отрицательная резолюція: «подписавшіе приговоръ никакого законнаго общества не составляютъ и потому неизвѣстно, гдѣ они собирались, по чьему зову или, можетъ быть, подговору [95]) и какое имѣли право составить приговоръ» и т. д. [96]).

Обоюдное недовѣріе между православнымъ архипастырствомъ и большинствомъ единовѣрцевъ, замедлявшее въ первыя 50 лѣтъ прошлаго столѣтія развитіе примиренства старообрядцевъ съ православными, усиливалось тогда еще неблагопріятнымъ для старообрядцевъ-соединенцевъ отношеніемъ свѣтскаго правительства къ Единовѣрію. Но объ этомъ дальше.

Характеръ отношенія свѣтскаго правительства къ Единовѣрію въ царствованіе Александра I и Николая I и послѣдствія онаго.

При терпимости Александра Благословеннаго къ старообрядцамъ, Единовѣрцы какъ бы пренебрегались свѣтской властью, какъ въ религіозномъ, такъ и въ гражданско-общественномъ положеніяхъ. Послѣ синодскаго отказа въ 1802 году Костромскимъ старообрядческимъ инокамъ въ присоединеніи ихъ къ Единовѣрію, благодаря почти одновременному разрѣшенію свѣтскаго правительства имѣть Городецкой часовнѣ иргизскихъ священниковъ, сильно подорвались симпатіи старообрядцевъ къ Единовѣрію. Фанатики были рады этому: въ тогдашней перепискѣ Керженскихъ скитовъ съ Москвой и Иргизомъ на неудачи Герасима указывалось, какъ на побѣду, какъ на милость Божію [97]).

Широкая вѣротерпимость Александра I-го была результатомъ своего рода «новыхъ вѣяній», вытекавшихъ изъ мистико-масонскаго настроенія того времени. Для характеристики мистико-религіозныхъ идей, занимавшихъ русское общество при Александрѣ I-мъ, можетъ служить самымъ лучшимъ источникомъ «Сіонскій Вѣстникъ», какъ выражающій эти идеи во всевозможной полнотѣ и опредѣленности. А сей послѣдній на сущность и значеніе христіанскихъ вѣроисповѣданій смотритъ очень легко. По его мысли, вѣра Христова не знаетъ никакихъ раздѣленій, кромѣ раздѣленія вѣрующихъ отъ невѣрующихъ, ветхаго человѣка отъ новаго [98]).

Отсюда, первыми, по времени, испытали милости Александра Павловича духоборцы и молокане. Первый голосъ въ пользу ихъ подали монарху сенаторы Нелединскій-Мелецкій и Лопухинъ, извѣстный масонъ, который, по словамъ митрополита Евгенія, потому и восхвалилъ духоборцевъ, что нашелъ у нихъ свои начала о внутренней церкви, неимѣющей якобы никакой нужды во всемъ наружномъ [99]). Разумѣется, при широкой вѣротерпимости Александра I-го по отношенію къ сектантамъ, наши старообрядцы должны были также получить извѣстныя льготы. Они, дѣйствительно, получили ихъ, что видно на примѣрѣ Городецкой часовни. Задача распоряженій Александра I-го по отношенію къ расколу состояла въ томъ, чтобы успокоить милліоны старообрядцевъ дарованіемъ имъ религіозной свободы. Эта задача была выражена государемъ въ Высочайшихъ указахъ: «благоустройство государства составляло всегда предметъ моего попеченія; обращая на оное вниманіе, я руководствовался правилами кротости и снисхожденія во всѣхъ случаяхъ, когда сіе было возможно, не ослабляя силы законовъ; правила сіи соблюдены мною и въ отношеніи раско-

ловъ вѣры», когда заблуждающіеся не выходили изъ границъ [100]). Снисхожденіе, оказываемое всѣмъ старообрядцамъ [101]), по отношенію къ поповцамъ выразилось прежде всего въ дозволеніи имѣть негласно бѣглыхъ священниковъ. На вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора, князя А. Б. Куракина, какъ поступить съ старообрядческими попами, являвшимися въ разныхъ слободахъ ввѣренныхъ ему губерній, данъ отвѣтъ, что изгнаніе такихъ поповъ изъ волостей ожесточило бы еще болѣе старообрядцевъ въ ихъ суевѣріи и лишило бы способовъ крещенія новорожденныхъ и погребенія умершихъ, почему «должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы», не подавая однако имъ явнаго вида покровительства [120]). Въ 1822 г. эта частная мѣра 1803 года относительно новороссійскихъ поповцевъ была обобщена. 26-го марта Высочайше утвержденными правилами старообрядцамъ дозволено было открыто имѣть бѣглыхъ священниковъ тамъ, гдѣ есть молельни или церкви [103]).

Послѣ такихъ льготъ, для старообрядцевъ, конечно, не предстояло особенной надобности принимать Единовѣріе на пунктахъ м. Платона, когда они и внѣ единовѣрческой церкви могли имѣть священниковъ, служившихъ для нихъ по старому обряду, сколько угодно. Если до секретныхъ правилъ относительно бѣглыхъ священниковъ поповцы не всегда принимали предложеніе правительства открыть двери своей часовни единовѣрческому священнику, то тѣмъ болѣе, конечно, они стали глухими къ этимъ внушеніямъ послѣ 1822 года. Въ первые двадцать лѣтъ прошлаго столѣтія встрѣчается непрерывный рядъ ходатайствъ разныхъ старообрядческихъ обществъ о дозволеніи имѣть имъ бѣглыхъ священниковъ. Ходатайства просителей по большей части были уважаемы. Правда, бывали случаи, что старообрядцамъ дозволялось имѣть священниковъ съ тѣмъ, чтобы они зависѣли отъ епархіальнаго начальства. Но предложеніе, иными словами, Единовѣрія было тщетно. Такое предложеніе было напрасно, напримѣръ, старообрядцамъ г. Ярославля въ 1811 году, села Иванова (Владимірской губ.) въ 1816 г., города Саратова въ 1817 году [104]). Нѣтъ словъ, въ Александровское время были нѣкоторые изъ старообрядцевъ, которые болѣе чувствовали довѣрія въ дѣлѣ своего спасенія къ православному архипастырству, чѣмъ къ бѣглымъ попамъ [105]). Но зато едва ли не большее количество прежнихъ единовѣрцевъ перешло теперь въ расколъ. За все царствованіе императора Александра I-го основано только 10 единовѣрческихъ церквей, изъ которыхъ цѣлыхъ семь приходятся на первые 5 лѣтъ, а остальныя три на всѣ двадцать годовъ; послѣдняя изъ нихъ выстроена въ 1820 году, послѣ котораго, въ виду льготнаго для старообрядцевъ указа о бѣглыхъ попахъ, уже не строилось ни одной единовѣрческой церкви [106]). «При щекотливомъ вообще тщесла-

віи раскольниковъ, осмѣяніе было главной причиной того, что и прежнія единовѣрческія церкви (построенныя до Александра I-го) пришли совершенно въ упадокъ, лишились своихъ значительныхъ прихожанъ, перешедшихъ снова въ расколъ» [107]). Въ виду Александровскихъ льготъ расколу предъ Единовѣріемъ, его правами, многіе единовѣрцы безнаказанно мѣняли свое прежнее стѣсненное положеніе предъ законной іерархіей, считавшей ихъ нерѣдко только пасынками, на свободное начальническое отношеніе къ бѣглымъ священникамъ, часто потворствовавшимъ ихъ страстямъ.

Но эти симпатіи и довѣріе нѣкоторыхъ единовѣрцевъ скорѣе бѣглымъ священникамъ, чѣмъ православному архипастырству, соединившему ихъ съ собою на основаніи правилъ 1800 года, особенно стали сказываться, когда свѣтское правительство рѣшалось продолжать льготы старообрядцамъ въ религіозномъ отношеніи. Здѣсь разумѣется опасное для пунктовъ м. Платона сочувствіе министра духовныхъ дѣлъ и самого Александра I-го старообрядческимъ ходатайствамъ о независимыхъ отъ епархіальнаго начальства священникахъ.

Въ виду малаго успѣха Единовѣрія 1800 года министръ духовныхъ дѣлъ князь А. Н. Голицынъ [108]) предлагалъ старообрядцамъ бо́льшее снисхожденіе. Онъ проектировалъ независимость старообрядцевъ въ духовныхъ дѣлахъ отъ епархіальнаго епископа и его консисторіи [109]). Подчиненіе епархіальному начальству, признающему слѣдованіе до-никоновскимъ обрядамъ немощью, невѣдѣніемъ, нуждающимся въ Божіемъ просвѣщеніи—тѣмъ самымъ обрядамъ, въ которыхъ ревнители «древняго благочестія» видятъ самую вѣру,—было противно совѣсти многихъ старообрядцевъ и присоединеніе къ Церкви на пунктахъ м. Платона считали отступничествомъ отъ тѣхъ убѣжденій и воззрѣній, за которыя гибли ихъ отцы и дѣды на кострахъ и плахахъ, выносили пытки, ссылки и всякаго рода мученія и лишенія. Какъ скоро сдѣлались старообрядцамъ извѣстными убѣжденія министра духовныхъ дѣлъ относительно правилъ 27 октября 1800 г., они не упустили случая воспользоваться такимъ расположеніемъ. Дѣло началось въ Екатеринбургѣ съ вліятельнаго среди Зауральскихъ старообрядцевъ богатаго купца Якима Меркурьевича Рязанова. Въ октябрѣ 1817 года въ Россіи были утверждены права и привиллегіи евангелическаго общества Аугсбургскаго исповѣданія (лютеранъ). Рязановъ, открывъ Голицину намѣреніе мало-по-малу склонить представляемыхъ имъ Екатеринбургскихъ и Сибирскихъ старообрядцевъ къ православной Церкви, чрезъ самостоятельное ихъ управленіе въ духовныхъ дѣлахъ, просилъ для своего общества тѣхъ же правъ и тѣхъ же привиллегій, какія только что были даны лютеранамъ. Онъ ходатайствовалъ о признаніи правительствомъ старообрядчества за особое исповѣ-

даніе, совершенно отдѣленное отъ духовнаго вѣдомства, со своимъ независимымъ священствомъ и приходскимъ устройствомъ подъ непосредственнымъ управленіемъ въ церковно-общественной жизни, при верховномъ надзорѣ со стороны гражданскаго правительства, старообрядческой конторы, которая, между прочимъ, давала бы письменные виды священникамъ, уже не привлекавшимся бы за свой побѣгъ къ суду, вела метрики для правильности браковъ и крещеній и представляла бы ихъ въ казенныя палаты. И тогдашній министръ духовныхъ дѣлъ принялъ въ этомъ ходатайствѣ старообрядцевъ чрезъ Рязанова живѣйшее участіе. Онъ обѣщался Рязанову, съ изволенія государя, просить Св. Синодъ о снисхожденіи къ его обществу и, представляя дѣло въ видѣ обыкновеннаго примиренія, требующаго, чтобы каждая сторона уступила нѣсколько своихъ правъ или претензій, предложилъ старообрядцамъ сдѣлать только нѣкоторыя поправки въ проектѣ устройства ихъ церковно-общественной жизни. Признавая законнымъ стремленіе старообрядцевъ къ независимости отъ епархіальнаго архіерея и къ сосредоточенію управленія старообрядческими приходами, разсѣянными по разнымъ епархіямъ, въ старообрядческомъ духовномъ правленіи, князь Голицынъ не соглашался на первыхъ порахъ на подчиненіе этого правленія одному гражданскому начальству (министру духовныхъ дѣлъ) и на однородный его составъ, исключительно изъ выборныхъ попечителей-мірянъ. «Вамъ, писалъ Голицынъ старообрядцамъ [110]), слѣдовало бы въ прямомъ духѣ Христовомъ соединиться на основаніи правилъ Платоновскихъ, но вамъ предлагается болѣе снисхожденія; ибо будучи только подъ Синодомъ, натурально вліяніе его не можетъ быть на внутреннія ваши дѣла, а только въ томъ, гдѣ можетъ вамъ нужда быть духовная»... Министръ духовныхъ дѣлъ предлагалъ Рязанову, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ старообрядцамъ, духовное правленіе, независимое отъ епархіальнаго начальства, но находящееся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Св. Синода такъ, какъ теперь Ставропигіальные монастыри и Московскій Успенскій соборъ, которые прежде завѣдываемы были одними патріархами, а теперь Синодомъ, занимающимъ мѣсто патріарха. При такомъ порядкѣ дѣла, при старообрядческомъ духовномъ правленіи, въ которомъ засѣдали бы почтеннѣйшіе изъ духовенства и мірянъ, и бывшіе браки и крещенія у старообрядцевъ, разъ признанные и благословенные, не требовали бы, по мысли князя, никакихъ разсужденій и судовъ, и духовенство ихъ было бы оставлено на мѣстахъ, не смотря на то, что оно бѣглое.

То, что предлагалъ министръ духовныхъ дѣлъ старообрядцамъ, въ Александровское время, при могущественномъ положеніи Голицына въ Синодѣ [111]) и при довѣріи къ нему самого государя, развивавшаго эти предложенія даже дальше—до обѣщанія дать старообрядцамъ са-

мостоятельнаго епископа [112]), конечно, было возможно. Оно, по всей вѣроятности, и исполнилось бы, если бы сами старообрядцы, постоянно замедлявшіе это дѣло примиренія своею малоуступчивостью [113]), не довели время до царствованія Николая Павловича, когда начался рядъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ старообрядцамъ. Расколъ въ царствованіе императора Александра I-го доживалъ свѣтлые дни. Новыя отношенія правительства къ расколу въ духѣ снисхожденія, начавшіяся особенно съ послѣдней четверти XVIII вѣка и вытекавшія изъ взгляда на расколъ какъ на умственное заблужденіе, вслѣдствіе недостатка просвѣщенія и вслѣдствіе ревности Божіей, но не по разуму [114]), во времена Благословеннаго достигаютъ наибольшаго развитія, чтобы потомъ войти при Николаѣ I-мъ въ то самое русло, по которому они шли до Петра III-го.

Николая I-го правительство перестаетъ считать наставленіе старообрядцевъ «духовными особами» единственно цѣлесообразнымъ и достойнымъ христіанства средствомъ. Противъ внѣшнихъ стѣсненій и ограниченій по отношенію къ старообрядцамъ правительство не только не возстаетъ, но даже поощряетъ ихъ. Только въ Александровское время, въ его первую половину, правительство доводило свое послабленіе старообрядцамъ до явнаго покровительства. Только въ это время имѣли мѣсто льготы, данныя Преображенскому-кладбищу съ переименованіемъ его въ богадѣльный домъ [115]), ежегодный отпускъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурнскихъ соляныхъ озеръ, негласное согласіе на отправленіе богослуженія по старому обряду въ Климовскомъ монастырѣ [116]). Только при кроткомъ до крайности Александрѣ Павловичѣ положеніе старообрядцевъ могло быть болѣе выгоднымъ положенія единовѣрцевъ, не только въ религіозномъ, но и общественномъ отношеніи. Если бы описывать судьбу единовѣрцевъ въ послѣднемъ отношеніи, то пришлось бы, во имя исторической истины, рисовать грустную картину недовѣрчивости и подозрительности къ его идеѣ, холодности къ его успѣхамъ, подкупности чиновничьяго люда. Пришлось бы процитовать не одну слезную просьбу людей «приверженность имѣющихъ къ святѣй Церкви», выставить не одинъ безжизненный нумеръ лживой дѣловой бумаги [117]). Это предпочтеніе нецерковнаго старообрядца предъ единовѣрцемъ замѣчалось даже въ высшихъ судебныхъ процессахъ по нарушенію единовѣрцами и старообрядцами государственныхъ, или уголовныхъ законовъ. Единовѣрцы въ такихъ случаяхъ въ общемъ наказывались строже старообрядцевъ, которымъ напротивъ дѣлалось снисхожденіе, такъ какъ всегда принимались въ соображеніе ихъ заблужденіе и изувѣрство. Напримѣръ, единовѣрецъ, дозволившій себѣ произвести буйство въ церкви, или во время крестныхъ ходовъ, при со-

вершеніи церковныхъ требъ и проч., дозволившій оказать явное неуваженіе властямъ, непослушаніе и т. п., судился судомъ уголовнымъ, въ обыкновенномъ порядкѣ судопроизводства и наказывался. Между тѣмъ каждое такое дѣло о старообрядцахъ, по изслѣдованіи и составленіи уголовнаго приговора въ послѣдней инстанціи, въ Палатѣ Уголовнаго суда, представлялось, прежде приведенія приговора въ исполненіе, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое чрезъ Комитетъ Министровъ, испрашивало всякій разъ смягченіе, или отмѣну приговора, если въ дѣйствіи раскола замѣчалось только «выраженіе его вѣрованія», и дѣло кончалось тѣмъ, что уголовное наказаніе или отмѣнялось, или смягчалось до того, что замѣнялось лишь отсылкой въ монастырь и къ епархіальному начальству для увѣщанія [118]). Особенно часто старообрядцы обвинялись въ богохульствѣ. По закону за хулу на Бога, Богородицу, на святой крестъ, на святыхъ угодниковъ, Церковь и таинства, виновный подвергался лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторжную работу. Но не одинъ старообрядецъ не былъ наказанъ такимъ путемъ; напротивъ, или наказаніе вовсе отмѣнялось, если проступокъ не былъ совершенъ публично, многократно, въ церкви, съ доказаннымъ намѣреніемъ совратить другихъ, или замѣнялось отсылкой къ духовенству для увѣщанія и проч. и проч. [119]).

Таковъ былъ характеръ отношеній правительства къ старообрядцамъ и единовѣрцамъ въ царствованіе Александра I-го.

Не смотря на свою противоположность Александровскимъ, Николаевскія мѣры къ расколу однако не увеличиваютъ у старообрядцевъ расположенности къ соединенію съ Церковью.

Прежній способъ обращенія въ Единовѣріе.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая I-го взглядъ свѣтскаго правительства на расколъ значительно измѣняется. Оно начинаетъ теперь видѣть въ немъ не только одинъ элементъ противоцерковный, не однихъ «церковныхъ мятежниковъ», но и элементъ противогосударственный, противообщественный, «тайныхъ мятежниковъ вообще» [120]). Сообразно съ такой перемѣной во взглядахъ замѣтно происходитъ соотвѣтствующая перемѣна и въ отношеніяхъ правительства къ старообрядству. Изданныя правительствомъ Александра I-го постановленія относительно избѣжанія духовенствомъ встрѣчъ со старообрядцами и споровъ съ ними о вѣрѣ были отмѣнены, какъ неразумныя и нецѣлесообразныя, а взамѣнъ ихъ раздается усиленный при-

зывъ къ энергичной духовной борьбѣ со зломъ [121]). Обращается должное вниманіе на Единовѣріе, какъ на главное духовно-нравственное средство въ борьбѣ съ расколомъ [122]). Но, стараясь объ успѣхахъ Единовѣрія 1800 года среди раскола, свѣтская власть Николаевскаго времени опредѣляетъ эти успѣхи не столько настроенностью держателей [123]) перваго, сколько ихъ численностью, достигаемою чрезъ уравненіе гражданскихъ правъ единовѣрцевъ съ православными, чрезъ принятіе радикальныхъ мѣропріятій противъ старообрядцевъ.

Чтобы прекратить начавшіяся въ прежнее царствованіе совращенія изъ Единовѣрія, свѣтское правительство издаетъ особыя постановленія, особыя инструкціи. При обращеніи въ Единовѣріе старообрядца съ дѣтьми или одной только его жены (по тогдашнему просто сожительницы) съ дѣтьми, съ одной стороны, внушается, чтобы оставшіеся изъ родителей (мать или отецъ) въ расколѣ отнюдь не осмѣливались совращать обратившихся на путь истины дѣтей и даже «оказывать» свою секту между ними подъ опасеніемъ, за противное быть преданными суду и наказанными какъ совратители, а, съ другой стороны, вмѣняется въ непремѣнную обязанность тому изъ родителей, который обратится въ Единовѣріе, охранять своихъ дѣтей отъ новаго отпаденія въ расколъ и наблюдать за исполненіемъ ими всѣхъ христіанскихъ обязанностей [124]).

Правительство Николая I-го съ цѣлью направлять заблуждающихся въ Церковь, руководилось правилами: а) не придавать никакого значенія всему, что̀ касается религіозной стороны раскола, б) по возможности устранить все то, что̀ способствовало бы организаціи старообрядческихъ общинъ въ религіозномъ отношеніи, в) пресѣчь распространеніе раскола, какъ чрезъ открытую и тайную пропаганду въ разныхъ ея видахъ, такъ и чрезъ нарожденіе. Построеніе молитвенныхъ домовъ, исправленіе старыхъ [125]), устроеніе въ часовняхъ престоловъ [126])—все это было воспрещено, старообрядцамъ оставлены были тѣ молитвенныя зданія, какія были построены до 1826 года [127]); во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ ихъ велѣно было называть «часовнями», а не церквами [128]), снимать съ нихъ кресты [129]) и воспрещать при нихъ колокольный звонъ, какъ «оказательство» раскола [130]). Указъ о бѣглыхъ попахъ 1822 года былъ отмѣненъ [131]) и самый побѣгъ былъ признанъ тяжкимъ преступленіемъ [132]). Настоятели Иргизскихъ монастырей были обязаны подписками не принимать бѣглыхъ священниковъ на исправу. Бѣжавшіе священники не могли подавать о себѣ ревизскихъ сказокъ [133]) и именоваться священниками—велѣно было писать «оставшійся у раскольниковъ попъ» [134]). Безпоповщинскіе наставники тѣмъ болѣе не имѣли законнаго основанія для присваиваемаго имъ себѣ положенія [135]). Въ предупрежденіе пропаганды раскола и въ видахъ сближенія его съ Церковью у старообрядцевъ

отбирались вредныя печатныя и письменныя книги [136]); преслѣдовалось, какъ преступленіе, заключеніе брака православныхъ съ старообрядцами въ ихъ часовняхъ [137]); напротивъ, дозволено было вѣнчать въ православныхъ или единовѣрческихъ храмахъ, не требуя отъ брачущихся предварительнаго присоединенія къ Церкви [138]); не воспрещалось священникамъ отпѣвать старообрядцевъ [139]), тѣмъ болѣе крестить ихъ дѣтей [140]), крещеніе старообрядческихъ дѣтей въ Церкви для нѣкоторыхъ мѣстностей даже было обязательно, при чемъ крещенныя уже не считались старообрядцами [141]).

Опредѣляя положеніе раскола въ гражданскомъ отношеніи, законъ Николая Павловича въ видахъ сближенія перваго съ Церковью, не признавалъ его законнымъ «обществомъ». Старообрядческія общины и учрежденія были безправны. Онѣ не могли пріобрѣтать недвижимой собственности ни куплей, ни по завѣщанію [142]), имъ запрещено было имѣть печати [143]), выдавать метрическія записи о рождающихся и умирающихъ [144]). Давность существованія старообрядческихъ общественныхъ учрежденій давала имъ права на ихъ продолженіе, но при этомъ правительствомъ было принято за правило «постепенно подчинять эти заведенія общимъ государственнымъ установленіямъ, освобождая ихъ отъ раскольническаго характера» [145]). Ограниченіе личныхъ правъ старообрядцевъ состояло въ слѣдующемъ: старообрядцы не имѣли права быть свидѣтелями противъ православныхъ въ дѣлахъ тяжебныхъ и гражданскихъ [146]), не могли получать «отъ учебныхъ мѣстъ и начальствъ свидѣтельствъ на право обученія дѣтей» [147]). Должности, соединенныя съ особеннымъ вліяніемъ на общество, напр., городского головы, городового старосты, ремесленнаго головы, должны были быть ввѣряемы непремѣнно православнымъ или единовѣрцамъ [148]), въ присяжные повѣренные, которые составляютъ голосъ цѣлаго общества, безпоповцы совсѣмъ не были утверждаемы. а изъ пріемлющихъ священство допускалось не болѣе $^1/_4$ доли противъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ православныхъ или единовѣрцевъ [149]). Старообрядцы «болѣе вредныхъ» сектъ совсѣмъ не выбирались ни къ какимъ должностямъ въ обществахъ, гдѣ были православные, или единовѣрцы, или даже старообрядцы «менѣе вредныхъ» согласій [150]). Взамѣнъ этого они могли быть назначаемы въ полѣсовщики, десятскіе сторожа—съ правомъ отбывать повинность посредствомъ найма [151]). Старообрядцы болѣе вредныхъ сектъ не имѣли права приписываться къ городскимъ сословіямъ, кромѣ Закавказскаго края [152]), не могли нанимать за себя въ рекруты кого-либо изъ православныхъ, отбывая царскую службу чрезъ «охотниковъ» только изъ среды себя [153]), въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ (Риги) непремѣнно лично [154]) и т. далѣе.

Въ послѣднія 15 лѣтъ царствованія Николая Павловича стѣсни-

тельныя мѣры противъ старообрядцевъ, въ видахъ присоединенія ихъ къ Единовѣрію, стали особенно усиливаться. Сначала было воспрещено имъ давать награды [155]), потомъ, во время ревизіи 1850 г., женъ ихъ велѣно записывать въ отдѣльныхъ отъ нихъ семействахъ, а дѣтей считать незаконнорожденными [156]). Съ 1853 года эти стѣсненія еще болѣе увеличилось: часовни старообрядцевъ, построенныя и снабженныя драгоцѣнными иконами на ихъ счетъ, правительство стало отбирать и отдавать единовѣрцамъ; не только поповъ, но и важныхъ по своему вліянію мірянъ безъ суда и слѣдствія посылать въ ссылку; потомъ старообрядцамъ воспрещено было записываться въ купцы, чѣмъ сравняли ихъ съ мѣщанами, подвергли ихъ рекрутской очереди и возможности тѣлеснаго наказанія. Такому ограниченію правъ подпали значительные капиталисты, лица торговыхъ домовъ, начавшихъ свои обороты съ самаго изданія городового положенія. Наконецъ, на старообрядцевъ стали смотрѣть какъ на заговорщиковъ, нарушителей государственнаго спокойствія: цѣлыя селенія, въ полномъ ихъ составѣ, подчинены были надзору полиціи [157]); систематическій надзоръ за ихъ поступками повергъ въ уныніе огромное число старообрядцевъ, и много изъ нихъ обратилось къ Церкви на правахъ Единовѣрія.

Послѣдствія насильственнаго обращенія въ Единовѣріе.

Стѣснительныя мѣры, употреблявшіяся въ цѣляхъ сближенія старообрядцевъ съ Церковью, при обращеніи ихъ въ Единовѣріе, правда, не могли не способствовать успѣху Единовѣрія 1880 года. Указанная «твердость» правительства противъ раскола съ 1827 г. и особенно съ 1847 и 1853 гг., дѣйствительно, хоть кого могла пріобрѣсти въ число единовѣрцевъ. «Съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія говоритъ м. Филаретъ, при избыточествующей вѣротерпимости, отпаденія отъ православныхъ вообще умножились, и въ особенности расколы поповщинскій и безпоповщинскій возросли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Когда же въ настоящее (Николая I-го) царствованіе обращено было строгое вниманіе правительства на расколъ и своеволія Иргизскихъ монастырей, Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ,—въ этихъ центрахъ появились единовѣрческія церкви [158]), а православіе пріобрѣло единовѣрцевъ, сколько извѣстно по отчетамъ духовнаго вѣдомства, за 11 лѣтъ 182.328 душъ, а всего за всѣ годы не менѣе 200.000».

Но достигая количественно значительныхъ размѣровъ,—въ 1851 г. имѣя уже 179 церквей [159]), Единовѣріе въ это время зато каче-

ственно стояло не очень высоко, пошло не очень далеко. Въ виду стѣснительныхъ мѣръ многіе изъ старообрядцевъ присоединялись не искренно, по разсчетамъ, съ вѣрой ничего общаго не имѣющимъ [160]), и по обращеніи оставались въ существѣ дѣла тѣми истыми же, чѣмъ были раньше. Насильственное обращеніе старообрядцевъ въ Единовѣріе не рѣдко усиливало единовѣрческія общества членами, даже прямо враждебными Единовѣрію.

Въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ было послано въ разныя губерніи нѣсколько чиновниковъ, и, вотъ, въ какомъ видѣ нашли эти лица существовавшее въ разныхъ мѣстахъ Единовѣріе 1800 г. «Въ послѣднее время, доносилъ чиновникъ, посланный въ Костромскую губернію, устроены здѣсь единовѣрческія церкви, но онѣ не достигли цѣли. Поступившіе изъ раскола въ Единовѣріе имѣютъ въ виду избѣгнуть этимъ путемъ преслѣдованій мѣстнаго начальства, земской полиціи, или помѣщика; они числятся только единовѣрцами, а на самомъ дѣлѣ остаются въ расколѣ. Въ одной единовѣрческой церкви собирались на молитву не раскольники, а православные. Самый строитель ея, богатый купецъ, только по виду придерживался Единовѣрія, а на самомъ дѣлѣ былъ закоренѣлый раскольникъ» [161]). Въ посадѣ Добрянкѣ, Черниговской губ., по словамъ обозрѣвавшаго ее чиновника, многіе изъ давшихъ обязательство принять православное священство уклонились снова въ расколъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ показывалось единовѣрцевъ 251 обоего пола, но изъ нихъ половины не принадлежало къ Единовѣрію. Церковь совсѣмъ была пуста, при посѣщеніи ея въ воскресенье изслѣдователемъ: не болѣе 10 человѣкъ въ ней молилось. Шеломская же единовѣрческая церковь никѣмъ не посѣщалась [162]). Въ Саратовской губерніи «единовѣрцы открыто говорили, что они не допустятъ православнаго епископа къ совершенію литургіи въ ихъ церкви, что они не имѣютъ и не хотятъ имѣть никакихъ сношеній съ единовѣрческими монастырями и не будутъ никогда руководствоваться правилами 1800 г.». Въ одномъ мѣстѣ сто человѣкъ пали на колѣни предъ изслѣдователемъ и жаловались, что ихъ неправильно опубликовали единовѣрцами, что они были и останутся старообрядцами. Въ другихъ мѣстахъ церкви единовѣрческія не посѣщались, а молитвенные дома наполнялись народомъ; многіе изъ единовѣрцевъ не ходили вовсе въ церковь, не призывали къ себѣ священниковъ, для исправленія требъ [163]). По словамъ другого лица, обозрѣвавшаго Саратовскую губернію, Единовѣріе здѣсь сначала шло довольно успѣшно, но «вскорѣ многіе изъ единовѣрцевъ стали совращаться въ прежнее заблужденіе, объясняя, что изъявили желаніе неискренно и во избѣжаніе преслѣ-

дованій духовнаго и гражданскаго начальства. Вслѣдъ за тѣмъ стали поступать къ мѣстнымъ властямъ просьбы отъ многочисленныхъ единовѣрческихъ обществъ о дозволеніи имъ снова обратиться къ расколу. Не получивъ по этимъ незаконнымъ просьбамъ удовлетворенія, одни изъ единовѣрцевъ открыто возвращались въ расколъ, другіе, оставаясь по наружному вѣрными Единовѣрію, исправляли духовныя требы у бѣглыхъ поповъ и наставниковъ. Самое единовѣрческое духовенство не всегда было чуждо расколу. Одинъ единовѣрческій священникъ принялъ отъ бѣглаго іеромонаха «исправу» и не допускалъ благочиннаго къ обозрѣнію церкви. Въ другомъ приходѣ единовѣрцы обращались къ бывшему у нихъ священнику за требами до тѣхъ поръ, пока убѣдились, что онъ состоялъ въ зависимости отъ епархіальнаго архіерея и получалъ отъ него муро; а когда узнали сверхъ того, что онъ не принялъ «исправы» отъ находившагося въ Самарѣ бѣглаго попа, то начали его чуждаться и жалобами своими вынудили у мѣстнаго епископа опредѣленіе къ нимъ другого священника. Въ одномъ приходѣ единовѣрческій священникъ только при помощи мѣстнаго начальства получилъ помѣщенія для себя и для совершенія богослуженія, а прихожане его отказались ходить къ нему и собирались на молитвы къ мнимому своему попу и помощникамъ его. Эти прихожане объявили, что дали подписку на принятіе Единовѣрія вслѣдствіе угрозъ окружного начальства и протоіерея и что согласны принять священника лишь въ такомъ случаѣ, если онъ отречется отъ епископа и будетъ состоять въ завѣдываніи полиціи. Въ другомъ приходѣ одинъ изъ двухъ единовѣрческихъ священниковъ судился за уклоненіе въ расколъ, а другой, бывшій бѣглымъ попомъ, согласился присоединиться къ Единовѣрію изъ опасенія высылки изъ мѣста жительства, но съ 1843 по 1848 годъ ни разу не былъ въ единовѣрческой церкви, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, а между тѣмъ продолжалъ скрытно совершать требы бѣглопоповцамъ. Въ одномъ приходѣ, состоявшемъ изъ 2.463 человѣкъ, немногіе изъ прихожанъ прибѣгали къ своему священнику за требами, большая же часть относилась къ бѣглымъ попамъ. Говорили, что и этотъ священникъ, желая сблизиться съ прихожанами, принялъ «исправу» [164]). Впрочемъ, Саратовская губернія, гдѣ единовѣрцы, вѣроятно, помня дѣйствіе Иргизскихъ монастырей, подвергали своихъ священниковъ «исправѣ», была не единственною мѣстностію. Были и другія губерніи, гдѣ единовѣрцы также ясно показывали, въ какомъ единствѣ находятся они съ Церковью, отъ которой получаютъ «благословенное священство». По свидѣтельству чиновника Министра Внутреннихъ Дѣлъ, обозрѣвавшаго Черниговскую губернію въ 1853 г., и въ этой губерніи были единовѣрческіе священники, которые, по

требованію прихожанъ и для угожденія имъ, принимали «исправу» отъ бѣглыхъ [165]) поповъ, какъ бы не довольствуясь рукоположеніемъ, полученнымъ въ Церкви. А кто знаетъ, въ чемъ состоитъ эта «исправа», тотъ пойметъ, какъ смотрѣли на православную Церковь лица, прибѣгавшія къ такой мѣрѣ.

Мы подошли ко 2-й половинѣ прошлаго (XIX) столѣтія. Единовѣріе, какъ видимъ, не съумѣло и къ этому времени устроить лежавшія на пути его развитія препятствія. Причины, замедлявшія ходъ и распространеніе его даютъ себя чувствовать даже съ бо́льшей силой, чѣмъ раньше.

Мало радостнаго представляетъ изъ себя исторія Единовѣрія и дальше. На небосклонѣ ея явились было живительныя облачка, но они скоро разсѣялись, лишивъ Единовѣріе необходимой для произрастанія влаги.

V ГЛАВА.

Единовѣріе въ царствованіе Государя Александра II-го.

Единовѣрцы связаны со старообрядчествомъ и нравственно и благодаря тому, что всѣ почти единовѣрцы вышли изъ нѣдръ старообрядчества. Въ теченіе не одного столѣтія, а нѣсколькихъ они составляли одно, одинаково дорожили достояніемъ св. вѣры, преданіями св. отецъ, церковными обычаями своихъ предковъ. Древній церковный бытъ отождествлялся съ національнымъ ихъ идеаломъ и сдѣлался источникомъ ихъ духовныхъ стремленій. Единовѣрію, предназначено даровать миръ всему старообрядчеству, возжечь всестарообрядческую іерархію, объединить съ помощью ея отдѣльныя согласія среди старообрядцевъ. Вслѣдствіе не благопріятныхъ историческихъ условій Единовѣріе однако уклоняется отъ такого самосознанія. Завѣты инока Никодима находятъ отголосокъ въ сердцахъ лишь немногихъ единовѣрцевъ. Бюрократическая система управленія Единовѣріемъ мѣшаетъ исполненію имъ его миссій, на долго задерживаетъ развитіе его силъ, старается ослабить его связь со старообрядчествомъ, не отказывается отъ своего излюбленнаго взгляда на Единовѣріе, какъ только на переходную ступень къ Православію. Единовѣріе могло возвратить себѣ утраченную имъ при Павлѣ I-мъ объединяющую силу, только опираясь на старообрядчество, защищая свои старые обряды отъ похуленій и порицаній, ставя ихъ на подобающее имъ мѣсто. Русской духовной власти слѣдовало такимъ образомъ всячески идти на встрѣчу такимъ единовѣрческимъ объединяющимъ стремленіямъ. Между тѣмъ на дѣлѣ видимъ совсѣмъ иное. Въ то время, которое насъ интересуетъ, была такая же раздробленность при духовномъ руководствѣ единовѣрцевъ, какъ и прежде. Единовѣріе не можетъ оправиться отъ вредныхъ послѣдствій отсутствія реальнаго единства между епархіальными епископами до сихъ поръ. Русская Церковь въ отношеніи Единовѣрія существуетъ только въ идеѣ, а въ дѣйствительности существуетъ нѣсколько епархіальныхъ вѣдомствъ, въ которыхъ духъ канцелярщины заглушаетъ идею одной Церкви. И когда до очевидности чувствовалось невозможное существованіе Единовѣрія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ни одна изъ про-

чихъ епархій не могла возвысить голоса, который могъ бы считаться для другихъ обязательнымъ.

Даже авторитетные изъ владыкъ ограничивались политикою благоразумія и невмѣшательства. Чувствуя себя несвободной отъ условій историческаго развитія, та или другая епархія не рѣшалась напомнить своей сестрѣ завѣты Христа.

Если начало 60-хъ годовъ было временемъ единовѣрческихъ чаяній, то послѣдующія годы были прямой ему реакціей. Чувствовалось полное торжество Платоновскихъ взглядовъ на Единовѣріе. Единовѣріе чѣмъ скорѣе сольется съ Православіемъ, тѣмъ для Церкви лучше, таковъ былъ девизъ того времени. Явилось сомнѣніе, дѣйствительно ли вопросы объ всестарообрядческой іерархіи, о сложеніи клятвъ и порицаній—вопросы Единовѣрія? Не достаточно ли для Единовѣрія и тѣхъ правъ, кои оно имѣетъ? Прочіе старообрядцы, вслѣдствіе ихъ глубокой розни и многочисленности подраздѣленій, предназначены были къ скорому и легкому обращенію къ Православной Церкви, миминуя Единовѣріе и его іерархію. Съ другой стороны, само Единовѣріе, руководясь правилами митрополита Платона, представляло повидимому всѣ гарантіи несомнѣнной отталкивающей силы въ отношеніи старообрядцевъ. Ему не было нужды выходить изъ своего уніатскаго положенія, такъ какъ обладало зачатками полнаго сліянія съ Великороссійскою Церковью. Обладая этимъ достояніемъ, Единовѣріе имѣло всѣ данныя для своего лишь органическаго развитія и не имѣло нужды искать и ждать чего-либо сверхъ этого, во внѣ себя. И вотъ вопросъ о всестарообрядческомъ единеніи перестаетъ разсматриваться какъ вопросъ единовѣрческій, какъ предметъ миссіи Единовѣрія.

Насколько полезна была такая постановка Единовѣрія для Церкви и для старообрядчества?

Уже чисто теоретически можно предположить, что такое положеніе дѣлъ въ Единовѣріи можетъ принести дѣлу Церкви Христовой, гдѣ нѣтъ не только еллина, ни іудея, но и варвара и скиѳа,—только вредъ. И дѣйствительно, привычка слегка относиться къ старообрядчеству принесла самые печальные плоды. И если это не всѣми сознавалось, то—только потому, что положеніе старообрядчества въ его внутреннемъ состояніи весьма было мало извѣстно обществу. А это положеніе прямо ужасно.

Буквоѣдство и обрядовѣріе членовъ Великороссійской Церкви укрѣпило старообрядчество въ томъ же; послѣдователи Бѣлокриницкой іерархіи, бѣглопоповцы, безпоповцы разныхъ развѣтвленій безжалостно раздираютъ русскій народъ на столько частей, сколько самыхъ согласій и толковъ. Къ розни поповцевъ и безпоповцевъ при-

соединилась рознь среди послѣдователей м. Амвросія—окружники и неокружники. Въ одно время едва не возникло и еще одно старообрядческое согласіе—послѣдователи Бѣловодской іерархіи. А врагъ между тѣмъ не дремлетъ. Сектантство наводняетъ Русь, завладѣваетъ, пользуется религіозною раздробленностью русскихъ. А тѣмъ временемъ все яснѣе и яснѣй вырисовывается грозный духъ невѣрія, отрицанія, безбожія...

Если малоизвѣстное положеніе старообрядческихъ общинъ насъ опечаливаетъ, то состояніе русской Церкви прямо-таки стало ужасное. «Замутилась русская Церковь», сказалъ кто-то одинъ изъ недавно умершихъ видныхъ церковныхъ дѣятелей.

И иначе быть не могло. Православная Церковь—это не механическій конгломератъ, который можно дробить какъ угодно, а живой организмъ, изъ котораго нельзя не только выдѣлить ни одной части, но и нельзя помѣшать живому взаимообщенію этихъ частей между собой безъ вреда для цѣлаго. Жизнь Церкви заключается въ любви, но не въ любви отдѣльныхъ лицъ и частей церковнаго тѣла къ себѣ самимъ, а въ любви ихъ къ Богу и другъ къ другу, въ любви, конечно, дѣятельной; и разъ этой, взаимной дѣятельной любви нѣтъ, то внутренняя жизнь тѣхъ и другихъ частей церковнаго организма замираетъ.

Итакъ, пора было положить конецъ пренебрежительному отношенію православныхъ къ единовѣрцамъ, пора было дать Единовѣрію возможность осуществить свое великое назначеніе съ помощью всестарообрядческой іерархіи объединить старообрядчество. Но дѣйствительность однако готовила совсѣмъ другое.

Ходатайство единовѣрцевъ о всестарообрядческой іерархіи.

Государь Александръ II казался современнымъ единовѣрцамъ такимъ, отъ котораго имъ, при умѣломъ ходатайствѣ, можно будетъ ждать многихъ льготъ и преимуществъ въ церковной жизни. Въ прежнее время настойчивыя искательства по силѣ обстоятельствъ касались лишь тѣхъ или иныхъ пунктовъ правилъ 1800 года;—не то сейчасъ. Съ воцареніемъ Царя-Освободителя единовѣрцы находятъ возможнымъ и удобнымъ заговорить объ измѣненіи самого духа правилъ 1800 года.

Вопросъ объ единовѣрческомъ епископѣ, поднятый съ особенной въ это время силой, былъ огнемъ условнаго Соединенства, когда то очень ярко горѣвшимъ. Инокъ Никодимъ и съ нимъ согласные 3-мъ пунктомъ

своихъ соединенскихъ съ Церковью условій въ свое время просили о дарованіи имъ «хорепископа», подчиненнаго вѣдѣнію самого Синода. Это стремленіе, двигавшее многихъ старообрядцевъ на путь соединенія съ Церковью, церковною властью не было удовлетворено. Въ прошеніи московскихъ единовѣрцевъ въ 1800 году объ особенномъ старообрядческомъ архіереѣ уже и не упоминалось. Старообрядцы съ теченіемъ времени поняли безуспѣшность подобныхъ ходатайствъ. Напр., старообрядцы-Черниговцы въ своей запискѣ 1822—1823 гг. подъ названіемъ «Плачъ старообрядцевъ и моленіе ихъ сердечное наивсегда ко Всевышнему въ Троицѣ Святѣй Славимому Богу», между прочимъ прямо заявляли, что «они послѣ резолюціи покойнаго митрополита московскаго Платона на просьбу московскихъ старообрядцевъ не осмѣливаются просить у Высочайшаго престола и пастырей церковныхъ особаго архіерея для себя» [1]). Такъ точно должны были отказаться отъ подобнаго ходатайства съ воцареніемъ Николая Павловича и Екатеринбургскіе старообрядцы-соединенцы. Послѣ Николая Павловича вступаетъ на престолъ Александръ II. Въ это время «всѣ основныя зиждительныя начала, изъ коихъ слагаются крѣпость, могущество и слава государствъ, обильно хранящіяся въ духѣ и характерѣ русскаго народа, но доселѣ не признаваемыя, призваны были къ обновленію въ государственной жизни нашего великаго отечества» [2]). Не преминули откликнуться на этотъ зовъ и единовѣрцы. Они поставили это время цѣлью, чтобы добиться того, о чемъ когда-то въ началѣ исторіи Условнаго Соединенства старались, а потомъ только мечтали.

Въ 1864 году единовѣрцами былъ составленъ проектъ, по которому требовалось переустройство единовѣрческой церкви въ всестарообрядческую съ полной, вполнѣ самостоятельной, отъ Святѣйшаго Синода независимой, старообрядческою іерархіею. Во главѣ единовѣрцевъ встали Московскій купецъ И. И. Шестовъ, Казанскій единовѣрецъ Петровъ, Екатеринбургскій—Г. Казанцевъ и С.-Петербургскій единовѣрческій священникъ І. Верховскій. Послѣднему принадлежало литературное изложеніе означеннаго проекта [3]). Проектъ былъ изложенъ, съ одной стороны во Всеподданнѣйшей запискѣ отъ имени единовѣрцевъ г. Москвы и другихъ городовъ, представленной въ 1864 году на предварительный просмотръ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Валуеву, а съ другой, въ прошеніяхъ Московскихъ и Екатеринбургскихъ единовѣрцевъ [4]) на Высочайшее имя. Содержаніе одного изъ этихъ двухъ почти одинаковыхъ прошеній таково.

Сначала податели рисуютъ въ немъ исторію раскола, его возникновеніе; такъ какъ, говорятъ они, обряды не суть вѣра и разность въ обрядахъ и обычаяхъ не препятствуютъ единству въ вѣрѣ и единодушію въ общеніи, то, очевидно, анаѳематствованія Московскаго Со-

бора произнесены вопреки духу и преданіямъ единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. А если такъ, то протестъ ревнителей церковно-отечественной старины противъ обрядовыхъ нововведеній и особенно анаѳематствованій вполнѣ законенъ и справедливъ. Начало раскола объясняютъ, такимъ образомъ, клятвами собора 1667 года, положенными на старые обряды и обычаи. Отнеся появленіе раздора въ Русской Церкви къ винѣ духовной власти, они, далѣе, и распространеніе онаго относятъ туда же. По ихъ словамъ, свѣтское Правительство гнало раскольниковъ потому, что со словъ архіерейства думало въ старыхъ обрядахъ видѣть ересь, а въ исправленныхъ патріархомъ Никономъ обрядовыхъ подробностяхъ Восточно-Апостольское Православіе. «Потому оно и преслѣдовало, продолжаютъ они, старообрядчество, что видѣло здѣсь расколъ, ересь и бунтъ». Завиня Православное Архипастырство въ возникновеніи и распространеніи раскола, они обвиняютъ его и въ малоуспѣшіи самаго Единовѣрія, возникшаго, по ихъ словамъ, единственно по волѣ свѣтской власти. Въ періодъ появленія Единовѣрія, писали они въ прошеніи, Правительство не успѣло еще образовать ясныхъ воззрѣній на старо и ново-обрядство, а архіерейство еще не просвѣтилось до того, чтобы отступиться отъ старыхъ предубѣжденій и предразсудковъ, и потому примирительныя тенденціи правительства разрѣшились такъ называемымъ Единовѣріемъ, мѣрой двусмысленной и предосудительной, какъ для старообрядчества, такъ и для православія. «Въ заключеніе своей просьбы единовѣрцы просили исправить всѣ эти прежнія ошибки, вызвавшія расколъ, его распространеніе и его мнимое уничтоженіе чрезъ Единовѣріе Платона митрополита. Симъ Всеподданнѣйше молимъ, писали они въ концѣ прошенія: Богомъ избранное, Богомъ нареченное, Богомъ дарованное, Богомъ вѣнчанное, Богомъ почтенное, Богомъ украшенное, Богомъ превознесенное, Богомъ соблюдаемое державное святое царство твое (Старопечатный потребникъ), довершить начатое великими государями Екатериною и Павломъ примиреніе Россійской Церкви, исправить испорченное предубѣжденіями и предразсудками, возстановить разрушенное насиліемъ»... Благочестивѣйшій Государь,—взывали просители въ послѣднихъ строкахъ своей просьбы,—молимъ Царя вѣковъ Бога, да споспѣшествуетъ Тебѣ во всемъ благомъ, первѣе же въ освобожденіи и возстановленіи самостоятельности древлероссійскаго благочестія и охраненіи на грядущіе вѣка православной вѣры, но не какого-либо изъ обрядовыхъ толковъ, на кои распалась Россійская Церковь съ 1667 года и именно того изъ нихъ, который, себѣ одному присвоивъ наименованіе Православія, стремится, къ насильственному подавленію прочихъ толковъ.

Содержаніе приложенной къ прошенію записки о свободѣ рус-

скихъ обрядовыхъ толковъ еще обширнѣе. Въ ней разомъ сказалось все то, чѣмъ жило большинство единовѣрцевъ въ предыдущее время. Здѣсь были сгруппированы: и малосочувствіе единовѣрцевъ къ правиламъ 1800 года, и стремленіе подходящее изъ нихъ охранить, а непріятное обойти, и всѣ тѣ возраженія старообрядца противъ Единовѣрія, которыми питались его послѣдователи за протекшіе годы. По запискѣ можно повторить не только весь тотъ путь, по которому до сихъ поръ шло большинство единовѣрцевъ, но и всѣ ихъ мечты касательно послѣдняго.

Мы видѣли, что на первыхъ порахъ единовѣрцы на основаніи дополнительныхъ мнѣній м. Платона были смущены неравночестностію ихъ обряда съ обрядомъ Великороссійской Церкви. Про эту неравночестность стараго обряда съ новоисправленныхъ говоритъ и Верховскій, но гораздо сильнѣе. Подъ буквою «О» онъ разсуждаетъ [5]). «Итакъ архіерейство отказалось встать на почву, на которую вступить приглашали его старообрядцы, отказалось признать равноправность обрядовыхъ разностей и обоюдо-стороннихъ обрядовыхъ привязанностей. Не очевидно-ли, что архіерейство, вопреки преданіямъ истинно-христіанской древности, не вѣруетъ соединенію вѣры безъ одинаковыхъ обрядовъ и единодушію къ общенію, безъ одинаковыхъ обрядовыхъ привязанностей и пристрастій; что же это за примиреніе, что за соединеніе? Соединенецъ принимается въ общеніе съ новообрядцамъ, новообрядецъ къ общенію съ соединенцемъ не допускается ни подъ какимъ видомъ» (11 пунктъ прав. Ед. 1800 г.) [6]).

Единовѣрцы, далѣе, стремились какимъ-либо путемъ отклонить 11 и особенно 2 половину 5 пункта правилъ Единовѣрія. О. Верховскій тоже не щадитъ означенныхъ пунктовъ. Про второй, уже отчасти видѣли, какъ онъ выразился, а про 5-й, послушаемъ, какъ онъ говоритъ. «Говоря о переходѣ въ Единовѣріе отъ Грекороссійцевъ, о чемъ и самая мысль не допущается, этотъ переходъ, замѣчаетъ авторъ записки, возбраненъ даже такъ называемому раскольнику, если онъ только не состоитъ въ числѣ записныхъ, т. е. прирожденныхъ. Слѣдовательно архіерейство признаетъ за лучшее, чтобы отдѣленецъ навсегда оставался въ расколѣ, чѣмъ возвратиться къ единенію, но на условіяхъ Единовѣрія; итакъ по Платону Единовѣріе вреднѣе даже раскола. Московскій митрополитъ Филаретъ, продолжаетъ о. Верховскій, 8 сентября 1840 года говоритъ соединенцамъ: «не едину ли благодать Духа пріемлетъ въ однихъ и тѣхъ же таинствахъ»... По Платону же у Грекороссійцевъ чаша, у соединенцевъ другая. Гдѣ же, на чьей же сторонѣ апостольская правда? По Филарету и у Грекороссійцевъ и у соединенцевъ одна благодать и одни таинства» [7]).

Единовѣрцы въ свое время соблазнялись на основаніи заключи-

тельныхъ словъ второго дополнительнаго мнѣнія м. Платона неискренностью якобы архипастырей,—временнымъ характеромъ Единовѣрія. О. Верховскій тоже писалъ про это въ своей запискѣ. Подъ буквою Х мы находимъ въ ней слѣдующія выраженія. Старообрядцы приняты въ общеніе съ надеждой, что они современемъ покинутъ старые обряды и примутъ новые, слѣдовательно, соединеніе ихъ въ 1800 году было еще не полное, а временное, условное, переходное, и Единовѣріе есть неводъ, коимъ архіерейство Православной Церкви надѣется уловить старообрядство, не для общенія съ нимъ на условіяхъ равенства, а для удобнѣйшаго поглощенія старообрядства новообрядствомъ. Единовѣріе, заключаетъ Верховскій разсматриваемую тираду, есть ловушка, которую сломаютъ и далеко забросятъ, какъ она переловитъ или перестанетъ ловить старообрядство. «Единовѣріе есть подлинное подражаніе латинской уніи» [8]). Своимъ послѣднимъ словомъ авторъ записки вполнѣ подтверждалъ тогдашнія возраженія австрійскихъ епископовъ: Антонія Шутова и Пафнутія Казанскаго, называвшихъ Единовѣріе уніей [9]).

Вторитъ о. Верховскій возраженіямъ противъ Единовѣрія и въ другихъ мѣстахъ своего проекта. Главная мысль записки о. Верховскаго—противопоставленіе Единовѣрія Грекороссійской Церкви. Мысль, правда, какъ видѣли, проглядовавшая въ прежнихъ единовѣрческихъ ходатайствахъ касательно обособленности въ церковной жизни, но не въ такой степени, какъ у него. Противопоставленіе Единовѣрія Православію у Верховскаго еще глубже, чѣмъ было у прежнихъ единовѣрцевъ. Противопоставленіе Православія, какъ несохранившаго истины во всей ея неприкосновенности, тѣсное сближеніе съ коимъ не желательно и ненужно. Ненужно потому, что никакими преимуществами не обладаетъ.

Осуществленіе этой мысли первоначально предполагалось достигнуть, чрезъ учрежденіе самостоятельной независимой отъ Православной Русской Церкви іерархіи. Записка предлагаетъ Правительству такой проектъ поправки Единовѣрія: уничтоженіе правилъ 1800 года объ Единовѣрческихъ церквахъ, изглажденіе самаго имени «Единовѣрія», снятіе клятвъ Собора 1667 года со всѣхъ старообрядцевъ, не взирая на то, кто къ какому толку принадлежитъ и составленіе изъ Единовѣрія и поповщины всестарообрядства съ полнымъ церковнымъ устройствомъ и многое другое. Мотивируетъ все это такимъ образомъ. Государь есть покровитель каждаго вѣрующаго во святую соборную апостольскую Церковь... Мы видѣли, говоритъ составитель записки, разумѣя вышеприведенное прошеніе, что распаденіе Россійской Церкви было слѣдствіемъ ошибокъ правительства и архіерейства. Слѣдовательно, каждый распавшійся членъ есть законный сынъ правительства и ар-

хіерейства... Имя Единовѣрецъ ничего не говоритъ. Названіе Единовѣріе обще всѣмъ Церквамъ и народамъ православнаго исповѣданія, а потому въ приложеніи къ примиренцамъ оно должно быть уничтожено. Каждый православный пусть такъ и называется православнымъ. Старообрядцамъ, нынѣ называемымъ Единовѣрцамъ, должны быть дарованы старообрядческіе епископы на основаніяхъ, изложенныхъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ прошеніи. Основанія эти слѣдующія: на первый разъ да будутъ дарованы четыре епископа для областей: Московской, Екатеринбургской и всей Сибири, Черниговской и всего юга и Рижской или Псковской. Какъ эти, такъ и послѣдующіе избираются обществами старообрядцевъ съ ихъ духовенствомъ во главѣ, подъ условіемъ утвержденія Императорской Властью. Первые три епископа должны принять посвященіе отъ Грекороссійскихъ епископовъ, а дальнѣйшіе отъ своихъ уже старообрядческихъ архіереевъ, изъ коихъ пусть будетъ составлена особая іерархія, управлявшая бы дѣлами старообрядцевъ посредствомъ соборовъ и имѣвшая бы право непосредственнаго, минуя Святѣйшій Синодъ, сношенія съ Государемъ чрезъ своего старшаго архіерея. Будущая старообрядческая (Единовѣрческая) іерархія вошла бы, по словамъ проекта, въ соглашеніе и съ Господствующимъ архіерействомъ объ удаленіи всѣхъ причинъ, препятствующихъ общенію. «Такъ какъ новообрядствующее нынѣ господствующее архіерейство отвергло предлагавшееся ему отъ старообрядцевъ соединеніе и клятвы неправедно положенныя соборомъ 1667 года признаетъ до днесь дѣйствующими, то мы нынѣ, замѣчаютъ просители, до учрежденія іерархіи не желаемъ утруждать господствующаго архіерейства съ предложеніями ему непріятными, изъ опасенія на наши чистосердечныя предложенія вновь услышать уклончивыя, двусмысленныя и противорѣчивыя предложенія». Удаливъ причины, мѣшающія искреннему общенію старообрядцевъ съ Великороссійскою, дарованная старообрядцамъ іерархія, по разсужденіямъ проекта, привлекла бы собой много другихъ старообрядцевъ—внѣ Церкви находящихся. Для этого нужно только признать лжеархіереевъ Австрійскаго поставленія въ сущихъ санахъ съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы эти послѣдніе каждый за себя и всѣ до единаго отказались отъ подчиненія Австрійской іерархіи и, войдя въ общеніе съ старообрядческими епископами отечественнаго поставленія, обязались не посвящать впредь въ епископа кого бы и куда бы ни было [10]).

Свой проектъ составители очень усиленно распространяли какъ среди единовѣрцевъ, такъ и среди старообрядцевъ разныхъ мѣстъ. Послѣдній переписывался во множествѣ экземпляровъ какъ рукописью, такъ и полууставомъ [11]). Авторъ проекта позаботился ознакомить съ содержаніемъ послѣдняго и членовъ Святѣйшаго Синода. Января 30

онъ предложилъ его на благовниманіе первоприсутствующаго члена Синода, высокопреосвященнаго Исидора. Въ томъ же году купцы Шестовъ и Петровъ, по настоянію Верховскаго, обратились съ проектомъ и къ другому члену Синода преосвященному Платону. Шестовъ и Петровъ при этомъ объясняли благодѣтельность для отечественной Церкви тѣхъ послѣдствій, если бы дарованная старообрядчеству іерархія, соединивъ подъ собой все старообрядство, потомъ всею массою тронулось на возсоединеніе, «которое нынѣ бываетъ, говорили они, только по единицамъ, четверогубо возмѣщаемымъ на счетъ Православія». Слѣдующую копію нѣсколько позже о. Верховскій сообщилъ бывшему на чередѣ о. архимандриту Никанору, впослѣдствіи архіепископу Херсонскому. Четвертая копія была поднесена въ Москвѣ митрополиту Филарету, который передалъ ее профессору Субботину, а у профессора Субботина списали студенты духовной Академіи. Одинъ экземпляръ Петровъ сообщилъ Казанской Духовной Академіи.

Единовѣрцы, сочувствовавшіе изложенному проекту, не только знакомили съ нимъ, кого слѣдуетъ, и распространяли его, но и представляли, куда было нужно. Съ проектомъ о старообрядческой іерархіи Шестовъ съ Петровымъ являлись къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Валуеву, потомъ эти же ходатаи обращались къ Канцлеру князю Горчакову и были не только выслушаны, но и приняты со взятіемъ отъ нихъ всеподданнѣйшаго прошенія и записки.

Но не смотря на это, хлопоты единовѣрцевъ остались безъ успѣха. Хотя впослѣдствіи Екатеринбургскій купецъ, г. Казанцевъ вмѣстѣ съ единомысленниками подавалъ еще прошеніе на Высочайшее имя и въ этомъ прошеніи ходатайствовалъ о дарованіи епископовъ лишь однимъ единовѣрцамъ, безъ упоминанія объ Австрійскихъ архіереяхъ, но и на эту просьбу единовѣрцы ничего не получили, кромѣ отказа со строгимъ воспрещеніемъ на будущее время подавать подобныя прошенія [12]).

Ходатайство Единовѣрцевъ объ уничтоженіи клятвъ и порицаній на старые обряды.

Не менѣе главное мѣсто, чѣмъ вопросъ о епископѣ, въ первоначальныхъ ходатайствахъ единовѣрцевъ въ царствованіе Александра II занималъ и вопросъ о клятвахъ собора 1667 года. Этотъ вопросъ касался коренныхъ началъ Единовѣрія, и отъ такого или иного его рѣшенія, можно сказать, зависѣла вся судьба Единовѣрія. Это отлично сознавали между прочимъ еще Стародубскіе согласники. Поэтому

они первымъ пунктомъ своего соединенскаго прошенія и просили о разрѣшеніи клятвъ собора 1667 года и при томъ о разрѣшеніи чрезъ сношеніе «со святѣйшими четверопрестольными патріархами». Къ сожалѣнію, не смотря на видимую свою важность, вопросъ этотъ не былъ разъясненъ тогда со всею основательностью. Въ такомъ положеніи остался онъ и въ пунктахъ м. Платона, хотя Московскіе единовѣрцы и просили снять клятвы со старыхъ обрядовъ. При учрежденіи Единовѣрія, былъ допущенъ канонический пробѣлъ. Пробѣлъ этотъ, выражаясь словами митрополита Московскаго Филарета, тотъ, «что предшественники архипастыри, пріемля въ общеніе церковное приходящихъ отъ раскола единовѣрцевъ и разрѣшая ихъ отъ проклятія, положеннаго на раскольниковъ соборомъ 1667 года, предположили только согласіе восточныхъ патріарховъ, а не испросили сего согласія посредствомъ сношенія» [13]). Итакъ, указанное обстоятельство было другимъ весьма важнымъ дѣломъ въ первоначальныхъ ходатайствахъ единовѣрцевъ въ царствованія Царя-Освободителя.

Въ 1864 году было возбуждено спеціальное ходатайство «о подтвержденіи восточными патріархами даннаго Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшенія отъ клятвъ собора 1667 года». Единовѣрцами составлено было два прошенія. Одно на Высочайшее имя, подлинное содержаніе коего намъ не извѣстно; извѣстно лишь отношеніе къ нему Государя,— а другое прошеніе къ Московскому митрополиту Филарету. Въ послѣднемъ прошеніи, податели коего были Московскіе единовѣрцы, просители, исходя изъ содержанія опредѣленія собора 1667 года, по ихъ мнѣнію, проклинающаго не только отдѣленцевъ, противниковъ Церкви, но просто держателей старыхъ обрядовъ, какими являются сами единовѣрцы, просили чрезъ Московскаго митрополита Св. Синодъ объ «уничтоженіи клятвъ и анаѳемъ со всѣми ихъ послѣдствіями тѣмъ же порядкомъ, какъ они были наложены». По мнѣнію просителей, Св. Синодъ долженъ «испросить согласіе и изволеніе тѣхъ Восточныхъ патріарховъ, отъ которыхъ Церквей на соборѣ 1667 года находились присутствующіи», ибо только этимъ путемъ по словамъ просителей и можно разрушить двухъ-вѣковую нашу отечественную религіозную непріязнь, успокоить совѣсть всѣхъ старообрядцевъ и священно-служителей нашихъ» [14]).

Вотъ, содержаніе разсматриваемаго прошенія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей. На Московскомъ соборѣ 1667 года, писали единовѣрцы, на держащихся старыхъ обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, существовавшихъ въ Россіи и бывшихъ въ дѣйствіи до патріарха Никона, въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе якобы отъ лица Св. Восточной и Апостольской Церкви положено проклятіе, которое высказано такими словами... (приводится содержаніе опредѣ-

ленія). По тщательномъ разсмотрѣніи смысла положенныхъ клятвъ, продолжали далѣе просители, мы находимъ, что клятвы положены не на однихъ только уклонившихся отъ Церкви, но и на тѣхъ, кто содержитъ обряды, несогласные съ обрядами Восточной Церкви того времени. Въ то время, какъ Святая Соборная Апостольская Церковь обрядовыя разности не только не проклинала, но даже всегда благословляла, чему служатъ многіе примѣры, изъ коихъ нѣкоторые осмѣливаемся указать (указываютъ)... По разуму Московскаго собора ясно видно, что проклятіе положено не за противленіе Апостольской Вселенской Церкви, которой старообрядцы никогда не противились, но за непокореніе въ дѣлѣ принятія исправленныхъ обрядовъ. Эти обряды мы, говорятъ единовѣрцы про себя, никогда не исполняли, да и по настоящее время не исполняемъ, изъ сего слѣдуетъ, что, какъ не покоряющіеся собору, должны подпадать подъ это же проклятіе. За непокореніе, по мнѣнію просителей, согласно съ опредѣленіемъ Собора, не должны избѣгнуть суда его и обнаженія священнодѣйствія и благодати единовѣрческіе священнослужители, а также и Епископы, служащіе въ церквахъ единовѣрцевъ... Признавъ себя и своихъ священниковъ, состоящими подъ клятвой собора 1667 года, единовѣрцы просятъ освободить ихъ отъ клятвъ, разрѣшить отъ нихъ чрезъ сношеніе Св. Синода съ Восточными Патріархами. Заключительныя слова прошенія слѣдующія: «Этотъ путь, сношеніе съ патріархами, писали единовѣрцы, царскій. Мы этимъ путемъ, съ помощью Бога, достигнемъ мира, любви и единенія, что должно служить торжествомъ Православной Церкви, силой Государства и огражденіемъ престола Царей нашихъ» [15]).

Не иными чувствами, какія только названы, проникнуты просьбы единовѣрцевъ того времени и объ уничтоженіи порицательныхъ выраженій на двуперстіе и др. старые обряды, содержащихся въ богослужебныхъ и полемическихъ книгахъ Православной Церкви.

Являясь отраженіемъ духа прежняго времени и памятью увлеченія нѣкоторыхъ тогдашнихъ полемистовъ, жестокословныя порицанія на старые обряды, подобно клятвамъ Собора 1667 года, стали со временемъ для старообрядцевъ однимъ изъ трудныхъ препятствій на пути ихъ сближенія съ Церковью. Въ отвѣтъ на 16 параграфъ просьбы Московскихъ соединенцевъ, было обѣщано лишь впредь стараться не производить ни хуленій, ни раздоровъ за содержаніе старыхъ обрядовъ, а о прежнихъ порицаніяхъ не было даже и упомянуто, а тѣмъ паче не послѣдовало касательно ихъ никакого опредѣленнаго разъясненія. Впослѣдствіи, правда, въ «Бесѣдахъ глаголемому старообрядцу» старались выяснить нелогичность обвиненія цѣлой Церкви за сужденія частныхъ лицъ, стремились снять съ послѣднихъ часть ихъ

вины виной раздраженія и ругательства самихъ раздорниковъ [16]), но старанія эти могли удовлетворить болѣе или менѣе только искреннихъ и начитанныхъ старообрядцевъ, и то еще не всегда. Примѣромъ этому можетъ служить авторъ «Окружнаго посланія»—Ксеносъ. Не смотря на все свое здравомысліе, послѣдній въ своемъ «Окружномъ посланіи», ничтоже сумнясь, выставилъ «жестокословныя порицанія» въ числѣ «важныхъ и благословныхъ винъ» отдѣленія старообрядцевъ отъ Церкви.

Въ виду всего этого было недостаточно лишь оправдать прежнихъ полемистовъ въ ихъ рѣзкихъ сужденіяхъ о старыхъ обрядахъ; очевидно, нужно было самимъ дѣломъ показать несогласіе Церкви съ этими порицаніями. Требовалось, такимъ образомъ, или выбросить порицанія изъ богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, или же отъ лица Церкви объявить о ея нераздѣленіи этихъ порицаній. О томъ и другомъ и были названныя ходатайства единовѣрцевъ. О первомъ въ 1858 году просила записка священника Уральской Успенской единовѣрческой церкви Саввы Севрюгина [17]). Записка носила заглавіе: «Расколъ въ Уральскомъ войскѣ».—О второмъ и первомъ вмѣстѣ въ 1865 году просили двѣ докладныхъ записки Московскихъ единовѣрцевъ съ проектомъ самого опредѣленія касательно порицаній.

Священникъ Севрюгинъ въ запискѣ, поданной имъ Наказному Атаману А. Д. Столыпину, а этимъ Оберъ-Прокурору графу А. П. Толстому, писалъ касательно порицательныхъ выраженій на старые обряды слѣдующее. Онъ «жаловался на тяжкія слова, употребленныя церковными писателями прошедшихъ вѣковъ» [18]). Какъ на обращикъ ихъ, представитель единовѣрцевъ Уральской области указалъ статью о перстосложеніи, печатаемую при псалтирѣ, гдѣ крестящіеся двуперстно сравнены съ армянами, а армяне названы проклятыми. Въ заключеніе своей записки о. Севрюгинъ просилъ исключить порицательныя выраженія на старые обряды, не печатать ихъ больше въ тѣхъ книгахъ, въ коихъ они до сихъ поръ находились [19]).

Докладная записка 1865 года съ проектомъ Синодальнаго опредѣленія относительно порицательныхъ выраженій подана была вновь присоединившимися въ Москвѣ единовѣрцами. Записка адресована Московскому митрополиту Филарету. Въ началѣ своей записки единовѣрцы указываютъ значеніе поднимаемаго вопроса въ жизни Единовѣрія. Они говорятъ о томъ великомъ злѣ, какое причиняется спасительному единенію съ Церковью порицательными выраженіями въ полемическихъ и богослужебныхъ книгахъ на старые обряды. «Наше долговременное пребываніе въ расколѣ, писали единовѣрцы, несомнѣнно убѣдило насъ, что одну изъ самыхъ важныхъ причинъ упорной вражды противъ Церкви Православной и одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ совращенію сыновъ Православія въ рас-

колъ составляютъ не рѣдко встрѣчаемыя въ полемическихъ и другихъ православныхъ сочиненіяхъ неосторожныя, неприличныя, слишкомъ рѣзкія «жестокословныя» порицанія и отзывы объ уважаемыхъ глаголемыми старообрядцами преданіяхъ и обычаяхъ» [20]). Порицанія, по словамъ составителей записки, служатъ камнемъ преткновенія не только для рядовыхъ раскольниковъ, но и для самыхъ разсудительнѣйшихъ и безпристрастнѣйшихъ. Они и для послѣднихъ «составляютъ едва переходимую преграду къ общенію съ Церковью». Особенно непонятны и соблазнительны стали порицанія, по мысли составителей, со времени учрежденія Единовѣрія.

Указавши на вредность и соблазнительность жестокословныхъ порицаній, податели записки съ своей стороны считаютъ далѣе необходимостью хлопотать о парализованіи этого вреда и соблазна. — «Мы знаемъ, писали они, что выраженія эти были порожденіемъ духа времени и вызваны горячею полемикою между раздорническими и православными писателями, что послѣдніе въ этомъ случаѣ были увлечены примѣромъ писателей раздорническихъ, которые еще болѣе невоздержны и неразборчивы были на слово и на которыхъ по сему падаетъ большая часть вины за прискорбныя выраженія, встрѣчаемыя у писателей православныхъ; но и православные писатели, очевидно, не могутъ быть оправданы за подражаніе худому примѣру. Потому Церковь православная поступила бы справедливо, если бы исправила вину ихъ, уничтоживъ ихъ ошибки».—Описавши вредъ, какой происходитъ для Единовѣрія отъ порицательныхъ выраженій на старые обряды, указавши на необходимость уничтоженія этого вреда, единовѣрцы приводятъ, затѣмъ, тѣ благія послѣдствія, какія, по ихъ мнѣнію, послѣдовали бы за проектируемымъ ими уничтоженіемъ этихъ порицаній.—«Уничтоженіемъ, говорили составители записки, Церковь отстранила бы упрекъ въ непослѣдовательности, въ противорѣчіи самой себѣ; тогда никто не имѣлъ бы повода сказать, что она старые обряды въ одно и то же время признавала непротивными Православію и предаетъ жестокословнымъ порицаніямъ». «Правда, продолжали единовѣрцы, самымъ учрежденіемъ Единовѣрія, самымъ признаніемъ и допущеніемъ сихъ обрядовъ къ употребленію, Церковь дала уже и даетъ знать, что не усвояетъ значенія и силы такимъ порицаніямъ; но раздорники въ томъ именно и видятъ недостатокъ послѣдовательности въ ея дѣйствіяхъ, что, признавъ въ Единовѣріи старые обряды какъ непротивные Православію, она не сдѣлала яснаго опредѣленія относительно порицаній, напротивъ и доселѣ даетъ благословеніе печатать безъ всякаго измѣненія тѣ книги, въ которыхъ онѣ находятся».

Мѣра, какая предлагалась подателями записки церковной власти для устраненія вредныхъ дѣлу Единовѣрія порицательныхъ выраже-

ній, заключалась, съ одной стороны, въ уничтоженіи самыхъ порицаній, а съ другой въ разъясненіи касательно нераздѣленія Церковью этихъ порицаній. Это видно какъ изъ приведенныхъ уже словъ записки, такъ и изъ конца ея. Конецъ ея, впрочемъ, представляетъ не одно лишь указаніе названной мѣры. Единовѣрцы на предложеніи представляемой ими мѣры не остановились. Предложивъ мѣру для врачеванія многихъ, соблазнившихся дѣломъ Единовѣрія, единовѣрцы стремятся представить власти и опытъ примѣненія этой мѣры. «Если рѣшено будетъ высшею Церковною властью привести въ исполненіе наше это дѣло, заканчивали единовѣрцы свою записку, то не благоволено ли будетъ принять въ соображеніе сдѣланный нами опытъ того, какъ и въ какихъ выраженіяхъ удобно и полезно было бы составить отъ имени Св. Синода опредѣленіе относительно полемическихъ и другихъ сочиненій, касающихся уважаемыхъ чтителями старинныхъ обрядовъ» [21]).

Предложенный единовѣрцами проектъ: «въ какомъ видѣ могло быть издано синодальное опредѣленіе относительно жестокословныхъ порицаній» составленъ былъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Послѣ признанія факта соблазнительности нѣкоторыхъ порицательныхъ выраженій на старые обряды для ревнителей послѣднихъ Синодъ долженъ былъ, по мнѣнію просителей, въ своемъ разъясненіи помѣстить слѣдующіе три пункта: а) встрѣчающіеся укоризненные и слишкомъ рѣзкіе отзывы и выраженія объ уважаемыхъ старообрядцами преданіяхъ и обычаяхъ были вызваны временными и случайными обстоятельствами; сочинители полемическихъ книгъ были принуждены отвѣчать на еще болѣе укоризненныя сужденія...; при горячей ревности и защитѣ своихъ обрядовъ они... не всегда умѣли и были въ состояніи сохранить спокойствіе рѣчи и потребную умѣренность выраженій и черезъ то впали въ ошибку. б) Допущенные... укоризненные отзывы и выраженія... Церковь со своей стороны не признаетъ правильными и приличными... Уваженіе свое къ старымъ уставамъ и обычаямъ... Церковь торжественно засвидѣтельствовала тѣмъ самымъ, что сохранила ихъ неприкосновенными въ церкви Единовѣрческой и дозволила употребленіе ихъ во всей цѣлости. в) Дабы на будущее время отвратить всякія сомнѣнія и недоумѣнія, Св. Синодъ отнынѣ опредѣляетъ—порицательнымъ выраженіямъ не придавать силы и значенія... почитать ихъ недѣйствительными, якобы и не суть, и во всеобщее свѣдѣніе объявляетъ, что при новомъ изданіи упомянутыхъ книгъ, если бы оно когда-либо потребовалось, всѣ такія выраженія будутъ навсегда исключены изъ нихъ [22]).

Единовѣрцы въ описываемую пору не удовольствовались подачей

приведенныхъ докладныхъ записокъ и проектовъ. Они о своихъ нуждахъ публично заявляютъ въ органахъ печати. О. Верховскій, какъ только было возможно, вездѣ и всюду взывалъ о томъ, что единовѣрцы, будучи равноправными чадами Церкви наравнѣ съ прочими Православными, однако этого равно-правія и равно-честія лишены въ своей отчественной Церкви ея іерархіей, которая въ этомъ случаѣ сама встала въ противорѣчіе съ Церковью Апостольскою. При достиженіи своей цѣли этимъ путемъ единовѣрцы были болѣе счастливы, чѣмъ въ первомъ случаѣ, чрезъ подачу прошеній. Изъ-за нуждъ Единовѣрія возникаетъ цѣлое движеніе, порождается громадная къ выясненію его литература; завлекается имъ не только духовное, но и свѣтское общество. Въ С.-Петербургскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ 1872—73 гг. было предложено нѣсколько даже чтеній о нуждахъ Единовѣрія. Лекторъ ихъ проводитъ въ нихъ тѣ мысли, что клятвы собора 1667 года положены вообще на всѣхъ держащихъ старые обряды, слѣдовательно, и на единовѣрцевъ, что одинъ Синодъ безъ сношенія съ восточными патріархами не могъ ихъ разрѣшить, что и теперь на единовѣрцевъ благодаря клятвамъ и порицательнымъ выраженіямъ смотрятъ не какъ на настоящихъ и истинныхъ чадъ Церкви, что они ограничены многими препятствіями и ограниченіями въ своей церковной жизни, что Единовѣріе считается лишь переходною ступенью къ Православію и т. п. Мысли эти, высказанныя въ первомъ чтеніи болѣе или менѣе скрытно, въ послѣдующихъ чтеніяхъ въ 1873—74 гг. были обоснованы авторомъ и выражены со всею возможною для печати прямотой и рѣзкостью. Выходя изъ той мысли, что Церковь «во всѣ времена своего существованія допускала широкую свободу въ содержаніи обрядовъ» и что употребленіе до—Никоновскаго обряда соборомъ 1667 года воспрещено было на будущее время безусловно съ изреченіемъ клятвы на всякаго, кто послѣ сего запрещенія отказывался принять новоисправленный церковный обрядъ, хотя бы во всемъ прочемъ таковой былъ покоренъ Церкви, г. Филипповъ, находилъ, «что разрѣшеніе употреблять до-Никоновскій обрядъ» въ Единовѣріи «не согласно съ точнымъ смысломъ соборнаго опредѣленія (1667 г.) и съ прежними порицаніями его (обряда), что, частнѣе, ограниченіе церковныхъ правъ единовѣрцевъ, изложенное въ правилахъ Единовѣрія, особенно въ параграфѣ 11, «ставитъ единовѣрцевъ въ такое положеніе, которому въ Православной Церкви нѣтъ никакого подобія».

Единовѣрцы, конечно, не могли не сочувствовать «чтеніямъ» Т. И. Филиппова. Они старались познакомить чрезъ разсылку экземпляровъ «Чтеній» какъ можно болѣе народа. Содержаніе «Чтеній» скоро стало извѣстно не только въ столицахъ, но и въ глухихъ уголкахъ Россіи

«Правительственный Вѣстникъ» и другія газеты охотно перепечатовали лекціи Филиппова. Благодаря высокому положенію лектора (онъ былъ Государственнымъ контролеромъ) и присутствію въ средѣ членовъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, гдѣ читалъ Т. И. Филипповъ, Великаго князя Константина Николаевича и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, «Нужды Единовѣрія» стали извѣстны и въ правительственныхъ кругахъ. Газета «Гражданинъ» била уже побѣду единовѣрцевъ. «Мы осмѣливаемся выразить наше живое упованіе, говорилъ «Гражданинъ», что на этотъ разъ чадамъ (единовѣрцамъ), просящимъ хлѣба, не будетъ поданъ камень, и что утомленные долгимъ напраснымъ ожиданіемъ, хоть и неутратившіе, какъ видно, своей надежды, братья наши, наконецъ, будутъ успокоены въ ихъ смущающейся совѣсти, должнымъ образомъ устроены въ ихъ внѣшнемъ церковномъ положеніи. Неправильности этого положенія могли еще, и то съ грѣхомъ пополамъ, быть терпимы, пока они не были такъ ярко освѣщены всеобщимъ сознаніемъ и пока, слѣдовательно, осталась еще хоть кое-какая возможность приводить въ ихъ оправданіе и защиту плохіе, слабые, но не до тла еще разоренные, доводы. Но когда непререкаемыя свидѣтельства исторіи и усилія здравой логики (Чтенія Т. И. Филиппова) совершили свое дѣло, медлить утоленіемъ духовной жажды истинныхъ чадъ Св. Церкви было бы, по нашему глубокому убѣжденію, не безъ отвѣта предъ «Церкви Зиждителемъ», у Коего нѣтъ на лица зрѣнія и Коего благоволеніе въ томъ, чтобы съ Нимъ собирали, и не расточали».

«Гражданинъ» преждевременно, однако, провозглашалъ исполненіе желаній единовѣрцевъ. Не смотря на видимое сочувствіе высшаго свѣтскаго общества, «Нужды Единовѣрія» не были удовлетворены и въ этотъ разъ. «Нужды Единовѣрія» еще при первомъ ихъ изложеніи въ чтеніяхъ г. Филиппова встрѣтили оппонентовъ-профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи: И. Ѳ. Нильскаго, И. В. Чельцова, протоіерея Васильева и друг. Послѣдніе отрицали справедливость положеній, выставленныхъ лекторомъ «Нуждъ Единовѣрія». Нильскій развивалъ ту мысль, что по точному смыслу опредѣленія собора 1667 года клятвы лежатъ лишь на раздорникахъ, хулителяхъ Церкви, но отнюдь не на единовѣрцахъ, вошедшихъ въ общеніе съ Церковью, и что, слѣдовательно, по существу дѣла разрѣшеніе клятвъ для раскольниковъ не возможно, а для единовѣрцевъ, какъ уже свободныхъ отъ нихъ, не нужно [23]). Другой оппонентъ прот. Васильевъ оспаривалъ другую мысль г. Филиппова о «безпримѣрномъ положеніи Единовѣрія въ Церкви, въ исторіи. Исторія Церкви, говорилъ о. Васильевъ, наоборотъ твердитъ намъ о постоянномъ стремленіи вѣрующихъ къ обрядовому единообразію. По мысли о. протоіерея ничего нѣтъ несправедливаго,

если единовѣрцамъ не даютъ просимой полной церковной обособленности, намѣреваясь съ теченіемъ времени совершенно слить съ прочими православными.

Церковный взглядъ на единовѣріе въ 60—70 годахъ прошлаго столѣтія.

Противники Т. И. Филиппова были сильны тѣмъ, что проводили въ своихъ отповѣдяхъ церковный взглядъ. Ходатайства единовѣрцевъ разбились о тогдашнія церковныя понятія объ Единовѣріи. Прежнее воззрѣніе на Единовѣріе продолжаетъ существовать. Взглядъ на значеніе Единовѣрія остается старый.—Единовѣріе по-старому, въ концѣ-концовъ, лишь переходная ступень къ Православію.

Насколько крѣпко въ это время утвердился взглядъ на значеніе Единовѣрія въ смыслѣ переходной ступени къ Православію,—это показываетъ слѣдующее. Отъ 30 марта 1858 года, вотъ, что, напр., писалъ одинъ преосвященный своему другу—видному православному дѣятелю. «Я полагалъ, писалъ Иннокентій, архіепископъ Камчатскій къ Андрею Николаевичу Муравьеву, что въ Томскѣ Единовѣріе настоящее. Но преосвященный (подразумѣвается—Томскій) говоритъ, что изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, единовѣрцевъ едва ли наберется и 100 настоящихъ, а прочіе всѣ—то же, что и раскольники. Къ сему присоединяю и слышанное мною въ Иркутскѣ, что послѣ литургіи, которую служилъ преосвященный Аѳанасій у Забайкальскихъ единовѣрцевъ, ревностнѣйшіе изъ нихъ предлагали сломать церковь, якобы оскверненную шапконосцами. Вотъ вамъ и пресловутое Единовѣріе, которое, полагали, будетъ переходнымъ состояніемъ отъ раскола къ Православію, а выходитъ наоборотъ [24])». Изъ приведеннаго письма видно, какъ смотрѣлъ на значеніе и цѣль Единовѣрія будущій Московскій митрополитъ. Единовѣріе, по его мнѣнію, лишь переходное состояніе отъ раскола къ Православію.

Извѣстенъ подобный взглядъ на цѣль Условнаго Соединенства и другого архипастыря разсматриваемаго времени. Такъ, епископъ Вятскій Аполлосъ при обозрѣніи въ 1867 году одной единовѣрческой церкви ввѣренной ему епархіи, характеризовалъ Единовѣріе то же какъ лишь ступень къ Православію [25]). Иное значеніе Единовѣрія нѣкоторымъ преосвященнымъ того времени было даже не понятно. Условное Соединенство не въ смыслѣ окончательнаго сліянія съ Православіемъ, по ихъ мысли—какъ и по второму дополнительному мнѣнію м.

Платона,—было лишь униженіемъ для Православной Церкви, учрежденіемъ мало понятнымъ и опаснымъ «въ виду раздѣленія Церквей и церковной іерархіи». Такія мысли о значеніи Единовѣрія проводятся, напримѣръ, въ письмѣ преосвященнаго Елпидифора, епископа Вятскаго къ архіепископу Макарію (Булгакову). Архипастырь Вятской церкви писалъ будущему Московскому митрополиту: «Я, можетъ быть, ошибочно эту (т. е. единовѣрческую) Церковь считаю какимъ-то непонятнымъ учрежденіемъ, мало соотвѣтствующимъ своей цѣли, унизительнымъ для Православной Церкви и опаснымъ, чтобы не породило раздѣленіе церквей и церковной іерархіи» [26]).

Правда, приведенные взгляды на цѣль Единовѣрія—еще не воззрѣнія Синода. Св. Синодъ, этого времени, повидимому, такъ не выражался о значеніи Единовѣрія, но это только повидимому. Высшая церковная власть послѣ 1854 года, хотя и не проводила указанныхъ воззрѣній въ нарочитыхъ опредѣленіяхъ, однако косвеннымъ путемъ продолжала отражать ихъ въ своихъ распоряженіяхъ. Послѣ 1858 года до самаго послѣдняго времени епархіальные архіереи, на рапорты Св. Синоду—о желаніи присоединиться къ Единовѣрію кого-либо изъ уклонившихся въ расколъ, получали изъ него слѣдующіе указы: имѣя въ виду, что семейство крестьянина N, уклонившагося въ 18 . . году въ расколъ, за всѣми принятыми со стороны епархіальнаго начальства мѣрами убѣжденія и вразумленія, не желаетъ присоединиться къ Православной Церкви иначе, какъ на правилахъ Единовѣрія,—Св. Синодъ, со своей стороны, не находитъ препятствій къ допущенію сего семейства въ нѣдра Св. Церкви на означенномъ условіи, съ тѣмъ, однако, чтобы преосвященный, секретно разрѣшивъ единовѣрческому священнику преподать N духовныя требы, поручилъ въ то же время кому-либо изъ благонадежныхъ священниковъ производить N отъ времени до времени кроткія увѣщанія о необходимости безусловно присоединиться къ Православію [27]). Очевидно, высшая церковная власть надѣялась на полное сліяніе единовѣрцевъ съ православными и въ это время; потому требуетъ отъ уклонившихся въ расколъ безусловнаго присоединенія къ Православію. Чтобы не затягивать дѣла сліянія, въ Единовѣріи имъ преподаются таинства лишь секретнымъ образомъ.

Высшая духовная власть этого времени обнаруживаетъ прежнее пониманіе Единовѣрія въ смыслѣ окончательнаго сліянія старообрядцевъ съ православными, не исключая обряда, даже въ тѣхъ постановленіяхъ, гдѣ отступаетъ отъ буквы правилъ 1800 года. Въ Олонецкой губерніи открылось множество такъ называемыхъ тайныхъ старообрядцевъ, т. е. такихъ, которые числились православными, а на самомъ дѣлѣ принадлежали къ расколу. Св. Синодъ вполнѣ согла-

сился съ предложеніями мѣстнаго преосвященнаго касательно порядка присоединенія ихъ къ Единовѣрію. Преосвященный Аркадій, согласно съ заключеніемъ консисторіи, призналъ возможнымъ причислить къ Единовѣрческой церкви тѣхъ, кои болѣе 15 лѣтъ не были у исповѣди и святого причастія «по расколу», остальныхъ, кои не были у исповѣди менѣе 15 лѣтъ. велѣлъ вразумлять и убѣждать— однихъ въ теченіе мѣсяца, другихъ въ теченіе полугода и т. д. и о послѣдствіяхъ убѣжденій доносить епархіальному начальству; съ тѣми же, кои не были у исповѣди до 5 лѣтъ, опредѣлилъ поступать на точномъ основаніи 17 и 21 статьи устава духовныхъ консисторій, т. е. увѣщавать, а въ случаѣ упорства, доносить о «преслушавшихъ Церковь» гражданскому начальству [28]) Св. Синодъ, утверждая эти распоряженія преосвященнаго, хотя въ данномъ случаѣ, такимъ образомъ, не выдержалъ буквы 5 пункта правилъ Единовѣрія, по въ отношеніи къ такъ называемымъ тайнымъ старообрядцамъ руководится старымъ правиломъ: увѣщаетъ ихъ принадлежать къ Православной Церкви, увѣщаетъ до тѣхъ поръ, пока они не обратятся къ «истинѣ», или пока «не получится твердое убѣжденіе въ ихъ ожесточенномъ уклоненіи отъ Церкви [29]).

Итакъ, Св. Синодъ даннаго времени разсуждаетъ о значеніи Единовѣрія точно такъ же, какъ и прежде, также не признаетъ въ виду несовершенства его обрядовъ полной въ немъ истины, такъ же надѣется на усвоеніе ея Условнымъ Соединенствомъ въ будущемъ. До самаго послѣдняго времени царствованія Александра II онъ требуетъ отъ уклонившихся въ расколъ безусловнаго присоединенія къ Православной Церкви. Не отказывается отъ этого даже и послѣ секретнаго ихъ допущенія къ таинствамъ въ единовѣрческихъ церквахъ.

Мотивы, заставлявшіе Св. Синодъ разсматриваемаго времени смотрѣть на значеніе и цѣль Единовѣрія по-старому, были тѣ же самые, что и прежде. Прежній взглядъ на значеніе Единовѣрія церковной власти, во-первыхъ, проводился изъ-за желанія поддержать якобы исконное у Церкви стремленіе къ обрядовому единообразію. Дозволивъ свободный переходъ изъ Православія въ Единовѣріе, Церковь, по мнѣнію тогдашнихъ представителей Православія, стала бы дѣйствовать въ совершенно противоположномъ направленіи съ Дѣяніями, напр., того же собора 1666—1667 года, сама, такъ сказать, стала бы разорять дѣло, устроеніе котораго стоило ей столькихъ заботъ и хлопотъ и мало-по-малу возвращаться къ тому порядку вещей, который еще въ половинѣ XVII столѣтія былъ признанъ ею ненормальнымъ. Такое стремленіе Русской Церкви къ обрядовому единообразію, правда, оспари-

валось въ чтеніяхъ «О нуждахъ Единовѣрія». Но защитники церковнаго взгляда подкрѣпляли его ссылками на древнюю исторію. Въ первыхъ вѣкахъ, говорили оппоненты Филиппова, мы находимъ въ разныхъ мѣстныхъ церквахъ большое число литургій, согласныхъ между собою въ существенныхъ частяхъ, но разнящихся въ подробностяхъ, не противныхъ Православію. Но за то въ послѣдующихъ вѣкахъ Церковь установила и приняла извѣстныя только литургіи, и совершеніе устраненныхъ изъ употребленія литургій было бы противленіемъ Церкви, нарушеніемъ утвержденнаго порядка. Въ теченіе долгаго времени, продолжали защитники разсматриваемаго церковнаго воззрѣнія, въ Церкви сохранялась разность относительно времени и продолжительности постовъ, разность, не обнаруживающая ничего неправославнаго. Но впослѣдствіи установлено общее правило о постахъ и возвращеніе къ прежнимъ разностямъ относительно постовъ не позволительно. Излишне указывать, заключали противники чтеній «о нуждахъ Единовѣрія», на другія разности въ обрядахъ и обычаяхъ, напр., на праздники, второстепенныя богослуженія и т. п. Точно такъ же излишне настаивать и на томъ фактѣ, что все это приводилось Церковью къ единству. Оппоненты Филиппова въ концѣ своей защиты не считали лишнимъ подкрѣпить законность и благодѣтельность принятаго Церковью образа дѣйствія разборомъ понятій объ обрядѣ и обычаѣ. Что такое, спрашивали они, обрядъ и обычай? И сами же отвѣчали—это выраженіе вѣры, надежды и любви христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ средства къ ихъ сохраненію и укрѣпленію. Судя по такому значенію обрядовъ, восклицали оппоненты, не естественна ли забота Церкви объ ихъ обобщеніи между вѣрующими? [30]).

Церковная власть разсматриваемаго времени заботилась объ общеніи вѣрующихъ въ обрядѣ не только изъ-за давнишняго стремленія къ обрядовому единообразію. Церковная власть стремится къ этому и въ виду извѣстнаго намъ ея взгляда на старый обрядъ. Правда, Синодъ послѣ 1855 года прямо не называлъ исправленные обряды «истиной вселенскаго Православія», какъ поступали, напр., нѣкоторые епархіальные органы, (Вятск. епарх. вѣд.), но, съ другой стороны, онъ всетаки признавалъ ихъ «истиной», которую должны принять и всѣ уклонившіеся въ расколъ» [31]). Вѣрно, представители Православія за это время не останавливаются на догматическихъ какихъ-либо погрѣшностяхъ старыхъ обрядовъ, но въ то же время не считаютъ однако лишнимъ останавливаться на внѣшнихъ неточностяхъ до-никоновскихъ обычаевъ и книгъ. Духовные журналы, служащіе отраженіемъ взглядовъ своего времени, очень пространно говорятъ о внѣшнемъ превосходствѣ православнаго обряда и богослужебныхъ книгъ передъ единовѣрческими—старообрядческими. Особенно рьянымъ въ этомъ слу-

чаѣ былъ журналъ «Истина». Послѣдній, сравнивая чинъ богослуженія и текстъ книгъ, по коимъ совершается служеніе въ православныхъ церквахъ и то же самое въ единовѣрческихъ, волей неволей, по его заявленію, долженъ былъ признать превосходство первыхъ предъ вторыми *)

Правда, «Истина», приводитъ недочеты въ доказательство якобы своего личнаго мнѣнія объ Единовѣріи. Но это однако не мѣшаетъ смотрѣть на приведенные ею доводы и какъ на иллюстрацію общаго тогда взгляда на предметъ, не исключая самой духовной власти. Послѣдняя не прочь говорить о внѣшнихъ неточностяхъ единовѣрческихъ книгъ и обрядовъ даже въ болѣе позднѣйшее время [33]).

Въ понятіяхъ о временномъ значеніи Единовѣрія, кромѣ сознанія о превосходствѣ исправленнаго обряда предъ старымъ, власть руководится и немощью самихъ православныхъ. Еще митрополитъ Платонъ присовокуплялъ: «однако безъ соблазна правовѣрныхъ». Про эту немощь говорятъ тѣ оговорки, какія власть разсматриваемаго времени дѣлала при томъ или другомъ перечисленіи незаписныхъ раздорниковъ въ

*) Какъ на образчикъ совершенства православнаго чина, (онъ) указываетъ на преждеосвященную литургію, на совершеніе ея въ православныхъ и единовѣрческихъ церквахъ. Несовершенства старопечатныхъ книгъ журналъ «Истина» раздѣляетъ на три категоріи: 1) ошибки грубыя, 2) выстарѣвшіяся выраженія и 3) недоразумѣнія. Къ первымъ относится выраженіе «прижитіе» въ девятомъ ирмосѣ великаго канона и въ девятомъ ирмосѣ 4 гласа. Здѣсь въ этихъ ирмосахъ Божія Матерь какъ бы приживаетъ Христа, что очевидно грубо ошибочно. Не менѣе грубая ошибка, по мнѣнію «Истины» заключается въ славникѣ на Благовѣщеніе Божіей Матери, на возвашныхъ стихирахъ. По этой стихирѣ единовѣрческой редакціи Христосъ, напримѣръ, вселяется въ женскую утробу. Неправильно также поютъ, замѣчаетъ журналъ, единовѣрцы и на возвашныхъ стихирахъ въ Богоявленіе: «Сподобился еси въ рабій зракъ облещися». Сподобленія со стороны Христа въ рабій зракъ не было. Было скорѣе Его на это снисхожденіе и благоизволеніе. Не безошибочно, по словамъ «Истины», также выраженіе богородичнаго воскреснаго тропаря 4 гласа: «въ неразмѣстнѣ снятіи воплощаемъ... Мѣсить Божество съ человѣчествомъ никакъ невозможно, а также и снять Божество и помѣстить въ человѣчество тоже никакъ невозможно.

Кромѣ грубыхъ ошибокъ, отчасти указанныхъ, журналъ «Истина» въ доказательство обрядоваго неравноправія Единовѣрія съ Православіемъ приводитъ еще изъ единовѣрческихъ книгъ многія выстарѣвшіяся слова, потерявшія свое значеніе въ настоящее время. Примѣры такихъ выраженій видитъ въ 6 ирмосѣ 3 гласа, гдѣ Господь называется «окормитель», а не «управитель». Слово окормитель имѣетъ теперь, замѣчаетъ «Истина», смыслъ управителя кормой. Оно имѣетъ, такимъ образомъ, уже другое значеніе. Какъ образецъ устарѣлаго выраженія указанный журналъ видитъ также и въ одномъ изъ прошеній великой эктеніи: «о совокупленіи всѣхъ». Единовѣрцы, по мнѣнію «Истины», также совершенно неумѣстно поютъ въ одной изъ стихиръ 29 августа: «Уне бѣ тебѣ не клятися Ироде Беззаконне, бляди внуче», выраженіе искажающее значеніе того понятія, которое имѣется здѣсь въ виду.

По словамъ занимающаго насъ журнала въ единовѣрческихъ книгахъ не мало, наконецъ, недоразумительныхъ выраженій. Какъ образчикъ этого указываетъ на покаянную стихиру: «Множество содѣянныхъ ми золъ помышляю окаянный и трепещу страшнаго дне суднаго». Очевидно: вмѣсто «ми», говоритъ «Истина» надобно пѣть «мною», тогда будетъ понятно: т. е., вспоминая о множествѣ мной содѣланныхъ, а не мнѣ сдѣланныхъ золъ, трепещу страшнаго дня Суда Божія.

Третій разрядъ ошибокъ старопечатныхъ книгъ журналъ приводитъ, какъ и первыя, въ подтвержденіе мысли, что Единовѣріе не можетъ обладать наравнѣ съ Православіемъ одинаковою обрядовою равночестностью [32]).

Единовѣріе. Власть не хотѣла давать явнаго дозволенія уклоняться кому бы то ни было отъ Православной Церкви, хотя бы къ Единовѣрческой [34]). Что боязнь соблазна руководила церковною властью при ограниченіи доступа тайнымъ раздорникамъ въ Единовѣріе даже въ 60-хъ годахъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тогдашній духовный журналъ. «Церковь не можетъ дозволить себѣ такое дѣйствіе, говорило «Православное Обозрѣніе» въ 1867 году, чтобы каждый православный сынъ Церкви, не стѣсняя своей совѣсти, могъ по своему усмотрѣнію молиться и исправлять христіанскія обязанности въ единовѣрческомъ или православномъ храмѣ. Если Церковь знаетъ свой обрядъ совершеннымъ, то не можетъ говорить своимъ чадамъ: если угодно, вы можете по своему усмотрѣнію или оставаться въ единеніи доселѣ общаго вамъ обряда, или принять особный обрядъ... Церковь знаетъ, что такія парочитыя слова изъ ея устъ были бы не обращеніемъ къ укрѣпленной и испытанной христіанской свободѣ, но были бы словами соблазна и прельщенія для множества немощныхъ въ ея дворѣ, кои были бы поставлены въ рѣшительное недоумѣніе, какъ имъ понимать такія слова,—не означаютъ ли они, что Церковь не увѣрена въ совершенствѣ своего обряда. Но Церковь знаетъ цѣну своему обряду» [35]).— Церковь, дѣйствительно, знала цѣну своимъ обрядамъ, неизмѣнно держалась исправленныхъ обычаевъ, старалась и Единовѣріе имѣть лишь мостомъ къ этимъ обрядамъ.

Церковь въ это время держалась прежняго пониманія цѣли Единовѣрія въ немалой степени и въ виду неправильнаго отношенія къ Православію самихъ единовѣрцевъ. Это отношеніе у большинства изъ нихъ по своему духу и направленію, мало чѣмъ отличалось отъ отношенія къ Церкви раздорниковъ. Настроеніе большинства единовѣрцевъ укрѣпляло власть въ принятомъ тогда пониманіи значенія Единовѣрія даже больше другихъ приведенныхъ нами обстоятельствъ. По словамъ одного современнаго духовнаго журнала, если Церковь затрудняла въ это время переходъ незаписанныхъ раздорниковъ въ Единовѣріе, то поступала такъ не потому, что считала Единовѣріе очень разнящимся отъ Православія. «Дѣло въ томъ, говоритъ указанный журналъ, Единовѣріе, какъ оно существуетъ въ настоящее время, далеко не соотвѣтствуетъ той идеѣ, какая положена Церковью въ его основаніи. Вмѣсто того, чтобы считать себя чадами Единой Православно-каѳолической Церкви, большинство единовѣрцевъ считаетъ Единовѣріе чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ Православной Церкви» [36]).

Съ объясненіемъ почтеннаго журнала твердости разъ памѣченнаго взгляда на значеніе Единовѣрія нельзя не согласиться. Когда въ 1864 году въ правительственныхъ сферахъ поднялся вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи Единовѣрія, то многіе епархіальные архіереи

отнеслись къ развитію началъ Условнаго Соединенства отрицательно болѣе всего изъ неискренняго отношенія къ послѣднему самихъ единовѣрцевъ. «Единовѣріе наше, писалъ одинъ преосвященный на поставленный ему вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи Единовѣрія, не взирая на всѣ милости и льготы, Правительствомъ ему дарованныя, до нынѣ въ общемъ составѣ своемъ, т. е. въ массѣ принадлежащихъ къ оному членовъ, оказывается, къ сожалѣнію, по духу своему далекимъ отъ Православія Водимые духомъ симъ многіе изъ единовѣрцевъ, въ случаѣ отсутствія своего священника или неблизости единовѣрческой церкви, рѣшаются скорѣе преступить всѣ уставы Церкви и довольствоваться раскольническимъ чиноположеніемъ, нежели обратиться къ сосѣдней православной церкви и ея пастырю». «При внимательномъ наблюденіи за дѣйствительнымъ направленіемъ Единовѣрія, писалъ другой архипастырь на тотъ же вопросъ, нельзя не замѣтить, что многіе единовѣрцы особенностямъ въ обрядахъ, допущенныхъ въ единовѣрческой церкви, присвояютъ особое значеніе, возводя ихъ почти на степень догматовъ вѣры. При такомъ понятіи объ особенностяхъ въ обрядахъ единовѣрческой церкви, обнаруживается въ нихъ духъ отчужденія отъ Православной Церкви и болѣе или менѣе непріязненное отношеніе къ Православію и православнымъ. Это можно видѣть изъ тѣхъ случаевъ, когда единовѣрцы не дозволяютъ православнымъ входить въ единовѣрческія церкви, а единовѣрческимъ священникамъ служить въ Православной Церкви. При томъ же наблюденіи Единовѣрія, продолжалъ тотъ же архіерей, усматривается въ дѣйствованіи многихъ единовѣрцевъ духъ пропаганды не въ видѣ привлеченія раскольниковъ къ Единовѣрію, а въ видѣ привлеченія православныхъ въ Единовѣріе. Въ единовѣрцахъ замѣчается также стремленіе къ тому, чтобы выйти изъ зависимости отъ іерархіи Православной Церкви и составить особую, самостоятельную, независимую Единовѣрческую іерархію. Всѣ вышеизложенныя соображенія, заканчиваетъ преосвященный, приводятъ къ тому заключенію, что при настоящемъ положеніи Единовѣрія, распространять, развивать и усиливать его было бы противно значенію и цѣли Единовѣрія, значило бы унижать достоинство и чистоту Православія и дѣйствовать не ко благу Православной Церкви, а ко вреду ея». «Что такое наши единовѣрцы? Не отступая нисколько отъ правды, можно сказать, что это полураскольники, ибо наши единовѣрцы не только разнствуютъ съ православными въ обрядѣ, но и гнушаются обрядами, принимаемыми Православною Церковью, чуждаются православныхъ священниковъ и архіереевъ»—слова третьяго преосвященнаго на указанный поставленный вопросъ. «Члены единовѣрческой церкви, не смотря на іерархическое единеніе ея съ Православной Церковью, не смотря на то, что оно про-

должается уже болѣе полувѣка, держатъ себя, писалъ четвертый архіерей, въ особомъ, отдѣльномъ положеніи въ отношеніи къ членамъ Православной Церкви. Духъ религіознаго сепаратизма донынѣ составляетъ средостеніе между тою и другою Церковью.. Послѣдователи Единовѣрія еще не пришли, продолжалъ тотъ же преосвященный, въ вождѣленное единеніе съ господствующей Православною Церковью. Они сами еще не исполняютъ должнымъ образомъ всѣ правила Единовѣрія. Такъ, напримѣръ, единовѣрцы донынѣ не дозволяютъ Православнымъ, или весьма неохотно допускаютъ ихъ молиться въ своихъ храмахъ (п. 5) и сами православныхъ храмовъ чуждаются, не посѣщаютъ ихъ во время общественной молитвы, исключая развѣ должностныхъ лицъ, обязанныхъ быть тамъ въ высокоторжественные дни, или если заходятъ туда и простые люди, то при какомъ-либо торжественномъ случаѣ и изъ любопытства, а не по церковному общенію вѣрующихъ. Священникамъ своимъ единовѣрцы не дозволяютъ имѣть общеніе съ православными священниками, и если замѣтятъ оное, лишаютъ своихъ пастырей благорасположенія и довѣрія; нельзя не замѣтить вообще, заключаетъ этотъ же епископъ, что единовѣрцы, немоществуя духомъ вѣры и любви, далеко еще не имѣютъ внутренняго духовнаго единенія съ общею всѣхъ матерью, Святою, Православною Церковью и сами оказываются нарушителями того важнѣйшаго правила (п. 16) Единовѣрія, въ которомъ выражали нѣкогда свое желаніе: «да пребудутъ старообрядцы и сыны Грекороссійской Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви». Такъ доносилъ Святѣйшему Синоду четвертый архіерей въ отвѣтъ на тотъ же предложенный ему оттуда вопросъ [37]).—Извѣстенъ намъ съ отрицательнымъ отзывомъ о дальнѣйшемъ развитіи началъ Единовѣрія и пятый преосвященный, именно Московскій митрополитъ Филаретъ. «Идти далѣе, писалъ онъ въ отвѣтъ на заданный ему изъ Синода тотъ же вопросъ, значило бы не приближать къ Православію и къ Церкви отчужденныхъ, а увлекать Православіе съ праваго пути, и благоустроенный миръ Церкви погружать въ хаосъ раскольническихъ самочиній и нестроеній»... Митрополитъ показываетъ и причину такого своего отрицательнаго отношенія къ поставленному вопросу. «Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, писалъ онъ въ этотъ же разъ, есть и неискренніе единовѣрцы, которые, по его словамъ, если при подчиненномъ Православной іерархіи священствѣ удаляются отъ Церкви, то что сдѣлаютъ они при независимой іерархіи?» «Такое направленіе, дача, напримѣръ, единовѣрцамъ епископа», писалъ митрополитъ, «было бы несравненно опаснѣе» [38]).

Неправильное и чисто внѣшнее отношеніе большинства единовѣрцевъ къ Церкви могло поддерживать у представителей Православ-

вія 60-хъ годовъ прежнія отношенія къ Единовѣрію независимо отъ чего другого, безъ связи съ другими обстоятельствами. Когда въ 1872 году Т. И. Филипповъ въ С.-Петербургскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія выступилъ съ чтеніями о нуждахъ Единовѣрія, гдѣ коснулся и тогдашняго взгляда на Единовѣріе, какъ на переходную лишь ступень къ Православію, то нашедшіеся здѣсь же въ обществѣ оппоненты: профессоръ Чельцовъ, протоіерей Васильевъ, защищали тогдашній церковный взглядъ на значеніе Условнаго Соединенства болѣе всего ненормальнымъ отношеніемъ къ Церкви самихъ же единовѣрцевъ [39]).

Мѣропріятія церковной власти въ разрѣшеніи вопросовъ касательно клятвъ и жестокословныхъ порицаній.

Предпринимавшіяся мѣры къ разрѣшенію вопросовъ о клятвахъ, о порицательныхъ выраженіяхъ, объ единовѣрческомъ епископѣ нисколько не свидѣтельствовали о перемѣнѣ церковнаго взгляда на значеніе и цѣль Единовѣрія. Сущность и цѣль Единовѣрія понимаются по-старому. Церковная власть шла навстрѣчу нѣкоторымъ единовѣрческимъ ходатайствамъ изъ чисто практическихъ соображеній. Благодаря этому всѣ мѣропріятія, клонившіяся къ укрѣпленію Единовѣрія, не были доведены до конца. Тѣмъ болѣе не были осуществлены тѣ, кои почему-либо показались мало-полезными.

Въ предшествующее время противъ раскола употреблялись болѣе гражданскія мѣры, чѣмъ духовныя. Старообрядцевъ при Государѣ Николаѣ Павловичѣ старались обращать разнаго рода стѣсненіями. Думали привлечь ихъ къ Церкви чрезъ ограниченіе общественныхъ, семейныхъ и личныхъ правъ. Съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра Николаевича въ отношеніяхъ Правительства къ расколу замѣчается уже не то. Хотя самъ Государь въ началѣ своего царствованія и высказывался за прежнюю систему отношеній къ расколу, но несомнѣнно, что онъ не симпатизировалъ бывшимъ строгимъ мѣропріятіямъ. Жизнь дѣлала свое дѣло. Характеръ Государя, вѣяніе новаго духа послѣ Крымской компаніи породили либеральныя реформы по всѣмъ отраслямъ управленія. Реформы эти, правда, не касались старообрядчества—его юридической стороны, но на дѣлѣ и здѣсь произошло немало новаго. Старообрядцы стали пользоваться гораздо большей свободой, чѣмъ какъ значилось въ законѣ. Представителямъ Православія приходилось изощрять противъ него уже болѣе мѣры духовныя: школы, миссію [40]), полемическую литературу и проч. Среди послѣднихъ важное мѣсто заняло и Единовѣріе.

Зная, что неправильно толкуемыя клятвы собора 1667 года и порицанія прежнихъ полемистовъ много вредятъ святому дѣлу Условнаго Единенія, представители Православія стараются объяснить смыслъ клятвъ и порицаній и сдѣлать ихъ какъ можно менѣе осязательными для Единовѣрія. Они снисходительно относятся къ просьбамъ такого рода со стороны единовѣрцевъ и готовы исправить опущенное изъ виду при окончательномъ формулированіи дѣла Единовѣрія при м. Платонѣ въ 1800 году.

Въ цѣляхъ единенія нужно было не только подробно раскрыть смыслъ клятвъ, за что онѣ положены, что дѣлается въ «Изъясненіи» отъ лица Церкви въ 1854 году, но и самое некасательство ихъ до присоединяющихся, хотя бы и условно, сдѣлать очевиднымъ чрезъ ту или другую мѣру. Митрополитъ Платонъ въ удостовѣреніе свободы единовѣрцевъ отъ клятвъ 1667 года указывалъ на фактъ ихъ единенія съ Церковью. Но послѣдній самъ нуждался въ подтвержденіи, въ уясненіи его отношенія, какъ церковнаго учрежденія, къ постановленіямъ Большого Московскаго Собора. Запрещеніе держать старые обряды въ 1667 году было произнесено не только представителями Русской Церкви, но и патріархами восточныхъ церквей. Единовѣріе же допускалось съ вѣдома лишь одной частной Церкви. Для безпристрастно-понимавшихъ смыслъ клятвъ собора 1667 года и одного разрѣшенія Синода было достаточно, какъ компетентнаго свидѣтельства о возможности Единовѣрія, по своему смыслу не подходящаго подъ смыслъ клятвъ собора. Нельзя этого было сказать про враговъ Единовѣрія [41]). Они, не усвоившіе истиннаго, раскрытаго Церковью въ 1854 году, пониманія клятвъ, не признавали компетентности за Синодомъ. Поэтому, кромѣ возраженія противъ Единовѣрія, что съ учрежденіемъ послѣдняго Русская Церковь встала въ противорѣчіе съ Соборомъ 1667 года, запретившимъ безусловно старые обряды, старообрядцы-отдѣленцы не опускали случая выставить и другое. По ихъ мнѣнію Единовѣріе стало противозаконно и потому, что «Синодъ, какъ меньшій соборъ не имѣлъ права снять проклятіе, наложенное большимъ соборомъ, въ которомъ участвовали восточные патріархи» [42]).

Церковной власти, желавшей усилить въ цѣляхъ миссіи Единовѣріе, очевидно, приходилось считаться съ этимъ возраженіемъ. Она, дѣйствительно, и считается. Сознавая практическую важность разсматриваемаго пробѣла въ правилахъ 1800 года, хотя и не придавая ему какого-либо особеннаго значенія по существу дѣла, представители Православія тогдашняго времени считаютъ долгомъ показать некасательство клятвъ собора до присоединяющихся къ Единовѣрію очевиднымъ образомъ. Они стремятся по этому вопросу, напримѣръ, войти въ сношеніе въ восточными патріархами [43]).

Стремленіе къ сношенію съ патріархами по этому вопросу поднималось у представителей Православія за разсматриваемый періодъ два раза: въ 1858—59 и 1864 годахъ. Въ первый разъ по иниціативѣ Московскаго митрополита Филарета, а во второй—по просьбѣ единовѣрцевъ.

Двадцать восьмого марта 1858 года митрополитъ Филаретъ слѣдующаго содержанія написалъ письмо Новгородскому и С.-Петербургскому митрополиту: «Во мнѣніи моемъ 19 дня сего марта упомянуто, что предшественники наши не со строгою точностію поступили, когда пріемля въ общеніе церковное приходящихъ отъ раскола единовѣрцевъ... предположили только согласіе восточныхъ патріарховъ... Раскольники говорятъ, что Св. Синодъ, какъ меньшій соборъ, не имѣлъ права одинъ снять проклятіе, положенное большимъ соборомъ... Достойно вниманія, чтобы означенное возраженіе, особенно часто и упорно нынѣ раскольниками повторяемое, уничтожить очевиднымъ для нихъ образомъ, и для того войти отъ Святѣйшаго Синода въ сношеніе съ восточнымъ патріархомъ такимъ образомъ. По указаніи винъ раскольниковъ, за которыя они были осуждены соборомъ 1667 года, по изложеніи самаго акта осужденія, а равно и тѣхъ причинъ, ради коихъ нѣкоторые изъ старообрядцевъ опять приняты въ общеніе съ Церковью,—по разъясненіи, особенно послѣдняго обстоятельства въ заключеніи изложить, что хотя Святѣйшій Синодъ не имѣетъ сомнѣнія, что онъ таковымъ своимъ распоряженіемъ (допущеніемъ Единовѣрія) нимало не уклонился отъ единомыслія въ вѣрѣ съ восточными патріархами и всею Восточною Церковью, но для болѣе яснаго вразумленія заблуждающихся и для удостовѣренія сомнѣвающихся предлагаетъ сіе дѣло на благоразсужденіе восточныхъ патріарховъ, въ упованіи, что они разрѣшеніе раскольниковъ, прекращающихъ свои хуленія и противленіе, признающихъ святость Православной Церкви и входящихъ въ послушаніе, отъ клятвы собора 1667 года благоволятъ утвердить своимъ согласіемъ и въ употребленіе входящимъ въ общеніе Православной Церкви книгъ и обрядовъ несовершенныхъ также согласятся оставить безъ осужденія, дабы таковымъ снисхожденіемъ удобнѣе пріобрѣтены были Православною Церковью заблудшіе отъ нея съ надеждою, что со временемъ полнѣе вразумятся и отъ несовершеннаго приступятъ къ совершенному» [44]). Стремленіе Московскаго святителя разрѣшить раздорническія возраженія и единовѣрческія недоумѣнія по вопросу о клятвахъ собора 1667 года чрезъ сношеніе съ восточными патріархами 27 февраля 1859 года было одобрено самимъ Государемъ. На всеподданнѣйшемъ отчетѣ по духовному вѣдомству за 1858 годъ, въ которомъ упомянуто было о проектируемомъ митрополитомъ Филаретомъ сношеніи и высказана была мысль о возмож-

ности его, Императоръ Александръ II собственноручно написалъ: «Сношенія сіи необходимы; представить соображенія, на какомъ основаніи предполагается ихъ устроить». При личномъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора Государь предложилъ Синоду начать проектируемыя митрополитомъ Филаретомъ сношенія. По проекту Оберъ-Прокурора, который былъ сообщенъ Синоду и, между прочимъ, Филарету Московскому, слѣдовало препроводить восточнымъ патріархамъ, чрезъ состоящаго при нашей Константинопольской миссіи архимандрита Петра каноническое посланіе, въ которомъ, по выраженію графа, было бы благопристойно изложить вкратцѣ исторію какъ раскола, такъ и Единовѣрія; за тѣмъ объяснить, какое въ Россіи имѣло вліяніе учрежденіе Австрійской лжеіерархіи, какія мѣры были приняты, до послѣдняго времени, Церковью и Правительствомъ для ослабленія раскола, какое его теперешнее состояніе, въ чемъ упрекаютъ раскольники Православную Церковь и русскихъ архипастырей, какими надеждами они питаются и что препятствуетъ возсоединенію ихъ съ Церковью [45]).

Энергично начатое сношеніе съ восточными патріархами по вопросу о клятвахъ собора 1667 года, одобренное самимъ Государемъ, однако не привело ни къ какимъ результатамъ и не получило дальнѣйшаго движенія.

Второй разъ вопросъ о сношеніи Святѣйшаго Синода съ восточными патріархами по дѣлу клятвъ 1667 года въ церковно-правительственныхъ сферахъ былъ возбужденъ самими единовѣрцами.

Обстоятельство, подготовившее это новое возбужденіе разбираемаго вопроса, намъ уже извѣстно. Судьба второй попытки рѣшить вопросъ о клятвахъ собора, предпринятой представителями Православія изъ желанія успокоить возбудившихъ этотъ вопросъ единовѣрцевъ, была такая же, какъ судьба и первой. Къ прискорбію и въ это время, какъ и въ 50-хъ годахъ, стремленію подтвердить со стороны восточныхъ патріарховъ разрѣшеніе Святѣйшимъ Синодомъ Единовѣрія не суждено было осуществиться. Изъ дѣлъ Святѣйшаго Синода видно, что наше Константинопольское посольство, которому предварительно было сообщено о намѣреніи Святѣйшаго Синода обратиться къ восточнымъ патріархамъ, отвѣчало на это, что оно сильно сомнѣвается въ успѣшномъ ходѣ задуманнаго дѣла: такъ какъ, по его предположеніямъ, патріархи никогда не согласятся признать двуперстіе и другія ему извѣстныя особенности до-Никоновскаго обряда, что они потребуютъ отчета въ разрѣшеніи единовѣрцамъ употреблять эти особенности, которыя воспрещены соборомъ 1667 года и т. д. [46]).

Впослѣдствіи самыя событія неопровержимо доказали, что сношеній по сему предмету опасаться вовсе не было причины. Въ 1872 году

Константинопольскій патріархъ, камъ мы знаемъ [47]), при стремленіи старообрядцевъ [48]) соединиться съ православной Церковью съхоɔданеніемъ содержимаго ими обряда, не усмотрѣлъ въ такомъ намѣреніи ни малѣйшаго препятствія къ ихъ присоединенію и даже не входилъ въ подробное разсмотрѣніе старыхъ обрядовыхъ особенностей, вполнѣ удовлетворившись представленнымъ ему удостовѣреніемъ въ томъ, что Русская Церковь принимаетъ таковыхъ старообрядцевъ въ свое общеніе. Тѣмъ не менѣе, напрасныя, на личныхъ соображеніяхъ основанныя, опасенія взяли верхъ надъ искренними желаніями Московскихъ единовѣрцевъ, искавшихъ успокоенія своей совѣсти и общаго блага и мира Церкви, и дѣло сношенія съ восточными патріархами было пріостановлено, и каноническаго какого-либо посланія отъ Святѣйшаго Синода не было отправлено, какъ и въ первый разъ.

Кромѣ указанныхъ попытокъ, предпринятыхъ церковнымъ правительствомъ въ цѣляхъ успокоенія единовѣрцевъ въ ихъ сомнѣніяхъ касательно каноничности Условнаго Соединенства, были рекомендованы нѣкоторыми представителями Православія и другіе способы къ разрѣшенію названныхъ единовѣрческихъ недоумѣній. Эти способы рекомендовались не какъ обязательно необходимые, вызываемые самой сущностью Единовѣрія, а какъ только полезные. Мысли Филарета успокоить единовѣрцевъ, если не логически, то канонически оказано было сочувствіе многими іерархами Русской Церкви, въ томъ числѣ и преосвященнымъ Макаріемъ Литовскимъ, который въ томъ же 1864 году далъ по этому вопросу слѣдующій отзывъ. «Если, писалъ онъ, по словамъ враговъ Единовѣрія, Святѣйшій Синодъ русскій не можетъ разрѣшить ихъ отъ анаѳемы, положенной на нихъ большимъ соборомъ Московскимъ: то надобно созвать новый соборъ, еще большій помянутаго Московскаго,—соборъ изъ предстоятелей не только Церкви Русской, но и всей Восточной, который бы обстоятельно разсмотрѣлъ дѣло о старообрядцахъ, желающихъ возсоединиться съ Православною Церковью, и своею несомнѣнною властью снялъ бы съ нихъ всѣ клятвы, соборнѣ изреченныя на нихъ въ 1667 году. Такой соборъ великій, можно надѣяться, вполнѣ успокоилъ бы нашихъ старообрядцевъ и, кромѣ того, могъ бы имѣть вліяніе и на всѣхъ другихъ старообрядцевъ, обитающихъ внѣ предѣловъ Россіи, и наконецъ, послужилъ бы надежнѣйшимъ средствомъ къ возсоединенію старообрядцевъ не съ одною Русскою, а со всею Восточною Церковью и съ ея іерархами, которыхъ также они не признаютъ нынѣ какъ и нашихъ русскихъ.

Этотъ соборъ могъ бы быть и въ Россіи, напр., въ Одессѣ, и еще удобнѣе въ Константинополѣ, гдѣ постоянно находятся для присутствованія въ патріаршемъ Синодѣ главнѣйшіе первосвятители Восточной Церкви и куда оставалось бы только отправиться нашимъ избраннымъ архипастырямъ, равно какъ представителямъ со стороны старообрядцевъ» [19]). — Изъ словъ преосвящ. Макарія, впослѣдствіи митрополита Московскаго, видна та особенность, какую предлагали нѣкоторые представители Православія въ рѣшеніи вопроса о непротиворѣчіи Единовѣрія клятвамъ собора 1667 года. Это—созваніе для разрѣшенія клятвъ собора изъ восточныхъ и русскихъ іерарховъ. Въ пригодности этой мѣры въ свое время не сомнѣвался и о. Павелъ Прусскій. Только онъ полагалъ, что задача собора должна состоять не въ снятіи или упраздненіи клятвъ, а только въ соборномъ разъясненіи ихъ смысла. «Я вполнѣ соглашаюсь, писалъ онъ въ «Современной Лѣтописи» [50]), что по вопросу о клятвахъ собора 1667 года необходимо церковное рѣшеніе; но не въ томъ оно должно состоять, чтобы клятвы сіи соборнѣ были сняты или упразднены, а только чтобы соборнѣ былъ разъясненъ смыслъ ихъ: за что и на кого онѣ положены, кто подлежитъ имъ и на кого онѣ не простираются; да еще необходимымъ признаю, чтобы церковною властью уничтожены были слишкомъ рѣзкія выраженія, смущающія чтителей глаголемыхъ старыхъ обрядовъ, въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ».—Въ полезности созванія собора для утвержденія Единовѣрія, кромѣ о. Павла Прусскаго, не сомнѣвались и многіе другіе православные дѣятели, напр.: издатель журнала «Истины» о. Голубевъ, редакторъ «Современныхъ Извѣстій» г. Гиляровъ, нѣкогда съ честью занимавшій въ Московской академіи каѳедру русскаго раскола, авторъ статьи «Рѣшеніе Греко-Болгарской распри», напечатанной въ іюльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1870 годъ.

Въ цѣляхъ усиленія Единовѣрія, какъ одного изъ самыхъ важныхъ миссіонерскихъ воздѣйствій на старообрядцевъ, представители Православія за разсматриваемое время заняты были не только вопросомъ о клятвахъ собора 67 года. Они старались освободить Единовѣріе, по возможности, и отъ тѣхъ вражескихъ нападковъ, кои строились на основаніи такъ называемыхъ жестокословныхъ порицаній на старые обряды. Изъ исторіи ходатайства единовѣрцевъ этого періода касательно уничтоженія въ полемическихъ и богослужебныхъ книгахъ порицательныхъ выраженій на старые обряды, мы знаемъ, какъ послѣднія, наравнѣ съ вопросомъ о клятвахъ, были одною изъ важныхъ преградъ на пути сближенія старообрядцевъ съ Церковью, однимъ изъ обвиненій Православной Церкви и однимъ изъ нареканій на Единовѣріе.

То оправданіе прежнихъ полемистовъ въ ихъ жестокихъ выраженіяхъ о старыхъ обрядахъ, какое было сдѣлано представителями Православія въ предшествующемъ періодѣ (Бесѣды къ глаголемому старообрядцу), не могло вразумить большинства старообрядцевъ. Въ виду этого, необходимо было самымъ дѣломъ показать имъ, что Православная Церковь не раздѣляетъ порицательныхъ выраженій полемистовъ на старые обряды. Представители Православія за разсматриваемое время такъ и стараются поступить. Еще въ 1856 году въ концѣ августа и въ началѣ сентября въ бытность Св. Синода въ Москвѣ, по случаю коронаціи, въ одномъ изъ засѣданій Синода было разсужденіе объ исправленіи наиболѣе рѣзкой статьи о крестномъ знаменіи, печатаемой въ Псалтири. Правда, въ новомъ изданіи Псалтири 1857 года эта статья почему то была оставлена безъ измѣненія, но фактъ разсужденія объ исправленіи ея на лицо [51]). Въ 1858 году въ Св. Синодѣ разсуждаютъ не только о неудобности названной статьи въ предисловіи къ Псалтири, но и вообще неумѣстной наличности порицательныхъ выраженій на старые обряды въ книгахъ—какъ богослужебныхъ, такъ и полемическихъ. Вопросъ возбудилъ Московскій митр. Филаретъ. Обстоятельствомъ, побудившимъ послѣдняго на означенныя хлопоты, была вышеприведенная нами записка одного Уральскаго единовѣрческаго священника, въ которой, между прочимъ, говорилось о порицательныхъ выраженіяхъ на старые обряды и о томъ значеніи и важности, какія придаютъ этимъ выраженіямъ старообрядцы. Московскій святитель соглашался съ содержаніемъ названной записки въ разбираемомъ мѣстѣ. «О. Савва, замѣчалъ митрополитъ въ своемъ отзывѣ оберъ-прокурору Св. Синода объ этой запискѣ, справедливо жалуется на тяжкія слова, употребленныя противъ раскольниковъ церковными писателями прошедшихъ вѣковъ.. О. Савва жалуется между прочимъ, продолжалъ м. Филаретъ, на статью о перстосложеніи, печатаемую при Псалтири, гдѣ крестящіеся двуперстно сравнены съ армянами, а армяне названы проклятыми. Въ бытность Св. Синода въ Москвѣ, въ 1856 году, было о семъ разсуждаемо, и представленъ былъ въ засѣданіи проектъ исправленія сей статьи. Требуемъ вниманія на то, почему дѣло сіе не приведено къ окончанію; ибо и въ изданіи Псалтири 1857 года напечатано: проклятыхъ арменъ (листъ 5)» [52]). Замѣчая въ своемъ мнѣніи, далѣе, невѣрность и несправедливость выводовъ, дѣлаемыхъ старообрядцами изъ порицательныхъ выраженій частныхъ лицъ, Московскій святитель признавалъ практическую важность возбужденнаго о. Севрюгинымъ вопроса и потому снова предлагалъ Св. Синоду исключить изъ православныхъ книгъ порицанія на старообрядцевъ. Прежнія нѣкоторыя книги съ тяжкими укореніями противъ раскольниковъ м. Филаретъ совѣтовалъ совсѣмъ не печатать, потому что, по его мнѣнію, ихъ

замѣнили новыя, болѣе удовлетворительныя книги, написанныя въ мирномъ духѣ». При печатаніи «Розыска» святителя Димитрія, по словамъ м. Филарета, «не безполезно было бы исключить нѣкоторыя выраженія, тяжкія для слуха и раскольническаго и православнаго» [53]).

Въ 60-хъ годахъ представители Православія въ предпринятомъ ими разрѣшеніи дѣла о порицаніяхъ на старые обряды проявили еще большую энергію, чѣмъ прежде. Тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода Д. А. Толстой по этому вопросу обращался къ профессору Московской духовной академіи Н. И. Субботину. Послѣдній не замедлилъ объяснить, какое на самомъ дѣлѣ имѣютъ прискорбное значеніе порицанія на старые обряды при присоединеніи старообрядцевъ къ Церкви. Указавъ, какъ именно раздорники пользуются этими порицаніями наравнѣ съ соборными клятвами для совращенія православныхъ и смущенія единовѣрцевъ, досточтимый профессоръ просилъ, съ своей стороны, оберъ-прокурора не ослабѣвать въ обнаруженномъ имъ стремленіи разрѣшить дѣло о порицательныхъ выраженіяхъ на старые обряды. Графъ Д. А. Толстой вполнѣ одобрилъ, въ своемъ письмѣ на упомянутый отвѣтъ профессора, стремленіе соединенцевъ подать церковной власти проектъ названнаго опредѣленія. Онъ предложилъ подать послѣдній въ подлинникѣ Московскому митрополиту Филарету, а въ копіи себѣ—оберъ-прокурору. Мы видѣли содержаніе докладныхъ записокъ съ приложеннымъ къ нимъ проектомъ. Вторая докладная записка съ приложенными къ ней тетрадками Бѣлокриницкихъ архіереевъ произвела сильное впечатлѣніе на Московскаго митрополита Филарета. Онъ счелъ необходимымъ немедленно возбудить ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ по дѣлу о порицательныхъ отзывахъ на старые обряды.

Въ своемъ донесеніи въ Святѣйшій Синодъ митрополитъ Филаретъ отъ 17 ноября 1865 года такъ писалъ о необходимости разрѣшенія дѣла касательно порицательныхъ выраженій. «Въ краткомъ Изъявленіи при Учебной Псалтири читаются слѣдующія слова: проклятыхъ арменъ, неравенство о Святѣй Троицѣ умствующихъ. Здѣсь, кромѣ укоризненнаго слова является обвиненіе армянъ, яко бы они имѣютъ ученіе о неравенствѣ лицъ Св. Троицы. Но неправославное армянъ состоитъ въ томъ, что они въ лицѣ Іисуса Христа признаютъ... одно естество; но того, чтобы три лица Божества были не равны, они не говорятъ... Далѣе, въ Изъявленіи: въ увраченіе неразумія раскольниковъ, т. е. въ опроверженіе двуперстнаго крестнаго знаменія, указывается на книги: Скрижаль, Жезлъ Правленія, Увѣтъ Духовный и проч... Тяжкія обвиненія, возводимыя раскольниками на Православную Церковь, вызывали со стороны защитниковъ ея строгія воззрѣнія на заблужденія раскола. Такъ изъ сложенія трехъ перстовъ, великаго и

двухъ малыхъ, очевидно, между собой неравныхъ, выведено обвиненіе или подозрѣніе въ аріанствѣ и армянствѣ. Но двухсотъ-лѣтній опытъ показалъ, что раскольники не держатся лжеученій аріанскаго и несторіанскаго; слѣдовательно, нынѣ обвиненіе ихъ въ аріанствѣ и несторіанствѣ, которое возводится на нихъ, чрезъ указанія на Скрижаль, несообразно съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и служитъ только къ раздраженію раскольниковъ, и питаетъ ихъ недовѣріе къ Православной Церкви, обвиняющей ихъ въ томъ, въ чемъ они не виноваты... Слѣдственно, статья предъ Псалтирью: «Изъявленіе» и проч. и статья предъ Часословомъ «Преданіе» и проч. должны быть исправлены» [54]). Въ доказательствахъ несообразности и вредности порицательныхъ отзывовъ митрополитъ не удовольствовался только что приведенными словами. Онъ говоритъ о нихъ и далѣе. «Эта несообразность, продолжаетъ Московскій святитель, является особенно рѣзкою съ того времени, какъ учреждены единовѣрческія церкви, и единовѣрцы, съ благословенія Святѣйшаго Синода, употребляютъ то крестное знаменіе, которое печатаемыя до нынѣ при Псалтирѣ и Часословѣ статьи, подъ заглавіемъ: «Изъявленіе» и «Преданіе», признаютъ аріанскимъ, несторіанскимъ, проклятымъ» [55]). М. Филаретъ заключаетъ свое мнѣніе слѣдующими словами: «полагаю, что при такихъ обстоятельствахъ православная духовная власть не должна оставаться въ бездѣйствіи и оставить дѣло въ такомъ неблагопріятномъ положеніи. Книги, писанныя обличителями раскола вѣкомъ и двумя ранѣе настоящаго времени, суть плодъ воззрѣній тѣхъ временъ, частью личныхъ, частью болѣе общихъ. Ихъ строгость принадлежитъ ихъ времени и исторіи. Но она не должна связывать нынѣшнюю православную церковную власть, которая, видя расколъ неаріанствующимъ и не несторіанствующимъ, видитъ единовѣрцевъ, находящихся въ послушаніи православной іерархіи. Псалтирь и Часословъ, нынѣ издаваемые отъ Святѣйшаго Синода, не должны имѣть при себѣ осужденія того, чему Святѣйшій Синодъ снисходитъ и что благословляетъ. Слѣдственно, статья предъ Псалтирью: «Изъявленіе» и проч., и статья предъ Часословомъ «Преданіе» и проч., должны быть исправлены» [56]). Митрополитъ Филаретъ, при своемъ донесеніи въ Св. Синодъ отъ 17 ноября приложилъ и самый проектъ новой редакціи статьи, подъ прежнимъ заглавіемъ «Изъявленіе». Сравнительно съ прежними статьями въ неисправленной были опущены, во 1-хъ, «указанія на книги проклинающія» (Скрижаль, Жезлъ Правленія, Увѣтъ Духовный и проч.), сдѣланныя «въ увраченіе неразумія раскольниковъ—въ опроверженіе двуперстнаго крестнаго знаменія». Въ 2-хъ, въ новой редакціи «Изъявленія» разборъ ссылокъ старообрядцевъ на Мелетія, Ѳеодорита и Максима Грека хотя сохраненъ, но въ умѣренныхъ выраженіяхъ.

Рѣшеніе представителями Православія въ 60-хъ годахъ дѣла о порицательныхъ отзывахъ на старые обряды произошло не въ томъ объемѣ, въ какомъ желали единовѣрцы. Единовѣрцы не согласны были съ «проектомъ» м. Филарета, они находили въ статьѣ митрополита нѣкоторыя мѣста и выраженія не вполнѣ удовлетворительными [57]). а) По мнѣнію соединенцевъ выраженіе въ самомъ заглавіи: «по древнему преданію святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ» возбуждаетъ пререканіе... ибо трудно доказать прямую преемственность того или другого перстосложенія непосредственно отъ Апостоловъ. б) Единовѣрцы просили даже совсѣмъ исключить изъ статьи слова перваго отдѣленія въ качествѣ доказательства трехперстнаго сложенія: «зане якоже во Святѣй Троицѣ нѣсть первое и послѣднее... сицѣ и въ тѣхъ трехъ перстахъ... нѣсть большаго, ни меньшаго». По ихъ мнѣнію стремленіе въ сложеніи трехъ перстовъ находить точное соотвѣтствіе непостижимому, непзобразимому можетъ подать поводъ къ небезосновательному возраженію. в) Самый разборъ приводимыхъ старообрядцами въ пользу двуперстія свидѣтельствъ Мелетія, Ѳеодорита и Максима Грека единовѣрцы находили мало удобнымъ. «Едва ли можно сомнѣваться, писали единовѣрцы, въ томъ, что сказаніе о Мелетіи не можетъ служить и къ утвержденію ученія о троеперстіи, какъ усиливается сдѣлать сіе внесенный въ статью разборъ сказанія. Изъ сказанія о Мелетіи, какъ передается оно у достовѣрныхъ повѣствователей—блаженнаго Ѳеодорита, Созомена и Каллиста, ясно видится, что святой Мелетій извѣстнымъ своимъ дѣйствіемъ желалъ наглядно показать Собору свое православное исповѣданіе трехъ лицъ въ Святой Единосущной Троицѣ, въ подтвержденіи чего и произнесъ слова: «три убо разумѣемъ...», а вовсѣ не имѣлъ намѣренія преподать наставленіе, какъ надлежитъ христіанину слагать персты для крестнаго знаменія [58]). Замѣчаніе о свидѣтельствѣ пр Максима Грека, по словамъ единовѣрцевъ, хотя не представляетъ такихъ невѣрностей, какъ разборъ сказанія о Мелетіи, но по своей неопредѣленности и обоюдности не стоитъ того, чтобы вносить его безъ крайней надобности въ статью, которая должна по преимуществу отличаться точностью и опредѣленностью мысли и выраженія. Наконецъ, писали они, если замѣчанія о такъ называемомъ свидѣтельствѣ блаж. Ѳеодорита и можно признать болѣе или менѣе состоятельными, но одни они врядъ ли будутъ имѣть какое-либо значеніе въ статьѣ. Единовѣрцы, въ концѣ концовъ, признавали лучше исключить разборъ вышеуказанныхъ свидѣтельствъ. Разборъ вносилъ въ статью полемическій характеръ, тогда какъ она, по ихъ разумѣнію, должна была содержать лишь положительное изложеніе ученія о перстосложеніи, и при томъ изложеніе краткое, какъ гласитъ и самое ея заглавіе [59]).

Не соглашаясь съ новой редакціей статьи о крестномъ знаменіи, напечатанной Святѣйшимъ Синодомъ въ 1866 году въ предисловіяхъ къ Псалтири и Часослову, единовѣрцы въ своемъ донесеніи Московскому архипастырю приложили проектъ исправленія статьи о крестномъ знаменіи [60]). Въ проектированной ими статьѣ трехперстное сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, во-1-хъ, не называлось, какъ сказано было въ статьѣ м. Филарета, апостольскимъ преданіемъ. Обычай слагать три перста отнесенъ по этой статьѣ лишь къ древнимъ преданіямъ Святыя Соборныя и Апостольскія Церкви, названъ преданіемъ съ издревле сохраняемымъ православными христіанами. Далѣе, въ статьѣ единовѣрцевъ о крестномъ знаменіи нѣтъ и стремленія найти какое-либо особое соотвѣтствіе между тремя первыми перстами и тремя Ѵпостасями въ Троицѣ славимаго Бога. Указывается лишь на православность этого сложенія. Въ третьихъ, въ названномъ проектѣ нѣтъ, какъ безполезнаго для дѣла, и разбора упомянутыхъ свидѣтельствъ, приводимыхъ старообрядцами въ пользу двуперстія. Въ немъ вслѣдъ за указаніемъ древности и православности обычая троеперстія непосредственно, тотчасъ же, изложено приглашеніе снисходительно смотрѣть на употребляемое единовѣрцами двуперстіе; кратко замѣчено объ отлученіи раздорниковъ за непослушаніе, про обѣщаніе собора опять ихъ принять въ случаѣ покаянія, про обращеніе единовѣрцевъ къ Церкви, про православность двуперстія, допущеннаго Церковью во имя мира и любви. Статья кончается призывомъ къ взаимному общенію и единенію троеперстниковъ и двуперстниковъ.

Приведенныя замѣчанія единовѣрцевъ на статью о крестномъ знаменіи м. Филарета и ихъ собственная статья о томъ же (имъ митрополитъ Филаретъ не далъ движенія)—остались безъ употребленія. Они пригодились только впослѣдствіи. Въ настоящее же время общаго разъясненія порицаній не послѣдовало. Произошло лишь исключеніе нѣкоторыхъ порицаній изъ двухъ книгъ, хотя соединенцы двумя докладными записками и проектомъ Синодальнаго опредѣленія просили о томъ и другомъ: объ разъясненіи и уничтоженіи «жестокословныхъ» выраженій. Рѣшеніе дѣла о порицаніяхъ ограничилось послѣднимъ по всей видимости по тому, что представители Православія думали, что и этимъ Церковь достаточно заявила свою несолидарность съ порицательными выраженіями православныхъ писателей-полемистовъ, и потому полагали, что этого вполнѣ достаточно для того, чтобы противодѣйствовать хитрости раздорниковъ. Для безпристрастнаго старообрядца довольно было и тѣхъ доказательствъ въ подтвержденіи нераздѣленія самою Церковью порицаній, какія въ прежнемъ періодѣ содержались, напримѣръ, въ «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу» [61]). Каждый здравомыслящій и безъ принятыхъ въ нынѣш-

немъ періодѣ церковною властью мѣръ могъ судить, какъ несправедливо ошибки частнаго человѣка ставить въ вину цѣлой Церкви. Для разумнаго держателя старины и безъ нихъ было понятно, что выводы, дѣлаемые раздорниками изъ порицательныхъ выраженій православныхъ полемистовъ, «невѣрны и несправедливы». Если послѣднія «мѣры», такимъ образомъ, и предпринимались, то единственно изъ соображеній, взятыхъ изъ жизни. Требовалось, какимъ-либо образомъ на самомъ дѣлѣ показать неодобреніе Церковью порицаній. Мы видѣли, какимъ образомъ это было сдѣлано.

Отношеніе церковной власти къ единовѣрческому епископату.

Снисхожденіе представителей Православія къ нуждамъ Единовѣрія, обнаружившееся въ ихъ стремленіяхъ положительно разрѣшить выдвигаемые жизнію Единовѣрія тѣ или другіе вопросы, болѣе всего сказалось въ вопросѣ о дачѣ единовѣрцамъ своего старообрядческаго епископа. Послѣдній, какъ и предшествовавшіе два, прежде, чѣмъ стать предметомъ просьбъ единовѣрцевъ [62]), успѣлъ побывать уже на предварительномъ обсужденіи нѣсколькихъ архипастырей этого времени.

Причина самостоятельнаго возбужденія этого вопроса представителями Православія въ интересующую насъ пору и благопріятнаго сначала для единовѣрцевъ разрѣшенія его заключалась въ тогдашнихъ особенныхъ обстоятельствахъ времени. То была пора, когда, съ одной стороны, старообрядцы-поповцы, уже двоившіеся между прежнимъ своимъ бѣглопоповствомъ и появившеюся австрійскою іерархіею, дѣлали послѣднія потуги получить независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, въ чемъ находили поддержку отъ многихъ сильныхъ правительственныхъ лицъ и сочувствіе весьма многихъ единовѣрцевъ; когда, съ другой стороны, новоявленная бѣлокриницкая іерархія, пользуясь большей свободой при новомъ царствованіи, стала пріобрѣтать сильный успѣхъ среди старообрядцевъ и не малыя симпатіи среди соединенцевъ. Въ это-то угрожавшее Единовѣрію своими послѣдствіями время, одинъ изъ главныхъ представителей Православія, м. Филаретъ, «стараясь, по его собственнымъ словамъ, открыть путь къ выходу изъ затрудненія» [63]), т. е. какъ онъ самъ выясняетъ, чтобы, съ одной стороны «оказать споспѣшествованіе снисхожденію Правительства къ раскольникамъ, безъ нарушенія церковныхъ правилъ и безъ опасенія разстройства іерархіи» [64]), а съ другой—«для отраженія начинавшагося вліянія заграничной іерархіи» [65]),

сдѣлалъ первенствующему и прочимъ членамъ Святѣйшаго Синода слѣдующія предложенія: 1) учредить въ Московской епархіи второго викарія съ наименованіемъ епископа Богородскаго (уѣздный городъ Богородскъ имѣетъ одну церковь, съ служеніемъ по чину единовѣрческому, и наибольшее изъ всѣхъ уѣздовъ Московской епархіи число раскольниковъ); 2) поручить ему особенно единовѣрческія церкви Московской епархіи; 3) по усмотрѣнію надобности и по удобству, можно поручить ему единовѣрческія церкви и нѣкоторыхъ ближайшихъ епархій; 4) пребываніе его основать при существующей благолѣпно устроенной церкви единовѣрческаго въ Москвѣ кладбища, при которомъ есть и два двухъэтажныя каменныя зданія; здѣсь устроить архіерейскій домъ и вмѣстѣ единовѣрческій монастырь по подобію Чудова; 5) епископу Богородскому подчинить Богородское духовное правленіе, чтобы оно замѣняло ему консисторію для единовѣрческихъ дѣлъ; 6) разрѣшить ему въ видѣ опыта, по желанію прихожанъ часовенъ Рогожскаго богадѣленнаго дома, съ согласія Московскаго епархіальнаго архіерея, отъ одного до трехъ изъ заштатныхъ священниковъ, честнаго поведенія, по наставленіи въ чинѣ церковнаго служенія по старопечатнымъ книгамъ, допустить совершать въ часовнѣ Рогожскаго богадѣленнаго дома вечерню, утреню, часы, молебныя пѣнія, таинство покаянія, крещенія, мѵропомазанія, брака, елеосвященія, погребеніе и поминовеніе усопшихъ, а также и въ домахъ означенныхъ прихожанъ; 7) предъ принятіемъ сего порученія священникъ долженъ предъ святымъ Евангеліемъ и престоломъ дать епископу обѣщаніе, что онъ, пріемля, по снисхожденію, даемое порученіе совершать служеніе между неприсоединившимися къ Православной Церкви, пребываетъ и пребудетъ въ соединеніи съ Православною Церковью неизмѣнно, что не совершитъ ни надъ кѣмъ, а тѣмъ паче не допуститъ совершить надъ собой никакого дѣйствія, которымъ бы знаменовалось отчужденіе отъ Православной Церкви, или осужденіе и проклятіе на нее; 8) епископъ Богородскій отъ таковыхъ священниковъ требовать будетъ отчетъ въ ихъ служеніи и плодахъ онаго; 6) если прихожане часовенъ будутъ благоговѣйно слушать богослуженіе, совершаемое такими священниками, принимать отъ нихъ благословеніе, исповѣдываться у нихъ и если, по должномъ на исповѣди испытаніи совѣсти ихъ, признаны будутъ достойными и получатъ разрѣшеніе грѣховъ священническою молитвою и благословеніемъ: то въ лицѣ таковыхъ отчужденіе отъ Православной Церкви можно признать прекратившимся и т. д. [66]).

Изъ содержанія предположеній митрополита Филарета видится, что одинъ изъ главныхъ представителей Православія въ царствованіе Александра II стремится въ виду особенныхъ тогдашнихъ обстоятельствъ

учредить единовѣрческое епископство въ качествѣ второго викаріатства Московской епархіи, съ наименованіемъ новаго викарія епископомъ Богородскимъ. Этому единовѣрческому епископу Богородскому можно было, по мысли Московскаго митрополита, поручить единовѣрческія церкви не только Московской епархіи, но и нѣкоторыхъ другихъ ближайшихъ епархій. Ему же слѣдовало подчинить въ качествѣ консисторіи Богородское духовное правленіе. Московскій святитель указалъ и мѣсто пребыванія этому новому епископу—это на Рогожскомъ кладбищѣ.

Мысли митрополита Филарета о возможности дать единовѣрцамъ епископа одобрялъ и первенствующій членъ Синода м. Григорій. Мысль о единовѣрческомъ епископѣ ему не была противна: «Единовѣрческаго епископа сдѣлать можно и единовѣрцы будутъ довольны» [67]), писалъ онъ митрополиту Филарету. Но только онъ не раздѣлялъ блестящихъ ожиданій Московскаго архипастыря отъ исполненія его проекта [68]). Слѣдовательно, и другой видный представитель Православія за разсматриваемое время былъ того же мнѣнія, что при наличности извѣстныхъ обстоятельствъ можно дать единовѣрцамъ своего же старообрядческаго епископа.

Если митрополитъ Григорій въ дальнѣйшихъ строкахъ своего письма, по поводу проектированнаго митрополитомъ Филаретомъ единовѣрческаго епископства, и писалъ, что оно будетъ вреднымъ для Православія, то такое его мнѣніе явилось изъ опасенія неоправданія надеждъ, возложенныхъ на него Московскимъ святителемъ. Митрополитъ Филаретъ, какъ мы видѣли, чрезъ учрежденіе единовѣрческаго епископа думалъ найти средство со стороны духовнаго начальства «оказанія споспѣшествованія снисхожденію правительства къ раскольникамъ». Онъ полагалъ черезъ него остановить движеніе старообрядцевъ въ пользу принятія австрійской іерархіи и отвлечь ихъ отъ домогательствъ предъ свѣтскимъ правительствомъ имѣть независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ. Онъ предполагалъ дать старообрядцамъ священниковъ, подчиненныхъ единовѣрческому архіерею, которые при служеніи у старообрядцевъ не подвергались бы обыкновенной у нихъ «исправѣ», служили бы подъ негласнымъ наблюденіемъ единовѣрческаго архіерея, постепенно исправляя отношеніе своихъ прихожанъ къ Православной Церкви. Предположенія эти Московскаго архипастыря могли оправдаться, но могли и не оправдаться. Въ послѣднемъ случаѣ, учрежденіе единовѣрческаго архіерея могло быть дѣйствительно, по словамъ митрополита Григорія, даже вреднымъ. Дѣло въ томъ: вниманіе старообрядцевъ въ скоромъ времени было поглощено австрійскимъ священствомъ и нужды ихъ, хотя кое-какъ, были удовлетворены разсыпавшимися среди нихъ архіереями и священниками.

При такомъ оборотѣ обстоятельствъ единовѣрческое епископство могло быть лишь запоздалымъ подражаніемъ старообрядческой вновь явившейся іерархіи, подражаніемъ, которое вызвало бы среди старообрядцевъ невыгодныя сужденія о Православной Церкви. Все это сознавалъ и самъ митрополитъ Филаретъ. Соображенія митрополита Григорія онъ не прочь былъ раздѣлить [69]) и, если хлопоталъ объ единовѣрческомъ епископствѣ, то въ надеждѣ еще помѣшать старообрядцамъ въ ихъ домогательствахъ получить священство чрезъ посредство свѣтскаго начальства или чрезъ водвореніе на Рогожскомъ кладбищѣ австрійской іерархіи. Ему не хотѣлось видѣть такого великаго соблазна для Православія и такого крайняго униженія для Единовѣрія. При измѣнившихся обстоятельствахъ и Московскій святитель былъ противъ учрежденія единовѣрческаго епископства. «Съ мыслью владыки (митр. Григорія), писалъ онъ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, А. Д. Толстому, что сіе учрежденіе (рѣчь про единовѣрческаго епископа) не обѣщаетъ успѣха въ отношеніи къ раскольникамъ, принужденъ согласиться и я въ томъ случаѣ, если гражданское, въ Москвѣ, начальство сохранитъ нынѣшній образъ мыслей и дѣйствованія въ отношеніи къ раскольникамъ и продолжитъ покровительствовать имъ и питать ихъ надежды. Примѣры сего ясны въ дѣлахъ о единовѣрческой богадѣльнѣ на Рогожскомъ кладбищѣ и о единовѣрцахъ, отрицающихся отъ Единовѣрія, а также и о четырехъ покровительственно принятыхъ и представленныхъ прошеніяхъ раскольниковъ о томъ, о чемъ уже имъ было неоднократно отказано Высочайшимъ повелѣніемъ» [70]).

Изъ практическихъ соображеній, такимъ образомъ, представители Православія въ разсматриваемый періодъ разрѣшали въ положительномъ смыслѣ не только поднятые единовѣрцами вопросы о клятвахъ собора 1667 года и о порицательныхъ выраженіяхъ полемическихъ книгъ на старые обряды, но разрѣшали въ томъ же смыслѣ и вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ (м. Филаретъ, м. Григорій), отрицательное отношеніе къ коему въ предшествующихъ періодахъ было гораздо замѣтнѣе, чѣмъ къ первымъ двумъ. Не руководись представители Православія въ этотъ періодъ указанными практическими соображеніями, они, по всей вѣроятности, отнеслись бы ко всѣмъ этимъ вопросамъ такъ же, какъ въ предшествующій періодъ. Въ подтвержденіе этому можно указать на тотъ же вопросъ о единовѣрческихъ епископахъ. Когда стали смотрѣть на него въ этомъ же періодѣ съ принципіальной точки зрѣнія, то, какъ показано будетъ дальше, отнеслись къ нему въ высшей степени отрицательно, такъ же, какъ и прежде.

Въ 1863 году, благодаря ходатайству единовѣрцевъ о дачѣ имъ самостоятельнаго единовѣрческаго епископа, поднятъ былъ принципіальный вопросъ о дальнѣйшемъ развитіи Единовѣрія. Нѣкоторые

преосвященные, отвѣчая на вопросъ Святѣйшаго Синода, находили возможнымъ дать единовѣрцамъ своего самостоятельнаго епископа [71]).

Къ числу послѣднихъ примкнулъ Арсеній, митрополитъ Кіевскій. Онъ писалъ: «Церковь для полнѣйшаго выраженія любви и снисхожденія къ нимъ (старообрядцамъ) и для удобнѣйшаго привлеченія ихъ въ свою спасительную ограду, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возможно большаго уравненія и сокращенія для нихъ пути къ тому, можетъ на томъ же основаніи и на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ она подобныхъ имъ уже снабдила правильнымъ священствомъ, т. е. на правахъ Единовѣрія, Святѣйшимъ Синодомъ признанныхъ и Высочайшею волею одобренныхъ, дать имъ особаго, впрочемъ въ зависимости отъ Святѣйшаго Синода, епископа одного или даже нѣсколько изъ единовѣрческаго духовенства, по ихъ собственному выбору, коль скоро избранныя ими лица, по надлежащемъ испытаніи, окажутся сего сана достойными». Единомысленнымъ съ высокопреосвященнымъ Арсеніемъ оказался и преосвященный Иринархъ, архіепископъ Рязанскій. «Если мы даемъ единовѣрцамъ особыхъ священниковъ, говорилъ въ своемъ докладѣ преосвященный Иринархъ, то почему не дать имъ особыхъ архіереевъ? А между тѣмъ это будетъ показывать раскольникамъ со стороны нашей нѣкоторую уступчивость и сближеніе съ ними. Появленіе новыхъ архіереевъ будетъ нѣкоторымъ образомъ ослаблять вліяніе раскольническихъ архіереевъ». Историкъ Русской Церкви преосвященный Макарій, впослѣдствіи Московскій митрополитъ, тоже находилъ возможнымъ дать единовѣрцамъ архіереевъ. «Эти архіереи, говоритъ архіепископъ Макарій, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть поставляемы отъ Св. Синода и находиться въ постоянномъ ему подчиненіи, подобно тому, какъ нынѣ единовѣрческіе священники поставляются отъ православныхъ епископовъ и находятся въ подчиненіи имъ. Конечно, при выборѣ такихъ архіереевъ потребуется величайшая осмотрительность, чтобы не рукоположить архіереемъ человѣка неблагонадежнаго, который бы могъ впослѣдствіи отложиться отъ Святѣйшаго Синода и тѣмъ способствовать только усиленію раскола. Можно думать, что нѣкоторые и изъ православныхъ архипастырей или архимандритовъ согласились бы, по христіанской снисходительности и любви къ единовѣрцамъ, быть ихъ архіереями и держаться ихъ всѣхъ обрядовъ... Если для возсоединившихся старообрядцевъ даны будутъ отдѣльные архіереи: въ такомъ случаѣ, для показанія совершеннѣйшаго единенія ихъ съ Православною Церковью, полезно былобы, чтобы тотъ или другой изъ нихъ, по очереди, *постоянно* присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, принималъ участіе въ рѣшеніи всѣхъ синодскихъ дѣлъ, а также въ рукоположеніи архіереевъ, православныхъ и единовѣрческихъ, и вообще былъ тамъ какъ бы представите-

лемъ возсоединившихся старообрядцевъ и защитникомъ ихъ интересовъ». Въ пользу дарованія единовѣрцамъ епископа писалъ и Полоцкій архіепископъ Василій. Онъ предлагалъ «дать единовѣрцамъ особаго епископа по ихъ собственному избранію изъ православныхъ архіереевъ, чтобы этотъ епископъ со всею единовѣрческою паствою былъ въ полной зависимости и власти Святѣйшаго Синода». Не считалъ опаснымъ дарованіе единовѣрцамъ епископа и Кишиневскій архіепископъ Антоній. Благодаря своему епископу, единовѣрцы, по мнѣнію этого владыки, имѣли бы «свое болѣе организованное управленіе, подвѣдомственное Св. Синоду». Не противъ былъ «дать единовѣрцамъ отдѣльную іерархію», также преосвященный Іоанникій, епископъ Саратовскій. Положительно высказались за единовѣрческій епископатъ, далѣе, Филаретъ, архіепископъ Черниговскій, Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, Поликарпъ, епископъ Орловскій, Рижскій архіепископъ Платонъ, впослѣдствіи Кіевскій митрополитъ. Послѣдній такъ писалъ на запросъ къ нему Св. Синода по этому дѣлу: «что можетъ служить препятствіемъ къ этому, не то ли, что тогда образуется въ Россіи особая единовѣрческая церковь? А развѣ такая церковь уже не существуетъ въ лицѣ единовѣрцевъ и ихъ священнослужителей? Но, теперь, скажутъ, она находится подъ главнымъ управленіемъ православныхъ архіереевъ и чрезъ нихъ имѣетъ тѣсный союзъ съ православною Церковью, а когда будетъ имѣть своихъ архипастырей, то болѣе отдѣлится отъ нея... Но какой выйдетъ вредъ, если она будетъ имѣть своихъ архипастырей? Развѣ всѣ православныя церкви находятся и должны быть подъ однимъ видимымъ управленіемъ, какъ латинскія? Отъ сего, скажутъ иные, выйдетъ вредъ: именно, что многіе православные любящіе старину перейдутъ во вновь образованную церковь. Это можетъ случиться, если правительство дозволитъ. А если бы кто изъ православныхъ и перешелъ въ сію церковь, то что за бѣда? Вѣдь, эта церковь будетъ тоже православная, совершенно подобная той, въ какой спасались наши предки» [72]).

Изъ всѣхъ іерарховъ Русской Церкви второй половины XIX столѣтія—десять епископовъ, хотя весьма авторитетныхъ, высказались за дарованіе, а двѣнадцать противъ учрежденія единовѣрческой іерархіи (остальные воздержались трактовать что-либо по этому вопросу). Числепный перевѣсъ оказался на сторонѣ іерарховъ, отрицавшихъ возможность созданія особой единовѣрческой іерархіи, а потому Св. Синодъ далъ отрицательный отвѣтъ и въ просьбѣ единовѣрцамъ отказалъ.

Высшая Церковная власть вполнѣ согласилась съ доводами митрополита Филарета, приведенными со стороны послѣдняго при разсмотрѣніи по порученію Синода вопроса о единовѣрческомъ епископѣ. Московскій архипастырь, руководясь въ данномъ случаѣ не прежними

практическими соображеніями, рѣшилъ этотъ вопросъ на этотъ разъ отрицательно. Вотъ, что отъ писалъ по этому поводу. «Секретнымъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 6 апрѣля 1864 года (№ 611) требуются соображенія по двумъ вопросамъ. Первый вопросъ о распространеніи и развитіи начала Единовѣрія. Онъ, повидимому, готовъ родить благопріятный отвѣтъ, потому, что началу свойственно распространеніе и развитіе... Но эта надежда не вѣрна... Единовѣріе не есть начало. Начало есть Православіе; а Единовѣріе—распространеніе, развитіе; движеніе сего начала къ сторонѣ раскола съ той цѣлью, чтобы отторженныхъ отъ Православной Церкви возвратить къ единству вѣры, Церкви и священноначалія, съ предоставленіемъ имъ, по снисхожденію, употреблять въ богослуженіи книги по изданіямъ, предшествовавшимъ исправленію, и положенные въ сихъ книгахъ обряды... При такомъ устроеніи единовѣрческой церкви, вступающимъ въ нее предоставлено все, что могло бы быть допущено, безъ нарушенія чистоты Православія. Идти далѣе значило бы не приближать къ Православію и къ Церкви отчужденныхъ, а увлекать Православіе съ праваго пути и благоустроенный миръ Церкви погружать въ хаосъ раскольническихъ самочиній и нестроеній... Все вышеизложенное ведетъ къ заключенію, что не благовременно и не надежно было-бы помышлять объ епископствѣ единовѣрческомъ» [73]).

Исходя изъ принципіальныхъ взглядовъ на Единовѣріе, Московскій митрополитъ вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ рѣшалъ, такимъ образомъ, такъ же, какъ рѣшался онъ и въ предшествующіе періоды.

Не иное отношеніе къ этому вопросу видится у него и при разсмотрѣніи имъ отвѣта преосвященнаго Иннокентія, архіеп. Камчатскаго. на вышеупомянутый вопросъ Синода о дачѣ единовѣрцамъ своего епископа. Послѣдній, со своей стороны, полагалъ возможнымъ дать соединенцамъ особаго епископа, который бы служилъ только въ ихъ церквахъ. Выходя изъ понятій о сущности Единовѣрія, митрополитъ Филаретъ находитъ мысль арх. Иннокентія не только «вредною», но и противорѣчащей церковнымъ правиламъ. «Совершеннѣйшее выраженіе соединенія членовъ Церкви въ ея единствѣ, писалъ митрополитъ, есть совокупное пріобщеніе тѣла и крови Господней. Первая степень отлученія отъ Церкви есть отлученіе отъ сего; итакъ, учредить единовѣрческаго епископа, который бы не сообщался въ литургіи съ прочими православными епископами, значило бы учредить расколъ. Это значило бы вести единовѣрцевъ отъ единства къ раздѣленію... притомъ, если бы сдѣланъ былъ сей шагъ, то уже нельзя было бы остановиться. Одного епископа не довольно, надлежало бы поставить многихъ. И тогда Церковь была бы разсѣчена на двѣ несообщи-

тельныя Церкви, въ противность Слову Божію и Символу вѣры» [74]). Затѣмъ, учрежденіе единовѣрческаго епископства въ томъ видѣ, въ какомъ предлагалъ архіепископъ Иннокентій, по мнѣнію Московскаго святителя, «безпримѣрно». Между тѣмъ Единовѣріе въ своемъ учрежденіи, по своимъ отношеніямъ къ Православной Церкви, должно основываться на примѣрахъ древности. Ищетъ этихъ примѣровъ у преосвященнаго Камчатскаго и митрополитъ, но не находитъ. Ссылки его на примѣръ восточной Церкви, коими онъ стремился подкрѣпить свою мысль о дачѣ единовѣрцамъ самостоятельнаго епископа, послѣдній находитъ бездоказательными и неудачными. Въ частности примѣръ, что «Іерусалимскій патріархъ архіепископа Синайскаго только что рукополагаетъ, а кромѣ сего архіепископъ независимъ», по мнѣнію митрополита Филарета, не идетъ въ дѣло потому, что «между ними—Іерусалимскимъ патріархомъ и Синайскимъ архіепископомъ—нѣтъ никакого раздѣленія; они могутъ вмѣстѣ священнодѣйствовать и соединяться въ таинствѣ Евхаристіи» [75]). Между тѣмъ, здѣсь въ Единовѣріи этого уже не можетъ быть. Вообще, «проектируемаго Камчатскимъ преосвященнымъ, по мнѣнію митрополита Филарета, нигдѣ не было». «А того,—продолжаетъ митрополитъ,—никогда не бывало въ Церкви, чтобы въ одномъ городѣ были два архіерея—одинъ православный, другой мнимо-старообрядческій, которые были бы внѣ взаимнаго общенія въ богослуженіи и таинствахъ, чего хочетъ составитель отвѣта» [76]). Учрежденіе Единовѣрія приснопамятнымъ митрополитомъ Платономъ оправдывалось, кромѣ примѣровъ изъ исторіи Вселенской Церкви, еще мотивами нравственнаго порядка, напримѣръ, правиломъ жизни Апостола Павла: «иже немощнымъ бысть, аки немощенъ, да немощныхъ пріобрящетъ» (2 доп. мн. м. Платона). Исходя изъ такого же взгляда на Единовѣріе и видя въ немъ актъ снисхожденія, любви Церкви къ старообрядцамъ [77]), Московскій митрополитъ и въ проектѣ учрежденія единовѣрческаго епископа ищетъ точно такихъ же мотивовъ, но пріурочиваніе архіепископомъ Иннокентіемъ къ своему проекту апостольскаго изреченія—«всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу» (1 Кор. IX, 22)—онъ находитъ неудачнымъ. «Много мудрости и осторожности нужно, говоритъ митрополитъ, чтобы приложить сіе къ дѣлу. По подобію вашего проекта,—продолжаетъ высокопреосвященный Филаретъ, обращаясь къ составителю проекта,—предложите апостолу, чтобы онъ для іудеевъ, соблазняющихся необрѣзаніемъ христіанъ, согласился учредить особаго епископа, который имѣлъ бы особую паству изъ обрѣзанныхъ и несообщающихся съ Церковью изъ христіанъ необрѣзанныхъ, потому что, по собственнымъ его словамъ, обрѣзаніе ничто же есть и необрѣзаніе ничто же есть». «Нѣтъ, замѣчаетъ митрополитъ, апостолъ не согласится на сіе разсѣченіе Церкви» [78]). Критикуе-

мый Филаретомъ составитель отвѣта на предложенный со стороны Синода вопросъ, о возможности распространенія начала Единовѣрія и дачѣ держателямъ его собственнаго епископа, приводилъ въ пользу своего проекта еще преизбыточествующую христіанскую любовь. Такимъ образомъ, у него былъ еще одинъ изъ доводовъ нравственнаго порядка, имѣвшійся въ виду и при первоначальномъ учрежденіи Единовѣрія. Что же дѣлаетъ Московскій архипастырь? Онъ (выходя въ данномъ случаѣ изъ тѣхъ же принципіальныхъ воззрѣній на Единовѣріе, изъ какихъ видимо выходитъ и его будущій замѣститель), отвергаетъ названный мотивъ дарованія единовѣрцамъ своего епископа. «Любовь, писалъ митрополитъ, не безчинствуетъ (1 Кор. XIII, 5), не разстраиваетъ церковнаго чина, не нарушаетъ церковныхъ правилъ, не разсѣкаетъ церковнаго единства» [7b]). «Что могло», ради любви христіанской и снисхожденія къ немощнымъ, быть допущено безъ нарушенія чистоты Православія, то уже предоставлено вступающимъ въ единовѣрческую церковь» [80]), говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

Если представители Православія, выходя изъ принципіальныхъ взглядовъ на Единовѣріе, такъ положительно отвергали мысль о самостоятельномъ епископѣ въ томъ видѣ, какъ она была нарисована въ проектѣ архіепископа Иннокентія, то тѣмъ болѣе отрицательно они относятся, что мы видѣли отчасти, къ проекту единовѣрцевъ о всестарообрядческой Церкви съ полной, вполнѣ самостоятельной, даже отъ Святѣйшаго Синода независимой, старообрядческой іерархіей.

Въ имѣющемся у насъ подъ руками мнѣніи одного представителя Православія (м. Филарета) послѣдній проектъ трактуется, какъ проектъ, желающій возвысить расколъ и навредить Церкви. Изобличая хитрость, неискренность проекта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ великороссійская Церковь называется православною, содержащею едину со старообрядцами вѣру, принадлежащею къ единой Святой, Апостольской Церкви, и отмѣчая демократическія тенденціи его тамъ, гдѣ говорится о попечителяхъ—мірянахъ, названное мнѣніе,—принятое въ Святѣйшемъ Синодѣ,—относительно учрежденія самостоятельной единовѣрческой, независимой іерархіи, говоритъ въ концѣ концовъ слѣдующее: «требовать, чтобы православная іерархія безъ вниманія къ церковнымъ правиламъ, къ совѣсти, къ здравому разсудку, поставила трехъ раскольническихъ архіереевъ и тѣмъ основала раскольническую іерархію и раскольническую церковь,—явленіе не вѣроятное, если бы оно не было предъ глазами» [81]). Мало этого. До чего невѣроятнымъ и вреднымъ казался названный проектъ представителямъ Православія,—это можно видѣть изъ того, что они его считали, когда не былъ извѣстенъ его авторъ, «дѣйствіемъ скрытыхъ орудій подземной Европейской революціи, которая какъ покушается разстроить и раздѣлить

Россію отторженіемъ Польши, Малороссіи и проч., такъ покушается болѣе и болѣе разстроить въ Россіи единство религіозное, которое препятствуетъ ея разрушительной работѣ» [82]). Открытіе впослѣдствіи главныхъ пропагандистовъ означеннаго проекта, которые въ концѣ 1864 года не только не скрывали своихъ плановъ, но всячески съ ними знакомили значительныхъ лицъ въ Петербургѣ [83]), не измѣнило у архипастырей Православной Церкви отношенія къ предпринятому о. Верховскимъ, купцами Шестовымъ и Петровымъ дѣлу. Архипастырь, наприм., Московскій, зная, что Петровъ усиливается прельстить своимъ проектомъ Московскихъ единовѣрцевъ и отвлечь ихъ отъ единства съ Православною Церковью, и что на трехъ или четырехъ изъ нихъ уже подѣйствовало его вліяніе [84]), постарался освѣтить истинныя стремленія единовѣрческихъ ходатаевъ и подлинный смыслъ ихъ ходатайства предъ высшими правительственными лицами. Старанія его не были тщетными. Можно полагать, что благодаря его письмамъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода [85]) и Министру Внутреннихъ Дѣлъ [86]), въ которыхъ митрополитъ доказывалъ весь вредъ отъ исполненія разсматриваемаго проекта не только для Церкви, но и для государства, всеподданнѣйшая записка Петрова и его сообщниковъ была отвергнута, какъ оскорбительная для Русской Церкви и ея іерархіи.

Вотъ какъ относились представители Православія къ вопросамъ изъ жизни Единовѣрія, если смотрѣли на нихъ принципіально. Это совсѣмъ не то отношеніе Церковной власти къ вопросу о томъ же, напримѣръ, единовѣрческомъ епископѣ въ то время, когда онъ разсматривался съ практической точки зрѣнія. Взгляды представителей Православія разсматриваемаго времени на Единовѣріе все тѣ же, что и прежде. А потому принципіальное рѣшеніе ими поднятыхъ единовѣрцами вопросовъ, не исключая и вопроса о единовѣрческомъ епископствѣ, было прежнимъ рѣшеніемъ.

Единовѣріе и въ это царствованіе не получило болѣе сильныхъ стимуловъ къ своему распространенію; развивалось случайнымъ образомъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ чисто внѣшняго характера.

ГЛАВА VI.

Нужды Единовѣрія въ царствованіе Александра III-го.

Нужды Единовѣрія продолжаютъ существовать. Благодаря имъ, оно мало распространяется и въ это царствованіе. Чтобы поставить Единовѣріе на должную высоту, единовѣрцы стараются такъ или иначе разрѣшить открытые вопросы о клятвахъ, о порицаніяхъ, о свободномъ переходѣ въ Единовѣріе, объ епископѣ и т. п.

Первыя просьбы, коими начинается рядъ ходатайствъ единовѣрцевъ въ царствованіе Александра III, были составлены и поданы еще въ 1877—78 годахъ. Въ августѣ 1877 года купцы-единовѣрцы, съѣхавшіеся въ Нижній-Новгородъ на всероссійскую ярмарку, составили въ Святѣйшій Синодъ слѣдующее прошеніе. «Въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ единовѣрцевъ, собравшихся изъ разныхъ мѣстъ Россіи, прошеніе. Долговременный опытъ показалъ, что Единовѣрческая Церковь имѣетъ нужду въ болѣе широкихъ правахъ относительно своихъ дѣйствій на расколъ и для еще полнѣйшаго единенія ея съ Православною Церковью, такъ какъ въ духѣ она едина и та же Православная Церковь. Требуется дополнить правила Единовѣрія, утвержденныя 27 октября 1800 года, въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Въ видахъ распространенія грамотности, особенно среди бѣднаго населенія, принятіе въ приходскія единовѣрческія училища дѣтей какъ единовѣрческихъ и старообрядческихъ, равно и православныхъ, не возбранять. 2) Единовѣрческіе священно-церковно-служители совершаютъ всѣ церковныя службы, требы и крестные ходы въ тѣхъ единовѣрческихъ церквахъ и приходахъ, къ которымъ они принадлежатъ,—по книгамъ церковно-служебнымъ, напечатаннымъ при пяти первыхъ московскихъ патріархахъ: Іовѣ, Гермогенѣ, Филаретѣ, Іосафѣ и Іосифѣ, и печатаемымъ въ Москвѣ при единовѣрческой типографіи. 3) Лица единовѣрческія, вступающія въ бракъ съ лицами православными, вѣнчаются, по взаимному и добровольному ихъ согласію, въ церкви православной, или единовѣрческой—безпрепятственно; такъ же и рожденныя въ этомъ бракѣ дѣти сподобляются крещенія и прочихъ Святыхъ Таинствъ въ церкви единовѣрческой, или въ храмѣ православномъ. 4) Необходимо

для преуспѣянія Православія (оно же есть Единовѣріе) допустить свободный переходъ въ Единовѣріе, такъ чтобы лицамъ, записаннымъ въ церковныхъ православныхъ метрикахъ, но на дѣлѣ къ Церкви не принадлежащимъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ Церкви на правилахъ Единовѣрія, дозволено было приписываться къ приходамъ единовѣрческимъ. Ибо для всѣхъ, имѣющихъ приверженность къ старообрядству, единственное спасеніе есть Церковь единовѣрческая. 5) Для успокоенія совѣсти всѣхъ находящихся въ союзѣ съ Православной Церковью на правилахъ Единовѣрія, достаточно и благословенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, до ожидаемаго нами разрѣшенія положенныхъ клятвъ соборомъ 1667 года, по всеподданнѣйшему прошенію московскихъ единовѣрцевъ въ 1864 году; ибо мѣстная церковно-обрядовая разность, не касающаяся главныхъ догматовъ вѣры православной, предусмотрѣна и разрѣшена въ грамотѣ вселенскаго патріарха Паисія и собора Константинопольскаго въ 1655 году (Скриж. стр. 645—648 и 742, Москва 1656 года). Да будетъ вѣдомо всѣмъ, любызающимъ союзъ церковный, что такая дарующая мѣстную свободу въ церковныхъ обрядахъ патріаршая соборная Константинопольская грамота—эпистолія утверждена и въ руководство для Всероссійской Церкви принята Московскимъ Соборомъ 1667 года. Правило 26 (допол. къ Акт. ист., т. V, стр. 472). 6) Да подтверждается словомъ и дѣломъ и да сохраняется всѣми въ точности и слѣдующее правило Единовѣрія: Происходившія доселѣ распри, раздоры и хулы, ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для Богослуженія; ибо таковая обосторонняя разность какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы (единовѣрцы) и сынове Грекороссійской Церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, соборныя и апостольскія Церкви» [1]).

Подъ прошеніемъ подписалось 20 лицъ. Подписавшійся подъ № 14-мъ московскій купецъ И. И. Шестовъ въ 1864 году былъ самымъ горячимъ распространителемъ проекта о всестарообрядческой іерархіи. Сейчасъ же, не задаваясь широкими задачами, онъ наряду съ прочими, подъ вліяніемъ толковъ о нуждахъ Единовѣрія, ходатайствуетъ предъ властью объ удовлетвореніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Кромѣ И. И. Шестова, подъ прошеніемъ никого не было изъ московскихъ единовѣрцевъ. Не было подъ нимъ рукъ и петербургскихъ соединенцевъ. Ходатайствовали, такимъ образомъ, одни лишь провинціальные единовѣрцы. Въ слѣдующемъ 1878 году мысль о ходатайствѣ предъ церковною властью относительно дополненія правилъ Единовѣрія возникла и среди столичныхъ единовѣрцевъ. Въ мартѣ этого года московскіе соединенцы значительнымъ большин-

ствомъ своего общества подали и со своей стороны просьбу, гдѣ тоже просили о разрѣшеніи принимать въ ихъ приходскія школы дѣтей православныхъ родителей, о предоставленіи имъ права дѣтей, рожденныхъ отъ отца православнаго и матери-единовѣрки и наоборотъ, крестить и пріобщать не въ однихъ православныхъ, но и въ единовѣрческихъ храмахъ. Затѣмъ, они ходатайствовали о томъ, чтобы какъ духовнымъ лицамъ, такъ и мірянамъ той и другой стороны предоставлена была полная взаимная свобода участія въ Богослуженіи и общеніи въ Таинствахъ, вопреки 11-му пункту правилъ Единовѣрія, проводящему въ этомъ отношеніи между православными и единовѣрцами рѣзкую черту раздѣленія. Далѣе, просили о томъ, чтобы лицамъ, записаннымъ въ церковныхъ православныхъ метрикахъ, но на дѣлѣ не принадлежащимъ къ Церкви, дозволено было приписываться къ единовѣрческимъ приходамъ, въ упраздненіе 5-го пункта правилъ 1800 г., которымъ безусловно требуется, чтобы такихъ лицъ не принимать въ общеніе единовѣрческихъ церквей, но обязывать ихъ быть прихожанами православныхъ церквей. Наконецъ, москвичи-единовѣрцы писали въ своемъ прошеніи и о слѣдующемъ: чтобы обѣимъ сторонамъ, просили они, православной и единовѣрческой, было подтверждено о точномъ соблюденіи 16-го пункта правилъ м. Платона, къ сожалѣнію, весьма часто пренебрегаемаго: «происходившія доселѣ распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ при Богослуженіи: ибо таковая обосторонняя разность какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы (единовѣрцы) и сынове Грекороссійскія Церкви въ мирѣ и любви и соединеніи, яко чада единыя, святыя, соборныя и апостольскія Церкви» [2]). Для удовлетворенія указанныхъ нуждъ просители полагали вполнѣ достаточнымъ разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, безъ предварительнаго сношенія съ восточными православными престолами, ссылаясь на эпистолію константинопольскаго Паисія съ соборомъ къ п. Никону, въ коей провозглашена мысль о свободѣ мѣстнаго церковнаго обряда и которая въ то же время одобрена и утверждена Московскимъ соборомъ 1666—67 года [3]).

Просьба московскихъ соединенцевъ объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ правилъ Единовѣрія, какъ видится, почти дословно повторяла предшествующую просьбу провинціальныхъ единовѣрцевъ. Новаго сравнительно съ прошеніемъ 1877 года она содержала очень немного. Новымъ было развѣ то, чтобы моленіе за Государя и Царствующій домъ во время Богослуженія дозволено было совершать имъ во всемъ согласно со старопечатными книгами, или по вновь издаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода формамъ, смотря по желанію прихожанъ, и чтобы какъ духовнымъ лицамъ, такъ и мірянамъ съ той и

съ другой стороны была предоставлена полная взаимная свобода участія въ Богослуженіи и общеніи Таинствъ.

Единовѣрческія ходатайства о дополненіи правилъ Единовѣрія въ разсматриваемое время не ограничились только что приведенными двумя просьбами. Въ августѣ того же 1878 года въ Святѣйшій Синодъ были доставлены еще прошеніе и подробная докладная записка. То и другое составлено было на происходившемъ тогда въ Нижнемъ-Новгородѣ съѣздѣ представителей Единовѣрія. Присутствовалъ на немъ и принималъ участіе въ составленіи іеромонахъ Пафнутій, прибывшій изъ Москвы съ разрѣшенія м. Иннокентія.

Податели послѣдней просьбы, упомянувъ въ началѣ о томъ, что Святѣйшимъ Синодомъ допущено и благословлено употребленіе единовѣрцами старыхъ обрядовъ, писали далѣе слѣдующее: «къ сожалѣнію сіе разрѣшеніе и благословеніе стараго обряда доселѣ остается необнародованнымъ отъ Святѣйшаго Синода никакимъ нарочитымъ актомъ въ прямыхъ и ясныхъ выраженіяхъ. Таковая неопредѣленность всегда лежала и лежитъ тяжелымъ бременемъ на совѣсти единовѣрцевъ, по наслѣдованію отъ предковъ, нетерпимо относящихся ко всему, что̀ умаляетъ достоинство святительства, и еще въ 1864 году вызвала ихъ на всеподданнѣйшее прошеніе отъ московскихъ единовѣрцевъ, о разрѣшеніи вопроса о клятвахъ посредствомъ спошенія Россійскаго Святѣйшаго Синода съ восточными святѣйшими патріархами. И нынѣ, въ августѣ прошедшаго 1877 года, отъ единовѣрцевъ разныхъ мѣстъ Россіи и въ мартѣ текущаго 1878 года отъ московскихъ единовѣрцевъ поданы два прошенія въ Святѣйшій Синодъ. И мы, уполномоченные отъ единовѣрческихъ обществъ, и частныя лица, нарочито собравшіяся въ Нижегородской ярмаркѣ, симъ покорнѣйше просимъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, дабы Ваше Святѣйшество благоволило ко всему прописанному въ сихъ прошеніяхъ и прилагаемой при семъ докладной запискѣ учинить рѣшеніе и, согласно сей нашей просьбѣ, обнародовать свое святительское разрѣшеніе и благословеніе нарочитымъ актомъ въ точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ, дабы всѣмъ ясно было, какой смыслъ соединяютъ святители Православія съ принятіемъ насъ въ общеніе и съ личными ихъ служеніями въ нашихъ храмахъ, въ загражденіе устъ противниковъ церковнаго мира и союза, въ утѣшеніе же, одобреніе и укрѣпленіе насъ въ послушаніи Церкви» [4]).

Ходатайства единовѣрцевъ, разсмотрѣніемъ коихъ была занята церковная власть въ царствованіе Александра III, не ограничились тремя приведенными просьбами, въ 1885 году они подаютъ въ Святѣйшій Синодъ еще прошеніе, на этотъ разъ не съ чѣмъ инымъ, какъ съ просьбой «объ изданіи отъ его имени постановленія, въ коемъ было

бы разъяснено, что Православная Греко-Россійская Церковь не утверждаетъ и не раздѣляетъ тѣхъ порицательныхъ выраженій о именуемыхъ старыхъ обрядахъ, которыя содержатся въ противораскольническихъ сочиненіяхъ прежняго времени». Въ основаніе своей просьбы единовѣрцы указывали на то, что означенныя порицательныя выраженія, «смущая единовѣрцевъ, препятствуютъ и обращенію старообрядцевъ въ лоно Православной Церкви на правилахъ Единовѣрія» [5]).

Въ послѣдній разъ въ это царствованіе единовѣрцы просятъ въ 1890 году. Единовѣрцы разныхъ мѣстностей, собравшіеся въ этомъ году на Нижегородской ярмаркѣ, за подписью 61 лица, подали въ Св. Синодъ прошеніе объ удовлетвореніи разныхъ нуждъ единовѣрцевъ [6]). Шестой пунктъ изъ 8-ми сего прошенія говоритъ объ епископѣ. Содержаніе его таково: «Просимъ и умоляемъ Ваше Святѣйшество даровать единовѣрческихъ епископовъ, которые бы могли сначала ослабить расколъ, впослѣдствіи положить конецъ Австрійской тайной іерархіи и всему ихъ священству; единовѣрческіе епископы, какъ каноническіе, одни только и могутъ поразить расколъ въ самое сердце».

На первое время единовѣрцы просили даровать имъ трехъ епископовъ: «въ Москвѣ, зависимаго отъ Московскаго митрополита, съ правомъ завѣдывать всѣми единовѣрческими церквами Московской епархіи..; такому епископу поручить по удобству единовѣрческія церкви и близъ лежащихъ къ Москвѣ епархій, а также южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ съ тѣмъ, чтобы завѣдываніе оными единовѣрческими церквами и монастырями было лишь посредственное, недопускающее вмѣшательствъ въ дѣла епархій. Опредѣленіе священно-церковно-служителей къ единовѣрческимъ церквамъ должно зависѣть по-прежнему отъ мѣстнаго архіерея; рукоположеніе же во священныя степени, въ случаѣ желанія паствы, могло бы быть совершаемо съ разрѣшенія мѣстнаго епархіальнаго архіерея единовѣрческими епископами».

Второй единовѣрческій епископъ съ званіемъ «Уральскаго» долженъ имѣть пребываніе въ Нижнемъ Уральскѣ и управлять церквами Уральской области, въ которой всѣ монастыри и всѣ 30 церквей (за исключеніемъ двухъ) единовѣрческія, и гдѣ все христіанское (за весьма малымъ исключеніемъ) населеніе употребляетъ двуперстіе. Уральскій епископъ долженъ наблюдать за единовѣрческими церквами епархій: Оренбургской, Самарской, Уфимской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской.

Третій единовѣрческій епископъ долженъ быть въ подчиненіи Екатеринбургскаго епархіальнаго архіерея и завѣдывать единовѣрческими церквами въ епархіяхъ: Екатеринбургской, Пермской, Вятской и Сибирскихъ.

«Кандидаты въ единовѣрческіе епископы должны быть избираемы

самими единовѣрцами, для чего долженъ быть выработанъ особый духовный регламентъ, основанный на церковныхъ канонахъ и правилахъ».

«Признанные Св. Синодомъ достойными епископства представляются въ числѣ трехъ кандидатовъ на Высочайшее одобреніе, а затѣмъ должны быть хиротонисованы въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, по старопечатному требнику,—первый православными епископами, а прочіе при участіи православныхъ и единовѣрцевъ».

«Дозволить всѣмъ единовѣрческимъ епископамъ ежегодно собираться, не болѣе какъ на 40 дней, въ Москвѣ для обсужденія церковныхъ дѣлъ, касающихся единовѣрческихъ церквей и монастырей. Журналы съѣзда представляются на разсмотрѣніе Св. Синода, который и утверждаетъ тѣ постановленія съѣзда, которыя онъ признаетъ нужными».

Вопросъ о клятвахъ Собора 1667 года занимаетъ въ ходатайствахъ, какъ и прежде, послѣ вопроса о епископѣ центральное мѣсто. Выдвигая его, единовѣрцы заботятся о пользѣ какъ той, такъ и другой стороны: единовѣрческой и православной [7]). При ясномъ разрѣшеніи этого вопроса, по мысли просителей, возрастетъ и «достоинство святителей», и прибудетъ «утѣшеніе, одобреніе и утвержденіе» для самихъ единовѣрцевъ [8]), и заградятся уста противниковъ церковнаго мира и союза [9]). Послѣ удовлетворительнаго разрѣшенія этого вопроса, говорили просители въ одномъ изъ своихъ прошеній, именованіе «единовѣрцы» будетъ имѣть дѣйствительное значеніе, именно: они пребываютъ въ единеніи съ Православною Церковью, а не составляютъ изъ себя какъ бы особую христіанскую общину, невполнѣ благодатную [10]).

Настаивая на разрѣшеніи вопроса о клятвахъ, единовѣрцы въ первыхъ двухъ прошеніяхъ говорятъ о сношеніи Святѣйшаго Синода по этому дѣлу съ восточными патріархами. Говоря объ этомъ сношеніи, они готовы однако ждать его терпѣливо до тѣхъ поръ, когда не представится для него благопріятныхъ обстоятельствъ [11]). До этого времени для успокоенія совѣсти всѣхъ находящихся въ союзѣ съ Православною Церковью на правилахъ Единовѣрія, по ихъ мнѣнію, достаточно и благословенія Святѣйшаго Синода. По мнѣнію подателей прошеній соборъ 1667 года не могъ осудить съ клятвой старыхъ обрядовъ потому, что утвердилъ и принялъ въ руководство эпистолію Константинопольскаго патріарха Паисія и собора, эпистолію, признававшую свободу въ церковныхъ обрядахъ. Успокоенные, благодаря этому соображенію, въ вопросѣ о клатвахъ, они терпѣливо могутъ ждать вселенскаго разрѣшенія клятвъ, о коемъ просили въ послѣдній разъ въ 1864 году.

Въ позднѣйшихъ прошеніяхъ, подъ вліяніемъ указаній свыше, единовѣрцы совсѣмъ оставляютъ мысль о необходимости участія при этомъ восточныхъ патріарховъ. По мнѣнію представителей съѣзда едино-

вѣрцевъ въ 1878 году, въ вопросѣ о клятвахъ Собора довольно одного Синодальнаго, точнаго, яснаго разъясненія.

Они согласны успокоиться разрѣшеніемъ одного лишь русскаго Синода, обнародованнымъ въ нарочитомъ актѣ въ точныхъ и ясныхъ выраженіяхъ [12]). Удовлетвореніе Синодальнымъ разрѣшеніемъ видно и въ прошеніи 1885 года.

Выдвигая вопросъ о клятвахъ Собора 1667 года и смежный съ нимъ вопросъ о порицаніяхъ на старые обряды, единовѣрцы настаиваютъ на разрѣшеніи ихъ, не ради какого-либо торжества Единовѣрія надъ Православіемъ и не для коренного какого-либо измѣненія въ церковной жизни православныхъ. Выдвигаютъ они ихъ по искренности отношеній къ Православной Церкви. Относясь нелицемѣрно къ Православію, они желаютъ такого же отношенія къ себѣ и со стороны православныхъ. Единовѣрцы стремятся, чтобы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ къ православнымъ не было ни виду, ни тѣни недовѣрія и неискренности, чтобы никто изъ постороннихъ не могъ заподозрить достоинства ихъ единенія. «Вникая, пишутъ они въ одномъ изъ своихъ прошеній, въ содержаніе составленныхъ старообрядцами пунктовъ и вызванныхъ на оное со стороны м. Платона мнѣній и замѣчаній, нельзя не придти къ убѣжденію, что ученый святитель, указывая правила для возсоединенія старообрядцевъ съ Православной Церковью, выражалъ весьма тѣсныя рамки, какъ бы опасаясь будущности Единовѣрія и не довѣряя искренности соединенія старообрядцевъ. Въ настоящее же время, когда Единовѣріе и его отношеніе къ Православной Церкви достаточно уяснились, когда съ одной стороны искренность единовѣрцевъ сдѣлалась несомнѣнною, въ чемъ неоднократно свидѣтельствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ и, съ другой—тѣспота предѣловъ, намѣченныхъ митрополитомъ Платономъ для Единовѣрія, *все еще даетъ поводъ раскольникамъ хулить Единовѣріе и отъ него отдаляться*, тогда какъ оно должно бы быть самымъ вѣрнымъ и легкимъ способомъ къ соединенію раскольниковъ съ Православной Церковью, когда, наконецъ, вслѣдствіе настоящаго неопредѣленнаго положенія Единовѣрія и дарованія религіозной свободы раскольникамъ въ средѣ ихъ исчезаетъ и исчезнетъ всякое желаніе къ примиренію съ Православной Церковью черезъ присоединеніе къ Единовѣрческой церкви, необходимо дать Единовѣрію большее значеніе, такъ чтобы связь его съ Православіемъ была ближе» [13]).

Вотъ, ключъ къ разумѣнію непрестанныхъ единовѣрческихъ ходатайствъ о разъясненіи клятвъ и порицаній на старые обряды. Чрезъ эти ходатайства, ради пользы той и другой стороны—православной и единовѣрческой, просители добиваются единства Единовѣрія съ Православной Церковью, его равночестія и равноправія съ ней, коимъ

ни въ какомъ случаѣ не должны бы мѣшать ни клятвы Собора 1667 года, ни порицанія на старые обряды въ полемическихъ сочиненіяхъ [14]).

Ничѣмъ инымъ, какъ только этими соображеніями просителей, подняты вопросы о свободномъ переходѣ старообрядствующихъ православныхъ въ Единовѣріе (5-й пунктъ правилъ Единовѣрія), объ общеніи (11-й пунктъ) православныхъ съ единовѣрцами въ таинствахъ причащенія, брака (14) и въ другихъ случаяхъ церковной жизни (о крещеніи дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами въ единовѣрческихъ храмахъ, о допущеніи православныхъ дѣтей въ единовѣрческія школы).

Единовѣрцы говорятъ о болѣе свободномъ, чѣмъ прежде, переходѣ въ Единовѣріе старообрядствующихъ православныхъ. Просители почтительнѣйше представляютъ на милостивое усмотрѣніе Св. Синода предположеніе объ измѣненіи 5-го пункта правилъ Единовѣрія.

Въ аргументаціи проектируемаго измѣненія, единовѣрцы указываютъ на вредъ прежней редакціи правила. Резолюція м. Платона на 5-й пунктъ правилъ Единовѣрія, по мнѣнію просителей, лишь «поддерживаетъ и укрѣпляетъ расколъ». «При существованіи, говорятъ они, въ минувшее время строгихъ мѣръ со стороны правительства по отношенію къ старообрядцамъ, они, при открытомъ заявленіи себя раскольниками, были угрожаемы лишеніемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ, и поэтому, желая оставаться вѣрными древнимъ, любимымъ имъ обычаямъ, по снисхожденію духовенства несправедливо записывались въ православныхъ приходахъ бывшими на исповѣди и у Св. Причастія и даже иногда вѣнчавшимися; въ дѣйствительности же никогда сего не исполняли и находились въ расколѣ. Нынѣ многіе изъ таковыхъ тайныхъ раскольниковъ, считающихся по спискамъ православными, желаютъ присоединиться ко св. Церкви на правилахъ Единовѣрія; но при такихъ случаяхъ православные архипастыри поставляются въ невыходимое затрудненіе, ибо, согласно мнѣнію м. Платона, они не имѣютъ права разрѣшить таковаго присоединенія, и этимъ самымъ заграждается старообрядцамъ входъ во врата св. Церкви, чрезъ что они и обрекаются на всегдашнее невольное пребываніе въ расколѣ». «*Слѣдовательно*», заключали единовѣрцы-просители, «*мнѣніе м. Платона на 5-й пунктъ поддерживаетъ и укрѣпляетъ расколъ и производитъ вредъ Православію*» [15]). Чтобы не остаться голословными въ такомъ осужденіи прежней редакціи второй половины 5-го пункта правилъ Единовѣрія, единовѣрцы рисуютъ цѣлыя картины тѣхъ ненормальностей, какія вызывало въ церковной жизни разбираемое мнѣніе м. Платона. «Безчисленны, писали они, таковые примѣры, что цѣлыя деревни и селенія, отпавъ

отъ Православія и состоя въ расколѣ, искали единенія съ св. Церковью на правилахъ Единовѣрія и не получили на то разрѣшенія, какъ нечислящіяся въ спискахъ раскольниковъ, и поэтому невольно и принужденно остались навсегда въ расколѣ, а затѣмъ открыто заявили себя состоящими въ ономъ. Св. Синодъ, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по Оренбургской и Костромской губерніямъ, разрѣшилъ принять Единовѣріе числившимся по метрикамъ православными тайнымъ раскольникамъ цѣлыхъ волостей. Но сколько было въ семъ случаѣ противленія, споровъ и напрасной переписки со стороны православнаго духовенства и даже архипастырей! Сколько испытали въ такомъ св. дѣлѣ душевной тревоги жаждущіе единенія съ святою Церковью! Имъ грозило вѣчное за себя и за ихъ потомство отсѣченіе отъ Христовой паствы и проклятіе. *И нынѣ, при существованіи изложеннаго мнѣнія митрополита Платона, святая Церковь,* заключали просители, *лишается громаднаго числа чадъ своихъ, которыя жаждутъ единенія съ ней, но по привязанности своей къ старымъ книгамъ и обычаямъ отцовъ своихъ желаютъ присоединиться только на правилахъ Единовѣрія;* получая же въ семъ богоугодномъ желаніи отказъ потому собственно, что они въ теченіе многихъ лѣтъ, а нѣкоторые даже отъ рожденія по неправильно веденнымъ метрикамъ числились православными, устремляются опять въ расколъ, не видя для себя исхода и снисхожденія со стороны святой Церкви, Божественный Основатель которой изрекъ: «грядущаго ко Мнѣ не иждену вонъ».

Измѣненіе правила, по доводамъ просителей, слѣдовало сдѣлать какъ изъ практическихъ соображеній, въ виду его полезности, такъ и изъ принципіальныхъ взглядовъ на Единовѣріе и отношеній къ нему самихъ единовѣрцевъ. «Необходимо», пишутъ нижегородскіе единовѣрцы въ четвертомъ пунктѣ своего прошенія, «для преуспѣянія Православія (оно же есть и Единовѣріе) допустить свободный переходъ въ Единовѣріе, такъ чтобы лицамъ, записаннымъ въ церковныхъ православныхъ метрикахъ, но на дѣлѣ къ Церкви не принадлежащимъ, въ случаяхъ обращенія ихъ къ Церкви на правилахъ Единовѣрія дозволено было присоединиться къ приходамъ единовѣрческимъ. Ибо для всѣхъ, имѣющихъ приверженность къ старообрядству, единственное спасеніе есть церковь единовѣрческая» [15]). При прежней редакціи правила, по мнѣнію просителей, выходили большія несообразности: незаписные старообрядцы, хотя по духу были не лучше записныхъ, при своемъ обращеніи встрѣчали препятствіе: ихъ не пускали въ единовѣрческую церковь, а въ православную они сами не шли въ виду приверженности къ старымъ обрядамъ. Поэтому, въ концѣ концовъ, оставались въ расколѣ. При предлагаемой редакціи правила— этихъ ненормальностей уже не могло быть. Причинъ оставаться въ

расколѣ вставшимъ на путь обращенія не предвидѣлось. Они могли безпрепятственно обращаться въ Единовѣріе, чрезъ что усиливали бы и самое Православіе (Единовѣріе съ Православіемъ—одно).

Новый порядокъ обращенія незаписныхъ старообрядцевъ, по мысли единовѣрцевъ, болѣе соотвѣтствовалъ бы и желательному для нихъ равноправію Единовѣрія съ Православіемъ. Просители въ проектируемомъ ими измѣненіи означеннаго правила не видятъ, если бы оно случилось, ничего несправедливаго и незаконнаго. «Единовѣрческая церковь, пишутъ они, называется такъ потому, что исповѣдуетъ одну и ту же вѣру, которая исповѣдуется всею Грекороссійскою Церковью. А въ такомъ случаѣ... никакой разницы не должно быть между православной и единовѣрческою церковью. А потому, если каждый прихожанинъ православной приходской церкви можетъ переходить и перечисляться изъ одного прихода въ другой; то почему же возбраняется сомнѣвающемуся, отпадающему и даже отпадшему прихожанину перечисляться изъ приходской православной церкви въ единовѣрческую? Вѣдь, единовѣрческая церковь есть одна и та же православная церковь» [16]).

За справедливость и законность проектируемаго измѣненія 5-го правила, по мнѣнію просителей, говоритъ въ концѣ концовъ не только равночестіе Единовѣрія съ Православіемъ, признаваемое и самими нѣкоторыми представителями Православія, но и ихъ искреннее отношеніе къ Православію и къ своему собственному Единовѣрію. Свое Единовѣріе они не считаютъ какой-то особой отъ Православія общиной. «Та или другая единовѣрческая церковь ни больше, ни меньше, какъ приходъ Православной Церкви» [17]).

Искренность отношеній единовѣрцевъ къ Православной Церкви, по словамъ единовѣрцевъ, сдѣлалась несомнѣнной» [18]).

Въ связи съ 5-мъ пунктомъ правилъ Единовѣрія, старообрядцы-соединенцы хлопотали объ измѣненіи и 11 § тѣхъ же правилъ, по которому лицамъ православнымъ позволяется пріобщаться Св. Таинъ отъ единовѣрческаго священника только въ «крайней нуждѣ», въ смертномъ случаѣ, «гдѣ бы не случилось найти православнаго священника Церкви». Просители выражали желаніе измѣнить его такъ: «Если кто изъ единовѣрцевъ пожелаетъ исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ въ православной церкви; равнымъ образомъ, если кто изъ православныхъ пожелаетъ быть у исповѣди и у святаго причастія Святыхъ Таинствъ въ единовѣрческой церкви и у единовѣрческаго священника, тѣмъ и другимъ дозволять сіе безвозбранно».— Мнѣніе митрополита Платона на 11 § правилъ Единовѣрія единовѣрцы-просители находили, во-первыхъ, «не вполнѣ соотвѣтствующимъ правильному понятію о единовѣрческой церкви, какъ воедино соединен-

ной съ православной церковью». Оно, по ихъ мнѣнію, противорѣчило равночестности и равноправію ихъ.

Затѣмъ, старая редакція правила, по мысли просителей, возбуждаетъ и неискреннее отношеніе къ Церкви среди нѣкоторыхъ единовѣрцевъ. Послѣдніе въ такомъ мнѣніи митрополита Платона видятъ признаки неполнаго признанія единства и общенія ихъ съ Православною Церковью. Нѣкоторые единовѣрцы, по словамъ прошенія, «не могутъ уяснить себѣ такого обстоятельства, какимъ образомъ высшее духовное правительство, признавая единовѣрцевъ за истинныхъ и вѣрныхъ чадъ единой Православной апостольской Церкви, не дозволяетъ православному мірянину пріобщаться въ единовѣрческихъ храмахъ, исключая одного только смертнаго случая, да и то при неимѣніи въ виду православной церкви» [19]). Находя возможнымъ пріобщеніе въ единовѣрческихъ храмахъ для православнаго архіерея и клира во время ихъ служенія тамъ (§ 4 правилъ Единовѣрія), въ то же время духовная власть, однако, считаетъ это недопустимымъ для православнаго мірянина. Такое неодинаковое отношеніе, по словамъ прошенія, нѣкоторымъ единовѣрцамъ прямо-таки непонятно. У нихъ, благодаря ему, бываютъ сомнѣнія и въ благодати своихъ священниковъ. «Сомнѣнія, писали просители, тяготятъ единовѣрцевъ при мысли, что единовѣрческій священникъ, рукоположенный однимъ архіереемъ, какъ и православный священникъ, не удостоивается какъ бы особенной благодати преподать Святыя Таинства православному».

Еще болѣе недоразумѣній и соблазна по поводу 11 § правилъ, по словамъ прошенія, происходитъ среди старообрядцевъ. Здѣсь этотъ пунктъ прямо вреденъ. «Руководители и ревнители раздора,—по словамъ просителей,—въ мнѣніи митрополита Платона намѣренно находятъ доказательство тому, что аки бы сама Православная Церковь признаетъ совершаемыя въ единовѣрческихъ церквахъ таинства не вполнѣ правильными, и что аки бы Единовѣріе составляетъ какую-то особую, отдѣльную отъ Православной Церкви, неблагодатную общину. И что особенно печально: такимъ своимъ толкованіемъ не безъ успѣха поддерживаютъ въ расколѣ тѣхъ, у кого примѣчаютъ намѣреніе присоединиться къ святой Церкви на правилахъ Единовѣрія».

Изложивши доводы противъ мнѣнія митрополита Платона на § 11 правилъ, единовѣрцы не оставляютъ безъ доказательства и свое проектированное измѣненіе этого правила. Въ пользу послѣдняго они приводятъ, съ одной стороны, его безвредность для Церкви, съ другой стороны, его полезность для колеблющихся между расколомъ и Православіемъ и, съ третьей,—его соотвѣтственность положенію Единовѣрія въ Русской Церкви. «Православный, съ дѣтства пріобыкшій къ обрядамъ своей Церкви, едва-ли, писали единовѣрцы, возъимѣетъ склон-

ность къ единовѣрческимъ обрядамъ, и только тѣ изъ православныхъ, которые привыкли, по воспитанію своему, къ старымъ книгамъ и обрядамъ и посему неискренно принадлежатъ къ своей Церкви и склонны даже къ переходу въ расколъ, ищутъ въ Единовѣріи, какъ послѣднемъ убѣжищѣ, удовлетворенія душевныхъ своихъ потребностей». Единовѣріе съ измѣненнымъ 11 пунктомъ служило бы, такимъ образомъ, безопаснымъ пристанищемъ отъ потопленія ихъ въ расколѣ. Такіе только колеблющіеся и могутъ переходить изъ Православія въ Единовѣріе, и таковой ихъ переходъ въ Единовѣріе нисколько не будетъ вреденъ Православію, потому что Единовѣріе есть одно и то же Православіе»...

Мѣрка безвредности, полезности и соотвѣтственности прилагается единовѣрцами не только къ проектированнымъ ими измѣненіямъ 5 и 11 §§ правилъ Единовѣрія. Она выдвигается ими при просьбѣ и о другихъ дополненіяхъ иныхъ пунктовъ митрополита Платона, если не въ цѣломъ, то по частямъ. Кромѣ просьбы объ измѣненіи 5 и 11 §§ правилъ Единовѣрія, старообрядцы-соединенцы въ разсматриваемыхъ ходатайствахъ хлопочутъ объ измѣненіи, наприм., 15-го пункта правилъ Единовѣрія. Возношеніе моленій о здравіи Царствующаго Дома, по мнѣнію митрополита Платона, должно было совершаться по издаваемымъ Святѣйшимъ Синодомъ формамъ. Но такое моленіе въ глазахъ единовѣрцевъ было противорѣчіемъ третьему пункту правилъ Единовѣрія, разрѣшавшему старообрядцамъ-соединенцамъ совершать службу и св. Таинства по книгамъ, напечатаннымъ при первыхъ пяти патріархахъ. Отсюда, ходатайства о разрѣшеніи поминать во время Богослуженія Царя и Его Августѣйшую Фамилію—«согласно старопечатнымъ книгамъ». Въ такомъ разрѣшеніи, если бы оно случилось, единовѣрцы тоже не видятъ ничего вреднаго для Церкви. Моленіе за Государя по старопечатнымъ книгамъ «нисколько не измѣняетъ, говорили просители, ни догматовъ и ученій Православной вѣры, ни вѣрноподданическихъ чувствъ и обязанностей къ Его Величеству Государю Императору и всему Его Августѣйшему Дому» [20]).

Хлопотали единовѣрцы о дополненіи еще 14 § правила Единовѣрія. По упомянутому правилу лица единовѣрческія, вступающія въ бракъ съ лицами православными, могли безпрепятственно вѣнчаться по взаимному согласію какъ въ православной церкви, такъ и въ единовѣрческой. Настоящія ходатайства стремятся его дополнить такъ, чтобы и дѣти отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ могли сподобляться св. крещенія и прочихъ таинствъ тоже безпрепятственно, какъ въ православномъ, такъ и въ единовѣрческомъ храмѣ [21]).

Свободное, безпрепятственное общеніе православныхъ съ единовѣрцами, по содержанію разсматриваемыхъ прошеній, не ограничи-

вается общеніемъ ихъ только въ церковныхъ таинствахъ. Оно безъ вреда для Православія, въ то же время съ пользой для Церкви должно обнаруживаться и въ прочей церковной жизни. Дѣти православныхъ родителей, въ видахъ распространенія грамотности въ народѣ, могли-бы, по словамъ единовѣрцевъ, безпрепятственно посѣщать единовѣрческія школы [22]).

Всѣ просьбы, начиная съ вопроса о епископѣ, наполнены искреннимъ отношеніемъ единовѣрцевъ къ Православію, стремленіемъ достигнуть соотвѣтственнаго положенія въ Церкви.

Положенія этого однако не достигаютъ, а потому Единовѣріе по старому плохо распространяется.

Дополненія правилъ Единовѣрія 1800 г.

Единовѣрцы просили о пересмотрѣ, исправленіи и дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ 1800 г., выражая при этомъ желаніе и надежду, что Святѣйшій Синодъ благоволитъ и нарочитымъ актомъ въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ раскрыть смыслъ клятвъ, положенныхъ Московскимъ соборомъ 1667 года, и тѣмъ успокоить совѣсть какъ всѣхъ находящихся въ союзѣ съ Православною Церковью на правилахъ Единовѣрія, такъ и старообрядцевъ, ищущихъ единенія съ Православною Церковью на тѣхъ же правилахъ. Плодомъ всесторонняго и внимательнаго разсмотрѣнія этихъ просьбъ Единовѣрія было особое отъ 8 мая—17 іюня 1881 года опредѣленіе Святѣйшаго Синода, утвержденное Высочайшею Властью 4 іюля того же года. Въ опредѣленіи о дополненіяхъ къ правиламъ 1800 г. Святѣйшій Синодъ прежде всего нашелъ необходимымъ вновь подтвердить, что «учрежденіе единовѣрческихъ церквей послѣдовало по снисхожденію Православной Церкви для облегченія отторгшимся отъ нея пути возвращенія въ лоно Церкви; что Единовѣріе, исповѣдуя догматы Христіанской вѣры въ духѣ и истинѣ вселенскаго Православія, однако отправляетъ богослуженіе и церковныя требы по книгамъ, не чуждымъ въ словахъ и обрядностяхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, съ отступленіемъ отъ общепринятаго на всемъ православномъ востокѣ церковнаго чина». Дополненія правилъ 1800 года, какія Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ, были слѣдующія: 1) въ первомъ параграфѣ своего опредѣленія, онъ говорилъ: «По 14-му пункту правилъ, единовѣрцамъ предоставлено: сочетающимся бракомъ съ православными вѣнчаться или въ православныхъ или въ единовѣрческихъ церквахъ, смотря по общему согласію брачущихся. Единовѣрцы изъ Нижняго-Новгорода просятъ, чтобы и ро-

жденныя въ этомъ бракѣ дѣти сподоблялись крещенія и прочихъ святыхъ таинствъ въ церкви единовѣрческой, или въ храмѣ православномъ. Въ виду бывшихъ частныхъ разрѣшеній подобныхъ просьбъ со стороны Святѣйшаго Синода, представляется возможнымъ дополнить 14 пунктъ сказанныхъ правилъ дозволеніемъ и дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами, смотря по общему желанію ихъ родителей, крестить въ православной или единовѣрческой церкви, равно сподоблять и прочихъ Святыхъ Таинствъ въ церкви православной или въ храмѣ единовѣрческомъ». Святѣйшій Синодъ предоставилъ такимъ образомъ дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ православныхъ съ единовѣрцами, крестить по желанію въ православной или единовѣрческой церкви; равнымъ образомъ и другія таинства принимать въ той и другой церкви. 2) 5-й пунктъ правилъ 1800 года Святѣйшій Синодъ дополнилъ разрѣшеніемъ присоединяться къ Единовѣрію тѣмъ изъ записныхъ православныхъ, кои не менѣе 5 лѣтъ уклонились отъ исполненія таинствъ Православной Церкви. Вотъ что подъ цифрой «2» своего опредѣленія говорилъ Синодъ. «По пункту 5-му правилъ Единовѣрія 1800 года дозволено присоединяться къ Единовѣрію незаписнымъ раскольникамъ не иначе, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что присоединяющіяся никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ. Единовѣрцы просятъ, чтобы лицамъ, записаннымъ въ церковныхъ православныхъ метрикахъ, но на дѣлѣ къ Церкви не принадлежащимъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ церкви, было дозволено приписываться къ приходамъ единовѣрческимъ. Въ разрѣшеніе этой просьбы и согласно съ преподанными отъ Святѣйшаго Синода нѣкоторымъ преосвященнымъ по частнымъ случаямъ наставленіями представляется достаточнымъ 5-й пунктъ правилъ объ Единовѣріи дополнить разъясненіемъ, что разрѣшается присоединяться къ Единовѣрію тѣмъ изъ записныхъ православныхъ, кои, по надлежащемъ разслѣдованіи, окажутся издавна, не менѣе пяти лѣтъ, уклоняющимися отъ исполненія таинствъ Православной Церкви, но не иначе, какъ съ особаго относительно каждаго изъ такихъ лицъ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго». 3) Святѣйшій Синодъ, не встрѣтилъ препятствій въ 3-хъ и къ тому, чтобы православные обращались къ единовѣрческимъ священникамъ для исполненія христіанскаго долга исповѣди и Св. Причащенія, хотя ограничилъ обращеніе особо-уважительными случаями. «По 11 пункту правилъ Единовѣрія, говорилось въ третьемъ параграфѣ, отдѣла о дополненіяхъ, дозволено православному принимать причащеніе, отъ единовѣрческаго священника лишь въ крайней нуждѣ, въ смертномъ случаѣ, гдѣ нельзя найти православнаго священника и церкви. Московскіе единовѣрцы просятъ изложить 11 пунктъ правилъ Еди-

новѣрія такимъ образомъ: «Если кто изъ единовѣрцевъ пожелаетъ исповѣдываться и пріобщаться Святыхъ Таинъ въ православной церкви, равнымъ образомъ, если кто изъ православныхъ пожелаетъ быть на исповѣди и у Святого Причастія въ единовѣрческой церкви и у единовѣрческаго священника, тѣмъ и другимъ дозволять сіе безвозбранно». Препятствій къ удовлетворенію такой просьбы Святѣйшій Синодъ не встрѣчаетъ, съ присовокупленіемъ однако, что православные могутъ обращаться къ единовѣрческимъ священникамъ, для исполненія христіанскаго долга исповѣди и Святого Причащенія, лишь въ особо-уважительныхъ случаяхъ, съ тѣмъ при томъ, чтобы подобное обращеніе отнюдь не служило поводомъ къ перечисленію православнаго въ Единовѣріе, для чего православный, исполнившій въ подобныхъ случаяхъ христіанскій долгъ исповѣди и Святого Причастія въ единовѣрческой церкви, обязывается представить своему приходскому священнику полученное имъ отъ единовѣрческаго—свидѣтельство о бытіи у исповѣди и причастія Святыхъ Таинъ въ единовѣрческой церкви, для внесенія соотвѣтствующей записи о семъ въ книгу приходской церкви».

Единовѣрцы просили не только о дополненіи нѣкоторыхъ правилъ 1800 года, но и о подтвержденіи нѣкоторыхъ пунктовъ этихъ правилъ. Святѣйшій Синодъ удовлетворилъ эту просьбу соединенцевъ. «Единовѣрцы просятъ, говорится въ концѣ опредѣленія, о подтвержденіи пункта 16 правилъ Единовѣрія, возбраняющаго распри, раздоры и хулы со стороны единовѣрцевъ и православныхъ за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи. Просьбу эту, признанную еще въ 1800 году покойнымъ митрополитомъ Платономъ за «требованіе благое и достойное, чтобы оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности», Святѣйшій Синодъ находитъ заслуживающею полнаго уваженія въ надеждѣ, что, во-первыхъ, и сами единовѣрцы воздержатся отъ всякой укоризны на служеніе по исправленнымъ книгамъ и обрядамъ и не станутъ чуждаться общенія со всѣми чадами Единыя, Святыя и Апостольскія Церкви въ молитвѣ и таинствахъ и препятствовать въ томъ своимъ священникамъ. Но при томъ и всѣ православныя чада Грекороссійской Церкви въ свою очередь, посѣщая единовѣрческія церкви, обязываются соблюдать какъ уваженіе къ уставу и чинопослѣдованію оныхъ, такъ и подобающее святынѣ храма благоговѣніе».

Въ 1885 году Святѣйшимъ Синодомъ было сдѣлано еще небольшое дополненіе къ правиламъ Единовѣрія. Въ этомъ году высшая церковная власть разъяснила, что при присоединеніи изъ раскола въ Единовѣріе слѣдуетъ довольствоваться выдаваемыми присоединяющимися лицами подписками, не требуя засвидѣтельствованія таковыхъ подписокъ волостными и сельскими правленіями. Это послѣднее обстоя-

тельство не мало препятствовало росту Единовѣрія, его вліянію на расколъ. Не говоря уже о томъ, что требовался непроизводительный лишній трудъ отъ присоединяющихся къ Единовѣрію, эти послѣдніе нерѣдко въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ членами ихъ изъ старообрядцевъ отклонялись отъ святого намѣренія быть единовѣрцами и оставались иногда по-старому отщепенцами [23]).

Слѣдующимъ по времени распоряженіемъ Св. Синода по дѣламъ Единовѣрія было изданіе постановленій казанскаго Собранія архипастырей (въ 1885 г.) и «Изъясненіе о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды» (4 марта 1886 г.). Послѣднее явилось въ отвѣтъ на прошеніе Московскихъ единовѣрцевъ 1885 года.

«Поелику, свидѣтельствовалъ въ немъ Синодъ, ревнители раскола тщатся возлагать на Церковь вину и отвѣтственность за встрѣчаемыя въ прежнихъ полемическихъ книгахъ порицательныя выраженія о нѣкоторыхъ старыхъ обрядахъ, при томъ преувеличиваютъ и извращаютъ смыслъ сихъ выраженій, а многіе единовѣрцы и даже нѣкоторые православные смущаются сими выраженіями: то въ устраненіе всякихъ лжетолкованій и въ прекращеніе всякихъ сомнѣній, Святѣйшій Синодъ Церкви Россійской посредствомъ настоящаго изъясненія даетъ знать всѣмъ, что православная Церковь признаетъ содержащееся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ порицательные отзывы и выраженія объ старыхъ обрядахъ принадлежащими лично писателямъ сихъ сочиненій, которыми они произнесены по особой ревности о защитѣ православной Церкви и содержимыхъ ею обрядовъ отъ нестерпимодерзкихъ хуленій на оные со стороны раскольническихъ писателей».

Упомянувъ въ началѣ «Изъясненія» о книжной справѣ при патріархѣ Никонѣ и о появленіи старообрядцевъ съ ихъ дерзкими хульными и лживыми порицаніями и обвиненіями на православную Церковь, высшая церковная власть, такимъ образомъ, разъясняетъ, откуда проистекли у нѣкоторыхъ православныхъ полемистовъ рѣзкія иногда порицанія и какъ на нихъ должно смотрѣть.—«Православная Церковь говорилъ Святѣйшій Синодъ въ своемъ Изъясненіи, отличала и отличаетъ именуемые старые обряды, по существу и смыслу ихъ, отъ того, въ какомъ значеніи и въ какомъ отношеніи къ Церкви употребляются они неразумными ихъ ревнителями. Такъ еще великій Московскій соборъ 1667 года въ своемъ опредѣленіи 13 мая, изданномъ въ вѣчное утвержденіе и присное воспоминаніе, строго осудивъ, предавъ отлученію и клятвѣ всѣхъ, непокоряющихся его опредѣленію о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ и вопреки оному называющихъ сіи книги, чины и обряды неравноисправленными, еретическими и дерзающихъ поносить православную Цер-

ковь, ихъ употребляющую, тяжкими укоризнами, не подвергъ однако же осужденію, порицанію и безусловному воспрещенію обряды, употреблявшіеся въ Россіи до исправленія помянутыхъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Это вѣрно, потому что въ подлинномъ текстѣ соборнаго постановленія отъ 13 мая никто смотрящій непредубѣжденными очами не найдетъ и не укажетъ прямого, ясно и опредѣленно выраженнаго осужденія сихъ обрядовъ, или нареченія ересью, и даже безусловнаго воспрещенія употреблять ихъ, почему и сами порицатели великаго Московскаго собора дѣлаютъ только заключеніе о такомъ ихъ воспрещеніи изъ строгихъ соборныхъ повелѣній употреблять обряды новоисправленные, а прямого и точно выраженнаго безусловнаго воспрещенія именуемыхъ старыхъ обрядовъ указать въ соборномъ опредѣленіи не могутъ. Такимъ образомъ, еще на соборѣ 1667 года, опредѣленіе котораго имѣетъ и должно имѣть непререкаемую твердость, Православная Церковь различала употребляющихъ именуемые старые обряды отъ самихъ обрядовъ, которые въ существѣ ихъ и истинномъ значеніи не признавала подлежащими порицанію и безусловному воспрещенію». Особенно раздѣльное отличіе старыхъ обрядовъ по существу и смыслу отъ того, въ какомъ значеніи и въ какомъ отношеніи къ Церкви употребляются они и ихъ держателями, по словамъ Синода, было обнаружено Церковью въ дѣлѣ учрежденія Единовѣрія, «когда нѣкоторые изъ глаголемыхъ старообрядцевъ обратились къ Святѣйшему Россійскому Синоду съ просьбой, дабы дозволено имъ было, въ полномъ съ Церковью единеніи и въ полномъ ей повиновеніи, употреблять любимые ими старые обряды: тогда православная Церковь,—говорится въ Изъясненіи,—новымъ, еще болѣе яснымъ и рѣшительнымъ актомъ засвидѣтельствовала, что признаетъ сіи обряды не содержащими по существу своему что-либо противное Православію и дозволительными для тѣхъ, которые не хулятъ новоисправленныхъ чиновъ и обрядовъ и не отдѣляются отъ Православной Церкви, но находятся въ общеніи съ ней. Поэтому, она утвердила Единовѣріе и благословила единовѣрцамъ употреблять, ничто же сумняся, ихъ старые обряды какъ не противные Православію по своему значенію и данному отъ святой Церкви благословенію употреблять оные»...

Такое ясное и рѣшительное отличіе Церковью старыхъ обрядовъ въ ихъ правомъ пониманіи и неправомъ, обнаруженное ею въ учрежденіи Единовѣрія, по словамъ Изъясненія, впослѣдствіи весьма сильно сказалось въ ея сужденіи между прочимъ о двуперстномъ сложеніи. «Впослѣдствіи, продолжаетъ Изъясненіе, къ вящшему успокоенію тѣхъ, которые по благословенію Церкви и въ общеніи съ ней употребляютъ старые обряды, Святѣйшій Синодъ призналъ справедливымъ и нужнымъ исключить изъ предисловія къ Псалтири и Ча-

сослову порицательныя выраженія о двуперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія [24]) и тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что и сей въ частности обрядъ Церковь признавала неправославнымъ только въ томъ его значеніи, въ какомъ употребляли его Аввакумъ, Лазарь, Денисовъ и имъ подобные, а въ подлинномъ его знаменованіи, въ какомъ употребляется онъ единовѣрцами и большинствомъ самихъ глаголемыхъ старообрядцевъ, какъ показалъ долговременный опытъ, и святая Церковь не признаетъ его неправославнымъ и подлежащимъ порицанію».

Такое церковное воззрѣніе на именуемые старые обряды, по словамъ Святѣйшаго Синода, раскрывали въ своихъ всѣмъ извѣстныхъ сочиненіяхъ и приснопамятные первосвятители Россійской Церкви: Платонъ и Филаретъ, митрополиты Московскіе, и Григорій, митрополитъ Новгородскій.

Объяснивши, откуда проистекли у нѣкоторыхъ православныхъ полемистовъ рѣзкія иногда порицанія и какъ надо на нихъ смотрѣть, Святѣйшій Синодъ, для успокоенія единовѣрцевъ и для обезсиленія ихъ противниковъ, показываетъ прежнее церковное отношеніе къ этимъ порицаніямъ и къ такъ называемымъ старымъ обрядамъ.

Въ заключеніе своего «Изъясненія» высшая церковная власть показываетъ и свое нынѣшнее отношеніе къ тому и другому, объявляя отъ имени Церкви слѣдующее. «Если нѣкоторыя изъ полемическихъ сочиненій прежняго времени»,—говорилось въ заключеніи «Изъясненія»,—«въ коихъ встрѣчаются порицательныя выраженія о именуемыхъ старыхъ обрядахъ, были издаваемы и издаются «съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода», то надлежитъ знать, что «разрѣшеніе» сіе касается не въ частности этихъ именно порицательныхъ выраженій, но общаго содержанія помянутыхъ сочиненій, отличающихся высокими достоинствами и принадлежащихъ архипастырямъ, достойнымъ вѣчной памяти за свой трудъ и за свою ревность о Церкви. Исключать изъ сихъ сочиненій порицательныя выраженія и подвергать ихъ какимъ-либо исправленіямъ признается нынѣ неудобнымъ, потому что эти сочиненія составляютъ историческіе памятники письменности прошлаго времени, изданіе которыхъ должно въ точности соотвѣтствовать подлинному ихъ тексту, измѣненіе коего и сами старообрядцы могутъ поставить въ вину издателямъ. Итакъ, то обстоятельство, что полемическія противъ раскола сочиненія прежняго времени и нынѣ издаются Святѣйшимъ Синодомъ, не можетъ служить доказательствомъ того, будто бы Церковь вполнѣ раздѣляетъ содержащіеся въ сихъ сочиненіяхъ порицательные отзывы объ именуемыхъ старыхъ обрядахъ. Свое собственное о сихъ обрядахъ мнѣніе Православная Церковь достаточно ясно выразила въ исправленіи

предисловія Псалтири и Часослова, къ каковымъ ея дѣйствіямъ надлежитъ присоединить и творенія приснопамятныхъ ея архипастырей, митрополитовъ: Платона, Филарета и Григорія; поелику же, не смотря на все это, ревнители тщатся возлагать на Церковь вину и отвѣтственность за встрѣчаемыя въ прежнихъ полемическихъ книгахъ порицательныя выраженія о нѣкоторыхъ старыхъ обрядахъ, Святѣйшій Синодъ Церкви Россійской посредствомъ настоящаго изъясненія даетъ знать всѣмъ, что Православная Церковь не раздѣляетъ и не подтверждаетъ сихъ отзывовъ и выраженій. Православная Церковь признаетъ подлежащими отлученію и клятвѣ всѣхъ непокоряющихся постановленію великаго Московскаго собора о новоисправленныхъ церковныхъ богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, которые въ противность сему постановленію, признаютъ исправленныя книги, чины и обряды неправо исправленными, даже еретическими, объявили за ихъ исправленіе Православную Церковь падшею, безблагодатною, зараженною ересями, и не имѣютъ общенія съ нею, а въ знакъ своего противленія сей Церкви и порицанія содержимыхъ ею обрядовъ употребляютъ и требуютъ исключительно употреблять, такъ называемые, старые обряды, которымъ усвояютъ притомъ значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры и противный Православію смыслъ. Но, подвергая такому суду неразумныхъ и ожесточенныхъ ревнителей именуемыхъ старыхъ обрядовъ, Православная Церковь не произносила и не произноситъ никакого осужденія и порицанія на эти обряды, которые сами по себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раскольниками, признавала и признаетъ не представляющими ничего противнаго Православію, и употребленіе ихъ, не въ знакъ противленія Церкви, но въ полномъ общеніи съ нею, по ея собственному благословенію, вполнѣ дозволительнымъ».

Ни о чемъ по содержанію единовѣрческихъ прошеній Святѣйшій Синодъ не говоритъ такъ подробно, какъ о клятвахъ 1667 года и о порицаніяхъ на старые обряды. Поставленные въ невозможность указать что-либо основательное въ объясненіе своего отдѣленія отъ Церкви, старообрядцы послѣдней четверти XIX столѣтія ни къ чему такъ часто не прибѣгали, какъ къ клятвамъ 1667 года и порицаніямъ. Въ этихъ клятвахъ и этихъ порицаніяхъ они старались указать вину Церкви, за которую они вправѣ якобы считать ее погрѣшившею и падшею и порвать съ ней общеніе. Причемъ часто указывали еще на мнимое противорѣчіе, въ какое поставила себя Церковь, учредивъ Единовѣріе, дозволивъ держателямъ онаго употребленіе обрядовъ, ею самою подвергнутыхъ проклятію и тяжкимъ порицаніямъ. Этими толками нерѣдко смущали какъ единовѣрцевъ, такъ и желающихъ быть ими нѣкоторыхъ изъ старообрядцевъ. Правда, смыслъ и значеніе какъ

соборныхъ клятвъ, такъ и порицательныхъ выраженій полемическихъ книгъ въ предшествующее время уже довольно были объяснены и раскрыты. Въ «Бесѣдахъ къ глаголемому старообрядцу», издававшихся съ 1835 г. нѣсколько разъ Святѣйшимъ Синодомъ, въ «Изъясненіи» 1854 года, писанномъ митрополитомъ Филаретомъ по Высочайшему повелѣнію, отъ лица Церкви [25]) доказывалось, что соборъ 1667 года положилъ свои клятвы не на именуемые старые обряды, а на раздорниковъ, непокорившихся Церкви, отдѣлившихся отъ нея и похулившихъ ее за исправленіе этихъ обрядовъ, которымъ они незаконно придавали значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры и съ коими соединяли даже противныя Православію мудрованія. Что касается встрѣчающихся въ полемическихъ сочиненіяхъ прежняго времени порицаній на старые обряды, то также показывалось, что они вызваны хулой самихъ старообрядцевъ на употребляемые Церковью обряды и на самую Церковь, употреблены соотвѣтственно духу того времени, Церковью же не пріемлются за несомнѣнно справедливыя и даже не одобряются и въ вину Церкви поставляемы быть не могутъ. Свои послѣднія объясненія защитники Православія подтверждали разсмотрѣніемъ полемическихъ противъ раскола книгъ, также указаніемъ на такія свидѣтельства, какъ исправленіе предисловія Псалтири и Часослова и проч. Но упорные ревнители старины обыкновенно старались ослабить доказательность этихъ объясненій: «принадлежатъ не самой Церкви, а частнымъ лицамъ, разнаго рода миссіонерамъ, сужденія коихъ не обязательны-де для нихъ, тѣмъ болѣе, что сама церковная власть держится иного мнѣнія» тѣмъ, что де доселѣ съ ея разрѣшенія печатаются прежнія полемическія сочиненія съ рѣзкими порицаніями старыхъ обрядовъ». Такимъ образомъ, была опять настоятельная надобность подробно отъ лица Церкви говорить какъ о клятвахъ, такъ и о порицаніяхъ. Чрезъ подробное только разрѣшеніе священноначаліемъ Церкви вопросовъ о клятвахъ и порицаніяхъ на старые обряды можно было отнять у старообрядцевъ предлогъ къ оправданію своего отдѣленія отъ Церкви и одинъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія противъ Единовѣрія. Ревнуя о благѣ Единовѣрія, о его ростѣ и вліяніи на расколъ, Святѣйшій Синодъ не могъ не предпринять мѣръ къ разрѣшенію всего этого. Къ сожалѣнію, эти мѣры были старыя. Онъ издаетъ, какъ видимъ, въ 1886 году «Изъясненіе» о клятвахъ собора 1667 года, а также о содержащихся въ полемическихъ противъ раскола сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды. Говоря въ 1886 году пространно съ историческими справками въ рукахъ о клятвахъ и порицаніяхъ на старые обряды въ прежнихъ полемическихъ сочиненіяхъ, Святѣйшій Синодъ высказываетъ тоже мнѣніе обо всемъ этомъ, что

въ и 1881 и 1885 годахъ на ходатайства единовѣрцевъ отъ 1877, 1878 годовъ. Въ настоящій разъ Святѣйшій Синодъ объявляетъ, что «на соборѣ 1667 года, опредѣленіе котораго имѣетъ и должно имѣть непререкаемую твердость, Православная Церковь различала употребляющихъ именуемые старые обряды отъ самыхъ обрядовъ, которые въ существѣ ихъ и истинномъ значеніи не признавала подлежащими порицанію и безусловному воспрещенію» [26]). И еще: «Православная Церковь признаетъ подлежащими отлученію и клятвѣ всѣхъ непокоряющихся постановленію великаго Московскаго собора о новоисправленныхъ церковно-богослужебныхъ книгахъ, чинахъ и обрядахъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, кои въ противность сему постановленію признаютъ исправленныя книги, чины и обряды неправо исправленными, даже еретическими, объявляя за ихъ исправленіе Православную Церковь падшею, безблагодатною» и т. д. [27]). «Но, подвергая такому суду неразумныхъ и ожесточенныхъ ревнителей именуемыхъ старыхъ обрядовъ, Православная Церковь не произносила и не произноситъ никакого осужденія и порицанія на эти обряды, которые сами по себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раскольниками, признавала и признаетъ непредставляющими ничего противнаго православію и употребленіе ихъ, не въ знакъ противленія Церкви, но въ полномъ общеніи съ нею, по ея собственному благословенію, вполнѣ дозволительнымъ» [28]).

Такъ разумѣя смыслъ и значеніе клятвъ собора 1667 года и высказывая такое свое разумѣніе, представители Православія разбираемаго времени далеки были отъ желанія привлечь къ участію въ разрѣшеніи вопроса о соборныхъ клятвахъ восточныхъ патріарховъ. Высшая церковная власть еще въ 1881 году полагаетъ конецъ не только стремленіямъ людей, хлопотавшихъ и толковавшихъ о снятіи, или, что то же, объ уничтоженіи соборныхъ клятвъ, но даже желаніямъ нѣкоторыхъ, чтобы къ участію въ опредѣленіи подлиннаго смысла соборныхъ клятвъ были привлечены восточные патріархи.— На заявленіе Московскими единовѣрцами надежды со-временемъ получить отъ Святѣйшаго Синода разъясненіе соборныхъ клятвъ съ участіемъ въ этомъ разъясненіи восточныхъ патріарховъ, въ чемъ когда-то сочувствовали соединенцамъ приснопамятный Филаретъ, митрополитъ Московскій, и Государь Императоръ Александръ II [29]), въ 1881 году Святѣйшій Синодъ издаетъ такое опредѣленіе. «Что же касается выраженнаго единовѣрцами желанія касательно разъясненія Святѣйшимъ Синодомъ смысла клятвъ 1667 года, то единовѣрцамъ должно быть извѣстно, что клятвы положены не на обряды, содержимые пріемлющими Единовѣріе, а на тѣхъ, которые по неразумному пристрастію къ симъ обрядамъ, вопреки любви христіанской и послу-

шанію, отдѣлились и отдѣляются отъ Православной Церкви, почитая оную еретическою. А потому въ особомъ подтвержденіи того, что явствуетъ изъ подлиннаго смысла соборнаго постановленія и неоднократно было въ томъ же смыслѣ подтверждаемо церковною властью, не представляется надобности» [30])

Когда высшее священноначаліе Православной Церкви, основываясь на подлинномъ текстѣ соборнаго постановленія, объявляетъ, что содержащіяся въ ономъ клятвы положены не на старые обряды и не на тѣхъ, кто употребляетъ ихъ въ единеніи и по благословенію Церкви, а на раздорниковъ и непокорниковъ, изъ-за обряда отдѣлившихся отъ Церкви и похулившихъ ее, то, по опредѣленію Синода, нѣтъ надобности въ какихъ-либо дальнѣйшихъ особенныхъ разъясненіяхъ соборной клятвы.

Дѣлая, такимъ образомъ, шагъ назадъ при разрѣшеніи вопроса о клятвахъ и порицаніяхъ, Святѣйшій Синодъ разсматриваемаго времени не особенно далеко уходитъ и въ пониманіи значенія и цѣли Единовѣрія. Въ виду искренности просьбъ единовѣрцевъ, въ виду желанія просителей сдѣлать Единовѣріе болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ спасенія заблуждающихся въ дебряхъ раскола и болѣе близкимъ къ Православной Церкви, представители послѣдней не должны были бы настаивать уже на служебномъ только значеніи Единовѣрія. Между тѣмъ, въ своемъ опредѣленіи отъ 8 мая—17 іюня 1881 года по поводу дополненія нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ 1800 г. Святѣйшій Синодъ говоритъ про учрежденіе Единовѣрія словами митр. Платона. Онъ считаетъ нужнымъ сказать про то, что «учрежденіе единовѣрческихъ церквей послѣдовало по снисхожденію Православной Церкви, для облегченія отторгшимся отъ нея пути возвращенія въ лоно Церкви», «что Единовѣріе, исповѣдуя догматы христіанской вѣры въ духѣ и истинѣ вселенскаго православія, однако отправляетъ Богослуженіе и церковныя требы по книгамъ, не чуждымъ въ словахъ и обрядностяхъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, съ отступленіемъ отъ общепринятаго на всемъ православномъ Востокѣ церковнаго чина».

Кромѣ предварительнаго замѣчанія о происхожденіи Единовѣрія, про взглядъ представителей Православія на значеніе и цѣль Условнаго Соединенства, какъ только на миссіонерское средство, говорятъ самые пункты дополненій правилъ 1800 года. Дополненія касались, главнымъ образомъ, 5-го, 11-го пунктовъ правилъ Единовѣрія. Прежде незаписной старообрядецъ могъ присоединиться къ единовѣрческой церкви лишь только въ томъ случаѣ, когда въ православной церкви опъ отъ роду не бывалъ и таинства ея не принималъ. Сейчасъ такой старообрядецъ могъ быть причисленнымъ къ единовѣрческой церкви

опять тоже не сразу, а послѣ пяти-лѣтняго уклоненія отъ таинствъ православной церкви. 11-й пунктъ правилъ Единовѣрія, по мнѣнію м. Платона, между прочимъ, указывавшій на временное значеніе Единовѣрія, въ опредѣленіи Синода отъ 8 мая—17 іюня 1881 года лишь измѣняется, а не отмѣняется. По редакціи м. Платона, согласно этому пункту, причащаться православный у единовѣрческаго священника могъ лишь въ смертномъ случаѣ, когда не находится православнаго священника. По редакціи же 1881 года, этотъ пунктъ дозволяетъ пріобщаться православному отъ единовѣрческаго священника въ особо уважительныхъ случаяхъ.

Объ усиленномъ пониманіи миссіонерскаго значенія Единовѣрія указываетъ дополненіе и 14-го пункта правилъ Единовѣрія. Прежде 14-й пунктъ правилъ Единовѣрія говорилъ лишь о вѣнчаніи смѣшанныхъ браковъ единовѣрца съ православной и православнаго съ единовѣркой въ той и другой церкви. Въ 1881 году этотъ пунктъ дополняется. Рѣшается вопросъ: гдѣ крестить дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ и преподавать имъ другія таинства? Дозволяется дѣлать все это въ той и другой церкви. Этимъ самымъ, очевидно, миссіонерское значеніе Единовѣрія раздвигается, оно становится нужнымъ не только для одного поколѣнія. Существованіе его, какъ миссіонерскаго средства, такимъ образомъ, признается болѣе необходимымъ, чѣмъ прежде.

На твердость взгляда, проявленнаго представителями Православія, указываетъ не только содержаніе нѣкоторыхъ дополненій къ правиламъ 1881 года. Указываетъ на это и самое отношеніе духовной власти къ дополненіямъ этого года. Когда высшее духовное правительство увидало, что присоединеніе, дозволяемое дополненіями правилъ въ 1881 году, стѣсняется разными формальными условіями, то оно облегчаетъ его. Выполненіе разныхъ формальностей при перечисленіи въ Единовѣріе, признававшееся необходимымъ, чтобы единовѣрческіе священники не могли принимать чистоправославныхъ, сопровождалось нежелательными послѣдствіями. Будучи отяготительной для простолюдиновъ сама по себѣ, формальность затягивала время, коимъ всемѣрно пользовались раздорники, худо вліяя на ищущаго единенія съ Церковью. Послѣдній при этомъ наталкивался часто на такихъ лицъ, которыя соглашались совершенно отчислить его въ расколъ, чѣмъ способствовать его перечисленію въ Единовѣріе. Въ виду всего этого, Святѣйшій Синодъ предписываетъ всѣмъ преосвященнымъ, чтобы дѣла о перечисленіи записныхъ православныхъ въ Единовѣріе, на самомъ дѣлѣ склонныхъ къ расколу или уже раскольниковъ, вѣдали сами преосвященные непосредственно, сами рѣшали ихъ, «какъ можно скорѣе».

Особенно о миссіонерскомъ значеніи Единовѣрія Святѣйшій Синодъ заявилъ при изданіи «Постановленій» собиравшихся въ іюлѣ 1885 года въ Казани епископовъ. Здѣсь говорилось о томъ, какъ облегчить переходъ старообрядцевъ къ Единовѣрію, содѣйствовать въ то же время образованію единовѣрческихъ приходовъ, какъ преосвященные, вѣдая непосредственно всѣ таковыя дѣла, доносили бы о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ Святѣйшему Синоду. Здѣсь указывались и причины такого отношенія къ Единовѣрію. Большинство обращающихся къ Православной Церкви старообрядцевъ, по мнѣнію власти, стремятся присоединиться на началахъ Единовѣрія; обращеніе старообрядца прямо къ Православію бываетъ затруднительно, вслѣдствіе особенной его привязанности къ старому обряду. Нерасположеніе къ обряду исправленному проходитъ лишь съ годами, потребность же въ спасительныхъ церковныхъ таинствахъ пробуждается гораздо ранѣе; оно то и влечетъ старообрядца къ Церкви и законному священству. «По сему, заключаютъ представители Православія, представляется необходимымъ облегчать переходъ раскольниковъ къ Единовѣрію».

Изъ факта изданія Святѣйшимъ Синодомъ «Постановленій» видно, что высшая церковная власть держалась высокаго мнѣнія о миссіонерскомъ значеніи Единовѣрія. Она посредствомъ его стремится, какъ можно больше, спасти старообрядцевъ. Чрезъ облегченіе присоединенія ихъ къ Единовѣрію высшая церковная власть старается удовлетворить сознаваемую отдѣленцами потребность въ спасительныхъ таинствахъ Церкви, но изъ-за различія въ обрядѣ затрудняющихся въ самомъ удовлетвореніи этой потребности. Представители Православія не только не отказываютъ старообрядцамъ въ присоединеніи къ Единовѣрію, какъ подъ разными предлогами было прежде, лишь бы только заставить обратиться прямо къ Православію, а всячески облегчаютъ его для нихъ, притомъ даже въ тѣхъ селахъ и мѣстахъ, гдѣ нѣтъ единовѣрческихъ церквей. Миссіонеръ или мѣстный православный священникъ, по правиламъ о миссіяхъ, изданнымъ Святѣйшимъ Синодомъ въ 1888 г., долженъ совершать присоединеніе ихъ къ Церкви на правахъ Единовѣрія не по новоисправленному чину, имѣющемуся у него подъ руками, а по старопечатному потребнику. По содержанію этого постановленія, высшая духовная власть не пользуется отсутствіемъ единовѣрческаго храма, чтобы пріохотить вновь-присоединеннаго къ своему ново-исправленному обряду. Нѣтъ, она довольствуется уже тѣмъ однимъ, что онъ присоединяется къ Церкви, хотя бы и условно, съ соблюденіемъ старыхъ обрядовъ.

Взглядъ на такое значеніе Единовѣрія былъ бы весьма полезнымъ въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ, если бы, кромѣ этого, Единовѣріе считалось равночестнымъ Православію. Стѣсненное по-старому

ограниченіями Единовѣріе, какъ это было и прежде, смущаетъ не мало душъ соединенцевъ. Старообрядцы больше всего соблазнялись временнымъ характеромъ Единовѣрія. Единовѣріе съ прежнимъ значеніемъ переходной лишь ступени къ Православію не пріобрѣтаетъ и теперь тѣхъ душъ, какія оно могло пріобрѣтать благодаря новому пониманію его значенія и цѣли. Старообрядцы очень чутки къ разнаго рода церковнымъ явленіямъ. Торжественное провозглашеніе Казанскимъ собраніемъ архипастырей тождества Единовѣрія съ Православіемъ не прошло незамѣтнымъ. По крайней мѣрѣ, если въ ихъ сочиненіяхъ нѣтъ тѣхъ вылазокъ [32]), какія дѣлались прежде на Единовѣріе, то это—признакъ ихъ сравнительнаго удовлетворенія по поводу высказаннаго соборовавшими епископами взгляда о положеніи Единовѣрія въ жизни Русской Церкви. «Въ виду усматриваемаго нерѣдко разномыслія въ воззрѣніяхъ на Единовѣріе, писали архипастыри, собравшіеся въ городѣ Казани въ 1885 году, необходимо разъяснить духовенству, что Единовѣріе не представляетъ собою какого-либо особаго, отличающагося отъ Православія, исповѣданія; Православіе и Единовѣріе составляютъ одну Церковь». «Въ храмахъ православныхъ и единовѣрческихъ призывается единъ Господь, исповѣдуется едина вѣра, совершается едино крещеніе, приносится едина умилостивительная безкровная жертва Христова, пріемлется едино пречистое Тѣло и Кровь животворящая; словомъ, и тамъ и здѣсь одно и то же и одинаково все то, что живитъ и питаетъ человѣка». «По сему, возглашали далѣе архипастыри, съ одной стороны, никто не долженъ унижать и порицать то, что Церковью благословляется; никто не долженъ думать, что тайны, совершаемыя единовѣрческими священниками, имѣютъ менѣе силы и святости. А съ другой стороны, сами единовѣрцы должны помнить, и сіе потребно внушать имъ,—что сила Единовѣрія заключается только въ союзѣ съ Православною Церковью, что безъ этого союза нѣтъ Единовѣрія, а будетъ опять расколъ, что по сему при содержаніи такъ называемаго стараго обряда не должно быть никакого порицанія обряда, Православною Церковью содержимаго, и наоборотъ со стороны православныхъ—порицанія обрядовъ, содержимыхъ единовѣрцами». Устанавливая вопреки ходячимъ мнѣніямъ о неравенствѣ Единовѣрія съ Православіемъ тождество перваго со вторымъ, собравшіеся архипастыри требуютъ такого же отношенія къ Единовѣрію и Православію и отъ своихъ пасомыхъ—отъ православныхъ и единовѣрцевъ. Они устраняютъ причины прежняго, неправильнаго у нѣкоторыхъ, воззрѣнія на занимающій ихъ предметъ. Они запрещаютъ православнымъ порицать старый обрядъ и тѣмъ самымъ вооружать противъ Церкви единовѣрцевъ, а единовѣрцамъ предлагаютъ стремиться не къ отдѣленію, а къ вящшему соединенію съ Церковью

въ виду того соображенія, что сила Единовѣрія заключается только въ союзѣ съ Православною Церковью.

Въ приведенномъ постановленіи, въ разсужденіи о сущности Единовѣрія, о его согласіи съ Православіемъ въ догматахъ и таинствахъ спасенія, объ одинаковомъ содержаніи имъ сравнительно съ Православіемъ всего того, «что духовно живитъ и питаетъ человѣка», ни однимъ словомъ не упомянуто про несовершенство единовѣрческаго чина богослуженія и устава.

Святѣйшій Сѵнодъ, издавая «Дѣянія» соборовавшихъ въ г. Казани архипастырей, не отступаетъ однако отъ взгляда 1881 года на единовѣрческіе обряды. Не равночестность Единовѣрія имѣетъ въ виду высшая церковная власть въ своихъ распоряженіяхъ по дѣламъ Единовѣрія, а его лишь миссіонерское значеніе, которое одно безъ соединенія съ равноправіемъ и равночестностью Единовѣрія съ Православіемъ не принесло особой пользы дѣлу святого единенія. Между тѣмъ, не говоря про единовѣрцевъ, этимъ новымъ воззрѣніемъ болѣе или менѣе могли успокоиться и самые старообрядцы—будущіе въ большинствѣ случаевъ, съ Божіей помощью, единовѣрцы, если бы онъ былъ проведенъ въ жизнь. Прежнее, застарѣлое пониманіе Единовѣрія, какъ лишь *временнаго* явленія въ жизни русской Церкви, особенно сказалось въ вопросѣ о епископѣ въ 1892 году. Въ этомъ году былъ второй миссіонерскій съѣздъ. Здѣсь, подъ давленіемъ указаній свыше, собравшіеся миссіонеры, по поводу просьбы единовѣрцевъ 1890 г. о епископѣ, трактовали слѣдующее: считать этотъ вопросъ за оскорбленіе и взять съ единовѣрцевъ подписку не возбуждать его впредь.

Единовѣрію не предоставлялось будущности. Ибо безъ должнаго вниманія къ себѣ со стороны православныхъ мѣстныхъ епископовъ, при отсутствіи спеціальныхъ органовъ завѣдыванія единовѣрческими церквами, оно этимъ самымъ обрекалось на постепенную смерть. И оно, дѣйствительно, при такомъ пониманіи его и отношеніи къ нему, не жило, а лишь доживало свой вѣкъ. Плохо распространяясь *количественно,* оно упадало съ каждымъ днемъ и *качественно.*

Точка зрѣнія нѣкоторыхъ представителей Православія и Единовѣрія на разнообрядіе.

Высшая церковная власть разсматриваемаго нами времени ревниво оберегаетъ свой прежній взглядъ на единовѣрческіе обряды.

Лишь отдѣльныя лица являются сторонниками той равночестности обрядовъ, какую впослѣдствіи провозгласилъ IV Всероссійскій Миссіонерскій съѣздъ въ г. Кіевѣ 1908 года. Ихъ разсужденія о сравнительномъ совершенствѣ стараго и новаго обрядовъ были тѣми рѣдкими сѣменами, которыя со временемъ даютъ обильный плодъ. Какъ среди православныхъ (проф. Каптеревъ, Е. Е. Голубинскій, А. А. Некрасовъ, А. А. Царевскій, А. И. Александровъ, Т. И. Филипповъ, С. А. Бѣлокуровъ и др.), такъ и изъ среды единовѣрцевъ (І. Верховскій, А. Морокинъ и др.) находились люди, возвышавшіеся до полнаго безпристрастія въ своихъ разсужденіяхъ объ обрядовыхъ разностяхъ между Православіемъ и Единовѣріемъ. Въ большинствѣ будучи кабинетными учеными, не стѣсняясь практическими послѣдствіями ученыхъ изысканій, они высказывали касательно стараго обряда сильно расходившіяся съ общепринятыми тогда въ этой области положенія. Сравнивая послѣднія съ первыми, еще разъ убѣждаемся въ ненормальности условій, въ коихъ и въ царствованіе Императора Александра III-го жило наше Единовѣріе. Новый взглядъ на обрядовую разность Единовѣрія съ Православіемъ, на его старыя книги и обычаи, являющійся залогомъ лишь будущаго распространенія спасительнаго Единовѣрія, былъ удѣломъ немногихъ и состоялъ приблизительно въ слѣдующемъ. Большинство представителей Православія при опредѣленіи Единовѣрія до сихъ поръ обращали преимущественное вниманіе на отрицательную сторону въ его характеристикѣ; указывали на его существенное отличіе отъ раскола. Между тѣмъ, у Единовѣрія есть еще другая, болѣе драгоцѣнная—положительная—сторона: это его отношеніе къ Православію. На эту, вотъ, сторону и обратили свое вниманіе указанныя лица. Ихъ разсужденія сводятся къ такимъ положеніямъ.

Единовѣріе и Православіе, соединенныя единствомъ вѣры, священноначалія и таинствъ, составляютъ въ существѣ одну Церковь, не смотря на разность въ обрядахъ. Въ православныхъ церквахъ по временамъ и странамъ допускались нѣкоторыя мѣстныя несущественныя разности въ обрядахъ безъ разрушенія ихъ единства. Обряды — не догматы вѣры.

Догматы—Божественныя истины, отъ вѣковъ Богомъ сокровенныя и во времени людямъ открытыя—истины о Богѣ и Св. Троицѣ, о воплощеніи Сына Божія, о благодати Св. Духа, о Церкви какъ тѣлѣ Христовомъ, о будущей жизни и проч. Что же касается обрядовъ, то они не суть ученіе вѣры, а внѣшніе знаки, внѣшнія выраженія Богослуженія и Богоугожденія. Сюда входятъ церковные чины и уставы христіанской жизни, порядки церковнаго управленія, разные предметы и дѣйствія, имѣющіе символическое значеніе (обрядъ въ тѣсномъ смыслѣ слова).

Догматы вѣчны, поелику они Божественнаго происхожденія, а обряды—человѣческое изобрѣтеніе, и каждый изъ нихъ существуетъ съ даннаго времени, и во время изобрѣтенія его былъ для Церкви новостью.

Догматы неизмѣнны. Церковь и каждый ея членъ должны неизмѣнно блюсти Богопреданное ученіе вѣры; ибо св. Апостолъ сказалъ: «аще мы или ангелъ благовѣститъ паче, нежели пріяхомъ, анаѳема да будетъ» (Гал. 1, 8). Другая же сторона церковной жизни внѣшняя, обрядовая сторона—измѣняема, она подвергается въ подробностяхъ дополненіямъ и улучшеніямъ, а иногда и упраздненіямъ. Одни изъ обрядовъ утвердились въ Церкви повсюдно и, повидимому, навсегда,— таково напр., троеперстное сложеніе для крестнаго знаменія; другіе удержались по мѣстамъ,—таково, напр., двуперстіе; третьи совсѣмъ упразднились и пришли въ забвеніе,—таково сложеніе одноперстное.

Приравниваніе обрядовъ и обычаевъ церковныхъ къ догматамъ вѣры совершенно несправедливо и неосновательно; они могли существовать и дѣйствительно существовали въ нѣсколькихъ формахъ.

Много примѣровъ существованія въ Церкви разныхъ обрядовъ, а равно извѣстны свидѣтельства отцовъ и писателей о томъ, что обряды и обычаи имѣютъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ догматы вѣры, и что возможно ихъ многообразіе при единствѣ вѣры.

До I-го Вселенскаго Собора малоазійскія церкви праздновали Пасху несогласно съ римской и другими западными церквами. Тогда римская церковь праздновала Пасху въ такой день, въ который празднуетъ сейчасъ Восточная Церковь, Церковь Христова. Въ концѣ втораго вѣка былъ поднятъ споръ объ этой разности, и римскій епископъ Викторъ (193—203 г. г.) требовалъ-было отъ малоазійскихъ церквей принять западный обычай, а когда встрѣтилъ отъ нихъ рѣшительный отпоръ себѣ, то своими грамотами объявилъ-было ихъ лишенными общенія. «Но это, по словамъ церковнаго историка Евсевія Кесарійскаго [33]), не всѣмъ нравилось тогда епископамъ. Многіе изъ нихъ напротивъ совѣтовали позаботиться лучше о мирѣ, единеніи и любви съ ближними. Извѣстны и донынѣ ихъ (епископовъ) посланія, въ которыхъ они сильно порицаютъ Виктора. Изъ числа этихъ посланій одно написано Иринеемъ (Ліонскимъ). Въ немъ Иринеи, хотя и утверждаетъ, что таинство воскресенія Господня должно праздновать только въ день Воскресный, однако-жъ и Виктору, какъ должно, совѣтуетъ не отлучать отъ общенія цѣлыя церкви Божія за то, что сохраняютъ преданный имъ древній обычай, и къ этимъ словамъ присоединилъ слѣдующее: Апостолы постановили, что не

должно судить насъ въ пищѣ и питіи и за какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботы (Колос. 2, 16). Итакъ, откуда эти брани, откуда раздѣленія? Мы празднуемъ, но въ квасѣ злобы и лукавства (1 Кор. V, 8), разрывая Церковь Божію, и наблюдаемъ внѣшнее, чтобы отвергнуть лучшее—вѣру и любовь (Матѳ. 23, 23). Мы слышали пророческія слова, что таковые праздники и посты не угодны Господу (Исаія 58, 4)»...

Въ III-мъ вѣкѣ карѳагенская церковь расходилась съ римской относительно способа принятія еретиковъ, именно: въ Карѳагенѣ перекрещивали еретиковъ, а въ Римѣ принимали ихъ безъ перекрещиванія. Папа Стефанъ (257—260 г. г.) требовалъ отъ св. Кипріана Карѳагенскаго принятія римскаго обычая и кончилъ тѣмъ, что прервалъ общеніе съ карѳагенской церковью. Отъ одного изъ епископовъ, ставшихъ на сторонѣ св. Кипріана, именно—Фирмиліана Кесаріи Каппадокійской, сохранилось посланіе къ нему (Кипріану), въ которомъ читается слѣдующее: «и живущіе въ Римѣ (т. е. папа) не во всемъ соблюдаютъ то, что предано изъ начала; и напрасно кто-нибудь сталъ бы претендовать на званіе апостольскаго авторитета, основываясь на томъ, что видитъ у нихъ относительно дней празднованія Пасхи и относительно многихъ другихъ божественныхъ таинствъ нѣкоторыя разности и что не наблюдаютъ тамъ (въ Римѣ) одинаково всего, что наблюдается въ Іерусалимѣ, почему и въ другихъ весьма многихъ провинціяхъ многое, по различію мѣстъ и людей, пестрѣетъ разнообразіемъ, и однако изъ-за сего никогда не было отступаемо отъ мира и отъ единства каѳолической Церкви» [34]).

Въ восточныхъ церквахъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ съ половиной столѣтій праздники Рождества Христова и Богоявленія Господня праздновались въ одинъ день 6-го января, и только въ началѣ второй половины IV вѣка былъ принятъ западный обычай праздновать Рождество Христово отдѣльно отъ Богоявленія, 25-го декабря [35]). И однако изъ-за этой разности не было никакихъ споровъ между Востокомъ и Западомъ.

Василій Великій въ 1-мъ каноническомъ правилѣ своемъ, разсуждая о способахъ принятія въ Церковь еретиковъ и раскольниковъ, говоритъ, что надлежитъ въ семъ случаѣ слѣдовать обычаю каждой страны.

Карѳагенскій Соборъ въ 81 правилѣ своемъ, сдѣлавъ постановленіе о воздержаніи епископами, пресвитерами и діаконами отъ своихъ женъ, присоединяетъ къ постановленію оговорку: «но надлежитъ поступать по обычаю каждой церкви».

Продолжатель Евсевія Кессарійскаго церковный историкъ Сократъ жившій въ послѣдней четверти IV и первой половинѣ V вѣка, пи-

шетъ по поводу разности празднованій Пасхи, о которой сказано выше: «ни Апостолы, ни Евангелисты не возлагали ига рабства на послѣдователей Евангельской проповѣди, но чтить праздникъ Пасхи и другіе праздничные дни предоставили признательности благодѣтельствованныхъ.... Каждое христіанское общество, по областямъ, совершало воспоминаніе о спасительныхъ страданіяхъ, согласно принятому обычаю, когда хотѣло.... Цѣль Апостоловъ была не та, чтобы предписывать время праздниковъ, но чтобы дать руководство къ правой жизни и благочестію»... Послѣ рѣчей о разности времени въ праздновании Пасхи, Сократъ предлагаетъ краткія рѣчи вообще о разности обычаевъ въ разныхъ Церквахъ. Указавъ на разности въ отношеніи къ церковнымъ собраніямъ, Сократъ говоритъ въ заключеніе: «вообще между всѣми обществами вѣрныхъ едва ли можно найти и двѣ церкви, которыя въ совершеніи молитвъ были бы согласны одна съ другой». И потомъ, о разностяхъ между церквами въ обычаяхъ: «трудно, даже невозможно, описать всѣ церковные обычаи, соблюдаемые въ разныхъ городахъ и областяхъ»... [36]).

Другой церковный историкъ, Созоменъ, писавшій вслѣдъ за Сократомъ, также говоритъ о различіи обычаевъ въ разныхъ церквахъ христіанства: «во всѣхъ церквахъ, хотя онѣ исповѣдуютъ одно и то же ученіе, нельзя найти однихъ и тѣхъ же по всему сходныхъ преданій. Извѣстно, что въ Скиѳіи много городовъ, но у всѣхъ скиѳовъ одинъ епископъ, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ священствуютъ епископы иногда въ селеніяхъ.... Діаконовъ у римлянъ еще и до нынѣ не болѣе семи, а у другихъ число ихъ неопредѣленно. Сверхъ того, въ Римѣ каждый годъ только однажды поютъ «аллилуія», именно въ первый день Пасхальнаго праздника, такъ что многіе римляне даже клянутся тѣмъ, чтобы имъ сподобиться услышать или пѣть эту пѣснь.... не всѣ совершаютъ однѣ и тѣ же молитвы и псалмопѣнія или чтенія и не въ одно и то же время.... По городамъ и селеніямъ много и другихъ обычаевъ, свято соблюдаемыхъ воспитанными въ нихъ людьми, изъ уваженія къ лицамъ, которыя въ началѣ предали ихъ или впослѣдствіи сохранили....» [37]).

Ѳеофилактъ, архіепископъ Болгарскій, составитель извѣстнаго Благовѣстника, говоря о разностяхъ между греческой и латинской церквами, высказываетъ положеніе, что «не всякій обычай имѣетъ силу раздѣлять церкви, но только тотъ, который ведетъ къ различію въ догматѣ».

Извѣстный толкователь церковныхъ правилъ Іоаннъ Зонара (XII в.) говоритъ въ толкованіи на 11-е правило Лаодикійскаго Собора, которымъ запрещается поставлять церкви такъ называемыхъ пресвитерицъ: «бяху и древнихъ,—читается въ Іосифской Кормчей [38]),—нѣкіи

обычаи въ церквахъ бываеміи, отъ нихъ же убо временемъ ови забвеніи быша; иніи же отнюдь престаша, другіе же правила отсѣкоша». А въ толкованіи на 19-е правило того же Собора, въ которомъ говорится о цѣлованіи между собой присутствовавшихъ на Богослуженіи, замѣчаетъ: «еже нынѣ не бываетъ, упразднибося, яко и иная многа, творимая прежде».

Итакъ, вотъ, что такое суть обряды и обычаи церковные, по ученію отцовъ Церкви и церковныхъ писателей, и что такое они были въ практикѣ древней Церкви.

Въ разныхъ частныхъ церквахъ обряды были весьма разнообразны и съ теченіемъ времени многократно подвергались измѣненію.

Изъ различія обрядовъ церкви не раздѣлялись между собою; а представители церквей, хотѣвшіе производить изъ-за нихъ раздѣленіе, сильно порицались за это.

Если относительно благовѣствованія вѣры Апостолъ писалъ: «аще мы или ангелъ благовѣститъ паче, неже пріяхомъ, анаѳема да будетъ», то касательно внѣшней церковной жизни онъ давалъ одно только наставленіе, чтобы все было благообразно и по чину (1 Кор. XIV, 40). Христосъ и первые провозвѣстники его вѣры, самовидцы и служители Слова, установили чинъ въ видѣ только нѣкоторыхъ внѣшнихъ таинственныхъ дѣйствій—крещенія водой, молитвеннаго и благословеннаго преломленія хлѣба [39]), возложенія рукъ при низведеніи даровъ Св. Духа. Право устанавливать чинъ въ подробностяхъ, такимъ образомъ, предоставлялось самой Церкви. И Церковь не вдругъ учредила чины и уставы, а постепенно развивала обряды, видоизмѣняла обрядовую сторону въ подробностяхъ. Отъ этого въ древности, съ одной стороны, разнообразіе обрядовъ, а съ другой — замѣна однихъ другими. Отъ этого, «въ прежнее время соборы безъ всякаго зазора добрѣ исправляли несовершеннѣ изложенныя правила отъ прежде бывшихъ соборовъ, исправляли на лучшее даже древнія установленія» [40]). Допущеніе разнообразія въ церковномъ чинѣ, уставѣ, дисциплинѣ, возможность обрядовыхъ разностей, упраздненій, а потомъ возстановленій, при отсутствіи всякаго зазора и при взаимномъ согласіи—самая законная и церковная точка зрѣнія на все то, что до существа вѣры не относится. Этотъ взглядъ, проходящій черезъ всю исторію христіанской Церкви, побуждаетъ указанныхъ представителей Православія и Единовѣрія считать и Единовѣріе нераздѣльнымъ отъ Православія и обряды того и другого лишь относительно совершенными.

Разность Единовѣрія съ Православіемъ заключается въ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ.

Единовѣрцы принимаютъ въ руководство священныя и церков-

ныя книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ дни первыхъ пяти всероссійскихъ патріарховъ, особенно книги п. Іосифа. Православные принимаютъ въ руководство священныя и церковныя книги въ томъ видѣ, какой онѣ получили во время послѣдующихъ пяти патріарховъ и Св. Синода.

Вотъ, первая разность Единовѣрія съ Православіемъ! Но будучи тожественны по православности, старыя и новыя книги сходны и по своему относительному совершенству.

Принято думать, что богослужебныя книги при патр. Никонѣ исправлены по самымъ древнимъ, греческимъ и славянскимъ, рукописямъ, тѣмъ самымъ представляютъ въ нѣкоторой степени совершенство, лучше котораго ничего не можетъ быть. Но есть доказательство, что книги, употребляющіяся за Богослуженіемъ въ православныхъ россійскихъ церквахъ, исправлены при патр. Никонѣ не по древнимъ рукописямъ, а по греческому печатному евхологію [41]), и потому нѣтъ причины поставлять исправленный текстъ богослужебныхъ книгъ какой-то святыней, въ которой нѣтъ никакой неправильности.

Въ новоисправленныхъ богослужебныхъ книгахъ находится много неудобопонятныхъ словъ, выраженій и цѣлыхъ періодовъ, которые давно бы пора измѣнить на болѣе понятные. Эти книги никакъ не могутъ хвалиться абсолютнымъ совершенствомъ. Онѣ совершенны относительно.

Что касается старопечатныхъ книгъ, авторъ «Исторіи русскаго раскола» преосвященный Макарій указываетъ на такіе въ нихъ недостатки, изъ которыхъ одни называются: а) ветхостью языка (общ. указаніе), б) реченіями, не точно выражающими текстъ греческаго подлинника; в) другіе — странностью, г) безсмыслицей, д) разностью перевода (общ. указаніе) и, наконецъ, е) явными погрѣшностями [42]).

Текстъ старопечатныхъ книгъ, дѣйствительно, обилуетъ а) обветшалыми словами, сдѣлавшимися неясными отъ времени, б) реченіями, не точно выражающими текстъ подлинника. в) Если же (по слову — нѣтъ правила безъ исключенія) въ старопечатныхъ книгахъ и попадаются слова и выраженія, наприм., упоминаніе празднуемаго событія на отпустѣ, которыя не подходятъ подъ двѣ именованныя рубрики, т. е. ни обветшавшихъ словъ, ни неточныхъ реченій и, такимъ образомъ, вызываютъ догадки о присутствіи русскихъ домашнихъ измѣненій, то и эти немногія слова и выраженія носятъ на себѣ признаки размышленія, которое не даетъ права называть ихъ странностью. Странность эта упразднится, если, напр., предъ упоминаніемъ празднуемаго событія на отпустѣ поставить частицу «ради». Такъ, «Христосъ... истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя Его

Матери, честнаго ради ея успенія» и т. д. Говорится же въ исправленныхъ служебникахъ: «Христосъ истинный Богъ нашъ, молитвами пречистыя Его Матери, силой честнаго... креста, святыхъ славныхъ... апостолъ» и проч. Силой ли св. апостоловъ? Конечно нѣтъ, а молитвами.

Если же по исправленному служебнику дозволяется въ отпустѣ подразумѣвать слово «молитвами», то можно и по старопечатному подразумѣвать «ради»!?. [43]).

г) Кто не знакомъ съ книгами, употребляемыми въ единовѣрческихъ церквахъ, тому, при словѣ «поврежденныя книги»,—эти книги, дѣйствительно, могутъ представиться огромной нелѣпостью. А между тѣмъ, кромѣ стариннаго выговора, они ничѣмъ не отличаются отъ новопечатныхъ книгъ. И если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а именно въ ирмосахъ не достаетъ иногда смысла, то и новопечатныя, такъ называемыя «исправленныя книги» въ этихъ случаяхъ страдаютъ не малымъ тоже отсутствіемъ смысла. Для примѣра указываютъ на ирмосъ 9-й пѣсни второго канона на праздникъ Рождества Христова: «Любити убо намъ...» и на ирмосъ 1-й пѣсни въ Великій Четвертокъ: «Сѣченое сѣчеся...». На основаніи этихъ примѣровъ было бы гораздо ближе къ истинѣ—совсѣмъ не упоминать объ «исправленныхъ книгахъ» и соотвѣтствующихъ имъ — «поврежденныхъ книгахъ», а говорить о старопечатныхъ и новопечатныхъ книгахъ, какъ незначительной разности между Единовѣріемъ и Православіемъ.

д) Не должно забывать и того, что если старопечатныя книги и заплатили дань вѣку, каждое изъ послѣдовавшихъ изданій при каждомъ патріархѣ всегда старалось исправлять недостатки, вкрадавшіеся въ начальныя изданія. И если практика единовѣрческихъ церквей утверждается на «старыхъ книгахъ», то сами единовѣрцы принимаютъ ихъ не всѣ—одинаково, но различаютъ достоинство каждой книги, вслѣдствіе выхода при томъ или другомъ патріархѣ, избѣгая тѣмъ самымъ разности переводовъ. Отсюда, безпристрастному изслѣдованію, внимательно прослѣдившему службу по старопечатнымъ книгамъ въ любой единовѣрческой церкви, нельзя не задать себѣ вопроса, — изъ-за чего нѣкоторые новоисправленному тексту даютъ такую важность и обязательность, что изъ-за него готовы отдѣлить отъ Православія неотдѣлимое Единовѣріе?

Справедливо, что «реченія неясныя отъ древности замѣнены» «въ исправленныхъ книгахъ» «болѣе ясными». Но и это можно сказать не о всѣхъ «реченіяхъ», подвергшихся исправленіямъ. Древнія реченія: «на́ небо», «на́ Бога», «во́ вѣки» и т. д. такъ же ясны, какъ и новыя: «на Бо́га», «на не́бо», «во вѣ́ки» и т. п. Въ послѣднихъ вовсе мало совершенства предъ первыми. Южные славяне, по свойству славянскаго языка, и русскіе, по народному выговору, при произне-

сеніи двухъ-сложныхъ словъ съ предлогами, большей частью, ставятъ удареніе на третьемъ слогѣ отъ конца—на предлогѣ, а не на самомъ имени существительномъ. До сего дня сербы за богослуженіемъ и и русскій народъ въ обыденной рѣчи выговариваютъ: «на́ гору, по́дъ гору, по́ морю, по́ лѣсу, на́ рѣку» и т. д. А не говорятъ: «на го́ру, подъ го́ру, на ре́ку» и т. д.

Нѣкоторыя реченія въ старопечатныхъ книгахъ яснѣе и смысленнѣе, чѣмъ даже въ исправленныхъ.

Напр.: «Не повѣмъ бо врагомъ твоимъ тайны твоея», а въ исправленныхъ: «не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ» [44]). Въ старопечатныхъ: «предвариша утро, яже съ Маріею», а въ исправленныхъ: «предваривши утро яже о Маріи» [45]). Въ акаѳистѣ Божіей Матери въ въ 6-мъ кондакѣ по старопечатному: «Волсви оставиша Ирода яко лжива», а въ исправленныхъ: «яко блядива». Извѣстная молитва Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» въ старопечатныхъ читается такъ: «духъ унынія и небреженія, сребролюбія, празднословія... отжени отъ мене», а въ новоисправленныхъ: «не даждь ми». Первое реченіе всякому понятно, но второе не всякому понятно и истолковать весьма трудно, въ какомъ смыслѣ должно понимать сказанное про Господа, яко бы Онъ даетъ когда-то духъ унынія и небреженія и проч. Ирмосъ 8 гласа по старопечатнымъ: «Вооружена Фараона погрузи», а въ исправленныхъ: «колесницегонителя»... 4-й ирмосъ въ Великую Субботу по старопечатному: «Еже на крестѣ Твоемъ божественное смиренье»..., а по новоисправленному: «божественное истощеніе». Такъ же сказано и въ 4 ирмосѣ Воскресномъ 5 гласа. Ирмосъ 8 пѣсни 6 гласа по старопечатному: «изъ пламене преподобныхъ росу источилъ еси, и праведнаго жертву и воду попалилъ еси» [46]), а по исправленному тексту: «И жертву водой попалилъ еси».

Въ догматикѣ 4 гласа читается по-старопечатному: «Волкохищное овча» и это понятно, овча, похищенное волкомъ, или обреченное въ снѣдь волку; а въ исправленныхъ: «горохищное» овча, похищенное горой. И это требуетъ поясненія, ибо непонятно, какимъ образомъ горѣ примѣнима способность похищать овецъ. На день Воздвиженія въ стихирѣ на слава и нынѣ въ старопечатныхъ: «Адама прельстивый древомъ—крестомъ побѣждается», въ исправленныхъ: «крестомъ прельщается». Въ другой стихирѣ на Благовѣщеніе Богоотроковица вопрошаетъ Архистратига — въ старопечатныхъ: «не познахъ мужа, како убо отроча рожду?», а въ новоисправленныхъ: «Не познахъ сласти». Послѣднее реченіе и въ уста Пречистой Дѣвѣ влагать и пояснять равно неблагочинно [47]).

Въ старопечатныхъ книгахъ есть даже мѣста, гдѣ греческій подлинникъ лучше переданъ, чѣмъ въ новоисправленныхъ. Напр.:

въ догматикѣ 3 гласа по исправленному тексту читается: «Но обою существу свойство цѣло сохраншаго...», а по старопечатному: «въ обоемъ естествѣ свойство цѣло сохраншаго». Въ 4-мъ ирмосѣ 2 канона на Св. Пятидесятницу по новоисправленнымъ книгамъ: «Царю царей, яковый отъ яковаго единъ слове происшедый», а по старопечатнымъ нѣкоторымъ: «единый отъ единаго едине слове происшедый» [48]). По-гречески стоитъ слово «οἷος» съ густымъ придыханіемъ, которое справщики-старики при п. Никонѣ сочли за тонкое и перевели, такимъ образомъ, не слово οἷος — одинъ, а слово οἷος — какой, который даетъ собой оттѣнокъ подобосущія Сына Божія Богу Отцу, а не единосущія Его съ Нимъ [49]).

е) Напрасно, въ примѣръ явной поврежденности старопечатныхъ книгъ приводятъ начертаніе достопоклоняемаго имени Спасителя Іисусъ чрезъ одну іоту—Ісусъ, чтеніе 8-го члена Символа вѣры съ прилогомъ «истиннаго»: «И въ Духа Святаго Господа Истиннаго и животворящаго», опущеніе въ чинѣ литургіи св. Василія Великаго словъ: «преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ» [50]) и молитвы «за ся» священника передъ служеніемъ обѣдни.

Правда, прибавка въ 8-мъ членѣ Символа вѣры слова «Истиннаго» (представляющая совмѣщеніе двухъ разныхъ переводовъ греческаго слова «Κύριος») не согласна съ подлинникомъ. Но во всякомъ разѣ прибавка всетаки осмысленная. По-гречески 8 членъ Символа Вѣры читается: καὶ εἰς τὸ πνεῦμα τὸ Ἅγιον, τὸ κύριον, τὸ Ζωοποιὸν. Греческому слову τὸ κύριον въ новоисправленномъ текстѣ отвѣчаетъ одно слово: «Господа», а въ старопечатномъ—по большей части [51]) два слова «Господа Истиннаго». Послѣдній переводъ «τὸ κύριον» чрезъ два слова, не заключающій въ себѣ никакой противности догматическому исповѣданію Христовой Церкви и не лишенный основаній въ древности, древности весьма почтенной [52]), могъ появиться изъ желанія передать всѣ тѣ оттѣнки понятія, которое связывается у грековъ съ именемъ прилагательнымъ «κύριος» въ среднемъ родѣ, съ членомъ. «Τὸ κύριον» по-русски значитъ—верховная власть; собственный, истинный, въ собственномъ, въ истинномъ, первоначальномъ смыслѣ [53]).

Что касается достопоклоняемаго имени Спасителя «Ісусъ», то въ немъ видятъ русское, перешедшее въ старопечатныя-патріаршія книги, произношеніе, оправдываемое требованіями церковно-славянскаго языка [54]) и сербскими книгами [55]), оправдываемое примѣрами всѣхъ временъ и народовъ, начиная греками, латинянами, которые еврейское Іешуа переиначили для себя въ «Ἰησοῦς, Jesus», по требованіямъ своего языка, и кончая алеутами, кои изъ этого имени выработали свое «Іашушакъ».

При переходѣ чужеземныхъ словъ въ русскій языкъ примѣчается

такая же постепенность, какая бываетъ при переходѣ иноземца въ Русское государство. Есть иноземцы, которые, хотя и живутъ въ Русскомъ царствѣ, однако не подчиняются русскимъ обычаямъ. Есть и такіе, которые совершенно свыкаются съ русскими обычаями и вступаютъ во всѣ права русскаго государства. Такъ и въ числѣ иноземныхъ словъ, принятыхъ нами, есть слова, вполнѣ сохранившія свой чужеземный видъ, есть слова, вполнѣ преобразовавшіяся по правиламъ нашего языка, и, наконецъ, есть слова двуличныя, которыя частью придерживаются законовъ прирожденнаго своего языка, частью принаравливаются къ свойствамъ русскаго языка [56]). Въ человѣческомъ словѣ два властителя: смыслъ и выговоръ. Смыслъ требуетъ, чтобы каждая значительная буква оставалась на своемъ мѣстѣ. Но выговоръ, другой властитель слова, во многихъ случаяхъ не терпитъ сближенія буквъ, требуемыхъ смысломъ [57]).

Выговоръ, встрѣтивъ сильное препятствіе со стороны смысла и правописанія, идетъ своей дорогой и ставитъ себѣ за правило: произносить буквы по своему, какъ бы онѣ не были написаны [58]). Древній церковно-славянскій языкъ любитъ обрѣзывать и сокращать слова» [59]). У насъ не дозволялось удвоять гласныя буквы [60]). Славянскій языкъ не терпитъ удвоенія однозвучныхъ буквъ [61]). Между тѣмъ, какъ другіе легко удвояли одну и ту же букву, церковно-славянскій языкъ не терпитъ даже вида удвоенія [62]). По этой причинѣ священное имя Іисусъ было выговариваемо «Ісусъ» [63]).

Соображенія о преобразованіи у насъ греческаго Ἰησοῦς въ славянское Исусъ подтверждается примѣрами изъ другихъ языковъ. Такъ, нынѣшніе латиняне произносятъ его «Езусъ», абиссинскіе христіане—Ясусъ. Алеуты, принявшіе христіанство отъ русскихъ, имя Спасителя услышали въ Соборнѣ указанной формѣ Іисусъ. Но въ ихъ наименованіи Спасителя «Іашушакъ» кто можетъ безъ толкователя угадать извѣстное намъ имя Господа!?

Еврейское «ІЕ» преобразовалось у Грековъ въ «Іη», у латинянъ въ «Е», у абиссинцевъ въ «Я». Всѣ эти измѣненія еврейскаго «Іешуа», частнѣе наше славяно-русское, пишемое и произносимое чрезъ одну гласную—Исусъ суть ли неправильности? Никакъ! По какой же причинѣ наше родное «Исусъ» появилось въ числѣ погрѣшностей старопечатныхъ книгъ, такъ же относительно совершенныхъ, какъ и новопечатныя, исправленныя книги?

Въ минуту принятія нами христіанства отъ Грековъ, богослужебныя книги послѣднихъ представляли весьма значительное разнообразіе относительно частностей, потому что это весьма значительное разнообразіе существовало у нихъ тогда въ самомъ Богослуженіи.

Съ теченіемъ времени разнообразіе постепенно у нихъ уменьшалось, но все-таки оставалось болѣе или менѣе значительнымъ долго спустя послѣ торжества христіанства на Руси. Если несполна, то въ значительной степени разнообразіе греческихъ богослужебныхъ книгъ перешло и въ наши славянскія книги. Когда началось у насъ печатаніе богослужебныхъ книгъ, нужно было составлять изъ существовавшихъ разнообразныхъ единообразные своды для печати, и такъ какъ дѣло велось у насъ при этомъ независимо отъ грековъ (мы ихъ признавали тогда нечисто православными), и безъ справки съ греческими печатными книгами, то весьма легко было нашимъ печатнымъ книгамъ до нѣкоторой степени разрозниться съ печатными книгами греческими. Что одной изъ причинъ разногласія старопечатныхъ книгъ съ печатными греческими, особенно съ ближайшими по времени къ п. Никону, было случайное разрозненіе, это есть несомнѣнный и положительно извѣстный фактъ. Въ описаніи Синодальныхъ рукописей Горскаго и Невоструева—въ описаніи богослужебныхъ книгъ нерѣдко указывается, что нечитаемое въ древнихъ и старопечатныхъ богослужебныхъ книгахъ, но читаемое въ нынѣшнихъ, не находится на древнемъ греческомъ [64]). Иллюстраціей къ этому служитъ, напр., опущеніе въ старопечатномъ чинѣ литургіи Василія Великаго словъ: «Преложивъ Духомъ Твоимъ Святымъ». Этихъ словъ также нѣтъ во многихъ древнихъ и новѣйшихъ [65]) греческихъ служебникахъ, но въ нашихъ исправленныхъ, взятыхъ съ новыхъ (во времена Никона) печатныхъ греческихъ книгъ, они на лицо, хотя новѣйшими учеными и признаются вставкой [66]).

Если поводомъ къ раздѣленію Единовѣрія съ Православіемъ и служитъ разница книгъ, то въ этихъ книгахъ различіе главнымъ образомъ не текста, а обрядовъ (не перемѣна словъ «во́ вѣки» на «во вѣки», «безъ разсужденія серафимъ» на «безъ сравненія серафимъ», «обрадованная» на «благодатная» и т. д.), а различіе обрядовъ—двуперстнаго сложенія и троеперстнаго съ именословнымъ, сугубой аллилуіи и трегубой, посолоннаго хожденія и противосолоннаго, семипросфорья и пятипросфорья и т. д.

Но и обрядовая разность Единовѣрія тоже не непримирима съ Православіемъ.

Для единства Единовѣрія и Православія довольно, говорятъ указанныя лица, что ихъ обрядовая разность совершенно православна. Какого историческаго достоинства и техническаго совершенства тѣ и другіе обряды—это, собственно, не подлежитъ даже оспариванію при разсужденіи: составляетъ ли Единовѣріе съ Православіемъ одну Церковь—о вкусахъ не спорятъ. Однако-жъ, поелику дѣло идетъ до по-

дробностей и касается, между прочимъ, взгляда на единовѣрческіе обряды, то дозволительно, говорятъ упомянутые нами представители Православія и Единовѣрія, сдѣлать сравненіе между обрядами, принятыми въ Православной Русской Церкви и удержанными Единовѣрцами.

Главнѣйшія обрядовыя разности Единовѣрія съ Православіемъ суть: двоеперстіе для изображенія на себѣ крестнаго знаменія и священническаго благословенія, сугубая аллилуіа, седмипросфоріе и хожденіе во время таинствъ крещенія, брака и крестнаго хода около храма посолонь.

Двоеперстіе и сугубая аллилуіа такъ же древни, какъ троеперстіе и трегубая аллилуіа. Седмипросфоріе есть новшество, но новшество весьма относительное, ибо и пятипросфоріе есть новшество противъ четверопросфорія и такъ далѣе до одной просфоры, съ которой началась и на которой очень долгое время была совершаема проскомидія. Хожденіе посолонь, какъ будто дѣйствительно, составляетъ новшество, но во всякомъ разѣ не столь важное, чтобы изъ-за него проводить какую-либо грань между Единовѣріемъ и Православіемъ.

Древніе христіане изображали на себѣ крестное знаменіе однимъ перстомъ и при томъ малое, начертывая его на челѣ, или на лицѣ и отдѣльно на прочихъ частяхъ тѣла [67])—не такъ, какъ въ настоящее время мы его изображаемъ, изображая его на воздухѣ и лишь концами креста прикасаясь къ извѣстнымъ частямъ тѣла. Объ единоперстіи сохранились свидѣтельства у Іоанна Златоуста, Епифанія Кипрскаго, блажен. Іеронима, Θеодорита Кипрскаго, Созомена, Григорія Двоеслова, Іоанна Моска [68]) и у Андрея Критскаго. Объ изображеніи на себѣ большого креста нѣтъ свидѣтельства до III вѣка. При употребленіи изображенія большаго креста было уже не одноперстіе, а перстовъ сложеніе, изъ котораго впослѣдствіи образовалось единовѣрческое двоеперстное и православное именословное сложеніе. Объ этомъ перстосложеніи, именно, о сложеніи пальца съ малымъ среднимъ говоритъ Софроній, патріархъ Іерусалимскій, скончавшійся между 634—644 годами [69]). Далѣе о перстосложеніи говоритъ давно извѣстное свидѣтельство VIII в., принадлежащее Петру Дамаскину. Читается оно такъ: «Два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Іисуса Христа, во двою естеству, а во единомъ составѣ познаваема» [70]). О перстосложеніи, похожемъ на единовѣрческое, говоритъ, затѣмъ, свидѣтельство несторіанскаго митрополита Иліи Гевери, относящееся къ концу IX вѣка. О двуперстномъ сложеніи говоритъ также свидѣтельство іаковитскаго писателя второй половины XIII вѣка Григорія Абулфараджа, относящееся къ первой половинѣ XI вѣка [71]). Наконецъ, о двуперстіи, распространившемся

съ начала VIII вѣка и по начало XI вѣка не только на Востокѣ, но въ концѣ концовъ, и на православномъ западѣ—въ Константинополѣ и Египтѣ, говорятъ два свидѣтельства XII вѣка: одно Константинопольскаго ученаго Θеоріана [72]), а другое коптскаго реформатора Марка, учившаго коптовъ креститься по мельхитски (по православному) двумя перстами [73]). Побужденіемъ къ тому, чтобы вмѣсто единоперстія было введено двоеперстіе, считается желаніе наглядным образомъ выражать исповѣданіе двухъ естествъ въ І. Христѣ, въ противоположность монофизитамъ, для которыхъ одинъ перстъ сдѣлали символомъ изображенія ученія объ одномъ естествѣ въ Христѣ Спасителѣ [74]).

Но и двоеперстіе не было послѣдней формой перстосложенія для крестнаго знаменія. Сначала въ двуперстіи остальнымъ тремъ перстамъ не придавалось значенія (Петръ Дамаскинъ). Съ теченіемъ же времени и остальнымъ тремъ перстамъ было придано символическое значеніе, именно значеніе трехъ лицъ Св. Троицы [75]). Когда это послѣднее случилось, то могли найти, что три перста въ двуперстномъ сложеніи недостаточно удовлетворительнымъ образомъ выражаютъ Св. Троицу, а поэтому и замѣнили двоеперстіе троеперстіемъ. Самое древнее свидѣтельство о троеперстіи относится къ XIII вѣку и содержится въ Кирилловой книгѣ [76]). Цѣль изображенія перстами Св. Троицы так. обр. могла быть достигнута двумя путями: или принятіемъ троеперстія вмѣсто двуперстія, или же поправкой въ самомъ двуперстіи, именно расположеніемъ въ немъ трехъ пальцевъ такимъ образомъ, какъ они расположены въ нынѣшнемъ единовѣрческомъ двуперстіи.

Пока тремъ пальцамъ не было придано символическаго изображенія Св. Троицы, они, какъ видно на Тихвинской иконѣ Божіей Матери и другихъ иконныхъ изображеніяхъ, располагались такъ: малый средній перстъ и мизинецъ пригибались къ ладони (не плотно), а палецъ клался на первый изъ нихъ, т. е. изображался крестъ въ то время, какъ первые два перста исповѣдывали на немъ распятаго Христа. Такое положеніе перстовъ, называемое крестовиднымъ, перешедшее въ нынѣшнее единовѣрческое двуперстіе, давало собой еще возможность съ древнихъ временъ изображать имя І. Христа—четыре буквы І и С, Х и С—[первыя изображаются указательнымъ и большимъ среднимъ; а вторыя чрезъ крестовидное положеніе пальца на малый средній (Х) съ согнутымъ мизинцемъ (С)].

Историческое и практическое совмѣщеніе троеперстія и именословія въ нынѣшнемъ двуперстіи, гдѣ тремя образуется Св. Троица, а двумя І. Христосъ, именемъ Коего благословятся всѣ народы земные, даетъ единовѣрцамъ право безъ ущерба не только въ догма-

тическомъ отношеніи, но и въ церковноо-практическомъ, знаменоваться и благословлять тѣмъ сложеніемъ перстовъ, къ коему привыкли.

Другая обрядовая разность между Единовѣріемъ и Православіемъ заключается въ обычаѣ возглашенія пѣсни «аллилуіа». Единовѣрцы поютъ ее дважды, а въ третій разъ говорятъ: «слава Тебѣ Боже».—«Аллилуіа» слово еврейское. Славянская форма слова «аллилуія» есть форма греческая—ἀλληλούια; собственная еврейская форма есть: галелуія или съ полугласнымъ «е» гальлуія. Слово значитъ: хвалите, славьте Бога, сложено изъ двухъ словъ: галалу или гальлу—хвалите, славьте, отъ галалъ—хвалить, славить и ія, что есть сокращеніе слова Іегова-Богъ.

Вопросъ объ обычаѣ двоенія и троенія аллилуія возникъ не только при учрежденіи Единовѣрія, при исправленіи обрядовъ при патр. Никонѣ, онъ возникъ по крайней мѣрѣ 500 лѣтъ назадъ. Преподобный Евфросинъ—Псковскій чудотворецъ видѣлъ великій расколъ посреди Христовой Церкви и разногласіе, «овѣмъ бы двоящимъ, овѣмъ троящимъ пресвятое аллилуія» (житіе его) [77]). Въ 1419 году (августа 9) митрополитъ Фотій, разрѣшая разные церковные вопросы псковскаго духовенства, между прочимъ, отвѣчалъ: «что ми пишете о аллилуіи и на славахъ сице глаголи: «аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ Боже» [78]). Вопреки этому предписанію Архипастыря Софійскій временникъ подъ 1534 г., описывая кончину великаго князя Василія Іоанновича, говоритъ, что «противу недѣли тоя нощи, коли причастися Пречистыхъ Таинъ, и утѣшися мало, и нача пѣти: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ» [79]).

Чтобы разъяснить споръ, какъ должно—двоить или троить аллилуія, Новгородскій архіепископъ Геннадій обращался за совѣтомъ къ нѣкоему Дмитрію Герасимову. Этотъ Димитрій Толмачъ (Герасимовъ) въ 1493 г. писалъ изъ Москвы Новгородскому архіепископу Геннадію: «Велѣлъ ми еси, господине, отписати къ тебѣ о трегубомъ аллилуіа... Трегубое аллилуіа, а четвертое слава Богу являетъ тріипостасность Божества и единосущіе, а сугубое аллилуіа лице Богочеловѣка въ двухъ естествахъ» [80]).

Относительно способа возглашенія аллилуія до недавняго времени было принимаемо, что, начиная съ древняго времени, способомъ возглашенія пѣсни у грековъ было троеніе, а что двоеніе есть произвольная наша русская новизна. Но по новѣйшимъ археологическимъ свѣдѣніямъ, оказывается, что это не такъ.

Древнѣйшія извѣстныя свидѣтельства о способѣ возглашенія пѣсни, относящіяся къ концу V—половинѣ IX вѣка, говорятъ о троеніи [81]), но начиная съ первой половины XI вѣка, извѣстенъ

рядъ свидѣтельствъ и о томъ, что у грековъ наравнѣ съ трегубой аллилуіей употреблялась и сугубая. Первое свидѣтельство о двоеніи греками аллилуіа наравнѣ съ троеніемъ — въ такъ называемомъ Студійскомъ Уставѣ Цареградскаго патріарха (1025 — 1043) Алексѣя [82]). За патріархомъ Алексѣемъ слѣдуетъ Никонъ Черногорецъ, живший въ XI вѣкѣ, у котораго вмѣстѣ съ предписаніемъ троить аллилуіа находится указаніе и двоить ее въ первомъ словѣ его тактикона [83]). Затѣмъ у русскаго митрополита Кипріана (1406) находится сугубленіе аллилуіа, какъ единственный способъ возглашенія пѣсни. На небольшомъ по времени разстояніи отъ Кипріана находится предписаніе двоить аллилуіа у Симеона Солунскаго (1429) [84]).

Сугубая аллилуіа, так. обр., такъ же древняго происхожденія, какъ и трегубая [85]). Очень долгое время, даже до нашихъ дней, оба способа возглашенія пѣсни аллилуіа находятся въ совмѣстномъ употребленіи у грековъ, нераздѣляющихся изъ-за нея между собою, очевидно, этимъ самымъ подавая примѣръ для такого же отношенія единовѣрцамъ и православнымъ.

Дальнѣйшая обрядовая разность единовѣрцевъ отъ православныхъ состоитъ въ вопросѣ о количествѣ просфоръ на проскомидіи Православные приносятъ на проскомидію пять просфоръ, а единовѣрцы семь, прибавляютъ, такимъ образомъ, двѣ просфоры. Но эта прибавка, какъ уже было сказано, есть повшество относительное, ибо и пятипросфоріе есть новшество противъ четверопросфорія и такъ далѣе до одной просфоры, съ которой началась и на которой очень долгое время была совершаема проскомидія.

Таинство Евхаристіи совершается на единомъ хлѣбѣ (1 Коринѳ. 10, 17), на одной просфорѣ, называемой агнцемъ. Что касается прочихъ уставныхъ просфоръ, то онѣ постепенно увеличивались. Такъ у грековъ четверопросфоріе (включая сюда и агнецъ) употреблялось еще во второй половинѣ XVI вѣка [86]), а въ Іерусалимскомъ патріархатѣ даже еще въ половинѣ XVII столѣтія [87]). Въ Русской Церкви наблюдается точно такая же постепенность. Св. Нифонтъ, епископъ Новгородскій (въ первой половинѣ XII вѣка), на вопросъ неизвѣстнаго Кирика отвѣчалъ, что можно служить литургію на одной просфорѣ, если нельзя достать другой [78]); за здравіе можно служить на двухъ, а для заупокойной литургіи онъ назначалъ три просфоры. Пятипросфоріе указывается въ нѣсколькихъ рукописныхъ славянскихъ служебныхъ книгахъ [89]). Оно также впослѣдствіи требуется и въ Номоканонѣ, какъ онъ былъ изданъ въ Кіевѣ, въ 1624 году [90]). Шестипросфоріе требуется во многихъ рукописныхъ служебникахъ XV и особенно XVI столѣтія. Такъ, шестипросфоріе указывается въ

Соловецкихъ служебникахъ, изъ коихъ одинъ былъ списанъ для св. Филиппа, Московскаго чудотворца [91]). Седмипросфоріе въ частномъ употребленіи было у грековъ съ весьма древняго времени. Оно находилось тамъ въ употребленіи, зависѣвшемъ отъ воли (православныхъ) ктиторовъ монастырей и церквей [92]), какъ бы тѣмъ самымъ указывая на полную возможность своего существованія, по волѣ русскаго православнаго Синода, въ единовѣрческихъ церквахъ и монастыряхъ безъ всякаго уничиженія однихъ вѣрующихъ передъ другими [93]).

Не мѣшаетъ единовѣрцамъ быть наравнѣ съ православными чадами единой Христовой Церкви и послѣдняя изъ указанныхъ обрядовыхъ особенностей—«посолоніе».

Въ обрядовыхъ дѣйствіяхъ примѣчается двѣ стороны,—внѣшняя и внутренняя. Внѣшняя сторона выражается практикой, т. е. способомъ совершенія обряда; а внутренняя обнаруживается въ таинственномъ смыслѣ, или его знаменованіи. При установленіи практики церковныхъ хожденій принималось въ соображеніе не только потребность ихъ, но и благочинность, благолѣпность ихъ совершенія. Единовѣрцы при совершеніи таинства брака, согласно со старописьменными и старопечатными служебниками, ходятъ вокругъ аналоя по солнцу. Соединивъ руки брачущихся правой рукой, совершающей всѣ таинства, священникъ, по мнѣнію І. Верховскаго [95]), отступаетъ отъ благочинности, ежели поведетъ брачущихся противъ солнца: онъ вынужденъ будетъ ходить съ ними спиной къ аналою и къ предлежащимъ на немъ св. Кресту и Евангелію. Этими же соображеніями единовѣрцы руководятся и при крещальномъ посолонномъ обхожденіи купели. «Если крещаемый въ возрастѣ, то воспріемникъ пріемлетъ его за десную руку» правой рукой и идетъ, чтобы не быть спиной къ купели, по солнцу. Хотя правило правопоступательности есть общее для всѣхъ православныхъ и прочихъ единовѣрческихъ хожденій, напримѣръ, кажденіе церкви внутри справа [96]), но когда при совершеніи ихъ приходятъ другія требованія и соображенія, которыя не могутъ быть совмѣщены съ правопоступательностью, то единовѣрцы не всегда слѣдуютъ послѣдней.

Заниматься столь мелкими соображеніями—куда и какъ ходить есть дѣло, замѣчаетъ названный представитель Единовѣрія, во всякомъ разѣ, не Вселенской—Соборной Церкви. Она издревле, часто представляя церковное благочиніе благоразсудительности настоятелей, заботится больше объ уясненіи догматовъ вѣры и огражденіи чистоты православнаго исповѣданія и на основаніи послѣдней различаетъ своихъ чадъ отъ не своихъ. Въ 1881 году Вселенскій патріархъ не различилъ Майносскихъ (въ Турціи) единовѣрцевъ отъ русскихъ

православныхъ, а счелъ ихъ за едино съ послѣдними чадами Христовой Церкви, даровавъ имъ благословеннаго священника рукой Московскаго митрополита. Да и можно ли существенно различать единовѣрцевъ и православныхъ? — замѣчаютъ и прочіе названные нами представители Православія и Единовѣрія. Сказанное до сихъ поръ стоитъ противъ этого. Приведенное здѣсь даетъ заключеніе о полномъ равенствѣ Единовѣрія съ Православіемъ въ Христовой Церкви.

Единовѣріе, по словамъ ихъ, противопоставляется въ Россіи расколу и, сравниваемое съ Православіемъ, есть совокупность приходовъ Русской Церкви, единыхъ съ ней по вѣрѣ, но разнствующихъ отъ нея въ обрядѣ. Единовѣріе есть отдѣлъ старообрядства, допущенный на основаніи единства въ вѣрѣ въ общеніе съ Россійской Церковью. Иначе сказать, Единовѣріе есть примиренное съ Русской и Вселенской Церковью старообрядчество.

Православіе есть правое исповѣданіе Христовой вѣры, коимъ Восточная Церковь отличается отъ инославныхъ западныхъ исповѣданій. По сравненію въ Россіи съ Единовѣріемъ оно есть, во 1-хъ, держаніе обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, исправленныхъ соборомъ 1667 года, а во 2-хъ, совокупность держателей этихъ обрядовъ и книгъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи, внутри одного и того же восточнаго православнаго исповѣданія и въ нѣдрахъ одной и той же Христовой Церкви находятся два равно-православныхъ обрядства, съ ихъ хранилищами — церковно-богослужебными книгами — одно соборомъ исправленное, а другое бывшее до собора и — относительно этого собора — старое. Оба обрядства равны по православности и одинаковы по древности. Пусть нѣкоторые члены Россійской Церкви отрицаютъ за «старымъ обрядствомъ и старопечатными книгами» обладаніе «истиною вселенскаго православія» [97]); пусть и держатели стараго обрядства честятъ исправленные обряды и книги ересью,—тѣ и другіе одинаково ошибаются и грѣшатъ другъ противъ друга. «Распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ»,—вотъ «требованіе благое и достойное, поставленное для сохраненія всѣми въ точности» [98]), для сохраненія той истины, что Единовѣріе съ Православіемъ одно и что Единовѣріе не расколъ. Единовѣріе есть тоже единая православная вѣра, и пребываніе въ Единовѣріи есть истинное и искреннее держаніе этой единой православной вѣры, равно и пребывающіе въ Единовѣріи, несомнѣнно, истинно православные и истинно вѣрующіе сыны св. Церкви.

Одна лишь исторія Единовѣрія въ состояніи объяснить малое распространеніе условнаго примиренства среди старообрядцевъ. Только что изложенный взглядъ на Единовѣріе едва ли позволяетъ возразить что-либо противъ этого спасительнаго учрежденія. Не то впечатлѣніе получается отъ того же учрежденія съ открытіемъ страницъ, повѣствующихъ объ его возникновеніи и развитіи. Въ исторіи, гдѣ на ряду съ правильными воззрѣніями и отношеніями къ Единовѣрію часто и долго уживалось неправильное пониманіе его, старообрядцы нерѣдко находятъ пищу для своихъ превратныхъ представленій объ условномъ возсоединеніи съ Церковью.

По своему происхожденію, плодъ общенія Церкви со старообрядствомъ съ одной стороны, и стремленія дѣятелей старины къ примиренію съ Церковію—съ другой, Единовѣріе—это условное единеніе старообрядцевъ съ Церковью — раждается съ плохими задатками успѣшности къ предстоящей своей жизни. По своей внутренней сущности, будучи воплощеніемъ благой и великой церковной идеи—единства вѣры при разности обрядовъ, Единовѣріе—результатъ взаимныхъ уступокъ Церкви православной и старообрядчества—пріобрѣтаетъ себѣ въ своемъ идеалѣ характеръ начала въ извѣстномъ смыслѣ цѣльнаго и разносторонняго, характеръ начала вселенскаго.

Но въ виду первоначальнаго состоянія раскола и отношенія его къ Православной Церкви, въ виду историческихъ прецедентовъ отношеній между, такъ называемыми, старыми и, такъ называемыми, исправленными обрядами, Единовѣріе въ понятіяхъ православныхъ становится временнымъ явленіемъ.

Единовѣріе является какъ необходимое слѣдствіе законнаго общенія старообрядства съ православнымъ обрядствомъ. Но исключительность условій создаетъ исключительность — безпримѣрность нашего Единовѣрія. Единовѣрцы, оставаясь при своихъ обрядахъ, допущенные къ общенію съ Церковью на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ Церковь постоянно вездѣ и всегда допускала въ свое общеніе лицъ, содержащихъ мѣстные обряды, ставятся въ переходное положеніе и въ такомъ состояніи мыслятся очень долго.

Единовѣріе, какъ лишь помнитъ себя, съ тѣхъ поръ до нашихъ дней, не было равноправнымъ и равночестнымъ общеправославію—стояло на низшемъ положеніи по отношенію къ послѣднему, было лишь миссіонерскимъ средствомъ.

О полномъ тождествѣ Единовѣрія съ Православіемъ оффиціальные представители послѣдняго не заговаривали часто и изъ-за исключительнаго предпочтенія исправленнаго обряда старому [99]).

ГЛАВА VII.

Единовѣріе въ наши дни.

Особыхъ опредѣленій Высшей духовной власти, раскрывавшихъ ея взглядъ на Единовѣріе, кромѣ посланія Святѣйшаго Синода по случаю исполнившагося столѣтія со дня утвержденія правилъ Единовѣрія (27 окт. 1800—27 окт. 1900 г.), въ наши дни пока не было. За то собирались III и IV Всероссійскіе Миссіонерскіе Съѣзды, выдѣлявшіе по дѣламъ Единовѣрія особыя комиссіи. Въ 1906—1907 гг. было созвано Предсоборное Присутствіе, и оно въ числѣ своихъ комиссій имѣло VI-й отдѣлъ, занимавшійся дѣлами Единовѣрія. Дѣлами Единовѣрія, такимъ образомъ, въ наши дни не меньше интересуются, если не больше, какъ православные, такъ и единовѣрцы. Послѣдніе для выясненія своихъ нуждъ основываютъ въ 1906 году свой спеціальный въ г. С.-Петербургѣ единовѣрческій журналъ подъ названіемъ: «Правда Православія»; собираютъ, далѣе, особые единовѣрческіе съѣзды. Свобода вѣроисповѣданія, объявленная съ высоты Престола, даетъ единовѣрцамъ возможность открыто заявлять о своихъ желаніяхъ. Послѣднія болѣе или менѣе рельефно выражены въ той инструкціи, какая была вручена единовѣрческимъ депутатамъ на Кіевскомъ Съѣздѣ въ 1908 г. Инструкція напечатана на страницахъ «Правды Православія» за 1908 г., въ №-рѣ 20-мъ. Составлена примѣнительно къ кругу тѣхъ вопросовъ, кои рѣшались VI отд. Предсоборнаго Присутствія, Курскимъ (въ 1906 г.) и Вятскимъ (1908 г.) единовѣрческими съѣздами. Содержаніе ея таково.

1) Снятіе и разъясненіе соборныхъ клятвъ 1656, 1666—67 годовъ. Приглашеніе по этому случаю Вселенскихъ патріарховъ, соотвѣтственныя этому ходатайства предъ Высшею Духовною властью Русской Церкви. Наличность въ дѣлѣ разъясненія клятвъ и представителей старообрядческаго міра, по крайней мѣрѣ главныхъ его развѣтвленій.

2) Выясненіе отношенія Единовѣрія къ Православной Русской Церкви. Ходатайство объ исправленіи 5-го и 11-го §§ правилъ Единовѣрія въ смыслѣ полной свободы православнаго причисляться къ единовѣрческому приходу, а единовѣрца—къ великороссійскому.

3) Уничтоженіе, насколько возможно, дополнительныхъ мнѣній митрополита Платона къ правиламъ 1800 года, касательно временнаго значенія Единовѣрія. Единовѣріе, не смотря на свои старые обряды, спасительно и такъ же правовѣрно и православно, какъ и прочая совокупность приходовъ Русской Церкви, и нисколько не нуждается въ переходѣ въ какое-то «чистое» православіе.

4) Надлежащее съ точнымъ соблюденіемъ древняго устава, однообразное отправленіе церковнаго Богослуженія, какъ одно изъ главныхъ условій жизненности Единовѣрія. Существующее разнообразіе въ порядкѣ единовѣрческаго Богослуженія, сказывающееся весьма гибельно на успѣхѣ Единовѣрія, проявляется, кромѣ произвольныхъ опущеній и нововведеній, въ замѣнѣ знаменнаго напѣва другими близкими къ современнымъ искаженнымъ православнымъ мотивамъ. Допустимость въ единовѣрческихъ церквахъ четырехъ-голоснаго пѣнія. Мѣры и средства къ улучшенію церковнаго пѣнія въ единовѣрческихъ храмахъ. Учрежденіе пѣвческихъ школъ.

5) Внутренняя организація единовѣрческихъ приходовъ. Взаимныя отношенія клира и мірянъ. Выборное начало при замѣщеніи священническихъ, діаконскихъ и псаломщическихъ мѣстъ. Теоретическая и практическая подготовка замѣстителей ихъ. Необходимость единовѣрческаго средняго учебнаго заведенія.

6) Церковно-хозяйственный распорядокъ въ единовѣрческихъ приходахъ. Единовѣрческій приходъ въ силу Высочайшаго указа 1845 г. владѣетъ правомъ юридическаго лица. Права и обязанности старостъ и попечителей въ приходахъ православно-старообрядческихъ церквей. Нужда въ особой инструкціи для единовѣрческихъ старостъ. Приходскія собранія; правила для ихъ созыва.

7) Независимость единовѣрческихъ церквей отъ Духовныхъ Консисторій, какъ весьма неосвѣдомленныхъ въ дѣлахъ Единовѣрія, незнакомыхъ съ духомъ и обычаями православныхъ старообрядцевъ.

8) Учрежденіе во всѣхъ епархіяхъ единовѣрческихъ Благочинныхъ. Необходимость для нихъ особой, спеціальной инструкціи, въ виду ихъ большаго значенія въ Единовѣріи, вслѣдствіе независимости единовѣрческихъ церквей отъ Духовныхъ Консисторій. Способъ ихъ избранія, утвержденія и увольненія.

9) Благочинническіе совѣты и собранія. Смѣшанный составъ тѣхъ и другихъ. Огромное ихъ значеніе въ просвѣтительно-миссіонерской и церковно-приходской дѣятельности единовѣрцевъ данной мѣстности.

10) Необходимость епархіальныхъ единовѣрческихъ Съѣздовъ и крайняя нужда въ Всероссійскомъ Единовѣрческомъ Съѣздѣ.

11) Въ цѣляхъ объединенія единовѣрцевъ, достиженія болѣе успѣшнаго благоустройства церковно-приходской жизни, существова-

ніе единовѣрческаго печатнаго органа, устройство Всероссійскаго Единовѣрческаго Братства и его отдѣленій.

12) Подчиненіе единовѣрческихъ приходовъ особымъ православно-старообрядческимъ епископамъ. Необходимость данной мѣры въ виду поддержанія жизни въ Единовѣріи—въ этой древней формѣ Вселенскаго Православія. Важность единовѣрческихъ епископовъ въ дѣлѣ миссіи, значеніе ихъ въ виду возможнаго примиренія съ Единовѣріемъ бѣглопоповцевъ, ищущихъ, на основаніи рѣшенія послѣдняго своего Съѣзда, единомысленнаго старообрядческаго архіерея. Великая сила православно-старообрядческихъ епископовъ въ задачахъ Русской Церкви относительно прочаго старообрядчества. Единовѣрческіе епископы—это первые примирители Бѣлокриницкой іерархіи и ея паствы съ архипастырствомъ Русской Православной Церкви и ея членовъ.

Вотъ главные вопросы Единовѣрія, кои въ 1908 году везъ въ Кіевъ, на Съѣздъ каждый отправляющійся туда представитель Единовѣрія.

Вопросы, коими занимаются единовѣрцы, а за ними и православные, какъ видимъ, отчасти старые, частью новые. Но постановка рѣшенія нѣкоторыхъ изъ нихъ—совершенно новая. Иные въ своей постановкѣ, какъ указано будетъ, пережили даже нѣсколько стадій, напримѣръ: вопросы о клятвахъ и порицаніяхъ, вопросъ о епископѣ.

Равночестность Единовѣрія съ Православіемъ.

То, что въ предшествующій періодъ было удѣломъ лишь избранныхъ, въ настоящее время раздѣляется уже многими. Равночестность стараго и новаго обряда признается и VI-мъ отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія и IV-мъ Всероссійскимъ Миссіонерскимъ Съѣздомъ.

Въ прежнихъ отношеніяхъ къ Единовѣрію проглядывало исключительное предпочтеніе исправленнаго обряда старому. Сейчасъ это предпочтеніе мало-по-малу исчезаетъ. Единовѣріе не признается уже чѣмъ-то недоросшимъ и недоразвившимся. Предсоборное Присутствіе въ лицѣ своего VI отдѣла по вопросу о смыслѣ и значеніи Единовѣрія по отношенію къ нему самому постановило ходатайствовать о признаніи его соборомъ не переходною ступенію отъ раскола къ Православію, не болѣзнью, но почитать единовѣрческія общины православными и равночестными съ тѣми, которыя содержатъ одобренные соборомъ 1667 года обряды [1]). Прежнее названіе «единовѣрческая церковь» и «единовѣрцы», рекомендованное м. Платономъ, уже не подходило къ такому опредѣленію Единовѣрія, а потому, по мысли Предсоборнаго Присутствія, и оно тоже должно быть замѣнено наименова-

ніемъ «православные старообрядцы» [2]). Давнія мечты единовѣрцевъ увидѣть свое Единовѣріе равночестнымъ съ Православіемъ и не называться именемъ, ничего не говорящимъ [3]), такимъ образомъ, начали осуществляться.

IV Миссіонерскій Съѣздъ по вопросу о равночестности Единовѣрія съ Православіемъ пошелъ еще дальше. Онъ утвердилъ заключеніе старообрядческой комиссіи по докладу проф. Н. И. Ивановскаго: «точка зрѣнія на разнообрядіе», выраженное въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Предложить миссіонерамъ, которые продолжаютъ держаться пріемовъ старыхъ въ полемикѣ, не полемизировать по поводу различія обрядовъ, а только разъяснять, что въ древней Церкви былъ и тотъ и другой обрядъ и епископы, даже державшіеся различныхъ обычаевъ, служили вмѣстѣ (Викторъ и Аникита), при чемъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы примѣнительно къ этому въ семинарскихъ программахъ и руководствахъ по исторіи и обличенію раскола сдѣланы были соотвѣтственныя примѣненія. 2) Ходатайствовать предъ Св. Синодомъ, чтобы онъ отъ лица архипастырей Русской Церкви издалъ постановленіе или разъясненіе о равночестности того или другого обряда, предоставляя право епископамъ въ своихъ епархіяхъ *разрѣшать и въ православныхъ храмахъ*, но не въ ущербъ церковной дисциплинѣ, употребленіе по желанію прихожанъ стараго обряда, причемъ самъ настоятель прихода первый съ соизволенія епископа долженъ удовлетворять эти нужды, разумѣется, конечно, въ селахъ съ раскольническимъ населеніемъ [4]).

Время—первый врачъ, цѣлитель и устроитель. Пришла пора,—и представители Православія не только въ кабинетахъ, но и на своихъ съѣздахъ заговорили то, что прежде считалось преступленіемъ и притомъ единовѣрцевъ-фанатиковъ. Много нужно было пережить и перечувствовать, чтобы сказать то, что постановилъ на нашихъ дняхъ Миссіонерскій Съѣздъ. Давно единовѣрцы звали православныхъ къ признанію равночестности Единовѣрія съ Православіемъ, но послѣдніе считали это дѣло невозможнымъ. Мы видѣли, какъ отвѣтилъ на этотъ зовъ даже учредитель Единовѣрія—митр. Платонъ: онъ не нашелъ ничего больше, какъ только пожелать, чтобы единовѣрцы со старыми обрядами окончательно просвѣтились и совершенно соединились, перемѣнивъ свои обычаи на новые (см. допол. мнѣніе его къ прав. Един.) Звалъ къ этой равночестности и І. Верховскій. Онъ предлагалъ не одинъ разъ церковной власти разрѣшить въ православныхъ церквахъ служить по-старому, если того пожелаютъ прихожане; но его зовъ, кромѣ огорченія ему первому, ничего не принесъ. Не говоримъ

о томъ, сколько было пролито слезъ тѣми прихожанами, кои придерживались старины. Просили о равночестности единовѣрцы 70—80 годовъ (ихъ прошенія съ Нижегородской ярмарки), но въ отвѣтъ получили лишь напоминаніе о томъ, что такъ называемые старые обряды несовершенны, что они разнятся отъ общепринятыхъ на Востокѣ, что они съ недостатками и погрѣшностями (опр. Святѣйшаго Синода 8 Мая—17 Іюня 1881 г.). Не больше сказалъ и Казанскій съѣздъ Архипастырей въ 1885 году. Правда, онъ провозгласилъ, что Единовѣріе и Православіе составляютъ одну Церковь, но это отождествленіе касалось лишь догматовъ и таинствъ, про обряды же ни слова. Лишь только IV Миссіонерскій Съѣздъ 1908 г., подъ вліяніемъ Высочайшихъ Манифестовъ о свободѣ вѣроисповѣданія, счелъ нужнымъ объявить полную равночестность Единовѣрія съ Православіемъ

Для равночестности Единовѣрія съ Православіемъ, однако, мало одного ея провозглашенія, хотя и торжественнаго. Само собой ясно, что для этого требовалось, съ одной стороны, устраненіе тѣхъ причинъ, кои препятствовали раньше этой равночестности, а съ другой, созданіе тѣхъ условій, которые способствовали бы ей.

Обстоятельствъ, мѣшавшихъ равночестности Единовѣрія съ Православіемъ, не смотря на давнее существованіе перваго, было немало. Это, во-1-хъ, ходячія понятія объ обрядахъ и книгахъ единовѣрческихъ церквей. Мы видѣли, что истинное пониманіе того и другого было принадлежностью немногихъ. Миссіонерскій Съѣздъ въ Кіевѣ прежде, чѣмъ провозгласить равночестность Единовѣрія съ Православіемъ, долженъ былъ устранить указываемое нами препятствіе, что онъ и дѣлаетъ. Онъ предлагаетъ миссіонерамъ, которые продолжаютъ держаться старыхъ представленій о единовѣрческихъ обрядахъ, не полемизировать по поводу различія обрядовъ, а только разъяснять, что въ древней Церкви былъ тотъ и другой обрядъ, что епископы, державшіеся различныхъ обычаевъ, служили вмѣстѣ. Вмѣсто застарѣлыхъ понятій о старыхъ обрядахъ IV Всероссійскій Съѣздъ старается дать новыя, кои не мѣшали бы дѣлу. Онъ ходатайствуетъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о соотвѣтственномъ измѣненіи въ семинарскихъ программахъ и руководствахъ по исторіи и обличенію раскола.

Для проведенія новаго взгляда на Единовѣріе въ жизнь и того всего, однако, было недостаточно. Существовали мѣропріятія и распоряженія церковной власти относительно единовѣрцевъ, постепенно направлявшія послѣднихъ къ одобреннымъ соборомъ 1667 г. обрядамъ. При наличности ихъ, очевидно, не могло быть той равночестности, о коей кромѣ Миссіонерскаго Съѣзда говоритъ и

Предсоборное Присутствіе. Разумѣемъ главнымъ образомъ 5, 11 §§ правилъ Единовѣрія, дополненные въ 1881 году и дополнительныя мнѣнія митр. Платона 1800 года.

Нигдѣ такъ не подчеркивалась разница между Единовѣріемъ и Православіемъ, какъ въ этихъ постановленіяхъ. Аномалія ихъ настолько велика, что изобразить ее можно лишь описательно. Православный епископъ совершаетъ умилительный чинъ погребенія въ единовѣрческомъ храмѣ по старому потребнику, изданному при одномъ изъ первыхъ пяти московскихъ патріарховъ. Служба идетъ истово, торжественно. Погребаютъ одного профессора *), завѣщавшаго похоронить себя на единовѣрческомъ кладбищѣ... и вотъ вы, православный, держащійся старыхъ обрядовъ, но незаписанный въ книгахъ раскольникомъ, пожелаете когда Богъ пошлетъ кончину, тоже похорониться по-старообрядчески—обращаетесь съ просьбой къ священнику этого единовѣрческаго храма... но напрасно. Почему, изъ-за чего,—спрашиваете вы священника,—мнѣ нельзя воспользоваться тѣмъ же правомъ, какимъ воспользовался профессоръ? Я такой же человѣкъ и также люблю старые обряды, старые напѣвы, дивные антифоны, коихъ нѣтъ въ великороссійскомъ чинѣ погребенія мірянъ. Развѣ Единовѣріе и Православіе—не одно и то же въ отношеніи вѣчнаго спасенія? Развѣ вы—единовѣрческій священникъ—не имѣете той благодати, какую имѣетъ великороссійскій? «Имѣю, имѣю, отвѣчаетъ онъ вамъ; Единовѣріе то же, что и Православіе, единовѣрческій іерей по благодати хиротоніи такой же священникъ, какъ и православный, но похоронить васъ и отпѣть по-единовѣрчески мы все-таки не можемъ». Развѣ не въ вашемъ храмѣ,—продолжаете вы,—отпѣвали профессора, развѣ не видѣли, что преосвященный крестился двумя перстами? Правда, онъ сбивался иногда, дѣлалъ не то, что нужно, но все же онъ видимо признавалъ единовѣрческія особенности и уважалъ завѣщаніе усопшаго. Такъ почему же въ одномъ случаѣ можно, а въ другомъ нельзя? Профессора можно отпѣвать, а меня и моихъ родныхъ воспрещается. «Его можно, а васъ и родныхъ нельзя, потому что вы православные и въ книгахъ не числитесь раскольниками». Тамъ вѣдь и профессоръ—православный? «Профессоръ—православный, а вы, чтобы похорониться у насъ, должны предварительно сдѣлаться раскольникомъ и быть имъ, по меньшей мѣрѣ, пять лѣтъ: такъ гласитъ правило Единовѣрія, измѣненное въ этомъ смыслѣ въ 1881 году (изъ нашей статьи, помѣщ. въ «Правдѣ Православія» за 1906 г.). Вотъ, что происходило на основаніи правилъ Единовѣрія, при всѣхъ толкахъ о равенствѣ Единовѣрія съ Правосла-

*) Н. И. Субботинъ.

віемъ! Картина, нарисованная нами, выхвачена изъ дѣйствительности и всѣмъ дѣятелямъ, касавшимся положенія Единовѣрія, хорошо извѣстная. Порядокъ перечисленія обыкновенныхъ смертныхъ въ Единовѣріе именно такой. Православный старообрядецъ, не записанный въ книгахъ раскольникомъ, чтобы перечислиться въ единовѣрческій приходъ, обязанъ сдѣлаться настоящимъ записнымъ раскольникомъ и быть имъ пять лѣтъ. Какъ ни противорѣчитъ такой порядокъ съ понятіемъ о Единовѣріи, какъ о томъ же Православіи, какъ ни оскорбителенъ онъ для единовѣрцевъ, однако онъ для оо. Кіевскаго Съѣзда и для членовъ Предсоборнаго Присутствія былъ существующимъ не на бумагѣ только, но въ дѣйствительности. Провозглашая равночестность Единовѣрія съ Православіемъ, тѣ и другіе, очевидно, должны были считаться, такъ или иначе, съ этимъ порядкомъ. Измѣненіе 1881 года, сдѣланное въ 5 правилѣ Единовѣрія, носило характеръ не свободнаго, на широкомъ фундаментѣ основаннаго рѣшенія, а характеръ уступки на просьбы тогдашнихъ единовѣрцевъ. Дополненіе 1881 года нѣсколько облегчало желающихъ принадлежать къ единовѣрческому приходу, но въ то же время продолжало ставить людей въ фальшивое положеніе. Человѣку предлагалось предварительно сдѣлаться формальнымъ раскольникомъ. Его сердечное влеченіе, его симпатіи къ православному старообрядчеству признаются дѣйствительными послѣ того, какъ побываетъ въ расколѣ. Само собой ясно, что такое условіе не вязалось съ достоинствомъ Единовѣрія и должно было вызвать у провозглашавшихъ его противодѣйствіе себѣ.

У о. о. Казанскаго Миссіонерскаго Съѣзда 1897 года это противодѣйствіе еще слабое. Оно выразилось въ ходатайствѣ ихъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о дозволеніи православнымъ поселенцамъ вблизи единовѣрческихъ церквей приписываться къ единовѣрческимъ приходамъ [5]). Не то мы видимъ у членовъ Предсоборнаго Присутствія въ 1906 году. Они рѣшительно высказываются противъ 5 § правилъ Единовѣрія, находя его прямо несоотвѣтствующимъ понятію объ истинномъ единеніи между Единовѣріемъ и Православіемъ. О. о. Кіевскаго Миссіонерскаго Съѣзда 1908 года примыкаютъ и всецѣло поддерживаютъ данное рѣшеніе Предсоборнаго Присутствія [6]). Иначе дѣйствовать тѣ и другіе не могли, разъ рѣшили провозгласить равночестность Единовѣрія въ Православіемъ. Неужели 5 и 11 §§ правилъ Единовѣрія 1800 г. вмѣстѣ со своими дополненіями 1881 года могутъ мириться съ достоинствомъ Единовѣрія, правдою Христовою?

Мы хорошо помнимъ и тѣ случаи, кои были связаны съ ограниченіями не только 5-го, но и 11 § пунктовъ м. Платона, хотя нѣсколько и измѣненныхъ въ царствованіе Александра III-го. Они до глубины души оскорбляли религіозное чувство единовѣрца и всякаго

желавшаго встать на путь Единовѣрія. Приходитъ наприм., къ единовѣрческому священнику бѣдный человѣкъ. Онъ хочетъ исполнить долгъ христіанской исповѣди по совѣсти, какъ ему Богъ открылъ. Но предъ сознаніемъ его встаетъ 11 § пунктовъ м. Платона. Ему Православіе само по себѣ не противно, ему не переносимо лишь нерадивое, небрежное отношеніе къ таинству покаянія мѣстнаго православнаго священника. Онъ хочетъ, особенно предъ смертью «исправиться» у единовѣрческаго батюшки, а потому заблаговременно пожелалъ охлопотать это дѣло, устранить ограниченія 11-го § правилъ Единовѣрія. Приходитъ къ православному старообрядческому священнику и проситъ причислить къ его приходу. «Нельзя, ты—православный». Знаю, батюшка, что я по книгамъ православный, но душа моя не лежитъ туда. Яви милость, перечисли. «Намъ запрещено принимать. Если хочешь перечислиться,—подавай начальству». Начальству то я подавалъ, да не выходитъ. Обращался я къ нему; но оно одно говоритъ, что и Вы; «нельзя, ты—православный». Я ему докладываю, свидѣтельствуюсь предъ Богомъ, исповѣдуюсь Вамъ, какъ на исповѣди: не лежитъ мое сердце къ порядкамъ великороссійской Церкви. Лежитъ ли, не лежитъ ли твое сердце,—намъ до этого дѣла нѣтъ; ты зачисленъ по православію, и дѣлу конецъ! Крещенъ-то ты вѣдь въ православной Церкви и за послѣднія пять лѣтъ значишься въ книгахъ? Точно такъ. «Толковать, значитъ, нечего,—ты православный,—не будетъ тебѣ перечисленія въ единовѣрческій приходъ». Вотъ, батюшка, что начальство мнѣ сказало. Ради Бога помоги! Если ты не поможешь,—уйду въ расколъ; нужно же гдѣ-нибудь исповѣдываться, ты не принимаешь, къ православному я самъ не пойду.—Священникъ, желая спасти душу, пишетъ ему прошеніе о перечисленіи въ Единовѣріе. Узнаетъ Епархіальное Начальство и наряжаетъ слѣдствіе надъ священникомъ и вызываетъ его къ себѣ и ведетъ такую рѣчь: «Ты раскольникъ». Видитъ Богъ, я православный, всегда признавалъ благодать православной Церкви. «Все равно, ты раскольникъ. Ты писалъ прошеніе о перечисленіи N въ Единовѣріе?» Говорилъ и писалъ точно я, потому что иначе нельзя; проситъ, кланяется, стоитъ на колѣняхъ, не встаетъ, плачетъ, умоляетъ помочь; иначе-де въ расколъ уйду. Я уступилъ—написалъ. «Такъ я и повѣрю—жди. Я не младенецъ, чтобы меня обманывать. Пусть его идетъ въ расколъ. Тебѣ то что: не твои овцы. Знаемъ мы васъ—наемниковъ, за чужими овцами бѣгаете»... Мы ничего не сказали здѣсь (изъ нашей статьи въ «Правд. Прав.» за 1906 г.) лишняго. Все это не разъ повторялось на нашей памяти. И идетъ единовѣрческій священникъ отъ своего Епархіальнаго Начальства награжденный вмѣсто обычныхъ наградъ словомъ «наемникъ», идетъ оскорбленный, униженный. Неудовлетвореннымъ выходитъ и проситель-

мірянинъ. Идетъ онъ озлобленный искать священниковъ «австрійскаго поставленія».

И все это происходило отъ того, что Святѣйшій Синодъ въ 1881 году, при разсмотрѣніи просьбы единовѣрцевъ, не захотѣлъ перейти на высшую, богословскую точку зрѣнія, куда звали просители-единовѣрцы, а продолжалъ стоять на церковно-административной линіи, на коей стоялъ и митрополитъ Платонъ. Перейди на ту точку зрѣнія на разнообрядіе, на коей стояли о.о. Кіевскаго Съѣзда, онъ—Святѣйшій Синодъ непремѣнно бы подошелъ къ тому же самому, къ чему подошли и Кіевскій Съѣздъ и Предсоборное Присутствіе, т. е. уничтожилъ бы всѣ ограниченія не только 5-го, но и 11 § пунктовъ м. Платона.

Анахронизмъ этихъ ограниченій былъ слишкомъ великъ, чтобы не ходатайствовать тому и другому Собранію православныхъ и единовѣрческихъ представителей объ ихъ уничтоженіи. Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія *постановилъ* «ходатайствовать предъ соборомъ объ отмѣнѣ пунктовъ 5 и 11 правилъ Единовѣрія и дополнительнаго къ нимъ въ 1881 году разъясненія Святѣйшаго Синода и о дозволеніи какъ православнымъ переходить въ единовѣрческіе приходы, такъ и единовѣрцамъ—въ православные» [7]). То же сдѣлалъ и Кіевскій Съѣздъ. Онъ «постановилъ присоединиться по данному вопросу къ VI отдѣлу Предсоборнаго Присутствія—исправить 5 и 11 пункты правилъ въ смыслѣ свободнаго перехода изъ Единовѣрія въ Православіе и обратно» [8]).

II Предсоборное Присутствіе и Кіевскій Съѣздъ ходатайствуютъ объ устраненіи ограниченій не только 5 и 11 пунктовъ м. Платона, но и его дополнительныхъ мнѣній къ правиламъ Единовѣрія. Эти мнѣнія были той исходной точкой, подъ вліяніемъ коей Московскій Архипастырь клалъ свои замѣчанія на пункты прошенія Московскихъ соединенцевъ 1800 года. Всѣ ограниченія, въ томъ числѣ только что упомянутыхъ 5 и 11 пунктовъ, объяснимы лишь съ этой точки зрѣнія. Въ дополнительныхъ мнѣніяхъ, какъ въ своемъ мѣстѣ было указано, м. Платонъ проводилъ ту мысль, что Единовѣріе—временное явленіе. что оно—ступень къ Православію, что оно открыто въ надеждѣ на окончательное просвѣщеніе единовѣрцевъ, на полное слiяніе ихъ съ православными даже и въ обрядѣ. Эта точка зрѣнія была краеугольнымъ камнемъ во всей исторіи Единовѣрія; подъ вліяніемъ ея издавались тѣ и другія мѣропріятія и распоряженія духовной власти. Эта, а не другая точка зрѣнія на Единовѣріе, заставляла сквозь пальцы смотрѣть на картины, только что описанныя нами, и относиться со всею строгостью къ священнику, который осмѣливался только написать просьбу о перечисленіи изъ Православія въ Единовѣріе. При этой лишь точкѣ зрѣнія на Единовѣріе возможны и тѣ

факты, что цѣлыя деревни и села отпадали отъ Православія и, состоя въ расколѣ, искали единенія со Св. Церковью на началахъ Единовѣрія и не получали на то разрѣшенія, а потому невольно и принужденно оставались навсегда въ расколѣ. Пишущій эти строки цѣлыхъ десять лѣтъ велъ дѣло въ Святѣйшемъ Синодѣ о позволеніи жителямъ деревни Усть-Горы Тюкалинскаго уѣзда, Тобольской губерніи, построить единовѣрческую церковь и не могъ выхлопотать, ибо они формально не отписаны въ расколъ. Вся деревня уклонилась послѣ этого въ «австрійское священство». И это не единственный фактъ въ практикѣ пишущаго. Сколько было въ семъ случаѣ споровъ и напрасной переписки. Сколько испытаній и тревогъ для жаждавшихъ единенія со Св. Церковью! И все это потому, что на Единовѣріе продолжали смотрѣть лишь какъ на временное явленіе, допущенное въ нѣдрахъ Церкви только для природныхъ старообрядцевъ, записанныхъ въ книгахъ. Такая точка зрѣнія на Единовѣріе, конечно, нисколько не рекомендовала распространенія Единовѣрія, не допускала возможности узаконять его особенности среди тѣхъ православныхъ, кои привержены къ старинѣ.

Лишь 3-й Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ осмѣливается высказаться за эту возможность въ томъ мѣстѣ своихъ постановленій, гдѣ говоритъ: «Можно ли православному священнику преподать благословеніе нѣкоторымъ прихожанамъ, по ихъ желанію, двуперстнымъ старообрядческимъ сложеніемъ»? [9]). Предсоборное Присутствіе и IV Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ идутъ въ этомъ отношеніи еще дальше. Ходатайствуя о равночестности Единовѣрія съ Православіемъ, тѣ и другіе хлопочутъ объ уничтоженіи и того, что лежало въ основѣ всѣхъ мѣропріятій, клонившихся въ крайнемъ случаѣ къ низведенію Единовѣрія на степень временнаго явленія, на положеніе ступени къ Православію. Они хлопочутъ объ уничтоженіи дополнительныхъ мнѣній м. Платона [10]) и говорятъ о тѣхъ явленіяхъ въ жизни Русской церкви, кои были немыслимы при наличности этихъ мнѣній. Кіевскій Съѣздъ, ходатайствуя предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чтобы онъ отъ лица архипастырей Русской Церкви издалъ постановленіе или разъясненіе о равночестности того и другого обряда, проситъ еще и о томъ, чтобы епископамъ было предоставлено право разрѣшать и въ православныхъ храмахъ употребленіе стараго обряда по желанію прихожанъ [11]). Предсоборное же Присутствіе ведетъ пространную рѣчь о переименованіи самыхъ православныхъ церквей въ единовѣрческія, если всѣ почти прихожане будутъ на это согласны [12]).

Устраняя въ своихъ ходатайствахъ все то, что препятствовало возглашаемой ими равночестности Единовѣрія съ Православіемъ, Предсоборное Присутствіе и Миссіонерскій Съѣздъ, съ другой стороны, стараются пойти на встрѣчу тѣмъ предлагаемымъ единовѣрцами мѣрамъ. кои утверждали Единовѣріе и дѣлали его не временнымъ лишь явленіемъ. Они поддерживаютъ ходатайства какъ отдѣльныхъ единовѣрцевъ, такъ и цѣлыхъ единовѣрческихъ съѣздовъ объ истовомъ Богослуженіи въ единовѣрческихъ церквахъ, о сохраненіи особенностей православнаго старообрядчества, о мѣрахъ и средствахъ къ улучшенію единовѣрческаго пѣнія, о просвѣщеніи среди единовѣрцевъ и образованіи единовѣрческаго духовенства, объ устройствѣ института единовѣрческихъ благочинныхъ, о единовѣрческихъ съѣздахъ, о братствахъ, о служеніи православныхъ епископовъ въ единовѣрческихъ храмахъ по древнему архіерейскому чиновнику, и т. п.

Всѣми этими вопросами единовѣрцы давно болѣли. Программа какъ Курскаго епархіальнаго (1906 г.), такъ и Вятскаго епархіальнаго (1808 г.) единовѣрческихъ съѣздовъ тоже толкуетъ и о Богослуженіи, и о пѣніи, и о просвѣщеніи, и о приходскомъ благоустройствѣ, и о благочинныхъ и т. д. О Богослуженіи на этихъ съѣздахъ, особенно на Вятскомъ, разсуждали приблизительно такимъ образомъ (Прав. Правос. 1908 г. № 18): единовѣрскіе приходы существуютъ потому, что находятся люди, желающіе молиться и жить по старому. Единовѣрческія церкви для того и устраиваются, чтобы въ нихъ совершалось Богослуженіе съ точнымъ соблюденіемъ древнихъ обычаевъ и обрядовъ. Съ другимъ Богослуженіемъ единовѣрческія церкви теряютъ смыслъ своего существованія, они не удовлетворяютъ тѣмъ цѣлямъ, для коихъ учреждены. Утрачивая присущій имъ чинъ Богослуженія, они перестаютъ быть православно-старообрядческими церквами и если числятся таковыми, то незаконно, вводя многія души въ соблазнъ и заблужденіе. Только въ чистотѣ сохраняемый чинъ единовѣрческаго Богослуженія—говорятъ тотъ и другой съѣзды—оправдываетъ выдѣленіе нѣкоторыхъ общинъ въ единовѣрческіе приходы. Разъ старинный обликъ православныхъ старообрядческихъ церквей въ нѣкоторыхъ частяхъ стирается, продолжаютъ они, подкрашивается, поновляется и мѣстами измѣняется, то получается столько видовъ этого облика, сколько самихъ мастеровъ поновленія. Благодаря этому въ каждой почти единовѣрческой церкви свой порядокъ и обычай. Существуетъ какая-то смѣсь полуправославнаго, полуединовѣрческаго. Чего, чего не встрѣтишь иной разъ въ православно-старообрядческихъ храмахъ. Наличный составъ прихожанъ благодаря своей неосвѣдомленности, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ концѣ концовъ примиряется съ изломаннымъ чиномъ своего Богослуженія, но это—не основаніе къ

продолженію ломки его. Если міряне не ревнуютъ, то клирики, говорили на съѣздахъ, для чего-нибудь они существуютъ? должны возревновать. Потомъ, при довольствѣ службой прихожанъ, могутъ остаться недовольными раздорники, если не изъ безпоповцевъ, плохо знающихъ чинъ литургіи и прочей службы, то изъ поповцевъ. А это обстоятельство, замѣчали представители Единовѣрія, весьма важно въ дѣлѣ миссіи. Единовѣрческіе приходы, если хотятъ быть миссіонерскими станами среди раздорниковъ-поповцевъ, то должны бросить свою лѣность и препоясать чресла своя истиною, совершать службу по уставу.

Эти, а не другія какія мысли руководятъ и членовъ Предсоборнаго Присутствія и о. о. Кіевскаго Миссіонернаго Съѣзда при ихъ постановленіяхъ о благолѣпномъ совершеніи единовѣрческаго Богослуженія. По прежнимъ понятіямъ предержащей церковной власти, единовѣрцы должны были постепенно переходить къ исправленнымъ соборомъ 1667 года обрядамъ. Предстоятели нѣкоторыхъ единовѣрческихъ церквей охотно шли на встрѣчу желанію Начальства и охотно занимались перевоспитаніемъ своихъ прихожанъ. Въ погонѣ за внесеніемъ въ единовѣрческій строй и укладъ церковной жизни новоисправленныхъ чиновъ и обрядовъ замѣчался какой-то спортъ. Въ одномъ приходѣ эктенія говорится по исправленной редакціи, въ другомъ «херувимская» заканчивается совсѣмъ не по старообрядчески; здѣсь внесено: «Всѣхъ и вся», «Видѣхомъ свѣтъ истинный»; тамъ батюшка съ благородными ушами прекратилъ пѣніе «по крюкамъ»; въ иномъ мѣстѣ на соблазнъ «малыхъ сихъ» вводитъ троеперстіе и проч. Какъ о какомъ-то геройскомъ подвигѣ повѣствуетъ другой, что онъ торжественно, среди церковной ограды предалъ «ауто дафе» бывшіе до него подручники и лѣстовки въ церкви: да всего и не перечтешь, сколько геройства совершалось радѣтелями Единовѣрія [13]). Однимъ словомъ, всѣми этими мѣрами вставали на раздорническую точку зрѣнія нетерпимости къ иному, въ данномъ случаѣ, старому обряду. Все спасеніе видѣли въ новомъ обрядѣ и приверженности къ нему. Въ иныхъ мѣстахъ прихожане проникались духомъ своихъ пастырей [14]). Но за то въ другихъ мѣстахъ такое положеніе вещей прямо вызывало протестъ за протестомъ. Единовѣрцы видѣли во всемъ этомъ попраніе своихъ правъ и своей совѣсти и вставали на защиту древней родной старины.

Для нѣкоторыхъ недальновидныхъ представителей духовной власти первые изъ единовѣрцевъ были пріятнѣе, какъ пришедшіе въ полное единеніе съ церковью, но для другихъ, болѣе дальновидныхъ, они не были таковыми. Для послѣднихъ были болѣе симпатичными и надежными единовѣрцы—ревнители. Желая какъ можно сильнѣе

увеличить миссіонерское значеніе Единовѣрія, нѣкоторые представители Православія, естественно, должны были опираться на единовѣрцевъ второго разряда. Единовѣріе проявляло свое вліяніе среди старообрядцевъ болѣе или менѣе тогда, когда въ него не вносились наслоеній въ отношеніи богослужебнаго чина и искаженій вѣками установившагося порядка [15]). Еще III Казанскій Миссіонерскій Съѣздъ рекомендовалъ уставность и истовость единовѣрческаго Богослуженія [16]). Провозглашая равночестность Единовѣрія съ Православіемъ и чрезъ это болѣе усиливая миссіонерское значеніе перваго, члены Предсоборнаго Присутствія и IV Миссіонерскаго Съѣзда еще настойчивѣе требуютъ отъ единовѣрческаго духовенства уставнаго Богослуженія и неповрежденности древняго приходскаго православно-старообрядческаго быта. Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія 14 Марта 1906 года имѣлъ сужденіе по вопросу о смыслѣ и значеніи Единовѣрія по отношенію къ расколу и, по обмѣнѣ мнѣній, *постановилъ:* миссіонерское значеніе Единовѣрія весьма велико и незамѣнимо, такъ какъ массовыхъ обращеній старообрядцевъ въ Православіе съ великороссійскимъ чиномъ не бываетъ и давно не было, а въ Единовѣріе—повторяется нерѣдко. Однако, чтобы Единовѣріе могло проявить свое вліяніе во всей силѣ, нужно оградить это дѣло отъ нѣкоторыхъ помѣхъ. Дѣло въ томъ, что единовѣрцы чрезъ два три поколѣнія начинаютъ проявлять сильное тяготѣніе къ новоблагословенному чину и быту, какъ болѣе легкому и удобоносимому, и тѣмъ отвращаютъ отъ своихъ церквей старообрядцевъ-ревнителей строгаго богослужебнаго чина и быта. Особенно примѣтно бываетъ это неудовольствіе въ тѣхъ новоучрежденныхъ единовѣрческихъ приходахъ, въ коихъ церковная власть спѣшитъ вводить нѣкоторые новоблагословенные чины и обычаи и тѣмъ озлобляетъ новообращенныхъ и окончательно дѣлаетъ невозможными дальнѣйшія обращенія старообрядцевъ, которые поднимаютъ ропотъ о томъ, что ихъ обманули. Посему для дальнѣйшаго миссіонерскаго вліянія Единовѣрія на расколъ необходимо слѣдить за строгимъ исполненіемъ древняго чина [17]). Кіевскій Съѣздъ съ своей стороны указываетъ самыя средства къ истовому Богослуженію въ единовѣрческихъ церквахъ и неповрежденному соблюденію въ нихъ православно-старообрядческаго быта. Онъ стремится найти ихъ въ обязательномъ заведеніи при единовѣрческихъ храмахъ двухъ псаломщиковъ и учрежденіи института единовѣрческихъ благочинныхъ [18]), о коихъ рѣчь будетъ ниже.

Но единовѣрческое Богослуженіе, по мнѣнію православныхъ старообрядцевъ и ихъ съѣздовъ, не удовлетворяло религіозныя чувства единовѣрцевъ не потому только, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно соверша-

лось въ искаженномъ видѣ. Оно отталкиваетъ иной разъ отъ Церкви и въ виду своей механичности, неустроенности въ чтеніи и пѣніи. Мало исполнить уставъ, его букву: можно все вычитать и пропѣть, но въ то же время какъ легко при этомъ вытравить и религіозное чувство молящихся. Для этого немного требуется. Стоитъ лишь поставить неразборчиваго чтеца и безтоннаго пѣвца.

Предсоборное Присутствіе и Кіевскій Съѣздъ предусматриваютъ и это обстоятельство. Они рѣшаютъ вслѣдъ за Курскимъ и Вятскимъ епархіальными съѣздами вопросы: Мѣры и средства къ улучшенію церковнаго пѣнія въ единовѣрческихъ храмахъ. Постановка хороваго пѣнія и общенароднаго. Допустимо ли при единовѣрческомъ Богослуженіи четырехъ-голосное (партесное) пѣніе, хотя бы то и по древнимъ напѣвамъ или же обязательно пѣніе исключительно одногласное (унисонное). Учрежденіе школы для обученія единовѣрческому пѣнію кандидатовъ на псаломщическія должности въ единовѣрческіе приходы. Пріисканіе учителей для этой школы. Средства на ея содержаніе [19]).

Единовѣрческія церкви, какъ таковыя, по мысли Предсоборнаго Присутствія и Кіевскаго Съѣзда должны сохранять унисонное пѣніе. Четырехъ-голоснаго пѣнія древняя Русская Церковь не знаетъ. Введеніе его въ единовѣрческихъ приходахъ противорѣчитъ задачѣ Единовѣрія—предоставить извѣстнымъ людямъ возможность спасаться, въ той обстановкѣ, въ какой спасались ихъ предки до патр. Никона *).

---

*) Что партесное пѣніе послѣ Никоновскаго происхожденія—это говоритъ профессоръ Московской Консерваторіи Дим. Разумовскій. Напрасно ссылаются въ пользу многоголоснаго пѣнія на лѣтописное сказаніе (1053 г.) степенной книги, именно на то мѣсто, гдѣ говорится, «что вѣры ради христолюбиваго Ярослава пріидоша къ нему отъ Царя града Богоподвизаемые тріе пѣвцы гречестіе съ роды своими. Отъ нихъ же начатъ быти въ рустѣй землѣ Ангелоподобное пѣніе, изрядное осмогласіе, наипаче же трисоставное сладкогласованіе». Подъ *трисоставнымъ* пѣніемъ разумѣется унисонное пѣніе, совершаемое въ предѣлахъ трехъ октавъ. Оно отличается отъ *тріестествогласія*, дающаго понятіе объ аккордѣ изъ тоники, терціи и доминаты, и отъ *троестрочія*, означающаго собой такой составъ нотныхъ безлинейныхъ нотъ, гдѣ надъ одной стороною текста священныхъ пѣснопѣній помѣщались три строки нотъ. Какъ тріестествогласіе, такъ и троестрочіе (русскіе музыкальные термины) явились въ Россіи уже въ XVII вѣкѣ. Патріархъ Никонъ, какъ извѣстно, старался набрать пѣвчихъ во *вся строки хотя и слишкомъ*. Единовѣрческое пѣніе, правда, нуждается въ улучшеніи. Но это совершенствованіе должно заключаться, по мысли Предсоборнаго Присутствія и Кіевскаго Съѣзда, не въ переложеніи его мелодій на голоса. Противъ устройства общенароднаго пѣнія то и другое учрежденія ничего не имѣютъ. Для этого однако нисколько не слѣдуетъ вводить гармонизацію въ пѣніи. Унисонное пѣніе обладаетъ такими интервалами, кои удобны для исполненія какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ съ дѣтьми. Мужчины могутъ брать нижнюю октаву голосовъ и среднюю, пѣть *басомъ* и *теноромъ*, отстоящими одинъ отъ другого на восемь тоновъ, а женщины и дѣти—пользоваться верхней октавой голосовъ, исполнять пѣснопѣніе *верхнимъ теноромъ*, на восемь тоновъ

Предсоборное Присутствіе и Кіевскій Съѣздъ занимаются и самымъ устройствомъ школы для приготовленія знающихъ пѣвцовъ единовѣрческихъ церквей. Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія рекомендуетъ «создать или лучше пересоздать нынѣшній составъ единовѣрческихъ пѣвцовъ — учредить при единовѣрческихъ монастыряхъ курсы крюковаго пѣнія и дать возможность ихъ слушателямъ съ теченіемъ времени занимать при единовѣрческихъ церквахъ не только пѣвческія, но и діаконскія и даже священническія мѣста» [20]). Кіевскій Съѣздъ вопросъ о пѣвческой школѣ рѣшилъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ рѣшилъ его Вятскій епархіальный единовѣрческій. Именно, онъ постановилъ: «просить Святѣйшій Синодъ, чтобы въ епархіяхъ, гдѣ много расколу, въ одной изъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, въ *миссіонерскихъ цѣляхъ* преподавались исторія и обличеніе раскола, церковный уставъ и крюковое пѣніе [21]).

Единовѣрческія школы признаются необходимыми не только для сохраненія чрезъ нихъ въ единовѣрческихъ церквахъ крюковаго пѣнія. И по мысли самихъ единовѣрцевъ и по мнѣнію представителей Православія, онѣ нужны и вообще для просвѣщенія православныхъ старообрядцевъ, для укрѣпленія ихъ въ началахъ нравственности и церковности. Для того, чтобы приподнять Единовѣріе, сдѣлать его равночестнымъ Православію, чтобы охранить старые обряды, тѣми и другими выдвигаются мѣры и средства къ религіозному просвѣщенію единовѣрцевъ, — къ сознательному пониманію ими сущности самого «Единовѣрія».

выше мужскаго тенора. Такое (унисонное) пѣніе имѣетъ ясные слѣды той досточестной древности, когда *народу вѣровавшу бѣ сердце и душа едина* (Дѣян., зач. 12-е). Краса пѣнія состоитъ не въ многогласіи лишь, но и въ чистотѣ и техникѣ голоса, въ правильномъ исполненіи нотныхъ знаковъ, въ воспроизведеніи того духовнаго восторга, который двигалъ устами древнихъ пѣснотворцевъ и вылился въ звуки, то повышающіеся, то понижающіеся. Единовѣрческое пѣніе не выноситъ гармонизаціи. Оно теряетъ тогда свою особенность, простоту, задушевность, и вѣрность древнему преданію. При своемъ своеобразномъ пѣніи единовѣрцы сохраняютъ особое положеніе, не идущее въ сравненіи съ другими. При гармонизаціи этого не будетъ. Уподобляясь въ послѣднемъ случаѣ православнымъ хорамъ, единовѣрческое пѣніе будетъ находиться въ самомъ хвостѣ у нихъ. Оно будетъ самое заурядное, не могущее удовлетворить какъ ревнителей старины, такъ и поборниковъ новины. Всякое новое желаніе идти впередъ и развиваться въ принятомъ гармонизованномъ направленіи повлечетъ съ теченіемъ времени къ тѣмъ крайностямъ, къ какимъ подошло пѣніе Великороссійскихъ церквей. Употребляя одноголосное пѣніе, единовѣрцы держатся обычая Вселенской Церкви. Восточныя церкви: греческая и др. сохранили свое одноголосное пѣніе до сихъ поръ.

Въ 1906 году 15 Марта шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія входилъ въ подробную оцѣнку такого рода мѣръ. «Онъ слушалъ, говорится въ 3-мъ его журналѣ, — заявленіе священника Симеона Шлеева о необходимости духовнаго просвѣщенія единовѣрческихъ приходовъ..., а потому, —къ прежде бывшимъ способамъ воздѣйствія на единовѣрцевъ онъ считаетъ нужнымъ одобрить и представить, на утвержденіе собора предлагаемыя о. Симеономъ Шлеевымъ мѣры, а именно: а) необходимо возвысить въ единовѣрцахъ сознательное отношеніе ихъ къ Христовой вѣрѣ, а для сего обязательно нужно устроить для молодого поколѣнія школы съ обычаями и постановкой единовѣрческими, для взрослаго же населенія — внѣбогослужебныя воскресныя бесѣды съ чтеніемъ Святаго Евангелія (которое, къ сожалѣнію, такъ мало читаютъ старообрядцы),—съ чтеніемъ, соединеннымъ съ параллельнымъ прочитываніемъ соотвѣтствующихъ святоотеческихъ толкованій и объясненій. Въ видахъ сознательнаго отношенія единовѣрцевъ къ своимъ обрядамъ и въ этомъ смыслѣ *обрядоваго ихъ превосходства предъ прочими старообрядцами* необходимо также устройство бесѣдъ литургическаго характера, гдѣ бы излагалась исторія и смыслъ единовѣрческихъ обрядовъ и обычаевъ, ихъ богослужебныхъ чиновъ. б) Въ цѣляхъ неприкосновенности древняго уклада церковной жизни необходимо должно поддерживать въ единовѣрческихъ монастыряхъ и приходахъ неуклонное исполненіе Апостольскихъ, соборныхъ, святоотеческихъ правилъ, требованій церковнаго устава и издревле принятыхъ благочестивыхъ обычаевъ. в) Въ видахъ устраненія недостатковъ въ религіозно-нравственной жизни единовѣрцевъ *и созданія имъ и въ этой области превосходства* предъ старообрядцами—необходимо также открывать по приходамъ библіотеки съ книгами духовно-нравственнаго содержанія, пріобрѣтать жизнеописанія святыхъ угодниковъ, брошюръ и листки добраго содержанія для безплатной раздачи. г) Необходимо завести при монастыряхъ курсы и дать возможность ихъ слушателямъ съ теченіемъ времени занимать при единовѣрческихъ церквахъ діаконскія и даже священническія мѣста [22]).

Вопросами объ образованіи, о просвѣщеніи единовѣрцевъ, въ цѣляхъ возвысить Единовѣріе, занимается и Кіевскій Съѣздъ. Онъ признаетъ за единовѣрцами право имѣть «единовѣрческія» школы. Онъ проситъ Святѣйшій Синодъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ составѣ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ отдѣленій были членами и единовѣрческіе священники для защиты *интересовъ единовѣрческихъ церковно-приходскихъ школъ* [23]). Современная церковная школа въ единовѣрческихъ приходахъ, руководимыхъ чуждыми Единовѣрію людьми, шла до сихъ поръ ложной дорогой. Она не только развивала въ дѣтяхъ полученные ими въ семьяхъ добрые навыки, но напротивъ

совершенно разрушала дѣло семейнаго воспитанія Излишне доказывать, что такая постановка дѣла была вредна. Она обезличивала Единовѣріе и лишала его привлекательности въ глазахъ раздорныхъ старообрядцевъ.

Кіевскій Съѣздъ въ видахъ укрѣпленія Единовѣрія и сообщенія одинаковой съ Православіемъ равночестности говорилъ такъ же, какъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія, и объ образованіи единовѣрческаго духовенства. Онъ рекомендуетъ единовѣрцамъ устроеніе единовѣрческихъ для этой цѣли школъ по типу второклассной школы въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, и семиклассной въ с. Поимѣ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи [24]).

Заботами о просвѣщеніи самихъ единовѣрцевъ и объ образованіи ихъ духовенства члены Предсоборнаго Присутствія и о.о. миссіонеры стараются, между прочимъ, оживить самую организацію церковно-приходской жизни въ единовѣрческихъ приходахъ. Ихъ занимаютъ въ этой области тѣ же предметы, какіе имѣлъ въ виду и Вятскій епархіальный единовѣрческій съѣздъ [25]), а именно: Взаимныя отношенія мірянъ и клира, ихъ обязанности и права. Выборное начало. Пріисканіе достойныхъ кандидатовъ на священно-церковно-служительскія должности въ единовѣрческихъ приходахъ. Теоретическая и практическая подготовка ихъ для служенія въ единовѣрческихъ приходахъ. Частныя взаимныя неудовольствія между мірянами и клиромъ въ единовѣрческихъ приходахъ, какъ явленіе нежелательное и крайне вредное для правильнаго теченія и развитія религіозной церковно-приходской жизни. Причины этого явленія и возможные способы къ его устраненію.

Кромѣ массы другихъ причинъ, препятствовавшихъ росту Единовѣрія, его равночестности съ Православіемъ, не мало мертвила его и та дряблость, какая въ большинствѣ случаевъ наблюдается въ самой внутренней организаціи церковно-приходской жизни. Отношеніе причта и мірянъ во многихъ единовѣрческихъ приходахъ заставляютъ желать многаго. Нѣкоторые единовѣрческіе батюшки страдаютъ большимъ недостаткомъ, они смотрятъ на свое служеніе въ церкви, какъ на какое то одолженіе, услугу. Благодаря такому пониманію своего служенія, они относятся къ нему слегка, свысока, нисколько не заботятся о соотвѣтствіи какъ въ службѣ, такъ въ поведеніи съ положеніемъ, занимаемомъ имъ въ приходѣ. Съ другой стороны, прихожане единовѣрческихъ Церквей тоже нерѣдко позабываютъ ту истину, что священники—не требоисправители лишь, но и учители, отцы духовные. Смотрѣть на нихъ, какъ на какихъ-то наемныхъ служителей—недо-

стойно званія христіанина. Имѣя такое невысокое мнѣніе о священникѣ, прихожане-единовѣрцы, иной разъ по невѣжеству, очень легкомысленно относятся къ его избранію. Избираютъ тѣхъ, кто больше проситъ, кланяется, льститъ, даже угощаетъ и обѣщаетъ. Выборное начало, поэтому, въ иныхъ мѣстахъ приноситъ не благо, какъ слѣдовало бы, а величайшее несчастіе. Умираетъ, напримѣръ, священникъ въ единовѣрческомъ приходѣ. Является діаконъ изъ сосѣдняго православнаго прихода или села. Видный собой, онъ проситъ взять его и обѣщаетъ все исполнять по старообрядчески. Значительные люди въ приходѣ польщены его низкопоклонствомъ. Собирается приходъ—и всѣ выбираютъ его своимъ духовнымъ пастыремъ. Проявляютъ, такимъ образомъ, въ этомъ великомъ дѣлѣ такое же усердіе, если не меньше, какое и при наймѣ обыкновеннаго пастуха! Скоро, впрочемъ, платятся за свое нерадѣніе. Прослужа два—три мѣсяца, священникъ начинаетъ выбрасывать лѣстовки, подручники изъ церкви, запрещаетъ сполна читать каѳизмы, каноны и т. п., вводитъ многоголосное пѣніе. Прихожане—въ отчаяніи. Сдѣлать однако ничего не могутъ. Сами выбрали. Архіерей и слышать не хочетъ о перемѣщеніи. Приходъ разваливается, замираетъ. Вотъ, небольшая картина того, что происходитъ на почвѣ приходскихъ выборовъ, когда они ведутся примитивнымъ образомъ.

Въ засѣданіяхъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія 1908 г. говорилось о томъ, какъ помочь этому горю. Находили нужнымъ создать благочинническій совѣтъ который вѣдалъ бы дѣло рекомендаціи достойныхъ лицъ на выборныя должности въ единовѣрческихъ церквахъ.

Нужда въ настоящихъ кандидатахъ на священно-служительскія должности въ православно-старообрядческихъ приходахъ чувствуется повсемѣстно въ Единовѣріи. Равнодушные, мало-религіозные, вовсе не любящіе Единовѣріе и не думающіе о его возвышеніи, не живущіе его бытомъ, встрѣчаются по всей православно-старообрядческой Россіи. Самая насущная нужда урегулировать избраніе будущихъ единовѣрческихъ пастырей. Всероссійскій Съѣздъ тоже занимается этимъ вопросомъ и серьезнымъ образомъ.

Не даромъ послѣ рѣчи объ оживленіи церковно-приходской жизни въ единовѣрческихъ приходахъ на Вятскомъ единовѣрческомъ съѣздѣ велись разсужденія объ единовѣрческихъ благочинныхъ: Полезенъ ли и нуженъ ли особый институтъ единовѣрческихъ благочинныхъ изъ среды самихъ единовѣрческихъ священниковъ? Ихъ права, обязанности и главное назначеніе. Способъ ихъ избранія, утвержденія и

увольненія. Зависимость ихъ отъ епископа и отвѣтственность предъ нимъ. Необходимость особой спеціальной дополнительной инструкціи для нихъ. Контроль со стороны единовѣрческихъ благочинныхъ надъ подчиненнымъ имъ духовенствомъ въ отношеніи ихъ служебной дѣятельности и главнымъ образомъ наблюденіе надъ просвѣтительно-миссіонерской и пастырской дѣятельностію единовѣрческихъ священниковъ, о каковой они обязаны докладывать пополугодно епископу и сообщать Епархіальному миссіонеру. Количество единовѣрческихъ благочинническихъ округовъ въ епархіи.

Какъ велико значеніе благочинныхъ въ дѣлахъ Единовѣрія—это показываютъ и докладъ и докладная записка, представленныя однимъ единовѣрческимъ священникомъ (о. Сим. Шлеевымъ) въ VI отд. Предсоборнаго Присутствія и Подготовительную Комиссію Кіевскаго Съѣзда. Благочинный воплощаетъ въ себѣ ту сумму знаній, порядковъ и идей, коими существуетъ православное старообрядчество. Благочинный наблюдаетъ за истовостью въ совершеніи Богослуженія, присматриваетъ за нравственнымъ уровнемъ ввѣренныхъ ему причтовъ и т. д. Что нужны именно единовѣрческіе Благочинные для единовѣрческихъ церквей, а не православные-великороссійскіе—объ этомъ единовѣрцы давно сказали свое слово. При желаніи видѣть своего единовѣрческаго благочиннаго, единовѣрцы, правда, по большей части получали такой стереотипный отвѣтъ: «не все ли равно, какого не имѣть благочиннаго: православнаго или единовѣрческаго? Потомъ: гдѣ у васъ тѣ лица, коихъ можно бы избрать? Мы можемъ назначить благочиннымъ лишь образованнаго человѣка, умѣющаго и знающаго какъ вести благочинническую отчетность, свое дѣло!» и т. п. Но пора, когда среди единовѣрческаго духовенства были лица, едва умѣвшія рукописью подписать свое имя и фамилію, прошла. Въ настоящее время въ единовѣрческомъ клирѣ весьма нерѣдко встрѣчаются очень свѣдущіе и начитанные люди. Вѣрно, систематическаго образованія они не получили, но своимъ самообразованіемъ и благодаря своимъ трудамъ—или въ школьномъ дѣлѣ, или на миссіонерскомъ поприщѣ, благодаря своей неутомимой дѣятельности на приходѣ, они достигли такого развитія, что часто не отличить ихъ отъ окончившихъ курсъ духовныхъ семинарій, или учительскихъ институтовъ. Затѣмъ, благочинническое дѣло не требуетъ особаго какого образованія. Разъ священники единовѣрческихъ церквей умѣютъ вести по своей церкви письмоводство, очевидно, они могли, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ вести письмоводство и отчетность и по нѣсколькимъ церквамъ. Притомъ умѣнью вести это дѣло на первыхъ порахъ могли поучиться у тѣхъ же православныхъ, великороссійскихъ благочинныхъ. Всю эту канцелярскую мудрость развитому человѣку

ничего не стоитъ усвоить. Словомъ, вторая часть доводовъ противъ единовѣрческихъ благочинныхъ отпадала. Оставалась лишь первая: «Не все ли равно—какого не имѣть благочиннаго — православнаго или единовѣрческаго?» Правда, если смотрѣть на благочиннаго, какъ только на чиновника, умѣющаго писать рапорты, доклады, предложенія и разныя доношенія, пожалуй, еще можно согласиться съ тѣмъ, что все равно какого не имѣть благочиннаго—единовѣрческаго или православнаго. По настоящему же, благочинный есть духовный руководитель всего подвѣдомаго ему духовенства, онъ совѣтникъ во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, выпадающихъ на долю подчиненнаго ему клира. Онъ долженъ слѣдить за уставностью и исправностью службы въ единовѣрческихъ церквахъ, онъ обязанъ зорко присматривать за нравственнымъ уровнемъ ввѣренныхъ ему церковныхъ причтовъ. Онъ многое долженъ дѣлать, чтобы быть на высотѣ своего положенія. И это умѣніе быть настоящимъ благочиннымъ даетъ не учеба въ семинаріи, не систематическое образованіе, а практика, жизнь тѣми высшими духовными интересами, какими живетъ и хочетъ жить та среда, гдѣ онъ ставится во главу угла. При такомъ оборотѣ дѣла не все равно: какой у единовѣрцевъ благочинный—единовѣрческій или православный. Православный не съумѣетъ быть руководителемъ и управителемъ того, что ему совершенно неизвѣстно. Нужно быть очень изъ ряду выходящимъ человѣкомъ, чтобы, не живя единовѣрческою жизнью, умѣть направлять ее по тому руслу, по коему она должна идти. Требованія къ единовѣрческимъ благочиннымъ иныя, отличныя отъ тѣхъ, какія предъявляются обыкновенно къ православнымъ. Хорошій великороссійскій благочинный можетъ, такимъ образомъ, оказаться никуда негоднымъ въ положеніи единовѣрческаго поповскаго старосты, особенно въ нынѣшнее переходное время, тяжелое для православнаго старообрядчества. Многіе священники смотрятъ на Единовѣріе, какъ лишь на временное явленіе, относятся къ нему какъ къ неизбѣжному злу въ Русской Церкви. Такое пониманіе православнаго старообрядчества сплошь да рядомъ можно встрѣтить среди православныхъ клириковъ. Очевидно, единовѣрческій благочинный, чтобы быть соотвѣтствующимъ своему положенію, долженъ быть чуждъ этихъ ложныхъ и обидныхъ для Единовѣрія взглядовъ. Исходя изъ взгляда на Единовѣріе, какъ на переходную ступень къ Православію, многіе православные священники въ положеніи единовѣрческихъ благочинныхъ съ первыхъ же поръ своего служенія Единовѣрію позволяютъ искажать единовѣрческое Богослуженіе. Они дѣлаютъ его такимъ же бездушнымъ, какимъ оно существуетъ во многихъ великороссійскихъ приходахъ. Естественно, единовѣрческій благочинный не долженъ быть такимъ. Онъ не сушить, а

оживлять призванъ тѣ добрые всходы, какіе посѣялъ на селѣ Своемъ Сынъ человѣческій. Нерѣдкость встрѣтить среди православнаго духовенства лицъ, понимающихъ всю суть Единовѣрія въ его лишь «книжныхъ разностяхъ» и тѣхъ правахъ, какія содержатся въ правилахъ м. Платона. Единовѣрческій благочинный обязанъ смотрѣть на дѣло Единовѣрія гораздо шире. Въ то время, когда православные легко относятся къ обряду, къ внѣшности богослужебной, къ дисциплинѣ церковной, къ постамъ и т. п., единовѣрцы все это цѣнятъ и придаютъ всему этому громадное воспитательное значеніе. Единовѣрческій благочинный, очевидно, долженъ быть чуждъ легкомысленнаго отношенія къ православному старообрядчеству. Онъ не въ правѣ допускать тѣхъ ошибокъ, какія дѣлаютъ нѣкоторые даже единовѣрцы, полагающіе всю задачу Единовѣрія въ отстаиваніи и сохраненіи за собой правъ 1800 года. Права оберегать должны, но въ то же время обязаны не позабывать и той истины, что христіанская жизнь сильна не привиллегіями и внѣшними правовыми нормами. Жизнь Церкви въ первые вѣка христіанства была куда сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время, пору свободы и покровительства со стороны государства. Перечисленныя качества, предъявляемыя Единовѣріемъ, его смысломъ и задачами къ единовѣрческимъ благочиннымъ, очевидно могутъ быть пріобрѣтены лишь только въ самомъ Единовѣріи, въ его нѣдрахъ. Такимъ образомъ, не все равно, откуда благочинный черпаетъ свѣдѣнія о единовѣрческой жизни—изъ книжекъ, или изъ своей практики. Иными словами, не все равно имѣть благочиннымъ—православнаго или единовѣрческаго священника. Послѣдній можетъ оказаться не такъ внѣшне образованнымъ, какъ первый, но за то роднымъ, понимающимъ жизнь Единовѣрія, живущимъ на самомъ дѣлѣ его интересами.

Въ сознаніи болѣе или менѣе выясненной этими доводами правоты дѣла единовѣрцы усилили свои хлопоты въ Предсоборномъ Присутствіи по обзаведенію своими православно-старообрядческими благочинными. Они объединились и общими силами добились и отъ Съѣзда того, что послѣдній счелъ нужнымъ, по примѣру Предсоборнаго Присутствія, ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ единовѣрческихъ благочинныхъ.

Вотъ, что читаемъ по этому вопросу въ постановленіяхъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія и IV Миссіонерскаго Съѣзда. «Ходатайствовать предъ соборомъ, говорится въ 3-мъ журналѣ перваго, о предоставленіи единовѣрческимъ священникамъ самимъ избирать изъ среды своей благочиннаго и затѣмъ представлять его на утвержденіе епархіальнаго преосвященнаго, а въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ число единовѣрческихъ церквей незначительно, не болѣе двухъ, оставлять таковыя церкви безъ подчиненія особому благочинному, съ порученіемъ

ихъ непосредственному наблюденію самого епархіальнаго преосвященнаго или его викарнаго епископа» [26]). Кіевскій Миссіонерскій Съѣздъ при ходатайствѣ о единовѣрческихъ благочинныхъ входитъ даже въ программу ихъ дѣятельности. Въ опредѣленіяхъ его говорится: «а) Благочинные единовѣрческіе должны обращать вниманіе на точное соблюденіе въ единовѣрческихъ церквахъ устава и древнихъ обычаевъ и обрядовъ и о нарушителяхъ этого устава доносить епархіальному преосвященному» [27]). Что касается техники выборовъ единовѣрческихъ благочинныхъ, то Съѣздъ нѣсколько разнится отъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія. Онъ ходатайствуетъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о предоставленіи единовѣрцамъ права представлять для назначенія въ благочинные трехъ кандидатовъ; въ случаѣ же малочисленности единовѣрческихъ приходовъ и вообще затруднительности по какимъ-либо причинамъ выбирать на эту должность и православныхъ священниковъ, знающихъ бытъ и духъ единовѣрцевъ [28]).

Въ цѣляхъ приданія Единовѣрію большей устойчивости, а чрезъ это недостающей ему равночестности съ Православіемъ и VI отд. Предсоборнаго Присутствія, и Кіевскій миссіонерскій Съѣздъ съ большой охотой идутъ на встрѣчу предлагаемымъ для сего со стороны единовѣрцевъ мѣрамъ. Соглашаясь съ доводами единовѣрцевъ имѣть въ лицѣ благочиннаго охранителя Единовѣрія, стража его цѣлости, то и другое Учрежденіе ходатайствуютъ предъ высшей духовною властью объ исполненіи Высочайшаго указа 5 Апрѣля 1845 г. объ единовѣрческихъ благочинныхъ.

Въ видахъ созданія условій, благопріятствующихъ провозглашаемой ими равночестности Единовѣрія и Православія, члены того и другого Учрежденія поддерживаютъ просьбы единовѣрцевъ этого времени, клонящіяся къ сохраненію Единовѣрія въ чистомъ видѣ. Вотъ, что читаемъ въ постановленіяхъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія и IV Всероссійскаго миссіонерскаго Съѣзда: «Для большаго благолѣпія службы и возможности выполненія требованій богослужебнаго устава, желательно, чтобы при каждой единовѣрческой церкви было не меньше, какъ по два псаломщика; для поддержанія искусства крюковаго пѣнія необходимо обученіе этому пѣнію въ церковно-приходскихъ и земскихъ школахъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ много единовѣрцевъ. Для образованія единовѣрческаго духовенства рекомендовать единовѣрцамъ устройство (подходящихъ для этого) школъ..; просить Святѣйшій Синодъ, чтобы въ епархіяхъ, гдѣ много расколу, въ одной изъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, въ миссіонерскихъ цѣляхъ, преподавались исторія и обличеніе раскола, церковный уставъ и крюковое пѣніе; просить Святѣйшій

Синодъ сдѣлать распоряженіе, чтобы въ составѣ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ и ихъ отдѣленій были членами и единовѣрческіе священники для защиты интересовъ единовѣрческихъ церковно-приходскихъ школъ; для привлеченія въ единовѣрческіе приходы лицъ болѣе образованныхъ и для удержанія ихъ на мѣстахъ, просить Святѣйшій Синодъ о назначеніи въ бѣднѣйшіе единовѣрческіе приходы усиленнаго жалованья причтамъ; у единовѣрцевъ, *наконецъ*, желательны благочинническіе совѣты, благочинническіе, епархіальные и всероссійскіе съѣзды, приходскія и окружныя братства [29]).

Хлопоча объ единовѣрческихъ благочинныхъ, православные дѣятели ходатайствуютъ также и о благочинническихъ совѣтахъ, съѣздахъ какъ епархіальныхъ, такъ и всероссійскихъ. Чрезъ все это они надѣятся урегулировать и обновить религіозную жизнь единовѣрческихъ приходовъ. Лишь общими силами, представлялось имъ, можно выработать то твердое, то опредѣленное, то ясное, о кое могла бы разбиться неопредѣленность, какая царствуетъ въ современныхъ единовѣрческихъ приходахъ.

Кто въ состояніи лучше знать и глубже чувствовать религіозныя нужды и потребности единовѣрцевъ, ихъ скорби, печали, ихъ завѣтныя думы и желанія, какъ не они сами [30]). Между тѣмъ, по поводу объединенія и они писали такимъ же озбразомъ [31]). Единовѣрцы должны стремиться къ тому, чтобы во чтобы ни стало объединиться, единовѣрцы заразились общимъ равнодушіемъ къ вѣрѣ. Они ушли каждый въ свои личные, земные, животные интересы. Свои заботы о спасеніи стали понимать узко и эгоистично. Каждый болѣетъ, если только болѣетъ, о своей душѣ и нисколько не заботится о своемъ погибающемъ братѣ. Слово «спасеніе» имъ непонятно. Между тѣмъ стоитъ только прочитать это слово въ древнемъ его написаніи, какъ поймемъ его значеніе и смыслъ. Слово «спасеніе» въ древности писалось *съпасеніе* и читалось *сопасеніе*. Христіанинъ спасается не въ одиночку, а вмѣстѣ съ прочими. Онъ пасется тамъ же, гдѣ и другіе христіане. Церковь Христова—это вселенское пастбище словесныхъ овецъ, вмѣщаетъ не одного, не двухъ. Находясь на этомъ пастбищѣ, христіанинъ обязательно долженъ соприкасаться со множествомъ Христовыхъ послѣдователей. Бывшіе прежде далекими во Христѣ Іисусѣ стали близкими другъ къ другу. Ибо Онъ—миръ нашъ, разрушающій между нами всякія преграды. Онъ примирилъ насъ съ Богомъ посредствомъ креста, убивъ вражду на немъ. Чрезъ Него христіане не чужіе между собой; наоборотъ до того близки, что составляютъ одно тѣло, одинъ духъ. Послѣ этого странно замыкаться въ скорлупу даже приходскихъ церковныхъ интересовъ, не говоримъ о частныхъ. Между тѣмъ на дѣлѣ по большей

части такъ. Христіанскія общины, составленныя изъ членовъ, не особенно крѣпко объединенныхъ между собой, мало соприкасаются другъ съ другомъ. Каждый единовѣрческій приходъ живетъ своею собственною жизнью, нисколько не интересуясь какъ живутъ его сосѣди, такіе же единовѣрческіе приходы. Православныя паствы объединяются въ лицѣ своихъ пастырей хотя бы въ благочинническихъ собраніяхъ, епархіальныхъ съѣздахъ. У единовѣрцевъ же и этого нѣтъ. Разбросанные по всему лицу Русской земли, они проживаютъ иной разъ цѣлую сотню лѣтъ, не зная даже близкихъ отъ себя приходовъ, не предполагая самаго ихъ существованія около себя. Не вступая въ близкую связь съ великороссійскими приходами изъ-за разностей къ церковному быту, многія единовѣрческія общины не стараются войти въ сношеніе и съ родными по духу, т. е. единовѣрческими. Благодаря этому, жизнь въ этихъ приходахъ глохнетъ, она вянетъ безъ притока свѣжаго воздуха, замираетъ въ нихъ. Приходы годъ отъ году хирѣютъ, становятся дряблыми, мало упругими; всякое атмосферное вліяніе, особенно идущее сверху, дѣйствуетъ на нихъ подавляющимъ, разрушительнымъ образомъ. Не имѣя силъ бороться съ нимъ, они гибнутъ въ неравной борьбѣ. На всякое напоминаніе выйти изъ соннаго состоянія и войти въ ближайшія сношенія съ прочими единовѣрцами подобные приходы, между тѣмъ, лишь только отмахиваются съ недовольнымъ притомъ видомъ. Они позабыли то свое назначеніе въ Церкви Христовой, для коего существуютъ. Вѣдь не всѣ члены Церкви имѣютъ одинаковое служеніе. Христосъ ведетъ всѣхъ къ одной общей цѣли, но разными путями, кого болѣе углаженными, а кого менѣе удобными. Бытъ и устройство единовѣрческихъ приходовъ даютъ право полагать, что члены ихъ поставлены по волѣ спасающаго насъ Господа на болѣе углаженной дорогѣ. Почтенная ихъ задача, такимъ образомъ, не сходить съ этого пути и не мѣшаться съ вернувшими съ него людьми, а продолжать спасаться, *содѣвать свое спасеніе вмѣстѣ съ другими, стоящими на этой же дорогѣ* (оставаться въ Единовѣріи), не быть младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству людей, по хитрому искусству обольщенія, но истинною любовью все возращать въ Того, Который есть глава Церкви—Христосъ, изъ Котораго вся Церковь, составляемая и совокупляемая посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, *при дѣйствіи въ свою мѣру единовѣрцевъ*, получаетъ приращеніе для созиданія самой себя въ любви. Пора, писалось въ докладахъ по поводу объединенія [32]), перестать единовѣрцамъ поступать такъ, какъ они поступали раньше по суетности ума своего. Сбитые съ толку, разрозненные по причинѣ невѣжества и ожесточенія сердца, они дошли до безчувствія, не понимаютъ, что нужно и важно для нихъ самихъ.

Нужно и необходимо объединеніе между собой. Эту нужду въ объединеніи единовѣрцевъ въ разнаго рода съѣздахъ, начиная съ благочинническаго и кончая всероссійскимъ, твердо усвоили члены Предсоборнаго Присутствія и оо. миссіонеры. Въ съѣздахъ тѣ и другіе видѣли богатыя духовныя средства къ возвышенію Единовѣрія, къ обновленію его.

Немало разсуждаютъ тѣ и другіе и о братствахъ, надѣясь найти въ нихъ тоже одно изъ благопріятныхъ условій къ достойному существованію Единовѣрія. Предсѣдатель VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія Архіепископъ Антоній дѣлаетъ благопріятный отзывъ о проектѣ единовѣрцевъ создать Всероссійское Братство. Шестой отдѣлъ, заслушавъ сданный ему на заключеніе г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода проектъ устава и мнѣніе своего предсѣдателя, постановилъ признать уставъ безпрепятственнымъ къ утвержденію. Уставъ состоялъ изъ 78 §§ [33]).

Кіевскій Съѣздъ посвящаетъ вопросу о братствахъ часть своего общаго засѣданія. Общее собраніе Съѣзда допускаетъ обмѣнъ мнѣній по поводу учрежденія Всероссійскаго Братства. Правда, Съѣздъ не беретъ на себя почина устройства такого Братства, но въ то же время онъ не препятствуетъ самимъ единовѣрцамъ непосредственно обратиться съ этимъ вопросомъ въ Святѣйшій Синодъ. Лишь боязнь, что единовѣрцы проиграютъ отъ учрежденія своего Всероссійскаго Братства, такъ какъ не будутъ тогда пользоваться помощью православныхъ братствъ и учрежденій, побудила такъ пассивно отнестись къ Единовѣрческому Всероссійскому Братству. Что касается окружныхъ приходскихъ братствъ, то Съѣздъ утверждаетъ положительное о нихъ мнѣніе единовѣрческой комиссіи [34]).

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ о служеніи епископовъ по древнему архіерейскому Чиновнику. Это обстоятельство представителями Православія тоже учитывалось, какъ одно изъ благопріятныхъ условій къ укрѣпленію Единовѣрія. Вопросъ о служеніи епископовъ по древнему архіерейскому чину возникъ въ г. Казани. Единовѣрцы этого города соглашались на архіерейское служеніе въ своемъ храмѣ подъ условіемъ совершенія его по старымъ книгамъ. Архіепископъ г. Казани Владиміръ († 1897 г.) поручилъ тогдашнему Ректору Казанской Духовной Академіи Архимандриту Антонію (нынѣ Архіепископъ Волынскій) отыскать въ древнихъ книгохранилищахъ экземпляръ древняго архіерейскаго Чиновника и снять съ него копію.

Единовѣрцы настаивали на полномъ соблюденіи старообрядческихъ особенностей при архіерейской службѣ, во 1-хъ, потому, что это обстоя-

тельство предусмотрѣло въ положительномъ смыслѣ 3 и 4 §§ правилъ Единовѣрія. Православные епископы, нарушая при своихъ служеніяхъ чинъ православно-старообрядческихъ церквей, не хранили такимъ образомъ, этихъ правилъ и вызывали единовѣрцевъ на вполнѣ справедливый протестъ. Во вторыхъ, единовѣрцы протестовали противъ архіерейскаго служенія въ своихъ храмахъ по новоисправленнымъ книгамъ и потому, что такое служеніе соблазняло многихъ старообрядцевъ, близкихъ къ соединенію съ Церковью. Въ такомъ служеніи старообрядцы усматривали посягательство на старообрядчество и скрытое желаніе привести единовѣрцевъ въ «неразнствующее ни въ чемъ съ собой согласіе».

Лучшіе представители православной іерахіи вполнѣ оцѣнили значеніе древняго архіерейскаго служенія въ единовѣрческихъ церквахъ. Списокъ древняго архіерейскаго Чиновника, снятый съ рукописи Московской синодальной библіотеки за № 680, былъ переписанъ во множествѣ экземпляровъ. По нему стали служить не только въ Казани, но и въ Перми, и въ Самарѣ, и Саратовѣ, и Нижнемъ-Новгородѣ, и Москвѣ, и Курскѣ, и Житомирѣ, и Могилевѣ, и Петрозаводскѣ, и Архангельскѣ и друг. мног. городахъ. Въ Предсоборномъ Присутствіи, по поводу служенія архіереевъ въ единовѣрческихъ храмахъ по древнему чину, было спеціальное засѣданіе VI отдѣла. По обмѣнѣ мнѣній членовъ этого отдѣла выяснилось, что Богослуженіе въ единовѣрческихъ церквахъ, совершаемое православными епископами по рукописному архіерейскому Служебнику XVI в., производитъ весьма сильное и благотворное впечатлѣніе на единовѣрцевъ и вообще старообрядцевъ, присутствующихъ за таковымъ Богослуженіемъ. Посему отдѣлъ постановилъ—ходатайствовать предъ Соборомъ о томъ, чтобы упомянутый рукописный архіерейскій Служебникъ, по предворительномъ разсмотрѣніи его и исправленіи въ немъ нѣкоторыхъ неточностей, былъ напечатанъ для совершенія по нему православными епископами въ единовѣрческихъ церквахъ архіерейскаго служенія съ соблюденіемъ ими при этомъ всѣхъ обрядовыхъ дѣйствій, содержимыхъ единовѣрцами [35]).

Еще разъ предъ сознаніемъ представителей Православія ставятся тѣ вопросы, коими болѣли единовѣрцы. Еще разъ фильтруются понятія единовѣрцевъ о ихъ Единовѣріи. На этотъ разъ они преломляются подъ призмой равночестностей Единовѣрія съ Православіемъ. Благодаря этому, многіе пункты той программы, съ коей единовѣрцы явились и въ Предсоборное Присутствіе и на Кіевскій Съѣздъ, разсматриваются, какъ видѣли, въ положительномъ смыслѣ. Въ области

разсмотрѣнныхъ нуждъ единовѣрцы находятъ въ лицѣ того и другого Учрежденія искреннихъ ходатаевъ. Послѣдніе не менѣе, чѣмъ сами единовѣрцы, воодушевлены желаніемъ возвысить, укрѣпить Единовѣріе, сдѣлать его устойчивымъ, не временнымъ только явленіемъ въ Русской Церкви, а постояннымъ.

Подъ угломъ этой, а не иной точки зрѣнія разсуждаютъ члены Предсоборнаго Присутствія и оо. Кіевскаго Миссіонерскаго Съѣзда на ряду съ другими представителями Православія и о другихъ нуждахъ Единовѣрія, о коихъ рѣчь дальше.

Современное ходатайство единовѣрцевъ объ епископѣ.

Служеніе православныхъ епископовъ въ единовѣрческихъ церквахъ по древнему архіерейскому Чиновнику не заглушило собой единовѣрческихъ толковъ о православно-старообрядческомъ епископѣ. Единовѣрцы больше, чѣмъ когда-либо, стали выражать желаніе видѣть православнаго епископа, съ ногъ до головы единовѣрческимъ архіереемъ, чтобы онъ постоянно служилъ у нихъ, въ ихъ храмахъ, чтобы при этихъ служеніяхъ они могли забыть, что служитъ пришлецъ отъ другого обряда, отъ иного церковнаго быта, чтобы въ каждую минуту, при всѣхъ обстоятельствахъ своей церковной жизни они могли обратиться къ архіерею и услышать отъ него или мнѣніе, или совѣтъ, или утвержденіе, или рѣшеніе, какъ отъ человѣка, и умъ, и чувства, и воля коего всецѣло проникнуты всѣми особенностями ихъ воззрѣній, чувствованій и произволеній [36]). Вопросъ о единовѣрческомъ епископствѣ, такимъ образомъ, снова всплываетъ въ исторіи Единовѣрія. Представители Православія на этотъ разъ болѣе внимательны къ этому вопросу, чѣмъ въ предшествующій періодъ. Въ разрѣшеніе его входитъ самъ Святѣйшій Синодъ; что касается членовъ Предсоборнаго Присутствія и о.о. миссіонеровъ, то они по данному вопросу составили мотивированныя ходатайства—первые на предстоящій соборъ Русской Церкви, а вторые—въ Святѣйшій Синодъ.

Манифестъ 17 апрѣля 1905 года составилъ эру въ жизни старообрядцевъ и единовѣрцевъ *). Первые получили милости и льготы, какихъ прежде не имѣли, а вторые выросли въ своемъ самосознаніи, какъ никогда раньше. Единовѣрцы ходомъ предшествующей своей

*) Исторія ходатайства объ епископѣ изложена по «Лѣтописи единовѣрческой жизни», напечатанной на стр. единовѣрч. журналовъ «Правда Православія» и «Глаголъ Временъ» за 1906 годъ.

исторіи почти были пріучены, чтобы безъ ропота схоронить свое Единовѣріе, какъ отжившее учрежденіе. По всей вѣроятности, у единовѣрцевъ затверживаніе истины о своемъ исчезновеніи продолжалось бы и дальше, но на ихъ спасеніе 17 апрѣля 1905 г. прозвучала пасхальная вѣсть. Она сразу пробудила въ нихъ воспоминаніе о схороненныхъ надеждахъ и чаяніяхъ. Первая надежда, воскресшая у единовѣрцевъ послѣ 17 апрѣля,—это возродившееся ожиданіе *имѣть у себя единомысленныхъ епископовъ*. Послѣднее ходатайство соединенцевъ о епископѣ было въ 1890 году. Тогда духовная власть назвала его домогательствомъ, недостойнымъ имени Единовѣрія. Прямо запретила когда-либо облекать его въ форму прошенія. Апрѣль 1905 года освободилъ руки и открылъ уста соединенцевъ. Явились люди, пожелавшіе послужить устройству Единовѣрія. Разумѣемъ представителей единовѣрческихъ приходовъ г. С.-Петербурга—церковныхъ старостъ. Послѣдніе очень усердно взялись за возбужденіе новаго ходатайства касательно единовѣрческаго епископа.

Поводомъ, заставившимъ ихъ во что бы ни стало возбудить новое ходатайство о единовѣрческомъ епископѣ, были недоразумѣнія, какія происходили въ это время у единовѣрцевъ съ епархіальными начальствами на почвѣ соблюденія правилъ 1800 г. Нѣкоторыя епархіальныя начальства подъ вліяніемъ разнаго рода соображеній начали требовать отъ единовѣрческихъ священниковъ посѣщенія каѳедральнаго великороссійскаго собора въ царскіе и высокоржественные дни. Единовѣрческіе священно-церковнослужители, по просьбѣ единовѣрцевъ—прихожанъ, освобождены отъ обязанности являться на царскіе молебны въ православные соборы—храмы (см. 5 правило Единовѣрія 1800 года). Такое право испрошено старо-православными, по словамъ единовѣрческой лѣтописи [37]), не потому, «что на великороссійскую Церковь смотрятъ, какъ на еретическую. Нѣтъ, они исходатайствовали его съ цѣлью сохранить свой обрядъ чистымъ и неповрежденнымъ. Являясь на моленіе въ Великороссійскую Церковь, на соборное служеніе, единовѣрческіе іереи волей-неволей должны подчиняться тамошнему богослужебному распорядку. А это староправославнымъ нежелательно. Ибо этотъ распорядокъ—скорѣе непорядокъ и съ уставомъ той же великороссійской Церкви не сходится. Правда, единовѣрческіе священники, участвуя въ соборныхъ богомоленіяхъ, могутъ соблюдать свои обычаи и обряды. Но это очень уже оттѣняетъ тамошній безпорядокъ, а потому нежелательно для православныхъ. Чтобы не ссориться и не нарушать братской любви, староправославные рѣшили лучше не посѣщать этихъ соборныхъ служеній и молиться у себя, въ своихъ храмахъ». Но епархіальное начальство отнеслось къ

этимъ непосѣщеніямъ подозрительно. Требовался выходъ изъ тяжелаго положенія. Выходъ представлялся въ видѣ ходатайства объ единовѣрческомъ епископѣ. Что такого рода недоразумѣнія существовали въ этомъ періодѣ у единовѣрцевъ, давшія поводъ ходатайствовать о епископѣ,—объ этомъ говоритъ нижеслѣдующее прошеніе Казанскихъ единовѣрцевъ къ тамошнему Архіепископу. Оно составлено въ іюлѣ 1904 года.

Двадцать втораго іюля сего года, писали единовѣрцы Архіепископу, наши священники были потребованы въ Каѳедральный соборъ на молебенъ для засвидѣтельствованія своего Православія. Прискорбно и тяжело слышать, что изобличаемся въ какомъ-то неправославіи. Мы такія же чада Христовой Церкви, какъ и прихожане великороссійскихъ церквей. Мы ничего не держимъ особаго, за что можно бы назвать насъ раскольниками. Ученіе, догматы, держимъ тѣ же, что и Православная великороссійская Церковь. Обряды, коими отличаемся отъ прочихъ православныхъ, обряды святые, Святѣйшимъ Синодомъ благословлены. Епископовъ великороссійскихъ признаемъ за своихъ епископовъ. Уставность въ службѣ церковной соблюдаемъ. Правда, изъ-за уставности въ службѣ единовѣрцы выдѣляются въ особые приходы, но это не значитъ, что мы раскольники. Свыкшимся съ уставной службой намъ неловко бываетъ при неистовомъ совершеніи Богослуженія въ великороссійскихъ церквахъ, а потому и выпросили отъ Святѣйшаго Синода дозволеніе совершать Богослуженіе особо. Право вмѣстѣ со своими священниками совершать службу отдѣльно, не исключая высокоторжественныхъ и викторіальныхъ дней, даровано единовѣрцамъ правилами Единовѣрія, Высочайше утвержденными, въ частности 5-мъ пунктомъ этихъ правилъ. Мы этими правилами дорожимъ не ради раздѣленія, а ради сохраненія дорогаго намъ порядка при службѣ, потому что въ великороссійскихъ храмахъ—одинъ приходитъ, другой уходитъ, который крестится, а который такъ стоитъ. И такъ, припадая къ стопамъ Вашего Высокопреосвященства, всепокорнѣйше молимъ не считать нашихъ пастырей и насъ, ихъ пасомыхъ, за раскольниковъ за то, что охраняемъ 5-й пунктъ правилъ Единовѣрія, Высочайше утвержденныхъ 27 октября 1800 и въ 1881 году вновь подтвержденныхъ. Усерднѣйше просимъ не требовать нашихъ священниковъ на соборныя моленія. Частнымъ образомъ мы и наши пастыри ходимъ въ великороссійскіе храмы, но церковно участвовать въ службѣ всепокорнѣйше просимъ освободить. Мы не безразлично относимся къ уставности и неуставности службы. Когда наши священники участвуютъ въ неполной службѣ, то намъ непривычно и тяжело [38]).

Въ необходимости во что бы ни стало возбудить новое ходатай-

ство о единовѣрческомъ епископѣ укрѣпляли не одни лишь Казанскія событія. Недовольство своимъ безправнымъ положеніемъ, хотя и глухо, испытывалось повсюду. Въ февралѣ 1905 года, вотъ, что писалъ изъ Н.-Новгорода единовѣрецъ Сергѣевъ. «Ваше Высокоблагословеніе, о. Симеонъ! *) Изъ газетъ видно, что въ настоящее время можно и намъ, единовѣрцамъ ходатайствовать объ особомъ епископѣ. Если бы Богъ благословилъ, многіе изъ старообрядцевъ присоединились бы къ намъ. Сейчасъ православное духовенство очень тѣснитъ насъ—единовѣрцевъ, тѣснитъ во всемъ. На нашихъ священниковъ смотритъ недоброжелательно. Поэтому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою возбудить это дѣло, передайте своимъ церковнымъ старостамъ и попечителямъ, что намъ, всѣмъ единовѣрцамъ нужно соединиться и подать прошеніе. Какое Ваше мнѣніе, прошу увѣдомить» [39]).

Вѣсть о свободѣ старообрядцевъ, какъ о фактѣ—совершенно не даетъ покоя не только городскимъ, но и сельскимъ единовѣрцамъ. Распечатаніе Рогожскихъ алтарей такъ повліяло на нихъ, что мысль о епископѣ кажется имъ и законной и вполнѣ удобоисполнимой. Единовѣрецъ С. Б. Мурашкинъ 20 апрѣля 1905 года по случаю праздника св. Пасхи такимъ письмомъ привѣтствовалъ о Шлеева. «*Мы встрѣтили и проводимъ праздникъ съ тѣми же новизнами, что и прежде. Батюшка продолжаетъ измышлять. Приходъ разстраивается.... У насъ въ поволжьи есть мысль ходатайствовать о старообрядческомъ благословенномъ епископѣ. Но такъ какъ центръ Единовѣрія составляютъ Москва и Петербургъ: тамъ главныя силы, то осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ, какъ истинному старообрядцу и уважаемому пастырю съ покорнѣйшею просьбою. Не найдете ли возможнымъ что либо написать намъ объ этомъ. Въ настоящее время всѣмъ старообрядцамъ дана свобода въ вѣрованіи. Я хорошо знаю, какъ прежде единовѣрцы просили о епископѣ. Въ нашей библіотекѣ имѣются копіи съ этихъ прошеній. Въ свое время они не были уважены. Сейчасъ, повидимому, можно расчитывать. Весьма желательно, чтобы единовѣрцы единымъ сердцемъ взялись за это дѣло*» [40]).

Дарованіе старообрядцамъ свободы исповѣдывать свою вѣру окрылило надеждой на лучшее не только поволожскихъ, но и въ Западномъ краѣ живущихъ единовѣрцевъ. Предъ нами пасхальный привѣтъ одного изъ нихъ. «Ваше Высокопреподобіе. Невольно уста открываются въ столь знаменательный день дарованія свободы. Сколько пережилъ я въ теченіе всей моей службы нравственныхъ мукъ. Меня чуждались, называли еретикомъ, отступникомъ и пр. Я молчалъ, страдалъ,

*) О. Шлеевъ, Петербургскій единовѣрческій священникъ.

имѣя надежду на будущее. И, вотъ лучъ свѣта заблисталъ. Еще болѣе, нежели раньше, хочется быть тѣмъ, чѣмъ судилъ намъ Богъ быть отъ дней рожденія. Возносите свои святыя молитвы, да утвердится Единовѣріе, чуждое новшествъ послѣпетровскихъ святителей. Просимъ Васъ передать поздравленіе всѣмъ прихожанамъ и причту поздравленіе по случаю возстановленія правъ свободнаго исповѣданія, дарованія и намъ—мученикамъ за свою вѣру, за свою старину. Г. Ревель 90 пѣхотный онежскій полкъ, военный начетчикъ—церковникъ Х. В. Ивановъ. 23 Апрѣля 1905 г.» [41]).

Такимъ образомъ, на лицо, были поводы и случай, чтобы ходатайствовать о единовѣрческомъ епископѣ. Недоставало лишь одного почина.

Дѣло, однако, было столь трудное и важное, что прежде, чѣмъ куда-либо обращаться съ просьбою, нужно было не мало переговорить и списаться какъ съ самими единовѣрцами, такъ и съ лицами, покровительствующими Единовѣрію.

Нѣкоторые изъ единовѣрцевъ предлагали хлопотать не о Синодальномъ единовѣрческомъ епископѣ, а просто о староправославномъ, не называя мѣръ, какъ это устроить. Приходилось, напримѣръ, считаться и съ такого рода письмами. Для образца приведемъ одно изъ нихъ. «Глубокоуважаемый батюшка, Семенъ Ивановичъ! Хотѣли мы въ нашей въ дивно украшенной святыми иконами церкви въ настоящемъ древнерусскомъ стилѣ (на Захарьевской ул. г. Спб.) совершить служеніе по древнему архіерейскому чину. Владыка Волынскій охотно соглашался служить у насъ. Но разрѣшенія не послѣдовало. Слышно распоряженіе отъ лица Синода по всѣмъ епархіямъ, чтобы привлекать священниковъ къ участію въ царскихъ молебнахъ. Это его распоряженіе не понравилось не только прихожанамъ, но и духовенству, которое этимъ вводилось въ излишніе расходы рубля на два... Трудно прихожанамъ имѣть такихъ священниковъ. Большинство изъ нихъ не расположено къ старинѣ даже не по ихъ дурному нраву, а по непротивленію требованіямъ и насмѣшкамъ. «Охъ, ужъ эти улыбочки»—недавно сказалъ намъ Благочинный. *Архіерею Синодальному* еще будетъ труднѣе: если онъ даже и идеальный будетъ, не вынесетъ онъ гнета и насмѣшекъ отъ г. Оберъ-Прокурора. А не вынесетъ, епископскою властью введетъ всѣ новшества. Вѣдь, повидимому, Синодъ не противъ старины, а противъ автономіи, соединенной со стариной. Мечталъ батюшка о. Іоаннъ Верховскій о 3-хъ епископахъ благословеннаго древняго обряда, писалъ о неканоничности Синода и наблюдающаго за святителями Прокурора. Статья о Синодѣ была въ Православномъ Обозрѣніи въ 80 годахъ. Закрыли журналъ, да и

о. Іоаннъ принужденъ былъ скрыться. Трудно теперь расчитывать на какую-либо пользу отъ Синодальнаго единовѣрческаго епископа, когда самъ Синодъ такъ далекъ отъ устройства управленія Православною Церковью на Востокѣ. Очень бы хотѣлось знать, почему г. Бугровъ *) недоволенъ епископами Бѣло-Криницкой іерархіи? Непонятно мнѣ. Смотрю я такъ, что эта іерархія весьма близка къ греческой. Митрополитъ Амвросій безспорно былъ сердечный—благочестивый человѣкъ, не бывшій до конца дней своихъ подъ запрещеніемъ—на это имѣются документы. По его словамъ, пошелъ онъ къ заблуждшимъ овцамъ дома Израилева, «не имущимъ пастыря». Пошелъ, правда, никѣмъ не посланъ. Благодать священства отъ него отнята не была, допущеніемъ мvропомазать себя (просили его поревновать ап. Павлу, обрѣзавшему въ Іерусалимѣ Тимоѳея, не смотря на свое ученіе объ излишествѣ обрѣзанія для спасенія)—Митрополитъ не отступилъ отъ Церкви. По русски онъ не зналъ, отреченія не говорилъ, служилъ первое время по гречески. *Можетъ быть, согрѣшилъ Митрополитъ Амвросій—не намъ судить*,—но имъ руководили любовь, покрывающая по ап. Петру множество грѣховъ?—Единовѣріе инокомъ Никодимомъ тоже начато любовью. Любовью къ греческой и русской Церкви, а не злобою написано и дышетъ старообрядческое «Окружное посланіе». Слѣдовательно выходъ одинъ: или оставаться съ синодальными священниками, состоящими въ единеніи съ прихожанами, дающими имъ, т. е. прихожанамъ отчетъ въ своей искренности и любви къ чадамъ своимъ и древнеправославному благочестію, освященному множествомъ св. угодниковъ Божіихъ отъ лѣтъ Св. Владиміра въ русской Церкви и отъ св. апостоловъ во вселенской Церкви. Или же принимать епископовъ православныхъ бѣлокриницкихъ, не состоящихъ въ вѣдѣніи Синода» [42]).

Иниціаторовъ ходатайства о единовѣрческомъ епископѣ обычно укоряютъ за неуваженіе къ Православной русской Церкви. Возбужденіе ими вопроса о епископѣ не прощаютъ имъ нѣкоторые представители Вѣдомства Православнаго Исповѣданія. На ихъ ходатайство часто смотрятъ, какъ на сплошной рядъ оскорбленій по адресу православныхъ епархіальныхъ владыкъ. Не хотятъ взглянуть на обратную сторону дѣла. Не желаютъ подумать, а что бы было съ единовѣрцами, если бы среди нихъ не витала надежда въ концѣ концовъ получить отъ Синода православно-старообрядческаго архіерея? Не даютъ себѣ труда представить, что поднятый вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ былъ спасительнымъ клапаномъ для Единовѣрія. «Имъ были спасены многіе отъ ухода въ Австрійщину». Если многое множество не ушло послѣ 17-го апрѣля 1905 г. изъ Единовѣрія, такъ это

*) Извѣстный нижегородскій богачъ, глава Бѣглопоповщины.

исключительно благодаря ходатайству о единомысленномъ для единовѣрцевъ епископѣ.

Что послѣ 17 Апрѣля 1905 года единовѣрцы были склонны къ переходу въ «Австрійщину»—на это имѣются свидѣтельства. Не послѣднее мѣсто среди нихъ занимаютъ письма въ родѣ слѣдующаго. «Москва. 1905 г. 24 Апрѣля. Достоуважаемый Батюшка! У насъ новость, отпечатаніе алтарей на Рогожскомъ кладбищѣ, свободное отправленіе Богослуженія. Въ четвергъ, 21-го Апрѣля, я былъ на Рогожскомъ за литургіей. Простоялъ до Херувимской и соскучился. Кое-что есть противъ насъ разница. Былъ въ алтарѣ... есть предметы особенной рѣдкости. Лично передамъ, когда буду. *Народу многое множество: свои и православные* изъ любопытства. Но что всего удивительнѣе: *наши* (единовѣрцы) *молятся, ставятъ свѣчи и подходятъ подъ благословеніе къ тамошнимъ іереямъ*. Тѣ не стѣсняются—благословляютъ. Старообрядцы торжествуютъ, веселятся и плачутъ отъ радости, припѣвая: «Пасха избавленіе скорби».

Прежде единовѣрцы считали предосудительнымъ молиться въ старообрядческомъ храмѣ. Если молились, то до службы, или же послѣ. Послѣ 17-го Апрѣля видимъ, что они не только молятся, но и ставятъ свѣчи—дѣлаютъ приношенія. Не только молятся, но и берутъ у старообрядческихъ священниковъ благословеніе [43]. Какъ вдругъ перемѣнилось ихъ настроеніе, ихъ отношеніе! И это въ столичномъ городѣ Москвѣ, гдѣ единовѣрцы — народъ болѣе или менѣе развитъ въ церковномъ пониманіи. О деревнѣ и говорить нечего. Что указъ 17 Апрѣля 1905 года былъ способенъ вызвать среди провинціальныхъ единовѣрцевъ отпаденія—объ этомъ говорятъ приговоры единовѣрческихъ обществъ, присланные ими въ теченіе 1905 года, начиная съ іюня мѣсяца и дальше.

Итакъ, возбужденіе ходатайства объ единовѣрческомъ епископѣ, съ этой стороны, было дѣломъ необходимости.

Такъ посмотрѣлъ на это и Высокопреосвященный покровитель Единовѣрія, Архіепископъ Волынскій Антоній. Впродолженіе Марта и Апрѣля 1905 года онъ не одинъ разъ бесѣдовалъ на эту тему. Только еще начались слухи о готовившемся распечатаніи Рогожскихъ алтарей, какъ Владыка со свойственнымъ ему рвеніемъ занялся обсужденіемъ этого проекта. Была вспомянута вся исторія прежнихъ ходатайствъ о епископѣ. Были указаны добрыя и плохія стороны старыхъ по данному вопросу ходатайствъ. Была принята во вниманіе вся величина той опасности, которая грозитъ Единовѣрію не одинъ десятокъ лѣтъ.

Само собой эти обсужденія главнаго единовѣрческаго вопроса усилились, когда распечатаніе Рогожскихъ алтарей и свободное

отправленіе Богослуженія у старообрядцевъ стали фактомъ. Въ первое время по обнародованіи Указа 17 Апрѣля свою любовь къ Единовѣрію и свое состраданіе къ его тяжелому положенію Архіепископъ Антоній простеръ даже до того, что обѣщался быть первымъ единовѣрческимъ епископомъ, если на то будетъ воля Святѣйшаго Синода и Государя. Владыка нисколько не стѣснялся той перемѣной, какая должна была произойти въ образѣ его жизни. Соглашался отказаться отъ почетной и богатой Волынской кеѳедры. Онъ зналъ, что ждетъ перваго единовѣрческаго архіерея. Крайняя матеріальная и нравственная тяжесть, однако, не испугали его, но больше лишь утверждали въ принятомъ имъ намѣреніи. Онъ предвидѣлъ, что на этомъ мѣстѣ больше всего можно встрѣтить непріятностей отъ лжебратіи и, не смотря на это, былъ готовъ принести себя въ жертву святому Соединеству. На Ѳоминой недѣлѣ 30-го апрѣля Архіепископъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ единовѣрцами. Плодомъ этой бесѣды было то, что Высокопреосвященный одобрилъ планы Петербургскихъ единовѣрцевъ просить себѣ епископа. Послѣдніе не знали какъ благодарить благостнѣйшаго Владыку за его такое отеческое отношеніе.

1-го Мая они составили въ частной квартирѣ большое собраніе, гдѣ еще разъ обсудили назрѣвшій вопросъ о епископѣ. На собраніи постановили обратиться частнымъ образомъ къ Г. Оберъ-Прокурору и просить его содѣйствія въ предпринятомъ единовѣрцами дѣлѣ. 9 Мая Константинъ Петровичъ былъ любезенъ—выслушалъ докладъ о нуждахъ Единовѣрія. Противъ мысли о единовѣрческомъ епископствѣ онъ не возражалъ, а совѣтовалъ лишь подождать и не торопиться съ дѣломъ и, во 1-хъ, потому, что нѣтъ пока людей, коихъ можно было бы посвятить въ единовѣрческаго епископа. Наличные епископы, по его мнѣнію, не годны для этой миссіи. Единовѣрческій епископъ, по его словамъ, долженъ быть выдающимся человѣкомъ. Дѣло и успѣхъ Единовѣрія, говорилъ Константинъ Петровичъ, зависятъ не только отъ учрежденія епископской каѳедры, но и отъ лица, которое занялъ бы эту каѳедру [44]). Г. Оберъ-Прокуроръ оставилъ пріятное о себѣ воспоминаніе въ душахъ единовѣрцевъ.

Раньше, чѣмъ приступить къ дѣлу, иниціаторы ходатайства о единовѣрческомъ епископѣ совѣтуются съ представителями Русской Церкви. Они переписываются, бесѣдуютъ съ самими единовѣрцами. Кромѣ созыва петербургскихъ единовѣрцевъ и составленія изъ нихъ особой комиссіи, они считаютъ не лишнимъ списаться по этому дѣлу съ московскими единовѣрцами и другими, провинціальными. Были отправлены въ разные города телеграммы съ запросами о согласіи ходатайствовать епископа. На большинство изъ нихъ не-

медленно послѣдовали отвѣты. Всѣ они выражаютъ полное сочувствіе иниціатору за его починъ въ ходатайствѣ и содержатъ пожеланія полнаго успѣха въ начатомъ дѣлѣ.

Нѣкоторымъ единовѣрцамъ послѣ телеграммъ были посланы письма. На нихъ послѣдовали тоже отвѣты. Многіе изъ нихъ были драгоцѣнны не потому только, что обнаружили сердечное отношеніе единовѣрцевъ по возбужденному вопросу,—они заслуживали особеннаго вниманія въ виду того, что указывали съ своей стороны планъ дальнѣйшаго хода дѣла. Вотъ одно изъ такихъ писемъ. «Москва 1905 года, 4 Мая. Письмо Ваше получилъ. Спѣшу дать отвѣтъ. На Пасхѣ былъ у единовѣрческихъ священниковъ, дабы заручиться ихъ мнѣніемъ относительно Епископа. О. І. далъ согласіе и въ случаѣ надобности готовъ помогать. О. К... не совсѣмъ согласенъ. Онъ желаетъ знать, на какихъ каноническихъ основаніяхъ долженъ быть и дѣйствовать единовѣрческій епископъ. О. Іоаннъ Звѣздинскій послѣ поѣздки въ Питеръ перемѣнилъ мнѣніе. Соглашается на ходатайство епископа и указываетъ прямо на еп. Антонія Волынскаго. Прихожане-единовѣрцы, съ коими приходилось говорить, тоже не прочь просить единовѣрческаго епископа. Но чтобы отъ всѣхъ ихъ имѣть общее согласіе—за это не ручаюсь. Хотя ихъ и немного, но всѣ они очень уже разношерстны. Человѣка для общаго ходатайства предъ Святѣйшимъ Синодомъ подберемъ. Адресъ Морокина: Москва, Юшковъ пер., Боровское подворье, Номера. Мнѣніе его, какъ онъ и раньше говорилъ, такое: покуда живъ К. П. Побѣдоносцевъ, ничего не выйдетъ, и хлопоты будутъ напрасны. Когда будете у г. Побѣдоносцева, Вамъ видно будетъ его мнѣніе. Прошу Васъ—дайте знать, нужно ли отъ каждаго прихода прошеніе? Мнѣ кажется, что должно быть общее прошеніе, лишь уполномоченные на ходатайство должны имѣть письменныя уполномочія отъ своихъ обществъ. Желательно имѣть подъ руками проектъ означеннаго въ Вашемъ письмѣ дѣла и подборъ каноническихъ правилъ и основаній» [45]). А вотъ, второе такое-же отвѣтное письмо отъ 6-го Мая. Прислано изъ Н.-Новгорода. «Его Преподобію отцу Симеону Шлееву въ С.-Петербургѣ. Письмо Ваше отъ 1-го сего Мая я имѣлъ удовольствіе получить, за которое премного Вамъ благодаренъ. Съ великимъ удовольствіемъ принялъ бы Ваше предложеніе и пріѣхалъ бы въ С.-Петербургъ въ качествѣ депутата отъ нижегородскихъ единовѣрцевъ для хлопотъ о единовѣрческомъ архіереѣ, но по разстроенному моему здоровью, по совѣту врачей, я долженъ ѣхать въ Маѣ мѣсяцѣ на Кавказъ для леченія. Если нужно непремѣнно отъ насъ представителя для этого дѣла, то мы можемъ прислать отъ себя уполномоченнаго изъ числа прихожанъ: но не лучше ли было бы послать по этому дѣлу въ Святѣйшій Синодъ отъ прихода нашего

прошеніе, и если Вы это одобрите, то не откажите—благоволите прислать намъ черновое таковое прошеніе, какъ составить и написать его и какъ заглавить: прошеніемъ или протоколомъ. Жду Вашего отвѣта. Съ истиннымъ почтеніемъ къ Вамъ староста Василій П. Заплатинъ» [46]).

Изъ послѣдняго письма можно замѣтить, куда склонялись нижегородскіе единовѣрцы. Они считали болѣе практичнымъ послать просьбу въ Святѣйшій Синодъ съ мѣста, озаглавивъ ее или прошеніемъ, или протоколомъ. Не иначе отнеслись къ мысли съѣзда и другіе единовѣрцы. Прямо они не отвергали предложенія пріѣхать въ столицу, но въ заключеніе своихъ отвѣтовъ предлагали прислать отъ ихъ обществъ прошенія, прося прислать для образца черновикъ.

Иниціаторамъ, которые очень считались со всякимъ мнѣніемъ своихъ едновѣрцевъ, ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться съ ихъ доводами объ ускореніи самого ходатайства. Свое намѣреніе видѣть тѣхъ или другихъ единовѣрцевъ изъ провинціи, чтобы, лишь по серьезномъ устномъ обмѣнѣ мыслей, начать съ Божіей помощью святое дѣло, пришлось, такимъ образомъ, оставить и взяться за тѣ средства, какія были доступны. Поѣхать лично по разнымъ центрамъ Единовѣрія иниціаторы по роду своей службы не могли. Предстояло въ концѣ концовъ найти вмѣсто себя надежныхъ людей, кои приняли бы на себя эту миссію.

Съ конца Апрѣля 1905 г. С.-Петербургскіе единовѣрцы по дѣлу о епископѣ собирались почти каждую недѣлю. Въ одно изъ своихъ собраній они выбрали для удобства комитетъ изъ старостъ трехъ столичныхъ единовѣрческихъ церквей: Никольской, что на Николаевской ул., Никольской, что на Захарьевской и Димитріевской, что на Б. Охтѣ. Этимъ лицамъ они поручили снестись по вопросу о епископѣ съ провинціальными единовѣрцами. Надежда устроить въ это время единовѣрческій съѣздъ не оправдалась. Петербургскимъ единовѣрцамъ оставалось завязать сношенія съ прочими единовѣрцами чрезъ особо посланныхъ для этой цѣли людей. Комитетъ долженъ былъ подъискать этихъ людей, а во 2-хъ, изъискать средства для ихъ поѣздки и въ 3-хъ, дать имъ соотвѣтствующія инструкціи.

Въ поискахъ за нужными людьми старосты обратили преимущественное вниманіе на ихъ преданность единовѣрію. Просили поѣхать тѣхъ, кои больше всего любили св. старожитность. Особенно упрашивали отправиться по провинціальнымъ единовѣрцамъ князя Алексѣя Алексѣевича Ухтомскаго. Послѣдній, хотя посѣщалъ единовѣрческій храмъ съ небольшимъ какъ годъ, но обнаружилъ за этотъ періодъ времени очень много усердія, любви и сознательнаго отношенія къ Староправославію. Князь, не смотря на трудность предложенія, пошелъ

на встрѣчу нуждамъ Единовѣрія. Принялъ просьбу единовѣрческихъ старостъ г. С.-Петербурга съ обѣщаніемъ по возможности исполнить ее. Другой человѣкъ, которому выпалъ жребій поѣхать по мѣстамъ единовѣрческихъ поселеній,—это Викторъ Алексѣевичъ Поярковъ. Будучи казакомъ по рожденію и живя въ дѣтствѣ въ г. Уральскѣ, онъ проникся чувствомъ уваженія къ церковному быту единовѣрцевъ. Обучаясь въ академіи, онъ съ великимъ усердіемъ посѣщалъ единовѣрческій 4-хъ Евангелистовскій храмъ въ г. Казани. Принималъ тамъ участіе въ чтеніи и служеніи. Какъ таковой, онъ не могъ быть не замѣченъ единовѣрцами. И когда пришла пора найти всей душой преданное Единовѣрію и въ то же время болѣе или менѣе образованное лицо, то нѣтъ ничего удивительнаго, что выборъ палъ на него. Третьимъ посломъ отъ имени единовѣрцевъ г. С.-Петербурга былъ уставщикъ Никольской единовѣрческой церкви г. С.-Петербурга Григорій Ѳомичъ Громовъ. Этотъ выбранъ былъ какъ опытный человѣкъ, бывавшій и раньше во многихъ единовѣрческихъ мѣстностяхъ и приходахъ.

Отправляя избранныхъ людей, старосты каждому изъ нихъ вручили по довѣренности за своими подписями и церковными печатями, Содержаніе этихъ довѣренностей таково. «Предъявитель N, имѣетъ отъ насъ—церковныхъ старостъ единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга довѣріе собирать подписи желающихъ принять участіе въ ходатайствѣ предъ Правительствомъ о дарованіи единовѣрцамъ особаго единовѣрческаго епископа и о назначеніи на это мѣсто Антонія, Епископа Волынскаго и Житомірскаго. 1905 года. 20 Мая. Г. С.-Петербургъ. Никольской единовѣрческой церкви, что въ Николаевской улицѣ, и. д. старосты потомственный почетный гражданинъ Филиппъ Павловичъ Кручининъ. Больше-Охтенской, Покровско-Димитріевской церкви, церковный староста потомственный почетный гражданинъ Григорій Ивановичъ Сандинъ. Николо-Миловской единовѣрческой церкви, что въ Захарьевской улицѣ, староста потомственный почетный гражданинъ, Павелъ Григорьевичъ Гулинъ». [47])

Кромѣ довѣренности, каждому изъ выбранныхъ было вручено по нѣскольку экземпляровъ проекта прошенія Петербургскихъ единовѣрцевъ. Послѣдніе еще на первыхъ порахъ составили просьбу въ Святѣйшій Синодъ такого рода.

«Единовѣрческіе приходы отличаются отъ православныхъ приходовъ монастырскимъ укладомъ церковной жизни. Въ нихъ, напримѣръ, очень живо чувствуется иноческое отношеніе настоятеля и братіи. Прихожане, какъ и братія обители, избираютъ себѣ настоятеля и вмѣстѣ съ нимъ управляютъ своей приходской общиной. На лицо въ этой приходской единовѣрческой общинѣ и соборные монастырскіе

старцы, избранные попечители, ближайшіе совѣтники ктитора и настоятеля храма. Въ единовѣрческихъ приходахъ, если благопріятствуютъ обстоятельства, блюдется и дисциплина монашеская, высокое уваженіе къ авторитету духовнаго отца, послушаніе его волѣ, исполненіе его заповѣдей. Въ единовѣрческихъ церквахъ и само Богослуженіе совершается по иноческому чину, безъ опущеній, съ сохраненіемъ всѣхъ его подробностей, какъ онъ указанъ въ Typиконѣ. Въ единовѣрческихъ храмахъ тотъ же порядокъ, какимъ отличаются монастырскіе храмы отъ прочихъ приходскихъ православныхъ великороссійскихъ храмовъ. Монастырь воздвигаетъ духъ благочестія, уничтожаетъ же качественно и количественно духъ нечестія. Духъ благочестія болѣе, чѣмъ когда-либо нуждается въ поддержкѣ и своемъ укрѣпленіи среди Русскаго народа. Несчастная война съ Японіей—явное наказаніе Господомъ русскихъ людей за ихъ беззаконія. Религіозно-нравственное оскудѣніе проникло и въ нашу среду. Молодое поколѣніе стремится такъ же, какъ и въ православныхъ приходахъ, совершенно освободиться изъ-подъ церковной опеки и жить по своей волѣ, а не Господней, святой. Мы, нижеподписавшіеся усерднѣйше просимъ сохранить указанное устройство единовѣрческихъ приходовъ, какъ нѣкоторые оазисы въ гладной благочестіемъ пустынѣ. Болимъ душой и скорбимъ сердцемъ, видя распаденіе единовѣрческихъ приходовъ и ихъ монастырскихъ укладовъ жизни, нашихъ вѣрныхъ охранителей молодого поколѣнія. Нѣкоторые единовѣрческіе священники, поддерживаемые нерѣдко своимъ епархіальнымъ начальствомъ, нарушаютъ устои единовѣрческой-старообрядческой церковной жизни, разоряютъ нашу иноческую общинную жизнь, ослабляютъ дисциплину, искажаютъ и сокращаютъ наше Богослуженіе, однимъ словомъ, обезличиваютъ наши приходы и лишаютъ ихъ того, чѣмъ они похожи на монастыри и чѣмъ они отличаются отъ прочихъ приходовъ Русской Православной Церкви. Чтобы сохранить Единовѣріе—этого блюстителя старорусской церковной жизни, необходимо оградить единовѣрческіе приходы отъ невѣжественной руки нарушителя, необходимо, какъ нѣкоторую важную отрасль въ дѣлахъ церкви, сосредоточить вѣдѣніе единовѣрческими общинами въ рукахъ самого Святѣйшаго Синода. По всей вѣроятности, не по однимъ лишь матеріальнымъ расчетамъ подчинены самому Синоду такъ-называемые ставропигіальные монастыри. Мы убѣждены, что послѣдніе подчинены высшему духовному начальству потому, что желательно болѣе надежною рукою охранять древнія монастырскія традиціи, духъ благочестія въ знаменитыхъ обителяхъ. Управленія ставропигіальными монастырями самимъ Синодомъ не считается со стороны Святѣйшаго Синода нарушеніемъ епархіальной власти епископовъ. Устройство иноепархіальныхъ обителей мона-

стырскихъ подворій въ городѣ С.-Петербургѣ не считается съ точки зрѣнія высшей духовной власти уничтоженіемъ прерогативъ С.-Петербургскаго владыки-митрополита. Мы надѣемся, что не будетъ посягновеніемъ на епископскія права епархіальныхъ архіереевъ и сосредоточеніе управленія дѣлами Единовѣрія въ рукахъ самого Синода Святѣйшій Синодъ болѣе компетентенъ въ области Единовѣрія, чѣмъ епархіальный епископъ. Многіе епархіальные архіереи еще до сихъ поръ смотрятъ на Единовѣріе, какъ на полурасколъ, какъ на переходную лишь ступень къ православію. Единовѣріе, по ихъ мнѣнію, лишь терпимо, а потому съ легкимъ сердцемъ искореняются его приходы, обезличивается ихъ жизнь, хотя духъ монастырско-обширнаго направленія въ области вѣры заслуживаетъ иного отношенія. Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля сего года дана свобода исповѣданія своей вѣры всѣмъ старообрядцамъ. Свобода по всей вѣроятности для того, чтобы то хорошее, что заключается въ ихъ убѣжденіяхъ хотя бы въ самой малой частицѣ, росло и по мѣрѣ своихъ силъ создавало въ русскомъ обществѣ духъ благочестія. Мы считаемся сынами Православной Церкви (воззваніе Святѣйшаго Синода къ единовѣрцамъ въ 1900 году). Почему бы и намъ не дать свободы для проявленія той благодѣтельной силы, какая таится въ глубинѣ Единовѣрія, почему бы не дать ему быть не только тепличнымъ растеніемъ, посаженнымъ въ 1800 году въ тѣсныя рамки м. Платона? Единовѣріе достойно, чтобы жить на просторѣ, и какъ долго находившееся въ неблагопріятныхъ условіяхъ, нуждается въ изъятіи изъ всей его прежней обстановки по управленію. Есть миссія епархіальная, но въ экстренныхъ случаяхъ есть миссія и синодальная. Единовѣріе для продолженія своего полезнаго существованія нуждается въ радикальныхъ средствахъ. Епархіальное управленіе для него недостаточно. Епархіальные владыки тяготятся единовѣрческими приходами, игнорируютъ ихъ, отдавая ихъ вопреки Высочайшему указу 5 апрѣля 1845 года и 6 пункту правилъ Единовѣрія въ распоряженіе духовныхъ консисторій и обще-православныхъ благочинныхъ. Но православные благочинные и духовныя консисторіи, кромѣ бумажной тяготы, ничего не вносятъ въ жизнь единовѣрцевъ. Въ своихъ указахъ и отношеніяхъ они повторяютъ давно отжившія представленія объ Единовѣріи (Указъ Московской духовной консисторіи въ началѣ 1905 года). Не оживляютъ единовѣрческіе приходы и единовѣрческіе благочинные. Они по большей части безпрекословные проводники взглядовъ на Единовѣріе своего епархіальнаго епископа и его консисторіи, старающихся подогнать единовѣрческіе приходы подъ уровень общеправославныхъ приходовъ. Не лучше будетъ, если ему дать въ нѣкоторыхъ городахъ викарныхъ единовѣрческихъ епископовъ? Примѣръ тому Самарская

епархія Тамошній викарный епископъ живетъ въ единовѣрческомъ Иргизскомъ монастырѣ и считается архіереемъ, поставленнымъ между прочимъ и для управленія единовѣрческими дѣлами. Оживленія Единовѣрія въ названной епархіи однако нѣтъ. Одно лишь прозябаніе. Всѣ единовѣрческіе приходы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, отписались отъ викарнаго единовѣрческаго архіерея и приписались по управленію опять къ епархіальному. Этимъ они засвидѣтельствовали то, что лучше жить въ тепличномъ, но ровномъ воздухѣ, чѣмъ, правда, на болѣе свободномъ, но часто мѣняющемся. Подчиненные единовѣрческому викарному епископу единовѣрцы принуждены будутъ жить подъ вліяніемъ двухъ, не всегда сходныхъ направленій епархіальнаго архіерея и его викарія, отъ него однако зависимаго. Потомъ викарные епископы не могутъ управлять дѣлами единовѣрцевъ другихъ епархій. Въ каждой епархіи, такимъ образомъ, придется просить архіерея, но это не по силамъ: въ нѣкоторыхъ епархіяхъ единовѣрческихъ церквей меньше десятка. Засимъ, единовѣрческіе викарные епископы въ виду естественной и вполнѣ понятной изъ предыдущаго бѣдности своихъ каѳедръ не займутъ такого положенія, которое могло бы привлекать на ихъ мѣста выдающихся лицъ. Эти мѣста не будутъ, далѣе, переходными къ самостоятельнымъ каѳедрамъ, а потому будутъ заниматься людьми средними. Епископъ, дѣлающійся викарнымъ единовѣрческимъ архіереемъ для того, чтобы съ теченіемъ времени сдѣлаться самостоятельнымъ православнымъ епископомъ, въ глазахъ единовѣрцевъ потеряетъ всякое довѣріе и авторитетъ. Единовѣріе, наконецъ, не столь нуждается въ архіерейскомъ единовѣрческомъ служеніи, въ поставленіи священниковъ исключительно отъ руки единовѣрческаго архіерея, сколь оно нуждается въ однообразномъ управленіи, невозможномъ при многихъ викарныхъ архіереяхъ. Единовѣріе болѣе всего жаждетъ просвѣщеннаго архипастырскаго, авторитетнаго, неизмѣннаго и строго постояннаго вліянія на его духовенство, опустившееся до уровня простыхъ требоисправителей. Единовѣрческіе викарные архіереи, набранные изъ необразованныхъ единовѣрческихъ протоіереевъ, не произведутъ особеннаго подъема въ Единовѣріи, не проявятъ необходимой въ настоящее время иниціативы въ примиреніи съ старообрядцами-отщепенцами и не обнаружатъ его заждительной силы, заключающейся не въ обрядовыхъ его особенностяхъ, а въ устояхъ строго-монастырской благочестивой жизни.

Оживить Единовѣріе, поддержать въ немъ, для проведенія въ дѣйствительность, идеалы старо-русской церковной общины можетъ только самъ Святѣйшій Синодъ съ его свѣтлымъ взглядомъ на Единовѣріе, какъ то же Православіе, но съ нѣкоторыми особенностями отъ прочихъ приходовъ Русской Церкви. Единовѣріе страдаетъ отъ своей

разрозненности. Оно разсѣяно по всей Россіи. Въ каждой епархіи каждый единовѣрческій приходъ занимаетъ изолированное положеніе по отношенію къ другому единовѣрческому приходу. Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ нихъ уже не имѣютъ того привлекательнаго образа, какой они носятъ. По отдѣльности каждый изъ нихъ не можетъ отстоять и сохранить своего облика; при неблагопріятномъ въ данномъ случаѣ давленіи со стороны епархіальной власти и ея органовъ онъ теряетъ его. Въ виду своего религіозно-нравственнаго раздѣленія члены даннаго прихода охотно примыкаютъ къ общему теченію приходской жизни. Но каково теченіе этой жизни, говорятъ событія минувшихъ и грядущихъ дней. Единовѣріе нужно поддержать. Мы, единовѣрцы города С.-Петербурга, входящіе въ Синодъ въ нашимъ ходатайствомъ, а равно и единовѣрцы прочихъ городовъ и селъ Россійской Имперіи, имѣющіе войти съ подобными же ходатайствами, всѣмъ своимъ существомъ чувствуемъ необходимость изъятія единовѣрческихъ приходовъ для ихъ сохраненія изъ вѣдѣнія епархіальныхъ епископовъ съ цѣлью подчиненія ихъ непосредственному управленію самого Синода и сосредоточенія этого управленія въ рукахъ особаго единовѣрческаго архіерея, котораго просимъ для сего сопричислить къ Синоду въ качествѣ члена безъ епархіи. Дѣло, однако, не въ одномъ учрежденіи. Успѣхъ Единовѣрія будетъ зависѣть въ той же мѣрѣ и отъ лица, которое будетъ управлять Единовѣріемъ въ зависимости отъ Святѣйшаго Синода. Просимъ Святѣйшій Синодъ разрѣшить намъ указать это лицо. Монастырскіе устои жизни пріятны народу. Чѣмъ дѣлать народною церковью австрійскую церковь, пусть будетъ такою церковью общество единовѣрцевъ, церковь православная, возглавляемая и управляемая самимъ Синодомъ черезъ руки единовѣрческаго епископа. Смиренно припадая къ стопамъ Вашего Святѣйшества, усерднѣйше просимъ Васъ исполнить наше многовѣковое прошеніе. Объ епископѣ просили въ лицѣ инока Никодима въ царствованіе Государыни Екатерины II-й. Объ единовѣрческомъ епископѣ прошено было и въ царствованіе Императора Александра I. Благословенный въ 1824 году обѣщалъ исполнить просьбу, но смерть его и слѣдующее царствованіе далеко отодвинули это дѣло. Были ходатайства объ этомъ предметѣ въ царствованіе Государей Александра II-го и Александра III-го. Въ прежнихъ прошеніяхъ, за исключеніемъ 1824 года, единовѣрцы просили или самостоятельную отъ Синода іерархію (1864 г.), или же викарныхъ безполезныхъ для Единовѣрія епископовъ (1890 г.), или хорепископа (въ 1873 г.), упраздненнаго соборами. Въ настоящее время мы просимъ законнаго, мы просимъ руководителя для Единовѣрія, просимъ управителя ему, просимъ сосредоточить управленіе единовѣрческими приходами при

Синодѣ. Военное духовенство хиротонисуется отъ епархіальныхъ епископовъ, но управляется по особымъ соображеніямъ однимъ лицомъ. Соображенія не меньшей важности заставляютъ просить однообразнаго, исходящаго отъ одного лица управленія и для Единовѣрія. Усерднѣйше просимъ Ваше Святѣйшество, поддержите Единовѣріе не ради его обрядовыхъ особенностей: двуперстія и проч., но ради того благочестиваго настроенія, какое живетъ въ немъ. Пусть оно блюдется, какъ образецъ древнихъ церковныхъ устоевъ, образецъ достойный соревнованія и во всякомъ разѣ не уничтоженія и постояннаго искорененія со стороны многихъ изъ представителей епархіальнаго управленія.

Молимъ Ваше Святѣйшество, да будетъ, яко же просимъ» [48]).

Снабженные довѣренностями, адресами и разнаго рода инструкціями уполномоченные въ концѣ Мая отправились. Одинъ—по приходамъ, расположеннымъ какъ въ верхнемъ и среднемъ плесахъ р. Волги, такъ и по р. Камѣ и ея притокахъ. Другой—внизъ по р. Волгѣ, а также въ Уральскую область. Третій долженъ былъ объѣхать остальные пункты Единовѣрія въ Европейской Россіи, исключая г. Москвы.

Въ древнюю столицу представители петербургскихъ единовѣрцевъ рѣшили послать особо. Къ этому времени здѣсь случились обстоятельства, требовавшія чрезвычайнаго вниманія. Сначала Москвичи-единовѣрцы мало думали объ испрошенія себѣ единовѣрческаго епископа. На общее согласіе въ этомъ дѣлѣ нельзя было даже расчитывать (письмо 4 Мая). Въ половинѣ Мая въ ихъ настроеніи произошла перемѣна. 14 Мая проѣздомъ чрезъ Москву Синодальный миссіонеръ о. К. Крючковъ отъ имени К. П. Побѣдоносцева предложилъ ихъ благочинному принять санъ Уральскаго епископа. Въ это время вопросъ объ Уральскомъ православномъ епископѣ былъ снова выдвинутъ на очередь. Самъ Государь обратилъ на него вниманіе и на докладѣ губернатора выражалъ желаніе видѣть въ г. Уральскѣ особаго отъ Оренбургскаго архіерея епископа. Вѣсть о приглашеніи о. благочиннаго, протоіерея Звѣздинскаго въ качествѣ епископа въ г. Уральскъ взволновала московскихъ единовѣрцевъ. Тѣ люди, кои раньше не соглашались на ходатайство о епископѣ, и они перемѣнили свои мысли (Письмо изъ г. Москвы отъ 25 Мая). Часть москвичей—единовѣрцевъ надумала средство не отпускать отъ себя о. Іоанна. Она рѣшила примкнуть къ обще-единовѣрческому движенію въ вопросѣ о епископѣ, но только съ такимъ видоизмѣненіемъ. На мѣстѣ единовѣрческаго епископа ей вдругъ захотѣлось имѣть своего протоіерея о. Звѣздинскаго. Чувствуя, что послѣдній по состоянію своего здоровья врядъ ли можетъ быть обще-единовѣрческимъ епископомъ, эта часть москвичей не постѣснилась измѣнить самой идеѣ ходатайства петербургскихъ и прочихъ

единовѣрцевъ. Въ то время, когда остальные единовѣрцы выдвинули на видъ нужду въ самостоятельномъ единовѣрческомъ архіереѣ и безполезность единовѣрческихъ викаріевъ,—нѣкоторые православные старообрядцы г. Москвы во второй половинѣ Мая составили проектъ о викарныхъ единовѣрческихъ епископахъ. Содержаніе его таково:

«Предки наши, писали единовѣрцы, неоднократно ходатайствовали предъ Высшею церковною властію объ учрежденіи единовѣрческаго епископа. При сихъ ходатайствахъ предки наши были въ полной увѣренности, что единовѣрческіе епископы возъимѣютъ своимъ долгомъ пребывать въ единствѣ вѣры и священноначалія и въ союзѣ мира и любви со всѣми православными епископами, и воспріимутъ своею обязанностію служить въ нашихъ, единовѣрческихъ, храмахъ по пріемлемымъ и свято-хранимымъ нами обрядамъ и обычаямъ и править Церковію Божіею по соборнымъ и святыхъ отцовъ установленіямъ и основнымъ церковно-государственнымъ законоположеніямъ. Мы, какъ и предки наши, твердо и незыблемо вѣруемъ въ единство Церкви и единство священноначалія и возобновляемъ просьбу объ учрежденіи единовѣрческаго епископства ради большаго укрѣпленія сего единства и ради славы и процвѣтанія Церкви Божіей. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ единство Церкви, а по сему вѣруемъ и исповѣдуемъ, что единовѣріе единомысленно и единоблагодатно Православной Церкви, и что Православная Церковь также единомысленна и единоблагодатна единовѣрію. Сію истину мы имѣемъ долгъ и честь исповѣдывать, ибо иначе единовѣріе не есть единовѣріе, а только сообщество, чуждое православію и Православная Церковь чужда единовѣрію и святохранимымъ нами обрядамъ и обычаямъ, нѣкогда засвидѣтельствованнымъ великими московскими и всероссійскими архипастырями и иными отцами, прославленными Богомъ и церковью и въ нетлѣніи пребывающими. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что единовѣріе учреждено не ради «немощи немоществующихъ», а ради сознанія единства Церкви и единоблагодатности обрядовъ и обычаевъ, нѣкогда господствовавшихъ въ Москвѣ и до сихъ поръ нами святохранимыхъ и обрядовъ и обычаевъ, пріемлемыхъ Православною Церковію въ настоящее время; иными словами: единовѣріе учреждено по глубокому сознанію единства Церкви временъ до Никона патріарха и временъ послѣдующихъ. Исходя изъ сего исповѣданія единства Православія и Единовѣрія, мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что Единовѣріе предъ Богомъ пользуется такимъ же правомъ имѣть епископство, какъ и православіе имѣетъ священноначаліе, ибо если Единовѣріе умалено въ своей чести имѣть епископство, то оно не есть Единовѣріе, а только нѣчто низшее сравнительно съ Православіемъ.

Въ настоящее время Единовѣріе единится съ Православіемъ, не

какъ полная епископская Церковь, а только какъ сообщество мірянъ. И мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что полнота Единовѣрія и полнота его единства съ Церковію наступятъ только тогда, когда оно будетъ имѣть епископство, находящееся въ единствѣ вѣры и въ союзѣ любви съ православнымъ священноначаліемъ. Таковы чисто-догматическія основанія нашего ходатайства объ учрежденіи единовѣрческаго епископства. Кромѣ сего, позволимъ себѣ изложить и другія соображенія къ подтвержденію законности нашей просьбы. Православная Церковь всѣ пріемлемые нами обряды и обычаи почитаетъ святыми, посему нѣтъ богословской причины лишать насъ епископства, нарочито творящаго службу Божію по нашимъ святымъ обрядамъ и обычаямъ. Всякое священнодѣйствіе освящается епископскимъ благословеніемъ и постоянно охраняется епископскою властію, мы же сего не видимъ и не имѣемъ, ибо только въ чрезвычайныхъ случаяхъ видимъ среди насъ, въ нашихъ храмахъ, епископа. Мы имѣемъ особыя, признанныя за нами Высочайшею Властію въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ, церковно-каноническія права. Сіи права выражаются въ томъ, что епископъ имѣетъ долгъ лично править нами, лично, безъ всякаго посредства духовныхъ консисторій и иныхъ канцелярскихъ учрежденій и долгъ руководствоваться при семъ соборными и святоотеческими установленіями и основными церковно-государственными законоположеніями, а не современными духовными уставами и временными указами и предположеніями. Сіи свято-оберегаемыя нами права наши для епархіальныхъ (православныхъ) архіереевъ, какъ показываетъ опытъ, являются бременемъ, по существенно иному свойству управленія нами, чѣмъ всѣми православными. Благодаря сему обстоятельству, православные архіереи не имѣютъ никакой возможности быть для насъ таковыми владыками, каковыми они должны бы быть, и наша жизнь является неустроенной, неупорядоченной и все болѣе и болѣе приходящей въ разстройство.

Мы имѣемъ право выбора нашихъ духовныхъ пастырей и иныхъ служителей Церкви и всѣ преимущества, онымъ правамъ присвоенныя, какъ-то: право установленія числа членовъ причтовъ нашихъ храмовъ, право участія въ епископскомъ судѣ надъ нашими духовными лицами, и всѣ иныя права и обязанности правовой и самоуправляющейся церковной общины. Права сіи нерушимы, ибо въ нихъ залогъ благоспѣшности и процвѣтанія Церкви Божіей, они законны и согласны, какъ съ недавнимъ Царскимъ законоположеніемъ о вѣроисповѣданіяхъ, такъ и съ древними церковно-каноническими установленіями. Для высшаго и полномочнаго охраненія сихъ правъ и для управленія нами согласно ихъ духу и ихъ внутреннимъ требованіямъ, епископы, правящіе нами, имѣютъ долгъ и необходимость лично жить

среди насъ и нашею церковною жизнью, ибо иначе мы постоянно подвергаемся опасности явиться въ глазахъ епископа постороннимъ, чуждымъ ему и даже незаконнымъ сообществомъ. Мы имѣемъ особые обряды и обычаи при совершеніи священнодѣйствій и богослуженій Для вящшаго сохраненія и законнаго исполненія сихъ обрядовъ и обычаевъ, правящіе нами епископы должны быть высшими исполнителями и полномочными хранителями всѣхъ сихъ обрядовъ и обычаевъ. Таковаго значенія епархіальные (православные) архіереи, по самому существу дѣла, имѣть не могутъ, отчего среди насъ происходятъ немалыя смущенія и нестроенія. Высочайшею Его Императорскаго Величества милостію дарована свобода различнымъ вѣроисповѣданіямъ. Симъ милостивымъ повелѣніемъ на православныхъ священноначальниковъ возложены долгъ и честь особой благопопечительности о всѣхъ вѣрныхъ основнымъ святымъ завѣтамъ и законоположеніямъ Вселенскаго православія и долгъ пещись объ единеніи всѣхъ въ единую великую семью, подъ единымъ Христовымъ знаменемъ и подъ единымъ Христовымъ священноначаліемъ. И мы, ходатайствуя объ учрежденіи единовѣрческаго епископства, преисполнены вѣры и надежды постоянно пребывать въ единствѣ вѣры и въ союзѣ мира и любви со всѣми вѣрными и преданными Великой Православной Церкви, Единой Святой, Соборной и Апостольской. По изложеннымъ выше догматическимъ основаніямъ единовѣрческое епископство никоимъ образомъ не можетъ явиться нарушителемъ единства Церкви и единства священноначалія,—наоборотъ даже, вѣруемъ мы, оно утвердитъ единство Церкви и единство священноначалія. По церковно-каноническимъ же основаніямъ единовѣрческое епископство, вѣруемъ и надѣемся, явится способникомъ и споспѣшникомъ къ благоустроенію нашей духовной жизни и, въ судьбахъ Божіихъ, послужитъ къ умпротворенію современной церковной вражды. Посему мы просимъ Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ и отъ имени Святѣйшаго Синода предъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ объ учрежденіи единовѣрческаго епископства.

Для укрѣпленія единства вѣры и союза любви, между единовѣрческими и православными епископами, по нашему разумѣнію потребно установить между ними слѣдующее взаимоотношеніе: Единовѣрческій преосвященный именуется епископомъ такимъ-то, единовѣрческимъ викаріемъ такой-то епархіи. Пребываетъ онъ при единовѣрческомъ монастырѣ, гдѣ возможно,—служитъ въ своей крестовой единовѣрческой церкви и въ другихъ единовѣрческихъ храмахъ, управляетъ всѣми единовѣрческими приходами епархіи, назначаетъ по выбору прихожанъ или съ ихъ согласія священниковъ и другихъ

духовныхъ лицъ и рукополагаетъ ихъ, и вообще правитъ своею единовѣрческою паствою, на правахъ самостоятельнаго епархіальнаго архіерея. Въ то же самое время онъ находится въ сонмѣ православныхъ архіереевъ и, по волѣ православнаго епархіальнаго архіерея, принимаетъ участіе и въ общихъ частяхъ епархіальнаго управленія, на правахъ викарія. Буде наша просьба, Святѣйшій Владыка, пріиметъ благословеніе отъ Вашей Святительской благостыни, освятится первосвятительскимъ Святѣйшаго Синода благословеніемъ и утвердится милостію Великаго Государя Царя Самодержца, то просимъ и молимъ въ санъ епископа Московскихъ единовѣрческихъ Церквей возвести о. протоіерея Іоанна Гавриловича Звѣздинскаго, съ назначеніемъ ему постояннаго мѣстопребыванія въ Московскомъ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ [49]).

Въ первый разъ къ московскимъ единовѣрцамъ депутація петербургскихъ православныхъ старообрядцевъ прибыла 31-го Мая 1905 года. Въ это время вышеприведенное прошеніе Москвичей только-что было приготовлено къ подписи. Результатъ этой первой депутаціи былъ такой. Москвичи отложили подписывать свое прошеніе впредь до выясненія дѣла на общемъ собраніи. Нѣкоторые рѣшились даже прямо примкнуть къ ходатайству петербургскихъ единовѣрцевъ. Отъ этой части православныхъ старообрядцевъ г. Москвы былъ составленъ приговоръ, гдѣ они писали: „тысяча девять сотъ пятаго года, Мая 31-го дня мы нижеподписавшіеся священно церковнослужители и прихожане единовѣрческихъ церквей г. Москвы присоединяемся къ ходатайству С.-Петербургскихъ единовѣрцевъ о дарованіи единовѣрцамъ особаго епископа и назначеніи на это мѣсто преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго и Житомірскаго... Подписавшимися были: Московской Троицкой единовѣрческой церкви Благочинный Протоіерей Іоаннъ Звѣздинскій *). Священникъ Григорій Шлеевъ **). Всѣхсвятскаго единовѣрческаго женскаго монастыря священникъ Ермилъ Каменщиковъ. Московской Никольской единовѣрческой, что на Рогожскомъ кладбищѣ, церкви Священникъ Іаковъ Силинъ. Московской единовѣрческой, что при Никольскомъ монастырѣ, церкви приходскій священникъ Алексѣй Григорьевъ Кондратьевъ. Церковный староста Московской Свято-Троицкой и Введенской единовѣрческой церкви купецъ Александръ Васильевичъ Анфимовъ. Никольской единовѣрческой церкви церковный староста Иванъ Васильевъ Крашенинниковъ и т. д. [50]).

3 «Іюня въ «Московскомъ листкѣ» появилась замѣтка объ этой де-

*) Скончался 6-го Января 1907 года.

**) Нынѣшній Благочинный единов. церкв. Москов. епарх.

путаціи такого рода. «На дняхъ въ Москву прибыла изъ Петербурга депутація отъ единовѣрцевъ съ Симеономъ Шлеевымъ во главѣ съ цѣлію предложить московскимъ единовѣрцамъ присоединиться къ ихъ ходатайству предъ Святѣйшемъ Синодомъ о назначеніи особаго епископа, въ вѣдѣніи котораго находилось-бы управленіе единовѣрческими церквами Россіи. Просители указываютъ на преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго, назначеніе котораго на эту должность, по ихъ мнѣнію, было бы весьма желательно. Подъ прошеніемъ Петербургскихъ единовѣрцевъ подписались многіе и изъ московскихъ единовѣрцевъ».

Общее собраніе для обсужденія вопроса о единовѣрческомъ епископѣ Москвичи—единовѣрцы составили 9-го Іюня. Къ тому времени староста Свято-Троицкой церкви разослалъ по единовѣрцамъ повѣстки такого содержанія: «Въ виду возбужденныхъ чрезвычайно важныхъ церковныхъ вопросовъ, относящихся къ Единовѣрію, считаю своимъ долгомъ покорнѣйше просить Васъ, М. Г., пожаловать на общее собраніе прихожанъ Троицкой единовѣрческой въ Москвѣ церкви для всесторонняго обсужденія предложеній, касающихся нашей церкви». Часть Москвичей, пожелавшая во что бы ни стало провести о. Іоанна Звѣздинскаго во епископа, сдѣлала все, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ использовать предстоящее собраніе прихожанъ въ интересахъ своей партіи. Во-1-хъ, она стала противодѣйствовать присутствію на собраніи духовенства. Нѣкоторые члены его, какъ мы видѣли, подписались къ петербургскому проэкту. Во-2-хъ, эта часть москвичей не желала видѣть на собраніи депутацію петербургскихъ единовѣрцевъ. Поэтому имъ была послана телеграмма не въ видѣ приглашенія, а въ смыслѣ лишь увѣдомленія. Петербуржцы отправили на собраніе трехъ представителей: М. М. Дикова, И. Ф. Звѣрева и П. Ѳ. Лезова. Вотъ, какъ изображаетъ участникъ собранія, что тамъ было. Въ своемъ письмѣ къ одному петербургскому единовѣрцу москвичъ единовѣрецъ писалъ: «Послѣ общаго собранія и частной бесѣды съ нѣкоторыми передаю Вамъ, что получилось. На собраніи наши (Московскіе) прихожане почти молчали. Говорили: Ершовъ и Сенатовъ. Ваши отлично выяснили суть дѣла. Наши поняли въ чемъ секретъ. Молчали потому, что не согласны за о. Іоанна. Если не высказывались открыто за еп. Антонія, то щадили о. Звѣздинскаго, не хотѣли его обижать. Всѣмъ вѣдь видно, какъ ему хочется быть епископомъ. Михайловская слобода за еп. Антонія. Нашъ бывшій староста И. М Мѣшковъ желаетъ, чтобы въ Вашемъ прошеніи было яснѣе выражено касательно выборнаго права, что оно всецѣло остается въ прежней силѣ. Видимо, онъ согласенъ присоединиться къ Вамъ. Представитель тверскихъ единовѣрцевъ тоже съ Вами»... [51])

Поѣздка второй депутаціи изъ г. С.-Петербурга была, такимъ образомъ, сравнительно успѣшна. Враги петербургскаго проекта преждевременно торжествовали. Удаливъ съ собранія 9 Іюля несочувствующее имъ духовенство, они надѣялись остальныхъ мірянъ уговорить быть съ ними за одно. На дѣлѣ получилось иное. Къ петербургскому проекту прошенія склонилось большинство. Кромѣ вышеприведеннаго приговора 31 Мая, составленъ былъ еще приговоръ, подъ коимъ подписались и тѣ, кои не были у перваго. Содержаніе его таково: «1905 г. Іюля 12 мы нижеподписавшіеся единовѣрцы г. Москвы и Московской епархіи нашли необходимымъ заявить кому слѣдуетъ о такого рода нуждахъ Единовѣрія. Высочайшимъ указомъ отъ 17 Апрѣля 1905 года дарована свобода старообрядцамъ всѣхъ толковъ. Единовѣрцы же, не смотря на свою столѣтнюю связь съ Православною Церковью, до сихъ поръ стѣснены въ самомъ главномъ: не имѣютъ единомысленнаго въ обрядахъ епископа. Всѣ просьбы о немъ отклонены, какъ излишнія домогательства. На Единовѣріе продолжаютъ смотрѣть подозрительно, какъ на какой-то полурасколъ, а съ полученіемъ особаго епископа, какъ на настоящій расколъ. Между тѣмъ дарованіе Единовѣрію особаго самостоятельнаго епископа лишь ближе пріединитъ его къ Церкви, сдѣлаетъ изъ него силу, могущую примирить съ Церковью и проч. и проч. Старообрядческія упованія. Подробное изложеніе просьбы объ особомъ самостоятельномъ единовѣрческомъ епископѣ и о желательности имѣть на этомъ мѣстѣ преосвященнаго Антонія, Епископа Волынскаго и Житомірскаго, согласны заявить въ общемъ прошеніи отъ лица всѣхъ единовѣрцевъ со всей Россіи [52]).

Къ осени 1905 года въ рукахъ церковныхъ старостъ единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга, скопилось до 120 приговоровъ изъ разныхъ единовѣрческихъ приходовъ по Россіи. Они были присланы изъ 31 епархіи, изъ слѣдующихъ приходовъ: изъ *Владимірской* (сл. Мстера, Вязниковскаго у.), изъ *Вятской еп.* (г. Сарапулъ, Омутнинскій зав., Глазовскаго у., Ижевскій зав., Сарапульск у., с. Сарсакъ, Елабуж. у.), изъ *Донской еп.* (г. Новочеркасскъ, ст. Калачъ на Дону, хут. Діевъ, Чернышев. ст., Чернышевская станица, хут. Сухановъ, Пятіизбянск. ст.), изъ *Екатеренбургской еп.* (г. Екатеринбургъ—два приговора изъ обоихъ приходовъ—Н. Тагилъ, Верхот. у., Невьянскій зав. Екатеринб. у., Черноисточенскій зав. Верхот. у., Верхъ-Нейвинскій зав., Екатерин. у)., изъ *Кіевской* (г. Кіевъ), изъ *Казанской еп.* (г. Казань, с. Соболевское, Свіяж. у., с. Марьино, Тетюш. у. и Капердино того же у.), изъ *Костромской еп.* (с. Трошково, Варнавинск. у., с. Молвитино, Буйск. у., с. Сидорово, Макар. у., с. Нов. Гольчиха, Кинешемск. у., с. Н.-По-

кровское, того же у., с. Вай и с. Темты, Варнавинск. у.), изъ *Курской еп.* (г Рыльскъ, с. Пушкарное, Рыльск. у.), изъ *Московской еп.* (г. Москва—три приговора изъ трехъ приходовъ,—Михайловская сл., Бронницкаго у.), изъ *Могилевской еп.* (г. Гомель), изъ *Нижегородской еп.* (Н.-Новгородъ—два приговора изъ двухъ приходовъ, г. Горбатовъ., с. Ворсма, Горбат. у, с. Б. Мурашкино, Княгинин. у. и с М. Мурашкино того же у.,с. Вормалей, Нижегородскаго у., с. Исадъ, Макарьев. у., с. Спасское, с. Евлашка и с. Н. Усад., Васил.-Сурск. у., с. Ужово, Лукояновскаго у., Покровскій Медвѣд. мон, Крестовоздвиж. Осинов. мон.), изъ *Новгородской еп.* (с. Нароновское, Крестецкаго у.), изъ *Пензенской еп.* (с. Каменка, Н.-Ломовскаго у., с. Абашевка, Норовчатскаго у), изъ *Пермской еп.* (г. Пермь, Шайтанскій зав. Красноуфимск. у., Сарининскій зав.), изъ *Полоцкой еп.* (г. Двинскъ, с. Данышевка и с. Якубино, Двин. у.), *Полтавской еп.* (г. Кременчугъ—три приговора изъ трехъ тамошнихъ приходовъ), изъ *Самарской еп.* (г. Бугурусланъ, с. Балановo), изъ *Саратовской еп.* (г. Саратовъ—два приговора изъ двухъ приходовъ, г. Вольскъ), *С. Петербургской* (г. Петербургъ—четыре приговора отъ 4-хъ приходовъ), изъ *Ставропольской еп.* (Темижбекская ст., Кавк. отд., Келермитская ст., Майкопскаго отд.. Ханская ст., того же отд. и стан. Кавказская), изъ *Симбирской еп.* (г. Симбирскъ, с. Явлей и с. Кладбищи Алат. у., с. Темрязань Мор. Сенгилеевскаго у.), изъ *Тамбовской еп.* (г. Спасскъ), изъ *Тобольской еп.* (г. Тюмень), изъ *Томской еп.* (г. Томскъ), изъ *Тверской еп.* (г. Тверь). *Уфимской еп.* (г. Златоустъ, Саткинскій зав., с. Сикіясъ, с. Айлино, Златоустов. у., с. Королево, Бирск. у., Златоуст. Воскресенск. мон.), изъ *Уральскаго* Викаріатства (г. Уральскъ, Кулагинскій пос.), изъ *Харьковской еп.* (г. Харьковъ), изъ *Херсонской еп.* (с. Ровное, Елизаветпольск. у.), изъ *Черниговской еп.* (г. Новозыбковъ—четыре приговора изъ 4-хъ тамошн. церквей, пос. Злынка—два приговора, П. Климовъ, Сураж. у.,—два приговора, пос. Клинцы, Старод. у.—два приговора отъ двухъ приходовъ, пос. Воронокъ, пос. Добрянка, Городнянск. у., сл. Радуль, того же у., пос. Еліонки, пос. Лушки, Покровскій муж. мон., Малиновскій и Максаковскій женск. монастыри) и *изъ Ярославской еп.* (г. Ярославль, г. Романовъ-Борисоглѣбскъ).

Всѣми этими приговорами церковные старосты единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга, уполномочивались ходатайствовать предъ духовною властью о выдѣленіи единовѣрческихъ приходовъ изъ вѣдѣнія епархіальнаго начальства и о подчиненіи ихъ непосредственному завѣдыванію Святѣйшаго Синода, особаго члена его. Въ качествѣ такого завѣдующаго указывали епископа (нынѣ Архіепископа) Волынскаго Антонія. Приговоры мотивированы, но по-разному. Одни кратки, въ немногихъ словахъ обще указываютъ на

ненормальное положеніе Единовѣрія. Другіе входятъ въ подробное освѣщеніе этихъ ненормальностей Особенной подробностью выдѣляются приговоры изъ Н.-Новгорода и изъ Н.-Уральска.

Нижегородскіе единовѣрцы писали, что Единовѣріе свято и нерушимо цѣлую уже сотню лѣтъ несетъ на своихъ плечахъ работу примиренія. Пора помочь ему. Между тѣмъ, помощи отъ епархіальнаго начальства нѣтъ. Оно надѣляетъ его духовенствомъ, по большей части разоряющимъ бытъ и уставъ Единовѣрія. Единовѣріе, не стоящее на своей высотѣ, не вызываетъ довѣрія къ себѣ со стороны старообрядцевъ, особенно послѣ 17 Апрѣля. Мало этого, свои ревнители, неудовлетворенные въ своихъ приходахъ, переходятъ обратно въ старообрядчество. Молодое поколѣніе индиферентно; не имѣетъ добраго церковнаго воспитанія, ибо вся энергія уходитъ на защиту богослужебныхъ особенностей предъ своимъ же духовенствомъ [53]). Не менѣе печальныя вѣсти сообщили въ своемъ приговорѣ и Уральскіе единовѣрцы. Они указываютъ четыре причины, побуждающія ихъ присоединиться къ ходатайству петербургскихъ единовѣрцевъ. Богослуженіе наше, пишутъ они, искажено привнесеніемъ подробностей Великороссійскихъ церквей, а потому и не посѣщается. Духовенство наше, продолжаютъ они, опредѣлено къ намъ безъ нашего выбора. Благочинные православные. Епископъ нами не управляетъ, а управляетъ Консисторія, не считающаяся съ нашими нуждами [54]).

Недовольство своимъ духовенствомъ высказываютъ и другіе единовѣрцы (г. Казань, г. Бугурусланъ, сс: Б. и М. Мурашкино, с. Балаково). На его новаторскую дѣятельность указываютъ единовѣрцы и Симбирской и Нижегородской еп. (сс.: Кладбищъ, Спасскаго и пр.). Про отсутствіе выборнаго начала, вопреки правиламъ 1800 года, говорятъ единовѣрцы и Казанской и Черниговской и Полоцкой епархій. Про полупрезрительное отношеніе епархіальнаго начальства къ Единовѣрію толкуютъ единовѣрцы и Уфимской и Саратовской еп. На свое горестное положеніе какихъ-то полураскольниковъ указываютъ единовѣрцы и сс.: Новаго Усада, Евлашки и Ново-Покровскаго, Н. Гольчихи, Костромской епархіи. Про нужду имѣть однообразное, постоянное вліяніе на единовѣрческое духовенство въ лицѣ особаго епископа, который возглавлялъ бы Единовѣріе, двигалъ бы его по пути совершенства и усиливалъ бы его въ виду боеваго положенія раскола, занятаго имъ послѣ 17 Апрѣля 1905 г., говорятъ положительно всѣ единовѣрцы, кои прислали свои приговоры [55]).

Этими приговорами петербургскіе единовѣрцы были усилены не только количественно, но, главнымъ образомъ, и качественно. Содержаніе приговоровъ показало имъ, что они въ своемъ прошеніи вѣрно изобразили бѣдственное положеніе Единовѣрія и указали путь къ его усиленію. На всѣ пункты своей просьбы они получили фактическое подтвержденіе изъ жизни единовѣрческихъ приходовъ. А потому спокойно и твердо встрѣтили тѣ нападки, какія посыпались на нихъ со всѣхъ сторонъ, между прочимъ, со стороны той кучки Москвичей, которая во главѣ съ В. Г. Сенатовымъ составила, какъ было показано, свой проектъ прошенія, но не имѣла у себя ни единаго единомысленника въ провинціи.

На его статью въ Миссіонерскомъ обозрѣніи за 1905 годъ въ № 10-мъ, петербургскіе единовѣрцы на страницахъ того же журнала (№ 11) дали отповѣдь приблизительно такого рода.

Г. Сенатовъ и вмѣстѣ съ нимъ два-три десятка московскихъ единовѣрцевъ рѣшились подражать м. Филарету. Они въ своей петиціи планируютъ, что единовѣрческіе архіереи и въ положеніи викарія по отношенію къ православному областному удовлетворятъ старообрядцевъ, памѣтятъ путь, по которому можно дойти до единенія съ австрійской іерархіей. М. Филаретъ сначала былъ дѣйствительно такого мнѣнія, но потомъ самъ же отъ него отказался, рекомендовавъ этимъ самымъ оставить свой планъ и его подражателямъ.

Обсуждаемая частью москвичей и приведенная въ статьѣ «Мисс. Обозр.» петиція объ единовѣрческихъ викаріатствахъ, по словамъ петербургскихъ единовѣрцевъ, списана не съ проекта старѣйшаго въ г. Москвѣ единовѣрческаго священника о Павла Пермскаго, какъ утверждаетъ г. Сенатовъ [56]), а скорѣе съ приведеннаго предложенія м. Филарета. Между ней и этимъ большое сходство, исключая слѣдующаго: Высокопр. Филаретъ называлъ будущаго единовѣрческаго викарія богородскимъ епископомъ и поселялъ его на Рогожскомъ кладбищѣ, а единомысленники г. Сенатова московскаго единовѣрческаго викарнаго архіерея поселяютъ въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

М. Григорій отклонилъ проектъ м. Филарета, какъ проектъ безполезный, съ чѣмъ согласился впослѣдствіи и самъ преосв. Филаретъ. Мало полезной должна быть названа,—писали петербургскіе единовѣрцы [57]), и петиція единомысленниковъ г. Сенатова. Чрезъ осуществленіе ихъ плана врядъ ли можно столковаться съ австрійской іерархіей, врядъ ли можно дойти до объединенія старообрядцевъ съ Церковью и до прекращенія чрезъ это религіозной вражды среди единаго русскаго народа. Чрезъ этотъ планъ можно лишь парализовать кого-нибудь и то не всегда. М. Филаретъ хотѣлъ чрезъ устрой-

ство единовѣрческаго викаріатства обезсилить «австрійщину», но по совѣту преосв. Григорія оставилъ свой проектъ. Онъ не годенъ даже и для этого.

Единовѣрческія викаріатства—это новая полумѣра на почвѣ Платоновскаго Единовѣрія. Напрасно думаютъ удовлетворить чрезъ нее старообрядцевъ. Старообрядцы желаютъ нѣсколько больше. Они хотятъ быть не на лѣстницѣ, не на крыльцѣ къ храму, а въ самомъ храмѣ, иначе сказать, стремятся быть равноправными чадами Церкви, наравнѣ съ прочими ея членами.

Единовѣрцы тѣ же православные и предлагать имъ полузависимыхъ епископовъ для окончательнаго устройства ихъ въ полусамостоятельную какую-то Церковь, по меньшей мѣрѣ, странно. Единовѣрцы имѣютъ право не выдѣляться въ полуцерковь, они имѣютъ всѣ основанія быть въ той же Церкви, въ коей и православные, быть притомъ съ епископомъ, единомысленнымъ съ ними и въ обрядахъ.

Единовѣрцы во многихъ своихъ просьбахъ, подававшихся въ разное время,—писали Петербуржцы на страницахъ «Миссіонерскаго Обозрѣнія [58])»—стояли на вполнѣ справедливой дорогѣ, прося Святѣйшій Синодъ изъять изъ оффиціальнаго употребленія самое названіе «единовѣрецъ» и «Единовѣрческая Церковь» и въ приходахъ, придерживающихся старины, предоставить право разрѣшать вопросъ,—какого обряда держаться, «новаго или стараго». Иного разрѣшенія вопроса о старообрядчествѣ и не можетъ быть. Вопросъ объ единеніи старообрядцевъ съ Православіемъ можно рѣшить лишь на почвѣ полнаго общенія обрядствъ—одного съ другимъ, чтобы оба обряда, старообрядческій и господствующій, не поглощая, не подавляя одинъ другого, одинаково употреблялись на практикѣ Россійской Церкви.

Г. Сенатовъ,—заявляли составители петербургскаго прошенія,—напрасно считаетъ проектъ почтеннаго о. Павла Пермскаго *) своимъ проектомъ. Въ своей петиціи партія г. Сенатова использовала лишь первый пунктъ предложенія названнаго іерея. Послѣдніе два оставлены ею безъ вниманія. Между тѣмъ, въ нихъ-то и рѣшается вопросъ полнаго миросожитія обрядствъ — одного съ другимъ. «Приходы съ православнымъ-старообрядческимъ населеніемъ, по 2-му пункту о. Пермскаго, изъ вѣдѣнія консисторіи пусть перейдутъ къ единовѣрческому архіерею. Причинъ отказывать имъ въ этомъ нѣтъ. Церковь ничего не теряетъ, а только выигрываетъ, успокаивая совѣсть людей и давая естественное направленіе

*) Свящ. Москов. единов. церкви, умершій въ 1906 году. Проектъ его Г. Сенатовъ приводилъ въ своей статьѣ: «Какой епископъ нуженъ Единовѣрію» («Мис. Обоз.» 1905, № 10) полностью.

развитія ихъ религіозныхъ чувствъ, ихъ вѣры и ихъ преданности Церкви». «Въ областяхъ, гдѣ старообрядческое населеніе преимуществуетъ», говоритъ о. Пермскій въ 3 пунктѣ, «епархіальный архіерей можетъ быть съ правами и обязанностями единовѣрческаго». Обо всемъ этомъ московская петиція ни слова. Она и не могла этого приводить. Широкій планъ намѣченнаго единенія старообрядцевъ съ Церковью показался ей неудобоисполнимымъ: она свернула на прежній дипломатическій путь объединенія. Единовѣріе хотя и называетъ на словахъ тѣмъ же Православіемъ, но устраиваетъ его по избитому шаблону: въ видѣ маленькой комнаты въ домѣ. Такое разрѣшеніе исконнаго стремленія старообрядцевъ имѣть православную іерархію врядъ ли говоритъ за то, что она относится къ нему по настоящему, какъ къ своему собственному.

Все это полумѣры и полумѣры,—заключали Петербуржцы [59]),—не устраняющія при томъ и каноническихъ затрудненій. Въ епархіяхъ, гдѣ по недостатку средствъ и въ виду небольшаго количества единовѣрческихъ церквей (а такихъ епархій больше половины) нельзя будетъ устроить единовѣрческаго викаріатства,—кто будетъ тамъ управлять единовѣріемъ? Если православный епархіальный архіерей, то для чего составленъ проектъ петиціи, приведенной въ статьѣ? Для блага московскихъ единовѣрцевъ и ихъ кандидата! Если же будетъ управлять безпастушными овцами словесными единовѣрческій викарій изъ другой епархіи, то какія на это у него права? Гдѣ правила, дозволяющія епископу, да еще викарному, управлять нѣсколькими областями? Пора рѣшить вопросъ объ единовѣрческомъ епископѣ честно, благородно, рѣшить при томъ безъ тѣхъ каноническихъ противорѣчій, какія выступаютъ при учрежденіи единовѣрческаго викаріатства.

Единовѣрцы,—такъ заканчиваютъ свои аргументы Петербуржцы [60]), стараются охранить, благодаря самостоятельному, зависимому лишь отъ высшей духовной власти епископа, не двуперстіе даже и другіе обряды. Единовѣрцы, признавшіе чрезъ актъ своего присоединенія единство Церкви при разности обрядовъ, въ большинствѣ случаевъ не обрядовѣры и не буквенники. Обрядовѣровъ немало и среди православныхъ. Единовѣрцы просятъ епископа не для торжества стараго обряда. Они желаютъ чрезъ епископа сохранить устои своей старой церковной жизни, устои, коимъ можно только соревновать, а не искоренять.

Приговорами, а равно своими доводами на страницахъ Миссіонерскаго обозрѣнія за 1905 годъ (№ 11) противъ проекта кучки Московскихъ единовѣрцевъ, во главѣ съ г. Сенатовымъ, петербургскіе единовѣрцы, какъ видимъ, оправдывали пункты своего прошенія.

Мысль о выдѣленіи единовѣрческихъ приходовъ изъ вѣдѣнія епархіальныхъ владыкъ предъ этимъ была одобрена и миссіонерами, съѣхавшимися, по обычаю прошлыхъ годовъ, въ 1905 году въ г. Н. Новгородъ—на Миссіонерскія собѣседованія. Единовѣрцы очень дорожили этимъ одобреніемъ: осенью 1905 года издали листокъ подъ заглавіемъ. «Радость единовѣрцевъ».

Въ этомъ листкѣ они писали: единовѣрцы много разъ предпринимали ходатайства предъ духовною властью о томъ, чтобы у нихъ былъ единомысленный по обряду епископъ. Въ настоящее время они просятъ законнаго, а потому и одобрены со стороны больше, чѣмъ прежде. Доказательствомъ сему служитъ нижеслѣдующій протоколъ миссіонерскаго совѣщанія въ Нижнемъ Новгородѣ 12-го августа 1905 г. Означеннаго числа, «въ 10 часовъ утра собравшіеся въ зданіи Семинарскаго общежитія миссіонеры разныхъ епархій и Синодальный миссіонеръ о. Протоіерей Ксенофонтъ Крючковъ, подъ предсѣдательствомъ руководителя ярмарочныхъ собесѣдованій профессора Казанской Академіи Николая Ив. Ивановскаго, въ присутствіи единовѣрческаго священника г. С.-Петербурга Семена Іоанновича Шлеева и прибывшаго Преосвященнаго Исидора, Еп. Балахнинскаго, Викарія Нижегородской епархіи имѣли сужденіе о дарованіи единовѣрцамъ особаго единовѣрческаго епископа. Слово было предоставлено о. Протоіерею Крючкову. Въ своихъ объясненіяхъ о. Синодальный миссіонеръ указалъ вѣскія практическія причины лучшей постановки Единовѣрія, чѣмъ какъ оно теперь поставлено. Съ положительной же стороны онъ уклонился отъ разъясненія поставленнаго вопроса, сказавъ, что онъ боится этого, хотя желаетъ и всячески старается объ улучшеніи положенія Единовѣрія, усвояя ему великое миссіонерское значеніе. Послѣ этого предсѣдательствующій просилъ высказаться о. Семена Шлеева. Въ своихъ объясненіяхъ о. Шлеевъ очень пространно изобразилъ картину ненормальнаго, тяжелаго, унизительнаго положенія Единовѣрія, иллюстируя его многими примѣрами. Со стороны же положительной—какой же выходъ изъ такого положенія, онъ указалъ на непосредственное подчиненіе всѣхъ единовѣрцевъ Святѣйшему Синоду, при чемъ при Святѣйшемъ Синодѣ и долженъ быть особый единовѣрческій епископъ, какъ ихъ представитель и ходатай. Выслушавъ это, предсѣдательствующій замѣтилъ, что идея особаго единовѣрческаго архіерея расплывается; отчего же тогда не быть протоіерею одному или нѣсколькимъ въ видѣ комитета или комиссіи? Но на это Синодальный миссіонеръ замѣтилъ, что авторитетъ архіерейской власти выше іерейскаго и что предсѣдателемъ комитета или комиссіи можетъ быть на значенъ кто-либо изъ православныхъ епископовъ безъепархіальныхъ, какъ постоянный членъ Святѣйшаго Синода по дѣламъ Единовѣрія.

Съ этимъ согласились всѣ присутствующіе миссіонеры, доволенъ этимъ оказался и о. Шлеевъ».

Изъ приведеннаго протокола совѣщанія миссіонеровъ въ Н.-Новгородѣ 12-го Августа 1905 года видно, что мысль объ устройствѣ Единовѣрія на новыхъ началахъ, какъ вполнѣ законныхъ не была чужда и дѣятелямъ миссіи разныхъ мѣстъ Россіи. Что дѣла Единовѣрія долженъ вершить епископъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для сего назначенный—объ этомъ засвидѣтельствовали, къ радости единовѣрцевъ, и миссіонеры.

Проектъ г. Сенатова и его немногочисленныхъ единомысленниковъ не былъ разсмотрѣнъ на указанномъ Миссіонерскомъ совѣщаніи. Миссіонеры не считали нужнымъ разсуждать о томъ, что подписано было кучкой единовѣрцевъ. Это обстоятельство, а равно приведенные выше доводы единовѣрцевъ г. С.-Петербурга, изложенные ими на страницахъ Мис. Обозрѣнія, побудили г. Сенатова выступить съ новой критикой петербургскаго проэкта и защитой своего собственнаго.

На проектъ петербургскихъ единовѣрцевъ, встрѣтившихъ такую единодушную поддержку со стороны единовѣрческихъ приходовъ и оо. миссіонеровъ, г. Сенатовъ обрушился двумя статьями на страницахъ того же Миссіонерскаго Обозрѣнія (за 1905, №№ 16—17). Въ нихъ онъ, во-1-хъ, осуждаетъ проектируемое петербургскимъ прошеніемъ и Миссіонерскимъ совѣщаніемъ выдѣленіе единовѣрцевъ изъ вѣдѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ. Послѣ разнаго рода выпадовъ по адресу автора проекта г. Сенатовъ заявляетъ, что общія вѣковыя чаянія единовѣрцевъ другія. Единовѣрцы не движутся отъ епархіальнаго архіерея, а именно къ нему-то и стремятся. Затѣмъ на нѣсколькихъ страницахъ г. Сенатовъ изображаетъ, въ чемъ это стремленіе заключается. На повѣрку, однако, выходитъ, что оно заключается въ томъ же, въ чемъ полагаютъ и петербургскіе единовѣрцы. Единовѣрцы, по словамъ г. Сенатова, всегда и всюду желаютъ, чтобы епархіальный архіерей для нихъ былъ ихнимъ съ ногъ до головы [61])... чтобы его владычнимъ благословеніемъ освятить всѣ свои самобытныя вѣковыя особенности, чтобы онѣ были не только охраняемы святительскою властью, но и подъ ея покровительствомъ укрѣплялись и развивались, созидая общую твердыню вѣры и красоту и могущество самобытностей русскаго духа [62])... Единовѣрецъ зоветъ епископа къ себѣ, въ свой единовѣрческій храмъ и желаетъ, чтобы святитель соединился съ нимъ какъ отецъ съ сыномъ [63])...

Петербургскіе единовѣрцы тоже, какъ мы видѣли, звали къ себѣ епископа въ Церковь. Такъ какъ всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ имѣть такими владыками, какими хочетъ видѣть ихъ въ роли

единовѣрческихъ и г. Сенатовъ, не возможно, то они ограничивались тѣмъ, что звали къ себѣ лишь одного, звали не въ противность канонамъ. Г. Сенатовъ критиковалъ проектъ петербуржцевъ съ точки зрѣнія вѣковыхъ чаяній единовѣрцевъ, а самъ, въ концѣ концовъ, признавался, что чрезвычайно трудно разрѣшить вопросъ, чего сильнѣе и глубже желаетъ единовѣрецъ,—того ли, чтобы у него былъ свой независимый епископъ, какъ въ бѣлокриницкой іерархіи, или же того, чтобы православный архіерей для него былъ роднымъ и по духу и по мысли [64]). Не зная хорошо вѣковыхъ чаяній единовѣрцевъ и критикуя проектъ петербуржцевъ съ точки зрѣнія этихъ невыраженныхъ еще, по его мысли, чаяній, Сенатовъ въ положительной части своихъ статей оказался еще слабѣе. «Тяготѣніе единовѣрцевъ къ епархіальному архіерею» онъ предлагаетъ удовлетворить устройствомъ единовѣрческихъ викаріатствъ по мѣстамъ. Самъ предлагаетъ, такимъ образомъ, выдѣлиться изъ вѣдѣнія нѣкоторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ *), въ чемъ, какъ въ «презорствѣ» укоряетъ составителей петербургскаго проекта [65])!?

Проектъ Сенатова объ единовѣрческихъ викаріатствахъ и критика его петербургскаго проекта получили достойную отповѣдь со стороны составителей петербургскаго прошенія. Получа 120 приговоровъ, коими провинціальные единовѣрцы одобряли проектъ петербургскихъ единовѣрцевъ, церковные старосты единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга въ концѣ 1905 года составили общее прошеніе отъ лица уполномоченныхъ единовѣрцевъ со всей Россіи. Въ прошеніи они еще основательнѣе обставили тѣ стороны своего проекта, на которыя какъ на слабыя указывалъ въ своихъ статьяхъ г. Сенатовъ. Желая доказать несостоятельность г. Сенатова, единовѣрцы пользуются, при составленіи прошенія, его же статьями, прибѣгаютъ часто къ его же посылкамъ, но заключенія дѣлаютъ совсѣмъ иныя, показывая этимъ его противорѣчивость и несостоятельность. Прошеніе было написано на имя Святѣйшаго Всероссійскаго Правительствующаго Синода уполномоченными отъ единовѣрческихъ обществъ 31 епархіи—единовѣрческими церковными старостами г. С.-Петербурга Михаиломъ Диковымъ, Павломъ Гулинымъ и Григоріемъ Сандинымъ. Содержаніе его такое:

«Прилагаемое при семъ прошеніе единовѣрцевъ г. С.-Петербурга и высланные изъ разныхъ мѣстъ Россіи приговоры уполномачиваютъ насъ всепочтительнѣйше просить Высшую власть Русской Церкви о

---

*) Викарный, управляя дѣлами Единовѣрія другой епархіи, во всякомъ разѣ, отвлекаетъ единовѣрцевъ этой епархіи отъ своего епархіальнаго.

томъ же, о чемъ просилъ Родоначальникъ Единовѣрія—приснопамятный Стародубскій инокъ Никодимъ (род. 1745 † 1784). Никодимъ въ основу своего великаго дѣла положилъ испрошеніе особаго епископа, «которому бы неотносительно до епархіальнаго архіерея подлежать Святѣйшему Правительствующему Синоду» (2 § Десяти Стародубскихъ пунктовъ, поданныхъ кн. Потемкину, а потомъ въ Святѣйшій Синодъ въ 1783 г.).

Какъ было сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ, такъ остается неизмѣнно и понынѣ, что только независимый отъ епархіальнаго великороссійскаго архіерея епископъ можетъ быть въ Единовѣріи полномочнымъ посредникомъ и ходатаемъ примиренія старообрядства и русской Церкви. Ибо только на его лицѣ можетъ осуществиться одновременное довѣріе и уполномочіе какъ со стороны старообрядцевъ, такъ и со стороны русской Церкви.

Напрасно думаютъ удовлетворить православныхъ старообрядцевъ чрезъ викарныхъ единовѣрческихъ епископовъ. Они желаютъ нѣсколько больше. Они хотятъ быть не на лѣстницѣ, не на крыльцѣ къ храму, а въ самомъ храмѣ, иначе сказать, стремятся быть равноправными чадами Церкви, наравнѣ съ прочими ея членами.

Съ другой стороны, независимый епископъ отъ епархіальныхъ владыкъ скорѣе оправдаетъ довѣріе и уполномочіе самой Церкви. Онъ не создастъ стѣны, раздѣленія и такого двоевластія, какъ викарные единовѣрческіе епископы. Онъ имѣетъ за себя догматическія, этическія, каноническія, практическія соображенія и доводы. Онъ имѣетъ для себя каноническіе и историческіе прецеденты и укрѣпившіеся обычаи по церковному управленію.

Вѣковыя чаянія единовѣрцевъ стремятся къ тому, чтобы православный епископъ для нихъ былъ ихнимъ, съ ногъ до головы единовѣрческимъ архіереемъ; чтобы при служеніяхъ его могли забыть, что служитъ пришлецъ отъ другого обряда, отъ иного церковнаго быта; чтобы могли въ своихъ затрудненіяхъ обратиться къ нему и услышать отъ него рѣшеніе, какъ отъ человѣка, и умъ, и чувство, и воля котораго всецѣло проникнуты всѣми особенностями ихъ воззрѣній, чувствованій и произволеній. Нѣкоторымъ преосвященнымъ удавалось достигнуть этой связи съ Единовѣріемъ, но только въ области Богослуженія. Дальше она не шла.

Всѣ вѣковыя чаянія единовѣрцевъ сосредоточены на мысли, какъ владычнимъ благословеніемъ освятить всѣ свои самобытныя вѣковыя особенности, чтобы онѣ были не только охраняемы святительскою властью, но и подъ ея покровительствомъ укрѣплялись и развивались, созидая общую твердыню вѣры и красоту и могущество самобытностей русскаго духа.

Для того, чтобы это было, для того, чтобы это исполнилось, единовѣрцы огнепально ждутъ дарованія имъ единомысленнаго съ ними и въ обрядахъ епископа. Еще съ большей огнепальностью ждутъ этого дарованія старообрядцы, ибо каждый изъ нихъ въ тайнѣ сознаетъ, что если у единовѣрцевъ будетъ епископъ не ради помощи немоществующихъ, а ради полной вѣры въ его святость, падутъ всѣ старообрядческія твердыни, какъ бы несокрушимыми онѣ ни казались; падетъ средостѣніе между Православіемъ и старообрядчествомъ; уничтожится церковный раздоръ и явится великая, обновленная, самобытная и непобѣдимая Русь.

Единовѣрческій епископъ потребенъ и для Православной великороссійской Церкви. Въ тотъ день, когда она наградитъ единовѣрцевъ за ихъ столѣтнее ожиданіе единомысленнымъ для нихъ архипастыремъ, она своимъ властнымъ и могучимъ голосомъ скажетъ: я одна, недѣлима, неизмѣняема и теперь я такою же пребываю, каковою была и до дней п. Никона: пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся, всѣ обремененные, всѣ вѣрующіе въ святость старо-русскаго древняго обычая.

Единовѣрческій епископъ можетъ быть дарованъ не ради просьбъ единовѣрцевъ, не ради требованій старообрядцевъ, а волею самой Русской Церкви, ради ея блага, ради благоустроенія самой Церкви. Объ этомъ говоритъ вышеприведенное, объ этомъ скажетъ и дальнѣйшее.

Дарованіемъ единовѣрцамъ единомысленнаго имъ епископа устраняется почва взаимныхъ непониманій между православными Архипастырями и ихъ пасомыми—единовѣрцами. Въ настоящее время единовѣрцы въ глазахъ православныхъ епископовъ иногда являются придирчивыми, а потому и въ самомъ Православіи подозрительными. Въ той же мѣрѣ и съ той же острою болью и поступки великороссійскихъ епископовъ въ глазахъ единовѣрческой паствы кажутся сомнительными по своей обще-человѣческой справедливости и нарушающими древніе—свято чтимые ими устои и обычаи. Благодаря этимъ обстоятельствамъ и епископы—Архипастыри, и единовѣрцы—пасомые стараются держаться въ сторонѣ другъ отъ друга: меньше общенія, меньше столкновенія, меньше взаимной обиды. Чрезъ дарованіе единовѣрческаго епископа уничтожается причина указанныхъ явленій. Епархіальные православные епископы чрезъ единовѣрческаго могутъ точно и опредѣленно узнать истинное положеніе и настроеніе единовѣрцевъ. Имъ легче отъ него, чѣмъ отъ кого-либо другого, получить разъясненіе и дружескій совѣтъ. Всякій вопросъ, приводящій теперь къ ожесточенному столкновенію при полномъ непониманіи другъ друга со стороны епископа единовѣрцевъ, со стороны единовѣрцевъ своего епархіальнаго великороссійскаго архіерея,—можетъ

быть рѣшенъ чрезъ сношеніе, чрезъ переписку, или при случаѣ въ личной бесѣдѣ между епархіальнымъ православнымъ и единовѣрческимъ: нельзя же предполагать со стороны единовѣрческаго искаженія истины, а со стороны епархіальнаго великороссійскаго—намѣреннаго противодѣйствія. По самому своему положенію при Синодѣ единовѣрческій епископъ явится компетентнымъ истолкователемъ всѣхъ особенностей Единовѣрія и предъ самими единовѣрцами и предъ епархіальными епископами и чрезъ это естественно устранятся существеннѣйшія причины для столкновеній между Православіемъ и Единовѣріемъ на чисто религіозной почвѣ.

Чтобы устранить взаимное непониманіе между православными епископами и единовѣрцами—для этого необходимо, чтобы единовѣрцы имѣли точное и опредѣленное пониманіе своихъ особенностей. Такую желательную цѣльность и ясность Единовѣріе получитъ чрезъ епископа, творящаго службу Божію по старому обряду и обычаю. Для этого затѣмъ, потребно, чтобы православные, и епископы, и духовенство, и народъ имѣли въ средѣ своего высшаго священноначалія вѣрнаго истолкователя всѣхъ особенностей Единовѣрія, а не мыслили о нихъ по своему личному разумѣнію, по своимъ случайнымъ наблюденіямъ, по своимъ сомнительнымъ свѣдѣніямъ. Это разумѣніе, живое и жизненное, будетъ дано чрезъ того же единовѣрческаго епископа, какъ чрезъ власть—истолковательницу, священную и обязательную и для всѣхъ православныхъ. Въ этихъ же цѣляхъ даже нужно, чтобы единовѣрцы привыкли къ мысли, что православное священноначаліе разумѣетъ о нихъ «добрѣ» и правильно,—не только о нихъ, но и само преисполнено высшаго разумѣнія о всѣхъ особенностяхъ ихъ воззрѣній, жизни и быта, такъ что является не только знающимъ все сіе, но и понимающимъ и чувствующимъ. Чрезъ это сама православная іерархія естественно явится и въ глазахъ единовѣрцевъ и въ сознаніи обще старообрядческомъ во всемъ блескѣ ея величія, чистоты и истинности и всѣ единовѣрцы и старообрядцы сыновне и съ любовью будутъ прислушиваться къ голосу архипастырей, вѣрить ему и въ немъ искать опоръ и для своего назиданія, разумѣнія и для своей жизни бытовой и церковной. Эти блага, созидающія миръ и единеніе, будутъ возможны, когда въ сонмѣ іерарховъ, особенно во время ихъ собранія или собора будетъ и епископъ единовѣрческій, разумѣющій и говорящій по единовѣрчески.

Дарованіе единовѣрцамъ единомысленнаго имъ епископа не привнесетъ раздѣленія. Отношенія его къ обще-православнымъ епископамъ лучше всего было-бы представить такъ. Единовѣрческіе приходы не занимаютъ какую-либо особую территорію. Приходы единовѣрцевъ составляются не изъ окружающихъ храмъ жителей, какъ у православ-

ныхъ. Члены единовѣрческихъ приходовъ по большей части раскинуты по всему городу или селу. Нерѣдкость причту единовѣрческихъ церквей—считать своими прихожанами и жителей другого уѣзда и даже другой епархіи и губерніи. Практическихъ затрудненій при данномъ порядкѣ однако не встрѣчается. Единовѣрческіе причты знаютъ своихъ прихожанъ, а православные—своихъ. Замѣшательства, если не примѣшиваются денежные интересы,—не бываетъ. Случаются, правда, иногда просьбы православныхъ о перечисленіи въ единовѣрческіе приходы; но это объясняется или близостью единовѣрческаго храма, или же расположенностью просителя къ старому обряду. Поставимъ сейчасъ вмѣсто единовѣрческаго прихода нѣчто большее, а именно совокупность ихъ. Нѣтъ никакихъ поводовъ ожидать замѣшательства отъ завѣдыванія ихъ не тѣми лицами, которые управляютъ собраніемъ обще православныхъ приходовъ, иначе сказать—территоріальной епархіей. Денежные интересы, конечно, не будутъ играть роли, а перечисленіе въ единовѣрческіе приходы урегулируются достойнымъ образомъ. Причинъ отказывать въ перечисленіи нѣтъ. Церковь ни чего не теряетъ, а только выигрываетъ, успокаивая совѣсть людей и давая естественное направленіе развитія ихъ религіозныхъ чувствъ, ихъ вѣры и преданности Св. Церкви.

Стѣны между единовѣрцами и православными никакой не будетъ. Она была бы въ томъ лишь случаѣ, когда единовѣрческаго епископа поставили, наприм., въ положеніе австрійскаго, придумали какой-нибудь *чинопріемъ* для перехода изъ Православія въ Единовѣріе и наоборотъ. При просимомъ епископѣ постоянно будетъ общеніе православнаго духовенства съ единовѣрческимъ (наприм., во время похоронъ) и православныхъ съ единовѣрцами, переплетенныхъ другъ съ другомъ и родствомъ, и браками, и просто религіозными наклонностями. Смѣшанные браки, крещеніе дѣтей отъ такихъ браковъ и т. п.—все это будетъ составлять почву живыхъ и постоянныхъ сношеній между православнымъ духовенствомъ и единовѣрческимъ. Открытіе новыхъ единовѣрческихъ приходовъ, церковно-приходскихъ школъ, постройка новыхъ храмовъ, миссіонерское дѣло и т. д.—все это перемѣшиваетъ интересы единовѣрческихъ приходовъ съ приходами православными и будущій единовѣрческій архіерей не въ силахъ будетъ разрѣшать эти вопросы безъ согласія и безъ содѣйствія мѣстныхъ преосвященныхъ.

Единовѣрческій епископъ, самымъ фактомъ своего появленія уничтожающій причины взаимнаго непониманія православныхъ и единовѣрцевъ, всеконечно разрушитъ причины и поводы къ существеннѣйшимъ столкновеніямъ и намѣтитъ вѣрный путь къ миру и единству. Сознаніе единства, которое скажется въ дарованіи единовѣрцамъ

единомысленнаго имъ епископа, пересѣчетъ недоразумѣнія между православными епископами и единовѣрческимъ и не сдѣлаетъ того, что единовѣрцы очутятся между двухъ властей—мѣстнаго и единовѣрческаго синодальнаго. Духъ разума, духъ единства устранитъ недоразумѣнія, даже возникшія и не создастъ вреднаго двоевластія.

Архипастыри православной Русской Церкви въ свое время старались было дать единовѣрцамъ викарныхъ епископовъ. Одинъ изъ главныхъ представителей Православія въ царствованіе Александра II-го Московскій м. Филаретъ стремится въ виду особенныхъ тогдашнихъ обстоятельствъ учредить единовѣрческое епископство въ качествѣ второго викаріатства московской епархіи. М. Григорій отклонилъ проектъ м. Филарета, какъ проектъ безполезный, съ чѣмъ согласился впослѣдствіи и самъ преосв. Филаретъ (Собр. Мн. и Отз. т. IV, 292—3, 306 сн. Письма Антонію т. IV, стр. 137).

Единовѣрческія викаріатства—это новая полумѣра на почвѣ Платоновскаго Единовѣрія.

Что такое Единовѣріе внѣ пунктовъ м. Платона? Имѣютъ ли единовѣрцы право согласно своему единенію съ Церковью быть ея истинными чадами и руководствоваться не викарными епископами?

Единовѣріе не унія и не временная ступень къ Православію, а единая Православная Вѣра, и пребываніе въ Единовѣріи есть истинное и искреннее держаніе этой единой Православной Вѣры, а равно пребывающіе въ Единовѣріи несомнѣнно истинно православные и истинно вѣрующіе сыны св. Церкви. Выясняя свои воззрѣнія о тождествѣ Единовѣрія съ Православіемъ въ противоположность убѣжденію нѣкоторыхъ, яко-бы Единовѣріе значительно разнится съ Православіемъ, Казанское собраніе епископовъ 1885 года прямо, во всеуслышаніе засвидѣтельствовало, что Православіе и Единовѣріе составляютъ одну Церковь.

Богослужебные чины единовѣрцевъ во многомъ сходятся съ греческими современными—православными. Малый входъ за литургіей, великій входъ съ дарами послѣ Херувимской пѣсни; архіерейское осѣненіе, опусканіе завѣсы, отвѣтъ народа на возгласъ: «Благодаримъ Господа» и многое др. совершается точно такъ же, какъ положено у единовѣрцевъ (Дополн. къ письм. о Богослуж. Вост. церкви А. И. Муравьева 1883, Спб.). Что касается богослужебныхъ книгъ, содержимыхъ единовѣрцами, онѣ, особенно 10 лѣта Іосифова патріаршества, нисколько не хуже новоисправленныхъ. Послѣднія, превосходя старопечатныя со стороны грамматики, во многихъ мѣстахъ очень неудачно передаютъ подлинникъ.

Итакъ, единовѣрцы имѣютъ много правъ не выдѣляться въ особую временную Церковь съ викарными епископами. Они имѣютъ всѣ

основанія быть въ той Церкви, въ коей и православные, быть съ православными въ тѣсномъ единеніи. Они всегда, на вѣчныя времена должны пребывать членами и чадами единой и недѣлимой Православной Церкви. Таковыми они мыслятся теперь, таковыми же должны быть и по учрежденіи единовѣрческаго епископа.

При дарованіи единовѣрцамъ единомысленнаго имъ епископа при Святѣйшемъ Синодѣ, въ качествѣ защитника и ихъ ходатая, епархіальному православному архіерею, при его благосклонномъ любвеобильномъ отношеніи къ Единовѣрію, дается чрезвычайно широкій просторъ къ устроенію Единовѣрія и къ развитію его среди старообрядчества. Устройство же на мѣстахъ особыхъ единовѣрческихъ викаріевъ, завѣдующихъ Единовѣріемъ самостоятельно, рѣшительно устраняетъ отъ Единовѣрія даже тѣхъ епископовъ, которые знаютъ его, понимаютъ, любятъ и всячески готовы содѣйствовать его процвѣтанію. Даже вполнѣ и глубоко расположенный къ Единовѣрію преосвященный, въ случаѣ устройства въ его епархіи викарнаго единовѣрческаго епископа, завѣдывающаго, по мысли м. Филарета, нѣсколькими епархіями, рѣшительно устраняется отъ Единовѣрія и, мало того, ставится въ необходимость сохранять территоріальную цѣлостность своей епархіи.

Кромѣ догматическихъ и этическихъ доводовъ, противъ единовѣрческихъ викаріатствъ говорятъ также нѣкоторыя каноническія и практическія соображенія.

Въ епархіяхъ, гдѣ по недостатку средствъ и въ виду небольшого количества единовѣрческихъ церквей (а такихъ епархій подавляющее большинство), нельзя будетъ устроить единовѣрческаго викаріатства,— кто тамъ будетъ управлять Единовѣріемъ? Всецѣло православный епархіальный архіерей! Но оттуда изъ такихъ епархій масса приговоровъ съ просьбой о единовѣрческомъ епископѣ! Если же будетъ управлять безпастушными словесными овцами единовѣрческій викарій изъ другой епархіи, то какія на это у него права? Гдѣ правила, дозволяющія викарному епископу управлять нѣсколькими областями? Да гдѣ вообще правила, говорящія о викарныхъ епископахъ? Кормчая ихъ не знаетъ.

Засимъ, единовѣрческіе викарные епископы, въ виду естественной и вполнѣ понятной изъ предыдущаго бѣдности своихъ каѳедръ, не займутъ такого положенія, которое могло бы привлекать на ихъ мѣста выдающихся лицъ. Епископъ, дѣлающійся викарнымъ единовѣрческимъ архіереемъ для того, чтобы съ теченіемъ времени сдѣлаться самостоятельнымъ православнымъ епископомъ, въ глазахъ единовѣрцевъ потеряетъ всякое довѣріе и авторитетъ. Единовѣрческіе викарные архіереи, набранные изъ необразованныхъ единовѣрческихъ протоіереевъ, не произведутъ особеннаго подъема въ Единовѣріи, не обна-

ружатъ его зиждительной силы, заключающейся не въ обрядовыхъ его особенностяхъ, а въ устояхъ строго-монастырской благочестивой жизни.

Все это побуждаетъ единовѣрцевъ,—не исключая части единовѣрцевъ г. Москвы, отъ которыхъ имѣются два приговора,—хлопотать не объ единовѣрческихъ епископахъ—викаріяхъ, а о единовѣрческомъ епископѣ при Святѣйшемъ Синодѣ.

Въ начерченномъ положеніи просимаго единовѣрческаго епископа не видится противорѣчія канонамъ Церкви и усматривается сходство съ нѣкоторыми утвердившимися обычаями по церковному управленію. Единовѣрческій епископъ въ устройствѣ дѣлъ единовѣрческихъ церквей въ разныхъ епархіяхъ тогда только будетъ противоканоиченъ, когда не будетъ на то имѣть соизволенія высшей власти (апост., пр. 14), или согласія мѣстнаго епископа (Анкир. Соб. пр. 13). Высшая же власть, дозволяя единовѣрческому епископу входить въ дѣла разныхъ епархій въ отношеніи единовѣрческихъ церквей, поступаетъ вполнѣ канонически. Аврилій, епископъ Карѳагенскій «имѣлъ попеченіе о многихъ Церквахъ (епархіяхъ) и рукоположеніяхъ» (Карѳ. 69 пр.).

Для единовѣрческой епископіи имѣются даже такіе прецеденты, какъ управленіе Крутицкимъ митрополитомъ, жившимъ при Московскомъ первоіерархѣ, христіанами Сарая и другихъ мѣстъ.

Будущій единовѣрческій епископъ съ жительствомъ въ С.-Петербургѣ, на подворьѣ при Никольской единовѣрческой церкви, по мнѣнію единовѣрцевъ, могъ бы быть съ именемъ другого города, хотя бы г. Уральска, откуда имѣется приговоръ, или иного какого, быть подъ покровительствомъ, но независимымъ отъ С.-Петербургскаго митрополита, какъ епархіальнаго Владыки и зависимымъ отъ него, какъ первенствующаго члена Святѣйшаго Синода.

По всей вѣроятности, не по однимъ лишь матеріальнымъ расчетамъ подчинены самому Синоду такъ называемые ставропигіальные монастыри. Единовѣрцы убѣждены, что послѣдніе подчинены высшему духовному начальству потому, что желательно болѣе надежной рукою охранять древнія монастырскія традиціи, духъ благочестія въ знаменитыхъ обителяхъ.—Напрасно говорятъ, что ставропигіальные монастыри, лишь остатокъ патріаршей области, и въ примѣръ единовѣрцамъ не годятся. Исторія свидѣтельствуетъ противное. Кромѣ пяти ставропигій Московской епархіи, есть еще Соловецкій монастырь и Ростовскій Спасо-Яковлевскій монастырь. Послѣднимъ дана ставропигія въ синодальный періодъ (Высоч. утв. докл. Синода 1 марта 1769 г.). Соловецкому монастырю дано ставропигіальное устройство не потому опять, что онъ ежегодно въ теченіе 7—8 мѣсяцевъ рѣшительно разобщенъ отъ міра. Въ этихъ соображеніяхъ его скорѣе нужно подчинить

епархіальному (ближайшему Архангельскому) епископу, чѣмъ дальше находящемуся отъ него Синоду. Между тѣмъ, заимствуя хиротонію, (что не особенно часто случается), отъ ближайшаго мѣстнаго епископа, названный монастырь во всемъ остальномъ (гораздо чаще повторяющемся, чѣмъ хиротонія) подчиненъ непосредственно Высшему Духовному Управленію.

Не безъ причины также говоримъ объ управленіи военныхъ церквей и ихъ приходовъ, объ ино-епархіальныхъ подворіяхъ. То и другое—тоже образцы намъ въ просимомъ нами дѣлѣ.

Если для Протопресвитера возможно сосредоточеніе въ его рукахъ административной власти надъ военными церквами всей Россіи, то тѣмъ болѣе это сосредоточеніе допустимо для епископа, числящагося при Святѣйшемъ Синодѣ. Вся его власть будетъ относиться не къ его лицу, а къ Правительствующему Синоду.—Протопресвитеръ, имѣя широкую административную власть, не лишенъ въ то же время правъ священнодѣйствія. Точно такъ же и просимый единовѣрческій епископъ. Въ извѣстныхъ мѣстахъ онъ будетъ исполнять кромѣ административной дѣятельности и святительскія священнодѣйствія. Онъ не будетъ лишь однимъ администраторомъ. Да это внѣшнее управленіе раньше устроенія славы Божіей и создать нельзя. Какую цѣнность можетъ имѣть та или иная канцелярія предъ Господомъ и въ глазахъ народа, вѣрующаго и живущаго не однимъ хлѣбомъ, а прежде всего духомъ, стремящагося къ славѣ не своей, а Господней? Изъ какого матеріала будетъ создано это желаемое управленіе, когда въ храмѣ не будетъ епископскаго сѣдалища, не слышно будетъ епископскаго слова, когда народъ не въ правѣ будетъ сказать: вотъ епископъ, творящій службу Божію по пріемлемымъ и свято-хранимымъ нами обрядамъ и обычаямъ; вотъ архіерей, благоукрашающій наше служеніе, наши святыя таинства, управляющій не только нашими тѣлесами, но и нашимъ духомъ. Для блага Единовѣрія, для его процвѣтанія, для вдохновенія въ него великой живой силы, потребной для общаго блага правленія и русской земли, для уничтоженія распри среди единаго народа, распри, подтачивающей и внѣшнее и духовное могущество этого народа,—для всего этого потребно прежде всего и главнѣйшимъ образомъ устроить Божій алтарь, привести его въ совершеннѣйшій, свойственный ему видъ.

Не коммисія при Синодѣ изъ протоіереевъ и свѣтскихъ поэтому нужна единовѣрцамъ, какъ рѣшали миссіонеры на Нижегородскихъ совѣщаніяхъ 1905 года, а епископъ при Синодѣ, какъ полномочный устроитель религіозной жизни народа. Совершенно иная картина рисуется при епископальномъ управленіи единовѣрческими приходами разныхъ мѣстъ Россіи. Результаты угадать не трудно: красота церков-

ной жизни со стороны внѣшней, объединеніе единовѣрческаго духовенства въ живой и жизненной церковной работѣ, ближайшее отношеніе единовѣрцевъ къ Владыкѣ—единовѣрческому архипастырю въ случаѣ его пріѣздовъ и т д.

Ино-епархіальныя монастырскія подворья существуютъ въ Петербургѣ, Москвѣ, могутъ быть и въ другихъ городахъ. Хотя мѣстные епископы не касаются управленія этими учрежденіями, но надзоръ за общимъ характеромъ ихъ дѣятельности и особенно за ихъ отношеніями къ обще-церковной жизни принадлежитъ имъ, какъ ихъ естественное, неотъемлемое право. Иноепархіальные епископы, къ епархіямъ которыхъ принадлежатъ обители, имѣющія подворья, обращаются къ этимъ мѣстнымъ епископамъ съ просьбой отнестись съ отеческою любовью къ ихъ обителямъ и представителямъ, призрѣть ихъ своею добротой и способствовать ихъ преуспѣянію. Названныя иноепархіальныя учрежденія не совсѣмъ изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ—Московскаго и Петербургскаго митрополитовъ: они созданы съ ихъ согласія, даннаго по чувству мира и любви.

Со стороны православной Русской Церкви дарованіе ревнителямъ стараго обряда единомысленнаго епископа и нѣкоторое выдѣленіе единовѣрческихъ приходовъ изъ вѣдѣнія мѣстныхъ владыкъ есть тоже дѣло любви. Любовь эта должна быть искренняя и нескудна, чужда мелочной заботы о достоинствѣ, авторитетѣ и «престижѣ» церковной власти, сначала было осудившей старые обряды, а потомъ дающей держателямъ имъ епископа; ибо такая забота обличаетъ лишь недовѣріе къ истинѣ и зиждительной мощи христіанской любви,—ибо нѣтъ другого престижа и авторитета для церкви, кромѣ истины, и другого орудія, кромѣ любви;—ибо только въ истинѣ власть и въ любви только сила. Самъ Господь знаменуетъ ниспосылаемыми нашей землѣ испытаніями время благопотребно для упраздненія нашей братской розни, для возстановленія нашего церковнаго единства. Всѣ жалуются на оскудѣніе духа церковнаго, всѣ толкуютъ о необходимости оживленія его, о подъемѣ. Но все это невозможно, когда столько милліоновъ нашихъ братьевъ, и едва-ли не изъ лучшихъ сыновъ Русскаго народа по благочестію и строгости нравовъ, по крѣпости духа, по вѣрности отеческимъ, народнымъ историческимъ преданіямъ, разъединены. Можетъ быть только немножко любви со стороны церковнаго управленія и совершилось бы великое дѣйствіе любви, великое торжество братскаго возсоединенія.

Объ оказаніи братской любви и ходатайствуютъ единовѣрцы и надѣются, что давнее, столѣтнее чаяніе ихъ будетъ, наконецъ, исполнено, ибо столѣтіе довѣрія, упованія и терпѣнія есть достаточно крѣп-

кій искусъ искренности ихъ непремѣннаго желанія быть въ единеніи съ господствующей русской Церковью.

Великою любовью къ церковному миру и великимъ терпѣніемъ, великою же вѣрою въ неодолѣніе Церкви вратами адовыми должна быть та сила, которая доселѣ сохраняетъ единовѣрцевъ въ русской Церкви, несмотря на столь долгую неопредѣленность ихъ положенія въ ней, на столь долгое несовершеніе основныхъ условій, съ которыми Никодимъ начиналъ свое дѣло. Но такова уже человѣческая психологія: слишкомъ большой подвигъ можетъ, подчасъ, стать разрушительнымъ для человѣческаго духа (см. Лѣствицу, слово 26, отд. 121), и та же сила, сохраняющая единовѣрцевъ въ Церкви, можетъ стать въ наше лукавое время великимъ безразличіемъ и хладнокровіемъ къ церковному дѣлу, хладнокровіемъ его же изблюетъ нѣкогда Господь изъ устъ Своихъ.

Дѣло, однако, не въ одномъ учрежденіи единовѣрческой епископіи Успѣхъ Единовѣрія будетъ зависѣть въ той же мѣрѣ и отъ лица, которое будетъ управлять Единовѣріемъ въ зависимости отъ Синода.

Въ прошеніи С.-Петербургскихъ единовѣрцевъ, а равно и въ присланныхъ приговорахъ въ качествѣ управляющаго единовѣрческими церквами желателенъ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Антоній, епископъ Волынскій и Житомирскій. Если Святѣйшему Синоду не угодно будетъ назначить Волынскаго Владыку единовѣрческимъ архіереемъ, то да будетъ позволено единовѣрцамъ указать другія излюбленныя лица для сей цѣли. Святители: Цицилій и Кипріанъ Карѳагенскіе, Корнелій, Фабіанъ и Левъ Великій римскіе, Григорій Богословъ, Нектарій, Павелъ и Іоаннъ Златоустъ Константинопольскіе, Аѳанасій Александрійскій, Максимъ Іерусалимскій, Мелетій, Евстафій и Флавіанъ Антіохійскіе, Василій великій Кесарійскій, Амвросій Медіоланскій, Августинъ Иппонійскій, Мартинъ Турскій, Евсевій Верчельскій, Синезій Птоломаидскій и многіе, очень многіе другіе были избраны клиромъ и народомъ. Св. Папа Левъ Великій прямо говоритъ: «Никто да не поставляется противъ воли и желанія народа, дабы народъ, претерпѣвъ понужденіе, не возненавидѣлъ и не сталъ презирать нежелаемаго епископа, и не потерялъ должнаго благоговѣнія, какъ скоро ему не позволятъ имѣть епископомъ того, кого онъ желаетъ» («Богосл. Вѣст.» стр. 732, 1905. XI кн.). Тринадцатое правило Лаодикійскаго собора, гласящее: «да не будетъ позволяемо сборищу народа избирати имѣющихъ произвестися во священство», говоритъ о сборищахъ народа, а не о собраніи. Возбраняемое для сборищъ, не возбраняется по канонамъ собранію вѣрующихъ, собранію церковнаго народа. Въ постановленіяхъ апостольскихъ ясно говорится: «во епископа рукополагать того, кто безпороченъ во всемъ, избранъ всѣмъ народомъ, какъ наилучшій» (VIII, 6).

Право дальнѣйшаго ходатайствованія, согласно смысла высланныхъ приговоровъ, мы можемъ передовѣрить другимъ лицамъ. Такимъ лицомъ мы избираемъ священника Никольской единовѣрческой церкви г. С.-Петербурга Семена Шлеева. Послѣдній, сверхъ довѣренности отъ насъ, имѣетъ довѣренность и отъ Макарьевскаго купца Нижегородской губерніи Александра Сергѣева, отъ котораго прилагается здѣсь нѣсколько приговоровъ.

Кромѣ прошенія С.-Петербургскихъ 1—4 церквей, прилагаются приговоры: (слѣдуютъ названія епархій, городовъ, селъ, откуда поступили приговоры, а также подписи вышеназванныхъ единовѣрческихъ старостъ г. С.-Петербурга) [66]).

Въ прошеніи, какъ видимъ, единовѣрцы очень подробно останавливаются на опроверженіи брошенной г. Сенатовымъ мысли, будто бы единовѣрцы своимъ ходатайствомъ о выдѣленіи ихъ приходовъ изъ вѣдѣнія епархіальныхъ владыкъ вносятъ раздѣленіе, вражду въ Церковь, обнаруживаютъ чрезъ это крайнее презрѣніе къ Православію и т. п.

Въ прошеніи единовѣрцы указываютъ, что просимый епископъ не будетъ стѣной между православными и единовѣрцами. Наоборотъ, самымъ фактомъ своего появленія послѣдній уничтожитъ причины взаимнаго непониманія православныхъ и единовѣрцевъ. При наличности завѣдующаго единовѣрческими приходами не устраняются епархіальные владыки, какъ говорилъ г. Сенатовъ. Безъ содѣйствія и согласія послѣднихъ онъ физически и нравственно не способенъ разрѣшать тѣ или другіе вопросы изъ жизни Церкви. Единовѣрческій епископъ—это попечитель, руководитель единовѣрцевъ, устроитель ихъ жизни и толкователь всѣхъ особенностей Единовѣрія, дѣйствующій по порученію Высшей Духовной власти. Замѣнить его въ этомъ случаѣ не могутъ—ни викаріи по своей зависимости отъ епархіальныхъ архіереевъ и ограниченности ихъ власти чрезъ предѣлы епархіи, ни комиссія при Синодѣ изъ протоіереевъ, проектированная оо. миссіонерами. Единовѣрцы очень рельефно изображаютъ отношеніе просимаго ими епископа къ епархіальнымъ православнымъ. Они ссылаются на экстерриторіальность нынѣшнихъ единовѣрческихъ приходовъ. Приводятъ, далѣе, каноны Церкви, дозволяющіе Высшей Духовной власти въ иныхъ случаяхъ чрезъ особыхъ лицъ самой входить въ управленіе дѣлами нѣкоторыхъ епархій помимо тамошнихъ епископовъ и т. д.

Приведеннымъ содержаніемъ своего прошенія единовѣрцы, такимъ образомъ, показывали, что они несутъ не пукъ соломы, какъ говорилъ Сенатовъ [67]), а вѣтвь мира, что они одушевлены самыми благими намѣреніями уничтожить честно и прямо существующее недовѣріе между православными и единовѣрцами. Столѣтнее довѣріе къ руководитель-

ству Русской Церкви есть достаточный искусъ искренности ихъ непремѣннаго желанія быть въ единеніи съ Церковью. Созданіе единовѣрческаго епископа не есть насильственное вторженіе въ чуждую область, не есть презрительное отношеніе къ кому-то, а проявленіе любви православныхъ епископовъ къ единовѣрцамъ. Любовь эта должна быть истинная и нескудная.

Прежде, чѣмъ подать вышеприведенное прошеніе Святѣйшему Правительствующему Синоду, единовѣрцы г. С.-Петербурга къ Первенствующему Члену Синода пишутъ просьбу такого рода:

«Въ Декабрѣ текущаго года, если Господь благословитъ, единовѣрцы разныхъ мѣстъ Россіи имѣютъ обратиться въ Святѣйшій Синодъ съ усерднѣйшей просьбой о дарованіи Единовѣрію единомышленнаго и по обряду Епископа.

Единовѣрцы имѣютъ особые, утвержденные Государемъ Павломъ I церковно-приходскіе порядки. По нимъ Епископъ имѣетъ долгъ лично править единовѣрцами безъ всякаго посредства духовныхъ Консисторій и долгъ руководствоваться при семъ соборными и свято-отеческими установленіями. Сіи, свято оберегаемыя единовѣрцами права являются, однако, для епархіальныхъ (православныхъ) Архіереевъ нерѣдко тяжелымъ бременемъ по существенно иному свойству управленія единовѣрцами, чѣмъ всѣми православными. Благодаря сему обстоятельству православные Архіереи не имѣютъ никакой возможности быть для единовѣрцевъ таковыми Архіереями, каковыми они должны бы быть, и наша жизнь является неустроенной, неупорядоченной и все болѣе и болѣе приходящей въ разстройство.

Единовѣрцы имѣютъ право выбора священно-церковно-служителей и всѣ преимущества, онымъ правамъ присвоенныя, какъ-то: право установленія числа членовъ причтовъ при храмахъ, право участія въ епископскомъ судѣ надъ духовнымъ лицомъ и всѣ иныя права и обязанности, правовой самоуправляющейся монастырской общинѣ свойственныя. Права эти нерушимы, ибо въ нихъ залоги благопоспѣшности и процвѣтанія Церкви Божіей. Они согласны съ недавнимъ царскимъ законоположеніемъ о вѣроисповѣданіяхъ и съ древними церковными установленіями. Для высшаго и полномочнаго охраненія сихъ правъ и для управленія единовѣрцами согласно духу этихъ правъ, Епископы, правящіе нами имѣютъ долгъ и необходимость жить нашею церковною жизнью, ибо иначе мы постоянно подвергаемся опасности явиться въ глазахъ Епископа постороннимъ, чуждымъ ему и даже незаконнымъ сообществомъ. Пусть живетъ нашею церковно-бытовою жизнью хоть одинъ Епископъ.

Единовѣрцы имѣютъ особые обряды и обычаи въ церковной и бытовой жизни. Несмотря на попустительство нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ, гонящихъ изъ-за корыстной цѣли и въ угоду нѣкоторыхъ посѣтителей нашего храма добрую отеческую старину, мы желаемъ строго и неопустительно слѣдить, чтобы наша общественная молитва была общественной, а не частной. Келья устава не имѣетъ. Церковное же собраніе имѣетъ уставъ, за коимъ должны слѣдить наши начальники. По уставу извѣстныя лишь мѣста Богослуженія сопровождаются поклонами и то общими Большая же часть Богослуженія, особенно чтеніе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ писаній,— Псалтыря, Апостола и Евангелія,—свободны отъ поклоновъ. Такого рода уставомъ Святые отцы учатъ насъ такъ называемой умной молитвѣ, уже не сопровождающейся внѣшними движеніями. Нарушающій уставъ о поклонахъ, ясно изложенный въ богослужебныхъ книгахъ, и тѣмъ творящій безчиніе въ Церкви, по 9 правилу святыхъ Апостолъ, достоинъ отлученія.

Мы твердо стоимъ за то, чтобы Церковь выдѣлялась изъ прочихъ общественныхъ собраній. Женщины во время божественной Литургіи должны молчать, а о ученіи дома спрашивать (VI Вселенск. Соб. пр., 70). Всякая жена, молящаяся съ открытой головой, напримѣръ въ шляпкѣ, изъ-подъ которой видны ея волосы, постыжаетъ свою голову. Жена должна имѣть на своей головѣ покрывало въ знакъ власти надъ ней мужа. Апостолъ прямо называетъ неприличнымъ. если жена молится съ непокрытой головой (Кор XI гл. ст. 5, 10, 13).

Несомнѣнно, всѣ эти, указанные для примѣра, обычаи, а равно другіе, неуказанные за множествомъ ихъ, были въ древнія времена дорогимъ нерушимымъ достояніемъ всего русскаго народа. Одинъ Архипастырь сказалъ: «добрый русскій человѣкъ! храни завѣты старины и не забывай мудраго изреченія, что той землѣ не устоять, гдѣ начнутъ уставы ломать». А между тѣмъ, несмотря на это изреченіе и даже на слова святыхъ апостолъ: «Блюдите убо, да не како власть ваша сія преткновеніемъ будетъ немощнымъ» (I Кор. VIII, 9), наши пастыри, одни по невѣденію, другіе сознательно, дѣлаютъ въ отношеніи обрядовъ и обычаевъ совсѣмъ наоборотъ. Для нихъ они:—то внѣшность, то мелочность, то ничтожность, а то трудность, или даже нѣчто противное. Тогда какъ для ревнителя единовѣрца они—обряды—дѣло важное, милое, дорогое.

Для вашего сохраненія и законнаго исполненія единовѣрческихъ обрядовъ, обычаевъ, правящіе нами Епископы должны быть высшими исполнителями и полномочными хранителями всѣхъ сихъ обрядовъ и обычаевъ. Такого значенія епархіальные (православные) Архіереи по самому существу дѣла имѣть не могутъ; отчего среди насъ и проис-

ходятъ немалыя смущенія и нестроенія. Безъ поддержки единомысленнаго въ обрядѣ Епископа наши священники не въ силахъ охранить староотечественный церковный бытъ. Желающіе поддерживать встрѣчаютъ противодѣйствіе какъ среди собратій священниковъ,—часто только по имени единовѣрческихъ,—такъ и среди нѣкоторыхъ посѣтителей храма,—имѣющихъ подчасъ лишь случайное отношеніе къ Единовѣрію: или рядомъ къ нашему храму живутъ, или духовныя дѣти одного изъ нашихъ батюшекъ, посѣщающія единовѣрческій храмъ одинъ разъ въ годъ.

Единовѣрческій Епископъ,—мы вѣруемъ и надѣемся,—явится пособникомъ, поспѣшникомъ къ благоустроенію нашей духовной жизни, и, въ судьбахъ Божіихъ, послужитъ къ умиротворенію современной церковной вражды.

Покорнѣйше просимъ Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ и отъ имени Святѣйшаго Синода предъ Государемъ Императоромъ объ учрежденіи Единовѣрческаго Епископа.

Единовѣрческій Епископъ послужитъ къ укрѣпленію истиннаго, а не внѣшняго лишь единства вѣры и союза любви между единовѣрцами и православными.

Избранный нами и прочими единовѣрцами уполномоченный на ходатайство представитъ возможныя соображенія, какъ установить между единовѣрческимъ и православными епископами ихъ взаимоотношенія.»

Приведенное прошеніе еще разъ убѣждаетъ насъ, что единовѣрцы не стремились къ приписываемому имъ г. Сенатовымъ отдѣленію отъ Русской Церкви, отъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Въ данномъ прошеніи они словами самого же Сенатова [68]) лишь рисовали невозможность для епархіальныхъ владыкъ быть такими владыками, какими они должны бы быть для единовѣрцевъ. Единовѣрцы просили въ помощь послѣднимъ назначить особаго при Синодѣ единовѣрческаго епископа, который бы устроялъ, охранялъ, руководилъ-бы жизнью Единовѣрія. И только. Рѣчи про какое-либо раздѣленіе не было и въ этой просьбѣ.

Не было ея и въ дальнѣйшихъ прошеніяхъ, которыя подавали къ прочимъ членамъ Синода, г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, г Предсѣдателю Совѣта Министровъ. Тѣмъ и другимъ депутація единовѣрческихъ уполномоченныхъ не разъ представлялась и просила ихъ немедленно, еще до собора подчинить всѣ единовѣрческіе приходы единомысленному съ нимъ и въ обрядахъ епископу. Уполномоченные говорили и писали, что по епархіямъ дать единовѣрческихъ архіе-

реевъ, хотя бы въ видѣ викарныхъ епископовъ, невозможно. Единовѣрцы существуютъ почти во всѣхъ епархіяхъ Русской Церкви. Потомъ викарный одной епархіи не можетъ вѣдать дѣлами Единовѣрія другой епархіи и т. д.

Противники единовѣрческаго епископства представляли послѣднее какой-то стѣной, которая встанетъ между Единовѣріемъ и Православіемъ. Просители, насколько умѣли, разсѣяли этотъ страхъ и въ этихъ просьбахъ. Они указывали, что у будущаго единовѣрческаго епископа будутъ постоянныя точки соприкосновенія съ великороссійскими православными архіереями, что будущій архіерей не въ силахъ разрѣшать разные вопросы безъ согласія и безъ содѣйствія мѣстныхъ преосвященныхъ [69]).

Единовѣрцы нашего времени въ своихъ ходатайствахъ стараются остаться безупречными въ каноническомъ отношеніи [70]). Объ епископѣ единовѣрцы просили въ лицѣ инока Никодима въ царствованіе Государыни Екатерины II-й. Объ единовѣрческомъ епископѣ было прошено и въ царствованіе Императора Александра I. Благословенный въ 1824 году обѣщалъ исполнить просьбу, но смерть его и слѣдующее царствованіе далеко отодвинули это дѣло. Были ходатайства объ этомъ предметѣ въ царствованіе Государей Александра II-го и Александра III-го. Въ прежнихъ прошеніяхъ, за исключеніемъ 1824 года, единовѣрцы просили или самостоятельную отъ Синода іерархію (1864 г.), или же викарныхъ безполезныхъ для Единовѣрія епископовъ (1890 г.), или хорепископа (въ 1783 г.), упраздненнаго соборами. Въ настоящее время, православные старообрядцы просятъ возможнаго съ *канонической* точки зрѣнія, просили руководителя для Единовѣрія, просили управителя ему, просили сосредоточить управленіе единовѣрческими приходами при Синодѣ. Военное духовенство хиротонисуется отъ епархіальныхъ епископовъ, но управляется по особымъ соображеніямъ однимъ лицомъ. Соображенія не меньшей важности заставляютъ просить однообразнаго, исходящаго отъ одного лица, управленія и для Единовѣрія.

Отклики на единовѣрческое ходатайство объ епископѣ.

Современное ходатайство единовѣрцевъ объ епископѣ вызвало разное отношеніе къ себѣ со стороны представителей Православія. Одни изъ нихъ (Предсоборное Присутствіе) восприняли его въ освѣщеніи самихъ единовѣрцевъ, другіе же (Кіевскій Миссіонерскій съѣздъ) посмотрѣли на него чрезъ призму прежнихъ единовѣрческихъ просьбъ о епископѣ, подъ угломъ зрѣнія миссіонерской литературы по данному вопросу. Благодаря этому, первые отнеслись гораздо благопріятнѣе, чѣмъ вторые.

Единовѣрческое прошеніе объ епископѣ съ приложеніемъ 120 приговоровъ поступило въ Святѣйшій Синодъ въ декабрѣ 1905 года. Въ мартѣ 1906 года открылись засѣданія Предсоборнаго Присутствія. VI отдѣлъ послѣдняго, по предложенію г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, долженъ былъ высказать свое сужденіе по названному ходатайству. Отдѣлъ имѣлъ нѣсколько засѣданій по этому вопросу. Для полноты дѣла обсуждались оба проекта—Петербургскій и Московскій и послѣ многихъ разсужденій члены отдѣла пришли къ соглашенію въ томъ, что 1) неутомимое желаніе единовѣрцевъ имѣть своего епископа выражается въ многочисленныхъ прошеніяхъ ихъ общинъ въ продолженіи уже многихъ десятковъ лѣтъ, а въ послѣднее время охватило всю единовѣрческую Русь и собрало въ Святѣйшемъ Синодѣ болѣе *) 120 приходскихъ о томъ приговоровъ. Единовѣрцы часто тяготятся своими отношеніями къ епархіальной власти, лишенной возможности удѣлять имъ настолько вниманія, чтобы безъ помощи консисторіи (какъ указано въ «правилахъ» ихъ) вѣдать ихъ приходскія дѣла и служить по ихъ чину, а австрійская іерархія, опираясь на законъ о вѣротерпимости, настойчиво и не безуспѣшно заманиваетъ ихъ въ свои сѣти (особенно въ Черниговской губерніи). 2) Хотя принято думать, что по Номоканону невозможно раздвоеніе церквей (храмовъ) и паствы между двумя епископами, но изъ правилъ 79, 112, 132 и 131 Карѳ. Собора видно, что новообращаемымъ къ церкви (б. Донатистамъ) разрѣшается составлять со своимъ новообращеннымъ епископомъ (вѣроятно, временно) особую общину. 3) Существованіе ставропигій, подворій однихъ епископовъ и монастырей въ епархіи другого и духовенства военнаго и придворнаго, не подчиненнаго мѣстнымъ архіереямъ—все это представляетъ собой уже допущенное и

---

*) Разумѣются кромѣ 120 приговоровъ еще Московское прошеніе и прошеніе одного изъ единовѣрческихъ приходовъ г. Казани.

авторизованное распредѣленіе пасомыхъ между двумя архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ. 4) До настоящаго времени епархіальный архіерей былъ высшій въ Россійской Церкви единоличный пастырь (такъ какъ Святѣйшій Синодъ есть собраніе, а не личность), а потому существованіе епархіальныхъ архіереевъ-единовѣрцевъ представляло бы собой общеніе ихъ съ великороссійскими епархіями, не возглавленными отъ высшаго общаго пастыря, и нарушало бы мысль о единствѣ обоихъ богослужебныхъ чиновъ въ единой Церкви. Въ настоящее же время, если осуществится каноническая идея о митрополичьихъ округахъ, то подобное затрудненіе устранится само собой. 5) Епископы викарные, какъ невѣдомые русской старинѣ, какъ званіе, заимствованное у католиковъ, не удовлетворяютъ единовѣрцевъ, а главное не устраняетъ чрезпредѣльное полномочіе каждаго изъ нихъ въ томъ смыслѣ, что его полномочія не будутъ совпадать съ предѣлами епархіи, а охватывать нѣсколько епархій и тѣмъ усложнять управленіе единовѣрческими приходами до чрезвычайностей [71]).

Придя въ пяти приведенныхъ пунктахъ своихъ сужденій къ соглашенію, шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія по вопросу объ единовѣрческомъ епископѣ вынесъ такое постановленіе. «Посему постановили (читаемъ, далѣе, въ занимающемъ насъ протоколѣ): 1) если осуществится мысль объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ, ходатайствовать объ учрежденіи въ каждомъ будущемъ митрополичьемъ округѣ по одному единовѣрческому епископу, наименовавъ его епархію именемъ того или другого единовѣрческаго мѣстечка и села и подчинивъ его архипастырскому управленію всѣ единовѣрческіе приходы митрополіи на началахъ ставропигій или подворій съ тѣмъ, чтобы мѣстные великороссійскіе епископы не лишены были права слѣдить за поведеніемъ клира и мірянъ и сноситься о семъ съ единовѣрческимъ епископомъ; а по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, давали собственныя распоряженія; 2) подчинивъ единовѣрческихъ епископовъ митрополитамъ и митрополичьимъ соборамъ на ряду съ прочими епископами округа, допустить въ первопрестольномъ градѣ съѣзды россійскихъ единовѣрческихъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ русскаго первосвятителя или другого іерарха (единовѣрческаго или великороссійскаго), по его указанію» [72]).

Шестой отдѣлъ отнесся къ мысли о единовѣрческомъ епископѣ *предупредительно*. Онъ стремился обнять своимъ авторитетнымъ словомъ не только современное ходатайство единовѣрцевъ, но и прежнія ихъ чаянія (съѣзды епископовъ), не только просьбы единовѣрцевъ, но и заявленія лицъ, лишь прикосновенныхъ къ Единовѣрію.

Кромѣ разсмотрѣннаго нами протокола, по вопросу о единовѣрческомъ епископѣ отъ шестого отдѣла остался еще протоколъ. Отдѣлъ

имѣлъ сужденіе объ учрежденіи единовѣрческаго *епископа* въ г. Уральскѣ О проектѣ, поданномъ синодальнымъ миссіонеромъ о. Крючковымъ и Самарскимъ миссіонеромъ о. Александровымъ, отдѣлъ вынесъ постановленіе такого рода: «Уральская область одна изъ наиболѣе населенныхъ старообрядцами и единовѣрцами областей Россіи. Посему она нуждается въ особомъ духовномъ религіозномъ попеченіи и охраненіи. Эти попеченія и охраненія не могутъ быть совершаемы изъ Оренбурга по крайней его отдаленности и отсутствія добрыхъ путей. До преосвященнаго Владиміра, нынѣ Екатеринбургскаго, Уральскаго не видали православнаго епископа около 20 лѣтъ. Необходимо ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ Уральскѣ особой епископской каѳедры, которая въ цѣляхъ миссіонерскихъ должна быть единовѣрческою» [73]).

Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія предварительно излагаетъ мотивы, побуждающіе рѣшать единовѣрческое ходатайство въ положительномъ смыслѣ. Сначала отдѣлъ говоритъ о тѣхъ причинахъ и обстоятельствахъ, кои заставили единовѣрцевъ ходатайствовать объ епископѣ. Это съ одной стороны—невниманіе къ Единовѣрію епархіальной власти, а съ другой, боевое отношеніе къ Единовѣрію «австрійщины». Отдѣлъ понялъ то положеніе, какое рисовали въ своемъ ходатайствѣ просители. Онъ горькими слезами оросилъ картину, выставленную братьями-единовѣрцами. Какъ тепличное растеніе, изобразили просители свое Единовѣріе. Оно даже не живетъ, а прозябаетъ, занимая какое-то срединное положеніе между Православной Церковью и русскимъ расколомъ. Поистинѣ оно тотъ жалкій мосточекъ, какимъ его охарактеризовали, да и тотъ мосточекъ пришелъ въ ветхость и Единовѣріе наканунѣ своего разложенія. Не оправдало оно того, что ожидала отъ него Церковь, да и самихъ соединенцевъ не удовлетворило. Основанное не на христіанской любви къ заблужденному, а на канцелярскихъ пунктахъ, оно живетъ временно-условнымъ бытіемъ. Единовѣріе въ большинствѣ случаевъ лишняя обуза для епархіальной власти, коимъ тяготятся и лишь терпятъ; расколъ-же видя всю его ненормальность положенія, чуждается, сторонится и предпочитаетъ ему австрійщину. Жизнь единовѣрцевъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи зависитъ отъ того взгляда, какимъ проникнутъ Архипастырь области. Въ одномъ мѣстѣ Единовѣріе живетъ по Платоновскимъ пунктамъ, въ другомъ общеепархіальной жизнью; тамъ на него рукой махнули, предоставивъ самому себѣ, да всего и не перечесть, что перенесло Единовѣріе и пережило за свои сто лѣтъ, оно извѣстно каждому единовѣрцу. Приходы мельчаютъ и влачатъ жалкое свое существованіе,

сдѣлавшись въ тягость и себѣ и начальству. Австрійщина же подъ шумокъ такой неурядицы ловитъ въ свои сѣти однихъ изъ лучшихъ людей, искавшихъ выхода изъ безпоповщины и бѣглопоповщины и за пятидесятилѣтній срокъ выросла въ цѣлую милліонную общину, съ которой приходится теперь считаться Церкви и Государству и все это за счетъ того же Единовѣрія, кстороому не довѣряютъ и котораго боятся, обвиняя въ какомъ-то выдѣленіи въ самостоятельную Церковь.

И вотъ, увидя такую картину, VI отд. Предсоборнаго Присутствія поднимаетъ голосъ о возможности удовлетворить вѣковое чаяніе единовѣрцевъ, говоритъ о законности ихъ требованія; онъ старается вырѣшить единовѣрческую просьбу въ благопріятномъ смыслѣ. Понявъ чувства единовѣрцевъ, взвѣсивъ ихъ тугу сердечную, шестой отдѣлъ принимаетъ отъ нихъ и ихъ «*каноническія*» основанія.

Въ *каноническомъ* обоснованіи единовѣрческаго ходатайства VI отд. Предсоборнаго Присутствія идетъ даже дальше самихъ единовѣрцевъ. Онъ указываетъ на тѣ правила, о коихъ не упоминаютъ сами ходатаи.

Во второмъ пунктѣ своего соглашенія VI отдѣлъ запситъ: «правда, принято думать, что по Номоканону невозможно раздвоеніе церквей (храмовъ) и паствы между двумя епископами, но изъ правилъ 79, 112, 132 и 131 Карѳ. собора видно, что новообращаемымъ къ Церкви (б. Донатистамъ) разрѣшается составлять со своимъ новообращеннымъ епископомъ особую общину» [74]). Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія кромѣ 69 правила *) Карѳ. Соб., указаннаго просителями, приводитъ изъ этого собора и другія правила. Изъ 69 правила Карѳагенск. собора замѣтно, что новообращеннымъ къ Церкви Донатистамъ разрѣшалось имѣть своихъ епископовъ, обратившихся къ Церкви отъ раскола, (разрѣшалось соборомъ «оставлять ихъ въ епископствѣ съ ихъ правами и честью, какими они пользовались, будучи въ расколѣ), т. е. разрѣшалось составлять съ своимъ новообращеннымъ епископомъ особую общину—при условіи—«аще сіе окажется содѣйствующимъ къ миру христіанъ» (79 пр.). Что единовѣрцамъ возможно имѣть своихъ епископовъ, ибо эта мѣра безусловно «содѣйствующая къ миру христіанъ», т. е. къ возсоединенію многихъ старообрядцевъ съ Православною Церковью,—это еще яснѣе обосновывалось VI отдѣломъ чрезъ 112 пр. того же собора: «народъ, обращающійся отъ Донатистовъ, имѣющій Епископа, поставленнаго безъ соизволенія собора, да будетъ несомнѣнно удостоенъ имѣть онаго. На-

*) По книгѣ правилъ оно 79 и.

роду, имѣвшему епископа и по смерти его не восхотѣвшему имѣть своего епископа, но желающему по приличію присоединиться къ епархіи иного котораго либо епископа, не должно въ семъ отказывать». По смыслу этого правила, народу, въ расколѣ съ Церковью имѣвшему своихъ епископовъ, разрѣшается, и по присоединеніи къ Православной Церкви, оставаться съ своими епископами, т. е. имѣть своихъ особыхъ архіереевъ. Такимъ образомъ—въ одной, повидимому, епархіи, въ одномъ городѣ допускаются два православныхъ епископа. По правилу этому разрѣшается не только оставаться со своимъ поставленнымъ еще въ расколѣ епископомъ и присоединившимся съ паствой къ Православной Церкви, но, по смерти этого епископа, разрѣшается и потомъ имѣть снова своего, т. е. разрѣшается положеніе, подобное нашему Единовѣрію—со своимъ епископомъ при другомъ православномъ епископѣ въ тѣхъ же городахъ, въ той же области (см. еще 131 и 132 пр. того же собора по «книгѣ правилъ») *).

Въ видахъ большаго обоснованія своей просьбы единовѣрцы ссылались не только на каноны древней Церкви, но и на допущенное распредѣленіе пасомыхъ между двумя въ Русской Церкви архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такого порядка въ аргументаціи своего постановленія держится и VI отдѣлъ. Зная, что противники единовѣрческаго епископата первымъ дѣломъ указываютъ на правила, по силѣ коихъ въ одной епархіи не можетъ быть двухъ самостоятельныхъ епископовъ (16 Двукр. Соб., 8 III Вс. Соб., 9-е Антіохійскаго соб. и пр.), шестой отдѣлъ обращаетъ на эти правила сугубое вниманіе. Онъ не только приводитъ правила, дозволяющія раздвоеніе церквей (храмовъ) и паствы въ одномъ мѣстѣ между двумя епископами. Онъ стремится отыскать въ единовѣрческомъ епископатѣ сходство съ нѣкоторыми утвердившимися обычаями по церковному управленію, зная, что обычай той или другой страны имѣетъ часто значеніе того же правила (I Вс. 7). VI отдѣлъ говоритъ про существованіе ставропигій, подворій однихъ епископовъ и монастырей въ епархіи другого и ду-

*) Такое врученіе власти единовѣрческому епископу вполнѣ отвѣчаетъ требованію церковныхъ каноновъ, которые осуждаютъ лишь *самовольное вторженіе* епископа въ предѣлы чужой епархіи. Ссылаясь на 14 Ап. правило, Зонара въ толкованіи ко 2 пр. втораго всел. Собора разъясняетъ выраженіе: «За предѣлами своея области» и говоритъ: «Епископъ не можетъ совершать никакого іерархическаго распоряженія *непризванный, но можетъ, если будетъ призванъ и получитъ на это порученіе отъ многихъ епископовъ*» (Полн. Корм., вып. 2. стр. 92): поэтому то пр. Ѳеодоръ Студитъ и писалъ: «кто самовольно по властолюбію беретъ пастырскій жезлъ, тотъ ненавистенъ и противенъ Богу, не спасаетъ другихъ и самъ не спасется; *а кто, бывъ призванъ, приметъ настоятельство изъ повиновенія Богу, тотъ будетъ другомъ Божіимъ, можетъ спасти другихъ и самъ спастись*». (Твор. его ч. 2, стр. 355).

ховенства военнаго и придворнаго, не подчиненныхъ мѣстнымъ архіереямъ. Указываетъ на все это, какъ на допущенное уже и авторизованное распредѣленіе пасомыхъ между двумя архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ [75]). Противники петербургскаго проекта, правда, ссылись на то, что ставропигіальные монастыри—остатокъ патріаршей области и въ примѣръ единовѣрцамъ не годятся. Но кромѣ ставропигій, учрежденныхъ при патріархахъ, VI отд. Предсоборнаго Присутствія могъ имѣть въ виду ставропигіи за синодальный періодъ (Соловецкій и Ростовскій Спасо-Яковлевскій монастыри). Далѣе, если для протопресвитеровъ придворнаго и военнаго возможно сосредоточеніе въ ихъ рукахъ административной власти надъ придворными и военными церквами всей Россіи, то почему это недопустимо для единовѣрческихъ епископовъ. Шестой отдѣлъ мыслитъ это вполнѣ возможнымъ. Тѣмъ болѣе, онъ полагалъ подчинить единовѣрческихъ епархіальныхъ епископовъ на ряду съ великороссійскими митрополиту данной области. Слѣдовательно, власть ихъ надъ единовѣрческими общинами митрополичьяго округа относилась бы не къ ихъ лицу, а къ митрополиту извѣстнаго округа и его собору.

Отношеніе Предсоборнаго Присутствія, его Отдѣла къ единовѣрческому ходатайству объ единомышленномъ и въ обрядѣ епископѣ, какъ видимъ, весьма благопріятное. Правда, Шестой Отдѣлъ нѣсколько измѣняетъ содержанію единовѣрческаго прошенія. Единовѣрцы просили одного епископа при Святѣйшемъ Синодѣ, а Отдѣлъ говоритъ объ епископахъ при митрополичьихъ округахъ. Но это онъ дѣлаетъ съ цѣлью облегчить исполненіе единовѣрческаго ходатайства. Въ это время всѣ были увѣрены въ учрежденіи митрополичьихъ округовъ и Шестой Отдѣлъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ связать единовѣрческое прошеніе съ этимъ проектомъ. При осуществленіи послѣдняго ему представлялось весьма легкимъ дарованіе единовѣрцамъ единомысленнаго епископства. Зная впередъ, что мысль объ Митрополичьихъ округахъ съ теченіемъ времени будетъ ослаблена, Отдѣлъ, во всякомъ разѣ, не поставилъ бы тогда единовѣрческое ходатайство въ тѣсную связь съ округами и постарался бы рѣшить вопросъ объ единовѣрческомъ епископѣ самостоятельно. Но этого предвѣдѣнія у Отдѣла не было, а потому онъ допустилъ то отступленіе, которое единовѣрцамъ врядъ-ли скоро удастся поправить. Кромѣ этого отступленія, онъ допустилъ и одно поспѣшное добавленіе. Въ концѣ своего постановленія Отдѣлъ говоритъ о съѣздахъ единовѣрческихъ епископовъ. Добавленіе, какъ оказалось впослѣдствіи, очень повредило дѣлу. Преждевременный разговоръ о съѣздахъ испугалъ нѣкоторыхъ представите-

лей Православія. Они забили тревогу, увидавъ въ единовѣрческомъ ходатайствѣ посягательство на цѣлость самого Православія [76]).

Вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ вызвалъ горячіе споры въ православномъ обществѣ. Первымъ высказался извѣстный расколовѣдъ, профессоръ Казанской Духовной Академіи Н. И. Ивановскій. Правда, онъ писалъ по поводу книжки протоіерея И. Легатова, но сужденія его имѣли въ виду постановленіе VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія. Брошюра о. Легатова озаглавливается: «О современныхъ нуждахъ Единовѣрія и о мѣрахъ для сближенія старообрядцевъ съ Православною Церковью» [67]). Она состоитъ изъ семи статей. Въ первой о. протоіерей говорилъ о предубѣжденіяхъ, существующихъ противъ Единовѣрія въ средѣ православныхъ вообще и среди «батюшекъ» въ частности. Во второй статьѣ почтенный авторъ разсуждаетъ о равночестности стараго обряда съ новымъ. Въ третьей—говоритъ о любви старообрядцевъ и единовѣрцевъ къ формамъ своего богослужебнаго строя и объ ихъ нравственныхъ преимуществахъ предъ православными. Здѣсь о. протоіерей дѣлаетъ переходъ къ единовѣрческому архіерею. Въ немъ онъ видитъ могучее средство для сближенія раскола съ Церковью. Съ этого пункта о. Легатовъ привлекаетъ особенное вниманіе своего рецензента—профессора.

Послѣдній не раздѣляетъ надеждъ автора на единовѣрческаго епископа, какъ примирителя. Онъ называетъ ихъ просто иллюзіями. «О. протоіерей, замѣчаетъ профессоръ, заговариваетъ о сближеніи раскольничествующихъ старообрядцевъ и Православной Церкви между собой. Но какъ это произойдетъ, и кто съ кѣмъ будетъ сближаться: старообрядчествующіе ли епископы, уже 60 лѣтъ существующіе,—съ единовѣрческими или послѣдніе съ первыми, или наоборотъ (какъ бы слѣдовало) съ православными, и будутъ ли послѣдніе сближаться даже съ австрійскими чрезъ единовѣрческихъ,—все темно во образцѣхъ и, какъ говорится, это еще бабушка на двое сказала [68]). Вмѣсто изложенія благихъ чаяній профессоръ ждетъ отъ автора *опредѣленія* отношеній единовѣрческаго епископа къ священноначалію Православной Церкви. Поступаетъ съ нимъ въ точь-точь, какъ съ пишущимъ эти строки въ г. Н.-Новгородѣ 12 августа 1905 года.

Какъ тогда, такъ и сейчасъ онъ весьма неравнодушенъ къ картинѣ, какая рисуется въ Единовѣріи съ появленіемъ тамъ епископа. Его нисколько не трогаетъ ни древнее архіерейское богослуженіе съ его уставностью и благолѣпною красотою, ни миссіонерское значеніе единовѣрческаго епископа. Онъ забываетъ самихъ единовѣрцевъ. Если въ будущемъ единовѣрческомъ епископѣ профессоръ не хочетъ видѣть

объединителя старообрядчества, примирителя его съ Церковью, то охранителя строя единовѣрческой жизни все же могъ бы видѣть въ немъ! По крайней мѣрѣ, онъ обязанъ признать право единовѣрцевъ устраивать этотъ строй, сохранять свой бытъ съ помощью этого епископа. Полупрезрительное отношеніе къ этимъ чаяніямъ, во всякомъ разѣ, не рекомендуетъ самого профессора.

Въ противовѣсъ тѣмъ чаяніямъ, какія раздѣляетъ о. Легатовъ, Н. И. Ивановскій раскрываетъ картины ходатайства о дарованіи единовѣрцамъ особаго епископа. Сначала де рѣчь была объ одномъ епископѣ на всю Россію, потомъ единовѣрцы завели рѣчь не объ одномъ архіереѣ, а объ епископатѣ съ митрополитомъ во главѣ и нѣсколькими епископами, заговаривали и объ особыхъ, наконецъ, единовѣрческихъ «соборахъ» и даже прямо объ обособленіи.

Протоіерей Легатовъ изложеніемъ благихъ чаяній стремится расположить въ пользу отъ единовѣрческаго епископа кого слѣдуетъ, а профессоръ Ивановскій перелистованіемъ своихъ картинъ изъ жизни будущаго Единовѣрія единовѣрческимъ епископомъ старается запугать кого нужно. Такъ поняли цѣль его статьи не только единовѣрцы, но и нѣкоторые православные. Тѣ и другіе поспѣшили разсѣять навѣянное профессоромъ облако печали. Журналъ «Правда Православія» старается разобраться въ откликѣ г. Профессора и относитъ его къ числу излишне боязливыхъ.

Имя проф. Ивановскаго пользуется широкою извѣстностью, какъ расколовѣда—спеціалиста, какъ судебнаго эксперта по дѣламъ церковной компетенціи. Какъ спеціалистъ и какъ искушенный продолжительнымъ опытомъ жизни, Н. Ив. Ивановскій долженъ быть выслушиваемъ какъ тотъ, въ комъ хранятся мотивы образа дѣйствій правящей церкви въ ея центральныхъ органахъ и въ мѣстныхъ церковныхъ властяхъ, поскольку мѣстныя власти духовнаго вѣдомства заимствуются наставленіемъ отъ центральнаго [79]). На разсужденія профессора единовѣрцы посмотрѣли какъ на мотивировку точки зрѣнія власть имущихъ, а потому сужденіе его о единовѣрческомъ епископѣ подвергли тщательному разбору, при томъ его же словами.

«Не знаемъ, говоритъ профессоръ, какъ и что будетъ, но думаемъ и опасаемся, что съ появленіемъ самостоятельныхъ единовѣрческихъ епископовъ рѣчь будетъ не объединеніи, а скорѣе всего, пожалуй, о препирательствѣ между единовѣрцами и православными о превосходствѣ «старыхъ и новыхъ» книгъ и обрядовъ» [80]).—Достаточно этихъ немногихъ словъ, отвѣчаетъ профессору единовѣрческій журналъ [81]), чтобы видѣть, что профессоръ Ивановскій исчерпываетъ существо Единовѣрія «препирательствомъ о превосходствѣ книгъ и обрядовъ». Между тѣмъ, старообрядчество переросло страхи проф.

Ивановскаго и вопросъ объ обрядахъ померкъ въ сознаніи представителей той же австрійской церкви, объединенія съ которыми чурается [82]) авторитетнѣйшій авторъ. Въ «Старообрядцѣ» за Іюнь 1906 г. редакторъ, старообрядческій епископъ Иннокентій, въ своемъ примѣчаніи о бѣглопоповщинскомъ съѣздѣ въ г. Вольскѣ пишетъ: старообрядцы бѣглопоповцы спорятъ о томъ, сколько разъ священникъ долженъ читать «Иже Херувимы», безпоповцы помѣшались на антихристѣ, а о томъ не желаютъ видѣть и слышать, какъ бурный потокъ невѣрія съ шумомъ приближается, чтобы смыть съ лица земли всѣ религіи. Христіане. теперь не время мелочныхъ споровъ! Стоитъ только сопоставить, замѣчаетъ единовѣрческій журналъ, [83]) мнимые страхи проф. Ивановскаго и дѣйствительныя тревоги редактора «Старообрядцы», какъ отпадетъ. рухнетъ точка опоры въ запугиваніи проф. Ивановскаго» препирательствомъ между единовѣрцами и православными о превосходствѣ «старыхъ и новыхъ» книгъ и обрядовъ».

Профессоръ Ивановскій, продолжаетъ единовѣрческій журналъ, задавшись во чтобы ни стало запугать единовѣрческимъ епископатомъ, кромѣ теоретической стороны, обращаетъ вниманіе, кто его слушаетъ, на жизненно-практическую. «Вотъ гдѣ опасность наибольшая, говоритъ онъ... съ самой жизненно-практической стороны, отъ которой невозможно закрывать глазъ, выдвигая вопросъ объ *особомъ* единовѣрческомъ епископѣ» [84]). Полемизируя съ о. Легатовымъ, выступившимъ на защиту. единовѣрческаго епископства, проф. Ивановскій урезониваетъ его: «Да хорошо ли даже и это (объединеніе австрійцевъ съ единовѣрцами)? Онъ то, православный священникъ, при чемъ тогда останется? Останется ли тѣмъ, что онъ есть, или примкнетъ къ православно-старообрядческой? Но вѣдь легко случиться можетъ, что та Церковь, которой теперь онъ служитель, отойдетъ уже на второй планъ» [85]). Вотъ то практическое соображеніе, которое, по мнѣнію Н. И. Ивановскаго, должно вразумить православныхъ радѣтелей до единовѣрческаго епископства. Профессоръ самъ противъ единовѣрческаго епископства и другихъ настраиваетъ противъ него во имя того, чтобы остаться на первомъ планѣ, и не сойти на второй планъ, уступивъ мѣсто единовѣрцамъ со старообрядцами. Профессоръ Ивановскій не согласенъ на единовѣрческое епископство даже потому только, чтобы отстоять, сохранить за собою господство. «Ни на минуту не слѣдуетъ, говоритъ онъ въ отзывѣ на 6 тетрадь брошюры о. Легатова, и того забывать, что не мы пришли къ нимъ, а они къ намъ» [86]). Выходитъ, ради предсѣданія правителей надлежитъ самый входъ въ Церковь закрыть всѣмъ отъ иного двора; пусть старообрядчество будетъ въ разрывѣ съ Церковью, лишь бы не допустить ему вмѣстѣ съ Единовѣріемъ образовать опасную для велико-

россійской Церкви часть ея подъ названіемъ православно-старообрядческой.

Профессоръ Н. П. Ивановскій въ своихъ отклпкахъ на единовѣрческое ходатайство объ епископѣ, какъ видимъ, «убоялся страха, идѣже нѣсть страха».

Напрасны его ужасы при разсужденіяхъ и о теоретической и жизненно-практической сторонахъ единовѣрческаго ходатайства. Ихъ нѣтъ. Задачу указать это профессору Ивановскому взяли на себя профессоръ — священникъ М. П. Чельцовъ и священникъ-миссіонеръ Д. Александровъ.

Главное *каноническое* возраженіе противъ единовѣрческаго епископства у профессора Ивановскаго заключалось въ томъ, что «при дарованіи особаго единовѣрческаго епископа того бы не случилось, что, погнавшись за двумя зайцами, ни одного не убьемъ; и единовѣрія къ себѣ не приблизимъ, и раскольничествующихъ не обратимъ?... А между тѣмъ нарушимъ церковные каноны (1 Всел. соб. прав. 8, 3-го соб.—8-е, 4 соб.—12-е и двукрат. 16-е), произведемъ въ церкви замѣшательство» [87]).

Но при тщательномъ, а главное безпристрастномъ разсмотрѣніи приведенныхъ правилъ, оказывается, что въ 16 пр. Двукратнаго собора толкуется лишь о томъ, чтобы «отнюдъ да не поставлялся епископъ къ той церкви, которой предстоятель живъ еще, и пребываетъ въ своемъ достоинствѣ, развѣ аще самъ добровольно отречется отъ епископства», т. е. для завѣдыванія церквами той епархіи, епископъ который живъ еще, не отказался отъ епископіи, или за вины какія-либо не удаленъ, не рукополагать другого епископа. И это понятно: ибо если для завѣдыванія одними и тѣми-же церквами будетъ рукоположенъ, при жизни законно постановленнаго епископа для той епархіи, другой епископъ, то, по выраженію правила, «будутъ въ церкви Божіей распри и смятенія». Наши же единовѣрческіе приходы выдѣляются изъ вѣдѣнія епископа, при чемъ выдѣляются соборной властью, что вполнѣ согласно церковнымъ канонамъ. Слѣдовательно, никакихъ нарушеній церковныхъ каконовъ нѣтъ, нѣтъ и двоевластія, Въ 8 пр. 3 Всел. (Ефесскаго) собора говорится о томъ, чтобы «начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ, и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ Св. Отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершали поставленіе благоговѣйнѣйшихъ Епископовъ, и чтобы епископъ града Антіохіи» въ это дѣло не вмѣшивался и не стѣснялъ свободы Кипрскихъ архіереевъ, и чтобы «никто изъ епископовъ не простиралъ власти *въ иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или*

его предшественниковъ: но аще кто простеръ, и насильственно какую епархію подчинилъ себѣ, да отдастъ иную; да не преступаются правила Св. Отецъ»
II настоящее правило отнюдь не говоритъ противъ возможности дарованія единовѣрцамъ особаго епископа. Послѣдній не «насильственно подчинитъ себѣ епархію», не «самовольно» будетъ вѣдать дѣлами и церквами Единовѣрія, а съ воли, разрѣшенія и благословенія Высшей церковной власти, съ воли и благословенія собора. Профессоръ ссылается еще на 8 прав. I Вселенскаго собора, запрещающее въ одномъ городѣ находиться двумъ епископамъ, но единовѣрцы и не собирались утверждать каѳедру своего епископа тамъ, гдѣ имѣется православный епископъ. Единовѣрческіе епископы, и по словамъ постановленія VI отд. предсоборнаго присутствія, называются именемъ какого-либо единовѣрческаго села, мѣстечка. Что касается 12 прав. IV Вселенскаго собора, то не входя въ сужденія въ отношеніи его по существу, нужно замѣтить, что оно, по словамъ толковника Зонара, не соблюдалось [88]).

Къ сужденіямъ О. Д. Александрова о *каноническихъ* затрудненіяхъ, выдвигаемыхъ профессоромъ Ивановскимъ, должно прислушаться, потому что его голосъ въ этомъ случаѣ есть выраженіе мнѣнія о. о. миссіонеровъ. Въ своей статьѣ: «Къ вопросу—о дарованіи единовѣрцамъ особыхъ епископовъ» о. Александровъ такъ пишетъ: [89]) «По порученію шестого отдѣла Предсоборнаго Присутствія мною—на обсужденіе съѣхавшихся въ Н. Новгородъ въ Августѣ мѣсяцѣ с. г. миссіонеровъ на обычный съѣздъ — предложенъ былъ вопросъ объ единовѣрческомъ епископатѣ, чего такъ усиленно добиваются единовѣрцы и о чемъ они ходатайствовали и ходатайствуютъ нынѣ предъ Святѣйшимъ Синодомъ». Затѣмъ, о. Александровъ говоритъ, какъ отнеслись къ вопросу о епископѣ о. о. миссіонеры. «По довольномъ обсужденіи этого вопроса, пишетъ онъ,—безусловно всѣ миссіонеры высказались въ пользу того, чтобы ходатайство единовѣрцевъ—имѣть своихъ епископовъ, которые вѣдали-бы единовѣріемъ, было, какъ законное и для миссіи безусловно полезное, удовлетворено Св. Синодомъ. При этомъ разсмотрѣны и тѣ возраженія, которыя обычно ставятся противниками, т. е. лицами, которыя идутъ противъ дарованія Св. Синодомъ особаго епископа». Далѣе, о. Александровъ разсматриваетъ правила, о которыхъ мы уже сказали, а потомъ, какъ бы обращаясь къ Н. И. Ивановскому, продолжаетъ: «Возьмите нашихъ нѣкоторыхъ викарныхъ архіереевъ, которые, съ вѣдома и разрѣшенія только епархіальнаго епископа, вѣдаютъ самостоятельно единовѣрческими приходами, и это не считается, вѣдь, нашимъ Синодомъ не законнымъ; или Сарапульскаго викарія, который имѣетъ даже свое «Духовное Правленіе», или епископовъ «Грузинскаго Экзархата», почти самостоятельно управляющихъ своими епископіями и это

почитается не противузаконнымъ, а дозволительнымъ; такъ какой же грѣхъ въ томъ, если будутъ самостоятельные единовѣрческіе епископы, которые, съ вѣдома и разрѣшенія митрополита и митрополичьяго собора, будутъ самостоятельно вѣдать единовѣрческими церквами. Если же, отрѣшившись отъ буквы каноновъ, взирать только на пользу церкви, то о какомъ то грѣхѣ, какихъ то нарушеніяхъ правилъ и рѣчи быть не можетъ: «суббота для человѣка, а не человѣкъ ради субботы».

О. Димитрій, желая отстоять постановленіе VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія о единовѣрческомъ епископѣ, разбираетъ, наконецъ, 9 прав. Антіох. собора, 64 и 67 прав. Карѳ. соб. «Девятое правило, писалъ о. Димитрій Александровъ, говоритъ только о томъ, что «въ каждой области епископамъ должно вѣдать митрополита своего, какъ начальствующаго, имѣющаго преимущество и честь, и чтобы епископы его области ничего особенно важнаго не дѣлали безъ него» и только. Гдѣ-же тутъ какое нибудь прещеніе, имѣющее отношеніе къ нашему вопросу и къ желанію единовѣрцевъ не самовольно, а съ вѣдома и благословенія Высшей Церковной власти, имѣть своихъ архіереевъ?!

64-е же и 67 правила Карѳагенскаго собора не только не говорятъ противъ нашего положенія, но и безусловно въ пользу дарованія единовѣрцамъ особаго епископа, свидѣтельствуя, что этимъ не нарушаются церковные каноны. Такъ, въ 64 пр. читаемъ: «Епигоній епископъ рекъ: на многихъ соборахъ священнымъ сословіемъ опредѣлено, чтобы народъ, въ приходахъ отъ Епископовъ зависящій и *никогда не имѣвшій особаго епископа, не иначе получалъ своихъ правителей, то есть Епископовъ, какъ по согласію Епископа, которому подчиненъ сначала*».

Въ 67 пр. читаемъ: «для каждаго епископа подобающее охранено постановленіемъ, чтобы отъ опредѣленнаго состава приходовъ, ни единое мѣсто не было отторгаемо, и не получало особаго епископа, *развѣ по согласію имѣющаго власть надъ онымъ*».

«Вотъ, заканчиваетъ о. Александровъ, и каноническое разрѣшеніе единовѣрцамъ, не имѣвшимъ доселѣ особыхъ епископовъ, имѣть таковыхъ «по согласію Епископа, которому подчинены (были) сначала», «по согласію имѣющаго власть надъ оными»,—а мы добавляемъ: по согласію, разрѣшенію и благословенію всего будущаго собора россійскихъ архипастырей...

«Итакъ, заключаетъ о. Димитрій, ни о какихъ нарушеніяхъ *каноническихъ* правилъ не можетъ быть и рѣчи при дарованіи единовѣрцамъ особыхъ епископовъ, дарованіи, конечно, съ благословенія Высшей церковной власти, и которые такъ же, какъ и другіе епископы, будутъ находиться въ вѣдѣніи того митрополита, въ области котораго

они будутъ завѣдывать на правахъ самостоятельнаго архіерея единовѣрческими церквами. Церковные каноны разрѣшаютъ это».

На возраженія профессора противъ единовѣрческаго проекта, съ *догматической* стороны, хорошо отвѣчалъ другой православный священникъ, преподаватель православнаго Богословія въ высшемъ учебномъ заведеніи, о. М. П. Чельцовъ.

«Если осуществится, говорилъ профессоръ, хотя и не вполнѣ и не сразу все то, о чемъ проговариваются, то Единовѣріе получитъ совершенно наглядный видъ другой церкви, со стороны до времени только внѣшній» [90]). На это о. Чельцовъ въ «Православномъ путеводителѣ» за 1906 г. писалъ слѣдующее: «но безразсудные изъ раскола, да пожалуй есть таковые и православные, и теперь считаютъ Единовѣріе за отдѣльную и непонятную церковь. На самомъ-же дѣлѣ Единовѣріе съ епископствомъ своимъ будетъ не больше, какъ частью единаго цѣлаго,—частью нѣсколько своеобразною, но отъ цѣлаго не оторванною. Единовѣріе будетъ объединяться съ цѣлымъ въ единствѣ высшаго церковнаго управленія и, быть можетъ, окружного митрополичьяго (а нынѣ съ разрѣшеніемъ вопроса о митрополитахъ и митрополичьихъ округахъ въ утвердительномъ смыслѣ—такъ оно и будетъ), отъ котораго оно будетъ получать источникъ своего бытія, своихъ правъ и полномочій, которому оно должно будетъ быть подчиненнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и жизни и предъ которымъ будетъ отвѣтственнымъ въ своей отчетности (какъ и другіе епископы Прав. Церкви)» [91]).

Какъ бы чувствуя несостоятельность своихъ возраженій противъ единовѣрческаго епископства, профессоръ Ивановскій, по словамъ о. Чельцова, высказываетъ свои тревоги и ужасы большею частью не по содержанію единовѣрческаго ходатайства о епископствѣ и постановленія о немъ VI отдѣла. Свой арсеналъ онъ направляетъ противъ скрытыхъ какихъ-то затаенныхъ единовѣрческихъ плановъ. Какими-то продувными хитрецами и далеко не честными искателями выставляетъ проф. Ивановскій единовѣрцевъ. Просятъ они будто-бы одного пока епископа; а дай имъ его, они потомъ пойдутъ и пойдутъ просить, да такъ, что и отказать имъ нельзя будетъ. Проф. Ивановскій пишетъ: «Будемъ же мы раскрывать извѣстныя уже намъ картины самого ходатайства о дарованіи единовѣрцамъ особаго епископа, какъ желаютъ того сами единовѣрцы. Сначала (когда именно?) рѣчь была объ одномъ единовѣрческомъ епископѣ на всю Россію, при Св. Синодѣ и непосредственно ему подчиненномъ. Но ясно было, что одинъ епископъ на всю Россію, въ какое его положеніе ни поставь, удовлетворить всѣхъ не можетъ. Скоро понадобилось бы просить другого, потомъ третьяго и т. д. Рукоположивъ одного, можно ли было бы отказать въ другомъ, и

третьемъ, и пятомъ, и десятомъ?.. А тамъ и съѣздовъ попросятъ и соборы ихъ сами собой явятся, пока, скажемъ, совѣщательные, но такого свойства, что и совѣщательныхъ постановленій трудно будетъ не утвердить, а тамъ, можетъ, и большее что послѣдуетъ. Недолго пришлось этого ждать въ проектахъ заправителей единовѣрческихъ ходатайствъ о епископѣ... Но если осуществится все то, о чемъ *проговариваются*, то... и то... [92]).

Умудренные неудачами прежнихъ исканій епископа, единовѣрцы въ 1905 году поставили свое ходатайство объ единомыслеппомъ и въ обрядѣ архіереѣ совершенно на новую почву. Они просили *одного* епископа при Синодѣ—и то въ качествѣ *защитника*, *охранителя* и *устроителя* церковной жизни Единовѣрія. Православные епархіальные епископы не отрѣвались отъ Единовѣрія. Епископъ при Синодѣ, завѣдующій Единовѣріемъ, въ административномъ отношеніи ставился въ положеніе нынѣшнихъ протопресвитеровъ придворнаго и военнаго. Рѣчи про отдѣленіе, про раздвоеніе, про обособленіе не могло и быть. Въ такомъ видѣ ходатайство было одобрено оо. миссіонерами и самимъ профессоромъ Ивановскимъ (протоколъ 12 августа). Въ 1906 году тотъ же профессоръ уже не одобряетъ его. Онъ выдвигаетъ разнаго рода возраженія противъ него, но направляетъ ихъ не по адресу. Въ своихъ «запугиваніяхъ», кого слѣдуетъ, онъ имѣетъ въ виду или прежнія ходатайства единовѣрцевъ, или тотъ его видъ, какой оно приняло въ 1906 году.

Измѣненіе послѣдняго единовѣрческаго ходатайства въ ту сторону, съ коей оно стало походить на прежнія и съ которой оно сильнѣе подвергалось обстрѣлу профессора Ивановскаго, произошло, какъ мы уже сказали, не по винѣ самихъ единовѣрцевъ. Назрѣвшая въ то время мысль о митрополичьихъ округахъ стала большимъ препятствіемъ къ осуществленію единовѣрческаго ходатайства о единовѣрческомъ епископѣ при Синодѣ. Послѣдній, при наличности митрополичьихъ округовъ, очень рѣзко нарушалъ границы ихъ. Отсюда мысль православныхъ же представителей о нѣсколькихъ единовѣрческихъ епископахъ, по одному на митрополичій округъ и рѣчь объ ихъ съѣздахъ или «соборахъ», какъ угодно было выразиться Н. И. Ивановскому. Какъ навѣянныя совнѣ, эти мысли и рѣчи были восприняты не надолго и притомъ въ такой формѣ, въ коей онѣ опять не заслуживали разныхъ экивокъ со стороны профессора. Всѣ подозрѣнія профессора и страхи по поводу проговариваній единовѣрцевъ о нѣсколькихъ епископахъ, о съѣздахъ ихъ, излишни. Они говорили въ это время то, что постановилъ Шестой Отдѣлъ. За это говоритъ слѣдующее открытое письмо.

«Мысль о единовѣрскомъ епископѣ» такъ начинается это письмо, «не покидаетъ православныхъ старообрядцевъ въ теченіе ста тридцати лѣтъ—со времени приснопамятнаго Никодима Стародубскаго. Манифестъ 17 апрѣля 1905 года побудилъ единовѣрцевъ болѣе усердно, чѣмъ когда-либо, хлопотать объ ея осуществленіи На имя единовѣрческихъ старостъ г. Спб. М. М. Дикова, П. Г. Гулина, Г. П. Сапдина поступило 120 приходскихъ приговоровъ отъ единовѣрцевъ 31 епархіи съ правомъ передовѣрія на ходатайство предъ духовною властью о дарованіи православнымъ старообрядцамъ особаго при Святѣйшемъ Синодѣ епископа. Избранный по праву передовѣрія полномочнымъ ходатаемъ и призванный духовною властью въ число членовъ VI отдѣла предсоборнаго присутствія при Святѣйшемъ Синодѣ, я 17 марта сего года внесъ въ названное отдѣленіе четыре проекта, изъ которыхъ третій былъ о самостоятельномъ единовѣрческомъ епископѣ въ каждомъ митрополичьемъ округѣ. Если бы не предполагалось раздѣленія русской церкви на митрополичьи округа, я не рѣшился бы отступать отъ перваго нашего проекта, по которому единовѣрческій епископъ вѣдаетъ единовѣрцами всей Россіи отъ имени Святѣйшаго Синода, или святѣйшаго патріарха. Митрополичьи округа препятствуютъ такому объединенію единовѣрцевъ во власти одного епископа и допускаютъ это объединеніе лишь въ видѣ съѣздовъ—соборовъ единовѣрческихъ епископовъ. Шестой Отдѣлъ 1) принялъ во вниманіе неутолимое желаніе единовѣрцевъ имѣть своего епископа, въ послѣднее время охватившее всю единовѣрческую Русь и собравшее въ Святѣйшемъ Синодѣ 120 приходскихъ о томъ приговоровъ; 2) констатируетъ ненормальность отношенія епархіальнаго начальства къ единовѣрцамъ и наоборотъ, въ 3-хъ), устанавливаетъ фактъ усиленія «австрійской» іерархіи; 4) допускаетъ возможность раздвоенія церквей (храмовъ) и паствы между двумя епископами (70, 112, 132, и 133 Карѳагенскаго собора); 5) указываетъ на существованіе ставропигій, подворій однихъ епископовъ и монастырей въ епархіи другого и духовенства военнаго и придворнаго, не подчиненнаго мѣстнымъ архіереямъ, какъ на допускаемое и авторизованное распредѣленіе пасомыхъ между двумя архипастырями въ одномъ и томъ же мѣстѣ; 6) имѣетъ въ виду будущее осуществленіе канонической идеи о митрополичьихъ округахъ; 7) и соглашается съ тѣмъ, что епископы викарные, какъ невѣдомые русской старинѣ, едва ли вполнѣ могутъ удовлетворять единовѣрцевъ, а главное не устранятъ чрезпредѣльное полномочіе каждаго изъ нихъ въ томъ смыслѣ, что его полномочія не будутъ совпадать съ предѣлами епархіи, а охватывать нѣсколько епархій и тѣмъ усложнять управленіе единовѣрческими приходами до чрезвычайности.—Если осуществится мысль объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ, будемъ хо-

датайствовать объ учрежденіи въ каждомъ будущемъ митрополичьемъ округѣ по одному единовѣрческому епископу съ наименованіемъ его епархіи именемъ той или другой единовѣрческой мѣстности и подчиненіемъ его архипастырскому управленію всѣхъ единовѣрческихъ приходовъ митрополіи на началахъ ставропигій и подворій съ тѣмъ, чтобы мѣстные великороссійскіе епископы не лишены были права слѣдить за поведеніемъ клира и мірянъ и сноситься о семъ съ единовѣрческимъ епископомъ; а по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, давали бы и собственныя распоряженія. Будемъ же, братья-единовѣрцы, спокойно и терпѣливо ждать осуществленія вѣковой завѣтной мысли всего истиннаго старообрядчества и будемъ молиться Богу, дабы мѣстный всероссійскій соборъ внялъ нашей столѣтней сыновней просьбѣ [93]).

Что рѣчи профессора касательно *пріговариваній* [*]) единовѣрцевъ лишены основанія, — это показываетъ и тотъ фактъ: единовѣрцы, съ ослабленіемъ мысли о митрополичьихъ округахъ, снова возвращаются къ мысли объ одномъ единовѣрческомъ епископѣ. И это дѣлаютъ не позднѣе выхода статьи г. Ивановскаго. Осенью 1906 года они всѣмъ присутствовавшимъ въ то время въ Святѣйшемъ Синодѣ епископамъ, начиная съ митрополитовъ, представили новую просьбу. Въ ней ни полслова о нѣсколькихъ единовѣрческихъ епископахъ. Въ ней единовѣрцы, какъ и въ 1905 году, говорятъ объ одномъ лишь архіереѣ. Заглавіе ея такое: «Неотложная нужда въ Единовѣрческомъ епископѣ». Содержаніе же ея, за опущеніемъ мѣстъ, встрѣчающихся въ прежнихъ прошеніяхъ, слѣдующее. «Немедленное», такъ начинаютъ единовѣрцы, «еще до собора подчиненіе всѣхъ единовѣрцевъ единомысленному съ ними въ обрядахъ епископу при Святѣйшемъ Синодѣ — дѣло первой важности. Это ощущается всѣми мыслящими ревнителями благочестія — какъ православными, такъ и старообрядцами. Начнемъ съ послѣднихъ, т. е. со старообрядцевъ. Держатели старины весьма заинтересованы вопросомъ: дадутъ единовѣрцамъ при Синодѣ епископа, или не дадутъ. Передовые изъ нихъ прямо жаждутъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, ибо при этомъ только отвѣтѣ въ состояніи исполнить свое желаніе соединиться съ Церковью. Умаленное въ своей чести имѣть епископа Единовѣріе является въ ихъ глазахъ чѣмъ то низшимъ сравнительно съ Православіемъ. Тогда только старообрядцы пойдутъ на соединеніе съ Русской Церковью, когда будетъ съ очевидностью чрезъ дарованіе единовѣрцамъ епископа показано, что Единовѣріе существуетъ не ради немощи больныхъ совѣстью людей, а ради *сознанія единства Церкви и*

*) Курсивъ нашъ.

единоблагодатности обычаевъ и обрядовъ у православныхъ и у старообрядцевъ. Приниженность Единовѣрія, не уничтоженная до сихъ поръ, не смотря на постановленіе Святѣйшаго Синода въ 1886 году о тождествѣ Единовѣрія съ Православіемъ, — камень преткновенія въ дѣлѣ Единовѣрія искреннихъ старообрядцевъ съ Русской Церковью. Если старообрядцамъ нуженъ единовѣрческій епископъ, то тѣмъ болѣе онъ нуженъ, какъ воздухъ, самимъ единовѣрцамъ... Безъ поддержки единомысленнаго и въ обрядѣ епископа при Синодѣ, даже викарные единовѣрческіе епископы, не говоримъ о священникахъ, не въ силахъ охранить староотечественный церковный бытъ. Не сочувствующіе Единовѣрію епископы есть и среди областныхъ архіереевъ и что могутъ сдѣлать единовѣрческіе викаріи, такъ или иначе, волей или не волей имѣющіе зависѣть отъ нихъ. Единовѣрческій епископъ при Синодѣ необходимъ и для самой Русской Церкви, особенно въ виду предстоящаго собора и ожидаемой реформы. Не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ, реформа будетъ крупная, коснется всѣхъ сторонъ церковной жизни. Единовѣрцы, не ввѣренные надежному руководительству любящаго и любимаго, избраннаго и облеченнаго ихъ довѣріемъ епископа, не устоятъ въ единеніи съ реформированной церковью. Поставленные неблагопріятными условіями, между прочимъ, не всегда любовно искренними отношеніями къ нимъ архипастырей въ изолированное положеніе между собой единовѣрческіе приходы врядъ ли всѣ выйдутъ съ честью изъ ожидаемаго ихъ искушенія. Непремѣнно явится, такимъ образомъ, второй расколъ. Единовѣріе и сейчасъ страдаетъ отъ разрозненности, а тогда безъ епископа, безъ центра—въ особенности. Чуждое Единовѣрію, его духовенство въ большинствѣ своихъ членовъ стоитъ не на высотѣ своего призванія и ждать отъ него авторитетнаго руководства для Единовѣрія въ ожидаемую пору его испытанія нѣтъ причинъ. Единовѣрческій епископъ при Синодѣ важенъ для Русской Церкви не только для сохраненія единовѣрцевъ въ лонѣ Церкви, но и для приведенія въ это лоно прочихъ старообрядцевъ. Старообрядцы ждутъ отъ предстоящаго собора разрѣшенія клятвъ 1667 года и безпристрастнаго указанія пути на соединеніе съ Церковью. Подготовительную по всему этому работу и самое дѣло собора православные епископы безъ единовѣрческаго епископа врядъ ли исполнятъ съ такою же продуктивностью, какъ съ нимъ. Живя съ единовѣрцами одною жизнью, единовѣрческій епископъ всталъ бы чрезъ это въ ближайшее соприкосновеніе со старообрядцами и лучше бы понялъ нужды старообрядцевъ и ихъ чаянія. Уніатовъ соединили съ Русскою Церковью уніатскіе епископы. И старообрядцевъ соединить съ Церковью могутъ лишь единомысленные съ ними въ обрядахъ епископы. Единовѣрческій епископъ при Свя-

тѣйшемъ Синодѣ никоимъ образомъ не можетъ явиться нарушителемъ единства Церкви и единства священноначалія, — наоборотъ, данный единовѣрцамъ до собора утвердитъ единство церкви и единство священноначалія. Единовѣрческій епископъ явится способникомъ и споспѣшникомъ къ благоустроенію духовной жизни въ Русской Церкви. Отказывать единовѣрцамъ въ просимомъ ими епископѣ или откладывать до собора нѣтъ причинъ. Онъ не касается каноновъ церкви. Наоборотъ за себя имѣетъ ихъ множество. Дарованіе просимаго епископа дѣло меньшей компетентности, чѣмъ соборная. Для единовѣрческаго епископа при Святѣйшемъ Синодѣ имѣются прецеденты: тѣ ставропигіальные монастыри, кои явились уже въ синодальный періодъ и особое положеніе военнаго духовенства.

Единовѣрцы не ошибались, смотря на разсужденія проф. Ивановскаго, какъ на мотивировку точки зрѣнія власть имущихъ.

Подъ вліяніемъ рѣчей спеціалиста профессора, представителя того міровоззрѣнія (проф. родился въ 1840 г.), которое жило потребностью опеки, Церковная власть ни отзывается ни однимъ звукомъ на ходатайство единовѣрцевъ и объ одномъ епископѣ. Всѣмъ стало чудиться за однимъ епископомъ другой, третій и т. д., а тамъ «соборы» и полное отдѣленіе. Единовѣрцы въ только что процитированной просьбѣ говорятъ объ единеніи со старообрядцами въ лонѣ Церкви, про разъясненіе соборныхъ клятвъ, а имъ въ отвѣтъ за всѣхъ г. Ивановскій: «да такъ ли еще будетъ, какъ просителямъ предоставляется, что епископы австрійскіе примкнутъ къ единовѣрческимъ?... Наоборотъ: не позовутъ ли къ себѣ первые послѣднихъ?.., и на почвѣ единства обряда и одинаковаго уклада жизни не образуютъ ли свою старообрядческую церковь?» [94]).

Церковная власть, если и откликалась на ходатайство единовѣрцевъ, то на ходатайство, не вселявшее положительно ни одного изъ страховъ г. Ивановскаго. Когда подъ вліяніемъ, съ одной стороны, слуховъ объ отстрочкѣ собора, съ другой, въ виду молчанія правящихъ сферъ на новое прошеніе единовѣрцевъ о дарованіи единовѣрческаго епископа при Святѣйшемъ Синодѣ до собора, а съ третьей — по случаю нестроеній въ единовѣрческихъ приходахъ г. С.-Петербурга, единовѣрцы попросили, по образцу Константинопольской церкви [95]), о поставленіи во главѣ С.-Петербургскаго единовѣрческаго общества (титулярнаго) епископа, то Святѣйшій Синодъ рѣшилъ эту просьбу въ болѣе или менѣе благопріятномъ смыслѣ. «Находя полезнымъ объединеніе дѣятельности единовѣрческихъ приходовъ г. С.-Петербурга и С.-Петербургской епархіи, Святѣйшій Синодъ подчиняетъ

ихъ общему непосредственному надзору *одного изъ епископовъ*. 20-го января 1907 года онъ предоставляетъ С.-Петербургскому Митрополиту поручить завѣдываніе всѣми единовѣрческими церквами епархіи съ ихъ приходами одному изъ викарныхъ Епископовъ» [96]).

Не только самъ профессоръ, въ которомъ хранились мотивы образа дѣйствій правящихъ сферъ, тенденціозно освѣщалъ современное ходатайство единовѣрцевъ о епископѣ. Такую несправедливость учиняетъ и его ученикъ, г. Рождественскій. На страницахъ Православнаго Собесѣдника за апрѣль 1906 года противъ единовѣрческаго прошенія 1905 г. онъ выписываетъ цѣлыя тирады изъ статей г. Сенатова. Между тѣмъ, послѣднія были направлены не по адресу самого ходатайства, а только проекта его и того освѣщенія, какое угодно было дать писателю. Г. Рождественскій толкуетъ про каноны Церкви, но примѣняетъ ихъ къ единовѣрцамъ такъ же, какъ и учитель его г. Ивановскій. Говоритъ о двоевластіи [97]), отвергаемомъ канонами, когда единовѣрцы о двоевластіи ни слова. Похожъ онъ на учителя и въ томъ, что не выноситъ этическихъ доводовъ единовѣрцевъ въ пользу епископа. Между тѣмъ, о нихъ говорятъ не только единовѣрцы, но и православные: о. Легатовъ, о. Чельцовъ, о. Александровъ и др. Въ своемъ докладѣ о. Дим. Александровъ писалъ: если же взирать на пользу отъ этого учрежденія для Св. Церкви, именно—это будетъ одной изъ лучшихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ къ обращенію заблудшихъ братій—старообрядцевъ, которые тяготѣютъ къ старинѣ и въ массѣ присоединяются исключительно къ Единовѣрію, а епископы единовѣрческіе, несомнѣнно, возстановятъ Единовѣріе въ чистомъ его видѣ, оградивъ неприкосновенность древняго обряда въ храмахъ отъ всякихъ произволовъ и измѣненій его, то намъ особенно надо позаботиться о томъ, чтобы Единовѣріе имѣло своихъ епископовъ и въ этомъ отношеніи мы должны, если бы то потребовалось, даже сдѣлать и уступку и снисхожденіе, не взирая на каноны. Вѣдь, въ данномъ дѣлѣ не искажается ни святость, ни чистота православнаго вѣроученія и не къ раззоренію и смятеніямъ въ церкви поведетъ это, а къ благосозиданію Св. Церкви. «Кто приспособляется къ обстоятельствамъ вѣка, говоритъ пр. Ѳеодоръ Студитъ, тотъ не отступаетъ отъ добра, ибо онъ скорѣе достигаетъ желаемаго, уступивъ немного, подобно управляющему кормиломъ, который отпускаетъ нѣсколько руль въ случаѣ противной бури. А поступающій иначе отступаетъ отъ цѣли, совершая преступленіе вмѣсто приспособленія къ обстоятельствамъ» (Твор. его, пис. 24-е къ Ѳеоктисту). Взирая на пользу церковную, отцы и учители Православной Церкви въ вещахъ болѣе серьезныхъ—дѣлали

снисхожденіе и шли на уступки; они смотрѣли на духъ церковныхъ каноновъ на смыслъ ихъ, а не на букву: «Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы», но, при рѣшеніи нашего вопроса.—и «суббота» не нарушается.

Планъ профессора свести новое единовѣрческое ходатайство на старый путь, не смотря на противодѣйствіе единовѣрцевъ, удался. Представители Православія съ ходатайствомъ единовѣрцевъ 1905 года непремѣнно стали связывать пущенную мысль о нѣсколькихъ епископахъ. Такъ все переворотилось въ головахъ подъ воздѣйствіемъ рѣчей г. Ивановскаго Н. Ив. Мы имѣемъ въ виду протоколъ миссіонеровъ, собиравшихся въ 1906 г. на нижегородскихъ ярмочныхъ бесѣдахъ [98]) и протоколы миссіонерскаго Всероссійскаго съѣзда въ г. Кіевѣ въ 1908 году.

Съ принципіальной стороны вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ на Кіевскомъ съѣздѣ рѣшался въ положительномъ смыслѣ. Иначе не могло быть. Разъ Единовѣріе то же самое, что и Православіе, ибо единовѣрцы не сектанты, не раскольники, но совершенно отрекшіеся отъ раскола старообрядцы, признавшіе истинность Православія и вошедшіе въ составъ Православной Церкви, въ которой пребываютъ, то почему же они не могутъ имѣть единомысленнаго и въ обрядѣ епископа?—Или у единовѣрцевъ есть діаконы, пресвитеры, то почему не можетъ быть у нихъ епископа? Обрядовыя особенности Единовѣрія не мѣшаютъ единовѣрцу быть не только простымъ христіаниномъ, но и Архипастыремъ. Итакъ, единовѣрческій епископъ можетъ быть въ Церкви, какъ есть въ ней единовѣрческое пресвитерство и діаконство Единовѣрческій епископъ не только допустимъ, но онъ и нуженъ. Нуженъ не только для привлеченія старообрядцевъ, но и для самихъ единовѣрцевъ. Правда единовѣрцы видятъ, что и православный епископъ служитъ въ ихъ храмѣ, крестится двуперстно, читаетъ молитвы по старопечатнымъ книгамъ. Но все это бываетъ временами. Иное дѣло, когда епископъ высшее лицо въ составѣ Христовой Церкви, не случайно, а постоянно и естественно было бы не только единовѣрно имъ, какъ теперь епископы, но и единообрядно имъ. У единовѣрцевъ есть основанія, что церковная власть относится къ ихъ особенностямъ съ сомнѣніемъ. Дарованіемъ единовѣрческаго епископа Церковь показала бы всю неосновательность этого подозрѣнія, и единовѣрцы увидѣли бы полное равенство и братство свое съ православными: ибо возсѣдали бы иногда на каѳедрѣ епископской и единовѣрцы, какъ возсѣдаютъ нынѣ на ней одни лишь православные [99]).

Разрѣшая вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ съ принципіальной стороны положительно, Кіевскій съѣздъ въ своихъ разсужденіяхъ объ устройствѣ отношеній этого епископа къ право-

славнымъ всталъ на путь, мало полезный для Единовѣрія, его умноженія и распространенія среди старообрядчества. Правда, единовѣрцы, какъ умѣли, отстаивали свою мысль [100]). Они указывали на неосновательность миссіонерскихъ страховъ, внушенныхъ имъ со стороны. Навязываемую мысль объ отдѣленіи отъ Церкви называли оскорбленіемъ для себя (о. Крючковъ); запугиваніе раскольническими возраженіями считали напрасной тревогой. «Противъ мысли объ единовѣрческомъ епископѣ, говорили единовѣрцы, о.о. миссіонерамъ много, очень много наговорили. И расколомъ грозили и боялись упрековъ со стороны раскольниковъ, что станутъ звать новоявленной іерархіей единовѣрческихъ епископовъ. Но вѣдь раскольники зовутъ новостью самое Единовѣріе. Если бы разсуждать такъ, какъ разсуждаютъ нѣкоторые теперь, и самого Единовѣрія не должно было бы учреждать. Его, однако, учредили. Раскольники насъ и теперь за Единовѣріе укоряютъ, что у насъ двѣ церкви. Но упрекъ ихъ неосновательнъ: мы съ православными въ единой вѣрѣ и подъ одной властью. Такъ будетъ и при единовѣрческихъ епископахъ. Конечно, сначала поднимется буря, начнутся толки, а потомъ утихнутъ...» [101]).

На первыхъ порахъ мысль о.о. миссіонеровъ останавливалась на постановленіи VI отд. Предсоборнаго Присутствія, желали учредить нѣсколько самостоятельныхъ епископовъ при Митрополичьихъ округахъ [102]).

Такимъ образомъ, незамѣтно для себя впадали въ противорѣчіе. Имѣть одного епископа при Синодѣ считали дѣломъ опаснымъ, *неканоничнымъ*: епископъ вносилъ двоевластіе, раздѣлялъ церковь и т. д. съ другой стороны, существованіе многихъ самостоятельныхъ епископовъ при митрополичьихъ округахъ считали дѣломъ возможнымъ и *каноничнымъ!?* При митрополичьихъ округахъ, съ дозволенія церковной власти единовѣрческіе епархіальные владыки, управляющіе единовѣрцами нѣсколькихъ губерній могли быть, а при Св. Синодѣ, съ позволенія той же церковной власти, единовѣрческаго епископа будто бы не можетъ быть! Вѣрно, въ первомъ случаѣ единовѣрческіе епископы вѣдаютъ единовѣрцами епархій, входящихъ въ митрополичій округъ, съ вѣдома митрополита, его собора; каждый изъ нихъ наравнѣ съ прочими епископами въ округѣ (православными) подчиненъ митрополичьему собору (тоже не личность, какъ и Синодъ). А во второмъ случаѣ развѣ этого подчиненія и соподчиненія нѣтъ? Вмѣсто митрополита и митрополичьяго собора подчиненъ Синоду! Въ настоящую пору вся Русская Церковь представляетъ одинъ округъ: всѣ русскіе епископы подчинены единому центру, равны между собой, каждый управляетъ своей епархіей самостоятельно, признавая надъ собой власть Св. Синода. Если нѣсколько самостоятельныхъ епархіальныхъ епи-

скоповъ, завѣдывающихъ единовѣрцами всей Россіи, по VI отдѣлу Предсоборнаго Присутствія, съ которымъ въ этомъ случаѣ согласилась и единовѣрческая комиссія Кіевскаго съѣзда, *каноничны*, то какъ же сталъ *противоканоничнымъ* одинъ епископъ? Говорить, что одному епископу управлять всѣми единовѣрцами—непосильно, можно; утверждать же, что онъ противузаконенъ, какъ нарушающій границы православныхъ епархій, послѣ принятія постановленій VI отд. Предсоборнаго Присутствія и приведенныхъ имъ правилъ, съ точки зрѣнія единовѣрцевъ, было непонятно.

На это противорѣчіе о.о. миссіонеровъ въ свое время указывалъ Преосвященный Назарій, Архіепископъ (тогда епископъ) Нижегородскій [103]). Сами миссіонеры, наконецъ, чувствовали его, а потому отвергли формулу постановленія, представленную о. Александровымъ. Они не согласились съ мыслью о. Димитрія, что самостоятелный единовѣрческій епископъ, управляющій всѣмъ Единовѣріемъ въ Россіи, *противуканоииченъ* [104]). Если въ протоколѣ единовѣрческой комиссіи имѣется заключеніе, говорящее о самостоятельномъ епископѣ словами о. Александрова, то это поддѣлка, устроенная подсекретаремъ комиссіи. Собраніе комиссіи не дѣлало постановленій [105]). Оно въ концѣ засѣданія лишь отвѣтило на 3 вопроса предсѣдателя. Вотъ эти вопросы и отвѣты на нихъ: «*Предсѣдатель.* Я ставлю вопросы. Вопросъ первый: можно ли просить и допустимо ли, нужно ли, чтобы для единовѣрцевъ былъ особый епископъ, одинъ на всю Россію, управляющій ими, и они были изъяты изъ епархій своихъ нынѣшнихъ епископовъ? *Всѣ отвѣтили:* не нужно. *Предсѣдатель*: Вопросъ второй: нужно ли, чтобы въ Уральской области, гдѣ почти всѣ приходы единовѣрческіе, была открыта епархія съ единовѣрческимъ епископомъ въ ней. *Всѣ отвѣтили*: нужно. *Предсѣдатель.* Въ остальныхъ епархіяхъ, гдѣ есть единовѣрцы, поручить дѣло Единовѣрія викарнымъ епископамъ, какъ это допущено Святѣйшимъ Синодомъ въ Петербургской епархіи,—согласны просить объ этомъ? *Всѣ отвѣтили:* Согласны».

Строить заключеніе на основаніи приведенныхъ отвѣтовъ, что всѣ миссіонеры считали мысль объ одномъ епископѣ для единовѣрцевъ при Св. Синодѣ противоканоничной—дѣло весьма рискованное и очень несправедливое. Не говоримъ о томъ, что въ данномъ случаѣ учиненъ подлогъ, что придѣланное заключеніе—плодъ тѣхъ, которые захотѣли всѣми путями, даже неправыми сдвинуть вопросъ о единовѣрческомъ епископѣ съ пути, который онъ занялъ съ 1905 года. Заключеніе несправедливо по своему содержанію, оно не вяжется съ ходомъ бывшихъ преній, не вытекаетъ изъ рѣшенія перваго вопроса, поставленнаго Предсѣдателемъ. Многіе, особенно представители отъ Единовѣрія въ отвѣтъ на первый вопросъ Предсѣдателя не хотѣли выра-

жать своего мнѣнія не только о каноничности, но и о ненужности самостоятельнаго епископа, какъ это рисуется въ концѣ протокола, главнымъ же образомъ въ придѣланномъ заключеніи. Вопросъ ставился подъ угломъ зрѣнія VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія. Многіе единовѣрцы въ этомъ вопросѣ нашли желаніе облагодѣтельствовать Единовѣріе не однимъ самостоятельнымъ епископомъ, а нѣсколькими таковыми, а потому отвѣтили на первую половину его отрицательно. Вопросъ былъ такъ поставленъ, что каждый понималъ по своему и отрицалъ при этомъ не то, что отрицалъ другой, слышавшій тотъ же, правда, вопросъ, но вопросъ при этомъ сложный. Когда задавался первый вопросъ, то большинство единовѣрцевъ отвѣтило на него отрицательно потому, что полагало дальше слышать рѣчь о многихъ самостоятельныхъ въ области Единовѣрія епископахъ и когда этого вопроса не послѣдовало, то подали заявленіе. Послѣднее отъ имени 25 представителей Единовѣрія гласило, что «единовѣрческіе епископы необходимо нужны и что также необходимо учрежденіе единовѣрческихъ каѳедръ тамъ, гдѣ представятся къ тому подходящія условія» [106]).

Вопросъ о единовѣрческомъ епископствѣ съ принципіальной стороны Кіевскій Съѣздъ, какъ мы видѣли, рѣшилъ въ положительномъ смыслѣ. Онъ выражаетъ желаніе, чтобы въ Уральской области была открыта епархія съ единовѣрческимъ епископомъ въ ней, а въ остальныхъ епархіяхъ дѣла Единовѣрія были поручены викарнымъ епископамъ, какъ это допущено Св. Синодомъ въ Петербургской епархіи. Кіевскій Съѣздъ не внялъ [107]) голосу тѣхъ, которые говорили, что единовѣрческій епископъ—позоръ для 107-лѣтняго существованія единовѣрцевъ безъ епископа (Гринякинъ, о. Волгинъ), что единовѣрческій епископъ грозитъ Церкви опасностью (Епископъ Тихонъ, о. Звѣревъ, Гринякинъ, о. Николаевъ, о. Курышовъ), что единовѣрцамъ не надо ни самостоятельныхъ, ни *викарныхъ* единовѣрческихъ епископовъ (о. Акципетровъ, о. Алексѣевъ, о. Ершовъ).

Протоколы засѣданій миссіонерскаго Съѣзда въ г. Кіевѣ еще не разсматривались. Святѣйшій Синодъ, видимо, независимо отъ Съѣзда учредилъ въ Уральской области викаріатство [108]). Завѣдующій Уральскимъ викаріатствомъ не называется «единовѣрческимъ» епископомъ. Это и другія подробности говорятъ о томъ, что въ указѣ отъ 7-го ноября 1908 г. объ изъятіи Уральской области изъ вѣдѣнія Оренбургскаго епископа, съ присоединеніемъ ея къ Самарской епархіи, подъ главнымъ вѣдѣніемъ Самарскаго преосвященнаго и съ непосредственнымъ подчиненіемъ викарію Самарской епархіи—нельзя видѣть отраженія сужденій Кіевскаго Съѣзда о единовѣрческихъ епископахъ.

Скорѣе здѣсь повтореніе того, что было уже сдѣлано для петербургскихъ единовѣрцевъ отъ 20 января 1907 года. Дѣла по Единовѣрію группируются въ рукахъ одного изъ викаріевъ, обязаннаго каждый шагъ своей дѣятельности дѣлать съ вѣдома Епархіальнаго Владыки. Прежде единовѣрцы имѣли дѣло непосредственно съ самимъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ, а сейчасъ (наприм. Петербургскіе) имѣютъ преграду къ тому въ лицѣ завѣдывающаго единовѣрческими церквами, который не всегда освѣщаетъ положеніе дѣлъ въ желательномъ для единовѣрцевъ смыслѣ!?

Вотъ, чѣмъ закончилось современное ходатайство единовѣрцевъ о епископѣ. Въ то время, какъ Предсоборное Присутствіе (VI отд.) и Кіевскій Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ излагаютъ свое мнѣніе, Высшая Церковная власть еще не сказала настоящаго слова о единовѣрческомъ епископѣ. Единовѣрцы по старому желаютъ себѣ епископа.

Что это «отдѣленіе», говорятъ имъ, сепаратизмъ, бунтъ?

Ни того, ни другого, отвѣчаютъ они. Это желаніе собраться, объединиться плотнѣе въ Христову братскую семью-людей, желающихъ по-братски и вмѣстѣ работать на нивѣ Божіей. Работать надъ проведеніемъ въ совѣсть людей православныхъ той правды, какая дана во святомъ Православіи.

Это не осужденіе Церкви, развѣ осуждали Церковь монахи, уходя въ монастыри изъ мірской христіанской общины. Нѣтъ, они только хотѣли изъ пустыни—своей молитвой, своимъ подвигомъ помочь Церкви въ ея работѣ надъ созиданіемъ спасенія. Если хотите, тутъ было пожалуй что-то похожее на осужденіе, но это не осужденіе высокомѣрныхъ людей, которые ставятъ себя на высоту, которая не принадлежитъ имъ,—а любовный судъ (въ смыслѣ сужденія) дѣтей Церкви, желающихъ быть съ ней и помочь ей въ созиданіи душъ вѣрныхъ. И свв. Антоній, Павелъ, Пахомій, въ этомъ смыслѣ смѣли осуждать Церковь, т. е. смѣли думать, что въ своихъ столкновеніяхъ съ міромъ Церковь не можетъ дѣлать во всей полнотѣ дѣло свое и нуждается, чтобы въ ней хранился свѣтлый и безъ уступокъ идеалъ Христовъ.

За что судятъ единовѣрцы церковное устройство? Они находятъ что въ Русской Церкви—въ загонѣ и тѣни—та сторона христіанства, которой подобаетъ паче всего быть на свѣщницѣ. Они находятъ, что имъ — единовѣрцамъ, среди коихъ особенно живо пониманіе забытой другими правды христіанства, условія ихъ жизни въ отношеніи къ Церкви господствующей мѣшаютъ выявить Христову вѣру. Для полной жизни церковнаго общества необходимо водительство епископа, едино-

мысленнаго по психологіи вѣры, какъ они, понимающаго внутреннюю сущность Православія.

Единовѣрцы, хранящіе по наслѣдію, независимо отъ своихъ личныхъ достоинствъ и даже при всемъ личномъ недостоинствѣ,— по преданію, въ самомъ укладѣ жизни, во всемъ бытѣ, сокровище истинно живого пониманія Православія, какъ постоянной борьбы, какъ жизни въ извѣстной дисциплинѣ и бытѣ, желаютъ создать наилучшія условія *для храненія того сокровища*—Церкви врученнаго. Для этой цѣли имъ нуженъ, епископъ того же, какъ они, настроенія, стремленія, духа. Для этой цѣли имъ нужно соорганизоваться въ правильные «соборные» приходы—въ единое братство единовѣрцевъ. Безъ прихода—какъ живой ячейки Церкви—невозможна жизнь церковная, и они не могутъ принять ни теперешней жизни прихода, которую имъ все же полегоньку навязываютъ, ни совсѣмъ удобныхъ и церковныхъ проектовъ еп. Серафима.

Затѣмъ, единовѣрцы считаютъ себя самыми естественными миссіонерами. Они лучше понимаютъ душевныя муки и тревоги тѣхъ, которые за обрядъ отцовъ полагали души свои—понимаютъ ихъ правду и причину ихъ ошибокъ. Единовѣрцы болѣе, чѣмъ кто-нибудь, могутъ подойти къ ихъ скорбнымъ душамъ. Но для этого опять имъ,—естественнымъ благовѣстникамъ единенія, нужны свобода устроенія и водительство воодушевленнаго той же мыслью епископа.

Но говорятъ—единовѣрцы соединятся со старообрядчествомъ?

Да, имъ всего возможнѣе и естественнѣе уничтожить вражду между старообрядчествомъ и Православіемъ. Они могутъ соединиться. Но развѣ это худо?

Слышались такія рѣчи: «Нужно пойти на встрѣчу къ старообрядчеству», говоритъ одинъ. «Нѣтъ—возражаетъ другой—если Единовѣріе и старообрядчество—соединятся—мы останемся на второмъ планѣ». Значитъ, Церковь заботится о какомъ-то первомъ и второмъ планѣ! а не о любви и единеніи. Плохое представленіе о Церкви и кощунственное пониманіе!

Если бы старообрядчество и Единовѣріе соединились,—создалось бы сильное ядро православныхъ людей, связанныхъ глубокорелигіозной связью. Но этого, къ сожалѣнію, нѣтъ. Единовѣріе безъ единомысленнаго епископа не въ состояніи должнымъ образомъ помириться съ собою старообрядцевъ—отдѣленцевъ.

Опредѣленія VI Отдѣла Предсоборнаго Присутствія, III и IV Всероссійскихъ Миссіонерскихъ Съѣздовъ по дѣлу разъясненія и отмѣны клятвъ Московскихъ соборовъ и жестокословныхъ порицаній.

Намъ осталось сказать о клятвахъ соборовъ 1656, 1666—67 гг. и порицательныхъ выраженіяхъ на старые обряды. Они тоже немало вредятъ распространенію Единовѣрія среди старообрядцевъ; волнуютъ единовѣрцевъ, а равно и многихъ представителей Православія. Высшая церковная власть не соблаговолила заявить о нихъ своего мнѣнія и рѣшенія. Она прислушивается лишь къ тому, что толкуютъ по поводу ихъ съ той и другой стороны.

Вопросъ о клятвахъ и порицаніяхъ въ наше время пережилъ нѣсколько стадій. Сначала стремятся вырѣшить его *логически*, а потомъ находятъ нужнымъ хлопотать и о каноническомъ рѣшеніи.

Яркими выразителями перваго направленія въ рѣшеніи вопроса о клятвахъ и о порицаніяхъ были: 3-й Миссіонерскій Съѣздъ въ г. Казани и образовавшаяся послѣ него по этому пункту литература. Поборниками же *каноническаго* разрѣшенія вопроса о клятвахъ и порицаніяхъ были: Предсоборное Присутствіе (VI отдѣлъ) и Кіевскій 4 Всероссійскій Миссіонерскій Съѣздъ.

Святѣйшій Синодъ въ 1886 году, какъ мы видѣли, отказалъ единовѣрцамъ въ дальнѣйшихъ особенныхъ разъясненіяхъ соборной клятвы и порицаній. Православная Церковь, по объясненію Святѣйшаго Синода, не произносила осужденія и порицанія на старые обряды, которые сами по себѣ и независимо отъ значенія, усвоеннаго имъ раздорниками, признавались непредставляющими ничего противнаго православію [109]). Впрочемъ, такое утвержденіе Высшей Духовной власти Русской церкви для раздорниковъ было мало убѣдительнымъ. Авторитета за Святѣйшимъ Синодомъ они не признали, а потому отнеслись къ этому Синодальному заявленію по обычаю съ недовѣріемъ. Своимъ критицизмомъ заразили притомъ многихъ единовѣрцевъ. Ко времени Казанскаго Съѣзда (1897) вопросъ о клятвахъ и порицаніяхъ стоитъ, поэтому, въ прежней силѣ. Въ общемъ II засѣданіи Съѣзда нарочито обсуждается вопросъ о томъ, какъ успокаивать единовѣрцевъ относительно запрещенія соборомъ 1667 года старыхъ обрядовъ и порицаній на нихъ, обосновываемыхъ ими на Соборныхъ Дѣяніяхъ и полемическихъ книгахъ. По данному вопросу высказываются многіе, какъ единовѣрцы, такъ и православные. Въ заключеніе изложилъ мнѣніе по сему предмету профессоръ Иваповскій. Съѣздъ одобрилъ его точку зрѣнія и просилъ автора распространить ее въ обществѣ путемъ печати [110]).

Въ чемъ же заключается эта точка зрѣнія на клятвы Московскихъ Соборовъ, одобренная 3-мъ Миссіонерскимъ Съѣздомъ, усвоенная послѣ этого многими дѣятелями миссіи (о. Д. Александровъ—его сочиненіе «о Клятвахъ соборовъ» 1901 г. г. Самара, о. С Шлеевъ—«Единовѣріе и его столѣтнее организованное существованіе въ Русской Церкви» 1901 г. г. Спб. и др.) и духовными писателями (авторъ брошюры: «о Московскомъ Соборѣ 1667 г. и Единовѣріе». Москва 1898 г.)? Профессоръ Ивановскій старался разобраться въ тѣхъ положеніяхъ о клятвахъ соборовъ, какія когда-то высказывались: съ одной стороны, Т. И. Филипповымъ, а съ другой, И. Ф. Нильскимъ. Первыя онъ относитъ къ законодательнымъ функціямъ собора, а вторыя—къ судебнымъ. Н. И. Ивановскій проводитъ грань между судебной и законодательной властью соборовъ, а потому въ предложенномъ мнѣніи о клятвахъ онъ объединяетъ сужденія Филиппова съ сужденіями Нильскаго. Но усвояя положенія перваго, онъ не допускаетъ выводовъ его о Единовѣріи, какъ противоканоническомъ явленіи въ жизни Русской Церкви. Онъ держится заключеній объ этомъ противника Филиппова-Нильскаго Онъ путемъ ссылокъ на фактическую отмѣну самой жизнью нѣкоторыхъ древнихъ правилъ доказываетъ возможность существованія Единовѣрія безъ новаго соборнаго разсмотрѣнія и отложенія хотя-бы безусловныхъ клятвъ Московскихъ Соборовъ [111]).

На основаніи такого пониманія соборной юрисдикціи и прочіе члены Съѣзда при случаѣ удачно объясняютъ неприкосновенность Единовѣрія къ клятвамъ Московскихъ Соборовъ, даже при безусловномъ значеніи ихъ [112]).

Предложенное рѣшеніе вопроса о возможности Единовѣрія, при наличности соборныхъ клятвъ, однако не всѣхъ удовлетворяетъ. Отсюда прежняя просьба о снятіи соборныхъ клятвъ и объ уничтоженіи порицаній. Не утверждали единовѣрцевъ тѣ соображенія, что клятвы, наприм., собора 1656 и порицательныя выраженія, начиная съ н. Макарія могли явиться по причинѣ опасенія еретичества: Ріанства и Несторіанства, во имя предохраненія православной истины [113]). Отсюда, кто не содержитъ еретическихъ мыслей,—а такіе всѣ соединенцы,—тотъ не подлежитъ этой клятвѣ [114]). Единовѣрцы, видимо, забывали, что иноку Григорію Неронову, при его православномъ образѣ мыслей, Церковь разрѣшила употреблять двуперстіе и сугубить аллилуія, когда еще не прошло и двухъ лѣтъ со времени Собора 1656 г. [115]). Притомъ, объ отцахъ Собора 1656 г., чтобы не сражаться съ тѣнью и, споря изъ-за случайнаго, не повредить себя въ важнѣйшемъ [116]), очевидно, слѣдуетъ сказать не болѣе того, что сказалъ толковникъ 16 правила Трульскаго Собора: «не добрѣ разумѣша того Собора Отцы [117])». Здѣсь послѣдовало такое же не-

справедливое отношеніе къ обряду, недающее причинъ обвинять Единовѣріе въ расколѣ, какое случилось въ первыя времена Христовой Церкви. Во 2-мъ вѣкѣ православный Римскій папа Викторъ проклялъ восточныя Малоазійскія церкви за празднованіе Пасхи по обычаю св. Апостоловъ: Іоанна и Филиппа, въ 14 день Нисана. Однако, несмотря на это, Малоазійскія церкви не лишились спасительнаго и благодатнаго общенія и единства съ Христовой Церковью [118]).

Не должны были бы говорить единовѣрцамъ о тождествѣ Единовѣрія съ расколомъ также и порицательныя выраженія нѣкоторыхъ православныхъ Архипастырей касательно старыхъ обрядовъ и чиновъ, принятыхъ Единовѣріемъ.

Правда, на основаніи дѣяній Соборовъ 1656 и 1667 годовъ, въ нѣкоторыхъ полемическихъ и богослужебныхъ книгахъ: въ статьѣ предъ псалтырью «изъявленіе» и проч. и въ статьѣ предъ часословомъ «преданіе» и проч. старые обряды, въ частности, двуперстіе обзываются: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, арменствомъ, латинствомъ, еретичествомъ, аріевой пропастью злобожнаго раздѣленія, вратами, въ адъ низводящими, демоновымъ сѣдалищемъ, армянскимъ кукишемъ, волшебнымъ знаменіемъ, хиромантіей.

Но эти порицанія не имѣли прямого отношенія къ благословенному употребленію старыхъ обрядовъ и чиновъ въ Единовѣріи.

За ошибки частныхъ людей и Синода, издававшаго полемическія книги и выпускавшаго подъ своимъ благословеніемъ псалтыри и часословы съ ихъ предисловіями, съ рѣзкой статьей о болѣе уважаемомъ старообрядцами преданіи—двуперстіи, нельзя укорять единовѣрцевъ въ расколѣ. Если цѣлый соимъ отцевъ Неокесарійскаго Собора «не добрѣ разумѣлъ», если цѣлый Соборъ русскихъ архипастырей съ П. Филаретомъ проклялъ латинъ за начертаніе креста на землѣ двумя пальцами [119]), за славословіе Сына Божія «въ славу Бога Отца Духомъ Святымъ [120]), а Церковь Христова не утратила единства, то тѣмъ болѣе нельзя отказывать единовѣрцамъ въ единствѣ съ Православіемъ за проговорки болѣе частныхъ представителей Церкви и полемистовъ противъ раскола, не проявлявшихъ подобныхъ богохульствъ, какъ Соборъ 1620 года.

Потомъ, порицанія полемистовъ, касающіяся старыхъ обрядовъ, были по большей части порицаніями не самой вещи или предмета, но раздорническаго или неправославнаго мудрованія, соединеннаго съ ними. Тѣмъ болѣе, значитъ, не должны-бы волновать единовѣрцевъ.

Такъ, «Аріевой пропастью и злобожнымъ раздѣленіемъ» въ Скрижали называется не двуперстіе, а противленіе изображать Св. Троицу болѣе приличнымъ и точнымъ образомъ [121]). «Сѣдалищемъ демона» въ Розыскѣ Св. Димитрія Ростовскаго называется также не двупер-

стіе, а похуленіе троеперстія [122]). «Адовыми вратами, арменскимъ смрадомъ, смертоносіемъ, выдыханіемъ смертоноснаго змѣина яда» у Преосвященнаго Игнатія Тобольскаго опять-таки названо не двуперстіе, а народное смятеніе, бывшее при патр. Никонѣ [123]), ученіе о самосожиганіи [124]) и злословіе троеперстія [125]). «Отъ врага діавола всѣяннымъ плевеломъ» опять названо въ «Доказательствахъ древности трехперстнаго сложенія» не само двуперстіе, а изувѣрное злохуленіе троеперстія и противленіе Церкви [126]).

Такимъ образомъ, поводомъ къ порицанію старыхъ обрядовъ было не содержаніе ихъ, подобное содержанію единовѣрцевъ, а тотъ раздорническій догматическій смыслъ, какой усвоивался противниками Церкви старымъ и новоисправленнымъ обрядамъ. Эта мысль оттѣнялась самими полемистами.

а) Св. Димитрій Ростовскій, укоряя двуперстіе, укорялъ въ немъ неправое мудрованіе, какое связывали съ нимъ раздорники, а безъ этого мудрованія онъ двуперстное сложеніе, какъ оно сейчасъ находится у единовѣрцевъ, не укорялъ: «честны суть персты ко изображенію креста коимъ-либо образомъ слагающіися, но не суть бози, а понеже не бози, убо не вѣра. А раскольники вѣруютъ въ сложеніе по ихъ нраву перстовъ, убо вѣра ихъ не есть правая вѣра, но кривая» [127]).

Далѣе, называя въ одномъ мѣстѣ осмиконечный крестъ, предпочитаемый единовѣрцами, крестомъ брынскимъ, т. е. раскольническимъ, Св. Димитрій опять это говорилъ не въ похуленіе самаго креста, а въ обличеніе раздорническаго злохуленія и отверженія четвероконечнаго креста, ихъ видимой вѣры въ концы древа [128]). Въ другихъ мѣстахъ Святитель о самомъ осмиконечномъ крестѣ прямо выражался: «мы почитаемъ», что «крестъ этотъ честенъ» [129]).

б) Составитель «Обличенія неправды раскольническія» также говоритъ, что двуперстники порицаются не за самое сложеніе перстовъ, а за раскольническое неправославное мудрованіе, соединенное съ нимъ, за одогматствованіе двуперстія и за похуленія изъ за него Церкви.

Вотъ, что онъ писалъ въ своемъ «Обличеніи»: «первый сей есть членъ раскольническаго суевѣрія, воежебы въ знаменіи крестномъ слагати два персты средніи, а палецъ съ двумя послѣдними, безъ котораго сложенія перстовъ они знаменіе крестное ни во что ставятъ, отчего явно зрится, что они силу знаменію крестному не отъ креста Христова и страданія Его на немъ причитаютъ, но отъ своего перстовъ сложенія, аки отъ волшебнаго нѣкоего знаменія» [130]). Изъ этихъ словъ видно, что составитель «Обличенія» почиталъ двуперстіе волшебнымъ знаменіемъ за то, что оно обращалось у раздорниковъ (а не у единовѣрцевъ), аки т. е. какъ бы въ волшебное знаменіе.

Называя двуперстіе «смертоноснымъ ядомъ», сочинитель «Обли-

ченія» опять называлъ такъ не само двуперстіе, а то похуленіе на Церковь, какое связывалось у раздорниковъ съ двуперстіемъ. Это видно изъ того замѣчанія, какое онъ сдѣлалъ: «если бы они только отъ простоты или невѣжества знаменовались двуперстно, то и имени раскольническаго не были бы достойны[131]).

Выраженіе Московскаго Митрополита Филарета: ихъ—единовѣрцевъ слѣдуетъ вразумить не только *логически*, но и *канонически*[132]) остается въ силѣ и въ наше время. Не утверждаютъ единовѣрцевъ тѣ соображенія, что клятвы и прочія порицательныя выраженія могли явиться простотою и невѣжествомъ.

Такое положеніе вопроса, имѣвшаго во внутренней жизни Единовѣрія важное значеніе, крайне невыгодно отражалось на успѣхахъ распространенія его среди старообрядцевъ. Пользуясь невырѣшенностью этого вопроса, старообрядцы утверждали, что церковь предала проклятію и порицанію всѣхъ вообще старообрядцевъ безъ исключенія. Съ другой стороны, тѣ изъ православныхъ христіанъ, кои и нынѣ знаменуются двуперстно, особенно же единовѣрцы, сильно смущались въ своей совѣсти тревожнымъ вопросомъ: не состоятъ ли они и на самомъ дѣлѣ за свое двуперстіе подъ клятвою и подъ порицаніями, какъ въ этомъ старались увѣрить ихъ раздорники.

Поэтому, VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, занимавшійся обсужденіемъ вопросовъ изъ внутренней жизни Единовѣрія, никакъ не могъ оставить безъ вниманія вопросъ о клятвахъ и о порицаніяхъ, не могъ не вынести по нему такого или иного рѣшенія.

Нѣкоторые члены комиссіи дѣлаютъ VI отдѣлу Предсоборнаго Присутствія докладъ такого содержанія: «Какъ на одну изъ причинъ удаленія своего отъ Православной Церкви—старообрядцы болѣе всего указываютъ на соборъ 1656 года, на которомъ съ клятвою безусловно воспрещено двоеперстное крестное знаменіе. И еще ранѣе собора, Макаріемъ патріархомъ антіохійскимъ совмѣстно съ прочими восточными іерархами, безусловно преданы проклятію всѣ молящіеся двоеперстно. На вопросъ п. Никона возвѣстить ему, на которой сторонѣ истина, т. е. на той-ли, которая стоитъ за двуперстіе, или же на той, которая стоитъ за троеперстіе, патр. Макарій отвѣчалъ: «Преданіе пріяхомъ сначала вѣры отъ св. апостолъ, и св. Отецъ, и св. седми Соборовъ творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми персты десныя руки, и кто отъ православныхъ христіанъ не творитъ крестъ тако по преданію восточныя церкве, еже держа сначала вѣры даже доднесь, есть еретикъ и подражатель Арменовъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята. И за извѣщеніе истины

подписахъ Своею рукою». Это же проклятіе патр. Макарій высказалъ въ недѣлю Православія: показывая три первые персты правой руки, сложенные вмѣстѣ, патр. Макарій воскликнулъ: «Сими тремя первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на себѣ крестное изображеніе. А иже кто по Ѳеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть». Эту же клятву подтвердилъ и Соборъ 1656 г. Такимъ образомъ—поясняютъ составители доклада, преданы были проклятію всѣ молящіеся двоеперстно, не только раскольники, но и православные (ибо сказано: «и кто отъ христіанъ *православныхъ* не творитъ тако... иже кто по Ѳеодоритову писанію... творитъ,—той проклятъ»). Клятвы эти,—продолжаетъ докладъ,—волнуютъ и доселѣ упорныхъ приверженцевъ старины раскольниковъ, смущаютъ немало и православныхъ, молящихся двоеперстно, смущаютъ сильно «нашихъ единовѣрцевъ, служатъ большимъ тормазомъ въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Поэтому желательно было-бы, чтобы предстоящій Соборъ русской Церкви разсмотрѣвъ эти клятвы, по сношеніи съ Восточною Церковью *совершенно отмѣнилъ* клятву патріарха Макарія и Собора 1656 года, сказавъ про нихъ тоже самое, что и соборъ 1667 года про клятву Стоглаваго собора (1551), наложенную, или правильнѣе сказать,—высказанную простотою и невѣжествомъ, «посему клятву, юже безъ разсужденія и неправильно положиша, разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той Соборъ не въ Соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вмѣняемъ, якоже и не бысть» (Дѣян. Соб. 7 л. об.—8 л.). Словомъ,—заключаютъ составители доклада,—для успокоенія старообрядцевъ и православныхъ, но молящихся двоеперстно, необходимо уже *не одно разъясненіе* клятвъ патріарха Макарія и собора 1656, какъ *это требуется* относительно *клятвъ собора 1667 г., а совершенная отмѣна* этихъ клятвъ, какъ положенныхъ отъ «простоты и невѣдѣнія». Подобные примѣры отмѣны клятвъ, къ успокоенію чадъ Церкви, бывали и въ древней Церкви

Вмѣстѣ съ этимъ, заканчивали докладчики, необходимо высказаться Собору русской Церкви и по вопросу о порицаніяхъ на такъ называемые старые обряды въ полемическихъ книгахъ прежнихъ писателей противу раскола. И здѣсь, для успокоенія раскольниковъ и колеблющихся единовѣрцевъ, *необходимо не разрѣшеніе, а полная отмѣна* этихъ порицаній, при чемъ о писателяхъ нужно сказать, что и они высказывались отъ «простоты и невѣдѣнія» своего и, что если нѣкоторыя книги и изданы по благословенію Св. Синода, то *нынѣ* Церковь не раздѣляетъ всѣхъ подобныхъ отзывовъ о старыхъ обрядахъ и вмѣняетъ эти порицанія въ ничто, возлагая всю отвѣтственность за оныя на писавшихъ и высказывавшихъ оныя» [133]).

Заслушавъ вышепомѣщенный докладъ, VI отдѣлъ Предсоборнаго

Присутствія 3-го мая 1906 г. постановилъ: 1) «Имѣя въ виду пользу Святой Церкви, успокоеніе двуперстно молящихся и облегченіе встрѣчаемыхъ миссіонерами затрудненій въ разъясненіи произнесенной Антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ и соборомъ русскихъ іерарховъ въ 1656 г. *клятвы на двуперстно молящихся*,—ходатайствовать предъ Всероссійскимъ Соборомъ объ отмѣненіи означенной клятвы, какъ положенной по «недоброму разумѣнію» (ср. Шест. Всел. Соб. пр. 12) патріархомъ Макаріемъ нашего двуперстнаго сложенія, каковое недоразумѣніе возникло у патріарха вслѣдствіе ознакомленія съ неправильною редакціею такъ называемаго «Θеодоритова слова», печатавшагося въ нашихъ книгахъ половины 17 вѣка (Кир. кн., Предисловіе къ Псалтырямъ), подобно тому, какъ и соборъ 1667 г. «разрушилъ» клятву собора Стоглаваго, положенную на не крестящихся двуперстно». Шестой отдѣлъ вынесъ свое постановленіе и о порицаніяхъ. 2) «Ходатайствовать, рѣшаетъ онъ, предъ Соборомъ и о томъ, чтобы отъ лица Всероссійской Церкви было провозглашено, что порицательныя на старые обряды выраженія, полемическими писателями прежняго времени допущенныя, явились какъ слѣдствіе духа времени, страстной борьбы противниковъ, возмутительныхъ нападокъ на обрядъ, православною Церковью содержимый, излишней ревности православныхъ полемистовъ и наконецъ тоже неправильнаго разумѣнія смысла и значенія обрядовъ, отмѣненныхъ соборомъ. Въ настоящее время, при болѣе ясномъ пониманіи значенія обрядовыхъ разностей вообще, Церковь ничего зазорнаго и еретическаго въ этихъ обрядахъ ни видитъ, ничего порицательнаго въ отношеніи ихъ не принимаетъ и не раздѣляетъ, паучая и чадъ своихъ. *Прежнія же порицательныя выраженія совершенно отмѣняетъ и вмѣняетъ яко не бывшія*» [134]).

Какъ видимъ, VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія въ своихъ воззрѣніяхъ на смыслъ клятвы п. Макарія и Собора 1656 г. и на «порицанія» оказался солидаренъ съ тѣми дѣятелями миссіи и церковными писателями, кои послѣ 3-го Миссіонерскаго Съѣзда вставали по вопросу о клятвѣ на точку зрѣнія названнаго Съѣзда.

Ставши на точку зрѣнія 3-го Миссіонерскаго Съѣзда, Отдѣлъ старается, далѣе, успокоить старообрядцевъ, и православныхъ, и единовѣрцевъ, но только не путемъ прежнихъ разсужденій, а каноническою отмѣной тѣхъ и другихъ. Онъ называетъ клятвы п. Макарія и Собора 1656 г. и порицанія, положенными «по недоброму разумѣнію». Онъ ходатайствуетъ отмѣнить ихъ и вмѣнить ихъ, *яко не бывшія*, поступить съ ними подобно тому, какъ Соборъ 1667 г. поступилъ съ клятвой Стоглаваго Собора, положенною на некрестящихся двоеперстно. Послѣдній разрушилъ ее, сказавъ про Стоглавъ: «и той Соборъ не въ Соборъ».

Взглядъ VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія на клятвы и порицанія, высказанный имъ открыто, съ апостольскою ревностью объ истинѣ, вызвалъ среди многихъ православныхъ, всѣхъ единовѣрцевъ и искреннихъ старообрядцевъ чувства признательности и благодарности. Люди, вышедшіе изъ нѣдръ старообрядчества и знающіе его, нисколько не стѣснялись появившимися отзывами старообрядческихъ писакъ. Раздоръ старообрядчества существуетъ, между прочимъ, отъ невыясненности многихъ пунктовъ взаимнаго несогласія. Инымъ старообрядцамъ, духовенству и начетчикамъ прямой интересъ препятствовать разъясненію ихъ и держать народъ въ озлобленіи противъ Господствующей Церкви. Клятвы являлись и являются самымъ лучшимъ орудіемъ къ отпугиванію старообрядцевъ отъ Церкви. Постановленіе VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія сильно всколыхнуло старообрядчество. На Вятскомъ единовѣрческомъ Съѣздѣ вопросъ о клятвахъ и порицаніяхъ былъ включенъ въ программу занятій Съѣзда. Одиннадцатымъ параграфомъ своихъ постановленій Съѣздъ засвидѣтельствовалъ, что переходу раздорниковъ въ Православіе на правахъ Единовѣрія, между прочимъ, препятствуютъ клятвы 1666 г.г. и порицанія. Согласившись съ постановленіемъ VI отдѣла о клятвахъ п. Макарія и Собора 1656 г. и порицаніяхъ и будучи относительно ихъ, ихъ снятія, ихъ уничтоженія болѣе или менѣе удовлетворенными, единовѣрцы простираютъ заботу далѣе, спеціально говорятъ о клятвахъ 1667 года. Рѣшенія о нихъ, правда, не выносятъ, ибо чрезъ мѣсяцъ имѣлъ состояться Всероссійскій Съѣздъ въ Кіевѣ [135]).

Въ Кіевѣ вопросъ о клятвахъ и о порицаніяхъ разсматривался сначала одними только единовѣрцами, потомъ православными и единовѣрцами вмѣстѣ въ 1-й комиссіи, потомъ въ общемъ засѣданіи Съѣзда. Въ «Дневникѣ» единовѣрца, бывшаго на Миссіонерскомъ Съѣздѣ, слѣдующее разсказывается про единовѣрческія сужденія на Съѣздѣ по интересующему насъ вопросу.

14 іюля. Общаго собранія Съѣзда не было, хотя по росписанію отъ 9—12 час. оно значилось. Единовѣрцы рѣшились воспользоваться свободнымъ временемъ: и собраться и поговорить между собой. Явились въ залъ училища, гдѣ помѣщались. Но ихъ встрѣтили здѣсь окрики и возгласы: не смѣть на особицу, мы—православные миссіонеры не меньше васъ заняты вопросомъ Единовѣрія и желаемъ вмѣстѣ участвовать на собраніи. Видя такое отношеніе къ себѣ отъ своей собратіи, единовѣрцы, имѣя разрѣшеніе отъ предсѣдателя Съѣзда собираться, удалились на совѣщаніе въ другія комнаты. Здѣсь, какъ значилось по входному листу — собрались: 1) Представитель отъ Петер-

бургской епархіи, свящ. С. Ш—ъ; 2) отъ Курской епархіи, свящ. І. Рябухинъ; 3) Донской епархіи, свящ. Пав. Черновъ; 4) Владикавказской епархіи, свящ. Н. Миловановъ; 5) Владимірской епархіи, свящ. Аѳ. Суриновъ; 6) Тобольской епархіи, свящ. І. Можаевъ; 7) Олонецкой епархіи, свящ. І. Ярославцевъ; 8) Кишиневской епархіи, свящ. І. Матвѣевъ; 9) Владикавказской епархіи, свящ. Наз. Пузинъ, 10) Харьковской епархіи, свящ. Сам. Холоповъ; 11) уполномоченный отъ Владимірской епархіи Иванъ Е. Мухринъ; 12) Костромской епархіи, свящ. Ник. Лебедевъ; 13) представитель Вологодской епархіи, свящ. А. Заплатинъ (назначенъ епарх. начальствомъ); 14) Вятской епархіи, свящ. Н. Ергинъ; 15) Вологодской епархіи, свящ. Александръ Соболевъ; 16) представитель Тульскихъ единовѣрцевъ, В. Механиковъ; 17) Екатеринбургской епархіи, свящ. М. Сушковъ; 18) Псковской епархіи, свящ. В. Востоковъ; 19) Черниговской епархіи, свящ. І. Чередниковъ; 20) представитель Московскихъ единовѣрцевъ, Я. Пашковъ; 21) представитель Московскихъ единовѣрцевъ, К. М. Ершовъ; 22) представитель Сараговскихъ единовѣрцевъ, свящ. М. Алексѣевъ; 23) свящ. г. Симбирска, В. Курышевъ; 24) отъ Полоцкой епархіи, свящ. Ѳ. Борнуковъ; 25) представитель Нижегородской епархіи, Александръ Сергѣевъ; 26) Ставропольской епархіи, свящ. Т. Уколовъ; 27) Новгородской епархіи, свящ. Ем. Николаевъ; 28) Пензенской епархіи, свящ Г. Захаровъ; 29) Казанской епархіи, свящ. І. Шлеевъ; 30) Рижской епархіи, свящ. Ал. Знаменскій; 31) Самарской епархіи, свящ. С. Прянхинъ; 32) предст. Полтавской епархіи, А. Кирѣевъ; 33) Бѣловъ Иванъ Львовичъ изъ г. Тулы; 34) Алексѣй Осиповичъ Баксинъ изъ Нижегородской епархіи; 35) Вятской епархіи, свящ. П. Тряпицинъ; 36) свящ. Херсонской епархіи, Іосифъ Егоровъ; 37) Пермской епархіи, свящ. В. Шишовъ; 38) Уральской области, свящ. В. Демидовъ; 39) Оренбургской епархіи, свящ. І. Евстратіевъ; 40) Витебской епархіи, свящ. г. Двинска Г. Челпановъ; 41) свящ. г. Тулы Д. Холоповъ; 42) Терской области, свящ. І. Маштаковъ; 43) свящ. Витебской губ. Кл. Ѳ. Букинъ.

Состоявшееся изъ этихъ лицъ собраніе рѣшило въ этотъ разъ пять вопросовъ. Долго разсуждали о клятвахъ Московскихъ соборовъ, Одни стояли за снятіе клятвъ соборовъ 1656 и 1667 годовъ. Другіе, меньшинство, лишь за разъясненіе ихъ. Послѣдніе составили такую редакцію по рѣшенію жгучаго вопроса: «Для успокоенія нѣкоторыхъ единовѣрцевъ, не удовлетворяющихся синодальнымъ разъясненіемъ смысла клятвъ соборовъ 1656 и 67 г.г., ходатайствовать чрезъ Съѣздъ предъ Св. Синодомъ пригласить на предстоящій Россійскій Церковный Соборъ восточныхъ патріарховъ, вмѣстѣ съ ними выяснить смыслъ клятвъ вышеозначенныхъ соборовъ и заявить, что клятвы на православныхъ держателей стараго обряда не полагались». Подъ этой формулой

подписались 19 человѣкъ, одинъ отказался, слѣдовательно 18 лицъ, именно: о. Алексѣевъ, о. Востоковъ, о. Матвѣевъ, о. Пузинъ, о. Маштановъ, о. Захаровъ, о. Николаевъ, о. Ергинъ, о. Егоровъ, о. Лебедевъ, о. Евстратіевъ, о. Соболевъ, о. Сам. Холоповъ, о. Шишовъ, о. Сушковъ, о. Заплатинъ, о. Челпаковъ. о. Букинъ и о. Курышевъ [136]).

Изъ описанія единовѣрческаго засѣданія видно, что православные старообрядцы на Кіевскомъ Съѣздѣ старались разрѣшить вопросъ о клятвахъ не только 1656 года, бывшихъ предметомъ сужденія VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія, но и о клятвахъ 1667 года. Большинствомъ голосовъ, 25-ти противъ 18-ти они постановляютъ ходатайствовать о снятіи клятвъ и 1667 года.

Совмѣстное совѣщаніе православныхъ и единовѣрцевъ (1-я противораскольническая комиссія на Съѣздѣ) по данному пункту вопроса дѣлаетъ однако шагъ назадъ. Соглашаясь съ единовѣрцами по поводу порицанія п. Макарія и другихъ порицаній и клятвъ 1656 г., 1-я комиссія большинствомъ голосовъ высказывается за то, что клятвы собора 1667 года положены на противящихся Церкви ради такъ называемыхъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, что на *непрекословящихъ* старообрядцахъ (единовѣрцахъ) они не лежатъ и что они не нуждаются въ уничтоженіи ихъ при участіи, вселенскихъ патріарховъ [137]).

Въ такомъ же смыслѣ былъ написанъ и протоколъ общаго засѣданія Съѣзда въ Кіевѣ. Общее собраніе всего Съѣзда одобрило постановленіе 1-й комиссіи и по вопросу о клятвахъ и о порицаніяхъ постановило «ходатайствовать предъ Св. Синодомъ, по сношеніи съ восточными патріархами, и если возможно, при участіи ихъ, о подтвержденіи бывшихъ уже постановленій Святѣйшаго Синода и собравшихся въ Казани архипастырей: 1) о томъ, что двуперстіе и другіе древніе чины и обряды и книги тоже православные, если въ ними не соединено отдѣленіе отъ единства Христовой Церкви или какое-либо еретическое мудрованіе; 2) о томъ, что клятвы собора 1667 г. положены на противящихся Церкви ради такъ называемыхъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, а не на самые чины и обряды, 3) о томъ, что порицательныя выраженія духовныхъ полемистовъ противъ раскола не были выраженіемъ мысли Церкви Россійской, а считались и считаются ихъ личнымъ мнѣніемъ, которое Церковь не раздѣляла и не раздѣляетъ; 4) о томъ, чтобы Святѣйшій Синодъ клятвы патріарха Макарія и собора 1656 года призналъ положенными на воздвизающихъ въ то время прю изъ-за перстосложенія для крестнаго знаменія, каковыми въ настоящее время являются старообрядцы, отдѣляющіеся отъ Церкви, а также на соединявшихъ съ двуперстіемъ еретическое мудрованіе, каковыми были начинатели раскола, причемъ и клятву патріарха Макарія, какъ его личное мнѣніе, и клятву собора 1656 г., признать вызванными духомъ

и обстоятельствами времени и соборомъ 1667 года неподтвержденными и излишними и подлежащими отмѣнѣ [138]).

Изъ протокола общаго собранія Съѣзда видно, что Кіевскій Съѣздъ въ отношеніи клятвъ п. Макарія, собора 1656 года и порицаній на старые обряды, оказался вполнѣ солидарнымъ съ VI отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія. Тотъ и другой приходятъ къ одной мысли, что однихъ логическихъ разсужденій въ вопросѣ о клятвахъ и порицаніяхъ мало. Требуется некасательство тѣхъ и другихъ въ отношеніи православныхъ и единовѣрцевъ сдѣлать болѣе очевиднымъ.

Но старообрядцы волнуются не столько клятвами 1656 г. и порицаніемъ п. Макарія, неподтвержденными въ послѣдствіи на соборѣ 1667 г., какъ клятвами этого собора. Камнемъ преткновенія при соединеніи являются скорѣе послѣднія. Единовѣрцы, стоящіе къ старообрядчеству ближе, чѣмъ кто-либо другой, видѣли и слышали это, а потому при первой же возможности (Единовѣрческая комиссія на Кіевскомъ Съѣздѣ) заявили о снятіи ихъ, по сношеніи со вселенскими патріархами и при участіи ихъ.

Шестой отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, а потомъ Кіевскій Миссіонерскій IV Всероссійскій Съѣздъ пришли къ тому заключенію, что клятвы п. Макарія и собора 1656 г. необходимо отмѣнить, силою новаго соборнаго опредѣленія слѣдуетъ вмѣнить: ихъ «яко небывшія». Съ такимъ постановленіемъ однако не всѣ согласны. На страницахъ Миссіонерскаго Обозрѣнія за 1910 г. появилась статья, критикующая постановленіе VI Отдѣла и Кіевскаго Съѣзда по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Согласиться съ тѣмъ, говорятъ противники VI Отдѣла Предсоборнаго Присутствія и Кіевскаго Съѣзда, что клятва п. Макарія и Собора 1656 г. положена безусловно на всѣхъ двуперстниковъ, значитъ признать, что и п. Макарій и п. Никонъ, подъ предсѣдательствомъ котораго происходилъ соборъ 1656 г., усвояли церковнымъ обрядамъ значеніе неизмѣняемыхъ догматовъ вѣры. При томъ возвышенномъ истинно-христіанскомъ взглядѣ на значеніе церковныхъ обрядовъ, какой вполнѣ раздѣляли тотъ и другой патріархъ, могли ли они произнести проклятіе на православныхъ христіанъ за одно лишь содержаніе ими двуперстія? Это было бы, трактуютъ противники отмѣны клятвы, рѣшительнымъ и ничѣмъ необъяснимымъ противорѣчіемъ воззрѣнію ихъ [139]).

2) Клятвы п. Макарія и Собора 1656 г., продолжаютъ защитники ихъ, были положены отнюдь не на всѣхъ крестящихся двуперстно, а только на тѣхъ, которые съ двуперстіемъ соединяли еретическое мудрованіе, которые двуперстію усвояли значеніе неизмѣняемаго дог-

мата вѣры и которые вслѣдствіе этого отдѣлились отъ православныхъ христіанъ, употреблявшихъ троеперстіе, по примѣру всѣхъ восточныхъ церквей [140]).

3) Означенныя клятвы, говорятъ въ 3-хъ, понимаютъ въ условномъ смыслѣ и ученые авторитеты, а потомъ сами рачители ихъ отмѣны не согласны-де между собой, противорѣчатъ другъ-другу [141]).

4) Клятвы п. Макарія и Собора 1656 г., заключаютъ противники VI Отдѣла Предсоборнаго Присутствія и Съѣзда, вызваны были самою необходимостью, а не положены были «отъ простоты и невѣдѣнія», какъ выразилось Предсоборное Присутствіе, а потому онѣ необходимы были въ свое время такъ же, какъ необходимы онѣ и теперь по отношенію къ старообрядцамъ, а потому никѣмъ не могутъ быть отмѣнены [142]).

5) Тѣмъ болѣе нѣтъ тому примѣровъ. Не отмѣнены даже такія клятвы, какъ Гангрскаго Собора [143]).

Въ доказательство высоты воззрѣній патріарховъ Макарія и Никона на букву богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ противники Предсоборнаго Присутствія и Кіевскаго Съѣзда указываютъ однако не на ихъ сочиненія, а на грамоту вселенскаго патр. Паисія. Между тѣмъ, грамота послѣдняго не могла быть и не была принята п. Никономъ въ руководство при книжномъ исправленіи. Онъ получилъ ее, какъ свидѣтельствуетъ проф. Каптеревъ, гораздо позже, чѣмъ приступилъ къ своей реформѣ [144]). Если бы п. Никонъ руководился грамотой п. Паисія, то онъ не поспѣшилъ бы такъ стремительно единообразить чины и обряды. Вселенскій патріархъ не похвалялъ, а наоборотъ осуждалъ въ п. Никонѣ его желаніе во что бы ни стало исправить свои обычаи [145]).

Не раздѣлялъ возвышенныхъ христіанскихъ воззрѣній п. Паисія на обычай перстосложенія и п. Макарій [146]). Двадцать пятый отвѣтъ Вселенскаго патріарха находится не въ согласіи, а въ страшномъ противорѣчіи съ клятвой Антіохійскаго патріарха. Если послѣдній въ 1667 г. наравнѣ съ прочими членами Собора утвердилъ епистолію Константинопольскаго патріарха [147]), то это еще не значитъ, что онъ раздѣлялъ ея взглядъ въ 1656 г., усвоилъ и тогда ея духъ, зналъ ея содержаніе. Фраза Ивана Неронова, сказанная имъ въ 1657 г.: «иностранныя власти нашихъ служебниковъ не хулятъ, но и не похваляютъ» [148]), во всякомъ разѣ относится не къ п. Макарію, а скорѣе къ той же епистоліи Вселенскаго патріарха. Не относится къ нему и свидѣтельство діакона Ѳеодора: «вопрошахомъ мы ихъ всѣхъ купно архіереевъ и всего собора ихъ... отвѣщаваху они вси намъ во едино слово, яко вси прежніе цари и великія князи, и вси патріархи и святители православны быша и при нихъ рукописныя и печатныя

книги вся правы и непорочны суть,—ихъ мы не хулимъ.. А кто вопрошаше ихъ о старомъ и новомъ преданіи, они же отвѣщаваху тѣмъ: и такъ добро, и такъ добро[149]). Діаконъ спрашивалъ оо. Собора не 1667 г., а 1666 г., когда не было еще п. Макарія. Слѣдовательно такъ отвѣчалъ діакону Ѳеодору не п. Макарій!

Что п. Никонъ и п. Макарій не стояли на приписываемой имъ высотѣ христіанскаго взгляда на обрядъ и могли произнести проклятіе на православныхъ христіанъ за одно лишь держаніе ими двуперстія—это доказываетъ ихъ отношеніе къ такъ называемымъ живописнымъ иконамъ, коими въ настоящее время наполнено большинство православныхъ храмовъ[150]). Вотъ, какъ рисуетъ это ихъ отношеніе къ упомянутымъ иконамъ архидіаконъ Павелъ Алепскій—сынъ п. Макарія. «Патріархи, говоритъ онъ, предали въ недѣлю Православія анаѳемѣ и отлучили отъ Церкви тѣхъ, кто станетъ изготовлять образа, подобныя изображеніямъ франковъ, а равно и тѣхъ, кто будетъ держать ихъ у себя. Никонъ бралъ эти образа правою рукою одинъ за другимъ, показывалъ ихъ народу и бросалъ ихъ на желѣзныя плиты пола такъ, что они разбивались, и приказалъ ихъ сжечь[151]). Вѣрно, въ одностороннемъ и неправильномъ пониманіи церковныхъ обрядовъ и книжныхъ разночтеній названные патріархи находились не все время. Правда, въ 1657 году, особенно въ 1658-мъ, когда произошла размолвка у Московскаго Первосвятителя съ Царемъ, п. Никонъ уже терпѣливо относится къ старымъ обрядамъ и книгамъ (его позволеніе І. Неронову сугубить аллилуіа; перепечатанные имъ Часословы въ 1658 г.)[152]). Но зато въ интересующее насъ время, имѣющее ближайшее отношеніе къ предмету нашего сужденія, Московскій патріархъ сильно проявлялъ свою обрядовую точку зрѣнія. П. Никонъ приходитъ, напр., въ ужасъ отъ тѣхъ разночтеній Символа Вѣры, какія появились въ славянскихъ книгахъ; онъ не понимаетъ, о чемъ говоритъ 7-е правило III Вселенскаго Собора. Въ прилогѣ «Истиннаго» усматриваетъ великую погрѣшность. Не знаетъ, что III Вселенскій Соборъ ограждалъ не редакціи Никейскаго символа (про Константинопольскую онъ даже не говорилъ), а Никейскую вѣру (соч. Кир. II. 452).

Далѣе, п. Никонъ мѣняетъ русскіе православные обычаи на греческіе, не смотря на то, что многіе изъ духовенства и народа были противъ этого. Вноситъ изъ-за облюбованныхъ имъ греческихъ клобуковъ, жезловъ, амвоновъ и пр. великую смуту. Жестоко расправляется со своими противниками въ дѣлѣ книжнаго и обрядоваго исправленія. Одогматизировываетъ новоисправленные обряды и объ-ересяетъ старые (его «Моленіе къ Восточнымъ іерархамъ).

Всѐ это показываетъ, что патр. Никонъ и Макарій держались въ

интересующую насъ пору не весьма высокихъ воззрѣній на значеніе церковно-богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ. Напрасно противники VI отд. Предсоборнаго Присутствія и Кіевскаго Съѣзда аппелируютъ къ образованности этихъ іерарховъ и на основаніи ея не допускаютъ и мысли о томъ, чтобы они могли предать проклятію православныхъ христіанъ за одно лишь двуперстіе. Образованность того и другого покоится на однихъ лишь предположеніяхъ [153]). Потомъ, можно быть образованнымъ и въ то же время заявить себя одностороннимъ и жестокимъ насадителемъ своихъ реформъ.

Напрасно и *второе* усиліе защитниковъ клятвъ п. Макарія и Собора 1656 года. Это ихъ вытолковываніе клятвъ при помощи «обстоятельствъ того времени». Клятвы ясны и въ особыхъ толкованіяхъ не нуждаются. Въ текстѣ ихъ точно указано, на кого онѣ положены. Положены онѣ на православныхъ христіанъ, знаменующихся двумя перстами. Исключеній никакихъ. Всякій молящійся двуперстно по п. Макарію проклятъ. «Въ своемъ отвѣтѣ, возражаютъ противники, святители высказали самую сущность своего мнѣнія, а лица, о коихъ шла ихъ рѣчь, указаны въ вопросѣ п. Никона. П. Макаріемъ прокляты тѣ изъ православныхъ, кои указываются у п. Никона въ его моленіи къ восточнымъ іерархамъ». Разсмотримъ это «моленіе» п. Никона къ Антіохійскому патр. Макарію, Сербскому митр. Гавріилу, Никейскому Григорію, и Сучавскому Гедеону. «Воздвизаютъ убо нѣцыи въ насъ прю, писалъ п. Никонъ, како персты имѣти десницы и воображати на лицѣ знаменіе Христа. Ови убо, искусніи и художніи, три великія персты совокупивше, глаголю великій палецъ и указательный и средній, во образъ Св. Троицы, начертываютъ на лицѣ своемъ образъ креста, *ихже мнимъ добрѣ творящихъ*,—ови-же, совокупивше указательный и средній великій, начертываютъ на лицѣ своемъ знаменіе креста, глаголюще изображати два естества Богочеловѣка, треми же: первымъ великимъ пальцомъ и двѣма малыми глаголютъ образовати Св. Троицу. И се указующе, како разумѣютъ тѣми тремя персты о Св. Троицѣ образъ неприличенъ имущъ, за неже неравенство имутъ персты къ себѣ, великій съ малыми, якоже видимъ въ писаніи равенство трехъ ипостасей къ себѣ. И како разумѣти прочима двѣма, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, *яко не возмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти;* кіи убо отъ сихъ истиннїи: тіи ли, иже первыми тремя персты, или вторіи, иже двѣма персты: указательнымъ и среднимъ, знаменіе креста творящіи, и три персты: великій и два малыя, глаголющія во образъ Св. Троицы; молимся, о семъ возвѣстите намъ, кое есть истина». Содержаніе «моленія» п. Никона, какъ видимъ, не въ пользу защитниковъ клятвы п. Макарія. Оно нисколько не объясняетъ эту клятву въ искомомъ для нихъ смыслѣ. Если изъ клятвы,

по ихъ мнѣнію, не видно: на кого она положена, хотя тамъ прямая рѣчь о православныхъ христіанахъ, то изъ связи отвѣта съ вопросомъ п. Никона уже яснѣе яснаго видно, что проклинаются всѣ двуперстники. П. Никонъ не полагаетъ между двуперстниками различія, какое желаютъ видѣть противники VI отд. Предсоборнаго Присутствія, а потому п. Макарій проклялъ безъ исключенія всѣхъ не троеперстниковъ. Московскій Святитель въ своемъ вопросѣ упоминаетъ, съ одной стороны, троеперстниковъ, а съ другой, двуперстниковъ. Послѣднихъ онъ не раздѣляетъ на воздвизающихъ «прю» и не воздвизающихъ, не говоритъ о двуперстникахъ право мудрствующихъ и неправо мудрствующихъ. Онъ разсуждаетъ о двуперстникахъ вообще. По нему всѣ двуперстники, по самому сложенію своихъ пальцевъ, неприличны и сомнительны въ Православіи. Онъ *мнитъ добрѣ творящихъ* лишь троеперстниковъ. Что касается двуперстниковъ, то всѣ они, по его словамъ, въ трехъ перстахъ имѣютъ неприличный образъ Св. Троицы, а въ двухъ пальцахъ носятъ, хотя въ возможности, а все же ересь, четвертое лице Св. Троицы. Опасаясь за двуперстіе, самымъ сложеніемъ пальцевъ предрасполагающее къ ереси, и выставляя троеперстниковъ, право исповѣдующихъ Св. Троицу, п. Никонъ спрашивалъ въ концѣ концовъ: которое сложеніе истинное—троеперстное или двуперстное: «коеесть истина»? На приведенный вопросъ п. Никона Антіохійскій п. Макарій отвѣчалъ: «Преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ Св. апостолъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста тремя первыми персты десныя руки, и *кто отъ христіанъ православныхъ* не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя Церкве, еже держа съ начала вѣры даже до днесь, есть еретикъ и подражатель арменовъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа [154]).

Защитники клятвы сдаются не сразу. Они съ помощью не особенно провѣренныхъ данныхъ стараются отстоять предложенное ими толкованіе «моленія» п. Никона. Они пытаются за патріарха Никона настойчиво произвести среди двуперстниковъ, проклятыхъ п. Макаріемъ, нѣкоторую градацію. Останавливаются на словахъ моленія: «воздвизаютъ убо нѣцыи въ насъ прю». Подъ этими нѣкими непремѣнно желаютъ видѣть двуперстниковъ—противниковъ Церкви. Подъискиваютъ факты исторіи, гдѣ нѣкоторые двуперстники ратовали за свое сложеніе и возставали противъ троеперстія [155]) и т. д. Между тѣмъ, въ вопросѣ Московскаго патріарха слова: «воздвизаютъ убо нѣцыи въ насъ прю» относятся не къ однимъ лишь двуперстникамъ. Любители «при» были и среди троеперстниковъ. Каждый защищалъ свое. Въ такомъ смыслѣ «прю» понялъ и п. Макарій. Онъ въ виду ея общности, наличности у тѣхъ и у другихъ, совсѣмъ не упомянулъ про нее, а перешелъ къ самой сути вопроса: на которой сторонѣ

истина—на сторонѣ троеперстія, или двуперстія? Противники VI отд. Предсоборнаго Присутствія и Съѣзда стремятся настойчиво «растолковать» и слѣдующія слова «моленія»: «яко да не возмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти». Они пытаются установить фактъ наличности двуперстниковъ—еретиковъ, которыхъ въ данномъ случаѣ и разумѣлъ-де п. Никонъ. Ссылаются на посланіе діяк. Ѳеодора къ своему сыну Максиму, гдѣ онъ обличаетъ нѣкоторыхъ послѣдователей протопопа Аввакума въ неразумномъ новоложномъ толкованіи двуперстія. «И на крестное Христово сущее знаменіе въ сложеніи перстовъ, писалъ онъ, велію хулу сами паносите тѣмъ неразумнымъ и новоложнымъ толкованіемъ... А по вашему нынѣшнему новому мудрованію *и въ правду* тако два сына будутъ, по Несторію зловѣрному: еже глаголете въ трехъ лицѣхъ Св Троицы самое существо во Отцѣ и Сынѣ и Св. Духѣ, а во Христѣ не самое существо глаголете. И сіе ваше зловѣріе и дуракъ *узнаетъ*, яко два сына исповѣдуете: великаго да малаго, и тако четверицу глаголете, а не Троицу Святую. И сего ради паки и паки молю вы: покиньте то злое и душепагубное мудрованіе, его же нѣсть, нѣсть во всѣхъ нашихъ древнихъ православныхъ книгахъ церковныхъ, за нихъ же азъ стражду и умираю [156]). Приводя эту ссылку, защитники клятвы п. Макарія не хотятъ обратить вниманія на слова: «и въ правду тако два сына будутъ». Эти слова показываютъ, что обвиненіе нѣкоторыхъ двуперстниковъ въ какомъ-то новомъ мудрованіи основывалось лишь на предположеніи, на догадкахъ. что настоящихъ причинъ къ раздѣленію въ 1656 году двуперстниковъ на правомудрствующихъ и неправомудрствующихъ у п. Никона не было. Они, если и появились, то гораздо позже, хотя прот. Аввакумъ въ посланіи нѣкоему Іонѣ отрицалъ и позднѣйшее навязываемое ему еретическое толкованіе двуперстія. Итакъ, въ 1656 году у п. Никона не было дѣйствительныхъ поводовъ подраздѣлять находящихся въ оградѣ Св. Церкви двуперстниковъ: на православныхъ и неправославныхъ. Рѣчь шла вообще о православныхъ. О православныхъ говоритъ и п. Макарій. Послѣдній отвѣтилъ лишь то, о чемъ спрашивалъ его Московскій первосвятитель.

Стремленіе вытолковать клятву п. Макарія обязательно въ смыслѣ проклятія двуперстниковъ, воздвизающихъ «прю» и еретичествующихъ, *не имѣетъ* данныхъ.

Касательно клятвы Собора 1656 года противники Предсоборнаго Присутствія, его VI Отдѣла и Кіевскаго Съѣзда говорятъ такимъ образомъ: «она уже меньше вызываетъ разныхъ недоумѣній (чѣмъ клятва п. Макарія), благодаря тому, что ее редактировалъ самъ п. Никонъ, знавшій, что она изрекается для руководства православныхъ христіанъ и потому была изложена такъ, что ее можетъ понять всякій» [157]). Сами,

слѣдовательно, проговариваются, признавая, что клятва п Макарія, дѣйствительно, вызываетъ массу недоумѣній противъ ихъ толкованія. Но неменьше вызываетъ ихъ и клятва Собора 1656 г., хотя редактировалъ ее самъ п. Никонъ! Содержаніе ея слѣдующее: «Аще кто отселѣ вѣдый не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле Св. восточная Церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре вселенскіи патріарси со всѣми сущими подъ ними христіанами, повсюду вселенныя обрѣтающимися, имѣютъ, и якоже здѣ прежде православніи содержаша до напечатанія слова Θеодоритова въ псалтирѣхъ со возслѣдованіемъ Московскія печати, еже тремя великими персты десныя руки изображати вообразъ Св. Троицы единосущныя и нераздѣльныя и равнопокланяемыя, но имать творити сіе непріятное Церкви, еже соединя два малые персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъ-же неравенство Св. Троицы извѣщается, и два великосреднія персты суща, въ нихъ же заключати два Сына и два Состава по Несторіеви ереси, или инако изображати крестъ, сего имамы, послѣдующе Св. Отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиламъ, и св. восточныя Церкве четыремъ вселенскимъ патріархомъ, всячески отлучена отъ Церкви, вкупѣ и съ писаніемъ Θеодоритовымъ, якоже и на пятомъ соборѣ прокляша его ложная списанія на Кирилла Архіепископа Александрійскаго и на правую вѣру, сущая по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы[158])». Соборъ, какъ видимъ, проклинаетъ каждаго православнаго христіанина, который не знаменуется троеперстно, а знаменуется двуперстно или иначе какъ. Непослушаніе, о коемъ трактуетъ соборъ, заключается ни въ чемъ другомъ, какъ только въ двуперстномъ сложеніи. Соборъ не исключаетъ изъ своей клятвы двуперстниковъ, «повинующихся». Всякій двуперстникъ, какъ таковой, по смыслу соборнаго опредѣленія, есть уже противникъ и не можетъ быть непротивникомъ. Двуперстіе само по себѣ стало непріятнымъ Церкви. Двуперстникъ, разъ онъ складываетъ свои пальцы двуперстно, волей-не-волей, по словамъ собора, въ трехъ перстахъ исповѣдуетъ неравенство Св. Троицы, а въ двухъ перстахъ «два Сына и два состава по Несторіевѣ ереси». Такое уже свойство этого сложенія!? А поэтому оно должно уступить мѣсто во всѣхъ отношеніяхъ православному, древнему и всѣми принятому троеперстію. Только лишь послѣднее есть вполнѣ истинный символъ для изображенія нашей вѣры. Всякій другой образъ сложенія перстовъ, въ томъ числѣ и двуперстіе, по мнѣнію собора, ложный. Всякій, употребляющій не троеперстіе, заслуживаетъ одну только клятву.

Вотъ, смыслъ опредѣленія собора 1656 г. По нему каждый двуперстникъ находится подъ клятвой. Отсюда, вполнѣ естественно, почему и Предсоборное Присутствіе, и Кіевскій съѣздъ желали снять эту клятву.

Сами противники этого снятія чувствуютъ неотразимость клятвы и въ своихъ разсужденіяхъ не знаютъ часто: чѣмъ помочь себѣ. Хватаются, какъ утопающій за соломенку, за такія фразы—«А чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что достойнымъ отлученія отъ Церкви признается христіанинъ не за двуперстное или инакое сложеніе, а именно за соединяемое съ такимъ перстосложеніемъ еретическое мудрованіе, въ соборное опредѣленіе, говорятъ противники снятія клятвы, внесены слова: «послѣдующе святыхъ отцевъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиламъ». Извѣстно всякому, добавляютъ защитники клятвы, что соборы отлучали отъ Церкви только еретиковъ, за ихъ еретическое мудрованіе, а не за такое или иное перстосложеніе. Напрасно успокоеніе. Упоминаніе въ опредѣленіи о вселенскихъ соборахъ нисколько не говоритъ о томъ, что клятва положена лишь на двуперстниковъ неправо-мудрствующихъ. Оно говоритъ скорѣе лишь о желаніи собора 1656 придать своему постановленію больше авторитета. Ссылка при разсужденіяхъ о перстахъ на древніе авторитеты есть и у п. Макарія, и у собора 1667 года. Всѣ они, желая во что-бы ни стало утвердить троеперстіе, возводятъ его къ началу нашей Вѣры, къ св. апостоламъ, къ Вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ. Греческіе святители относили троеперстіе къ св. апостоламъ. Русскіе же подъ предсѣдательствомъ п. Никона источникъ троеперстія видѣли въ Вселенскихъ соборахъ, пріурочивали его къ этому времени. Проклиная всякаго нетроеперстника, они ссылаются при этомъ на Вселенскіе и помѣстные соборы.

Чувствуя свою несостоятельность, противники VI отд. Предсоборнаго Присутствія и Съѣзда ссылаются въ концѣ доводовъ на ученые авторитеты,—на профессоровъ Дух. Академій: Н. И. Ивановскаго и Н. И. Субботина. Но первый изъ нихъ самъ былъ въ Предсоборномъ Присутствіи, въ VI его отдѣлѣ и самъ стоялъ за сложеніе занимающихъ насъ клятвъ. Ссылка на него по меньшей мѣрѣ странна. Что касается Н. И. Субботина, то приводимый отрывокъ изъ труда его страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ искренности, какимъ страдаютъ и его единомысленники. Онъ говоритъ: «Клятва п. Макарія и собора 1656 г. не можетъ простираться безусловно на всякаго, крестящагося двуперстно, т. е. употребляющаго перстосложеніе, по самому существу своему несоединяемое ни съ какимъ неправославнымъ мудрованіемъ но вполнѣ законно и справедливо она падаетъ на тѣхъ, которые сему; обряду, въ существѣ своемъ не нарушающему православія, придаютъ въ своемъ употребленіи неправославный характеръ, т. е., признавъ его не обрядомъ, а неизмѣняемымъ догматомъ вѣры, считаютъ единственно и исключительно достойнымъ употребленія и употребляютъ въ прямое отрицаніе, осужденіе и порицаніе истинно древняго, православнаго и

всею православною Церковью употребляемаго обряда (т. е. троеперстія), въ явное противленіе Церкви, съ явными хулами на него и Церковь. Въ такомъ, *нѣсколько ограниченномъ, болѣе тѣсномъ* значеніи клятва п. Макарія и Собора 1656 года подтверждена и опредѣленіемъ собора 1667 года и, какъ подтвержденная симъ послѣднимъ большимъ соборомъ, доселѣ имѣетъ силу въ отношеніи къ именуемымъ старообрядцамъ, употребляющимъ двуперстіе въ отрицаніе и похуленіе употребляемаго Церковью обряда и въ явное противленіе Церкви, но отнюдь не простирается на единовѣрцевъ, не усвояющихъ двуперстію такого значенія»[159]). Профессоръ Субботинъ старается защитить клятву разнаго рода вставочными сужденіями, говоритъ о противленіи, о хулѣ на Церковь, о неправедномъ мудрованіи, объодогматизированіи двуперстія и т. д. Полагаетъ, что клятва положена не на самое двуперстіе, а за эти, вотъ, вины и т. п, что перстосложеніе по самому существу своему не можетъ нарушать Православія. Но кто говоритъ про персты, какъ только про кости и мясо, дѣйствительно, не могущихъ нарушить чистоту Православія? Разъ заводятъ рѣчь о двуперстіи, то говорятъ о немъ, очевидно, какъ о краткомъ символѣ нашей Вѣры. Пора бы усвоить эту простую истину и разъ навсегда понять, что соборъ 1656 г., п. Макарій разсуждали не о мясѣ и костяхъ, а о двуперстіи, сложенномъ для крестнаго знамени и какъ таковое признали неудачнымъ, непріятнымъ и ложнымъ для выраженія троичности лицъ Св. Троицы и двухъ естествъ въ І. Христѣ. Впрочемъ, самъ профессоръ сознается, что въ такомъ «нѣсколько ограниченномъ болѣе тѣсномъ», чѣмъ онъ нарисовалъ, значеніи клятвы п. Макарія и Собора 1656 г. подтверждены и опредѣленіемъ собора 1667 года. Да, вставочныя предложенія профессора Субботина не были извѣстны и собору 1667 года. Послѣдній понималъ ее въ буквальномъ смыслѣ, какъ она изречена, а не такъ, какъ разъяснили ее двѣсти пятьдесятъ лѣтъ спустя и какъ таковую, по свидѣтельству профессора И. Ф. Нильскаго, не утвердилъ. Такъ мало походила она, по его словамъ, на Дѣянія Б. Московскаго собора, не гармонировала съ ними. Объясняя клятвы собора 1667 въ условномъ смыслѣ, проф. Нильскій не могъ признать этой условности за клятвой п. Макарія и собора 1656 года. Такъ они, по его сознанію, тяжелы и очевидны [160]).

Ни ссылка на мнимую образованность патріарховъ Никона и Макарія, ни разнаго рода историческія экскурсіи, ни ученые авторитеты— ничто не можетъ затѣнить ясныхъ, какъ Божій день, клятвъ п. Макарія и собора 1856 года. Не даромъ старообрядцы, единовѣрцы и многіе православные волнуются изъ-за нихъ. Не даромъ постановили просить Высшую Церковную власть вмѣнить ихъ, яко небывшія, и VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, и Кіевскій Съѣздъ.

Впрочемъ, касательно послѣдняго защитники клятвъ иронизируютъ и даже не желаютъ считаться съ нимъ. Постановленіе Кіевскаго Съѣзда по данному вопросу считаютъ однимъ лишь недоразумѣніемъ. Заключеніе Съѣзда объ уничтоженіи клятвъ находятъ непослѣдовательнымъ, не вытекающимъ изъ предшествующихъ сужденій оо. Съѣзда и прямо противорѣчащимъ началу 4 пункта его постановленія о клятвѣ п. Макарія и собора 1656 года. Прочитаемъ этотъ пунктъ и посмотримъ, такъ ли это, какъ говорятъ противники Съѣзда. «Желая облегчить трудъ миссіонеровъ по обличенію раскола, а также успокоить мятущуюся совѣсть смущающихся клятвами патр. Макарія и собора 1656 года», Съѣздъ постановилъ ходатайствовать, въ 4-хъ, о томъ, «чтобы Св. Синодъ клятвы Макарія и собора 1656 года призналъ положенными на воздвизающихъ въ то время «прю» изъ-за перстосложенія для крестнаго знаменія, каковыми въ настоящее время являются старообрядцы, а также на соединявшихъ съ двуперстіемъ еретическое мудрованіе, каковы были начинатели раскола, при чемъ и клятву патр. Макарія, какъ его личное мнѣніе, и клятву собора 1656 года признать вызванными духомъ и обстоятельствами времени и соборомъ 1667 года не подтвержденными, а потому излишними и подлежащими отмѣнѣ [161]).

Противорѣчія между 4-мъ пунктомъ разсужденій о клятвахъ и его заключеніемъ объ отмѣнѣ клятвъ нѣтъ. Съѣздъ сознавалъ, что безъ спеціальнаго опредѣленія Св. Синода объяснить и заставить другихъ понимать клятвы въ условномъ смыслѣ нѣтъ возможности, что Высшая власть, объясняя ихъ въ условномъ смыслѣ, должна все же свести ихъ на нѣтъ, т. е. отмѣнить. По смыслу «моленія» п. Никона, клятвъ п. Макарія и собора 1656 г., всѣ двуперстники воздвизали «прю», всѣ двуперстники по свойству самого двуперстія, волей—не волей являлись еретиками. Признавая клятву, хотя положенной лишь на противниковъ и еретичествующихъ, Св. Синодъ, по мысли Съѣзда, волей-не волей долженъ признать ее возглашенной на всѣхъ двуперстниковъ безъ исключенія, а потому подлежащей отмѣнѣ.

Итакъ, того внутренняго противорѣчія у Съѣзда, о коемъ говорятъ противники, нѣтъ. Не расходится Съѣздъ по данному вопросу и съ VI отдѣломъ Предсоборнаго Присутствія. Съѣздъ призналъ клятву подлежащей отмѣнѣ, что сдѣлалъ въ свое время и VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія.

Какъ бы предчувствуя всю справедливость и законность ходатайства VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія и Съѣзда отмѣнить клятвы п. Макарія и собора 1656 г., и стремясь помѣшать этому, защитники ихъ застращиваютъ тѣми дурными послѣдствіями, какія могутъ явиться, благодаря отмѣнѣ. «Посмотримъ, говорятъ они, дѣй-

ствительно ли отмѣною клятвъ п. Макарія и собора 1656 г. можетъ быть достигнута та высокая цѣль, о которой говоритъ VI отдѣлъ Предсоборнаго Присутствія, а именно «успокоеніе двуперстно молящихся». Для этого не лишне ознакомиться съ отзывами по данному предмету старообрядческихъ журналовъ [162]). Журналъ «Старообрядецъ» въ № 7, за 1906 годъ, на стр. 836 говоритъ: «Что двѣсти лѣтъ тому назадъ сдѣлали старообрядцы, то теперь вынуждены дѣлать именуемые православные относительно бывшихъ соборовъ 1656—1667 годовъ. Старообрядцы основательно и твердою рукою устранили ихъ, какъ многорѣчивыя еретическія сборища еретическихъ іерарховъ. Въ настоящее же время волею судебъ казенно купленные миссіонеры, не стѣсняясь, ставятъ крестъ надъ этими соборами, которые предшественниками ихъ, въ родѣ Павла Прусскаго, были сравнены чуть ли не съ апостольными соборами. Вотъ что читаемъ на столбцахъ уважаемой газеты «Волгарь»: Синодальный миссіонеръ протоіерей Крючковъ и Самарскій священникъ Александровъ въ своемъ докладѣ Предсоборному Присутствію пишутъ: желательно было бы, чтобы предстоящій Соборъ совершенно отмѣнилъ клятву п. Макарія и собора 1656 года на двуперстіе, сказавъ про нихъ то же, что и соборъ 1667 года про клятву Стоглаваго Собора, наложенную простотою и невѣжествомъ... далѣе газета «Волгарь» добавляетъ, и вполнѣ основательно, что желанія миссіонеровъ вызваны настоящею необходимостью, такъ какъ не только старообрядцы, а и всѣ православные, молящіеся двуперстно, въ теченіи 250 лѣтъ находятся подъ проклятіемъ». Въ другомъ старообрядческомъ журналѣ, говорятъ противники снятія клятвъ, пишется: «Самарскому миссіонеру Александрову, послѣ многолѣтнихъ упорныхъ запирательствъ предъ старообрядцами, въ докладѣ Предсоборному Присутствію пришлось чистосердечно сознаться въ полной справедливости по обвиненію ими новообрядствующей церкви въ величайшемъ ея преступленіи—произнесеніи соборомъ 1656 года ужаснѣйшихъ проклятій и анаѳемъ на православныхъ христіанъ за содержаніе православныхъ преданій Св. Христовой Церкви [163]).

«Не ясно ли, заключаютъ противники сложенія клятвъ, что осуществленіе проэктированной Предсоборнымъ Присутствіемъ отмѣны клятвы п. Макарія и собора 1656 г., какъ положенныхъ якобы простотою и невѣжествомъ и якобы на православныхъ христіанъ, явилось бы въ глазахъ старообрядцевъ лишь самоосужденіемъ православной Церкви и первымъ шагомъ ея на пути раскаянія. Отмѣнивъ клятву п. Макарія и собора 1656 г., православная Церковь тѣмъ самымъ подтвердила бы тревожащую единовѣрцевъ и православныхъ двуперстно молящихся мысль, что до этой отмѣны они и на самомъ дѣлѣ состояли подъ клятвою за содержаніе двуперстія, какъ въ этомъ ихъ постоянно

увѣряли расколоучители: «великороссійская Церковь умышленно де старалась скрыть отъ васъ прискорбную истину» [164]).

Мы нарочно подробно выписали тѣ страхи и опасенія, какія раздѣляются защитниками клятвъ въ случаѣ отмѣны послѣднихъ. Предъ лицомъ всѣхъ этихъ ужасовъ мы спокойно говоримъ: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Противники отмѣны забываютъ, что нецерковные старообрядцы дѣлали непріятные отзывы и при учрежденіи Единовѣрія и во время его существованія, особенно на первыхъ порахъ [165]). Среди представителей Православія, при основаніи Единовѣрія находились тоже боязливые, нежелавшіе, въ виду нареканія на Церковь, учрежденія Условнаго Соединенства, опасавшіеся чрезъ допущеніе послѣдняго за авторитетъ Б. Московскаго Собора и за честь Русской Церкви (протопресвит. Димитрій и большинство московскаго духовенства въ отвѣтахъ на запросъ м. Платона [166]). И при учрежденіи Единовѣрія раздорники кричали о противорѣчіи церковной власти, о ея раскаяніи и т. п. Однако, несмотря на это все, истина восторжествовала, Единовѣріе, не взирая на клики раздорствующихъ старообрядцевъ, существуетъ. И Церковь, чрезъ наличность его, не потеряла, а скорѣе же пріобрѣла себѣ новыхъ чадъ. Сейчасъ требуется лишь успокоить ихъ, уничтожить ту клятву, которая была положена на всѣхъ православныхъ, молящихся двуперстно, безъ всякаго исключенія. «Церковь имѣетъ многія указанія отъ древности преуспѣвать на лучшее. И въ прежнее время соборы безъ всякаго зазора добрѣ исправляли несовершеннѣ изложенныя правила отъ прежде бывшихъ соборовъ; исправляли на лучшее даже апостольскія узаконія, и Св. Церковь не стужаетъ о семъ, паче же похваляетъ, и на будущее время образъ подаетъ исправляти». (Дѣян. Соб. 1667 г. гл. 10)!

Мысль объ уничтоженіи клятвы п. Макарія и собора 1656 г. вызвана самой необходимостью дѣла, а не простотою VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія, какъ хочется сказать противникамъ отмѣны. Шестому отдѣлу по данному вопросу былъ сдѣланъ особый докладъ, гдѣ говорилось, что клятвы волнуютъ и до селѣ упорныхъ приверженцевъ старины, смущаютъ немало и православныхъ, молящихся двуперстно, смущаютъ сильно и нашихъ единовѣрцевъ.

Напрасно полагаютъ, что, кромѣ отмѣны клятвы Стоглаваго Собора, другихъ примѣровъ отмѣны не было. Ходить далеко не будемъ. Соборъ 1667 года отмѣнилъ клятву п. Никона. «Повелѣніе же, пишутъ о.о. Собора въ 23 собор. свиткѣ, и клятву, юже неразсудно положи Никонъ бывшій патріархъ о дѣйствіи священной воды, еже дѣйствовати единощи (точію въ навечеріи), *разрѣшаемъ и разрушаемъ и въ ничтоже вмѣняемъ.*

Противники отмѣны, въ концѣ концовъ, ссылаются на не отмѣненныя формально опредѣленія Гангрскаго собора. Послѣдній не

затруднился предать проклятію даже одинъ изъ величайшихъ подвиговъ христіанства — «дѣвство Господа ради», когда «дѣйственники гнушались бракомъ» и превозносились надъ бракосочетавшимися» (9—10),—не затруднился предать проклятію и совершенно невинный самъ по себѣ видъ добровольнаго подвижничества, выражавшійся въ «ношеніи суровой одежды (12), когда этого рода подвижники «осуждали съ благоговѣніемъ носящихъ шелковыя одежды и употребляющихъ общую, обыкновеніемъ принятую одежду (пр. 12)».

Но противники позабыли, что клятвы Гангрскаго собора условны, они положены на мнимыхъ лишь подвижниковъ, чего нельзя сказать про клятвы п. Макарія и собора 1656 г. Послѣднія безусловны. Если о первыхъ Матвѣй Властарь (XIV в.) выразился, что ихъ не слѣдуетъ слушать (Рук. Каз. Ак. Биб. № 744, л. 13), то о вторыхъ VI отд. Предсоборнаго Присутствія могъ смѣло сказать, что ихъ слѣдуетъ отмѣнить.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ:

1) Клятвы п. Макарія и собора 1656 года, какъ гласитъ буквальный ихъ текстъ, положены на православныхъ христіанъ, молящихся двуперстно.

2) Въ то время всѣ двуперстники признавались противниками Церкви и не правомудрствующими, а само двуперстіе по расположенію пальцевъ—неправославнымъ.

3) Клятвы должны быть въ отношеніи православныхъ и единовѣрцевъ отмѣнены и разрушены, и двуперстіе само по себѣ должно быть признано православнымъ преданіемъ.

4) Отмѣна клятвъ необходима, иначе Церковь до сихъ поръ проклинаетъ то, что сама же благословляетъ.

5) Отмѣна клятвъ произведетъ не столько соблазна, сколько наличность ихъ. Отмѣна наоборотъ успокоитъ, а у враждующихъ старообрядцевъ отниметъ лишній поводъ къ отдѣленію.

Въ прежнее время единовѣрцамъ разъясняли условный смыслъ клятвъ, что клятвы простираются лишь на хулителей, на противниковъ церковной власти, что единовѣрцы, какъ не таковые, не подлежатъ этимъ клятвамъ (объясненіе Св. Синода 1881—86 гг.). Потомъ вразумляли единовѣрцевъ тѣмъ, что соглашались временно съ положеніями старообрядцевъ, якобы клятвы положены на всѣхъ безъ исключенія держателей стараго обряда, безъ отношенія ихъ къ Православной Церкви, проклинаются не только раздорные, но и церковные старообрядцы, но не дѣлали изъ этого губительныхъ выводовъ для Единовѣрія, такъ желательныхъ его врагамъ. Но не вразумляли единовѣрцевъ ни то, ни другое объясненіе. Требовалось восполнить каноническій пробѣлъ, что и дѣлаютъ VI отдѣлъ и Кіевскій Съѣздъ.

Послѣдній шагъ, по мнѣнію единовѣрцевъ, собиравшихся на Кіевскомъ Съѣздѣ, нуженъ не только въ отношеніи клятвъ п. Макарія, Собора 1656 г. и порицаній на старые обряды, но и касательно клятвъ Б. Московскаго собора. Представители единовѣрцевъ на IV Всероссійскомъ Миссіонерскомъ Съѣздѣ, не стѣсняясь разнаго рода кривотолками, постанавливаютъ ходатайствовать, какъ мы видѣли, объ отмѣнѣ клятвъ и 1667 г. Отмѣна клятвы, по ихъ убѣжденію, не создастъ того противорѣчія, въ какое, по мнѣнію журнала «Церковь», впадетъ тогда Русская Православная Церковь. Клятва Собора 1667 г., хотя допустимъ, положена и на самые обряды, все же на Единовѣріи, держащемъ эти старые обряды, не тяготѣетъ. Отмѣна клятвы силою новаго соборнаго опредѣленія сдѣлаетъ ихъ некасательство лишь болѣе очевиднымъ, чѣмъ сейчасъ. Сейчасъ это некасательство, при допущеніи безусловнаго значенія клятвы, достигается путемъ слѣдующихъ длинныхъ сужденій и заключеній.

Соборъ 1667 года былъ, во-1-хъ, судомъ надъ расколоучителями и ихъ единомысленниками и единомудренниками. Патріархи на соборѣ 1667 года усилили строгость суда надъ виновниками церковнаго мятежа и съ клятвой осудили не только расколоучителей [167]), проклятыхъ и соборомъ 1666 года, но и всѣхъ ихъ—современныхъ ему—послѣдователей, а также съ хулой на церковь употребляемые ими обряды и чины.

Въ извлеченіи изъ постановленія собора 2-го Іюля 1666 года, которымъ начинается «соборное дѣяніе 13-го Мая 1667 года», такъ опредѣлялось отношеніе къ церкви людей, употребляющихъ старый обрядъ, надъ которымъ произнесъ свой судъ соборъ 1667 года: «нарицаху книги печатныя, новоисправленныя и новопреведенныя при Никонѣ бывшемъ патріархѣ, быти еретическія и растлѣнны и чины церковныя, яже исправишася со греческими и древнихъ россійскихъ книгъ, злословиша, имены хульными порицаша ложно, и весь архіерейскій чинъ и санъ уничижиша и возмутиша народъ буйствомъ своимъ и глаголаша церкви, быти не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники и проч., вслѣдствіе чего священники перестали служить по новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ, и многіе отъ народа отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсѣхъ своихъ покаянія и исповѣданія пріятія пречистаго тѣла и крове Христовы лишишася .. такъ какъ «во многихъ отъ народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими и антихристовой скверною осквернены церкви, и чины, и таинства, и послѣдованія церковныя [168]).

Если одного непослушанія Церкви совершенно достаточно для того, чтобы по слову Спасителя [169]): «аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь», признать не послушныхъ достойными

отлученія, то соборъ по праву предалъ проклятію ревнителей стараго обряда [170]), которые, какъ ему было извѣстно, не только не хотѣли покориться Св. Восточной Церкви и освященному собору, узаконившему обряды и новоисправленныя книги, но еще нарицали эти книги и обряды еретическими, а саму церковь называли не церковью, а царствомъ антихриста.

Судъ собора, осуждая противниковъ церкви, касался также и употребленія старыхъ обрядовъ, какъ орудія противленія и вражды противъ Церкви и ея Архипастырства [171]). Ветхозавѣтные обряды установлены самимъ Богомъ; и однакоже Самъ Богъ иногда порицалъ и отвергалъ эти обряды за духъ противленія и суевѣрія ихъ держателей (Исаія I, 2, LXVI, 3). «Кадило мерзость ми есть, говоритъ Онъ устами пророка Исаіи, новомѣсячій вашихъ и субботы и дне великаго не потерплю; поста и новомѣсячій вашихъ и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя» (Исаіи I, 13 и 14). Другой примѣръ. Мѣдный змій, который былъ сдѣланъ по Божію повелѣнію и поставленъ во время странствованія евреевъ въ пустынѣ и будучи прообразомъ Распятаго Спасителя, былъ, по вѣрѣ въ него, орудіемъ чудодѣйственной силы Божіей противъ укушенія змѣевъ; этотъ мѣдный змій хранился сначала при скиніи, а потомъ при Соломоновомъ храмѣ. Когда же этотъ памятникъ благодѣянія Божія и символъ искупленія сдѣлался предметомъ суевѣрнаго почитанія со стороны евреевъ, то онъ былъ, по повелѣнію одного благочестиваго царя, уничтоженъ.

Богъ здѣсь осуждалъ и отвергалъ установленные Имъ Самимъ обряды за то, что Евреи, содержа ихъ вѣрно, но внѣшне, но суевѣрно, удалялись отъ Бога, не исполняли важнѣйшихъ заповѣдей Его. Осужденіе и кара падали на внѣшніе предметы, за злоупотребленіе этими предметами со стороны людей. Точно также и соборная клятва 1667 года осуждала содержаніе старыхъ обрядовъ за злоупотребленіе ими со стороны ихъ держателей, за противленіе послѣднихъ Церкви..., поводомъ которому и орудіемъ послужило употребленіе этихъ обрядовъ.

Не будь злоупотребленія старыми обрядами, не возникни изъ за послѣднихъ вражды къ новымъ, не служи старые обряды знаменіемъ раздора, соборъ не осудилъ бы за ихъ содержаніе. Поэтому, въ то время, когда нѣкоторые изъ старообрядцевъ обратились къ Православному Архипастырству хоть въ томъ же въ 1800 г., съ коимъ болѣе всего связано учрежденіе Единовѣрія, съ просьбою, дабы имъ дозволено было, въ полномъ съ Церковью единеніи и въ полномъ ей повиновеніи, употреблять любимые ими старые обряды—Православная Церковная власть рѣшительно могла «признать сіи обряды, не содержащими по своему существу что либо противное Православію и дозволительными для тѣхъ, которые не хулили новоисправленныхъ чиновъ и

обрядовъ и не отдѣлялись отъ православной церкви, но искали общенія съ ней. Она благословила единовѣрцамъ употреблять, ничтоже сумняся, .. старые обряды, какъ непротивные Православію по своему значенію и данному отъ Св. Церкви благословенію употреблять оные» [172]). «Не должно уже связывать руки того, кто освободившись отъ злобы, стремится ко всему доброму» [173]) (Златоустъ).

Церковная власть благословила единовѣрцамъ осужденные старые обряды, потому что они перестали быть: свидѣтелемъ ихъ непокорливой совѣсти и символомъ противленія власти. А что одни и тѣ же предметы, разъ осужденные даже съ клятвой, въ другой разъ могли опять быть благословенными, вслѣдствіе правильнаго уже отношенія къ нимъ людей—это видно изъ многихъ примѣровъ какъ ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной Церкви.

Яркій изъ ветхаго и новаго завѣта примѣръ понятнаго осужденія на соборѣ 1667 года и возможнаго послѣ его благословенія старыхъ обрядовъ въ Единовѣріи заключается въ упомянутомъ уже змѣѣ, въ образѣ котораго Самимъ Богомъ сначала проклятъ древній искуситель рода человѣческаго (Быт. III, 14), а потомъ предъизображенъ Вѣчный Искупитель всѣхъ людей (числ. гл. 21); въ мѣдномъ змѣѣ, послужившемъ для Израильтянъ предметомъ суевѣрнаго почитанія, сокрушеннымъ за то Езекіей благочестивымъ царемъ, сотворившимъ «правое предъ очима Господнима» (4 Цар, гл. 18), но и послѣ олицетворенія его грубымъ идоломъ и сокрушенія, Самимъ Сыномъ Божіимъ на послѣдокъ дній сій представленномъ въ знаменіе Своего распятія и вѣчной жизни вѣрующимъ въ него (Іоан. III, 14, 15).

Каждый соборъ, являясь судилищемъ еретиковъ и раскольниковъ, былъ въ то же время и законодательнымъ собраніемъ, установителемъ правилъ и законовъ для предотвращенія раздоровъ въ церковной жизни [174]). Соборъ 1667 года, явившись верховнымъ судьей современныхъ ему расколоучителей, ихъ единомышленниковъ и въ рукахъ ихъ старыхъ обрядовъ [175]), утвердившимъ судъ собора 1666 г. [176]), издалъ также на будущее время законы.

Соборное опредѣленіе 13 Мая 1667 года есть постановленіе законодательнаго характера, какъ это видно изъ самыхъ названій, которыя даны ему соборомъ: «повелѣніе», «заповѣдь», «завѣщаніе», и, прямо «узаконеніе». «Сіе соборное наше узаконеніе, говорили отцы собора, подписахомъ и утвердихомъ нашими руками и положихомъ въ дому Пресвятыя Богородицы, честнаго Ея Успенія... въ вѣчное и присное воспоминаніе» [177]).

Согласно съ своимъ законодательнымъ характеромъ, это постановленіе ни имѣло и не могло имѣть въ виду только опредѣленныхъ лицъ: оно было обращено обще ко всякому чину православныхъ хри-

стіанъ, великимъ и малымъ, мужамъ и женамъ [178]); обращено безлично ко всякому, кто подлежа власти собора, не подчинился бы опредѣленію послѣ его изданія. Поэтому, оно и не налагаетъ ни на кого никакихъ наказаній—въ прошедшемъ, что свойственно судебному приговору, а грозитъ лишь всѣмъ (лишь) будущимъ его преслушникамъ, кто бы они ни были безъ всякихъ оттѣнковъ и оговорокъ.

Въ этомъ законѣ, послѣ общаго приглашенія къ покорности святой восточной Церкви во всемъ, выражено безусловное и единственное требованіе, чтобы всѣ непремѣнно и исключительно употребляли новоисправленные обряды и книги [179]). Сообразно съ симъ, въ немъ предвидѣлась послѣ общей непокорности и единственная вина—употребленіе старыхъ обрядовъ, служащихъ въ глазахъ собора опаснымъ поводомъ къ неправому мудрствованію [180]), одогматствованію обрядовъ [181]) могшихъ повести къ ереси, а по толкованію восточныхъ патріарховъ, даже заключавшихъ ереси: Аріеву, Несторіеву и Духоборцевъ [182]). При единственномъ, кромѣ общаго противленія, преступленіи, которое предусматривалось закономъ 13 Мая 1667 года, въ немъ устанавливалось и единственное наказаніе, именно клятва, налагавшаяся на всѣхъ будущихъ нарушитл ей закона, которыхъ соборъ еще не зналъ.

«Заповѣдуемъ всѣмъ—изрекали отцы собора—архимандритамъ и игуменамъ и всѣмъ монахамъ, протопопамъ и старостамъ поповскимъ и всѣмъ священникамъ мѣстнымъ и немѣстнымъ, клирикамъ же и всякаго чину православнымъ христіанамъ, великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ, и повелѣваемъ покорятися безъ всякаго сомнѣнія и прекословія Св. Восточной Церкви» во всемъ вообще и, въ частности, въ томъ, чтобы а) двуперстно не молитися, б) аллилуію не сугубить и т. п., а «Аще ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ,.. и мы таковаго противника данною намъ властью отъ Всесвятого и Животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще ли отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочленія и стада и отъ Церкви Божія отсѣкаемъ, яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ» [183]).

Клятвы Собора налагались на всякаго нарушителя закона 13 Мая 1667 года—«дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ». т. е. до тѣхъ поръ, пока онъ не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ собора», не перестанетъ противиться Церкви и Собору, при чемъ подъ сопротивленіемъ, кромѣ общаго, разумѣлось и спеціальное, именно нежеланіе принять предлагаемый Соборомъ новоисправленный обрядъ.

Тотъ, кто имѣлъ держаться въ будущемъ стараго обряда, тѣмъ самымъ уже являлъ себя такого рода непокорникомъ, на котораго простиралась соборная клятва, анаѳема, полное отлученіе.

«Заповѣдуемъ и повелѣваемъ всѣмъ, говорили соборне отцы, покорятися во всемъ безъ всякаго сомнѣнія и прекословія Святой Восточной Церкви Христовой и книги исправленныя пріимати и Св. Символъ глаголати безъ прилога «истиннаго» и аллилуія въ учиненныхъ мѣстахъ пѣти трижды (а не дважды) сирѣчь: аллилуіа, аллилуіа, аллилуія, Слава Тебѣ Боже и знаменіе честнаго креста творити тремя (а не двумя) первыми персты десныя руки и молитву Іисусову глаголати сице: Господи, Іисусе, Христе, Боже нашъ (а «не Сыне Божій») помилуй насъ (а наединѣ якоже кто хощетъ), къ тому же и просфоры печатати печатью креста четвероконечнаго (а не осмиконечнаго) и еще народъ благословляти: сложившу десныя руки іерею...—именословно (а не двуперстно). Аще же ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ (въ этихъ частностяхъ) и не покорится Святой Восточной Церкви (вообще), или начнетъ прекословити (по поводу поименованныхъ особенностей) и противлятися намъ (вообще), мы таковаго противника.. отлучаемъ... проклятію и анаѳемѣ предаемъ» [184]).

Клятва налагалась не только на противниковъ, но и на держателей стараго обряда, не только за общее противленіе Церкви, но и за частное, выражавшееся въ употребленіи старыхъ обрядовъ и чиновъ. Освобожденіе отъ клятвъ и общеніе съ Церковью, по соборному узаконенію 1667 года, полагалось только подъ условіемъ «вразумленія и возвращенія къ правду покаянія», подъ которымъ разумѣлось отложеніе прежняго—стараго обряда и усвоеніе новоисправленнаго. Единеніе съ Церковью, чуждое раскола, по собору, невозможно было при употребленіи тѣхъ обрядовъ и чиновъ, съ какими допущено «единовѣріе».

Но то, что совершено сверхъ вѣры, хотя бы даже на Вселенскихъ соборахъ,—то, по ученію Церкви, можетъ, непроизводя раскола и ереси, снова пересматриваться и обсуждаться, или просто забываться безъ всякихъ соборныхъ отмѣненій [185]). И безусловное съ клятвой установленное запрещеніе старыхъ обрядовъ на соборѣ 1667 года [186]), а тѣмъ болѣе патріархами, какъ частными лицами, не чуждыми пристрастія [187]), но чуждыми знанія русскихъ дѣлъ, безпрепятственно при учрежденіи Единовѣрія подлежало измѣненію и забвенію въ виду лучшаго пріобрѣтенія къ единой вѣрѣ.

Область вѣры и область обряда, которой занимался соборъ 1667 г., въ христіанской Церкви всѣхъ временъ, начиная съ древнихъ, всегда понимались и существовали какъ предметы нетождественные по ихъ

существу, по ихъ значенію для спасенія, по ихъ отношенію къ залогу откровенія, и наконецъ, по отношенію къ нимъ самой Церкви. Какъ лишь средство, служащее къ выраженію вѣры, какъ одежда послѣдней (Августинъ), какъ имѣющая условную обязанность лишь по мѣрѣ дѣйствительныхъ интересовъ христіанства, обрядовая область, бывшая предметомъ разсужденія собора 1667 года, имѣла предѣлы въ достиженіи единообразія и въ извѣстной мѣрѣ и при извѣстныхъ условіяхъ могла опять терпѣть разнообразіе.

Изъ многихъ фактовъ видно, что Церковь нерѣдко поступала въ обрядовыхъ постановленіяхъ по началу единообразія, которое, конечно, есть самое первоначальное выраженіе идеи красоты. Наприм., о единообразіи въ днѣ празднованія Пасхи въ древности встрѣчаются такія разсужденія [188]): «общимъ мнѣніемъ (на первомъ Вселенскомъ Соборѣ) признано за благо всѣмъ христіанамъ, въ какой-бы странѣ они не жили, совершать спасительный праздникъ Пасхи въ одинъ и тотъ же день. Ибо что можетъ быть прекраснѣе и торжественнѣе, когда праздникъ, вселящій въ насъ надежду безсмертія, совершается всѣми неизмѣнно по одному чину и установленнымъ порядкамъ» и т. под.

Но тѣмъ не менѣе справедливо и то, что главнымъ началомъ установленія того или другого порядка въ обрядовой области было начало пользы или необходимости. всякій порядокъ въ обрядовой области соизмѣрялся и цѣнился съ точки зрѣнія того, насколько онъ былъ полезнымъ порядкомъ.

Такъ, напримѣръ, Анкирскаго Собора правило 23-е представляетъ фактъ того, что «прежнее опредѣленіе» смягчается «новымъ опредѣленіемъ» по вопросу о продолжительности эпитиміи для невольныхъ убійцъ. 21-е правило того же Собора представляетъ указаніе на то, какъ понималось въ древности болѣе полезное въ дисциплинѣ. Въ этой области полезнѣйшимъ было: то направленіе къ строгости (Діонисій Александрійскій),—то направленіе къ снисхожденію. Правило 29-ое VI Всел. Собора даетъ примѣръ того, какъ полезное въ одно время можетъ быть непризнано таковымъ въ другое. Карфагенскій Соборъ допускалъ припятіе Евхаристіи въ день установленія Евхаристіи людьми уже ядшими. Трульскій Соборъ не считалъ это ошибкой, какъ сдѣлалъ въ 16 правилѣ по поводу 15-го правила Неокессарійскаго Собора. «Святые отцы (Карфагенскіе), по мнѣнію 6-го Собора, можетъ быть по нѣкоторымъ причинамъ, полезнымъ для Церкви, учинили такое распоряженіе». Но такъ какъ во времена Трульскаго Собора польза отъ такого распоряженія уже не видѣлась (ничто не побуждаетъ оставити благовѣйную строгость, которую ослабили Карфагенскіе отцы): то правило карфагенское Трульскимъ Соборомъ было отмѣнено.

Правило 15-ое Перваго Вселенскаго Собора представляетъ фактъ того, какъ полезное въ одно время можетъ быть непризнано таковымъ въ другое даже безъ новаго соборнаго постановленія. 15 правиломъ этого Собора, согласно 13-му апостольскому, безусловно воспрещалось епископу переходить изъ одной епархіи въ другую. На основаніи этого запрещенія Св. Григорія Богослова упрекали за то, что онъ изъ Сасима перешелъ въ Константинополь, но, по его собственному свидѣтельству, оно «было давно уже умершимъ и позабытымъ» [189]), и вообще послѣ Никейскаго Собора правило никогда не соблюдалось, хотя никогда не отмѣнялось Соборомъ. Примѣромъ фактической отмѣны обрядовыхъ постановленій, въ виду отсутствія пользы, ради которой были установлены, является также 59-ое правило Св. Апостоловъ—извергающее и даже въ концѣ концовъ отлучающее епископа, неподающаго потребнаго нуждающемуся. Здѣсь, конечно, подразумѣвается существованіе въ древности церковнаго имущества, полновластнымъ распорядителемъ котораго и былъ епископъ. Таковы еще правила:—что епископъ, призванный въ другой городъ, не долженъ тамъ долго оставаться и проповѣдывать (VI Всел. Соборъ пр. 20; Сард. пр. II); что епископъ долженъ заботиться о своихъ дѣтяхъ (Карфаг. 44) [190]). Правила касательно времени крещенія (только въ Пасху и Пятидесятницу), правила, регулирующія установленія, уже исчезнувшія, какъ напр. агапы древней Церкви, или правило, запрещающее—того «кто хотя единожды читалъ въ церкви»—принимать въ клиръ другой Церкви (арф. 101, по книгѣ правилъ).

Эти и подобныя имъ правила [191]) de facto отмѣнены, ибо совершенно безполезны. Напр., 20-ое правило Трульскаго Собора, запрещающее всенародно учить епископу въ иномъ городѣ, конечно, имѣло въ виду тогдашнія обстоятельства мѣстныя, когда случалось, что пришлецы проповѣдывали въ иномъ городѣ къ униженію учительскихъ способностей мѣстнаго епископа и съ цѣлью заявленія своихъ способностей и талантовъ; а это составляетъ существенную разность хоть современнаго проповѣдничества. Точно такъ же и относительно другихъ правилъ, епископы не имѣютъ семьи, слѣдовательно правило о воспитаніи не соблюдается за неприложимостью къ жизни.

Эти законы и подобные имъ, не дѣйствующіе въ современной церковной жизни, отмѣнены не Соборами, а, такъ сказать, самой природой вещей, жизнью Церкви, конечно, не по усмотрѣнію частныхъ лицъ, не могущихъ измѣнять соборныя постановленія и забыть ихъ, а по пущенію той же церковной власти—постепенно и незамѣтно съ измѣненіемъ условій, вызвавшихъ правила. И такая отмѣна касалась не какихъ нибудь исключительныхъ опредѣленій, которыя по самой рѣдкости обрекаются на рѣдкость примѣненія: то, что исключительно,

то «не законъ для Церкви»—не примѣръ Единовѣрію. Нѣтъ, впослѣдствіи нарушавшееся въ свое время было предназначено безъ всякихъ условій считаться и быть постоянной нормой дѣйствія,—нормой, огражденной отъ будущаго нарушенія даже строгимъ запрещеніемъ, отлученіемъ и анафемой.

Такъ, напримѣръ, потеряли значеніе, хотя никогда, ни какимъ соборомъ не отмѣнялись, страшныя прещенія Халкидонскаго Вселенскаго Собора, предающаго 2-мъ и 7-мъ правилами анаѳемѣ тѣхъ, которые служатъ посредниками при рукоположеніи кого-либо за деньги, а такъ же монаховъ—и клириковъ, вступающихъ въ воинскую службу и не раскаивающихся.

Потеряли также значеніе, хотя никакимъ соборомъ не отмѣненныя, клятвы Гангрскаго собора, ограждавшія его косвенно связанныя съ догматами вѣры правила.

Соборъ, происходившій въ Гангрѣ, Пафлагонской митрополіи, былъ послѣ перваго Вселенскаго Собора, противъ нѣкоего Евстафія и его единомысленниковъ, которые, возводя клевету на законный бракъ, говорили, что никому изъ состоящихъ въ бракѣ нѣтъ надежды на спасеніе (I прав.). Повѣривъ имъ, какъ мужья, такъ и жены—одни изгоняли своихъ женъ (9 пр.), а другіе оставляя своихъ мужей, хотѣли жить цѣломудренно (14 пр.), но съ гордостью предъ брачными (10 сн. 15, 16); потомъ не вынося безбрачной жизни, впадали въ прелюбодѣяніе. Послѣдователи Евстафія учили вопреки и другому церковному-природному установленію: присвояли себѣ церковныя плодоприношенія (7—8 пр.), жены у нихъ одѣвались въ мужскія одежды (13 пр.) и стригли волосы (17 пр.). Они также заповѣдывали поститься въ воскресные дни (18), а посты, установленные въ церкви, отвергали (19 пр.), гнушались мясомъ (2 пр.), и въ домахъ женатыхъ людей не хотѣли ни молиться, ни причащаться (5—6 пр.), отвращались женатыхъ священниковъ (4 пр.) и презирали, какъ нечистыя, тѣ мѣста, въ которыхъ находились мученическія останки (20 пр.).

Желая предупредить людей отъ такихъ важныхъ нарушеній церковныхъ установленій, Гангрскій Соборъ положилъ всѣ приведенныя правила съ клятвами. Хотя нѣкоторыя дисциплинарныя установленія прежнихъ временъ, нарушителями которыхъ являлись евстафіяне, неравнозначущи съ догматами вѣры; однако въ данномъ случаѣ были связаны съ ними per accidens. Евстафіяне, упорно отвергая брачную дисциплину, пренебрегали тѣмъ самымъ догматъ, къ утвержденію котораго она служила. Евстафіяне гнушались бракомъ по манихейскому-еретическому презрѣнію къ плоти, какъ къ злому началу, происшедшему отъ Димiурга-неистиннаго Бога.

Положенныя въ виду этого Гангрскимъ соборомъ клятвы, не от-

мѣненныя и другими соборами, однако не соблюдались впослѣдствіи, не смотря на обиліе виновныхъ противъ этихъ правилъ.

По поводу анаѳемъ Халкидонскаго и Гангрскаго собора Вальсамонъ, «искуснѣйшій толкователь правилъ» [192]), входилъ въ свое время въ обстоятельное разсужденіе о клятвахъ. Онъ относительно употребленія клятвы приводилъ слова Златоуста. «Златый по языку, учитель вселенныя, заповѣдуя не предавать анаѳемѣ вѣрнаго человѣка, говоритъ буквально слѣдующее: что означаетъ это слово анаѳема, которое ты говоришь, какъ не то, что этотъ долженъ быть преданъ діаволу и уже не имѣть мѣста спасенія, долженъ быть чуждъ Христу? И кто ты? Это дѣло власти и великой силы, ибо тогда сядетъ Царь и поставитъ овцы одесную, а козлища ошую. Итакъ, зачѣмъ ты принялъ на себя такое достоинство? Апостолъ только въ двухъ мѣстахъ по необходимости сказалъ это слово, но онъ не опредѣлительнымъ образомъ употребилъ его, сказавъ въ посланіи къ Коринфянамъ: «аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, анаѳема да будетъ (1 Кор. XVI, 22) и:—«аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ» (Гал. 1, 9). Итакъ что? Чего никто изъ пріявшихъ власть не сдѣлалъ, кромѣ одного, который пріялъ это, дерзаешь дѣлать ты вопреки Владычнѣй заповѣди и принимаешь на себя судъ царя? Ибо анаѳема совершенно отсѣкаетъ отъ Христа: учивъ кротости. По этой то, какъ кажется, причинѣ, остается безъ дѣйствія и синодальное опредѣленіе (Τόμος), бывшее въ царствованіе Порфиророднаго Императора Константина и въ служеніе патріарха Алексѣя, о томъ, чтобы предавать анаѳемѣ измѣнниковъ и возмутителей, и поднимающихъ оружіе противъ царя и употребляющихъ насиліе. Но должно ли написанное великимъ отцомъ и учителемъ нашимъ Златоустомъ имѣть болѣе силы, чѣмъ опредѣленное Халкидонскимъ Соборомъ и Гангрскимъ, объ этомъ скажутъ, конечно, тѣ, которые имѣютъ власть разрѣшать подобные вопросы» [193]).

Мудрѣйшій толковникъ не рѣшался прямо утверждать, что клятва соборовъ не имѣетъ полнаго значенія, хотя никѣмъ не снятая. Но впослѣдствіи другой толковникъ правилъ «преподобный во іеромонахъ Матвѣй» (Властарь XIV) прямо уже заявлялъ, что нужно болѣе «держаться великаго отца Златоуста, неже яже 4-го собора, ниже въ Гангрѣ [194]), т. е. спокойно взирать на бездѣйствіе соборныхъ клятвъ, хотя и не отмѣненныхъ соборами.

Въ этомъ бездѣйствіи, въ этой—фактической отмѣнѣ церковныхъ правилъ, соединенныхъ даже съ клятвами, дѣйствительно, нѣтъ никакого знака поврежденія Христовой Церкви. Это случалось въ свя-

той древности и мирилось съ праведностью людей, которыхъ Богъ прославилъ нетлѣніемъ даже тѣла.

Примѣромъ перваго можетъ служить введенный во избѣжаніе соблазна, ради пользы, древней практикой способъ принятія мірянами Евхаристіи чрезъ лжицу, не смотря на вселенское, подъ угрозой отлученія, требованіе принимать святое причастіе прямо непосредственно въ уста [195]). А иллюстраціей второму является фактъ посольства преподобн. Сергіемъ двухъ монаховъ на войну, вопреки клятвѣ 7 правил. Халкидонскаго Собора.

Фактическая отмѣна каноновъ, огражденныхъ клятвами, допускаемая въ древности ради пользы и во избѣжаніи соблазна, какъ выражались толковники [196]), мирившаяся со святостью, могла быть допустимой, такъ заключимъ, и въ недавнее время въ Христовой Церкви. «Церковь никогда не старѣетъ, но присно юнѣется» [197]). Полномочія Церкви, данныя ей апостолами, не могли уменьшиться съ теченіемъ времени. Какія она имѣла права тысячу лѣтъ тому назадъ такія имѣетъ и теперь и будетъ имѣть всегда.

Употребленіе въ Единовѣріи старыхъ обрядовъ послѣ соборнаго запрещенія [198]) явилось примѣненіемъ, можно сказать, церковнаго закона измѣняемости обрядовыхъ постановленій, въ соотвѣтствіе наличнымъ потребностямъ вѣрующихъ.

Благословенное содержаніе Единовѣріемъ старыхъ обрядовъ совершается безъ отмѣны клятвъ 1667 г. Держаніе стараго обряда стояло и стоитъ на началахъ той отмѣны обрядовыхъ церковныхъ запрещеній, которая иногда совершалась de facto, само собой, съ теченіемъ времени. Такое рѣшеніе вопроса, однако, не всѣхъ, какъ мы сказали, удовлетворяетъ. Правда, рѣшеніе придерживается буквы клятвенной формулы, соглашается съ тѣмъ, что клятвы изречены безусловно на всѣхъ, пріемлющихъ старые обряды, независимо отъ отношенія ихъ къ Православной Церкви. Въ этомъ мѣстѣ рѣшеніе соотвѣтствуетъ буквенному пониманію многихъ старообрядцевъ, но дальше оно большею частью выше ихъ пониманія. Не всѣ единовѣрцы и не всѣ старообрядцы могутъ подняться на ту высоту, на которую зоветъ это рѣшеніе вопроса. Ссылка на фактическую отмѣну каноновъ, огражденныхъ клятвами, многимъ изъ единовѣрцевъ и старообрядцевъ кажутся слишкомъ смѣлыми и новыми. Многіе изъ нихъ указываютъ на то, что въ этихъ ссылкахъ не говорится о нашемъ Единовѣріи, что эти правила и клятвы Московскихъ соборовъ имѣютъ очень мало общаго и т. д. (Наши бесѣды о клятвахъ въ Уфимской губ. [199]). Точка зрѣнія на опредѣленія Московскихъ соборовъ, какъ на судъ и законодательство усвояется

легко, ибо къ этому были подготовлены «Чтеніями» Т. И Филиппова, разошедшимися въ свое время всюду въ многочисленныхъ экземплярахъ, не исключая самихъ глухихъ деревень. Но самая защита Единовѣрія, при допущеніи безусловнаго значенія соборныхъ клятвъ, требуетъ извѣстной логической дисциплины. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если единовѣрцы подъ вліяніемъ старообрядческихъ толковъ и послѣ IV-го Миссіонерскаго съѣзда по прежнему волнуются вопросомъ о клятвахъ. Въ октябрѣ (26) 1905 года одинъ изъ нихъ вотъ что писалъ:

Прежде всего необходимо признать, что нынѣшнее Единовѣріе, по своей организаціи, далеко не отвѣчаетъ тому, что способно утвердить миръ въ душѣ старообрядчества по отношенію къ господствующей русской Церкви. Инокъ Никодимъ положилъ въ основу своего дѣла 12 пунктовъ, за разрѣшеніемъ которыхъ прибѣгъ къ русскому церковному управленію. Въ краю угла этихъ пунктовъ стоитъ слѣдующее. Никодимъ умолялъ русское церковное управленіе, по сношеніи съ четырьмя святѣйшими патріархами, разрѣшить произнесенныя при патріархахъ Никонѣ и Іоасафѣ второмъ клятвы «на двуперстное сложеніе и на прочее нѣкоторое древнее греко-россійскія церкви содержаніе», т. е. вообще на старый обрядъ, и затѣмъ молилъ даровать старообрядчеству особаго епископа, «которому бы неотносительно до епархіальнаго архіерея подлежать Святѣйшему Правительствующему Синоду».

Нельзя измѣнить или какъ-нибудь перетолковать тотъ фактъ, что соборы 1656 и 1667 годовъ наложили клятвы на старообрядчество и на старый обрядъ. Старообрядцы и не могутъ понять, какъ можно считать себя примиренными съ русскою Церковью, пока эти соборныя клятвы не сняты столь же вѣскимъ голосомъ, какъ и тотъ, который ихъ наложилъ. Старообрядцы, именно, не понимаютъ, какъ теперешнее Единовѣріе въ нынѣшнихъ условіяхъ,—до снятія клятвъ,—можетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно хочетъ быть: неприкосновеннымъ старообрядчествомъ, и, въ то же время, вполнѣ каноническимъ сыномъ господствующей Русской Церкви.

Гдѣ единовѣрцы принципіально держатъ отеческое преданіе и неуклонно хранятъ древній укладъ своей церковной жизни, тамъ они не могутъ не чувствовать, что господствующая церковь, въ лучшемъ случаѣ, только терпитъ ихъ дѣло и, если признаетъ ихъ для себя не чужими, то лишь по какому-то компромиссу, видя въ нихъ въ глубинѣ души все-таки полураскольниковъ. Такое положеніе не представляется привлекательнымъ для прямолинейнаго старообрядца; онъ видитъ въ немъ компромиссъ и его-то и называетъ «уніей». Тамъ же, гдѣ единовѣрцы принципіально предаются нынѣшнему водительству

русскаго церковнаго управленія, ставя на задній планъ свой древлеотеческій укладъ церковной жизни, который продолжаетъ держаться лишь по привычкѣ, какъ археологически интересный и дорогой сколокъ прошлаго,—тамъ единовѣрцы перестаютъ быть въ глазахъ старообрядчества—своими-си, старообрядцами, даромъ, что поютъ по старому. «Дѣло, вѣдь, не въ томъ, чтобы пѣть, да читать по старому»—говоритъ такому единовѣрцу сознательный хранитель древняго благочестія.

Дѣло Единовѣрія такъ и останется въ глазахъ старообрядцевъ на положеніи компромисса, пока старообрядчество принципіально не будетъ разрѣшено въ Русской Церкви, т. е. не будутъ сняты клятвы 1667 года.

Такимъ образомъ, неудовлетвореніе въ свое время со стороны Синода перваго изъ Никодимовыхъ началъ лишило Единовѣріе на половину его силы. Единовѣрцы горько это сознаютъ и неоднократно входили въ Синодъ съ ходатайствами о совершеніи того, о чемъ просилъ Никодимъ относительно клятвъ 67 года. «Постановленіе помѣстнаго собора, состоявшагося въ предсѣдательствѣ трехъ патріарховъ и 27 архіереевъ и множества духовныхъ лицъ, не можетъ быть измѣнено соборомъ меньшимъ, а тѣмъ болѣе учрежденіемъ коллегіальнымъ, состоявшемъ въ 1800 году (т. е. во время учрежденія Единовѣрія) изъ трехъ архіереевъ и двухъ протоіереевъ, не имѣвшихъ уполномочія отъ прочихъ архипастырей русской Церкви и не сообщившихъ свое рѣшеніе восточнымъ первосвятителямъ, безъ согласія и одобренія которыхъ оно лишено и до сего времени силы и значенія». Такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ писали единовѣрцы въ одномъ документѣ, предназначенномъ къ поданію въ Св. Синодъ и возобновляющемъ ходатайство о сношеніи русской Церкви съ восточными патріархами по вопросу о снятіи клятвъ 1667 года [200]).

Голосъ этотъ о необходимости снятія соборныхъ клятвъ не одинокъ. Во многихъ приговорахъ, составленныхъ осенью 1905 года тѣми и другими единовѣрцами по вопросу о епископѣ, говорится вообще о ненормальности положенія Единовѣрія. Послѣднее единовѣрцы объясняютъ тѣмъ же, чѣмъ въ свое время Т. И. Филипповъ. Полупрезрительное отношеніе православныхъ къ Единовѣрію единовѣрцы выводятъ изъ факта тяготѣнія надъ православнымъ старообрядчествомъ клятвъ Б. Московскаго собора. Но особенно ясно былъ поставленъ вопросъ о снятіи соборныхъ клятвъ 1667 года въ прошеніяхъ С.-Петербургскихъ старостъ 1906 года и въ постановленіи единовѣрческихъ представителей на Кіевскомъ Съѣздѣ 1908 года [201]).

Заключеніе.

Въ наше время, какъ видимъ, Единовѣріемъ не меньше интересуются, если не больше. Кругъ вопросовъ къ Единовѣрію расширяется. Толкуютъ не только о клятвахъ и о порицаніяхъ на старые обряды, не только объ епископѣ, но и объ истовомъ Богослуженіи въ единовѣрческихъ церквахъ, о мѣрахъ и средствахъ къ улучшенію единовѣрческаго пѣнія, о просвѣщеніи среди единовѣрцевъ и образованіи единовѣрческаго духовенства, объ устройствѣ института единовѣрческихъ благочинныхъ и т. п. Всѣми этими мѣрами, а равно и другими (уничтоженіе примѣчаній м. Платона на 5 и 11 §§ правилъ Единовѣрія) стараются сдѣлать Единовѣріе равночестнымъ съ Православіемъ. Единовѣріе, какъ лишь помнитъ себя, съ тѣхъ поръ до нашего времени стоитъ на низшемъ положеніи сравнительно съ Православіемъ, является лишь переходною ступенью.

Неустроенность Единовѣрія вызвана, во-первыхъ, его случайнымъ появленіемъ (4—6 стр.), зависимостью на первыхъ порахъ отъ воззрѣній отдѣльныхъ іерарховъ, возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ тогдашняго пониманія и отношенія къ старообрядцамъ, платившимъ тѣмъ же недовѣріемъ и презрѣніемъ (6—13 стр. I глава).

Явившись съ плохими задатками успѣшности къ предстоящей своей жизни, Единовѣріе со времени Стародубскаго Согласія, кромѣ того, становится подъ вліяніе государственной политики (14—20 стр.). Свѣтское правительство стремится разрѣшить вопросъ о примиреніи раздорниковъ съ Церковью на почвѣ грандіознаго плана объединенія старообрядцевъ подъ властью единомысленнаго епископа, съ переселеніемъ ихъ въ Новороссію (20—26 стр.). При неудачѣ даннаго проекта Стародубское Согласіе принимаетъ форму (26 — 44 стр.) едва-едва допустимаго учрежденія въ Церкви (II глава).

Единовѣріе узаконяется въ 1800 году (45—58 стр.), но опять-таки, какъ только величайшее снисхожденіе (53—64 стр.). Стремленіе къ обрядовому единообразію, боязнь соблазна для правовѣрныхъ и кривотолки раздорниковъ, а потомъ настроеніе самихъ единовѣрцевъ побуждаютъ м. Платона ограничить условія Московскихъ соединенцевъ (64—70 стр.). Прежнее неправильное пониманіе Единовѣрія, вызывавшее собой мало сочувствія къ нему старообрядцевъ, цѣликомъ входитъ (70—77 стр.) въ содержаніе единовѣрческихъ правилъ (III глава).

Единовѣріе лишь терпятъ и послѣ 1800 года. Съ одной стороны, мы видимъ недовѣрчивое отношеніе къ нему представителей Право-

славія (78—82 стр.), ревнивое обереганіе Святѣйшимъ Синодомъ пунктовъ м. Платона (82—91), а съ другой—осторожность единовѣрцевъ въ дѣлѣ общенія съ Церковью (91—98 стр.), опасеніе ихъ за свои старые обряды (98—103 стр.). Обоюдное недовѣріе, замедлявшее въ первыя 50 лѣтъ прошлаго столѣтія внутреннее развитіе Условнаго Соединенства, усиливается еще тогдашнимъ отношеніемъ Свѣтскаго Правительства къ старообрядчеству (104—108 стр.), насильственнымъ обращеніемъ (109—115 стр.) въ Единовѣріе (IV глава).

Въ половинѣ прошлаго вѣка единовѣрцы стремились было возвратить утраченную ими объединяющую силу, поставить Единовѣріе на первоначальныя основы Никодимова согласія (116—118 стр.). Они стараются объединить отдѣльныя согласія старообрядцевъ съ Церковью при помощи всестарообрядческой іерархіи (118—124), защищая свои старые обряды отъ клятвъ и порицаній, ставя ихъ на свойственное имъ мѣсто (124—132 стр.). Представители Православія, однако, по-старому не согласны развивать начала Единовѣрія (132—140 стр.). Они, если и рѣшаютъ главные вопросы Единовѣрія о клятвахъ и порицаніяхъ (140—151), объ епископѣ (151—160 стр.), то лишь съ практической точки зрѣнія, а не принциціальной. Что же касается правилъ 1800 года, то оставляютъ ихъ безъ всякихъ измѣненій (V глава).

Правда, въ послѣдней четверти XIX в. они дѣлаютъ дополненія къ нимъ. Но измѣненіе нѣкоторыхъ пунктовъ м. Платона въ 1881 году носитъ характеръ не свободнаго, на широкомъ фундаментѣ основаннаго рѣшенія, а характеръ уступки на просьбы единовѣрцевъ (161—173 стр.). Заявленіе въ 1885 г. собранія Архипастырей въ г. Казани о тождествѣ Единовѣрія съ Православіемъ—въ догматическомъ отношеніи—усиливаетъ только миссіонерское значеніе перваго, но мало способствуетъ его полной равночестности съ послѣднимъ (184—186 стр.). Св. Синодъ не согласенъ на нее изъ-за исключительнаго предпочтенія исправленнаго обряда старому (173—186 стр.). Полное тождество Единовѣрія съ Православіемъ въ это время готовы признать лишь нѣкоторые представители православной богословской науки (186—204 VI глава).

Ограниченія, ставящія Единовѣріе въ переходное состояніе, существуютъ и въ наши дни (205—207). Единовѣрцы по-старому вынуждаются *оберегать* свой церковный бытъ тѣмъ или другимъ способомъ. Отсюда, ихъ хлопоты о своихъ благочинныхъ, съѣздахъ, братствахъ, о своихъ школахъ, о своемъ архіерейскомъ чиновникѣ, для служенія по нему православныхъ епископовъ въ единовѣрческихъ храмахъ (207—231 стр.). Единовѣрцы, какъ видимъ, по-прежнему ходатайствуютъ *о сохраненіи* особенностей православнаго старообрядчества при помощи своего единомысленнаго епископа (231—300 стр.). Единовѣрцы, какъ и раньше, принуждены ставить свои церковныя особенности на

подобающую высоту. Отсюда ихъ просьбы о снятіи клятвъ и порицаній (301—335 стр.) Равночестность Единовѣрія съ Православіемъ провозглашается. Предсоборное Присутствіе въ лицѣ своего VI отдѣла ходатайствуетъ о признаніи Единовѣрія не переходною ступенью отъ раскола къ Православію, не болѣзнью, а тѣмъ же Православіемъ, но Высшая церковная власть еще не соблаговолила высказать своего взгляда на это. Рамки, въ коихъ раньше жило Единовѣріе, какъ ни противорѣчивы съ этимъ новымъ понятіемъ о Единовѣріи, какъ о томъ же Православіи, какъ ни оскорбительны для единовѣрцевъ, однако они продолжаютъ существовать не на бумагѣ только, но и въ дѣйствительности (VII глава).

Великою любовію къ церковному миру и великимъ терпѣніемъ, великою же вѣрою въ неодолѣніе Церкви вратами адовыми должна быть та сила, которая доселѣ сохраняетъ единовѣрцевъ въ русской Церкви, не смотря на столь долгую неопредѣленность ихъ положенія въ ней, на столь долгое несовершеніе основныхъ условій, съ которыми Никодимъ начиналъ свое дѣло. На эту великую любовь, очевидно, слѣдуетъ отвѣтить тѣмъ же. И отвѣтная любовь должна быть искренняя и не скудна, чужда мелочной заботы о достоинствѣ, авторитетѣ и «престижѣ» церковной власти, сначала было осудившей старые обряды, а потомъ дающей держателямъ имъ полное церковное устройство; ибо такая забота обличаетъ лишь недовѣріе къ истинѣ и зиждительной мощи христіанской любви, — ибо нѣтъ другого престижа и авторитета для церкви, кромѣ истины, и другого орудія, кромѣ любви; — ибо только въ истинѣ власть и въ любви только сила.

Самъ Господь знаменуетъ ниспосылаемыми нашей землѣ испытаніями время благопотребно для упраздненія нашей братской розни, для возстановленія нашего церковнаго единства. Всѣ жалуются на оскудѣніе духа церковнаго, всѣ толкуютъ о необходимости оживленія его, о подъемѣ. Но все это невозможно, когда столько милліоновъ нашихъ братьевъ, и едва-ли не изъ лучшихъ сыновъ Русскаго народа по благочестію и строгости нравовъ, по крѣпости духа, по вѣрности отеческимъ, народнымъ историческимъ преданіямъ, разъединены. Можетъ быть только немножко любви со стороны церковнаго управленія и совершилось бы великое дѣйствіе любви, великое торжество братскаго возсоединенія.

Иллюстраціей къ этому можетъ служить послѣдній фактъ изъ исторіи современнаго Единовѣрія. На него какъ-то мало обратили вниманія. Между тѣмъ, онъ свидѣтельствуетъ, что оказать Единовѣрію должную любовь — дѣло великой важности въ смыслѣ примиренія раздорныхъ старообрядцевъ съ Церковью. Надѣемся, что благосклонный

читатель, по крайней мѣрѣ, здѣсь ознакомится съ этой знаменательною страницею исторіи Единовѣрія. Красною нитью чрезъ Кашинскія торжества 1909 года прошло у единовѣрцевъ радостное сознаніе единства съ православными. Кашинскія торжества глубоко, глубоко укоренили эту святую мысль. Ради возстановленія памяти Св. Анны единовѣрцы поступились правами церковной обособленности: *на любовь отвѣтили любовью.*

Пусть не сѣтуютъ на насъ, если останавливаемся на Кашинскихъ торжествахъ. За то здѣсь мы найдемъ вѣсть о томъ любовномъ участіи единовѣрцевъ, въ коемъ обнаружилось ихъ современное отношеніе—въ лицѣ важныхъ представителей—къ Русской Церкви. День возстановленія почитанія святой Анны Кашинской понятно былъ встрѣченъ единовѣрцами восторженно. Москвичи-единовѣрцы принесли въ даръ благовѣрной драгоцѣнную лампаду и 1.000 р. на вѣчное масло, а Петербургскіе единовѣрцы отъ имени своего братства представили 12-го іюня думѣ г. Кашина слѣдующій адресъ: «Г. І. Х. С. Б. П. Н. Единовѣрцы г. С.-Петербурга привѣтствуютъ г. Кашинъ и радуются его радостью. Въ ознаменованіе дивнаго и великаго въ смыслѣ единенія событія въ жизни русской Церкви—возстановленія древняго почитанія преподобной Анны Кашинской, братство единовѣрцевъ постановило учредить при братскомъ единовѣрческомъ реальномъ училищѣ двѣ безплатныя стипендіи для бѣднѣйшихъ учениковъ, освятивъ ихъ именемъ святой благовѣрной великой княгини Анны Кашинской, Единовѣрцы молятъ благовѣрную княгиню, да утвердитъ учащееся ихъ поколѣніе, да соберетъ всѣхъ, призывающихъ ея честное и многострадальное имя, въ Домъ Отчій».—

Благодаря любезному приглашенію Тверского архіепископа Алексія, Петербургскіе и Московскіе единовѣрцы приняли участіе въ самыхъ Кашинскихъ торжествахъ. Наканунѣ 12-го іюня, съ благословенія мѣстнаго владыки, они совершили всенощное бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ, возглавляемые Владимірскимъ архіепископомъ Николаемъ и двумя викарными епископами. Послѣ литіи, отслуженной совмѣстно съ православными на соборной площади, единовѣрцы перешли въ Воскресенскій соборъ, гдѣ, по благословенію митрополита Владиміра, пропѣли одно изъ величаній преподобной. Въ самый день возстановленія почитанія благовѣрной, единовѣрческіе священники участвовали въ обнесеніи мощей преподобной кругомъ соборовъ.

Для выраженія любви къ благовѣрной и братскаго единенія съ православною Церковью единовѣрцы, съ благословенія мѣстнаго владыки, совершили затѣмъ подъ 13-е и 13-е іюня у раки святой Анны нарочитое «единовѣрческое» служеніе, къ коему пригласили и православное духовенство. Службы отправляли: преосвященнѣйшій Гермогенъ, епископъ Саратовскій, наблюдатель миссіонерскихъ курсовъ

въ Казани, архимандритъ Варсонофій, настоятель Никольской единовѣрческой церкви г. С.-Петербурга, свящ. Сим. Шлеевъ, благочинный единовѣрческихъ церквей Московской епархіи, свящ. Гр. Шлеевъ (единовѣрецъ), протоіерей гор. Торжка Іоаннъ Страховъ (единовѣрецъ), Московскій епархіальный миссіонеръ о. Іоаннъ Полянскій (православный), Курскій епархіальный миссіонеръ о. Іоаннъ Рябухинъ (свящ православной церкви), священникъ Всѣхъ-Святскаго женскаго монастыря гор. Москвы о. Василій (единовѣрецъ), священникъ единовѣрческой церкви на Рогожскомъ кладбищѣ гор. Москвы о. Іаковъ Силинъ, священникъ Больше-охтенской единовѣрческой церкви г. С.-Петербурга Сергій Верховскій; на всенощномъ бдѣніи подъ 13-е іюня сослужилъ еще и настоятель православнаго Омскаго каѳедральнаго собора, протоіерей А. Голосовъ. Соборъ, полный паломниками со всей матушки Россіи, еще болѣе наполнился, когда стало извѣстно про единовѣрческую службу. Тысячи свѣчъ горѣли у раки преподобной и у иконъ древней иконописи, коими украшенъ храмъ... Мощно раздалось по собору древнее пѣніе предначинательнаго псалма. Съ клиросовъ поперемѣнно неслись чудные звуки, то замирая гдѣ-то далеко-далеко, то, возвышаясь съ необычайною силою, проникали въ религіозно-настроенныя сердца богомольцевъ. Народъ, видимо, былъ доволенъ церковнымъ исполненіемъ, продолжительною, уставною службою. Онъ съ глубокимъ вниманіемъ прислушивался въ продолженіе перваго получаса къ пѣнію 103 псалма. А когда пѣли первый антифонъ 1-й каѳизмы «Блаженъ мужъ», потомъ «Возвахи», а затѣмъ дивные стихиры преподобной съ канонархомъ, то у многихъ заблестѣли слезы умиленія. Православный народъ понялъ чувства своихъ братьевъ-единовѣрцевъ. *Вѣковое разномысліе куда-то отлетѣло прочь...* На литіи владыка Гермогенъ отличною выполнилъ древній чинъ Богослуженія. Его проникновенный голосъ, чудное чтеніе молитвъ, благоговѣйное осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, смиренные, глубокіе поклоны вызывали молитвенные вздохи какъ единовѣрцевъ, такъ и православныхъ. Тѣмъ и другимъ какъ-то не вѣрилось, что живутъ въ полномъ сомнѣніи XX вѣкѣ. Какое-то таинственное облако XIII в.—время, когда жила святая Анна, спустилось на присутствующихъ. Чудныя мгновенія! Послѣ благословенія хлѣбовъ слѣдовало чтеніе о. Симеономъ Шлеевымъ на особый мотивъ экса-псалмовъ. Незабвенны тѣ минуты, когда вся церковь освѣтилась моремъ свѣчъ (во время Многомилостиваго, согласно уставу, всѣ были со свѣчами). Съ клиросовъ, при кажденіи владыки, полной волной неслись величественные звуки 134 и 155 псалмовъ: «Хвалите имя Господне...» Не успѣлъ еще замолкнуть послѣдній аккордъ дивнаго пѣнія, какъ у раки благовѣрной освященный соборъ воспѣлъ въ честь святой Анны величаніе! Всѣ, какъ одинъ, разомъ припали къ ракѣ

святой жены, прося ея заступничества... Вотъ, раздался могучій перезвонъ къ Евангелію. Было уже 10 час. вечера. Чтеніе каноновъ длилось около двухъ часовъ. Хорошее, отчетливое чтеніе о. І. Силина и псаломщика И. Шлеева доставляло глубокое духовное наслажденіе. Всенощная кончилась въ 1 часъ ночи.—Восхищенные истовымъ служеніемъ своихъ братьевъ-единовѣрцевъ, богомольцы на другой день (13-го іюня) задолго до начала литургіи заполнили соборный храмъ. Литургія служилась по архіерейскому чиновнику [1]) XV—XVI в.в. съ выполненіемъ всѣхъ особенностей. Владыку, прибывшаго въ храмъ, встрѣтили въ притворѣ со слѣдующимъ чиномъ. Старшій о. діаконъ возгласилъ: «Премудрость. Благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима во вся дни живота твоего всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ аминь». Пѣвчіе на это пропѣли: «преосвященнѣйшему Гермогену, епископу Саратовскому, ис полла эти, дэспота». Взойдя на діаконскій амвонъ, архіерей клалъ «семипоклонный началъ» и совершилъ «входную», окончившуюся отверстіемъ Царскихъ вратъ и вступленіемъ преосвященнаго въ святой алтарь,—чтеніемъ тамъ 3 молитвъ и вторичнымъ благословеніемъ священнослужителей... «Облаченіе» состоялось при пѣніи догматика 4 гласа, гдѣ говорится о символизируемой архіерейскимъ омофоромъ заблудшей овцѣ (человѣчество), возложенной Христомъ на рамена. Литургія началась молитвеннымъ крестообразнымъ сложеніемъ обѣихъ рукъ совершителей таинствъ и до «трисвятаго» прошла по обычаю. «Трисвятое» пѣли на клиросѣ, потомъ по-гречески пятикратно возглашали въ алтарѣ. Во время 1-го возглашенія, святитель крестообразно знаменовалъ рукою поднятое надъ престоломъ святое Евангеліе. При второмъ возглашеніи, онъ знаменовалъ то же святое Евангеліе дикиріемъ съ произнесеніемъ словъ: «Господи, Господи, призри съ небеси, и виждь, и посѣти виноградъ Свой, и соверши и, его же насади десница Твоя. Буди на мужа рука Твоя, десница на сына человѣча, его же укрѣпилъ Себѣ». Во время 3-го возглашенія архіерей совершалъ то же дѣйствіе съ чтеніемъ молитвы: «Господи Боже силъ, обрати ны, просвѣти лице Твое: и спасени будемъ». При повтореніи трисвятаго въ 4-й разъ, епископъ знаменовалъ Евангеліе трикиріемъ со словами: «Троице Трисвятая: Отче и Сыне и Святый Душе,—призри съ небеси отъ святаго Своего и благослови всѣхъ насъ». Пятый разъ «Святый Боже»... пѣлось при восхожденіи архіерея на горнее сѣдалище—въ отвѣтъ на его оттуда осѣненіе. Во время чтенія «Апостола» правая сторона сѣдящихъ пресвитеровъ, по цѣлованіи у святителя ветхозавѣтной на немъ одежды—палицы, перешла на лѣвую сторону. Лѣвая же сторона

---

[1]) До сихъ поръ еще не напечатанъ. Примѣч. автора.

встала на правую руку. На сугубой эктеніи были такія особенности. За прошеніемъ о Государѣ, предъ отвѣтнымъ на него 12-ти-кратнымъ «Господи, помилуй», святитель съ дикиріемъ въ лѣвой рукѣ и съ двуперстнымъ сложеніемъ правой возглашалъ Господу Богу: «Господи, спаси Царя и услыши ны, во-нь же день аще призовемъ Тя». Послѣ отвѣтнаго на это: «Господи помилуй», архіерей выходилъ на амвонъ и на три страны дѣлалъ осѣненіе со словами: «Господи, Господи, призри съ небеси» и т. д. Во время «Херувимской» омовеніе рукъ совершали всѣ священнодѣйствующія лица. При переносѣ святыхъ Даровъ возглашались поперемѣнно два стиха; «всѣхъ васъ да помянетъ Господь... да помянетъ Господь Богъ всѣхъ васъ»... По великомъ выходѣ святитель вторично—во время литургіи—выходилъ и троекратно осѣнялъ народъ со словами: Господи, Господи... На этотъ разъ пѣвчіе пѣли: «ис полла эти, дэспота». Царскія двери оставались открытыми, но зато была спущена завѣса. Слѣдующей особенностью, замѣтной для молящихся, была «выкличка». Діаконъ возглашалъ ее такъ: «Преосвященнѣйшему Гермогену, епископу Саратовскому, приносящему честные дары Господеви Богу нашему, о Господинѣ Преосвященнѣйшемъ Архіепископѣ Алексіи, о честнѣмъ пресвитерствѣ и еже о Христѣ діаконствѣ, и о всемъ священническомъ и иноческомъ чинѣ: о державѣ и о побѣдѣ, и о пребываніи мира, здравіи и спасеніи Благовѣрному и Богомъ хранимому Государю Царю нашему Николаю Александровичу, о мирѣ всего міра, о благостояніи святыхъ Божіихъ Церквей, и о избавленіи братіи нашей, иже въ темницахъ сущихъ, о поспѣшеніи и укрѣпленіи христолюбиваго воинства, и о спасеніи людей—предстоящихъ и помышляющихъ кійждо о своихъ согрѣшеніихъ, и о всѣхъ и за вся». Литургія закончилась молебномъ у раки преподобной.

Незаурядность богослуженію сообщали не одни только указанныя особенности древняго архіерейскаго чина. Необычность богослуженія достигалась и тѣмъ братскимъ общеніемъ, какое переживали православные и единовѣрцы. Одушевленное однимъ чувствомъ множество вѣрующихъ и молящихся представляло собою дивное зрѣлище, которое, благодареніе Богу, повторилось и въ г. С.-Петербургѣ, при встрѣчѣ иконы св. Анны съ частью мощей ея 5 сентября прошлаго года.

Согласно 5 пункта правилъ Единовѣрія, православные старообрядцы не участвуютъ за общими въ царскіе дни моленіями въ соборахъ. Но ради возстановленія памяти св. Анны Кашинской они поступились этимъ своимъ правомъ, проявили свое братское единеніе, приняли участіе въ православномъ богослуженіи, заходили со своими святынями въ Знаменскую церковь въ г. С.-Петербургѣ. И это сдѣлали Петербургскіе единовѣрцы, тѣ единовѣрцы, кои больше всего отстаивали до сего времени права своей церковной обособленности. *Любовь вызвала отвѣтную*

любовь. Опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода о почитаніи преподобной Анны всколыхнуло сердце единовѣрцевъ. Ревность послѣднихъ заразила и православныхъ. Получилось 5—6-го сентября въ г. С.-Петербургѣ такое торжество. какого Петербургъ давно не переживалъ, а по братскому въ немъ участію и православныхъ и единовѣрцевъ переживалъ впервые. «Возможно ли передать то великое событіе, писалъ намъ одинъ прихожанинъ, какое совершилось въ наши дни невѣрія? Воистину дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ! Когда стало извѣстнымъ, что великая святыня, по волѣ Всемогущаго Бога, дарована и намъ единовѣрцамъ, и что 5-го сентября прибудетъ въ г. С.-Петербургъ, забились наши сердца. Возревновали и мы, недостойные. Люди смотрѣли какъ будто роднѣе. Подходя къ Никольскому храму, что на Николаевской улицѣ, мы видѣли, какъ со всѣхъ сторонъ собирались православные русскіе люди. Едва прошли въ храмъ. Около праваго клироса главнаго придѣла блестѣла новая кіоть съ балдахиномъ—мѣсто для иконы и мощей преподобной. Крестные ходы—одинъ за другимъ уже подходили. Прибылъ преосвященный Кириллъ, завѣдующій единовѣрческими церквами С.-Петербургской епархіи. Вотъ, отворились Царскія двери, и владыка съ двумя православными архимандритами и единовѣрческимъ духовенствомъ вышелъ на средину храма. Не поддается описанію та картина, какая открылась взору при выходѣ соединеннаго крестнаго хода изъ храма. Громадная площадь и всѣ смежныя съ ней улицы до тѣсноты были запружены народной волной. Движеніе экипажей и трамваевъ прекратилось. Могучій униссонный напѣвъ далеко разносился въ тихомъ вечерѣ. Невскій проспектъ и Знаменская площадь представляли одно сплошное море головъ. Около церкви Знаменія Божіей Матери крестный ходъ принялъ въ свои нѣдра мѣстныя святыни. Около $5^1/_2$ час вечера крестный ходъ подошелъ къ Николаевскому вокзалу, куда чрезъ нѣсколько минутъ прибылъ поѣздъ съ драгоцѣнною святынею. Что дальше случилось,—затрудняюсь писать. Все и всѣ смѣшались въ молитвенномъ порывѣ. Слезы радости у однихъ, молитвенныя рыданія у другихъ показались и огласили воздухъ. Жутко и сладостно...

На обратномъ пути крестный ходъ останавливался у церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы. Святая икона и мощи преподобной въ преднесеніи крестовъ и иконъ единовѣрческихъ церквей и въ сопровожденіи епископа Кирилла и единовѣрческаго духовенства были внесены въ храмъ. Мѣстное духовенство отправило предъ образомъ святой Анны молебствіе съ пѣніемъ всѣхъ пѣсней канона. По выходѣ крестнаго хода изъ Знаменской церкви подъемъ религіознаго духа у народа достигъ высшей точки. Крикъ, плачъ заполнили огромную Знаменскую площадь. Крестный ходъ едва могъ повернуть на Невскій проспектъ къ Николаевской улицѣ. Шествіе постоянно останавливалось.

Съ большимъ трудомъ, послѣ остановки у «Троицы» на Стремянной, крестный ходъ подошелъ къ Никольской церкви. Было уже 7 час. вечера. Богомольцы окружили храмъ, наполнили всѣ три его этажа. Слышалось пѣніе православныхъ народныхъ хоровъ: «Спаси, Господи» и множество другихъ. Между тѣмъ, въ главномъ храмѣ шла торжественная архіерейская всенощная. Три раза читали житіе преподобной. Служба кончилась въ часъ ночи. Долго прикладывались къ мощамъ православные люди. Непрерывно служились молебны. Въ 6 часовъ утра 6 сентября народъ уже прикладывался къ мощамъ благовѣрной. Въ 8 час. прибылъ владыка Кириллъ и при участіи православнаго и единовѣрческаго духовенства совершилъ Божественную литургію. Пѣснопѣнія исполняли братскій смѣшанный хоръ и соединенный хоръ наемныхъ пѣвчихъ отъ всѣхъ четырехъ единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга.

Такъ прозвучалъ отзвукъ Кашинскихъ торжествъ: Святая Анна соединила дотолѣ не всегда объединявшіяся въ общей молитвѣ общины вѣрующихъ!

Цѣня свои обычаи, дорожа своими преданіями, освѣживъ ихъ памятью святой Анны Кашинской, единовѣрцы особенно подчеркнули свое единеніе съ православною Церковью. Такое свое настроеніе обнаружили они какъ въ самомъ г. Кашинѣ, такъ и въ г. С.-Петербургѣ 5—6-го сентября при встрѣчѣ иконы преподобной съ частію св. мощей ея. Въ пору возбужденія единовѣрцами ходатайства о дарованіи имъ единомысленныхъ и въ обрядѣ епископовъ по адресу православныхъ старообрядцевъ не мало слышалось укоровъ, порицаній. Большинство православныхъ увидѣло въ этомъ стремленіи единовѣрцевъ недоброе. Припоминались факты. Дѣлались заключенія о церковной неблагонадежности нѣкоторыхъ. Православные старообрядцы искали случая заявить о своихъ истинныхъ чувствахъ. И, вотъ, явилось въ жизни Русской Церкви событіе, далеко-далеко отодвинувшее взаимное непониманіе и обоюдное огорченіе.

Побольше бы этихъ событій любви—тогда, съ Божьей помощью, совсѣмъ выросла бы идея «соединенства» и заполнила бы собой тотъ ровенникъ, который и до сихъ поръ раздѣляетъ Единовѣріе съ Православіемъ. Широкой волной распространилось бы по Русской землѣ тогда Единовѣріе!

I ГЛАВА.

*) Журн. Каз. Д. Консисторіи 12 февр. 1904. № 12.

[1]) Мат. для Ист. Раск. за первое время его сущ. т. I, стр. 157.

[2]) Тамъ же стр. 242.

[3]) Ист. Рус. цер. Мак., т. XII, стр. 218.

[4]) Мат. для ист. Раск., I, стр. 162—163.

[5]) Мат. для Ист. Раск. т. VI, стр. 150. Сн. Соч Н. Ѳ. Каптерева П. Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ, т. I. 1909 годъ, стр. 266.

[6]) Тамъ же, стр. 265.

[7]) Мат. для Ист. Раск., т. VI, стр. 170. Сн. Н. Барсова-Критика полемической литературы новѣйшаго времени, стр. 23—24, и назван. Соч. Каптерева 1909 г., стр. 261.

[8]) Изд. Казан. 1868 г. см. Ист. Рус. Церк. митр. Мак., т. XII, стр. 223.

[9]) Кавк. Еп. Вѣд. 1875 г., стр. 324—337.

[10]) Это обращеніе іеросхимонахомъ Іоанномъ — строител. Саров. пустыни описано въ особомъ сказаніи, помѣщ. въ «Мат. для Ист. Раск. нач. XVIII ст.».

[11]) Братск. сл. 1875 г. кн. 3-я, стр. 363.

[12]) Мат. для Ист. Раск. XVIII в., стр. 421—423.

[13]) Тамъ же, стр. 423—427.

[14]) Тамъ же, стр. 429.

[15]) Тамъ же, стр. 428.

[16]) Тамъ же, стр. 428—458.

[17]) Тамъ же, стр. 459—493.

[18]) Аще ли осьмиконечный крестъ, говорилъ инокъ Исаакій, аще ли четвероконечный святый крестъ—то единъ есть крестъ Христовъ, на немъ же распяся, и едина сила его, а не два креста (тамъ же, 402), и купно и поклоняемся ему и цѣлуемъ и почитаемъ его честно» (тамъ же, 411).

«Да вѣси, брате, продолжалъ миссіонеръ Іоаннъ, ничто бо намъ во указаніи семъ троеперстномъ, или двуперстномъ руки нашея вреждаетъ вѣры нашея, аще къ чесому сердце наше утверждено будетъ; не отъ рукъ бо нашихъ вѣра въ насъ утверждена, но отъ сердца» (тамъ же, 433).

[19]) Тамъ же, стр. 492.

[20]) Тамъ же, стр. 494.

[21]) Тамъ же, стр. 495.

[22]) Тамъ же, стр. 495.

[23]) Акт. Ист. т. IV, № 203.

[24]) Чел. Сав. Романова, стр. 125, (Александра Б. описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ самими русск. раскольниками 1861 г.).

[25]) Христ. Чтен., Май 1872 г., стр. 46.

[26]) Собр. постан. по ч. раскола Т. II, стр. 102.

[27]) Собр. пост. по ч. раскола кн. I-я, стр. 35.
[28]) Синайскій. Отнош. Рус. Цер. къ раск. въ первые г. Син., 342 стр.
[29]) Раск. дѣл. XVIII в. II т., 219—20 стр.
[30]) Собр. пост. по В. П. И. IV, 130 стр.
[31]) Тамъ же I, 27.
[32]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. I кн., стр. 31—39.
[33]) Кавк. Еп. Вѣд. 1875 г.
[34]) Увѣт. Дух. п. Іоакима, 185—186.
[35]) а) мнѣніе п.п. Макарія Антіох. и Гавріила Сербскаго; м.м. Григорія Ник. и Гедеона Молдавскаго—ист. раск. Мак. 154—155; б) Акты соб. 1666—1667 г., стр. 237—Матер. для исторіи раск. т. 2-й; в) Пращица л. 104.
[36]) Предѣлъ Осв. Соб. 1667 г,
[37]) Мат. для Ист. Раск. VI, 279, VII, 206 V, 187—8.
[38]) Тамъ же V, I, 57, I, 748.
[39]) Пол. Соб. пост. по В. П. И. т. I, 141, т. II, 454—532.

II ГЛАВА.

[1]) Книга о бѣгств. свящ. безп. Ив. Алекс., стр. 47-я Рук. К. Д. № 1762.
[2]) Іоанновъ. Истор. Извѣстіе о расколѣ, ч. IV, стр. 240—44. Письмо къ Керженскому попу Тихону.
[3]) Рук. К. Д. Ак. № 1762, л. 36—39.
[4]) «Зеркало для стар.» кн. I, 69 стр. кн. II, 108 и др. Парфеній инокъ. Сказан. о странствіи его ч. I, стр. 13.
[5]) Прот. Іоан. насчит. 12 попытокъ иск. стар. арх. см. IV с.
[6]) Сочин. Вит. о Церкви и раск., 136; рукопись библотеки единов. прот. г. Спб. Т. Верховскаго, № 29.
[7]) Подробн. см. у А. Іоаннова (ч. II, стр. 169—172).
[8]) Сочин. Вит. о Церкви и раск. гл. 16, стр. 105—108.
[9]) Полн. Истор. Изв. ч. IV, стр. 311.
[10]) Сочин. Вит. о Церкви и раск., 108—120—Ист. раскол. Мак., 354.
[11]) Пол. Ист. Изв. ч. IV, стр. 268—288.
[12]) Прав. Обоз. 1867 г., Апр., стр. 501 и дал.
[13]) Тамъ же, 503 и дальше.
[14]) Рук. Вит., стр. 125.
[15]) Прав. Обозр. 1867 г., стр. 506—507.
[16]) Рук. Витал., стр. 126.
[17]) Прав. Обозр. 1867 г., стр. 511—513.
[18]) Письмо Никод. къ Потем. 10-го сент. 1781 года. Прав. Обозр. 1867, 507—508.
[19]) Письмо Никод. къ нѣкоему Щапову, тамъ же стр. 609.
[20]) Истор. очер. поп. Мел., 278—79 и Истор. т. н. Австр. свящ. Субб. 1886 г., 33 стр.
[21]) Ист. очер. поп. Мел., 279 стр. Прим. 2-е. Прав. Обозр. 1867 года, 527 стр.
[22]) Эти примѣчан. помѣщ. въ чт. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1860 г. 4 к., 287—290 стр.
[22] б) Собр. Пост. по ч. раск. 1858. 4—5.
[23]) Іоасафъ получилъ санъ архимандрита на Востокѣ. Пол. Ист. Иск. V част., 311 стр.
[24]) Исканіе Старообрядцами въ XVIII в. Законнаго Архіерейства. Изд. пр. Т. Верховскаго 1868 г., 28 стр.
[25]) Тамъ же, 518—519. Прошеніе къ митр. Платону.

[26]) Прав. Обоз. 1867 г., 506—507. Письмо къ м. Гавріилу.

[27]) Тамъ же, 523.

[28]) Странникъ 1863 г., апр., 27 и дал. стр.

[29]) Иск. Стар. въ XVIII в. Зак. Арх. 1868 г., стр. 65—66.

[30]) Прошеніе 4 ноября 1787 года. «Согласные и несогласные» о. Н. Верх. Стран. 1863 г., стр. 33 и д.

[31]) Помѣщено въ Бр. Словѣ за 1883, начиная съ 229 стр.

[32]) Помѣщено въ Бр. Словѣ 1892 г. т. I-й, начиная съ 121 стр.

[33]) Бр. Сл. 1883 г., 231 стр.

[34]) Тамъ же, 238 стр.

[35]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. книга I, 604—605 стр.

[36]) Увѣщаніе въ утвержденіе истины, и въ надежду дѣйствія Любви евангельскія 1885 г. 74 л. (Изд. 10-е).

[37]) 47 л.

[38]) Тамъ же.

[39]) Тамъ же.

[40]) 49 л.

[41]) Брат. Сл. 1892 г. томъ I, стр. 121—122.

[42]) «Увѣщаніе», л. 41. [43]) Тамъ же, л. 41. [44]) Л. 41. [45]) Тамъ же, 42 л. [46]) Л. 43 л. [47]) 44 л. [48]) 44 л. [49]) 45 л. [50]) Тамъ же, 78 л. [51]) Тамъ же, 84 л.

[52]) Подробн. смотрѣть Бр. Сл. 1892 г. I часть, стр. 122 и дальше.

[53]) Церк. Вѣд. 1889 г., 953 стр.

[54]) Бр. Сл. 1892 г., стр. 129.

[55]) Брат. Слово 1883 годъ, стр. 238.

[56]) Брат. сл. 1892 годъ т. I, стр. 124—126.

[57]) Собр. пост. по ч. раск., 1860 г. кн. I, стр. 604—605.

III ГЛАВА.

[1]) 1797 г., церков. лѣтопись.

[2]) 1798 г. Первое полн. собр. Зак. Росс. Имп. т. XXV, стр. 133. № 13,428.

[3]) 1798 г. Собр. пост. по ч. раск. 1860 т. I, стр. 757—760.

[4]) 1798 г. Тамъ же, 761—766.

[5]) 1799 г. Тамъ же, 768—769.

[6]) Высоч. указъ 1765 г. 30 сент.

[7]) Собр. пост. по части раск. 1858 г., стр. 8—9.

[8]) «Странникъ» 1863 г. 2 книга, 49—50 стр.

[9]) Собр. постанов. по ч. раск. 1860 г., т. I, 757—760; 761—769.

[10]) «Русск. Вѣст.» 1864 г., май, 10 стр. и дальше.

[11]) «Прав. Обозр.» 1869 г., августъ, 42 стр.

[12]) «Русск. Архивъ» 1864 г., стр. 119.

[13]) Тамъ же 120—121 стр.

[14]) Журн. Синода за 1800 г. кн. 130, л. 126—127.

[15]) Дѣло канцелярій Новгородск. митрополіи № 11—63.

[16]) Тамъ же.

[17]) Подлинное прошеніе съ резолюціей Павла I, по приказанію самого Государя, «для большаго впечатлѣнія на сердца присоединенныхъ» хранится въ Московской единовѣрческой церкви.

[18]) Прибав. къ «Церк. Вѣд». 1900 г., 1873 стр.
[19]) Прибав. къ «Церк. Вѣд.» 1900 г. 1873 стр.
[20]) Архивъ Св. Синода. Дѣло 1797 г. № 494. л. 15 об.—17.
[21]) Указываетъ на результатъ спора старообрядцевъ въ Грановитой палатѣ во время Стрѣлецкаго бунта въ 1622 году. Прав. Сбозр. 1869 г., Августъ. Письма м. Платона, стр. 41.
[22]) Сборн. Прот. Люб. Дух. Просвѣщ. Спб. Отд. 1873 г., стр. 315.
[23]) Посланіе Св. Синода къ чадамъ Христовой Церкви, содержащимъ старые обряды. 1900 года, 27-го Октября.

IV ГЛАВА.

[1]) 5 пунктъ—2-я половина его.
[2]) Собр. пост. по ч. раск. кн. II, 1860 г., стр. 250.
[3]) Труды Кіев. Дух. Ак. 1881 г., Авг., стр. 23; ср. Собр. мнѣній и отз. м. Филар. IV, стр. 270—271.
[4]) Собр. мн и отз. м. Филар. т. III, стр. 408, 22—23; ср. стр. 21—22.
[5]) Напр., Собр. пост. по ч. раск. 1875 г., стр. 218—222 и др.
[6]) Напр., Собр. мн. и отз. т. III, стр. 21—23.
[7]) Прав. Обозр. 1869 г., Авг., письма Плат., стр. 43; ср. Юбил. Сбор., стр. 263.
[8]) «Изъясн. о Соборн. прокл.» «Свѣд. о Един. церкв.» Сапелкина, стр. 44.
[9]) Чтен. общ. люб. дух. пр. 1870 г. кн. XI, отд. II, стр. 20—21; ср. со 2-мъ дополн. мн. м. Платона; Собр. пост. по ч. раск. 1879 года, стр. 15—16 и дал.
[10]) Собр. пост. по ч. раск. кн. II, 1860 г., стр. 273—275.
[11]) Тамъ же, стр. 274.
[12]) «Бесѣд. къ глаг. стар. изд. 1844 г., стр. 117—119 ср. 1-ое дополн. мн. м. Платона и 16 пунктъ.
[13]) Тамъ же, стр. 132.
[14]) Тамъ же, стр. 120.
[15]) Тамъ же, стр. 118; ср. 1-е дополнит. мнѣніе въ связи съ 16 пункт.
[16]) Тамъ же, т. е. Бесѣд. къ глаг. стар.
[17]) Бесѣд. къ глаг. стар. изд. 3-ье, 1844 г., стр. 186.
[18]) Бесѣд. къ глаг. стар, 187; ср. 1-ый пунктъ м. Платона.
[19]) Тамъ же, 131-ая стр.
[20]) Тамъ же, 81—82 стр.
[21]) Собр. пост. по ч. раск. 1875 г. стр. 16 и слѣд.
[22]) 5-я Бес. къ глаг. стар. стр. 119.
[23]) Тамъ же, стр. 186.
[24]) Тамъ же, стр. 134.
[25]) Тамъ же, стр. 132.
[26]) 5-я Бес. къ глагол. старооб., стр. 129.
[27]) По словамъ Филарета въ письмѣ къ Антонію, «къ этому трактату члены Синода не изъявили сомнѣнія, читая его въ Синодѣ и по домамъ». Письма къ Антонію т. III, стр. 318.
[28]) Собр. пост. по ч. раск. 1875 г., стр. 691—692, ср. Русск. В. 1881 г. т. 156, стр. 665—666.
[29]) Собр. пост. по ч. раск. 1 кн. 1860 г., стр. 16.
[30]) Тамъ же, стр. 14.

[31]) Тамъ же, стр. 16.
[32]) Тамъ же, стр. 36—37.
[33]) Тамъ же, 1811 года, стр. 87—89.
[34]) Тамъ же, 1817 года, стр. 122—124.
[35]) Тамъ же, 1832 и 1833 гг., стр. 248—250, 259—263.
[36]) Собр. мн. и отз. м. Филарета т. IV, стр. 8; ср. т. III, стр. 562.
[37]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 63.
[38]) Тамъ же, стр. 471, 1845 г.
[39]) Собр. пост. по ч. раск., стр. 122—124.
[40]) «Свѣд. о Един. церкв.» изд. Сап. л. 47.
[41]) «Свѣд. о Един. церкв.» изд. Сап. 1858 г. лист. 43—46.
[42]) Собр. пост. по ч. раск. вып. II, стр. 423—424.
[43]) Письма къ Антонію, III, стр. 318.
[44]) Собр. постн. по ч. раск. 1875 г. вып. II; стр. 423—424.
[45]) «Свѣд. о Един. церкв.» Сап. «Изъясненіе о соборномъ проклятіи» 45 л. о бор. ср. ст. Петрова: «Дѣла Московскихъ старообрядцевъ». Русск. Вѣстн. 1881 г., т. 156, стр. 665—667.
[46]) Собор. пост. по ч. раск. 1860 г., II кн., стр. 259—263; 1832—1833 гг.
[47]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 259—268; ср. 248—251 стр.
[48]) «Истор. очеркъ Единовѣрія» М. С-го, 1867 г., стр. 168—169, дѣло 1801 г.
[49]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 16—17; пост. 1803 г.
[50]) Тамъ же, стр. 27—30; пост. 1803 г.
[51]) Тамъ же, стр. 32—35; пост. 1803 г.
[52]) Тамъ же, стр. 60—65; пост. 1807 г.
[53]) Тамъ же, стр. 94—96; пост. 1812 г.
[54]) Тамъ же, стр. 16—17.
[55]) Тамъ же, стр. 35.
[56]) Собр. мн. и пост. м. Филарета т. V, ч. 2, стр. 262.
[57]) Священнику, если онъ знаетъ, что присоединяющійся—записной раскольникъ, можно присоединять и безъ предварительнаго разрѣшенія на то Епархіальнаго преосвященнаго, 22 ст. Уст. Дух Консисторіи.
[58]) Записка о русскомъ расколѣ, состав. Мельниковымъ для Вел. Кн. Константина Николаевича по порученію Ланского (1857 г.): Сборн. Прав. Свѣд. о раскольн., составл. Кельсіевымъ, вып. 1-й, стр. 183—184.
[59]) Сборн. Правит. Свѣдѣній о раскол.—Кельсіева, вып. 1-й, стр. 172—173.
[60]) Обѣщаніе Александра I дать Екатеринбургскимъ старообрядцамъ епископа единовѣрцы сохранили въ благоговѣйной памяти своихъ потомковъ. «Прошеніе послѣднихъ на Высочайшее имя» 1864 г. 30 іюля. Рукоп. Студ. Библ. Каз. Дух. Акад. № 1.
[61]) Письмо Казанцева—Екатеринбургскаго купца къ о. Верховскому §§ 8 и 14; Рукоп. Библ. Студ. Каз. Дух. Ак. № 3-й.
[62]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. II, л. 248—249. Прошеніе Николаевскихъ старообр. 1832 г. § 4.
[63]) Пращица еп. Питирима Ниж., вопросъ 212 и отвѣтъ на него; ср. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. I, стр. 208—9.
[64]) Собран. пост. по ч. раск. М. В. Д. 1858 г. изд. Кельсіев., стр. 13; ср. Собр. пост. по ч. раск. 1860 г., кн. II, стр. 176—178; пост. 1824 года.
[65]) Прошеніе Москов. соединенцевъ въ 1854 году § 2. «Свѣд. о Един. Цер.» Сап., л. 47-й.
[66]) 3-й пунктъ митр. Платона; ср. «Бесѣды къ глагол. старообр.», л. 119.
[67]) 2-е дополнит. мн. м. Платона и замѣчаніе на 3-е условіе Москов. соединенц. 1800 г.

[68]) «Труды Кіев. Дух. Ак.» 1881 г., сентябрь, стр. 23.

[69]) Письмо Екатеринб. купцовъ въ 1819 г.; Русс. Вѣстн. 1884 г. т. 51, стр. 21 и Тр. Кіев Дух. Ак.» 1881 г., стр. 26.

[70]) Сборн правит. свѣд.,—изд. Кельсіевымъ, вып. I, стр. 172.

[71]) «Свѣд о Един. Церкв.». Сап., л. 47 и обор.

[72]) 1838 годомъ помѣчено «Изъясненіе беззащитнаго старообрядца о Единовѣрческой церкви», поданное его высокопреосвященству Московскому митр. Филарету лично И. И. Л. Г. Что же касается другого памфлета, то это «Записка, поданная настоятелемъ Силуаномъ въ 1840 году единовѣрческимъ архимандритамъ Платону и Зосимѣ, въ Верхне-Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, Саратовской губерніи», изд. Кельсіев. въ 1-мъ вып. Правит. Свѣд. о раск., 201—208 стр. Издана она также «Истиной» въ 20 кн. Въ 1907 г издана старообрядцами въ видѣ безплатнаго приложенія къ журналу «Старообрядецъ», къ Мартовской кн.—Записка по содержанію сходна съ первымъ памфлетомъ, но обширнѣе его. Она составлена позже 1840 г., копія этой «Записки» была представлена С.-Петербургскому митрополиту въ декабрѣ 1849 г. Нельзя однако повѣрить, что архимандриты, которымъ она будто бы была подана въ 1840 году, не давали знать о ней цѣлыхъ 8 лѣтъ. Записка, по всей вѣроятности, была составлена въ періодъ появленія австрійской іерархіи (1846—1849 гг.).

[73]) Это неправда. Православные архипастыри служатъ въ единов. церквахъ, начиная съ м. Серафима, служившаго въ Москов. Единов. церкви еще въ 1819 г. съ соблюденіемъ всѣхъ ея обрядовъ. «Тр. Кіев. Дух. Ак.» 1881 г., сент., стр. 23.

[74]) Стр. 68-я. [75]) Стр. 6-я. [76]) въ «Дополн.» стр. 1-я. [77]) Стр. 21-я. [78]) Стр. 10-я.

[79]) Сборн. Спб. Имп. Публич. библ. Q. 1 № 273: Кратчайшее сказаніе о нѣкоторыхъ преданіяхъ и содержаніяхъ трехъ Россійскихъ церквей. См. листъ 225 на обор.

[80]) «Русск. Арх.» 1864 г., стр. 99—103.

[81]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. II, стр. 461 и дал.

[82]) Тамъ же, 1858 г., стр. 27.

[83]) Тамъ же, 1860 г. II кн., стр. 248—249.

[84]) Собр. пост. по ч. раск. вѣд. Мин. Вн. Дѣлъ. Вып. II. издан. Кельсіев. стр. 309.

[85]) «Свѣд. о Единов. церк.». Сап. 1858 г. л. 47.

[86]) Тамъ же, потомъ Истор. Очеркъ Един. М. С—го, стр. 168; затѣмъ Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 60 (1807 г) и др.

[87]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 1.

[88]) Тамъ же, кн. II, стр. 134—138.

[89]) Тамъ же, кн. I, стр. 146—149.

[90]) Начиная 1801 г. Ист. Очеркъ Един. М. С—го, стр. 168—169.

[91]) Въ Павловскомъ приходѣ числилось 2093 души правосл. муж. пола. «Душ. Чт.» 1874 г. ч. I, стр. 124.

[92]) Юбил. Сборн., стр. 263.

[93]) Подробн. Душеп. Чтен. ч. I, стр. 124—126.

[94]) Юбил. Сборн. стр. 263 и 265.

[95]) Здѣсь намекается на то обстоятельство, что просьба Павловцевъ перейти въ единовѣрческую церковь, какъ рапортовалъ митрополиту Павловскій благочинный, явилась «по наущенію прихожанъ Троицкой единовѣрческой г. Москвы церкви, съ которыми просители имѣли по торговлѣ частое обращеніе».—Душ. Чт. 1874 г. I, стр. 126.—Но, само собой понятно, та настойчивость, съ которой павловцы домогались получить просимое, говоритъ не въ пользу означеннаго пункта рапорта благочиннаго.

[96]) Тамъ же, 1876 г. ч. 2, стр. 252.

[97]) Русск. Вѣстн. 1864 г., т. 51 стр. 23. [98]) Сіонскій Вѣстн. 1817 г., Октябрь, стр. 4.

[99]) «Древняя и Новая Россія» за Декабрь 1880 г., стр. 617—Письма митрополита Евгенія.

[100]) Собр. пост. по ч. раск. 1863 г. т. I, стр. 20 и 28. [101]) Тамъ же, стр. 26, 27, 30 и др. [102]) Собр. пост. по ч. раск. стр. 27—28; распор. 1803 г. Іюнь. [103]) Тамъ же 1858 г., стр. 75—76. [104]) Тамъ же, 1860 г. кн. II, стр. 87, 117, 122. [105]) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. II, стр. 32—35; 60—64; Прав. Соб. 1866 г., Янв., 75; Истор. очер. Един. С-го, 1867 г. стр. 105—106; 167—172; Истор. Ниж. Іерарх. соч. пр. Макарія, 1857 г. [106]) Тамъ же, стр. 198. [107]) Истор. Мин. Вн. Дѣлъ. Н. Варадинова, кн. VIII, стр. 526 и слѣд. [108]) Полн. собр. зак. т. XXXIV, 27, 106; тамъ же, стр. 814, 15, 16 § 9—10. [109]) Письмо Голиц. къ Екатеринб. стар. 12 Дек. 1818 г. Рус. Вѣстн. 1864 г. т. 51, стр. 38. [110]) Тамъ же, стр. 38. [111]) П. Собр. Зак. т. XXXIV, № 27, 106; тамъ же, стр. 814, 15, 16, §§ 9 и 10; ср. сочин. Ѳ. Благовидова «Оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода XVIII в. и первой половины XIX в. Правосл. Собес. 1899 г. Январь. [112]) Прош. Екатерин. Единовѣрц. на Высоч. имя 1864 г. 3 іюня; Рукопись по Расколу Студ. Библ. Каз. Дух. Ак. № 1-й. [113]) Исторія этихъ ходатайствъ изложена у Мельникова въ «Историческихъ очеркахъ Поповщины». Русск. Вѣстн. т. 51, стр. 23—43 и въ ст. Надеждина «Брат. слово» 1889 г. т. 11-й, стр. 673, 689. [114]) Собраніе постановленій по части раскола 1858 г. стр. 22, 47; ср ст. Надеждина и Истор. Мин. Вн. Дѣлъ 8 кн. стр. 51—52. [115]) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г., стр. 27; постан. отъ 3 іюня 1803 г. [116]) Тамъ же; постан. 28 апрѣля 1808 г. и 28 октября 1811 г., стр. 28. [117]) У Варадинова, стр. 563. [118]) Тамъ же, стр. 563. [119]) Тамъ же, стр. 189.

[120]) Чтен. Общ. Люб. дух. просв. 1883 г., отд. III, стр. 32; тамъ же, 1878 г. отд. II, стр. 13; ср. Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 145—146, 205—206, 242—243.

[121]) Чтен. Общ. Ист. и древн. 1875 г. кн. III, стр. 133; ср. Собр. постан. по ч. раск. 1858 г. стр. 248.

[122]) Собр. пост. по ч. раск. 1875 г. стр. 494, п. 5; 487 стр. и др.; Собр. мн. и отз. т. дополн. стр. 371—372, «Свѣд. о Един. церкв.» Сапелкина, листы 38—40.

[123]) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 307 и слѣд.

[124]) Тамъ же, по вѣд. Мин. Вн. Дѣлъ, стр. 388.

[125]) Тамъ же, стр. 106—107, 245—246, 270, 406.

[126]) Тамъ же, стр. 214.

[127]) Тамъ же, стр. 406.

[128]) Тамъ же, стр. 408.

[129]) Тамъ же, стр. 325.

[130]) Тамъ же, стр. 379, 397.

[131]) Тамъ же, стр. 131—134.

[132]) Тамъ же, стр. 246.

[133]) Тамъ же, стр. 199—200.

[134]) Тамъ же, стр. 336—337.

[135]) Тамъ же, стр. 278—279.

[136]) Тамъ же, стр. 111—113.

[137]) Тамъ же, стр. 185.

[138]) Тамъ же, 1860 г. кн. II, стр. 374, 381.

[139]) Тамъ же, 1858 г., стр. 317.

[140]) Тамъ же, стр. 436—437.

[141]) Тамъ же, стр. 288, 299—300, 308.

[142]) Тамъ же, стр. 145—146; 205, 206, 242—243.

[143]) Тамъ же, стр. 151—152, 252.

[144]) Тамъ же, стр. 340.

[145]) Тамъ же, стр. 382.

[146]) Тамъ же, стр. 247, 1860 г. II, стр. 234.

[147]) Тамъ же, 1858 г., стр. 349.

[148]) Тамъ же, стр. 188.
[149]) Тамъ же, стр. 365.
[150]) Тамъ же, стр. 247.
[151]) Тамъ же, стр. 327—328.
[152]) Тамъ же, стр. 183, 191, 600.
[153]) Тамъ же, стр. 434—435.
[154]) Тамъ же; Указъ 28 Апрѣля 1845 г. и 2 Марта 1850 г.
[155]) Тамъ же, 7 Мая 1850 г.
[156]) Тамъ же, 7 Мая 1850 г.
[157]) Высочайшія повелѣнія отъ 1 Мая и 10 Іюня 1853 г. Собр. постан. по части раск. 1858 г.
[158]) Собр. мн. и отз. м. Филар. 3 т., 287 стр.; ср. 5 т., 598 стр. [159]) Нижне-Воскресенскій монастырь на Иргизѣ обращенъ въ Единовѣрческій 1829 г. 27 Іюля (Раск. въ Сар. краѣ—Сокол. 282—326); средніе: мужской Никольскій и женскій Успенскій—въ 1837 г. Верхніе: мужской Преображенскій и женскій Покровскій переданы въ православное вѣдомство въ 1841 г. (Тамъ же, 372—403, 415—421). На Рогожскомъ кладбищѣ единовѣрческая церковь существуетъ съ 23 Сентября 1854 г. Храмомъ для нея послужила «третья кладбищенская часовня» («Свѣд. о Един. церкв.» Сапел. лл. 23—24). На Преображенскомъ кладбищѣ Единовѣріе начало свое существованіе 3 Апрѣля 1866 г. (Прав. Обозр. 1866 г. 11, 122). [160]) Извл. изъ отч. Об.-Прок. Св. Син. 1851 г., 13. [161]) Собр. мн. и отз. м. Филарета т. IV, стр. 298. [162]) Истор. Мин. Вн. Дѣлъ, кн. 8, стр. 559—60. [163]) Тамъ же, стр. 561—2; сн. стр. 641. [164]) Тамъ же, стр. 568. [165]) Тамъ же, стр. 574—5.

V ГЛАВА.

[1]) Труды К. Д. А. 1881 г. ч. III, стр. 24.
[2]) Прош. москов. един. въ рукоп. Библ. студ. Каз. Дух. Ак. № 1.
[3]) Церк.-общ. Вѣстникъ 1874 г., № 61, стр. 5—6.
[4]) Копіи съ записки и прошеній въ рукописи хранятся въ Библ.-Студ. К. Д. Академіи.
[5]) Вся записка разбита на отдѣлы, расположенные подъ буквами алфавита.
[6]) «Истина» 70 кн., ст. 33.
[7]) «Истина» кн. 70, ст. 36.
[8]) «Истина» кн. 70, ст. 39.
[9]) «Истина» за 1873 г. кн. 28.
[10]) «Истина» кн. 70, стр. 49—53.
[11]) Ц. О. Вѣст. за 1874 г. № 61 стр. 5.
[12]) Рукоп. Студ. К. Д. А. № 1. Отказъ отъ послѣднихъ чиселъ февраля 1865 г.
[13]) Собраніе мн. и отзыв. т. IV, стр. 311—312.
[14]) Рукоп. Студ. Биб. К. Д. А. № 1-й
[15]) Рукоп. Биб. Студ. К. Д. Акад. № 1-й.
[16]) «Бесѣды» 81—82 стр.
[17]) Собр. мн. и отзыв. т. IV, стр. 346—347.
[18]) Тамъ же, стр. 347.
[19]) Тамъ же.
[20]) Бр. Сл. 1890 г. т. II-й, стр. 374-я и дал.
[21]) Тамъ же, стр. 377 и 378.
[22]) Тамъ же, стр. 378—380.

[23]) Христ. Чт. Февраль и Декабрь 1873 года.
[24]) Приб. къ Твор. Св. Отцевъ за 1889 г. кн. 3, стр. 86.
[25]) Вят. Еп. Вѣдом. 1867 г. № 18, стр. 549.
[26]) Правосл. Обозр. 1888 г. янв. стр. 127.
[27]) «Христ. Чт.», 1870 г. т. I-й, стр. 269.
[28]) Собр. пост. по част. раск. 1860 годъ кн. 2, 754—757 стр.
[29]) Сн. тамъ же стр. 486, 518, 555.
[30]) Христ. Чтеніе 1874 годъ 2 часть, 203—235 стр.
[31]) Собраніе Пост. по части раск. 1860 г. кн. 2, 754—757 стр.
[32]) «Истина» 73 кн. II и дал. стр.
[33]) Опред. Синода отъ 17 іюня 1881 года.
[34]) Ср. Собрн. Постан. по части раск. 1858 г., стр. 151.
[35]) Правосл. Обозр. т. 22, стр. 250—251.
[36]) Христ. Чт. 1870 г. ч. стр, 269.
[37]) Христ. Чт. 1874 г. стр. 40—42.
[38]) Собр. Мн. и Отзыв. т. V, ч. 2, стр. 562.
[39]) Христ. Чт. 1874 года, ч. 2, стр. 230.
[40]) «Русскій Архивъ» 1893 г. кн. 1, стр. 174.
[41]) Собр. мн. и отзв. т. IV, 312.
[42]) Истина, кн. 73.
[43]) Собрн. мн. и отзыв. м. Филар. т. IV, стр. 311—312.
[44]) Тамъ же, стр. 313—313.
[45]) Тамъ же, стр. 386.
[46]) «Соврем. церковн. вопросы» Т. II. Филиппова, стр. 299.
[47]) Газета «Голосъ» за 1872 годъ.
[48]) Это Некрасовскіе казаки, ушедшіе когда-то изъ Россіи въ виду гоненія на старый обрядъ.
[49]) Соврем. вопр. Т. И. Филиппова, стр. 429—430.
[50]) При Москов. Вѣдом. 1870 г. № 33, 21 сентября.
[51]) Собр. мнѣн. и отз. т. IV, стр. 346—47.
[52]) Мнѣніе м. Филарета о письмѣ г. Столыпина и запискѣ о. Саввы «Расколъ въ Уральскомъ войскѣ». Собр. мнѣн. и отз. т. IV, стр. 347.
[53]) Тамъ же, стр. 347.
[54]) Собр. мнѣн. и отз. т. V, ч. 2, стр. 788 и дал.
[55]) Тамъ же, стр. 789.
[56]) Тамъ же, стр. 789 и 790.
[57]) Письмо ихъ къ митрополиту Филарету отъ 27 февраля 1866 г. Тамъ же, стр. 386—390.
[58]) Тамъ же, стр. 388.
[59]) Тамъ же, стр. 389—390.
[60]) Брат. Слов., стр. 391—393.
[61]) Бесѣд. къ глагол. старообр. Изданіе 1844 г., стр. 131.
[62]) Труды Кіевской Дух. Акад. 1881 г., т. III, стр. 24.
[63]) Собр. мн. и от. т. IV, стр. 294.
[64]) Тамъ же, стр. 292.
[65]) Тамъ же т. V, ч. 2, стр. 563.
[66]) Собр. мн. и отз. т. IV, стр. 292—293.
[67]) Письма Антонію т. IV, стр. 137.
[68]) Собр. мн. и отз. т. IV, стр. 306.
[69]) Тамъ же, стр. 294.

[70]) Собр. мн. и отзыв. т. IV, стр. 306.
[71]) Руск. Арх. т. II, стр. 146—153; мнѣнія и отзывы т. V, ч. II, стр. 561—564.
[72]) Архивъ Св. Синода. Дѣло 6-го апр. 1864 г.
[73]) Собр. мн. и отзыв. т. V, ч. II, стр. 561—562, 1867 г.
[74]) Тамъ же, т. V, ч. II, стр. 641—642.
[75]) Тамъ же, стр. 643.
[76]) Тамъ же.
[77]) Тамъ же, стр. 562.
[78]) Тамъ же, стр. 643—644.
[79]) Тамъ же, стр. 644.
[80]) Тамъ же, стр. 562.
[81]) Собр. мн. и отзыв. т. V, ч. II, стр. 564—566.
[82]) Тамъ же, стр. 567.
[83]) Тамъ же, стр. 633.
[84]) Тамъ же, стр. 633.
[85]) Тамъ же, стр. 632—635.
[86]) Тамъ же, стр. 614—616.

VI. ГЛАВА.

[1]) Церк. Общ. Вѣст. за 1877 г., № 127, стр. 1—2.
[2]) «Истина» 73 кн. за 1881 годъ, стр. 5—6 л.
[3]) Тамъ же, 6 л. обор.
[4]) Церк. Общ. Вѣст. за 1878 годъ, № 105.
[5]) Брат. Слово 1886 года, т. I, стр. 583.
[6]) Архивъ Св. Синода, дѣло за 1890 г., № 143.
[7]) Изъ прошенія 4 марта 1878 года.
[8]) Изъ прошенія 28 августа 1878 года.
[9]) Изъ прошенія 1885 года.
[10]) Изъ прошенія 4 марта 1878 года.
[11]) Прош. 26 августа 1878 г.
[12]) Прошеніе 26 августа 1878 года.
[13]) Прош. 1878 года 4 марта.
[14]) Прош. 1877 года.
[15]) Прош. 4 марта 1878 г. § I-й.
[16]) Прош. 1877 года.
[17]) Прош. 1878 года 4 марта.
[18]) Тамъ же.
[19]) Тамъ же, сн. 6 пунктъ прош. 1877 г. 3 августа.
[20]) Прош. 4 марта 1878 г.
[21]) Прош. 1878 г. 4 марта, § 3-й.
[22]) Прош. 1877 г. 3 августа, § 3-й.
[23]) Церк. Общ. Вѣст. 1885 года, № 41.
[24]) См. выше 145—151 стр.
[25]) Истина 1868 г. кн. V, стр. 41—45.
[26]) «Изъясненіе» 4 марта 1886 годъ.
[27]) Тамъ же.
[28]) Тамъ же.

[29]) Прош. 4 марта 1878 г.

[30]) Опредѣл. Св. Синода отъ 8 мая—17 іюня 1881 г., § 7.

[31]) Напечатаны въ Брат. Словѣ 1886 г. I, стр. 501—6.

[32]) Послѣ 1865 года намъ извѣстны раскольническія сочиненія противъ Единовѣрія лишь нынѣшняго царствованія.

[33]) Церков. ист. Евсевія Кесар. (Спб.), кн. V, гл. 24.

[34]) Сочин. Иннок., Арх. Херсон. и Тавр., т. 2-й, стр. 447.

[35]) У Григор. Богослова есть слово «на Богоявленіе или Рождество Спасителя».— Русск. перев., т. 3, изд. 3-е, стр. 193—194.

[36]) Церк. ист. Сократа Схоластика, кн. V, гл. 22, стр. 429—432. Спб. 1850 г.

[37]) Церк. ист. кн. VII, гл. 19, Спб. 1851 г. стр. 517 и дал.

[38]) Кормч. л. 74 обор. и дал.

[39]) Архим. Арсеній въ Лѣтоп. церк. соб. 2 изд., стр. 16; Правосл. Обозр. 1886 г. т. II, стр. 507—509.

[40]) Дѣян. Соб. 1667 г. гл. 10-я; Мат. для ист. Раск. II, 393—394.

[41]) «Сильвестра Медвѣдева извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ» 1888 г., съ предисловіемъ и примѣчаніями Сергѣя Бѣлокурова (Чт. въ Имп. Общ. ист. и древ. Рос., 1885 г. кн. IV, 12 и 13 стр.). Сн. Соч. Н. Ѳ. Каптерева П. Ник. и Царь Алек. Мих. 1909 г., стр. 244.

[42]) Истор. руск. раск., стр. 126, 128. Спб. 1855 г.

[43]) Ист. русск. раск., стр. 129.

[44]) Кондакъ въ Великій Четвергъ.

[45]) Ипакой на Пасху.

[46]) Воспоминается жертвоприношеніе пр. Иліи, когда сшедшій огонь съ неба попалилъ жертву, дрова и воду, какая была налита около жертвенника (3 Царствъ) XVIII, 38)

[47]) I. Верховскій. Его сочиненія. II-й томъ, (стр. 134) г. Лейпцигъ.

[48]) Въ старопечатныхъ—есть и такая форма выраженія: «равный отъ равнаго» но она, какъ и «яковый отъ яковаго» не точна и поситъ оттѣнокъ подобосущія Сына Божія Богу Отцу.

[49]) Проф. Некрасовъ. Его лекціи по литературѣ Греческаго языка.

[50]) Ист. русск. раск., стр. 128.

[51]) Есть старопечатныя книги, гдѣ символъ вѣры въ 8 членѣ читается безъ прилога истиннаго: Б. Катихизисъ 310, 323; Кирил. кн. 551; Мал. Катих. 20 обор.; въ Корм. гл. 18.

[52]) Выписки Озерскаго, изд. 1862 г., 159—165.

[53]) Греческо-русскіе словари Синайскаго и Вейсмана.

[54]) Лекціи проф. Каз. Дух. Акад. А. А. Царевскаго.

[55]) Сербы и до сихъ поръ называютъ Христа Спасителя «Ісусомъ». Проф. А. И. Александровъ.

[56]) § 129-й «Филологическихъ наблюденій» Г. П. Павскаго.

[57]) Тамъ-же, § 99.

[58]) Тамъ же, § 101-й.

[59]) Тамъ же, § 89-й.

[60]) Тамъ же, § 131-й.

[61]) Тамъ же, § 93-й; ср. Лекціи проф. Каз. Д. Акад. Царевскаго «по Палеографіи».

[62]) Тамъ же, § 89-й.

[63]) Тамъ же, § 131-й.

[64]) Богосл. Вѣстн. 1892 г. 1—4 II отд., стр. 500.

[65]) Современные вопросы. Т. И. Филипповъ, стр. 422.

[66]) См. въ «Пидаліонѣ» примѣчаніе къ 19 прав. Лаодикійскаго собора.

[67]) Ефр. Сир. (стар. кн. 102 л., слов. 262-ое), Св. Іоан. Зл. на Матѳ. бес. 54. сн. на I Кор. бесѣд. 12.

[68]) Всѣ эти свидѣтельства приведены у пр. Макарія въ Исторіи т. VIII, стр. 101; привод. отчасти въ стар. книгѣ «Бесѣд. Злат., на Мѳ. бес. 54; Сбор. м. Даніила 4 сл.; Чет.-мин. 8 декабря; Прол. 2 ноября.

[69]) Въ Патрол. Миня 87, стр. 400.

[70]) Соврем. Вопр. Т. И. Филиппова, стр. 415—16.

[71]) Прав. Обозр. 1887 г., № 1, 2, 4 и 12.; см. отд. кн. проф. Н. Ѳ. Каптерева: «Патр. Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ» (стр. 72—91).

[72]) Проф. Голубинскій—Богосл. Вѣстн. 1892 г. 1—4, отд. II, стр. 40.

[73]) Вѣстн. Европы 1895 г. Декабрь, стр. 470—490.

[74]) «Изложеніе вѣры церкви Армянскія» Троицкаго, стр. 193, примѣч.

[75]) Преосв. Макар. въ Истор. VIII, 110.

[76]) Кирилл. л. 236.

[77]) Прав. Соб. 1867 г. 140—165. Житіе Препод. Евфросина, сочин. неизвѣстнымъ ревнителемъ сугубой аллилуіи, не доставило торжества сугубой аллилуіи надъ трегубой, на которое расчитывалъ.

[78]) Прав. Соб. 1866 г., II, 162 стр.

[79]) Собр. лѣтоп. т. VI, стр. 274; ср. «Истинно древняя Церковь» м. Григорія, II, 2 изд., стр. 149—150.

[80]) Послан. Геннадія привед. въ Прав. Соб. 1861 г. кн. I-я.

[81]) Разумѣются свидѣт. Андрея Кессар. (56 гл. Толк. Апок.), Германа Патр. Константинопол. первой полов. VIII в. и Феофана Начертаннаго первой полов. IX в. (Прав. Соб. 1866 г. кн. II, стр. 145 и 165).

[82]) Прибавл. къ твор. Св. Отцевъ 1880 г. ч. 26, стр. 1017.

[83]) По Почаевскому изд. 1795 г., лл. 2 и 3.

[84]) Прибавл. къ творен. Св. От. 1880 г. кн. 26, стр. 1017. По 309 гл. кн. Сим. Солунскаго сугубая аллилуіа знаменуетъ 1-и 2 пришествіе Христа Спасителя.

[85]) Проф. Е. Е. Голубинскій. Богословскій Вѣстникъ 1892 г., ст. «Къ нашей полемикѣ со Старообрядцами».

[86]) Въ греческ. подлинникѣ Никоновск. скрижали, напечат. въ 1574 г., не пять, а четыре просфоры—см. Богосл. вѣстн. 1892 г. 1—4, отд. II, 499 стр.

[87]) Проскинитарій, изд. въ 1870 г. Казань.

[88]) Тоже самое замѣчается въ Номоканонѣ (патр. Іосиф. л. 726 об.).

[89]) Рукопись Соловец. библ. № 745, содерж. правила Мѳ. Властаря (XIV) л. 288.

[90]) «Свидѣтельств. Номоканона о количеств. просфоръ» іером. Филарета.

[91]) Солов. библ. при Каз. Дух. Ак. № 1131, Служебн. лл. 33—36.

[92]) Ист. Русск. Церкви—Голубинскаго т. I, отд. 2, 310 стр.

[93]) Проф. Голубинскій, Богосл. вѣстн. 1892 г.

[94]) Потребникъ старописьменный XV в., находящійся въ Сѵнодальной библіотекѣ № 307. Въ этомъ служебникѣ сказано: «обращается священникъ съ нимъ (брачущимся женихомъ) надесно, т. е. при окончаніи обхожденія женихъ ставится направо, какъ былъ прежде. Если бы тутъ говорилось о противосолонномъ хожденіи, тогда было бы сказано: обращается священникъ съ ними.

[95]) Неизданныя его сочиненія. Рук. Биб. Ст. К. Д. Ак. № 2.

[96]) Потреб. м. Филарета, гл. 69 л. 3 об.

[97]) Какъ это дѣлаютъ, напр.: авторъ статьи «Нѣсколько словъ для объясненія недоразумѣній относительно единовѣрія и раскола» Правосл. Обозр. 1867 г., Февр. стр. 245—

265; авторъ «Сообщенія изъ Вятки» 1869 г., Моск. Вѣд. № 123 и апологетъ послѣдняго проф. П. Ѳ. Нильскій (Христ. Чтен. 1870 г., стр. 76—82).

[98]) 16 пунктъ Правилъ Единовѣрія.

[99]) Синодальныя постановленія, 8 мая—17 іюня 1881 и 4 марта 1886 гг.

VII. ГЛАВА.

[1]) «Церк. Вѣд.», 1906, стр. 993.

[2]) «Церк. Вѣд»., 1906, стр. 993.

[3]) «Истина», кн. 70, стр. 49.

[4]) «Церк. Вѣд»., 1908, 1577—78 стр.

[5]) Дѣянія 3-го Всерос. Мис. Съѣзда, 224 стр.

[6]) «Церк. Вѣд.», 1908, 1741 стр.

[7]) «Церк. Вѣд.», 1906 г. 495 стр.

[8]) «Церк. Вѣд.», 1908, 1741 стр.

[9]) Дѣянія этого съѣзда, 224 стр.

[10]) «Церк. Вѣдом.» 1906 г. 995 и «Церк. Вѣд.», 1908, 1741 стр.

[11]) Тамъ же, 1578 стр.

[12]) «Церк. Вѣд.», 1906, 995 стр.

[13]) Правда Правосл. 1908 № 8, ст. свящ. І. Чередникова.

[14]) Церк. Вѣд. 1906, стр. 994.

[15]) Церк. Вѣд. 1906 г. стр. 994,

[16]) Дѣян. 3 Мис. Съѣзда, 82 стр.

[17]) «Церк. Вѣд.», 1906 г., стр. 994.

[18]) «Церк. Вѣд.», 1908 г., стр. 1575.

[19]) «Церк. Вѣд.», 1906 г. стр. 997 «Церк. Вѣд.», 1908, стр. 1575.

[20]) «Церк. Вѣд.», 1906 г., стр. 997.

[21]) «Церк. Вѣд.», 1908 г.. стр. 1575.

[22]) «Церк. Вѣд.» 1906 г., стр. 997.

[23]) «Церк. Вѣд.», 1908 г., стр. 1575.

[24]) «Церк. Вѣд.», 1908 г., стр. 1575.

[25]) «Правда Правосл.», 1908 г. № 20, стр. 6—7.

[26]) «Церк. Вѣд». 1906 г., стр. 994.

[27]) «Церк. Вѣд.» 1908 г., стр. 1575.

[28]) Тамъ же, стр. 1570.

[29]) «Церк. Вѣд.» 1908 г., стр. 1570, 1575—5.

[30]) «Вят. Еп. Вѣд.», 1907 г., № 47.

[31]) Правда Правосл. 1908 г. № 14.

[32]) Ibid., № 1-й, стр. 2—3.

[33]) «Церк. Вѣд.». 1906 г., стр. 1001.

[34]) «Церк. Вѣд.», 1908 г. 1570—71 стр.

[35]) «Церк. Вѣд.» 1906 г., стр. 955—96:

[36]) «Мис. Обозр.», 1905 г., стр. 825.

[37]) См. «Правда Правосл.», 1906 г., № 10, стр. 12,

[38]) «Правд. Правосл.» 1906 г., № 11, стр. 14.

[39]) Ibid., стр. 15.

[40]) Ibid., стр. 15.

[41]) Ibid., стр. 15—16.

[42]) «Глаголъ Временъ», № 12, стр. 11.
[43]) Ibid., стр. 12.
[44]) «Глаголъ Временъ» № 12, стр. 12—13.
[45]) Ibid., стр. 13.
[46]) Глаголъ Временъ, № 14, стр. 13.
[47]) Ibid, стр. 13. [48]) Ibid, стр. 13—15.
[49]) Глаголъ Временъ, № 15, стр. 12—13.
[50]) «Правда Правосл.» за 1907 г. № 1, стр. 14—15.
[51]) Ibid., стр. 15.
[52]) Подписи рукъ съ приложеніемъ церковной печати удостовѣрилъ Благочинный единовѣрческихъ церквей Протоіерей Іоаннъ Звѣздинскій.
[53]) Нотаріальная копія съ приговора имѣется у автора.
[54]) Нотар. копія, имѣющаяся у автора.
[55]) Всѣ 120 пригов. въ нотаріальныхъ копіяхъ имѣются у автора.
[56]) «Мис. Обоз.», 1905, № 10 стр. 42.
[57]) Ibid., 1905 г., № 11, стр. 228.
[58]) «Мис. Обоз.», 1905 г., № 61, стр. 231 и дал.
[59]) «Мис. Обоз.», 1905, № 11, стр. 231.
[60]) «Мис. Обоз.», 1905 г., № 11, стр. 234, 35.
[61]) Мис. Обоз. за 1905 г., № 16, стр. 824.
[62]) Ibid., 825.
[63]) Ibid., 826.
[64]) Мис. Обоз. 1905 г., 826.
[65]) Мис. Обоз. 1905 г. № 16, стр. 836.
[66]) «Прав. Правос.», 1906 г., № 7, стр. 4—9.
[67]) «Мис. Обозр.» 1905, № 16, 827.
[68]) Смотр. Москов. прошеніе, составленное г. Сенатовымъ, нами выше помѣщенное.
[69]) Копіи съ этихъ прошеній имѣются у автора.
[70]) Единовѣрцы—не «австрійцы». Они уважаютъ еще каноны. Прим. автора.
[71]) Церков. Вѣд. 1906 г., стр. 999—1000.
[72]) Ibid., стр. 1000.
[73]) Ibid., 1587.
[74]) Ibid., стр. 1000.
[75]) Церк. Вѣд. 1906 г., стр. 1000.
[76]) См. ст. проф. Н. И. Ивановскаго Мис. Обоз. 1906 г. кн. 7—8.
[77]) Напечатано въ 1905 г. въ г. Архангельскѣ.
[78]) Мис. обоз. 1906, № 7, 42 стр.
[79]) «Правда Православія» 1906 г. № 2, стр. 6.
[80]) «Мис. Обоз.», 1906, № 7, стр. 92.
[81]) Правда Православія 1906 годъ № 2, стр. 7.
[82]) Мис. Обоз. 1906, № 7, стр. 93.
[83]) Прав. Прав. 1906, № 2, стр. 7.
[84]) Мис. Обозр. 1906, № 7—8, стр. 96.
[85]) Ibid., стр. 96.
[86]) Ibid., 102 стр.
[87]) Мис. обоз. № 8., стр. 95.
[88]) Полн. Корм. Прав. Всел. Соб., 195 стр.
[89]) Глаголъ Временъ=единовѣрческій журналъ 1906, г. № 13, стр. 5.
[90]) Мис. обоз. 1906 г. № 7—8, стр. 96.

[91]) Правосл. Путеводитель 1906 г. № 16, 332 стр.
[92]) Мисс. Обозр. 1906 г., № 7—8, стр. 95.
[93]) Газ. «Колоколъ» 1906, 24 марта.
[94]) Мис. обоз. 1906 г., № 7—8, стр. 101.
[95]) Сочиненіе проф. Соколова, Константинопольская Церковь въ XIX в. 246 стр.
[96]) Указъ Св. Синода за № 719 отъ 20 января 1907 года, имѣющійся при дѣлахъ Никольской Единовѣрческой церкви г. С.-Петербурга.
[97]) Правосл. Собесѣд. 1906 г. стр. 636.
[98]) «Глаголъ Временъ» № 13.
[99]) Церк. Вѣд. 1908 г. стр. 1692—93.
[100]) Ibid., стр. 1691, 1695, 1696 и дал.
[101]) Ibid., стр. 1695.
[102]) Ibid., стр. 1691.
[103]) Церк. Вѣд. 1908 г., стр. 1692.
[104]) Ibid., стр. 1698.
[105]) Правда Правосл., 1908 г. № 28, стр. 1—3.
[106]) Церк. Вѣд. 1908 г., стр. 1698.
[107]) Ibid., стр. 1694—1696.
[108]) «Церк. Вѣд.» 1908 г. № 48.
[109]) «Изъясненіе» 4 марта 1886 г.
[110]) «Дѣянія 3-го Всероссійскаго Мис. Съѣзда. Изд. В. М. Скворцова, стр. 194.
[111]) Подр. см. его статью: «Старообрядчество и расколъ» I томъ сочин. 34—63 стр.
[112]) Бесѣда автора въ Уфимской губ. (Мис. Обозр. 1904 года).
[113]) Мат. для истор. Рас. т. 6. 121 стр. 107—108 стр. и т. д.
[114]) Дѣяніе Казан. соб. Пастырское воззваніе, 4 п.
[115]) «Ист. Русск. Церкви, стр. 218, т. 12.
[116]) Іоанн. Злат. прот. Іудеев. сл. 3. Спб. 1895 г., т. 1-й, стр. 667—668.
[117]) Прав. Всел. Соб. изд. Моск. общ. люб. дух. просв., стр. 501.
[118]) Церк. Ист. Евс. кн. V, гл. 24, изд. Спб. Акад., см. также кн. о Вѣрѣ гл. 22, л. 199-й.
[119]) Соборн. изложк., прокл. 36-е.
[120]) Тамъ же, прокл. 8-е.
[121]) Скрижаль. Стр. 796-я.
[122]) Розыскъ. Ч. 2, гл. 26. 1803 г. Москва, л. 188.
[123]) Игнат. Митр. Сиб. и Тоб. посл. 3. гл. 19, 20; изд. 1857 г.
[124]) Тамъ же, посл. 3-е гл. 31, 32.
[125]) Тамъ же, посл. 2-е, гл. 22; ср. посл. 3-е гл. 24.
[126]) — стр. 3-я; ср. 12, 15, 13, 14 и 58-ю.
[127]) Розыскъ ч. I, гл. 4.
[128]) Тамъ же, ч. II, гл. 24.
[129]) Тамъ же.
[130]) Гл. I-я, л. 4-й по изд. 1745 г.
[131]) Тамъ же, гл. I-я, разсужденіе 6-е.
[132]) Собр. Мн. и Отзыв. М. Филарета т. IV, стр. 311—12.
[133]) Цер. Вѣд. 1906, стр. 2005.
[134]) Цер. Вѣд. 1906, стр. 1585—7.
[135]) «Правда Православія» 1908 г., № 23, 13 стр.
[136]) «Правда Православія» 1908 г. № 30—31 11—12 стр.
[137]) Церков. Вѣд. 1908 г., стр. 1740.
[138]) Ibid., стр. 1740.

[139]) Мисс. Обозр. 1910 г., 40—42 стр.
[140]) Ibid., 222—227 стр.
[141]) Ibid., 230—31 стр.
[142]) Ibid., 227—230 стр.
[143]) Ibid., 16 стр.
[144]) Патр. Никонъ и Царь Ал. Мих. Проф. Н. Ф. Каптер. I, 159.
[145]) Патр. Никонъ и Царь Ал. Мих. Проф. Н. Ф. Каптеревъ т. I, стр. 166 и далѣе 175 стр.
[146]) Ibid., 192—193 стр., 203 стр. и далѣе.
[147]) Дѣян. Соб. 1667, прав. 26.
[148]) Мат. для Ист. раск. I, 157.
[149]) Тамъ же, VI т., 235, 247).
[150]) Патр. Никонъ и Царь Ал. Мих. Проф. Каптер. т. I, 153—155 стр.
[151]) Пут. п. Макарія вып. III, 137 стр.
[152]) Мат. для Ист. Раск. I, 157; VI, 150.
[153]) Патр. Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ, проф. Каптеревъ 1 т., 204—207 и 219 и дал.
[154]) Ист. Рус. Раскола. Мак., стр. 168.
[155]) Мат. для Ист. Раск. I, стр. 106, 54).
[156]) Мат. для Ист. Рас. VI т.
[157]) Мис. Обозр. 1910 г., 229 стр.
[158]) Скриж. «Слово Отвѣщ». (листъ 15 обор.).
[159]) Отвѣты на пять вопросовъ стр. 87.
[160]) Соврем. Вопросы Т. И. Филиппова, 389 стр.
[161]) Церков. Вѣд. 1908 г. № 36.
[162]) Мис. Обоз. 1910 г. кн. I. 36—38 стр.
[163]) «Церковь» 1908 г. № 20, стр. 710.
[164]) Мисс. Обоз. 1910 г. I кн. стр. 38.
[165]) Изображ. Един. цер. Скачкова (Ист. Очер. Един. 148—149; Записка Силуана 1840 г.—сбор. Кельсіева вып. I, 172—173).
[166]) Сбор. Прот. Любит. Дух. Просв. Спб. отд. 1873 г. стр. 315; Письмо м. Платона къ Арх. Амвросію Подобѣдову—Правосл. Обозр. 1869 г. Августъ и пр.
[167]) Акты Собора 1666 г. Матер. для Исторіи раск. т. II, стр. 112; Ист. Росс. Соловьева т. XII, стр. 216.
[168]) Тамъ же, стр. 121—124.
[169]) Матѳ. XVIII, 17.
[170]) Акты Соб., стр. 112; ср. 143 и 218—220 и Кирил. кн., л. 483 обор. и 484-й; ср. Твор. св. Ефрема «Завѣщаніе».
[171]) Акты Собора «Изрѣченіе», Мат. для Исторіи Раскол. II кн., стр. 214, 219, 274—275, 276.
[172]) «Изъясненіе» Св. Синода 4 Марта 1886 года, стр. 9—10, прил. къ Церков. Вѣдом. № 13-й.
[173]) На Матѳ. бес. 39.
[174]) Это видно изъ всѣхъ дѣяній Вселен. и помѣстн. соборовъ Церкви.
[175]) Акты Соб. 1666 г. Мат. для Истор. Раск. II, стр. 112; ср. Ист. Рос. Соловьева т. XIII, стр. 216.
[176]) Тамъ же, ср. Акт. Соб. 1667 г. стр. 212—211.
[177]) Акты Соб. 1667 г. стр. 220; ср. 213, 214, 218 стр.
[178]) Тамъ же, стр. 214.
[179]) Акты Соб. 1667 г., стр. 214—218.

[180]) Тамъ же, стр. 204.
[181]) Тамъ же, стр. 267—272.
[182]) Акты Собор. 1667 г. стр. 213—214, 218—219.
[183]) Акты Соб. 1667 г., стр. 214—218.
[184]) Дѣян. V Всел. Соб., стр. 418, 446, Казань, 1875 г.
[185]) Акты Соб. «Изречен.» Мат. для Ист. раск. II, стр. 214—219.
[186]) Тамъ же, стр. 247—275, 276.
[187]) Дѣло патр. Никона, Субб., 248. Моск. 1862 г.
[188]) Ср. мн. Іоан. Златоуста (Русс. перев. слова, т. III, стр. 493).
[189]) Твор. Св. Григорія, ч. VI, стр. 62.
[190]) Срав. 40 Апостол. Прав.
[191]) VI Всел. 66; Лаод. 16—19, 59, 25; IV Всел. Соб. 2, 15; I Всел. 8 прав.
[192]) Потреб. П. Іосифа Л. 665.
[193]) Прав. помѣстн. Собор. съ толк. (изд. об. люб. дух. просв.), стр. 106 я.
[194]) Рукоп. Каз. дух. Ак. № 745, л. 7-й.
[195]) 101 пр. VI Всел. Соб. толк. Арист. и Вальс. (изд. об. люб. д. просв. 1880 г., стр. 768—771.
[196]) Прав. Всел. Соб. (изд. об. люб. дух. просв. 1880 г.), стр. 771.
[197]) Мар. и кн. о Вѣрѣ, л. 19-й.
[198]) Что клятвы полож. за содер. стар. об.,—въ этомъ убѣжд. было большинство Московскаго духовен. начала XIX столѣт. (проток. люб. дух. просв. 1872—73 г., стр. 315). Преосв. Игнатій Олонец. (истор. раск., 221, 2-е изд.); преосв. Макарій Литов. (проток. люб. дух. просв. 1872—73 г., стр. 316); проф. Нильскій (Христ. чтен. 1870 г., стр. 781—784).
[199]) Мис. Обозр. 1904 г.
[200]) Газета «Разсвѣтъ» 1905 г., № 166.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Введеніе . . . . . 1 — 3

I глава.

Начало условнаго возсоединенія старообрядцевъ съ Церковью . . . . . 4 — 6
Первоначальное отношеніе духовной и свѣтской власти къ условному возсоединенію старообрядцевъ съ Церковью . . . . . 6 — 11
Случайный характеръ первоначальнаго Единовѣрія . . . . . 11 — 13

II глава.

Стародубское согласіе . . . . . 14 — 20
Пункты инока Никодима . . . . . 20 — 26
Условное единеніе старообрядцевъ съ Церковью по понятіямъ Русской Духовной власти второй половины XVIII столѣтія . . . . . 26 — 34
Греческій архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки, какъ апологетъ Единовѣрія . . 34 — 37
Цѣль Единовѣрія по сознанію представителей Русской Церкви второй половины XVIII вѣка . . . . . 38 — 44

III глава.

Единовѣріе 1800 г. . . . . 45 — 53
Пункты условнаго соединенія Московскихъ старообрядцевъ съ Русской Церковью и замѣчанія на нихъ митрополита Платона (Правила Единовѣрія) . . . . . 53 — 59
Условія Московскихъ соединенцевъ 1800 г., и ихъ сходство съ пунктами инока Никодима и Нижегородскихъ старообрядцевъ . . . . . 60 — 64
Отвѣты митрополита Платона на пункты единовѣрцевъ . . . . . 64 — 70
Истинное значеніе единовѣрческихъ правилъ 1800 г. . . . . 70 — 77

IV глава.

Единовѣріе послѣ 1800 года. Недовѣрчивое отношеніе къ нему представителей Православія . . . . . 78 — 82
Ревнивое обереганіе Святѣйшимъ Сунодомъ пунктовъ м. Платона . . . . . 82 — 91

Страницы.

Осторожность единовѣрцевъ въ дѣлѣ общенія съ Великороссійскою Церковью. 91 — 98
Опасеніе единовѣрцевъ за свои старые обряды . . . . . 98—103
Характеръ отношенія свѣтскаго Правительства къ Единовѣрію въ царствованіе Александра I и Николая I и послѣдствія онаго . . . . . 104—109
Прежній способъ обращенія въ Единовѣріе . . . . . 109—112
Послѣдствія насильственнаго обращенія въ Единовѣріе . . . . . 112—115

V глава.

Единовѣріе въ царствованіе Государя Александра II-го . . . . . 116—118
Ходатайство единовѣрцевъ о всестарообрядческой іерархіи . . . . . 118—124
Ходатайство единовѣрцевъ объ уничтоженіи клятвъ и порицаній на старые обряды . . . . . 124—132
Церковный взглядъ на Единовѣріе въ 60—70 годахъ прошлаго столѣтія . . 132—140
Мѣропріятія церковной власти въ разрѣшеніи вопросовъ касательно клятвъ и жестокословныхъ порицаній . . . . . 140—151
Отношеніе церковной власти къ единовѣрческому епископату . . . . . 151—160

VI глава.

Нужды Единовѣрія въ царствованіе Александра III-го . . . . . 161—173
Дополненія правилъ Единовѣрія 1800 г. . . . . 173—186
Точка зрѣнія нѣкоторыхъ представителей Православія и Единовѣрія на разнообрядіе . . . . . 186—204

VII глава.

Единовѣріе въ наши дни . . . . . 205—207
Равночестность Единовѣрія съ Православіемъ . . . . . 207—231
Современное ходатайство единовѣрцевъ объ епископѣ . . . . . 231—275
Отклики на единовѣрческое ходатайство объ епископѣ . . . . . 275—300
Опредѣленія VI Отдѣла Предсоборнаго Присутствія, III и IV Всероссійскихъ Миссіонерскихъ Съѣздовъ по дѣлу разъясненія и отмѣны клятвъ Московскихъ соборовъ и жестокословныхъ порицаній . . . . . 301—335

Заключеніе . . . . . 336—344

I Примѣчанія . . . . . 345—361